

П. А. К у л и ш ъ.

ОТПАДЕНИЕ МАЛОРОССИИ

О ТЪ

П О Л Ь Ш И

(1340—1654).

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ТРЕТИЙ.

МОСКВА.

Университетская типография, Страстной бульваръ.

1889.

Изъ „Чтений въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскому Университетѣ“.

Глава XXI.

Совѣщанія пановъ о спасеніи отечества.—Выборъ боевой позиціи подъ Збара-
жемъ.—Козаки и Татары осаждаютъ панское войско.—Переговоры представителя
козаковъ съ представителемъ шляхты.—Козацкое искусство маскировать военные
дѣйствія.—Король идетъ къ осажденнымъ на выручку.

Король совѣтовался съ панами рады въ обстоятельствахъ, какъ
выражались его совѣтники, „чреватыхъ опасностю (*in praeognanti Re-
publicae periculo*)“. Со стороны Москвы не представлялось никакой
опасности, но было страшно Венгрии и Шведовъ, да еще пугала па-
новъ мѣстная, то-есть католическая чернь, какъ бы она не поддалась
внушеніямъ своевольниковъ и не взбунтовалась подобно чернѣ схиз-
матической. (*Zeby plebs tutejsza, chwyciwszy się jakich licentiosos,
nie udala się także do rebeliéj*). Находили полезнымъ отправить по-
сольство къ „турецкому императору“ и къ хану; но гдѣ взять денегъ?
Отвѣтомъ на этотъ вопросъ было рѣшеніе эксплоататоровъ государ-
ства: отложить посольство до сейма, который назначенъ на 22 ноября.

Междѣ тѣмъ было известно и тутъ же заявлено отъ имени ко-
роля, что люди, назначенные прежде въ эти посольства, не двину-
лись изъ дома, однакожъ деньги на поѣздку получили (*a pieniądze Rzplitej pobrali*).

Расхватывая изъ рукъ у короля государственный имущество, а
у своего Шляхетскаго Народа собираемыя съ него деньги, равно
какъ и доходы съ городовъ, паны сами устраивали Польшѣ руину,
которая постигла бы ее и безъ козакотатарского нашествія.

Теперь представлялось два способа счасти отечество: или по-
средствомъ *промежаю*, иначе *платного* жолнера, или посредствомъ
поголовнаго вооруженія шляхты, иначе посполитаго рушенія. Первый
способъ находилъ болѣе дѣйствительнымъ даже оракулъ панскаго
кункторства, Кисѣль; но паны, по его словамъ, не хотѣли прибѣг-
нуть къ мѣрамъ чрезвычайнымъ, были скучны на пожертвованія; и по-

тому оставался только второй, опасный, по его мнѣнію, способъ. Третьяго не было (*non datur tertium*), по словамъ Киселя. „Бывали далеко маловажнѣйшіе случаи“ (писалъ онъ къ Оссолинскому отъ 23 (13) іюля), „когда духовные и свѣтскіе паны въ нѣсколько недѣль со-зидали своими пожертвованіями войско. Теперь, когда погибла половина Рѣчи Посполитой, когда дѣло идетъ объ ея остаткѣ и вмѣстѣ съ нимъ о королевской коронѣ, они едва были въ состояніи поставить передъ непріятелемъ 9 или 10 тысячъ. Но мы были бы несправедливы къ Господу Богу, когда бы назвали себя такими убогими, чтобы насть не хватило на жолнера. За исключеніемъ тѣхъ, которые ничего уже не имѣютъ въ отчизнѣ, у насъ, по милости Божіей, мно-гие обладаютъ средствами (*plurimi pollent facultatibus*) къ спасенію отечества“.

Одинъ изъ членовъ королевской рады совѣтовалъ назначить одно-го гетмана: ибо не слыхалъ онъ, чтобы гдѣ-либо на свѣтѣ было три гетмана. По крайней мѣрѣ (говорилъ онъ) деньги на непредвидимыя издержки (*propter secretum bellici consilii*) надобно вручить одному, а не двоимъ, или троимъ. Но паны не довѣряли взаимно своей чест-ности, и полагали, что между шестью глазъ не такъ будетъ, чтѣ называется, шито и крыто.

Такъ какъ въ государственномъ совѣтѣ засѣдало шесть биску-повъ, которые первенствовали передъ сенаторами свѣтскими, то ко-роль въ рѣшеніи вопроса о походѣ обѣщалъ просить вдохновенія (*prosić o natchnienie*) у Господа Бога, или какъ это объявилъ онъ потомъ—выступить въ день своего патрона, Св. Яна.

Въ такихъ совѣщеніяхъ уплыла цѣлая недѣля, а между тѣмъ полученный изъ Украины и отъ Киселя изъ Гощи письма возвѣщали близкую грозу.

Не смотря на унизительный пріемъ королевскихъ комиссаровъ со стороны Хмеля, Янъ Казимиръ отправилъ къ нему секретаря це-реяславской комиссіи, Смѣровскаго.

Иначе относился къ бунтовщику Шляхетскій Народъ, каковъ бы ни былъ онъ,—не такъ какъ „возвышенный духъ и благородный умъ“ избранникъ правительствующихъ пановъ. Его взглядъ на Хмель-ницкаго сохранился въ популярномъ тогда и сохраненномъ для по-томства стихотвореніи, въ которомъ говорится, что легче было бы терпѣть „вѣчный и невознаградимый срамъ отъ иноземнаго непріяте-ля, чѣмъ отъ такого презрѣннаго сора, какъ Хмѣль, и это да бли-зость Польши въ порабощенію хлопами всего болынѣе для нації“.

Snaćby znosniejsza od nieprzyjaciela
 Poniść szwank taki; ale, że od Chmiela
 Śmieci wzgardzonej,—to najwięcej boli,
 To, że i chłopskié blizcyśmy niewoli.

Смяровскій выѣхалъ изъ Варшавы подъ хорошимъ предзнаменованіемъ,—въ день Благовѣщенія Пресвятой Дѣви Маріи (*in ipso die Annuntiationis B. V. Mariae*), но, по причинѣ опасностей и дурной дороги, достигъ Чигиринъ едва въ три недѣли. Хмельницкій былъ далеко надменнѣе (*daleko większѣj nadetości*), нежели во время Переяславской комиссіи. Принялъ онъ королевскаго посла самымъ недостойнымъ образомъ (*indignissime go excepit*),—какъ послѣдняго музыката (*vilissimum de plebe hominem*). Когда подали Хмелю королевскій листъ, онъ швырнулъ его писарю черезъ столъ, такъ что листъ упалъ на землю (*aż na ziemie upadł*). Въ то же самое время принималъ онъ (писаль Смяровскій) московскаго и венгерскаго пословъ торжественно (*rompatice*), съ кавалькадой, съ военной музыкой, и носился слухъ (распущенный самимъ Хмельницкимъ), что Москва дала ему 20.000 своего войска. У Смяровскаго были отобраны всѣ кони, а челядь его была изрублена. Но при этомъ Смяровскій—что весьма характеристично—нашелъ себѣ двухъ покровителей между козаками, да еще такихъ, которые сообщали ему копіи писемъ своего гетмана къ султану-галгѣ, къ Періашъ-агѣ, Карапъ-мурзѣ, и помогали доставлять его депеши въ Варшаву. Скоро, однакожъ, Варшава узнала, что онъ погибъ жертвою своей ловкости. Козацкій Батько не нашелъ другаго средства обезпечить свои секреты въ предательской средѣ своей, какъ истребить соблазнителя.

Памятникомъ существованія Смяровскаго осталось поздно высказанное имъ убѣжденіе,—что тотъ быль бы глупъ, кто бы осмѣлился щѣхать въ это пекло (*kto by się w to piekło odważył!*): „ибо колеса уже таѣтъ разбѣжались, что каждый долженъ здѣсь погибнуть“. И его собственной прїездѣ удивилъ Хмельницкаго, потому что чернь была крайне раздражена потерю Бара и битвой подъ Межибожемъ, а самъ онъ (доносиль Смяровскій) „только и дышетъ, что яростью да местью (*on sam intus nisi furor et vindictam spirat*)“.

По словамъ Смяровскаго, Хмельницкій ежедневно и ежечасно перемѣнялъ свои мысли (*in dies et horas singulas mutatur*). Если иногда подавалъ нѣкоторую надежду на миръ, то черезъ часъ дѣжался такъ непохожъ на самого себя, какъ непохожа ночь на день (*w godzinie odmieni się jako noc ode dnia*).

Послѣднее извѣстіе пана Смяровскаго было таково: что, по словамъ Хмельницкаго, миръ невозможенъ, а должна стѣна удариться объ стѣну, и одна—обвалиться, а другая—остаться (*aż się ściana z ścianą uderzy, a jedna się obali, druga zostanie*)¹. Онъ звалъ къ себѣ Татаръ не только на добычу, но и на то, чтобы „до конца выгубить поколѣніе и имя ляшеское“.

Пугали Польшу и вѣсти, полученные изъ Подольскаго Камянца. Оттуда Каменецкій каштелянъ, Станиславъ Лянцкоронскій, писалъ Оссолинскому, что Хмельницкій прислалъ Туркамъ черезъ Татаръ вѣчное подданство, съ тѣмъ, что онъ побусурманится со всѣми козаками, лишь бы только помогли ему истребить польское имя. Татары и Греки представляли Туркамъ, что Хмельницкій завоевалъ уже Польшу по Бѣлую Воду; за Бѣлой Водой осталось Польши только немножко: онъ хочетъ завоевать въ этомъ году и остатокъ.

Подъ вліяніемъ страха, бискупы-сенаторы говорили въ государственномъ совѣтѣ: „Напрасно думаютъ, что король его милость идетъ воевать съ холопами: это не хлопы, а воины, страшные самому цесарю оттоманскому“.—„Не за подданство уже теперь воевать намъ“ (прибавляли другіе), „а за Божію кривду, за святый сакраментъ, за костелы“, и, забывая, что сами съ папою да съ іезуитами вадѣлали жару, норовили загребать его чужими руками. „Добрый кавалеръ“ (говорили бискупы) „не спрашивается, сколько непріятеля и какой непріятель, а спрашивается: гдѣ онъ? (*qualis sit et quis sit, sed ubi est*)“?

Тутъ же патріоты, желавшіе, чтобы жолнеръ воевалъ за нихъ въ долгъ, разсказывали, какое множество невольниковъ навезли Татары въ Царьградъ сушей и моремъ: за одинъ де лукъ или за десятокъ стрѣль даютъ плѣнника; а плѣнниками были не только богоненавистные схизматики, не только богоугодные католики, но и тѣ, которыхъ молитвы властны освободить грѣшники изъ чистилища: видали въ Царьградѣ и на невольничихъ рынкахъ каплановъ, которые внушиали своимъ зрителямъ состраданіе больше всего тѣмъ, что „привыкли ко всевозможнымъ удобствамъ жизни“.

Много было новостей, занимавшихъ членовъ королевской рады, но все до одной были печального свойства. Напримѣръ: изъ Турціи такъ идутъ къ Хмельницкому, что подъ Добруджей и Болгарами ни въ одномъ селѣ не осталось ни одного хозяина: все пошло въ Орду противъ Ляховъ, и жители обоихъ береговъ Дуная двинулись по-головно въ козацкія купы; а одинъ шпіонъ доносилъ изъ Украины, что Хмѣль смѣнилъ многихъ полковниковъ, узнавъ отъ ворожки, что

имъ не будетъ уже „счастить козацкая доля“. Себя онъ считалъ *фортунильшимъ*.

Когда наступила Зеленая Недѣля, послѣдній срокъ заключеннаго въ Переяславѣ перемирія съ козаками, король повелѣлъ своему тріумвирату соединить войско и приблизиться къ непріятельскимъ замышламъ, не ожидая соединенія Хмеля съ ханомъ. Тремя полководцами у него, какъ уже сказано выше, были: Андрей изъ Дубровицы, Фирлей, старый воинъ и опытный вождь, но постоянно хворавшій и дряхлый, Станиславъ Лянцкоронскій, отважный боецъ, какъ и его дѣдъ, предводительствовавшій неомужичеными еще козаками, но плохой полководецъ, и графъ Николай Остророгъ, охарактеризовавшій себя готовностью отаться на милость пилявецкимъ героямъ, козакамъ и Татарамъ. Достойно, однако же, замѣчанія, что генераль, вообразившій послѣ пилявецкой паники все потеряннымъ, начальствовалъ подъ Пилявдами авангардомъ дѣйствующей арміи. Еще замѣчательнѣе, что при составленіи повторенного тріумвирата, не могли никакъ замѣнить его; а всего замѣчательнѣе, что въ новой кампаніи Остророгъ вѣль себя, если не прямымъ героемъ, то и не слабодушнымъ воиномъ.

Фирлей съ своей стороны показалъ, что въ его немощномъ тѣлѣ работалъ духъ бодрый. Онъ, вмѣстѣ съ Лянцкоронскимъ, выбралъ позицію для генерального лагеря весьма удачно и защищалъ ее съ великимъ искусствомъ. Король и коронный канцлеръ указывали имъ на Новый Константиновъ; но Остророгъ, въ письмѣ изъ-подъ Збаража, отъ 3 іюля, оправдывалъ сдѣланный его товарищами выборъ разумными соображеніями, и этимъ доказалъ, что князь Вишневецкій не напрасно поднялъ его во Львовѣ изъ упадка.

Занявъ боевую позицію, тріумвиры нашли необходимымъ опереться на мужество, популярность и боевые средства Вишневецкаго, у котораго, къ удовольствію мудраго на всякое зло Хмеля, Янъ Казимиръ взялъ изъ рукъ булаву, вѣренную ему тѣми людьми, которые оказались мужественнѣе гетмановъ, назначенныхъ сеймомъ. Естественно, что Вишневецкій, за этотъ глупый и наглый поступокъ, воспыпалъ презрительнымъ негодованіемъ и къ самому королю, и къ его совѣтникамъ. Сперва онъ рѣшился было не вмѣшиваться въ толпу людей, которыхъ, очевидно, судьба обрекла на погибель, такъ какъ они потеряли общій человѣческий смыслъ. Потомъ ему стало жаль своей семьи, своихъ вѣрныхъ слугъ-сортниковъ, и, можетъ быть, своей славы, неразлучной со славой падающаго уже отечества. Онъ созвалъ подъ свой щитъ, кого могъ, и держался въ полѣ особнякомъ, подобно

тѣмъ „безупречнымъ и знаменитымъ Геркулесамъ“, которые „стояли на границахъ, какъ мужественные львы, и жаждали только кровавой бесѣды съ невѣрными“. Къ нему присоединился племянникъ его, носившій имя славнаго Димитрія Вишневецкаго Байды, и бывшій сооперникъ его въ колонизаціонной борбѣ за Хороль и Гадячъ, Александръ Конецпольскій. Ему ввѣрилъ свое ополченіе и князь Доминикъ Заславскій, а братъ его Гризельды, молодой Янъ Замойскій, находясь подъ его опекой, былъ естественнымъ его союзникомъ. „Поднимается страшная буря, наступаютъ времена роковыя“ (писалъ князь Іеремія въ универсаль къ шляхтѣ). „Уже король выдалъ, какъ говорятъ, вторыя *вици* (оповѣщенія) на посполитое рушеніе; о третьихъ еще не слышно, но отчество въ крайнемъ положеніи: надобно спѣшить“....

Какъ и въ прошлую кампанію, Вишневецкій намѣревался стоять особнякомъ; но Лянцкоронскій єздилъ въ его лагерь и упросилъ присоединиться къ генеральному лагерю. Лянцкоронскому Рѣчи Посполитой была обязана защитой Камянца Подольскаго: этотъ подвигъ высоко цѣнилъ нашъ Байдичъ, равно какъ и то, что онъ побилъ хмельничанъ подъ Межибожемъ.

По реляціи Остророга, все простонародье между Богомъ, Горынью и Случью обратилось въ мятежниковъ, лишь только коронное войско удалилось оттуда. Повторилось то, что было въ Украинѣ послѣ Корсунічины: добыча панского плуга сдѣлалась добычею козацкаго меча, какъ это изображено въ современномъ стихотвореніи:

Zeszły z pół wszyskie po Nadbożu plugi;
Nie obejrzał się az za Wiśną drugi *).

А между тѣмъ жолнеры требовали своего жолду, и не только иностранцы, но и Поляки не хотѣли „воевать въ долгъ“. Отъ этого малочисленное войско тріумвировъ съ каждымъ днемъ уменьшалось. И пахолки, и самое товарищество разѣѣзжались изъ-подъ хоругвей, такъ что отъ нѣкоторыхъ оставалось только по половинѣ и еще меныше. Когда посыпали ихъ на подъѣздѣ, хоругви соглашались идти только самъ-пять. По мнѣнію Остророга, противъ этого зла было только одно лѣкарство (*remedium*)—возможно скорая присылка денегъ. Замедленное чѣмъ-то наступленіе Хмельницкаго приписывалъ онъ божествен-

*) Исчезли съ полей всѣ плуги по Надбожію: иной отглянулся назадъ только изъ-за Вислы.

ному Промыслу. „Опять и опять (iterum et iterum) просимъ прислать намъ деньги“ (писаль Остророгъ къ Оссолинскому): „а то войска этого немного останется. Не ласками и не строгостями возможно удержать его на службѣ, а только деньгами. Въ лошадяхъ у насъ большой недостатокъ отъ беспрестанныхъ чать, а купить не за что. Шпиона весьма трудно найти: между этой Русью все предатели. А добудешь казака, — хоть сожги его, правды не скажетъ, такъ что намъ надобно ждать отовсюду непредвидѣнной бѣды, не безъ великой опасности столь уменьшившагося войска (*insperatum malum undique, non sine grandi periculo tam diminuti exercitus*)“.

Эти слова тѣмъ замѣчательнѣе, что оказались вѣрнымъ предсказаніемъ подъ перомъ человѣка, еще недавно совсѣмъ было потерявшагося. „Единственное противъ этого средство“ (повторялъ онъ iterum et iterum) — „поддержать здѣсь насъ деньгами“.

При такомъ хозяйствичанѣи польскихъ скарбовыхъ людей и вообще правительственныйхъ представителей Польши, не только такие мученики ихъ несостоятельности, какъ великие полководцы Жовковскій и Конецпольскій, являются истинными героями долга и чести, но даже и рядовые жолнеры. Это были честные воины, зависѣвшіе отъ живовскаго кагала пановъ-доматоровъ. И вотъ почему князь Вишневецкій, вдругъ „потерявшій все, что имѣлъ“, какъ о немъ говорили во Львовѣ, своимъ отважнымъ стояньемъ противъ опаснѣйшаго изъ враговъ отечества — предателя, бунтовщика и поджигателя Хмеля — вселъя безграничную къ себѣ преданность въ благородныя сердца, которыхъ, увы! всегда и вездѣ бывало мало.

Пока не прибылъ онъ къ Збаражу, въ генеральномъ лагерь проходила суматица, подобная сеймовой польской, или нашей вѣчевой древнерусской: гетманы не ладили между собой; жолнеры не повиновались гетманамъ; войска, способнаго къ бою, осталось всего 6,000. Но когда къ этому войску прибавилось 3.000 панскихъ дружинъ подъ командою любимца полководца, все вдругъ перемѣнилось. Забывая о сеймѣ и королѣ, восторженные жолнеры, по вдохновенію минуты, провозгласили князя Вишневецкаго главнокомандующимъ. Увлеклись порывомъ благороднаго чувства и региментари: отвергнутому королемъ гетману была предложена булава; а войско, еще недавно разбѣгавшееся изъ-за недоплаченного жолда, вызвалось служить ему двѣ четверти бесплатно. Но Вишневецкій булавы не принялъ, и скромно стала въ ряду полковниковъ. Эта нѣмая демонстрація противъ короля соединила съ нимъ еще тѣснѣе всѣ сердца. Збаражское войско видѣло

въ немъ своего главнокомандующаго; его совѣты принимались, какъ повелѣнія; нарушить его планъ дѣйствія боялся каждый.

Теперь въ генеральномъ лагерѣ насчитывали 15.000 людей; но пѣхоты у пановъ было только 2.000. Всадники были готовы и на пѣшую службу подъ начальствомъ Вишневецкаго. Краснорѣчиво было простое слово его, когда онъ, объѣзжая полки, требовалъ безусловнаго повиновенія, точно импровизированный императоръ, и вспоминалъ о Пилявцахъ, где все дѣло было погублено отъ неурядицы. Его требованіе было голосомъ каждого разумнаго сердца: ему внимали, какъ поэту боеваго стоянья.

Непріятель приближался медленно, съ безчисленными толпами созлазненной и запуганной черни, съ безчисленными толпами крымскихъ, ногайскихъ и другихъ наѣздниковъ. Нѣкоторые козацкіе полки состояли изъ 20.000 душъ. Татарами предводительствовалъ самъ ханъ, Исламъ-Гирей, который „правилъ своимъ конемъ хорошо“, у которого „между нимъ и невѣрными была только сабля“, какъ заявлялъ онъ Туркамъ при своемъ воцареніи, и который готовъ былъ обманывать своихъ союзниковъ такъ точно, какъ и непріятелей“.

Окрестные мужики не были соблазнены добычею и запуганы ко-закотатарскимъ терроромъ, а потому, въ числѣ 6.000, ушли къ мѣщанамъ въ Збаражъ, подъ защиту панского войска.

Положеніе пріютившихся подъ Збаражемъ пановъ было безнадежнѣе того, въ какомъ находился Царь Наливай подъ Лубнами. Они сознавали вполнѣ, что имъ грозить, но рѣшились, какъ бы въ искупленіе пилиавецкаго бѣгства—или остановить ко-закотатарскія орды, или погибнуть, какъ это заявилъ старый Фирлей въ прощальномъ письмѣ къ королю. Онъ увѣрялъ, что непріятель пройдетъ во внутренность отечества только по головамъ защитниковъ Збаража. Отъ упадка духа, въ виду наступающихъ сотенъ тысячъ варваровъ, спасала пановъ только надежда, что король скоро придетъ къ нимъ на выручку съ послополитымъ рушениемъ, котораго двои *вици* они уже читали. Но эта надежда сдѣлалась весьма сомнительной послѣ того, когда ихъ многократныя предостереженія и просьбы о помощи не вызвали у короля и короннаго канцлера никакихъ обѣщаній. Лянцкоронскій писалъ къ полковнику королевской гвардіи, Минору, что можно было бы назвать сумасшедшими того, кто бы отважился приблизиться къ Збаражу съ помощью въ нѣсколько сотенъ и даже въ нѣсколько тысячъ воиновъ.

Хмельницкому были известны не только боевые средства защитниковъ Збаража, но и все, что дѣлаютъ столичные патріоты. Его ко-

заки давали себя сжечь, сохраняя войсковую тайну, но тайны своихъ противниковъ узнавать онъ не только отъ захваченныхъ въ плѣнъ жолнеровъ, не только отъ болтливой шляхты, но и отъ варшавскихъ пановъ, такихъ же предателей по природѣ и воспитанію, какимъ быль онъ самъ. Имѣя всюду подкупленныхъ панскими же деньгами доброжелателей, онъ могъ освѣдомиться даже и о томъ, что цѣлая половина панского войска, вписанаго въ компутъ, находилась неизвѣстно гдѣ; что волонтеры бродили по всему государству и опустошали беззащитныя имѣнія своихъ согражданъ, а правители государства, вмѣсто того, чтобы поддержать армію контингентами, „искали только, на кого бы взвалить вину“, какъ это поставилъ Кисель на видъ своимъ соотечественникамъ, въ письмѣ къ Оссолинскому отъ 23 (13) іюля. Хмельницкій пользовался панскимъ разномысліемъ и раздѣльностью панскихъ интересовъ съ самаго начала своего бунта. Судьба, казалось, готовила ему и на сей разъ Корсунь да Пилявцы. По словамъ Фирлея въ послѣднемъ, возможномъ еще донесеніи королю, онъ думалъ, что паны бѣжали или готовы бѣжать изъ-подъ Збаража, а потому ускорилъ свое медленное сперва наступленіе, и 6 іюля (27 іюня) былъ уже въ пяти миляхъ отъ нихъ. Въ генеральномъ лагерѣ ждали его черезъ два дня.

Вишневецкій болѣе нежели кто-либо изъ его сподвижниковъ понималъ, какъ трудно подать Збаражскому войску скорую помощь. Онъ лучше нежели кто-либо зналъ, что имѣсть дѣло съ противникомъ, столь же безпощаднымъ въ холодной хитрости, какъ и въ разъяренномъ бѣшенствѣ. Но бурный духъ нашего Байдича, вооружавшій руку его противъ сеймующаго панства, проявился теперь въ твердой рѣшимости бороться съ дикою силою всѣми своими средствами. Рѣшимость его поддерживала крѣпкая позиція, занятая тріумвирами подъ Збаражемъ.

Збаражъ былъ окруженъ въ то время водами, топами и лѣсами, которые болѣе или менѣе исчезали въ теченіе двухъ сотъ сорока лѣтъ. Эти, какъ говорилось тогда, фортели прикрывали панскій лагерь отъ многочисленнаго непріятеля, а взгорья и байраки, окружавшіе родовое гнѣздо русскихъ нѣкогда князей Збаражскихъ, способствовали вылазкамъ и обезпечивали *пашу* для лошадей.

Черный лѣсъ тянулся тогда до дороги изъ Жалощицъ. Между нею и дорогою, идущею изъ Вишневца, дубовые лѣса съ востокашли до самихъ Люблянокъ, а съ юга всѣ окрестности Зарудья, Валаховки, Стрыевки и Кротовичъ были перерѣзаны множествомъ озеръ и топей. Грязистая почва не благопріятствовала движеніямъ татар-

скихъ и козацкихъ наѣздниковъ, тогда какъ у панской конницы на склонахъ окоповъ было довольно мѣста для обороны.

Городъ Збаражъ, окруженный водою съ трехъ сторонъ, помѣщался какъ бы въ глубинѣ подковы. Съ востока и запада обороняли его два озера, соединенные съ юга рѣчкою Гнѣзною. Отверстіе подковы, обращенное къ сѣверо-западу и глядѣвшее на Жалошицы, было укреплено рвомъ и тыномъ. Плеча подковы съ востока продолжали взгорья, а съ запада—черный лѣсъ, такъ что жалошицкою дорогой можно было приблизиться къ городу. На другомъ берегу Гнѣзны, съ востока, возвышался на взгорьѣ сильный замокъ Збаражскихъ, зданіе величественное, построенное въ 1587 году, а между нимъ и восточнымъ озеромъ лежало предмѣстье Пригородокъ.

Къ югу отъ города и замка волнистая почва представляла высоту, удобную для помѣщенія всѣхъ ожидаемыхъ подкѣплений. Начальникъ артиллеріи, Криштофъ Пршіемскій, получившій образованіе во французской арміи, расположилъ становище соотвѣтственно не сбывшимся ожиданіямъ. Тынъ панского лагеря прилегалъ къ городу и замку, и только одну часть его, выходившую сзади за восточное озеро, предполагалось обезопасить валомъ. Скорѣдная медлительность худшихъ представителей Польши заставила лучшихъ перепнавичивать свою диспозицію подъ напоромъ непріятеля.

Вечеромъ того же дня, когда Вишневецкій вѣхалъ въ генеральный лагерь, вернулся подъѣздъ, состоявшій изъ 15 хоругвей, и до неѣ, что подъ Човганскимъ Кампемъ, въ пяти миляхъ отъ Збаража, встрѣтилъ непріятеля и ведетъ его за собою. Изыктъ изъ Гадяча, захваченный подъѣздомъ, объявилъ о великой козакотатарской силѣ. И рядовые жолиери, и полководцы лично бросились къ заступамъ да лопатамъ, какъ это было, полстолѣтія съ небольшимъ, назадъ, въ лагерь Яна Замойскаго на Цоцорѣ, где малочисленное польское войско отсидѣлось въ окопахъ отъ многочисленныхъ азіатцевъ. Скоро старые окопы были возстановлены, и каждый отдельъ войска занялъ свою позицію. Войско было раздѣлено на пять частей, подъ начальствомъ пяти дивизіонныхъ полководцевъ: Фирлея, Лянцкоронскаго, Остророга, Вишневецкаго и Конецпольскаго.

Июля 10 (1), въ субботу, появился козакотатарскій авангардъ. Ему надобно было осмотрѣть цепріятельскую позицію и суевѣрно попытать счастья. Первый ударъ предвѣщалъ козакамъ и Татарамъ удачу и неудачу войны.

Панское войско вышло за окопы и построилось въ боевой порядокъ. Въ это самое время къ Збаражу приближался небольшой во-

зовой таборъ Вишневецкаго, заключавшій въ себѣ 200 пѣхотинцевъ и 200 легко вооруженныхъ всадниковъ. Козаки и Татары окружили его, какъ на Желтыхъ Водахъ Стефана Потоцкаго. Но здѣсь не было измѣнниковъ драгунъ. На выручку подоспѣлъ Вишневецкій и первый поздоровался съ варварами. Козакотатарскій авангардъ охватилъ его своими крыльями; но на него ударили гусары; онъ разлетѣлся въ мелкія купы гарцовниковъ,—и зововой таборъ вступилъ въ окопы при громѣ пушекъ. „Самъ Господь принесъ къ намъ этого человѣка“ (пишетъ авторъ осаднаго дневника о Вишневецкомъ): „онъ спасаль насть и совѣтомъ и мужествомъ“.

Татары, служивши въ это время козацкую службу панамъ, сражались храбро противъ своихъ соплеменниковъ, помогавшихъ козакамъ, такъ что въ первомъ столкновеніи съ непріятелемъ подъ Збаражемъ легло ихъ на мѣстѣ болѣе сотни. Они выходили противъ ханскихъ гарцовниковъ, раздѣливши съ на мелкія части, сперва втрѣмъ, потомъ вчетверомъ, потомъ вдвоею, а потомъ уже бросались цѣлою чатою.

Гарцовники, отступая, облетѣли весь лагерь издали, а между тѣмъ наступали новыя и новыя массы. Онѣ сгущались на горизонѣ цѣлый день и продолжали наступать по заходѣ солнца. Теплая и тихая ночь глухо звучала въ ушахъ осажденныхъ сотнями тысячъ голосовъ.

Чтобы ободрить войско, князь Вишневецкій задалъ пиръ офицерамъ въ замкѣ. Тосты шили подъ звуки трубъ и литавръ. Пушки и мортиры гремѣли въ отвѣтъ на голоса, долетавшіе въ окопы съ поля. Вишневецкій вселялъ во всѣхъ бодрость и веселымъ видомъ, и своею рѣчью, которую наставлялъ младшихъ, какъ они должны дѣйствовать на умы прочихъ жолнеровъ... Увы! онъ указывалъ на самое безчестное и вредоносное для Польши дѣло Поликсовъ, какъ на самое достохвальное и въ настоящемъ случаѣ вдохновительное: онъ пробуждалъ въ своихъ соратникахъ боевой энтузіазмъ двухлѣтнимъ сидѣніемъ польскихъ соотечественниковъ своихъ въ сердцѣ Россіи, Москвѣ, двухлѣтнимъ споромъ за нее съ Московскимъ Царствомъ. Воспитаникъ іезуитовъ не нашелъ въ польской исторіи лучшей страницы и теперь, стоя мужественно противъ дикихъ руинниковъ, которые вторгнулись въ нѣдра цивилизованнаго государства, восхвалилъ такихъ же руинниковъ, терзавшихъ сосьдннее государство по указанію панскихъ клевретовъ. Римскою логикой своею, онъ побивалъ соотечественниковъ своихъ, въ конечномъ результатаѣ больше, чѣмъ хищные варвары—огнемъ и желѣзомъ.

Козаки и Татары расположились полукружиемъ, символическимъ строемъ послѣдователей Магомета, намекавшимъ на священный для нихъ полумѣсяцъ. Въ полдень слѣдующаго дня, загремѣлъ нашъ Хмѣль 30-ю гарматами своими, и необозримыя массы козако-татарскаго войска двинулись на приступъ, какъ бы съ намѣренiemъ растоптать осажденныхъ въ одинъ пріемъ. Они подняли страшный крикъ, которымъ козаки и Татары всегда сопровождали свои приступы. Но это была фальшивая атака: Хмельницкому надобно было только взвѣсить силу панского отпора. Однакожъ тѣхъ, которые не бывали въ бояхъ съ варварами и не знали, что большая часть хмельничанъ была вооружена дублемъ, дикий крикъ необозримой толпы поразилъ ужасомъ. Участвовавшіе въ походѣ ксендзы вышли съ процессіей, давали всѣмъ желающимъ опрѣсночный сакраментъ и, по выражению дневника, отрезвили боязливыхъ. Тѣмъ не менѣе густая пальба дѣлала свое дѣло.

„Въ этотъ день“ (говорить авторъ дневника) „у насъ въ лагерѣ было больше пуль, нежели во Львовскомъ повѣтѣ куриныхъ яицъ. Нѣкоторые изъ региментарей, видя прострѣленными свои палатки и множество падающихъ людей, начали было теряться; но князь Вишневецкій поддержалъ войско своимъ примѣромъ, такъ что Хмельницкій, обѣщавшій хану ночевать въ нашемъ лагерѣ, долженъ былъ отступить со стыдомъ“.

Въ понедѣльникъ 12 (2) іюля подошли остальные козацкіе полки съ возовыми таборомъ и расположились въ четверти мили отъ панского лагеря, занявъ цѣлую милю своимъ становищемъ.

Ночью насыпали козаки три шанца, вооруженные 40 пушками, и открыли пальбу на разсвѣтѣ. Но козацкіе пушкари больше гремѣли, нежели вредили своему непріятелю. Хмѣль не успѣлъ навербовать пушкарей, которыхъ бы стоило, по примѣру Царя Наливайя, приковывать къ пушкамъ.

Во вторникъ 13 (3) іюля начался общій приступъ, одинъ изъ самыхъ страшныхъ: Правое крыло, гдѣ стоялъ Вишневецкій, отразило нападающихъ скоро. Но лѣвое, напротивъ стоянокъ Фирлея, колебалось между гибелю и спасенiemъ. По словамъ дневника, региментари совсѣмъ уже о бѣгствѣ въ замокъ (*consilia juž były usiekać do zamku*), и войско спаслось отъ паники только благодаря тому, что Вишневецкій, отразивъ у себя нападеніе, подкѣпилъ вѣ-время Фирлея. Съ величайшими усилиями удалось панамъ сбить хмельничанъ съ валовъ. Въ это время Маркъ Собѣскій выскочилъ за валы съ отрядомъ конницы и ударилъ на бѣгущихъ сбоку. Множество коза-

ковъ потонуло въ озерѣ; но кому посчастливилось выбраться на сушу, тѣ снова лѣзли на валы въ слѣпой завязтости.

Наконецъ Хмельницкій велѣлъ трубить отступленіе. Панскія хоругви преслѣдовали бѣгущихъ, взяли одинъ изъ козацкихъ шанцевъ и овладѣли нѣсколькоими прикметами, какъ называли козаки свои знамена и бунчуки.

Междѣ тѣмъ со стороны восточнаго озера грозила панамъ великая опасность. Были тамъ еще недоконченные окопы съ весьма слабымъ прикрытиемъ. Ударилъ на нихъ полковникъ Бурлій, обойдя незамѣтно во время приступа правое крыло. Венгерская пѣхота, оборонявшая то мѣсто, начала бѣжать, и Бурлій могъ бы оттуда вторгнуться въ становище Фирлея. Но опасность была замѣчена вѣремя. Пршіемскій убилъ собственноручно венгерского знаменщика, выхватилъ у него знамя и повелъ пѣхоту на Бурлія. Козаки, вторгнувшись въ лагерь, были истреблены, и Бурлій отступилъ. Онъ отступилъ въ порядкѣ, но ему было теперь трудно обойти цѣлое крыло панскаго лагеря, чтобы соединиться съ козацкими полками. Хмельницкій послалъ ему на выручку Морозенка съ козацкою конницей; но едва они сошлись, какъ заступила имъ дорогу дивизія Конецпольскаго. Здѣсь Александръ Конецпольскій смѣль съ себя пятно бѣгства изъ подъ Пилявцевъ. Бѣшено бились козаки съ паномъ, на котораго Батько ихъ взваливалъ вину всего замѣшательства. Наконецъ Бурлій, знаменитый морскими походами своими, палъ вмѣстѣ со множествомъ товарищей своего покушенія; а Морозенка выручили Татары.

Дорого стоили козакамъ ихъ завязтые приступы. Въ озерѣ потонуло ихъ столько, что осажденные не могли больше пользоваться рѣчной водою, и рыли себѣ колодцы. Козацкій трупъ лежалъ мѣстами высотой въ человѣческій ростъ.

Героемъ этого страшнаго для пановъ дня былъ Вишневецкій: безъ него здѣсь повторилась бы Корсунщина. Съ самаго появленія своего подъ Збаражемъ и до конца грозной осады, онъ подвизался съ тѣмъ умѣньемъ возбуждать въ своихъ соратникахъ чувство чести или ярости, которое дѣлало невозможное возможнымъ и сверхчеловѣческое—обыкновеннымъ. За нимъ шли въ огонь тѣ хоругви, которые поворачивали уже къ бѣгству. При немъ не страшно было умереть. Его слова, его движенія дѣйствовали на изнемогшихъ и отчаявшихся въ успѣхѣ, какъ волшебство. Геройское безстрашіе и козацкая выносчивость знаменитаго колонизатора отдаленѣйшихъ малорусскихъ пустынь дѣлали смѣльыми воинами шляхетныхъ трусовъ и превращали въ спартанцевъ изнѣженныхъ панятъ. Теперь козаки перемѣнили свое

мнѣніе о Лахахъ, которые „умираютъ отъ страха“ при видѣ ихъ побратимовъ, Татаръ; а Татары перемѣнили мнѣніе о „козацкомъ счастьѣ“ и о *фортуности* Козацкаго Батька,—тѣмъ болѣе, что въ это время надъ Припетью, между знаменитою по Наливайку, Рѣчицею и Петриковичами, литовское войско разбило полковника Кричевскаго, перебило и потопило въ Припети 28.000 козаковъ, а остальныхъ 5.000 держало въ тѣсной осадѣ.

Но въ опасныхъ бояхъ 13 іюля паны удостовѣрились, что въ такомъ обширномъ лагерѣ нельзя имъ оборониться. Опять принялись они за ремесло *могильниковъ* поголовно, помогая въ работѣ радовымъ жолнерамъ, пахолкамъ и сидѣвшимъ въ Збаражѣ мужикамъ. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня былъ у нихъ конченъ окопъ, надежнѣйшій прежняго. Они стѣснили свой лагерь почти на цѣлую третью противъ первоначальнаго расположенія: ту часть недоконченныхъ валовъ на лѣвомъ крылѣ, на которую всего сильнѣе напирали козаки, оставили, а новый окопъ насыпали поближе къ линіи восточного озера. Хмельницкій не отважился на повтореніе вчерашнаго приступа, боясь уронить себя окончательно во мнѣніи Татаръ, которые многолюдствомъ своимъ и страхомъ имени своего сдѣлали его Желтоводскимъ, Корсунскимъ и Пилявецкимъ побѣдителемъ. Его должна была смущать вѣсть о томъ, что его пріятель Кричевскій палъ въ Бѣлоруссіи отъ полученной въ грудь раны, а предводимое имъ войско погибло. Блокада была болѣе вѣрнымъ и менѣе рискованнымъ дѣломъ. Хмельницкій началъ дѣлать къ ней приготовленія чрезвычайныя.

Прежде всего заперъ онъ панское становище и всѣ проходы, которыми осажденные могли бы отступить, или доставлять ночью кормъ для лошадей. Съ этою цѣлью занялъ онъ дорогу къ Жалоцицамъ и Вишневцу, а также села Базаринцы, Залужье и Старый Збаражъ. Потомъ построилъ 16 громадныхъ машинъ, называвшихся *гуляй-городинами*, иначе *штурмами*, на подобіе подвижныхъ замковъ, на каткахъ и колесахъ. Между нихъ двигались готовые мости для перехода рва, длинныя лѣстницы и другіе спарады для приступа. Напротивъ панскихъ окоповъ козаки рыли поперечные рвы и прикрывали ихъ землею, такъ что оттуда можно было стрѣлять и дѣлать подкопы. Этимъ способомъ придвигались они все ближе и ближе къ панскому лагерю, прикрываясь шанцами и защищая пальбою съ нихъ дальнѣйшую свою работу; наконецъ такъ близко подступили къ панскому редуту, что могли слышать голоса осажденныхъ.

Во время такихъ приготовленій не переставалъ Хмельницкій штурмовать осажденныхъ ни днемъ, ни ночью. Но Татары вовсе не-

рестали наступать и превратились въ зрителей борьбы небольшаго войска съ подавляющею массою. И было на чѣо смотрѣть. По словамъ пиявецкихъ побѣдителей, въ збаражскихъ окопахъ сидѣли Тхоржевскіе да Заіончковскіе; на дѣлѣ же Татары видѣли тѣхъ Замойскихъ, Жовковскихъ, Ходковичей, Хмелецкихъ и Конецпольскихъ, которые были памятны ихъ отцамъ и имъ самимъ.

Ханъ Исламъ-Гирей началъ подумывать о выборѣ между воюющими сторонами, и прислалъ съ этой цѣлью своего маршала, Сеферъ-Казы, къ Вишневецкому. Они сѣѣхались въ полѣ для переговоровъ. Вишневецкій увѣрялъ Татаръ, что козаки, опершись на ихъ помошь, отплатятъ за нее предательствомъ. Татары предлагали ему миръ, но князь отвергъ унизительныя условія мира (*marszalek hański perswadował pacem, ale toby było nam insieme*).

Междуду тѣмъ Хмельницкій велъ безуспѣшно подкопы подъ городъ, раскалывалъ гребли и пытался отнять у пановъ воду; а когда это не удалось, началъ раскалывать гребельки вверху, чтобы затопить панская лагерь. Но козаки были такѣ же плохіе гидравлики, какъ и пушкары. Свое безсиліе подкрепляли они крикомъ (*krzykiem siła nadrabiali*).

14 (4) іюля козацкіе полковники штурмовали стоянки Вишневецкаго. 16 (6)-го ночью былъ такой сильный приступъ, что Небаба и Гладкій потеряли, какъ записано въ дневнику, 3.000 народу. „Едва-едва не овладѣли козаки городомъ (o mały wlos nie mieli miasta)“, писалъ авторъ дневника: „тогда бы отняли у насъ и городъ, и воду“. 17 (7-го) подошелъ къ городу отрядъ полковника Федоренка. Пользуясь утреннею мглою, перешель онъ валъ и уже началъ рубить частоколь, какъ поднялась въ стану и въ городѣ тревога. На звонъ колоколовъ и громъ пушекъ, двинулись отовсюду козаки къ Збаражу. Но мужественный полковникъ Корфъ, предводитель рейтаръ, отразилъ нападеніе.

Послѣ этого паны рѣшили — насыпать новые валы поближе къ городу. Мѣщане и мужики работали день и ночь. Военные люди помогали имъ ночью, а днемъ отражали приступы. Въ теченіе двухъ дней внутри лагеря появились высокіе валы.

18 (8) іюля козаки, по словамъ дневника, сдѣлались ласковѣе (*laskawszeni się stawili*): не очень сильно наступали, только осыпали князя Вишневецкаго бранью и угрозами (*tylko miu lajali a grozili*).

19 (9) іюля козаки цѣлый день стрѣляли изъ шанца, устроеннаго ими въ прежнихъ стоянкахъ Фирлея, а ночью двинулись на приступъ. Гуляй-городины пришли въ движенье; козаки лѣзли на валы слѣпо. На стоянки Вишневецкаго напирали такъ бѣшено, что нѣко-

торые региментари опять совѣщались о бѣгствѣ въ замокъ; но Вишневецкій не согласился на это ни подъ какимъ видомъ. Вдругъ полился такой сильный дождь и сдѣлалась такая буря, что козаки были принуждены отступить. Вода залила шанцы, лилась ручьями въ прикрытые землею рвы, въ апроши, и скоро смѣшала все въ одну страшную лужу. Козаки съ трудомъ увезли свои гарматы и аммуницію, а гуляй-городины остались посреди пустаго пространства, затопленнаго мѣстами на 5 шаговъ глубини.

Козаки могли оставить при своихъ машинахъ только небольшое прикрытие. Для Вишневецкаго это прикрытие было препятствиемъ ничтожнымъ. Онъ выбралъ 500 жолнеровъ, послалъ ихъ съ зажигательными снарядами подъ гуляй-городины и самъ стоялъ съ обнаженною саблею, а къ региментарямъ послалъ наказъ, „чтобы не думали о бѣгствѣ въ городъ“. Захваченные врасплохъ сторожа штурмовъ были вырѣзаны, и машины Хмельницкаго запылали, не смотря на продолжавшійся дождь. Конные козаки „погнали“ пѣшихъ на оборону штурмовъ, но всѣ усилия погасить огонь были напрасны.

Цѣлость лагера въ этотъ опасный день жолнеры приписывали, впервыхъ, внимательству Рана Вога въ дѣла ортодоксальныхъ его поклонниковъ, а во вторыхъ—мужеству князя Вишневецкаго, который дѣлался у нихъ героемъ легендарнымъ.

Утромъ стали паны переходить въ уменьшенное становище. Хмельницкій тотчасъ же занялъ оставленные окопы, и въ наступившій вечеръ 20 (10) іюля сдѣлалъ къ свѣжимъ валамъ приступъ, который продолжался до поздней ночи. Темнота прекратила нападеніе. Свѣтомъ осажденные увидѣли себя окружеными со всѣхъ сторонъ высокимъ валомъ, а пальба не позволяла имъ показываться на своемъ валу. Въ слѣдующее утро увидѣли они другой валъ, еще ближе къ лагерю. Татары густо стрѣляли изъ луковъ, а козаки засыпали пансій обозъ пулами, точно градомъ. Наконецъ Хмельницкій окружилъ пановъ и третьимъ валомъ, подѣлалъ кругомъ высокіе шанцы и сталъ подкапывать апрошами къ самому редуту своего непобѣдимаго непріятеля. Осажденные защищались кіями, каменьемъ, пращами и чѣмъ ни попало: они щадили порохъ для того, чтобы пасть не иначе, какъ съ оружиемъ въ рукахъ. Когда же начался огненный бой, хоругви въ дыму едва различали своихъ, и жолнерамъ, въ жару завязтости, казалось, что пули отскакиваютъ отъ нихъ чудеснымъ способомъ (*nic to było wzięć po loku, po łbui, a naazad cudownym sposobem odlatywali kule bez szkody naszych*). Изъ пиливецкихъ трусовъ вдохновительный Байдичъ подѣлалъ козаковъ-характериковъ, которыхъ „не бра-

ла пуля". Еслибы въ нашу малорусскую семью не вползли изъ-за спины пріятелей Ляховъ ксендзы, теперь бы два талантливые Русича вели наши силы противъ общаго непріятеля, а не одну противъ другой, и никто изъ нихъ не носилъ бы на своемъ чelѣ печати братоубійцы.

Въ теченіе десяти дней ежедневно и почти ежечасно происходили козацкіе приступы. Но чѣмъ сильнѣе напирали козаки, тѣмъ ближе представлялась панскому войску выручка. „Козаки потому такъ бѣшено рвутся въ окопы“ (говорилъ жолнерамъ Вишневецкій), „что приближается король. Еще немного твердости,—и мы помстимся надъ свирѣпыми врагами“. Такъ вызывалъ онъ въ своихъ соратникахъ одно чувство за другимъ, точно бойцовъ, смѣняемыхъ для отдыха. И дороже славы, заманчивѣе богатой добычи, сладостнѣе свиданія съ родными, желаннѣе всего на свѣтѣ—представлялось измученному войску чувство возмездія. Богица Немезида, дочь Ночи, затмевала здѣсь бога Марса, сына блистающаго молніями Зевса и свѣтозарной Геры. Она была божествомъ справедливости, какъ понимаетъ справедливость воинъ. Но источеніе физическихъ и нравственныхъ силъ доходило у жолнеровъ до крайности, зловѣщей предшественницы апатіи, которая погубила войско великаго Жовковскаго въ самомъ горестномъ и самомъ славномъ его походѣ.

Чтобы сколько-нибудь оправиться и сдѣлать новыя укрѣпленія, паны постановили войти съ Хмельницкимъ и съ ханомъ въ переговоры.

Съ козацкой стороны также чувствовалась надобность въ переходѣ. Но извѣстію осадного дневника, весьма вѣроятному, у козаковъ подъ Збаражемъ погибло тысячъ 50 народа. Хотя козаки безпощадно гоняли окозаченныхъ мужиковъ на приступы, но собственные утраты ихъ болѣли, какъ и собственные раны. Переходъ былъ имъ нуженъ и для того, чтобы потомъ принести тѣмъ болѣ щедрую жертву воинской богинѣ справедливости, которой они поклонялись одинаково съ папами.

Сперва Хмельницкій отпустилъ панскаго трубача безъ отвѣта; но на другой день, передъ обѣдомъ, гарматы его умолкли, и съ козацкихъ шанцевъ раздался крикъ: „Угамуйтесь, не стреляйте, до й мы не бѣдемо“!

Хмельницкій пожелалъ видѣть Зацвилыховскаго, который нѣсколько времени былъ королевскимъ комиссаромъ у козаковъ, и котораго въ обычной челобитной царю о жалованьї называли они гетманомъ. Въ товарищи ему дали паны молодаго Киселя, повгородскаго хорунжаго. Хмельницкій говорилъ много о своихъ личныхъ и козацкихъ обидахъ, которыхъ де вызвали все это кровопролитіе.

Переговоры кончились ничѣмъ; но достойны замѣчанія слова Козацкаго Батька, обращенные къ Зацвилыховскому: „Казавъ я тобі, шановный пане, що підки будешъ у насъ комисаровати, поті Військо Запорозьке посѣдить, якъ за батька; а теперъ що буде, Богъ тੋє знає“.

Потомъ онъ убѣждалъ Зацвилыховскаго остатъся у него, обѣщаю ему всякия почести (*wszelką obserwantiam*). Но Зацвилыховскій предпочелъ бѣдствовать съ панами.

Этой сценѣ предшествовала еще одна человѣчная черта козакопанской усобицы. Когда прекратилась обоюдная пальба, паны отправили въ козацкій тaborъ трубача съ письмами, въ которыхъ убѣждали козаковъ къ примиренію во имя взаимныхъ выгодъ и чувства долга. Но взаимные выгоды спутались уже въ нераспутываемый мотокъ взаимныхъ недоразумѣній и предубѣждений, а понятія о долгѣ совсѣмъ затмились. Московскому мечу предстояло положить конецъ козакопанской путаницѣ, а царской диктатурѣ—обратить и козака и пана на путь общественныхъ и государственныхъ обязанностей. Не смысла ничего такого и не проникая въ будущее разумѣніемъ прошедшаго, козаки остались глухи къ панскимъ убѣжденіямъ, но трубача панскаго приняли хорошо и наградили (*nasz trębacz dobrze przyjety, udarowany*).

Въ числѣ людей, запутавшихъ свои счеты съ совѣстю и стравившихся новыми злодѣйствами оправдать старыя, явился здѣсь передъ нами сынъ Хмельницкаго и предокъ Мазепы по душѣ, Выговскій. Покамѣстъ, онъ оправдывалъ свое сообщество съ козаками тѣмъ, что Хмельницкій выкупилъ его на Желтыхъ Водахъ у Татаръ „за одну кобылу“, да тѣмъ, что у него въ Кіевщинѣ есть отецъ, братья, сестры etc. и еслибы онъ измѣнилъ Хмельницкому, то Хмельницкій велѣлъ бы истребить все родство его. Но авторъ осаднаго дневника, называвшій себя „украинцемъ“, замѣтилъ, что важную роль въ его предательствѣ играетъ его образованность, или умъ, какъ тогда смысливали одно съ другимъ, и что этимъ преимуществомъ онъ пріобрѣлъ между козаками значеніе (*jako zawsze był nie prostak, tak i teraz u nich swoją ma powagę*).

Панскіе переговоры съ ханомъ также не привели ни къ чему. Не хотѣлъ ханъ оставить козаковъ, какъ убѣждали его паны. На-противъ, объявилъ, что держитъ въ рукахъ пановъ (*ma naz w garści*), что до сихъ поръ только шутилъ съ ними (*żartował*), а завтра (27 (17) іюля) вытащить всѣхъ ихъ за чубъ (*za łeb wszystkich wywlecze*).

Паны отвѣчали ему: „Кто придетъ за нашей головой, тотъ принесетъ и свою собственную“. Они поклялись лечь одинъ за другимъ.

Особенаго вниманія заслуживаетъ слѣдующій эпизодъ козако-панскаго передоха. Когда прекратилась обоюдная пальба, начался (пишетъ авторъ дневника, „украинецъ“) congressus нашихъ знакомыхъ со знакомыми козаками и пріятельскіе разговоры (*goznowy przyjacielkskie*). Обоюдное сожалѣніе (*compassio*), что христіянская кровь льется невинно. Нѣкоторые спрашивали о домашнихъ дѣлахъ, вышедши за самый валъ. Мы угощали ихъ табакомъ“.

Этотъ мимолетный разсказъ дѣлаетъ впечатлѣніе свѣжаго вѣтерка въ удушливомъ воздухѣ. Взаимная злоба была не такъ велика и не такъ всеобъемлюща, какъ это можно заключить по звѣрскому остервененію гайдамакъ, очутившихся на произволѣ своихъ дикихъ страстей. Кровавый пожаръ, раздуваемый, по признанію Киселя, восточнымъ и западнымъ вѣтромъ, утихалъ въ силу изнеможенія природы человѣческой, и наши православные предки вмѣстѣ съ предками полонизованныхъ Русичей залили бы его слезами своихъ женъ и дѣтей; но боги, сражавшіеся руками смертныхъ, въ ревнивомъ обладаніи своеемъ землею, не внимали голосу человѣчества, и даже подъ громомъ раздѣлившейся на ся государственной арматы, продолжали свое губительное дѣло.

Въ панскомъ стану былъ смертельно раненъ капитанъ артиллеріи, то-есть одинъ изъ тѣхъ бойцовъ, которыхъ искусству осажденіе всего больше были обязаны своею цѣлостью; но онъ, въ качествѣ протестанта, признавалъ только небеснаго Бога, отрицая намѣстника его на землѣ. Министръ-канепелянъ Фирлея, также протестанта, хотѣлъ напутствовать умирающаго воина въ невѣдомую никому область, но ревнители едиваго пастыря душъ человѣческихъ прогнали съ побоями изъ замка проповѣдника безразличной любви къ намъ небеснаго Отца (*,od naszych ksiѣgu wybity i wygnany z zamku*, пишетъ „украинецъ“). Въ другое время вѣрный слуга князя Вишневецкаго падъ съ оружіемъ въ рукахъ, какъ подобало честному воину, но онъ былъ ариянинъ, и потому, опровергнутый ксендзами, зарытъ въ самомъ валу, какъ песь.

Во время переговоровъ почти не было приступовъ. Стрѣляли только съ шанцевъ и валовъ какъ бы въ знакъ непримиrosности, а въ промежуткахъ пушечного грохота перебранивались и обмѣнивались насмѣшками.

Козаки гукали: „Чомъ, пандве не загадуєте своїмъ підданимъ жадної роботы? Осыркъ минає, літо сходить, а ще чинші та десяти-

на зъ бїдла не выѣбраша. Волы жалібно мѣкають: хочуть на їрмалокъ до Бродлава“.

— „Даемо вамъ пільгу въ работі“ (отвѣчали жолнеры), „та незабаромъ, на ознаку тяжкої неволі, сї патимете Вишневецькому грёблю черезъ Дніпро. Чиншъ не заляже: выберетъ ёго військо литовське. Десятины повыбирають Татаре, и замісѧ бїдла, жіночъ та дітей вавшихъ поженуть волы до Крыму“.

— „Та гдї вамъ, панове пручатись“ (кричали съ вала козаки): „только кунтуши покалали та сорочки подрали, по шанцахъ лазячи. Оце вамъ паробило очкове та паницина, та пересуды, та сухомельщина. Гарна въ васъ тодї була музика, а теперъ ще краще заграли вамъ у дудку козаки“.

Но танцювали подъ козацкую дудку только тѣ, которые возвели на польской престолъ разстригу іезуита, да тѣ, которые вмѣстѣ съ нимъ отняли у князя Вишневецкаго диктатуру. Ноха длились переговоры да перебранки, паны еще однажды съзывали свои укрѣпленія, и придишли непосредственно къ замку. Открытую часть города, которую рѣчка Гнѣзна отдѣляла отъ замка, укрѣпили валомъ и присоединили къ замку рвами и окопомъ. Насыпали также валы отъ Пригородка, который составлялъ лѣвое крыло, такъ что замокъ, стоя на чель лагеря, заслонялъ весь городъ: ибо Подзамче и Пригородокъ принадлежали къ городу.

Между тѣмъ жолнеры захватили въ плѣнь хорунжаго татарской гвардіи Хмельницкаго. Отъ него паны выпытали, что козаки боятся скораго прихода короля, о чемъ у нихъ разнесся слухъ, и потому употребляютъ крайнія мѣры, чтобы „кончить Ляховъ“; а съ другой стороны (говорилъ хорунжій) пришли вѣсти, что литовскія войска идутъ въ Украину; что козаки въ большой тревогѣ за своихъ женъ и дѣтей, а Хмельницкій убѣдилъ хана вызвать на переговоры главныхъ пановъ, съ тѣмъ чтобы оставить у себя въ неволѣ. По словамъ хорунжаго, самъ Хмель проговорился объ этомъ съпьяна.

Около того же времени 12 товарищей изъ-подъ разныхъ хоругвей князя Вишневецкаго, подкравшись къ непріятельскимъ валамъ, увидѣли троихъ козаковъ, играющихъ въ карты, двоихъ убили, а третьяго, Грицька изъ Чигирина, принадлежавшаго къ полку самого Хмельницкаго, привели къ Вишневецкому. Ноувѣренію Грицька Чигиринца, Хмельницкій хлопоталъ вовсе не о томъ, чтобы взять панскій лагерь: онъ только хотѣлъ вынудить у пановъ окупль. Говорилъ еще Чигиринецъ, что козаки боятся наступленія короля, что они боятся за своихъ женъ и дѣтей, которыхъ некому оборонить отъ Лит-

вы, какъ какъ сюда вышли всѣ поголовно, и что мужики начали по ночамъ бѣгать изъ табора. „Эта реляція“ (сказано въ дневникѣ „украинца“) „поддержала отчаявшійся духъ паль (и nas zdesregowane duchy posiliła), и мы, какъ бы воскреснувъ, рѣшились наступать сильнѣе на непріятеля фортелями“.

30 (20) іюля, на разсвѣтѣ, начали паны переходить въ новый лагерь, оставивъ на старомъ валу по 15 человѣкъ изъ каждой хоругви. Не успѣли они занять и половины новаго укрѣпленія, какъ хмельничане пошли на приступъ. Пѣше панскіе полки обратились на штурмующихъ, и такъ какъ у нихъ не было времени заряжать ружья, то дрались прикладами и холоднымъ оружіемъ, пока, съ великими потерями, отступили въ новые окопы къ самому замку.

Хмельницкій занялъ тотчась оставленное становище, поставилъ на валахъ пушки, и подъ защитой пальбы, въ три часа окружилъ панскій редутъ валомъ, наконецъ пришансцевался къ нему на 30 шаговъ. Чаще и чаще дѣлалъ онъ покушенія ворваться въ панскій лагерь; но всякий разъ его Перебійносы сталкивались въ лагерѣ съ Княземъ Яремою, съ этимъ шляхетскимъ характерникомъ, съ этимъ панскимъ козакомъ-невиракою, котораго не брала никакая пуля, который почевалъ подъ самимъ валомъ, появлялся впереди своихъ бойцовъ при всякой тревогѣ и прогонялъ козаковъ-пищальниковъ рукопашнымъ боемъ.

Вообще козацкіе приступы не отличались боевой силой и смѣлостью, а самого Хмеля никогда не видали въ бою. И у царя Наливайя, въ десятитысячномъ его таборѣ, Жовковскій насчитывалъ только 2.000 добрыхъ воиновъ. Пропорціонально столько же было ихъ и между козаками Хмельницкаго. Часто впереди наступающихъ козаковъ гнали рогатый скотъ, чтобы обезсилить панскую пальбу, а во время самаго приступа козаки прикрывались мужиками, у которыхъ на груди висѣли торбы съ пескомъ. Торбонасцы были народъ, попавшій между молота и паковальни. Еслибъ они вздумали бѣжать, ихъ ожидали козацкіе списы и татарскія лыки. Они лѣзли впередъ, зажмуривъ глаза, какъ обреченныя на казнь, и часто, среди крика, который поднимали козаки и Татары, умоляли паповъ пощадить ихъ отъ пальбы. „Чернь молила о милосердії (plebs o milosierdzie implorabat), поддаваясь въ полное рабство“, доносилъ въ Варшаву Казановскому съ похода королевскій сподвижникъ, и это было известіе справедливое. О томъ, что козаки загоняли навербованныхъ мужиковъ на приступъ, говорится въ дневникахъ, какъ о дѣлѣ повседневномъ. Для того, чтобы вынудить у пановъ окунуть, не щадили несчастныхъ новобранцевъ.

Это было еще хуже со стороны Хмельницкаго, чѣмъ изъ-за своихъ обидъ броситься съ огнемъ и ножемъ на всю шляхту. Козаки-комонники, составлявшіе только малую часть хмельничанъ, выручались и подъ Збаражемъ кровью пѣшихъ затяжцевъ, прозелитовъ козацчины, какъ это было подъ Кумейками, гдѣ они натравили завзятыхъ на Потоцкаго, и убрались прочь за добра ума. Разница была только въ томъ, что они подстрекали мужиковъ къ бою не словами, а копьями.

Напрасно ханъ вызывалъ Вишневецкаго съ первенствующими панами на переговоры: осажденные видѣли въ этомъ злой умыселъ Хмельницкаго, который присовѣтовалъ хану захватить князя Ярему въ плѣнъ во время переговоровъ. Тогда Хмельницкій пытался подорвать осажденныхъ подкупомъ. Мысль эту подали ему перехваченныя письма Вишневецкаго къ королю. Чтобы сломить все еще бодрый духъ полководца, который въ его глазахъ стоилъ больше всего польского войска, Хмельницкій возвратилъ Вишневецкому письма съ посланцомъ, которому поручилъ всучить свой универсаль Нѣмцамъ, которымъ обѣщалъ за измѣну большій жолдъ и подарки. Но Нѣмцы представили его универсаль Вишневецкому.

Здѣсь выступаютъ передъ нами два рыцаря въ собственной характеристикѣ. Краткую записку, безъ подписи, съ перехваченными письмами, Хмельницкій адресовалъ князю, называя его своимъ пріятелемъ, хотя и не искреннимъ (*przyjacie lowi naszemu choć niejuzciliwemu oddać*);увѣдомлялъ князя, что посланцу его отсѣкли голову;увѣрялъ, что король скорѣе дождется къ себѣ козаковъ, чѣмъ осажденные--помощи его, и заключалъ удивленіемъ, что Вишневецкій не удовольствовался своимъ заднѣпровскимъ государствомъ, въ которомъ козаки хотѣли оставить его неприкословеннымъ.

На грубянскую и лживую записку Вишневецкій отвѣчалъ приличнымъ письмомъ, въ которомъ называя своего непріятеля мостивымъ паномъ гетманомъ, удивлялся, откуда у него такое недоброжелательство, что и посланца его приказалъ убить, и къ нему самому не обратился съ письмомъ приличнымъ. Вспоминая о прошломъ (писалъ онъ), „Хмельницкій имѣлъ бы много причинъ благодарить его за милости и благодѣянія. Князь увѣщевалъ его опомниться, какъ доброжелатель Запорожскаго Войска отъ предковъ. Далѣе выражалъ увѣренность въ могуществѣ короля, и писалъ, что не всѣ донесенія осажденныхъ перехвачены“. „И это не хорошо“ (внушалъ онъ спокойно Хмельницкому), „что вы прислали универсаль для возмущенія иноземнаго войска. Между ними большая часть такихъ, которые никогда не измѣняли“ (замѣчалъ онъ тономъ нравственнаго превосходства, и возвращалъ уни-

версалъ, „какъ ненужный“). „Что вы въ моемъ заднѣпровскомъ владѣніи“ (писаль онъ далѣе) „не допускали опустошеннія, это вы сдѣлали по надлежащему: ибо оттуда Запорожское Войско получало много благодѣяній, какъ отъ предковъ моихъ, такъ и отъ меня“. Въ заключеніе, Вишневецкій писаль: „Не гнѣваюсь, что мои подданные пристали къ вашему войску: вѣроятно, были они къ тому приневолены (*musieli podobno*); но прошу не держать ихъ при себѣ, а отправить домой, за что я, въ свое время, буду благодаренъ“, и подпісался доброжелательнымъ пріятелемъ (*życzliwy przyjaciel* Heg. Xże na Wiśniowcu i Lubniach, wojewoda ruski).

Теперь наступили для осажденныхъ такие дни, что всѣ ихъ предшествовавшіе опасности, труды и бѣдствія показались имъ только началомъ борьбы за свою жизнь и за воинскую честь. Въ распоряженіяхъ козацкаго гетмана была замѣтна лихорадочная поспѣшность, а въ козацкихъ тaborахъ—необычайная суетливость. Начиная съ 1 августа, приступъ, можно сказать, не прерывался въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ. Шанцы Хмельницкаго стояли всего въ 30 шагахъ отъ панского вала. День и ночь козаки безпрестанно стрѣляли изъ своихъ, правда, не очень мѣткихъ гарматъ и весьма мѣткихъ „семипядныхъ“ пищалей, а на разсвѣтѣ, въ полдень и въ полночь штурмовали валы. Всакий разъ на приступъ ходили новые, подпоенные горилкою полки, при звукахъ трубъ, съ пѣснями и воскликами. Татары гнали передъ собою чернь и крикомъ *Allah!* и придавали козакамъ смѣлости. Тогда-то были кровавою дѣйствительностью дошедшія до настѣ кобзарскія думы, въ которыхъ пьяный и опьяняющій Хмѣль хвалился своею завзятостью:

Та ще й Ордù за собою ведù,
А все, врâжї Ляхї, та на вашу бідù.

Отъ многочисленныхъ сытыхъ и пьяныхъ полчищъ папскіе окопы защищала, можно сказать, горсть невыспавшихся, голодныхъ и оборванныхъ воиновъ. Малорусская исторіографія въ осадномъ сидѣніѣ подъ Збаражемъ не хочетъ призывать за панами превосходство мужества. Она безчестно называетъ героевъ загнанными въ окопы трусами, для которыхъ бѣгство было невозможнымъ. Она съ рабскою насыщливостью представляетъ воинственность осажденныхъ однимъ бравурствомъ. „Пускай-де скажутъ о настѣ: Ай да Поляки!“ *) И одн-

*) Бостомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, стр. 106.

кожъ, этихъ трусовъ, этихъ тщетлавныхъ самохваловъ не могло ни взять живьемъ, ни перебить и перестрѣлять стотысячное козацкое войско, вспомоществуемое всѣми татарскими ордами. Одного этого факта достаточно, чтобы всяческая враждебность къ воинамъ-колонизаторамъ исчезла въ благородномъ (у кого оно есть) чувствѣ удивленія къ ихъ доблестямъ въ борьбѣ съ тѣми, которые, какъ у насъ пишутъ, возстали за свою вѣру, за свою честь, за свое имущество, за свою жизнь, и которыхъ Татары подгоняли къ приступамъ нагайками. Еслибы въ какомъ-нибудь новомъ ордынскомъ нашествіи погибли всѣ документы польско-русской дѣятельности и уцѣлѣли только свидѣтельства о збаражской осадѣ, то въ отдаленномъ будущемъ по этимъ свидѣтельствамъ беспристрастный историкъ заявилъ бы вѣкамъ грядущимъ, что былъ на свѣтѣ народъ, выработавшій на чёмъ-то величавую твердость духа и благородное самопожертвованіе.

На густую козацкую пальбу отвѣчали уныло замковыя пушкы. Но за то у панскихъ пушкарей не пропадалъ ни одинъ выстрѣль, тогда какъ гарматы козацкіе часто ревѣли попусту. Въ числѣ панскихъ стрѣлковъ прославился въ это время одинъ изъ новорожденныхъ въ малорусскомъ Переяславѣ іезуитъ, ксендзъ Муховецкій, котораго авторъ осаднаго дневника называетъ „нашимъ украинцемъ изъ Переяславскаго коллегіума“. Въ Збаражскомъ Пригородѣ стояла дубовая башня. Съ этой башни стрѣлялъ онъ изъ своей рушницы-гульдинки и, по общему свидѣтельству, въ теченіе осады убилъ 250 язаковъ. Но и прославленная гульдинка должна была скоро умолкнуть: у пановъ оставалось аммуниції уже только на шесть дней. Въ темныя ночи бросали они съ валовъ пылающія мазницы и возовыя оси, чтобъ освѣтить крадущихся козаковъ. Старые жолнеры говорили, что ни въ какой войнѣ не дѣлали того, что повыдумали теперь Фирлей да Вишневецкій.

Въ среду 4 августа стали говорить въ панскомъ лагерѣ, что Хмѣль двинулся куда-то съ частью своего войска. Предполагая, что онъ пошелъ для отраженія короля, князь Вишневецкій въ четвергъ, 5 августа, сдѣлалъ смѣлую вылазку, чтобы въ этомъ удостовѣриться. Но вылазка доставила панамъ только 16 козацкихъ прикметъ. Захваченные вмѣстѣ съ тѣмъ языки говорили, что Хмѣль опечаленъ потерю полковника Федоренка, котораго застрѣлилъ недавно ксендзъ Муховецкій, когда онъ подводилъ мину подъ губительную башню, и что за это хочетъ онъ ударить ночью пановъ всѣми своими силами. Паны приготовились къ ночной битвѣ; однакожъ, ночь прошла безъ тревоги.

Въ пятницу, 6 августа (27 іюля), въ день любимаго козацкаго святого, Палъя, на разсвѣтѣ, Хмельницкій сдѣлалъ общій приступъ со всѣхъ сторонъ. Напирали въ особенности на стоянки Остророга. Появились новыя гуляй-городины, изъ которыхъ каждую везли на каткахъ 15 человѣкъ. Появилось 400 лѣстницъ, переплетенныхъ лозой для подъемныхъ мостовъ черезъ рвы; каждую тащили на колесахъ 20 козаковъ. Начался рукопашный бой, какъ и потому, что у пановъ мало было пороху, такъ и потому, что сабля была шляхетскимъ оружиемъ по преимуществу. „Грусы Полаки“ выдержали этотъ бой въ теченіе трехъ часовъ, подъ прикрытиемъ пушекъ, заряжаемыхъ уже, можно сказать, послѣдними зарядами. Панская конница вышла за валы, и врѣзывалась въ подвигающіяся массы. Это была та конница, которую хорошо помнили Кумейки, Сула, Старецъ-Днѣпръ; одушевляя ее бурный духъ Князя Яремы. Во рвахъ и на мѣстѣ схватки лежали груды труповъ на высоту копья. Не безъ того, что дневники знаменитаго осаднаго сидѣнья и преувеличивали подвиги шляхетныхъ бойцовъ; но Хмѣль истощилъ здѣсь послѣднія средства къ возбужденію своей орды, и долженъ былъ отступить, чтобы его мимая сила не перешла въ явное безсиліе. Маскируя свою неудачу, онъ штурмовалъ панский редутъ въ полдень и въ полночь опять, но уже съ меньшимъ жаромъ.

Это были послѣднія усиливъ Хмельницкаго подавить многолюдствомъ тѣхъ воиновъ, о которыхъ козаки пѣли среди новыхъ малорусскихъ пустынь, что *Ляхъ відъ страху смѣре*, давая камертонъ самохвалства будущимъ грамотѣямъ своимъ. Теперь онъ рѣшился доконать пановъ безпредстанной стрѣльбой да голодомъ, который уже чувствовался въ ихъ стану.

Въ теченіе сутокъ насыпали козаки 15 шанцевъ, высотою въ два копья. На шанцахъ поставили изъ своихъ гуляй-городинъ башни, а на башняхъ укрѣпили лѣстницы, въ видѣ заборовъ такъ wysoko, что изъ-за нихъ было удобно стрѣлять въ пансій лагерь. Шанцы были снабжены пушками и обсажены лучшими стрѣлками. Въ одномъ изъ дневниковъ этой осады, по истинѣ славной для пановъ и позорной для козаковъ, записано:

„Подъ каждою хоругвию ежедневно убивали не меныше 10 человѣкъ. Братъ не смѣлъ спасать брата. Гдѣ кто былъ раненъ, тамъ и лежалъ подъ градомъ пуль до самой ночи; а гдѣ кто легъ убитый, тамъ его ночью и хоронили“.

Напы были принуждены оставить въ окопахъ возы и перейти въ замокъ, чтобы тамъ быть наготовъ всякий разъ выбѣгать на оборону валовъ и табора.

Посреди такой борьбы, замѣтили они 8 августа, съ величимъ удивленіемъ, что козацкій тaborъ снимается съ мѣста и передвигается къ Старому Збаражу, гдѣ стояла каменная церковь, построенная еще православными князьями Збаражскими. Ночью передвинулся туда весь тaborъ, а палатки хана и козацкаго гетмана, стоявшія въ четверти мили отъ панскаго лагеря, разбили подъ старымъ замкомъ, напротивъ ставокъ Вишневецкаго.

Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ дней шелъ проливной дождь. Военные дѣйствія пріостановились. 13 (3) августа въ стану осаждающихъ сдѣлалось необычайное движеніе. Толпы черни валили отъ окоповъ къ табору, какъ бы для насыпки шанцевъ. Остатокъ табора передвинулся къ старому замку.

Въ панскомъ стану разнеслась радостная вѣсть, что подкрѣплѣнія стоять уже въ Жалощинцахъ, въ трехъ миляхъ отъ Збаража, и что непріятель намѣренъ ошанцеваться у себя въ тылу. На другой день распущенъ былъ слухъ, что Хмельницкій двинулся со всѣми силами оборонять отъ короля переправу въ одной только милѣ отъ Збаража. Затрубили въ трубы; ударили въ бубны. Встревоженные козаки начали густо стрѣлять изъ пушекъ.

Въ козацкомъ таборѣ происходило что-то загадочное. Видать было гетманскіе палатки и бунчуки: знакъ, что Хмельницкій находился въ таборѣ. Между тѣмъ пушки молчали, точно ихъ вовсе не было. Козацкіе полки куда-то дѣвались. Изъ шанцевъ стрѣляли только изрѣдка. Едва мѣстами было видать понемногу орды и мужиковъ, которые подкопывались подъ панскіе валы и сражались цѣпами да пращами.

День проходилъ за днемъ. Процессъ загона мужиковъ на битву продолжался даже и тогда, когда пушечное ядро падало въ толпу загонниковъ. „Моско zaganiali czeru ku taborowi“ (писалъ въ дневникѣ „украинецъ“). Неизвѣстность томила пановъ больше, чѣмъ приступы черни, больше, чѣмъ ея подкопы подъ возы и голодъ, который появился въ лагерѣ. Ночи проводили жолнеры, равно, какъ и осаждающіе, то въ пріятельскихъ бесѣдахъ съ осаждающими, то въ перебранкѣ. Козаки страшали жолнеровъ, что ихъ товарищи облегли короля, а жолнеры козаковъ—тѣмъ, что король бѣть въ это время ихъ товарищей. „Ночью“ (пишетъ „украинецъ“) „умолкала битва (silent arma), зато собачий ротъ (psia gѣba) говорилъ, что взбредетъ на языкъ, грозя продавать Ордѣ жолнеровъ „по шаговѣ“ (по грому). Но ни въ одномъ дневникѣ не записано, чтобы psia gѣba касалась ляшскаго и жидовскаго ругательства надъ церковью и вѣрою.

Козаки сами не знали, что дѣлается съ тѣми, которые куда-то двинулись. Наконецъ стали къ нимъ возвращаться походные возы съ ранеными. Тогда всѣ увидѣли, что идетъ сильная битва; узнали, что бываютъ подъ Зборовыемъ, но кто кого побиваетъ, оставалось тайною; и тѣ полки, которые не вѣрили въ счастье Хмельницкаго, отказывались идти къ нему на помощь (*chuba ci zostaja, co nie wierza, żeby króla obleżono*).

Наибольшую силу своего разбойнаго генія проявилъ Хмельницкій въ томъ, что сумѣлъ прервать всякое сообщеніе между осажденными подъ Збаражемъ и королемъ, котораго они нетерпѣливо ждали къ себѣ на помощь. Еще 12 (2) іюля Лянцкоронскій писалъ къ полковнику Минору, едва владѣя перомъ (такъ у него болѣли руки отъ земляной работы): „Если не прибудешь съ королемъ скоро, то поспѣшь на похороны милой братіи и собственныхъ сыновей твоихъ“. Между тѣмъ ни къ Минору и ни къ кому изъ окружавшихъ короля не пришло никакой вѣсти о томъ, что дѣлается въ польскихъ Фермопилахъ. Хмельницкій до такой степени скатъ подъ Збаражемъ и козацкую, и татарскую орду, что не выпустилъ за сторожевую цѣль ни одного загона. О его силахъ Янъ Казимиръ узналъ только тогда, когда съ ними неожиданно столкнулся.

Поляки до сихъ поръ не могутъ объяснить поведеніе своего короля и канцлера. Оба они сошли въ могилу заподозрѣнныемъ въ предательство, какъ люди, умышлившіе на Шляхетскій Народъ вмѣстѣ съ козаками. Но въ чёмъ именно состояло предательство, никто не объяснилъ.

Будучи еще королевичемъ, Янъ Казимиръ не стѣсняясь говоривалъ, что ему пріятнѣе смотрѣть на пса, чѣмъ на Поляка. Въ этомъ козаки ему сочувствовали. За одно это могли они подарить ему корону. Въ одномъ этомъ позволительно видѣть причину злорадства, съ какимъ, повидимому, узнавалъ король о западнѣ, въ которой очутился ненавистный ему Вишневецкій.

Что касается Оссолинскаго, то онъ служилъ съ одинаковымъ чувствомъ и самому благому, и самому злому дѣлу, если оно соотвѣтствовало тѣмъ цѣлямъ, которыя, по его іезуитскому воззрѣнію, были великими. На Владислава IV онъ испыталъ, какъ выгодно быть „простою глиною“ въ рукахъ неумѣлаго короля. Быть канцлеромъ при такомъ безпутномъ потентатѣ, какъ Янъ Казимиръ, значило—заручиться его нравственнюю отвѣтственностью за всѣ свои внушенія. Такъ поступилъ онъ, стоя съ королемъ подъ Замѣstemъ, гдѣ умыль начисто руки въ томъ, чтобы когда-либо не соглашался на посполи-

тое рушение, которое тормазилъ изъ-за спины своего повелителя. Не могъ онъ простить своимъ соотечественникамъ упорства, съ какимъ они возстали противъ реформы, которая, очевидно, таилась въ изобрѣтенномъ имъ рыцарскомъ орденѣ. За низведенія съ высоты, на которую мѣтилъ онъ этимъ замысломъ, онъ былъ готовъ отплатить имъ общимъ униженіемъ, а между тѣмъ надѣялся подняться на высоту власти со стороны противоположной.

Такъ ли оно было, или неѣть, никто не можетъ утверждать послѣ утайки достойнымъ ученикомъ іезуитовъ руководящей нити къ разъясненію начала Хмельницкаго. Но поведеніе короля и канцлера современные намъ Поляки находятъ болѣе неожиданнымъ.

Король выѣхалъ изъ Варшавы 24 (14) іюня и прибыль въ Люблинъ 3 июля, за недѣлю до появленія подъ Збаражемъ козакотатарскаго авангарда. Онъ зналъ, что и султанъ, и ханъ обязались помочь Хмельницкому; зналъ, какими силами располагаетъ опасный бунтовщикъ, но не выдалъ третьихъ *вицеi* на послолитое рушеніе. Ограничился только тѣмъ, что станулъ въ Люблинъ остатокъ чужеземнаго войска, котораго въ запасѣ было еще 2.000, а короннымъ панамъ велѣлъ привести ихъ надворныхъ дружинъ. Такого вооруженія, по его мнѣнію, было достаточно.

Если не предполагать въ этомъ злаго умысла, то „благородный умъ“ панскаго избранника оказался въ настоящемъ случаѣ ниже всякой оцѣнки. Янъ Казимиръ надѣялся побѣдить Хмельницкаго еще болѣе недѣйствительнымъ способомъ, чѣмъ тотъ, который былъ панамъ преподанъ миротворцемъ Киселемъ.

Одинъ изъ товарищѣй Хмельницкаго по бунту, шляхтичъ Забугскій, передался къ панамъ, и король держалъ его при своей особѣ съ тѣмъ, чтобы смутить Хмельницкаго своимъ появленіемъ на театрѣ войны, низложить его среди Запорожскаго Войска и вручить булаву козацкому измѣнику.

Судя по поступкамъ королевскаго агента Смяровскаго и даже по тому, какъ распорядился съ нимъ ежедневно и ежечасно мѣнявшійся Хмель, Поляки думаютъ, что дворъ имѣлъ сношенія съ нѣкоторыми козацкими полковниками; а что многіе изъ нихъ были готовы, подобно Забугскому, предать Козацкаго Батька, въ томъ неѣть никакого сомнѣнія. Они могли и обѣщать Яну Казимиру торжественную сцену низложения „руssкаго единовладника и самодержца“, столь же имъ противна, какъ противна была панамъ всякая диктатура. Но Итальянцы сложили мудрую пословицу: „*dal detto al fatto v'è un gran*

*tratto**). А время между тѣмъ уходило, и новой арміи угрожала участь погибшей подъ Корсунемъ. Въ этомъ есть что-то недосказанное польской исторіографіей: чувствуется какая-то утайка отъ исторіи.

Янъ Казимиру въ Люблинѣ, пожалуй, могъ присниться сонъ Владислава IV. Венеціянскій посолъ Контарини увѣдомилъ его о страшномъ пораженіи Турокъ и склонялъ, точно второй Тыеполо, къ Турецкой войнѣ. Янъ Казимиръ могъ вообразить козаковъ своимъ авангардомъ, Татаръ — арріергардомъ, а Марія Гонзага, съ которой онъ разыгрывалъ передъ публикой влюбленную чету, посадила бы его на престолъ Палеологовъ такъ же успешно, какъ готова была посадить и первого супруга. Кто ошибался въ Хмельницкомъ еще грубѣе Владислава, въ томъ позволительно предполагать самыя дикия мечтанія.

Янъ Казимиръ сидѣлъ да сидѣлъ въ Люблинѣ, а дни за днями уходили да уходили, и каждый изъ нихъ уносилъ изъ міра живыхъ цвѣть польско-русско-го воинства подъ Збаражемъ. Объ этомъ король не зналъ, а, пожалуй, и не хотѣлъ знать. Если одному воспитаннику іезуитовъ, для какой-то, безъ сомнѣнія, благой въ его мысляхъ цѣли, было позволительно обнажить мечь среди законодателей Польши, то другому, для такой же, или даже лучшей цѣли, не вмѣнялось въ не-простительный грѣхъ погубить представителей исполнительной власти, и тѣмъ очистить себѣ козакотатарскій путь къ обладанію Востокомъ. Политическое развращеніе Польши шло *crescendo*, какъ смертоносный недугъ, а Янъ Казимиръ, въ этомъ смыслѣ, не оставался ни у кого позади.

Наконецъ было получено громкое извѣстіе, что Збаражъ обложенъ козакотатарскими ордами. У короля набралось всего 7.000 жолнеровъ, да было у него три ничтожныя пушки. Великій монархъ повелѣлъ литовскому полевому гетману, Янушу Радивилу, немедленно двинуться въ Украину и овладѣть „козацкимъ гнѣздомъ“, Кіевомъ, а съ своей стороны обѣщалъ ему поспѣшить подъ Збаражъ и занимать бунтовщика увеличенными силами.

Казалось бы, надлежало немедленно объявить посполитое рушение; но король третьей оповѣсткой отсрочилъ его на 11 августа и потребовалъ къ себѣ немедленно посполитаковъ только трехъ воеводствъ: Русского, Бельзского и Люблинского; потребовалъ русскихъ, но не польскихъ землевладѣльцевъ.

*) Отъ сказанного до сдѣланного большое разстояніе.

17 іюля, въ то время когда въ густой утренней мглѣ козаки рубили частоколъ и едва не овладѣли Збаражемъ, двинулся король изъ Люблина, предоставивъ главное начальство надъ войскомъ канцлеру Оссолинскому, причемъ возвелъ его, къ огорченію военныхъ людей, въ званіе генералиссимуса; что опять говорить изучающему исторію—или о крайней глупости Яна Казимира, или о чѣмъ-то похуже.

21 іюля послѣ того, какъ проливной дождь, вмѣстѣ съ бурею, „какъ бы чудомъ“, спасъ осажденныхъ отъ гибели, остановился король подъ Замостьемъ. Никакой вѣсти не приходило къ нему изъ-подъ Збаража. Разосланныхъ шпіоновъ нельзя было заставить никакими наградами дойти до самаго Збаража. Характерникъ Хмѣль очертилъ себя громаднымъ кругомъ, и на всемъ его пространствѣ сдѣлалъ Волынь для короля нѣмою, какъ были нѣмы для Николая Потоцкаго Дикия Поля.

Про королевскій походъ одинъ изъ приближенныхъ къ королю писалъ къ министру двора, Казановскому, что денегъ на региментъ королевской гвардіи, на Нѣмцевъ поморского воеводы, Вейера, и на фурмановъ „не даютъ“; что въ переходахъ—неурядица: „смѣхъ и только!... и, наконецъ, что шляхта, прибывшая въ Замостье, мѣтитъ отчасти уйти къ Вислѣ (drudzy się ku Wisle maja). Были и такіе, которые представляли короля бдительными и дѣятельными вождемъ, не щадившими себя въ походѣ; но эти хвалы уничтожаются ихъ же похвалою, что онъ отправляеть не только королевскія обязанности (munia), но и гетманскія: отсюда-то и выходилъ „только смѣхъ“.

Войска все еще было не больше 7.000, съ тремя жалкими пушками. Пришло извѣстіе, что вмѣстѣ съ Хмельницкимъ воюетъ и ханъ; но этому не вполнѣ вѣрили. Все-таки убѣдили короля потребовать къ себѣ посполитаковъ немедленно. Но посполитаки замедляли королевскій походъ поджиданіемъ замѣшавшихся дома, а тѣ, въ свою очередь, „спѣшили медленно“, полагая, что дѣло кончится одними сборами.

Вѣсти продолжали приходить къ медлительному войску, но не согласовались между собой. Однѣ говорили, что Вишневецкій сдѣлалъ вылазку и положилъ трупомъ 40.000 козаковъ; другія, что ханъ прибылъ къ нимъ съ 20.000 Татаръ. Наконецъ, и привезенный въ Сокаль шляхтичъ, очевидецъ трехъ приступовъ подъ Збаражемъ, не могъ сказать ничего вѣрнаго ни о ханѣ, ни о числѣ Татаръ. Въ тотъ же день привели двухъ Ногайцевъ, но они оказались крайне глупыми и могли только сказать, что вся Орда воюетъ вмѣстѣ съ Хмельницкимъ.

Черезъ нѣсколько днѣй, когда король стоялъ подъ Сокалемъ, привели лучшихъ языковъ, которые показали, что ханъ подъ Збаражемъ, что козаки подкапываютъ подъ обозъ и прикончались такъ близко, что съ вала на валъ долетѣлъ бы брошенный камень.

На основаніи этихъ вѣстей, король созвалъ тайный военный советъ въ сокальскомъ монастырѣ Бернардиновъ, для решения вопроса: дождаться ли здѣсь посполитаго рушенія, или идти далѣе? Всѣ были того мнѣнія, что идти на выручку съ малочисленнымъ войскомъ крайне опасно; но король постановилъ—идти: не вѣрилъ онъ, чтобъ у Хмельницкаго было много Татаръ, какъ не видать нигдѣ заговоръ; а канцлеръ-генералиссимусъ пророчилъ, что одинъ слухъ о прибытии короля поразить бунтовщиковъ, и русскіе города выплюютъ къ нему посланцовъ съ покорностью. Изъ Литвы доносили, какъ о фактѣ вѣрномъ, что князь Радивиль идетъ съ литовскимъ войскомъ къ Кіеву, и уже спустилъ по Днѣпру байдаками пѣхоту. Извѣстія, добываемыя отъ пленниковъ, становились все благопріятнѣе. Хотя нѣкоторые увѣряли, что ханъ со всѣми ордами находится подъ Збаражемъ, но имъ не вѣрили: всѣ хотѣлись вѣрить, что Татары вернулись помочь султану, а Хмѣль будетъ просить о помилованіи. На бѣду, привели еще козака, который показалъ, что у Хмельницкаго войска *немного*, и что всѣ козаки въ тревогѣ отъ слуховъ о походѣ Радивила. Король и его генералиссимусъ торжествовали, превзойдя одинъ другаго въ пониманіи дѣла.

Такъ уходилъ день за днемъ. Вѣсти становились все многочисленнѣе и между собой несогласнѣе. Король продолжалъ медлительный походъ; но всѣ подумывали: не лучше ли было бы вернуться на свои слѣды?

Хмельницкій держалъ козацкія и татарскія орды точно какъ бы въ блокадѣ; отпускалъ Татарамъ кормъ изъ собственнаго табора, а тѣмъ чатамъ, которыми себя окружилъ, какъ цѣпью, не дозволилъ никакихъ спошений съ главнымъ своимъ войскомъ и таборомъ подъ Збаражемъ. Немало помогала ему въ его замыслѣ и непависть мѣстныхъ мужиковъ къ жолнерамъ. Мало того, что пельзя было добыть у нихъ никакого извѣстія, они окружали королевское войско постояннымъ предательствомъ. Привозя сѣстры припасы въ лагерь, мужики развѣдывали обо всемъ, что можно было узнать, и тотчасъ увѣдомляли козаковъ. Въ случаѣ подозрѣнія и улики въ шпионствѣ, они терпѣли всякия муки, но Ляхамъ правды не открывали. Волынская почва была подготовлена для Хмельницчны Косинщиной и Наливайщиной, такъ

точно какъ украинская — Жмайловщиной, Тарасовщиной и Павлюковщиной.

Наконецъ, подъ Топоровымъ явился въ королевскихъ палатахъ попрошайка, худой, до крайности изнуренный, и подалъ письма отъ полководцевъ изъ-подъ Збаража. Это былъ отважный панцyrный товарищъ, Янъ Скршетускій, посланный Фирлеемъ къ королю. Переправясь ночью черезъ озеро, залегалъ онъ въ камышѣ, ползаль въ заросляхъ, бродилъ *мановицами*, тонулъ въ болотахъ, и такимъ образомъ ускользнулъ отъ соглядатаевъ Хмельницкаго.

Осажденные писали, что уже оборошаются въ городѣ и замкѣ, пытаются конскимъ мясомъ, половина лошадей околѣла у нихъ, пороху хватаетъ не больше какъ на три дня, а множество жонкеровъ умираетъ отъ одной бесконницы. Они просили помоши и уведомляли, что больше трехъ дней не выдержать. Къ этому прибавляли, что на честный миръ нѣтъ никакой надежды (*honestae pacis nulla spes*), и что Хмѣль намѣренъ быть обладателемъ всей Польши. Поэтому молили объ одной милости: прислать имъ пороху, чтобы, въ случаѣ если помошь опоздаетъ, они могли пасть, какъ подобаетъ воинамъ съ оружиемъ въ рукахъ.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ намъ слышится голосъ Вишневецкаго, голосъ его предковъ Русичей: „Станемъ крѣпко, не посрамимъ Земли Русской. Мертвые срама не имутъ. Лучше быть изрубленными, нежели полоненными“. Рѣшимостью пасть съ оружіемъ въ рукахъ, пплявецкіе бѣглецы смыли съ себя пятно, наложенное на нихъ двусмысленными совѣтами Киселей, и одно то, что между ними были Скршетускіе, возвышаетъ ихъ национальное достоинство въ нашемъ русскомъ возврѣнїи, какъ бы они ни называли свою націю.

Это было послѣднее, уже не повторившееся извѣстіе о Збаражѣ. У короля, во время его медлительного похода, войско выросло до 25,000. Но сравнительно съ козакотатарскою силой, которую открылъ ему великодушный панцyrный товарищъ, 25,000 сборной дружины представляли силу ничтожную.

Есть основаніе думать, что король не рѣшился сперва идти впередъ и хотѣлъ было отступить. Прямой путь къ Збаражу лежалъ ему на Броды. Вместо Бродъ, король пошелъ подъ Бѣлы Камень. Тамъ войско простояло четыре дня по причинѣ постоянной слякоти. Во время остановки, мысли Яна Казимира, или Оссолинскаго, перемѣнились. Это видно изъ универсаловъ, разосланныхъ къ мужикамъ, чтобы они оставили Хмельницкаго. Король обѣщалъ имъ прощеніе, милости и прежнія вольности. Такіе же универсалы были разосланы и по горо-

дамъ. Премудрый канцлеръ вмѣстѣ съ премудрымъ королемъ сулили разкозаковавшися черни журавля въ небѣ, который не стоилъ ни одной изъ синицъ, попадавшихъ въ ея руки по милости Козацкаго Батька. Они прощали тѣ преступленія, за которыхъ Хмельль награждалъ. Они обѣщали какія-то прежнія вольности, не гарантируяничѣмъ обѣщанія, тогда какъ вольности козацкія были обеспечены повсемѣстнымъ изгнаніемъ пановъ изъ ихъ жилищъ и самимъ истребленіемъ ихъ замковъ и домовъ.

Еще несообразнѣе съ положеніемъ дѣлъ было торжественное изложение подъ Бѣлымъ Камнемъ Хмельницкаго и провозглашеніе гетманомъ Запорожскаго Войска Забугскаго, со вручениемъ ему гетманской булавы. Малорусская наша пословица гласитъ: „до булавы трѣба головы“, а кто ее самъ не имѣть, тотъ и въ другихъ не видѣтъ. Скупая на талантливыхъ головы фортуна удѣлила ихъ въ это время всей Польшѣ и всей Цольской Руси только двѣ: одна продолжала удерживать за панами Збараѣъ какъ бы сверхъестественною силой; другая двинулась павстрѣчу королю совершенно для него невѣдомо.

Король и его генералиссимусъ рѣшились идти подъ Збараѣъ: рѣшимость благородная; но она произошла не изъ того источника, на который, по окончаніи войны, указывалъ во Львовѣ королевскій духовникъ и проповѣдникъ, Цѣклінскій. Онъ увѣрялъ собравшееся въ іезуитскомъ костелѣ зборовское и збараѣское рыцарство, будто бы Янъ Казимиръ и Оссолинскій предпочли явную гибель тѣмъ подозрѣніямъ, которыхъ на нихъ тяготѣли по извѣсту злыхъ языковъ, и при этомъ поставилъ ихъ на одной высотѣ съ Вишневецкими. Здѣсь опять прибѣгнула къ наглой, истинно іезуитской уловкѣ: сталъ доказывать передъ своими слушателями несправедливость людскихъ толковъ, что будто бы князь Вишневецкій старался въ мутной водѣ поймать гетманскую булаву. Такъ точно де и на короля съ его досточтимымъ канцлеромъ злоумышленные языки возверзали всякаго рода хулы. Но теперь де *всѣ три героя* доблести и чести опровергли общественное мнѣніе столь же достохвальными подвигами зборовскими, какъ и збараѣскими.

Іезуитамъ свойственно смѣшивать высокое съ низкимъ, и пороки возводить въ добродѣтели. Но дѣло въ томъ, что 12 августа привели къ королю плѣнного Татарива, который увѣрилъ короля и канцлера, что Хмельницкій, узнавъ объ ихъ приближеніи, отступилъ отъ Збараѣжа. Съ радостью приняли они желанное извѣстіе и бодро шествовали раздѣлить съ осажденными славу одолѣнія супостатовъ. Но малорусски это называется: „не говівши, не болівши, пасочки ззіти“.

Когда король приблизился къ Злочову, другой татарскій языкъ, человѣкъ знатный изъ Ногайской орды, говорилъ королю откровено, что ханъ охотнѣе бы держался королевской, чѣмъ козацкой стороны; „а я“ (замѣтилъ онъ), „видя королевское войско, не понимаю, какимъ способомъ король можетъ устоять противъ такой силы“. Онъ совсѣмъ вѣрить писать немедленно къ хану. Но его совсѣмъ пренебрегли, чтобы послѣдовать ему тогда, когда испортили уже дѣло.

13 (3) августа, въ пятницу вечеромъ, король остановился въ полумилю отъ мѣстечка Зборова, въ селѣ Млиновцахъ, надъ рѣкой Стырною. Въ субботу было предположено сдѣлать въ Зборовѣ два моста, на мѣсто унесенныхъ недавно половодьемъ. Въ воскресенье войско должно было переправиться черезъ Стырну на противоположную мѣстечку сторону, а въ понедѣльникъ идти на Озерную къ Тернополю, вблизи которого находился несчастный Збаражъ.

Рѣка Стырна, протекая съ сѣвера на югъ, впадаетъ подъ Млиновцами въ длинное озеро, загибающееся далѣе къ востоку. Въ самомъ изгибѣ вытекаетъ она изъ озера, и тамъ, по обопимъ берегамъ рѣки, лежитъ мѣстечко Зборовъ, принадлежавшее тогда Собіскимъ. И подъ Млиновцами, и подъ Зборовыми протекала она низинами среди обширныхъ, болотистыхъ луговъ. Дорога черезъ низины была поднята плотинами, которыя во время слякоти превращались въ невылазныя топи.

Такъ случилось и въ это бѣдственное время. Въ теченіе пяти дней передъ приходомъ короля шелъ беспрестанный дождь. Вода размыла плотины и снесла въ мѣстечкѣ мости. Но другаго мѣста для переправы не было.

Генераль артиллеріи, Артишевскій, посѣдѣлый въ голландской и въ американской службѣ воинъ, цѣлый день въ субботу исправлялъ плотины, дѣлалъ мости, какъ не извѣстно откуда разнеслась по лагерю вѣсть, что непріятель находится близко, и сдѣлалъ въ пѣсколькихъ мѣстахъ засады. Немедленно былъ посланъ подѣбѣздъ подъ начальствомъ опытныхъ офицеровъ. Но Хмельницкій, предвида рекогносцировку, спрятался съ ханомъ такъ искусно, что на пространствѣ трехъ миль не было найдено никакихъ слѣдовъ засады.

Король спокойно сдѣлалъ распоряженіе къ переправѣ, намѣреваясь расположиться завтра ночевать съ обозомъ по другую сторону мѣстечка и двинуться въ понедѣльникъ далѣе. Если надѣть походомъ Яна Казимира смыслились приближенные люди, то можно вообразить, какъ усмѣхался нашъ усатый котъ, сторожа издали глупую мышь, направлявшуюся къ его когтамъ.

Давно уже онъ зналъ королевскій маршрутъ, и потому-то заблаговременно перенесъ татарское становище и свои таборы съ фронта Збаража на западъ, въ ту сторону, съ которой приближался король. Онъ заслонилъ Старымъ Збаражемъ такъ, что могъ въ любой моментъ выступить навстрѣчу королевскому войску со всѣми своими силами и совершенно скрыть свой походъ отъ осажденныхъ. Онъ окружилъ ихъ шанцами, оставилъ немнога стрѣлковъ и нѣсколько мужицкихъ ополченій съ кольями, да цѣпами, отправилъ незамѣтно пушки и, приготовивши все такимъ образомъ, бросился въ субботу съ небольшимъ отрядомъ къ Зборову на рекгносцировку.

По дорогѣ между Збаражемъ и Зборовымъ, справа отъ Озерной стоялъ тогда дубовый лѣсъ. Съ высокаго дуба видны были Хмельницкому королевскія хоругви, а зборовскіе мѣщане были уже имъ куплены, или запуганы. Они приготовили для Татаръ проводниковъ, хорошо знавшихъ переправы. Въ умѣ Хмельницкаго составился планъ битвы.

Вернувшись подъ Збаражъ, выслалъ онъ татарскія орды на всю ночь къ Зборову съ провожатыми мужиками. Между Озерной и Зборовымъ растетъ и понынѣ вѣтвистый терновникъ. Онъ заслонить отъ короля приближающеся войско. Стоя за этой заслоной, Татары ждали условленнаго звона зборовскихъ колоколовъ, дающаго знать, что войско начало переправляться.

Г л а в а XXII.

Битва подъ Зборовы мъ.—Безславный для козаковъ и для пановъ миръ.—Печальное освобождение отъ осады.—Малорусскій народъ проклинаетъ Козацкаго Батька.—Развращеніе народа козатчиною.

Въ воскресеніе 15 (5) августа (въ день Успенія Богородицы по католическому календарю), съ утра погода была туманная. Шелъ мелкій дождикъ, моросило. Королевскій авангардъ прошелъ черезъ мѣстечко, и находился уже на дорогѣ, ведущей къ Озерной. За нимъ двинулась пѣхота и конница, а за конницей должны были идти возы. Хоругвя мъ краковскаго воеводы, Любомирскаго, было приказано стоять въ арріергардѣ и не двигаться съ мѣста, пока не переправятся всѣ скарбовые возы и пушки. Медленно шла переправа, по причинѣ гравной и тѣсной дороги. Войско растянулось на цѣлую милю. Передовыя стражи находились уже въ полукиломѣтре отъ Зборова и его мостовъ, а послопы Львовскаго и Переяславльскаго повѣтовъ съ 1.500 ополченцами Любомирскаго, подъ начальствомъ князя Корецкаго и со множествомъ возовъ, еще не двинувшихся съ мѣста, заняли такое же пространство на противоположной сторонѣ рѣки Стырны.

Тревога началась тѣмъ, что въ тылу табора поднялась какая-то суматоха, съ такимъ крикомъ, что множество людей, вмѣсто того чтобы идти въ порядокъ дальше, останавливались и задерживали идущихъ сзади. Въ это время въ обѣихъ половинахъ мѣстечка стали звонить колокола, какъ бы на богослуженіе, и вѣстовщики дали королю знать о приближеніи непріятеля.

Король спѣшилъ построить уже переправившееся войско, постоянно прибывавшее изъ-за рѣки. Онъ думалъ, что будетъ имѣть дѣло съ небольшимъ отрядомъ. Но козаки и Татары, одновременно съ прибытіемъ вѣстниковъ, стали выходить изъ заслонъ по всей линіи отъ Мстенска по дорогѣ на Озерную. Татары здѣсь играли главную роль. Они шли сперва раскидисто, потомъ больше и больше сгущались, на конецъ составили сплошную массу и наступили двумя *сакмами*, по 50.000 каждая. Одна сакма остановилась передъ панскимъ фронтомъ;

другая бросилась къ Мстенёву, чтобы ударить съ тыла на возы и на ихъ защитниковъ.

Услыхавъ обь Ордѣ, возницы и челядь, занимавшіе самую средину растянувшагося войска, побросали на мостахъ и плотинѣ возы, бѣжали куда попало и загромоздили дорогу такъ, что сообщеніе между двумя половинами войска было прервано. Одна часть возовъ оставила уже за собой мѣстечко; другая громоздилась на мостахъ и на плотинѣ.

Князь Корецкій, находясь въ тылу дальше всѣхъ, подался къ Мстенёву и не давалъ Татарамъ перейти за Стырну. Но Татаръ было такъ много, что Корецкій отступилъ къ обозу. На выручку ему бросились посполитаки Львовскаго и Переяславльского повѣтovъ, а также каштеляны сеномирскій, заславскій, литовскій подканцлеръ Левъ Казимиръ Соліга, паны Корняхть, Фелиціанъ Тишковичъ, племянникъ Оссолинскаго, Балдуинъ и князь Четвертинскій со своими дружинами; но всѣ они были побиты (rogomieci), а Балдуинъ Оссолинскій, Тишковичъ и князь Четвертинскій (членъ Переяславской комиссии) легли на мѣстѣ.

Исчисляю всѣхъ ихъ по свѣжей реляціи другаго члена Переяславской комиссіи, Мясковскаго, какъ людей, готовыхъ стоять труdyю за свою землю, но имѣвшихъ несчастье попасть въ руки безголоваго правительства.

Въ этомъ бою погибли двѣ хоругви Соліги съ двумя сотнями его пѣхоты и драгунъ (продолжаетъ Мясковскій). Столько же пало людей и у Корняхта. Львовскій повѣтъ сился задержать на себѣ Орду, но попалъ точно въ западню (говорить Мясковскій). Набили и насѣкли Татары множество товарищества, знатныхъ особъ и сановниковъ, и ротмистровъ. Полковники и полковое знамя были взяты, почти весь полкъ истребленъ, львовскіе и перемышльскіе возы оторваны. Хоругви сеномирскаго каштеляна и Оссолинскаго легли трупомъ. Погибъ и обозный королевскаго войска Чернецкій, братъ знаменитаго въ послѣдствіи Стефана Чернецкаго. Кто могъ, всѣ бѣжали къ Зборовской переправѣ; но возы такъ ее загромоздили, что конному полку трудно было пробиться впередъ. Орда наступала по слѣдамъ бѣгущихъ, не брала полона и рубила съ плеча. Остановило ее только расхищеніе пансаго добра, находившагося въ походныхъ „скарбовыхъ“ возахъ.

Обороняя добро свое, погибло и здѣсь множество знатныхъ людей, въ числѣ которыхъ возбуждалъ особенное сожалѣніе павшій kostьми вмѣстѣ съ четырьмя хоругвями своими Станиславъ Рѣчицкій

(имя русское), урядовскій староста, опытный воинъ временъ Владислава IV, говорившій по-персидски, арабски, турецки и татарски. При защитѣ возвѣтъ, по офиціальному дневнику, погибло не менѣе 1.000 человѣкъ. Остальные добрались таки до мѣстечка, которое обороныла пѣхота, а къ мостамъ не допустили Татаръ нагроможденные возы, „что послужило къ спасенію короля и всего войска“ (пишутъ Поляки).

Въ то самое время, когда одна татарская сакма переходила Стырну, другая наступала на короля съ долины. Здѣсь нашъ землякъ Артишевскій пригодился панамъ знаніемъ военнаго дѣла,—пригодился настолько, насколько король и его генералиссимусъ не мѣшиали ему своимъ главенствомъ. Съ лѣвой стороны заслонилъ онъ королевское войско неперходимымъ озеромъ, съ правой—долинами и байраками, едва возможными для перехода пѣшкомъ. Въ тылу находилось мѣстечко, а мосты были запещены возами и пѣхотою. Непріятель не могъ ни окружить войска, ни развернуть передъ нимъ своего фронта. Въ головѣ королевской арміи стояла иноземная пѣхота Губальта; правымъ крыломъ командовалъ подольский воевода, Станиславъ Потоцкій, знакомый съ Павлюкомъ, Скиданомъ, Остраницею, Кудрею, Пештою, Гунею; лѣвымъ—Юрій Любомирскій; Краковскій „генералъ-староста“.

Сперва Татары „грасовали“ по всему полю въ разсыпную; вдругъ сбились въ густую тучу и грязнули на правое крыло. Потоцкій встрѣтилъ ихъ огнемъ и не двинулся съ мѣста подъ ихъ напоромъ. Тогда часть Орды, подъ начальствомъ Артимира-бяя, обогнувъ голову королевского войска, ударила на лѣвое крыло. Генералъ-староста не выдержалъ удара. Страхъ охватилъ чисто-польскую шляхту. Король три раза возвращалъ отступающихъ мольбами и угрозами; три раза отбрасывалъ ихъ бурнымъ напоромъ Артимира-бяя. Наконецъ подоспѣли двѣ гусарскія хоругви и королевскіе рейтары. Рейтары стояли противъ азіатскихъ наѣздниковъ непоколебимо, а между тѣмъ маюре Гиза, съ двумя компаніями пѣхоты, повернувшись фронтомъ къ лѣвому крылу, открылъ по Татарамъ непрерывную пальбу, а генералъ Артишевскій разилъ Орду изъ пушекъ. Сколько разъ ни бросалась она за отступающими Поляками, боковой огонь заставлялъ ее опомниться.

Съ утра до вечерняго благовѣста отбивалось такимъ образомъ королевское войско отъ ханскаго. Подъ звонъ вечерняго благовѣста Татары отступили въ поле на три стадіи отъ боевища и стали кормить лошадей. Теперь куда бы ни двинулось королевское войско, всюду ждалъ его непріятель.

Король потерялъ въ этотъ день, какъ пишутъ не менѣе 2.000 человѣкъ, заслужившихъ лучшей участіи подъ начальствомъ лучшаго полководца. Сборное войско показало значительную силу стойкости. До булавы недоставало только головы. Нашъ столько же даровитый, какъ и коварный Хмѣль, не обнаживъ еще сабли, одною смѣтливостью своею побилъ цвѣтъ королевскаго войска.

Вечеромъ было видать панамъ, какъ у татарскаго и у козацкаго хановъ разбивали палатки въ полуночи отъ королевскаго лагеря. Король разставилъ крѣпкія стражи, вѣдѣль жоннерамъ стоять всю ночь подъ оружіемъ, насыпать окопы и разобрать мосты на Стырнѣ.

Не сходя съ коней, стали совѣщаться, чѣдѣлать далѣе. Артишевскій вспомнилъ свою старину и утверждалъ, что занятая войсками позиція даетъ возможность обороняться отъ 400.000 варваровъ. Боевая фантазія разыгралась въ немъ до такой степени, что онъ вызывался довести короля и войско до Збаража. Это показываетъ намъ, что были въ польско-руssкомъ обществѣ силы, рвавшіяся изъ-подъ гнилаго правительственноаго состава къ мужественному выбору между честною смертью и безчестною жизнью. Но эти силы были, можно сказать, погублены королевско-канцелярскими проволочками и порядками. Въ настоящемъ положеніи дѣль благородная рѣшимость нашихъ Артишевскихъ сдѣлала бы не болѣе того, чѣдѣ возможно сдѣлать великодушное мужество нашихъ Вишневецкихъ. Малолюдное сравнительно панское войско само пришло въ широко разставленныя непріятельскія руки. Въ Зборовѣ ли, или въ Збаражѣ, рано ли, или поздно, но чигиринскій мурлыка сдѣлалъ бы надъ варшавскою мышью свой цапъ-царапъ.

Поняла теперь это безразсудная мышь, и вспомнила о пренебреженнемъ совѣтѣ Ногайца—разъединить Хмельницкаго съ Исламъ-Гиремъ. Было уже поздно прибѣгать къ этому средству, но лучше поздно, нежели никогда. Лучше поступиться хану всѣмъ, чѣдѣ дозволяетъ и чего не дозволяетъ национальная честь, нежели очутиться въ беспощадныхъ лапахъ Козацкаго Батька, заявившаго мысль о панованіѣ надъ всей Польшей.

Паны находили невозможнымъ выдержать блокаду ни по мѣсту, ни по запасамъ. Явилась было у нихъ мысль—проводи короля тайно изъ обоза, чтобы онъ сталъ во главѣ послопитаго рушенія, которое было уже въ дорогѣ,—опасная мысль, напоминавшая *vires Kиселя*, который находился ~~быть~~ же, какъ неизбѣжное зло, панскихъ совѣщаній. Съ этой ли стороны, показалась она панамъ неудобо-исполнимою, или, можетъ быть, съ той, что въ такомъ случаѣ

они лишили бы себя возможности выбраться изъ западни посредствомъ своего готоваго на все избранника,—неизвѣстно; только было предпочтено написать отъ его имени бѣ хану.

Въ освобожденіи Исламъ-Гирея изъ польского плѣна важную роль игралъ Владиславъ IV. Опираясь на благодѣяніе покойнаго брата, Янъ Казимиръ обѣщалъ хану свою дружбу и незаплаченный гарачъ, который называлъ подарками. Съ этимъ письмомъ тотчасъ отправили того самаго Ногайца, который давалъ благой совѣтъ еще подъ Злочовомъ.

Ночь была тихая. Но войско волновалъ слухъ о намѣреніи короля и пановъ уйти изъ лагеря. Не умѣли въ погибающемъ панскомъ государствѣ сохранить и настолько тайны, насколько между хмельничанами хранили ее мужики. Зная по бѣгству изъ-подъ Пилияцевъ, къ чему способны люди, стоявшіе въ Польшѣ на высотѣ знатности, два ротмистра, представители польской національности, Белжецкій и Гидзинскій, упредили предательство предательскимъ бѣгствомъ, а третій, котораго называютъ Литвиномъ, взбунтовалъ больше тысячи человѣкъ, объявляя, что короля нѣть уже въ лагерѣ. Одни стали готовиться къ бѣгству; другіе бросились къ королевскимъ палаткамъ, чтобы узнать правду. Іезуитъ Щѣцишевскій, тотъ самый, который умудрился возвести губителей Польши на одну высоту съ ея спасителемъ, разбудилъ короля и, вѣроятно, научилъ, что дѣлать. Янъ Казимиръ верхомъ, при свѣтѣ факеловъ, обѣѣжалъ войско, останавливался передъ каждымъ полкомъ и произносилъ: „Не бѣгите вы отъ меня; я отъ васъ вѣрно не уйду“.

Провожавшіе короля паны принялись разсказывать шляхтѣ турусы на колесахъ,—что послопитое рушеніе приближается съ огромными силами; что Татары хотятъ оставить козаковъ и вырубили ихъ множество подъ Збаражемъ, а завтра соединятся съ королемъ и т. и. Такія убѣжденія, вмѣстѣ съ невозможностью бѣжать между постовъ окружившаго ихъ непріятеля, остановили панику, готовую обнять все панское войско. Радивиль въ своемъ дневнике пишетъ: „Только милость Божія да предстательство Пресвятой Дѣви, польской королевы, сдѣлали то, что въ день ея вознесенія на небо наше королевство не погибло“.

Между тѣмъ подоспѣло изъ-подъ Збаража войско Хмельницкаго, въ числѣ 150.000, какъ писали тогда въ дневникахъ и въ реляціяхъ. Рано утромъ козаки, вмѣстѣ съ Татарами, начали приступъ къ Зборову. 50.000 штурмовали городъ со стороны переправы, гдѣ былъ разобранъ мостъ на Стырнѣ и стояла половина возовъ. Орда распо-

ложилась противъ центра королевскаго войска, которое король построилъ въ томъ же порядкѣ, какъ и вчера, а остальные козаки лѣзли на лагерные валы со стороны озера. Шляхта, напуганная событіями вчерашняго дня и миновавшой ночи, утратила отвагу, и только артиллерія да пѣхота отражали Татаръ, которые теперь напирали слабо. Хуже шло дѣло со стороны переправы и озера. Драгуны, оборонявши городъ, не могли выдержать натиска. Гарнизонъ, засѣвшій въ церкви, былъ выбитъ, и козаки двинулись оттуда на валы. Полковнику Гладкому помогали мѣщане, зажигая солому въ болѣе слабыхъ мѣстахъ. Король єздилъ безъ шляпы по всему лагерю, и умолялъ шляхту защищать валы. Эта позорная для нея сцена смѣнилась еще болѣе позорною.

Многочисленная шляхетская челядь, созванная королевскимъ гетманомъ Забугскимъ, импровизировала себѣ полотняныя знамена, сдѣлала вылазку, отразила Татаръ, отняла у козаковъ три прикметы, выѣбала ихъ изъ трехъ шанцевъ и прогнала за переправу; а другая купа той же челяди, подъ начальствомъ іезуита Лисицкаго, погибшаго тутъ же въ битвѣ,бросилась на коза овъ Гладкого, которые поставили въ садахъ двѣ пушки и причинили шляхтѣ много потеръ. Смѣлыхъ людей поддержали двѣ сотни драгунъ. Потерявъ двѣ прикметы, Гладкий убрался изъ садовъ. Эти внезапныя нападенія такъ озадачили козаковъ, что они удалились даже изъ церкви, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько пушекъ и возовъ съ амуниціей. Королевское войско пріободрилось, и была даже рѣчь о томъ, чтобы, посадивъ челядь на шляхетскихъ коней, дать непріятелю битву въ полѣ. Но интересъ боевой импровизаціи состоить въ томъ, что челядь, почти вся русская, шла противъ козачини за пановъ, и что люди православные, какъ это было и въ Навлюковщину, наступали па православныхъ подъ командой іезуита.

Тѣмъ не менѣе битва шла, хоть и вяло, но томительно, и хонецъ ея не предвѣщалъ добра. Послѣ четырехъ часовъ тяжкой и унизительной борьбы короля за корону, а пановъ за панованье, прискакалъ отъ хана гонецъ съ отвѣтомъ на королевское письмо. Это письмо сдѣлалось извѣстнымъ публикѣ и въ переиначенномъ видѣ, и представляло короля такимъ героемъ, какими являются наши козаки въ поддѣльныхъ документахъ, въ измышенныхъ сказаніяхъ лѣтописцевъ и въ основанныхъ на нихъ историческихъ монографіяхъ.

Что касается отвѣта Гиресева, то, титулуя себя „по милости Божіей счастливымъ и милосердымъ“, ханъ объявлялъ, что пришелъ зи-мовать въ эти края и, поручивъ себя Господу Богу, останется здѣсь

на зиму гостемъ. Если король желаетъ переговорить съ гостемъ и другомъ, то пускай вышлетъ своего визира, а онъ вышлетъ своего.

Вмѣстѣ съ отвѣтомъ, прислалъ онъ и условия своей дружбы, а именно: 1) удовлетворить Запорожское Войско; 2) уплатить недоплаченный гарачъ съ какою-нибудь значительною прибавкою; 3) представить Ордѣ право—на возвратномъ пути воевать польскія владѣнія вправо и влѣво огнемъ и мечемъ.

Тутъ же съ ханскимъ письмомъ подали королю письмо и отъ другаго по милости Божией счастливаго и милосердаго воина, Богдана Хмельницкаго. Этотъ пѣль ту самую пѣсню, но на собственный, на козацкій ладъ, именно — молилъ о прощеніи, запуская панамъ и королю свои когти въ сердце, если только оно имѣлось у короля. Покамѣстъ онъ выражалъ готовность уступить булаву Забугскому, лишь только его королевская милость благоволитъ выслать его въ Запорожское Войско. На языкѣ дѣйствительности это значило, что кости новаго гетмана, съ обломками торжественно врученной ему подъ Бѣлымъ Камнемъ булавы, полетятъ въ лицо королю такъ точно, какъ полетѣло透过儿 столъ королевское письмо, привезенное въ Чигиринъ Смяровскимъ.

Но всеподданнѣйшая и униженнѣйшая петиція Хмельницкаго интересна въ самомъ складѣ своеемъ: она изображаетъ Козацкаго Батька передъ потомствомъ лучше всѣхъ портретовъ.

„Видитъ Господь Богъ“ (писалъ онъ), „что я, будучи нижайшимъ подноожкомъ найяснѣйшаго маестата вашей королевской милости, и родившись урожденнымъ (то есть пляхетнымъ) Хмельницкимъ, до сихъ пожилыхъ лѣтъ моихъ, не былъ ни въ какомъ бунтѣ противъ маестата вашей королевской милости, милостиваго моего пана. Это показываетъ моя вѣрная служба еще вмѣстѣ съ славной памяти покойнымъ родителемъ моимъ, Михаиломъ Хмельницкимъ, чигиринскимъ подстаростiemъ, который на службѣ святой памяти отца вашей королевской милости, какъ и всей Рѣчи Посполитой, положилъ свою голову на Цецарь, гдѣ я находился при покойномъ отцѣ моемъ и претерпѣль тяжкій двухлѣтній плѣнъ. Когда меня Господь Богъ благоволилъ освободить изъ этой неволи, я всегда пребывалъ вѣрноподданнымъ при войскахъ Рѣчи Посполитой, и теперь свидѣтельствуясь Богомъ, что былъ бы очень радъ, чтобы христіанская кровь больше не лилась. А что ваша королевская милость въ панскомъ писанѣ своемъ (къ хану) благоволите считать меня, подноожка своего, за какого-то бунтовщика, о чемъ и мысли у меня нѣтъ, и знаю хорошо, что это на меня клевещутъ, то благоволите, ваша королевская милость, по своему

панскому благоволенію, взвѣсить своимъ высокимъ и милосердымъ разсудкомъ и милостию выслушать тѣхъ пановъ, которыхъ множество тамъ при особѣ вашей королевской милости, какъ они засудили меня безвинно, и какое зло испыталъ я отъ ихъ милостей пановъ державцевъ украинскихъ. Не отъ гордости, а отъ великихъ бѣдъ моихъ, будучи изгнаникомъ изъ собственной отчизны моей и изъ убогихъ добръ моихъ, по-неволѣ долженъ былъ я приникнуть (*przygarnąć się*) и упасть къ ногамъ великаго царя его милости крымскаго, чтобы онъ привелъ меня къ милостивому благоволенію вашей королевской милости, моего милостиваго пана. Хотя такъ оно должно было сдѣлаться, что за виновныхъ и невинныхъ души должны были отвѣтить, но, пускай судить Господь Богъ, кто тому причиной“...

Не вполнѣ надѣясь на успѣхъ своего смиренства, Хмельницкій воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобы заподозрить короля передъ его республикой, если не въ готовности, то въ возможности опираться на козаковъ. Іезуитское посланіе свое заключило онъ слѣдующими словами:

„Хорошо знаю, что, по благоволенію вашей королевской милости, я былъ бы оставленъ непредимымъ; но, знаю о томъ, что паны державцы украинные вашей королевской милости мало въ чёмъ обращаютъ вниманіе на вашу королевскую милость, и каждый изъ нихъ самъ себя называетъ королемъ, увѣренъ, что не только не стали бы терпѣть меня въ панствѣ вашей королевской милости, но и душу мою тотчасъ возьмутъ. Вѣдь и съ Войскомъ Запорожскимъ всегда, и въ началѣ счастливаго избрания вашей королевской милости на это панство, очень о томъ старался, и теперь того желаю, чтобы вы были могущественнѣйшимъ паномъ въ Польской Коронѣ, нежели святой памяти отецъ и братъ вашей королевской милости. Поэтому, не вѣря ничему (въ толкахъ), что вы—невольникъ Рѣчи Посполитой, я буду держаться того пана, который милостиво, по Божию милосердію, держитъ меня подъ своей опекой“.

Безстыдное письмо убийцы Смяровскаго и нѣсколькихъ посланцевъ Адама Киселя показалось отвратительнымъ даже и тому, кто выдалъ особу, рисковавшую собой для его освобожденія изъ французской тюрьмы. Письменного отвѣта на него не послѣдовало, а хану отпили, что король готовъ прислать канцлера на назначенное мѣсто.

Передъ заходомъ солнца стража донесла, что визирь выѣхалъ въ поле и ждетъ канцлера. Канцлеръ отправился къ нему въ 60 лошадей. Ему сопутствовали кіевскій воевода, Адамъ Кисель, и литовскій подканцлеръ, Левъ Казимиръ Сопіга.

Милосердый ханъ стояль на своихъ условіяхъ такъ твердо подъ Зборовыемъ, какъ плакавшій Хмѣль на своихъ — подъ Львовомъ. Оба счастливые и милосердые по милости Божіей злодѣя, произнеся жестокій приговоръ, не смягчали его ничѣмъ. Только передъ началомъ совѣщаній послалъ визирь козакамъ приказъ — прекратить приступы, а Татарамъ — сѣѣхать съ поля. Согласясь въ принципѣ на всѣ требованія хана, Оссолинскій сѣѣхался съ визиремъ въ полѣ на другой день утромъ для опредѣленія подробностей.

Изъ условій пощады самимъ тяжкимъ и унизительнымъ для себя пунктомъ Поляки находили тотъ, въ которомъ король обязался платить ежегодно хану гарачъ; мы находимъ безпрѣмѣрно унизительнымъ не только для пановъ, но и для самихъ козаковъ тотъ, по которому хану предоставлялось право — на возвратномъ пути воевать огнемъ и мечемъ польскія владѣнія вправо и влѣво. Такъ думаютъ и благородные польскіе умы нашего времени.

„Трудно сказать“ (пишетъ докторъ Кубала), „какого рода была необходимость, принудившая пановъ къ согласію предать непріятельскому огню и мечу беззащитный край. Но если можно было окупиться, если можно было тотъ ясырь и добычу, на которые разсчитывали Татары, исчислить и замѣнить деньгами, но этого не сдѣлали, а торговали человѣческою кровью, то король и его совѣтники достойны смертельного презрѣнія (*król i jego doradcy zasłużyli na śmiertelną pogardę*)“.

Архидіаконъ іерусалимскаго патріарха, проѣзжавшій по слѣдамъ язырившій Орды, говоритъ, что король, вмѣсто денегъ, отдалъ ей на расхватъ семьдесятъ городовъ и селъ. То же самое число показываетъ козацкій лѣкарь, Литвинъ Лукашка, прибавляя, что и провожавшиѣ Татаръ козаки грабили въ тѣхъ городахъ своихъ единовѣрцевъ мѣщанъ. Того мало: лѣкарь Лукашка разсказываетъ, что Хмельницкій сперва скорился съ татарскою чернью за неправильность козакотатарского дувана, но что потомъ онъ послалъ съ нею своихъ полковниковъ, которые, явившись вмѣстѣ съ Татарами подъ видомъ закупки сѣѣстныхъ припасовъ, отирали города притаившейся Орды, и что Татары хватали въ полонъ даже своихъ проводниковъ и сограбителей.

По разсказу пущивъца Петра Литвинова, гостившаго у Хмельницкаго подъ Збаражемъ и возвращавшагося съ нимъ изъ Волыни, этими полковниками были Небаба и Нечай. „И назадъ де идучи“ (донасилъ царскимъ воеводамъ гость Козацкаго Батька), „тѣ Крымскіе Татаровя взяли взятьемъ литовскихъ (то есть малорусскихъ) городовъ

съ тридцать, и тѣхъ городовъ въ уѣздѣ уѣзденыхъ людей всѣхъ побили и въ полонъ поимали“.

Избіеніе объясняетъ онъ далѣе слѣдующими словами: „...идучи назадъ въ Крымъ (Татары) литовскіе города на Волыни и на Подольѣ (повоевали) и у Коломы, гдѣ соль варятъ, полонъ многой поимали же, да и Бѣлоруссовъ (кіевскихъ) и Черкасъ многихъ поимали же, и ведутъ въ Крымъ полону безчисленное множество, а больши ведутъ женской полъ, жонокъ, да дѣвокъ, да робать малыхъ, а мужескъ полъ всѣхъ сѣкуть“.

Вотъ чѣмъ расплатился Янъ Казимиръ съ ханомъ, а Богданъ Хмельницкій съ татарскою чернью! Малорусская исторіографія до сихъ поръ не упоминала даже вскользь о такихъ поступкахъ своихъ „национальныхъ героевъ“, козаковъ. Мало того, она ихъ перелигала подобно тому, какъ это дѣлали придворные непобѣдимаго Яна Казимира, сочинявши реляціи о немъ для Европы и передѣлывавши собственныя письма его „ради національной чести“, точно какъ будто національная честь охраняется ложью и подлогомъ.

Торгую человѣческою кровью, въ переговорахъ съ ханскимъ визиремъ генералиссимусъ Яна Казимира крѣпко стоялъ на томъ, что „Поляки не знаютъ слова гарачъ и привыкли его братъ, но не давать. Совсѣмъ иное дѣло, то со іннего (говорилъ онъ), если рѣчь идетъ о подаркахъ (*stipendia gratuita*), которые король обязался давать хану.“

Визирь, въ качествѣ азіатскаго варвара, спорилъ съ европейскою знаменитостью не о названіи, а о самой вещи. Сверхъ недоимочнаго гарача, онъ требовалъ единовременной дани круглою цифрою 200.000 талеровъ, или 600.000 злотыхъ. 30.000 талеровъ король долженъ былъ уплатить на мѣстѣ, за другими 30.000 послать во Львовъ и отправить къ хану на goncемъ черезъ Сулейманъ-агу, котораго онъ оставилъ королю въ видѣ заложника. За остальные 140.000 талеровъ — оставить въ залогѣ у хана сокальскаго старосту, зятя Оссолинскаго, Денгофа.

Когда согласились и на этотъ пунктъ, визирь потребовалъ, чтобы осажденные въ Збаражѣ паны уплатили 200.000 талеровъ отдѣльного окупа, который будто бы обѣщали. Король, прибывшій спасать своихъ Фернопильцевъ, спокойно, или злорадственно, положилъ такую резолюцію: „Если обѣщали, то пусть и дадутъ, а если у нихъ денегъ нѣтъ, пускай дадутъ заложника, а я постараюсь, чтобы Рѣчъ Посполитая заплатила эту сумму“. Вотъ какимъ способомъ принималъ онъ къ себѣ въ геройскую троицу князя Вишневецкаго! Всѣ мы, дескать, спаслись окупомъ.

Но все-таки предложенныхъ и принятыхъ условій пощады не для чего было писать на бумагѣ: ханъ гарантировалъ ихъ для себя мечемъ и огнемъ, а королю надобно было сдѣлать изъ нихъ государственную тайну изъ уваженія къ своей чести и къ чести Рѣчи Посполитой (*ze wzglѣdu na honor króla i Rzeczypospolitej*).

Сдѣлавшись тайно рабомъ счастливыхъ и милосердыхъ злодѣевъ, Янъ Казимиръ заключилъ съ Татарами явно такой договоръ, который честь короля и Рѣчи Посполитой позволяла опубликовать. Обѣ стороны обязывались взаимною помощью и обороною въ войнѣ съ соседями. Рѣчъ Посполитая будетъ посыпать регулярно подарки въ Каменецъ (30.000 дукатовъ на кожухи). Ханъ обеспечиваетъ за Хмельницкимъ булаву и 40.000 козаковъ, которыхъ никто не смѣеть обижать. Король предоставляетъ свободную пашу Татарамъ къ западу отъ Азова надъ тремя рѣками (Днѣпромъ, Богомъ и Днѣстромъ), въ Дикихъ Поляхъ. Это значило — во всей *не-городовой* Украинѣ, иначе — въ Запорожье.

Подобно утопающему, Польша хваталась и за соломинку, и за бритву. Но бритвой въ настоящемъ случаѣ были не Татары, придвижившие свой Крымскій Юртъ къ украинскимъ Городамъ, и не козаки, поступившиеся непріятелямъ Св. Креста своимъ „славнымъ Запорожьемъ“, а нарушение вѣчнаго мира съ Московскимъ Царствомъ. Нарушеніе вѣчнаго мира явствуетъ изъ наступательно-оборонительного союза христіянъ съ магометанами; но царскій гонецъ Кунаковъ провѣдалъ, что, кроме писанныхъ пунктовъ, былъ въ этомъ явномъ договорѣ и такой, котораго публиковать не рѣшились. Обѣ этомъ секретномъ пунктѣ доносилъ онъ Царской Думѣ (въ декабрѣ 1649 года) слѣдующими характеристическими словами:

„Да паны жъ рада межъ себя совѣтуютъ и разсуждая говорять, что съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ величествомъ, вѣчное докончанье не подкреплено за пьянствомъ и за табачною торговлею великихъ королевскихъ пословъ. А нынѣ же король въ обозѣ подъ Зборовымъ по-неволѣ вѣчное докончанье съ царскимъ величествомъ *нарушилъ*: позволилъ крымскому хану черезъ Польское и Литовское Панство съ войскомъ ходить, куды ему будетъ потреба, и на томъ де король и присягъ; и только де про то вѣдомо учинится царскому величеству, и по той де причинѣ и съ Московскую Сторону войны“.

И въ другомъ мѣстѣ: „И тое де статью королевскіе сенаторы и близкіе люди таять и заказано про то всѣ пакты подъ гарномъ. А у кого промысломъ и иманы тѣ Крымскаго и Хмельницкаго пакты

прочесть для вѣдома, и тое статьи въ спискахъ съ пактъ не написано. И сперва де, какъ подъ Зборовомъ договорились и пакты написали, и канцлеръ съ подлинныхъ пактъ списки послалъ къ пріятелямъ своимъ для вѣдомости, а тое статьи не писалъ".

Зная, что Польши, послѣ этого, ничто уже спасти не могло, слѣдуетъ упомянуть, что пакты съ ханомъ были спрятаны въ тайномъ архивѣ; что на ближайшемъ сеймѣ подтверждены они весьма таинственно и поверхностино *), и что дѣлопроизводитель несчастнаго договора, королевскій секретарь Мясковскій, въ донесеніи королевичу Королю писалъ: „Чѣмъ и какъ обострили Татары свои пакты, было бы трудно и долго писать.“ (Очевидно, что была такая статья, о которой онъ писать не смѣлъ).

Счастливый по милости Божией ханъ явилъ и въ томъ еще свое милосердіе, что согласился двинуться съ мѣста прежде короля, отозвать посланные за Стырну загоны и возвратить взятыхъ ими плѣнниковъ, хотя на эту послѣднюю милость согласился съ большимъ трудомъ.

Молившій короля о помилованіи Хмѣль былъ упорнѣе хана. Дѣло ясное, что его русское самодержавіе татарскій царь ограничилъ 40.000 козаковъ для собственной безопасности: ибо дружба злыkh, по замѣчанію Шекспира, иерходитъ въ боязнь, а боязнь рождаетъ ненависть. Кунаковъ многое принималъ на вѣру несообразно съ историческою дѣйствительностью, открывавшуюся для потомства; но въ этомъ случаѣ изобразилъ весьма правдоподобно сцену между двумя счастливыми по милости Божией и милосердными людѣдами.

„И учина Крымскій ханъ съ Польскимъ королемъ договоръ чрезъ королевскаго Татарина, и укрѣпясь на договорныхъ записяхъ съ канцлеромъ съ Юрьемъ Оссолинскимъ, послалъ къ Богдану Хмельницкому, дающи ему вѣдомо, на чомъ онъ съ Польскимъ королемъ договорился, и чтобы Хмельницкой послалъ къ королю пословъ своихъ договариваться о статтяхъ, что ему настоитъ. И Богданъ де Хмельницкой пріѣхалъ въ полки къ Крымскому хану самъ съ 20.000 войска, и хану говорили, что онъ, ханъ, учинилъ договоръ съ королемъ, забывъ шерть свою, что было имъ ни одному, ни безъ одного съ королемъ и съ паны и со всею Рѣчью Посполитою не мириться. И ханъ де Хмельницкому говорилъ, что онъ, Хмельницкой, не знаетъ мѣры своей, хочетъ пана своего до конца разорить, а и такъ панство его исплюндровано

*) Именно вотъ какъ: „Skrypt do archivum dany rationem o brony Rzeczypospolitej autoritate praesentis Conv. in toto aprobuujemy do przyszlego ordynaryjnego sejmu.“

досыть: надобно де и милость показать; онъ де, ханъ, монарха породный, узнавъ мѣру свою, съ братомъ своимъ, съ польскимъ монархомъ, снесся въ добрую згоду, и его, Хмельницкого, съ паномъ его поединать договаривался, какъ годно: а только онъ договариваться и единаться съ нимъ не будетъ, и онъ, Крымской ханъ, съ королемъ на него заодно. И Богданъ де Хмельницкой о томъ престалъ, и послалъ къ королю пословъ своихъ“.

Въ послѣдствіи, по возвращеніи въ Украину, Хмельницкій говорилъ московскимъ гостямъ своимъ, боярскому сыну Жаденову, да площадному дьячку, Котелкину: „Не того мнѣ хотѣлось, и не такъ бы тому и быть“, а потомъ, подпивъ, заплакалъ, и Москали замѣтили: „знатъ, что ему не добрѣ и любѣ миръ, что помирился съ Ляхами“.

Но чего бы ни хотѣлось милостію Божію запорожскому гетману, русскому князю, единовладнику и самодержцу, онъ представилъ королю договорные пункты свои при низкопоклонномъ письмѣ, въ которомъ, падая къ милостивымъ ногамъ его королевской милости, своего милостиваго пана, уничепо просилъ простить ему, низжайшему подвожку своему, грѣхъ, который де учинилъ онъ по-неволѣ (повтореніе Киселевской фразы), и обѣщалъ быть вѣрнымъ подданнымъ до конца живота своего. Если есть (писаль онъ) что-нибудь оскорбительное въ представляемыхъ пунктахъ, то объ этомъ усиленно просить все Запорожское Войско, равно какъ и о томъ, чтобы выданъ былъ ему измѣнникъ его, Чаплинскій, которому понравиось убогое хозяйство его и который отнялъ у него всѣ добра его, а самого его подвергъ было смертной казни у пана хорунжаго. За это де и война началась (а не за вѣру, о которой бы здѣсь было время и мѣсто поговорить съ Ляхами). Пускай де Чаплинскій будетъ наказанъ такою смертью, какую предназначалъ для него (Это для Козацкаго Батька было важнѣе вѣры).

Посламъ Хмельницкаго отвѣчали, что король согласится на все, чѣмъ только не будетъ противорѣчить изъ цѣлости маестата и безопасности Рѣчи Посполитой, а по врученіи хану денегъ и пактовъ, стали договариваться съ козаками. Резульматомъ этого договора былъ актъ, названіе котораго напоминаетъ споръ Оссолинскаго съ ханскимъ визпремъ о названіи гарача подарками.

Декларация королевской милости на пункты просьбы Запорожского Войска заключала въ себѣ 11 статей. Можетъ быть, ихъ было и больше, но подлинника Декларации въ послѣдствіи никто не доскался, а въ опубликованной тогда же „Привилегіи Русскому Народу“ паны солгали весьма грубо, будто бы король „больше всего своею королевскою повѣгою, нежели кровью, счастливо угасилъ внутреннее

замѣшательство, начавшееся со времени междуцарствія". Это привело къ тому, что договоръ съ Хмельницкимъ, равно какъ и договоръ съ Исламъ-Гиреемъ, былъ подтвержденъ на сеймѣ лишь въ общихъ выраженияхъ *). Вмѣсто договорныхъ пунктовъ, польская публика читала великодушный королевскій манифестъ, пазванный привилегіей *Русскому Народу*, подъ именемъ которого разумѣлись не тѣ землевладѣльцы, которые сохраняли еще православную вѣру, не тѣ паstryи русскихъ душъ, которые болѣли за нее сердцемъ, подобно Филиповичу, и пользовались духовными хлѣбами, подобно Косову да Тризна, даже не купцы и мѣщане, образовавшіе въ Малороссіи городскія муніципії и основавшіе церковныя братства, а только козаки. Въ манифестѣ было сказано, что король, снисходя къ просьбѣ Запорожскаго Войска, всѣ прежнія привилегіи, на которыхъ гдѣ-либо въ книгахъ существуютъ крѣпости (*extant munimenta*), возстановляетъ, и давшія вольности, въ тѣхъ привилегіяхъ дарованныя Запорожскому Войску, признаетъ и подтверждаетъ. Но въ какихъ книгахъ и какія именно вольности, обѣ этомъ не знать ни тотъ, кто составлялъ плутовской актъ, ни тѣ, для кого быть онъ составленъ, ниже козаки, которые много разъ домогались какихъ-то давнихъ правъ и вольностей, но ни въ одной петиціи не обозначили, въ чёмъ состояли онѣ. Въ королевской Привилегіи Русскому Народу все дѣло сводилось къ слѣдующимъ словамъ: „А особливо утверждаемъ за ними (козаками) нашою привилегіей то, чтобы они не были судимы нашими старостами, державцами и (ихъ) намѣстниками, но во всѣхъ дѣлахъ будуть чинить имъ судъ и расправу гетманы ихъ. Зато и козаки въ замковыя начальства, также въ аренды, шинки, равно грунты и принадлежности, на которые давнихъ правъ не имѣли, вступаться не будутъ“.

Вотъ и все, о чёмъ хлопоталъ фиктивный Русскій Народъ королевскаго манифеста. Въ самихъ же пунктахъ „Декларациіи королевской милости“, которые были закрыты отъ публики этимъ манифестомъ, — за исключениемъ 8-го, говорится о козацкихъ отношеніяхъ и о территоріи, въ которой будутъ имѣть мѣстопребываніе по обѣимъ сторонамъ Днѣпра 40.000 козаковъ. Гетманъ Хмельницкій, которому давалось на булаву чигиринское старство (пунктъ 3), можетъ во всей территоріи козацкаго мѣстопребыванія вписать любого изъ королев-

*) Именно въ слѣдующихъ: „Poniewaž podluy konsylt: koronacy w uspokojeniu Kozaków dosyć się stało, tedy deklaracyją laski naszej uczynioną pod Zborowem autoritate conv. praes. za zgodą wszech stanów aprobuujemy“.

скихъ или шляхетскихъ подданныхъ въ 40.000-й реестръ. Каждый реестровой козакъ дѣлается свободнымъ отъ всякихъ налоговъ и по-датей (Это значило, что всѣ украинскіе паны, имѣвшіе добра въ чертѣ козачества, фактически теряли ихъ). Гетманъ имѣть право выбрать козака и за чертою, но тогда выбранный долженъ совсѣмъ переселиться въ Украину, чего никто не можетъ ему воспретить (На этомъ основаніи всѣ мужики могли выйти въ Украину, и хотя бы ихъ по-томъ не было въ реестрѣ, никто бы не могъ выискать ихъ и вернуть за черту).

Коронныя войска въ козацкой территории стоянокъ имѣть не будуть; Жидовъ и іезуитовъ также тамъ не будетъ (пункты 6, 7 и 8). Горілкою козаки шинковать не будутъ, кромѣ того, что выкурять на свою надобность (пунктъ 11). Всѣ должностніи въ воеводствахъ Киевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ будутъ раздаваться шляхтѣ религіи греческой.

Относительно уничтоженія унії (пунктъ 8) и возвращенія правъ и имуществъ грекорусскимъ церквамъ все будетъ постановлено на сеймѣ, съ согласія кievскаго митрополита, которому король даетъ място въ сенатѣ.

Въ этомъ пункѣ мы видимъ, что дѣло Киселей, Древинскихъ, Могиль, Косовыхъ и Тризнь перешло снова къnimъ въ руки, подъ прикрытиемъ сеймовыхъ диспутовъ, оторочекъ, бездѣйственныхъ постановлений, примѣры которыхъ мы видѣли со временъ Сигизмундовскихъ, и что козаки, эти „единственные борцы за православную вѣру“, довольные своею реестровкою да винокурепіемъ во всю мяту своей надобности, не воспользовались мястомъ и временемъ для того, чтобы вопросъ о вѣрѣ и церкви возвратить къ положенію до-уніятскому. Но польская исторіографія тѣмъ не менѣе—въ общемъ смыслѣ Зборовскаго договора видѣть, что Хмельницкій посредствомъ него сдѣлался силою, въ виду которой королевская власть не значила ничего, и что шляхетская Рѣчь Посполитая, при такомъ договорѣ, не могла существовать. Въ своемъ положеніи (говорить она) козацкій гетманъ менѣе зависѣлъ отъ короля, нежели крымскій ханъ—отъ султана: ибо власти крымскаго хана не обеспечивала чужеземная сила, а вѣра и обрядъ соединили его съ государствомъ оттоманскимъ и ставили въ извѣстную зависимость отъ стамбульскаго калифа. Должностное лицо Рѣчи Посполитой, имѣющее 40.000 войска名义nally и 100.000 въ дѣйствительности, съ неограниченной властью надъ нимъ, такое лицо, владѣя булавой, которой нельзя было отнять у него безъ войны съ Крымскимъ Юртомъ, никакъ не могло быть фактически подданнымъ

короля и Рѣчи Посполитой. Чтобъ уравновѣсить его власть, Польшѣ оставалось изъ республики сдѣлаться самодержавною монархіей, подобно Московскому Царству. Самое расширеніе Крымскаго Юрта по Ворскло и Тясминъ (замѣчу отъ себя) убивало только русскую идею въ Малороссіи, грозило Москвѣ потерюю права на вотчину ея государей, но для Польши дѣлало нашу родину такимъ же неодолимымъ ханствомъ, какъ и Крымское.

Мудреные и опасные для пановъ переговоры съ Хмельницкимъ тянулись до сумерекъ. Особенно трудно было убѣдить его присягнуть. Не даромъ онъ говорилъ царскому дворянину, Упковскому: „Цѣловали мы крестъ служить вѣрой и правдой королю Владиславу, а теперь въ Польшѣ и Литвѣ выбранъ королемъ Янъ Казимиръ. Короля мы не выбирали, не короновали и креста ему не цѣловали, а потому стали свободны“. Теперь эта свобода исчезала юридически, да и фактически русскій единовладцікъ и самодержецъ дѣлался однимъ изъ польскихъ королей. Наконецъ Хмельницкій присягнулъ условно, сидя на конѣ. Присаженный листъ читалъ ему Адамъ Кисѣль.

Когда эта формальность была исполнена, отъ него потребовали, чтобы онъ отступилъ отъ Чаплинской, которой православное вѣнчанье при живомъ мужѣ католикѣ, очевидно, и самъ Кисѣль считалъ недѣйствительнымъ. Хмельницкій могъ бы отвѣтить спокойнымъ отказомъ, но онъ чувствовалъ, что находится между ханомъ и королемъ, какъ между двумя силами, которые изъ-за своихъ выгодъ могутъ погубить его. Непредвидѣнная потеря дикаго самодержавія мучила его до такой степени, что онъ обнаружилъ, можетъ быть, скрываемую подъ покровомъ другихъ обидь боль своего мстительного сердца, и вскричалъ ревниво: „Нехай лѣчче король звелѣть утѣти менѣ голову“!

Присягнувъ хранить ненарушимо Зборовскій договоръ, Хмельницкій не соглашался никоимъ образомъ просить у короля лично прощенія и присягать на вѣрность подданства. Поляки объясняютъ это упорство страхомъ убийства или предательства, который успокоился только послѣ того, какъ послали къ нему заложникомъ Юрия Любомирскаго. Но мы, въ жилахъ которыхъ течетъ все та же кровь, которая проявила себя въ этомъ уродѣ нашей Малорусской семьи, позволяемъ себѣ думать, что главную здѣсь роль играли — презрѣніе къ избранному среди презираемыхъ козакомъ „Жидовъ“, ненависть къ обидчику, поставившему ничтожнаго Забугскаго наравнѣ съ нимъ, творцомъ своей *фортуны*, и то чувство, которое заставляетъ иногда разбойника бояться взгляда своей жертвы.

Какъ бы то ни было, утромъ въ пятницу 20 (10) августа, Хмельницкій приѣхалъ къ королю съ сыномъ въ сотнѣ лошадей. Сцену свиданія кота съ мышью сочинители *Декларациіи* и *Привилегіи* описали такимъ образомъ.

Хмельницкій сошелъ съ коля далеко отъ королевской палатки. Кисель ввелъ его въ палатку. Хмельницкій бросился королю въ ноги, молилъ о милосердіи и говорилъ, что не такимъ бы способомъ желалъ бы его привѣтствовать.

Эти слова, если они были произнесены Хмельницкимъ, отзываются тою демонической ироніей, съ которой онъ выражалъ князю Заславскому желаніе отдать ему поклонъ лично со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ. Напоминаютъ они также и его застольное слово къ Жанденову и Котелкину: „Не того бы мнѣ хотѣлось, и не такъ бы тому и быть“. Ему бы хотѣлось отправить его королевскую милость, своего милостиваго пана, къ ихъ милостямъ короннымъ гетманамъ, а съ панами-„Жидами“ раздѣляться по-козацки.

По разсказу присяжныхъ фальсификаторовъ, Хмельницкому отвѣчалъ Левъ Казимиръ Сопіга, что король подражаетъ солнцу, которое всходитъ для добрыхъ и злыхъ, что онъ прощаетъ его преступленія и надѣется, что запорожскій гетманъ вознаградитъ за нихъ цнотою и вѣрностью. Къ этому фальсификаторы прибавляютъ, что, „поговоривъ съ нимъ пемного, король уданился“.

Иначе разсказывали Чолаки Кунакову. Они присочинили, будто ханъ былъ у короля съ поклономъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Хмельницкій, но тѣмъ не менѣе молчали о различныхъ выдумкахъ королевскихъ секретарей и современныхъ книжниковъ: о его наденѣ къ ногамъ, о его слезахъ, о его реторической рѣчи, которую будто бы онъ произнесъ „съ чувствомъ своего достоинства“, какъ прилагать отъ себя малорусская исторіографія. Кунаковъ пишетъ о Хмельницкому, что „вѣдучи де Богданъ Хмельницкай къ королю, метать дрэвкомъ...“ и король де говорилъ Хмельницкому: досыть тебѣ быти намъ непріятелемъ, и до ласки нашей тебѣ припущаемъ, и всѣ вины твои тебѣ и всему Войску Запорожскому отдастъ, и тебѣ то годится намъ и Рѣчи Посполитой заплатить услугою своею. И Хмельницкай до короля молылъ: Гораздъ, королю, мбишъ, а вѣжства и учтивости никакіе противъ тѣхъ его королевскихъ рѣчей всловесне и ни въ чемъ не учинилъ“.

Литовскій канцлеръ Радивилъ прибавляетъ, что Хмельницкій присагнулъ на вѣрность королю, сидя на стулѣ, и это мѣсто польскій переводчикъ его латинскихъ „Меморіаловъ“ опустилъ, какъ и многое

шокирующее Поляковъ *). Слова Хмельницкаго, что не такимъ способомъ желалъ бы онъ привѣтствовать короля, также записаны Радивилль, и они тоже пропущены переводчикомъ. Для урегулированія правды и вымысловъ, необходимо помнить, что Хмельницкій „казнилъ королевскихъ пословъ“ и самъ величался этимъ передъ московскими людьми; что послѣ Зборовскаго договора, передъ одними Москальями онъ пилъ со слезами царское здоровье, передъ другими бѣсновался за отказъ ему въ помощи, а третьимъ напрямикъ говорилъ, что онъ все, и города московскіе, и Москву сломаетъ, да и тотъ, кто на Москвѣ сидѣть, отъ него на Москвѣ не отсидится.

Какъ бы то ни было, только козаки съ досадой пріостановились „варить съ Лахами пиво“, въ которомъ былъ „ляцкій солодъ, козацька вода, ляцкія дрова, козацькія труды“, — хотя и то довели Польшу до такого изнеможенія, что Радивилль писалъ въ дневникѣ: „Нѣсколько сотъ лѣтъ уже не была Польша и ни одинъ король въ такихъ терминахъ, какъ 15 августа. Едва не вернулась оная гибель подъ Варною и тѣ времена, когда ханъ (Батый) жилъ въ Краковѣ 12 недѣль. Но и этотъ день будетъ у насъ днемъ печали, доколѣ Польша будетъ существовать“. А Мясковскій прибавилъ къ этому въ частномъ письмѣ: „Возвращаемся во Львовъ визжа, поруганные, побѣжденные и ободранные“.

Ханъ сперва намѣревался взять короля въ плѣнь, и Хмельницкій этого желалъ, какъ видно изъ упрековъ, которые онъ дѣлалъ хану въ 1655 году; но потомъ крымскій наѣздникъ разсудилъ, что трактаты принесутъ ему больше пользы, и запугалъ своего товарища на счетъ короля. Онъ оказался практически обоихъ. Кроме славы посредника, побѣдителя и протектора, онъ пріобрѣлъ себѣ помошь для войны съ Москвою, содралъ богатый окупъ, возстановилъ ежегодную дань и на возвратномъ пути, по выражению киевскаго митрополита, взялъ безчисленное множество христіянъ. „Этотъ ясырь забралъ онъ въ русскихъ областяхъ съ королевскаго дозвolenія, чего бы Хмельницкій не позволилъ“, говоритъ нашъ современникъ Полякъ; но мы ему отвѣтимъ словами польского поэта:

Twoja dusza poczciwa zronmieć nie umie,
Jle jest piekła w obrażonej dumie *).

*) Меморіалы князя Альбрехта Станислава Радивила хранятся въ львовской бібліотекѣ Оссолинскихъ, и Поляки, издавшіе такъ много историческихъ памятниковъ, не спѣшатъ поздать вполнѣ эту драгоценность.

*) Твоя честная душа не можетъ понять, сколько адскаго зла въ оскорбленной гордости.

Въ тотъ же самый день 20 (10) августа отступилъ Хмельницкій вмѣстѣ съ ханомъ отъ Зборова и вернулся подъ Збаражъ таѢ же не-замѣтно для осажденныхъ, какъ незамѣтно выступилъ оттуда.

Король послать вслѣдъ за нимъ комиссаровъ, львовскаго писара Ожгу и полковника Минора спасать несчастныхъ отъ послѣднихъ разбойничихъ ударовъ.

Осажденные не имѣли никакого понятія о томъ, что дѣжалось въ 35 верстахъ отъ нихъ подъ Зборовымя. Они надѣялись ежедневно и ежеминутно увидѣть передъ собой сильное королевское войско, и не сомнѣвались въ побѣдѣ посполитаго рушенія шляхты надъ козаками. Но томительное ожиданіе, голодъ и постоянная борьба съ мужицкими цѣпами днемъ и ночью—мучили ихъ не менѣе, какъ и прежніе козацкіе приступы.

Нѣсколько недѣль уже питались они кониною. Большая часть лошадей пала, для остальныхъ не было корма. Околѣвшихъ и убитыхъ лошадей сѣкли въ мелкое крошико, валили, снова сѣкли на битое и, обсыпавъ мукою, давали конское мясо коямъ. Мужиковъ, которые спрятались передъ осадой въ городѣ, давно выпустили. Не помиловали ихъ козаки, и всѣхъ, съ женами и дѣтьми, въ числѣ 4.000, отдали Татарамъ; но тѣ гнушались такимъ замореннымъ ясыромъ и вырѣзали его до ноги. Теперь послѣдніе 2.000 мужиковъ, не взирая на то, что дѣжалось у нихъ передъ глазами, просили начальство выпустить ихъ: такъ сильно томилъ несчастныхъ голодъ. Должны были выпустить и этихъ, за неимѣніемъ корма. Дороговизна возросла страшно: гарнецъ пива стопъ 2 флорина, кварты водки 20 флориновъ, четверть ржи 60 фр., булка 2 фл., и то было трудно добыть. Жолнеры били собакъ и кошекъ, а по ночамъ грабили возы, рвали пищу одинъ у другаго. Дрались за лошадиный кормъ, отнимали у челяди сѣйстное, которое она несла своимъ панамъ на валы, такъ что едва не дошло до усобицы (*malo ad intestinas caedes nie przyszlo*).

Между тѣмъ окозаченные мужики подкапывались подъ валы къ стоянкамъ Конецпольскаго и Фирлея, а такъ какъ лагерь бытъ пустѣ отъ безпрерывной пальбы съ шавцевъ, то мужики лѣзли въ отверстія, заставленные возами, и, побивая изнуренныхъ жолнеровъ цѣпами, тащили къ себѣ возы желѣзными крючьями. Жолнеры тянули возы посредствомъ дѣлней, которыми они смыкались, и вырывали у мужиковъ крючья. Мужики бросали въ обозъ пылающія мазницы и пихали жердями къ возамъ вязанки соломы съ огнемъ, а воткнувшись свои прикѣты на внутренней сторонѣ панскихъ валовъ и овладѣвши всѣми выходами, сидѣли по цѣлымъ днямъ и ночамъ въ панскомъ лагерѣ.

между валомъ и возами, съ которыхъ оборонялись осажденные. День и ночь кипѣла тревога, заводились драки, раздавался вызывающій крикъ. Ругаясь всевозможными побранками, мужики грозили панамъ, что будутъ продавать ихъ Ордѣ по шагу и по шелягу. Это была уже не битва, а борьба, по она изнуряла осажденныхъ до упаду своею непрерывностью.

16 (6) августа въ день Спаса, когда король оставался цѣлъ только благодаря челяди, подошелъ небольшой козацкій отрядъ къ панскому лагерю, вызвалъ пахолка подъ видомъ врученія письма и увлекъ его съ собою. Вечеромъ пахолокъ вернулся и принесъ панамъ фальшивое письмо, которое будто бы писалъ Хмельницкій къ своему обозному, Чорнотѣ, изъ-подъ Озерной. Хмельницкій увѣдомлялъ своего обозного, что королевское войско разбито; что онъ ведеть къ Збаражу 500 важнѣйшихъ пановъ и наказываетъ ему смотрѣть въ оба, чтобы осажденные не ускользнули.

Когда жолнеры читали съ ужасомъ это письмо, мужики толпились подъ обозомъ и кричали Ляхамъ, чтобы они поклонились и поддались „пану Хмелю“, когда ужъ и король не устоялъ противъ него. Выстрѣли, радостная восклицанія и пѣсни въ козацкомъ таборѣ наполняли сердца жолнеровъ тревогой и отчаяніемъ. Они, казалось, готовы были теперь опустить руки. Но па разсвѣтѣ ротмистръ татарской хоругви Вишневецкаго принесъ найденную имъ стрѣлу съ прилѣпленнымъ къ ней смолою клочкомъ бумаги, на которомъ прочитали слова: „Будучи шляхтичемъ, хоть и по-неволѣ среди гультайства,увѣдомляю вашихъ милостей, что король его милость находится въ Зборовѣ съ весьма великою силою, и вѣсколько разъ побилъ Орду и козаковъ. Хмѣль въ таборѣ, а вчерашнее торжество было для вашего страха. Держитесь осторожно вѣсколькихъ дней, и дастъ Богъ будетъ хорошо. Уже въ третій разъ предостерегаю васъ“.

Нѣкоторые подозрѣвали, что записка вымыщена; но войско тѣмъ не менѣе ободрилось. Въ послѣдствіи обнаружилось, что это была военная хитрость князя Вишневецкаго, который переносить всѣ неудобства, труды и голодъ наравнѣ съ простыми жолнерами, спалъ подъ валомъ, участвовалъ во всѣхъ вылазкахъ и всего досматривалъ, самъ не падаль духомъ, и веселымъ лицомъ вливалъ надежду въ сердца своихъ соратниковъ.

Такимъ образомъ въ обоихъ лагеряхъ торжествовали: козаки, что облегли короля, а паны, что Хмѣль и Орда поражены королемъ.

Въ слѣдующій день Вишневецкій схватилъ 10 языковъ. Они объявили на пыткѣ, что король бѣть козаковъ, такъ какъ множество

раненныхъ постоянно привозить въ таборъ; что Хмель призывалъ къ себѣ новую силу, и только передъ чернью дѣлаетъ видъ, будто облегъ короля.

21 (11) августа около полудня, когда часть Орды вернулась уже подъ Збаражъ, подъѣхалъ къ панскому лагерю Татаринъ, посланный отъ перекопскаго Карабъ-бая, и кричалъ, чтобы не стрѣляли по казакамъ, потому что съ королемъ заключенъ уже миръ.

Когда паны размышляли объ этомъ, козаки поставили свои гарматы надъ озеромъ, и двинулись нѣсколькими купами на валы, но ихъ встрѣтили такою пальбой, что они были принуждены отступить. Не хотѣлось кровожадному звѣрю разстаться съ вырванной у него Татарами добычею, по и послѣдній прыжокъ не удался ему.

По заходѣ солнца, явился къ Фирлею молодой шляхтичъ Ромашкевичъ, (по фамилії Русинъ), извѣстный своею посольскою службою покойному Конецпольскому, съ письменнымъ увѣдомленіемъ, что миръ заключенъ, и что королевскіе комиссары, Ожга и Миноръ, прибудутъ рано утромъ въ лагерь.

Новость эта наполнила всѣхъ безумною радостью, но потомъ—новымъ страхомъ. Сомнѣвались, чтобы король ввѣрилъ столь важное дѣло такому молодому человѣку. Никто лично не зналъ его. Боялись новаго коварства со стороны Хмельницкаго. Почему не пріѣхали новые комиссары? почему засѣли они въ непріятельскомъ таборѣ и смотрѣть на новый козацкій приступъ? Не такимъ воображали себѣ освобожденіе герои осаднаго сидѣнія. Король зналъ бы цѣну людямъ, которые своимъ самопожертвованіемъ остановили вторженіе дикой силы во внутреннія области королевства....

Региментари допрашивали Ромашкевича публично: на какихъ условіяхъ заключенъ миръ подъ Зборовыми? Гонецъ сперва молчалъ упорно, наконецъ угрюмо отвѣчалъ, что это не его дѣло, и что комиссаровъ задержалъ у себя Хмельницкій до утра.

Скоро явился въ панскомъ обозѣ другой гонецъ, съ письмомъ отъ Хмельницкаго. Гетманъ увѣдомлялъ пановъ о заключенномъ мирѣ и окончилъ свое письмо такими словами: „А какъ ваши милости обѣщали хану нѣсколько сотъ тысячъ, то приготовьте ихъ. По полученіи денегъ царь отступитъ“.

Паны отвѣчали Хмельницкому, что не обѣщали ничего, и скорѣе всѣ погибнуть, нежели заплатятъ хоть одинъ талеръ.

Ромашкевичъ, видя, что региментари готовятся къ завзятой оборонѣ, началъ разсказывать, какъ бились подъ Зборовыми, какой заключили миръ, и что слышалъ въ козацкомъ таборѣ.

Паны слушали его молча. Отъ стыда и сожалѣнія о своихъ напрасныхъ страданіяхъ, старые воины поникли головами. Гонецъ пересказывалъ имъ, какъ ихъ враги хвалили ихъ мужество, называя ихъ сердитыми, и какъ Татары ломаннымъ языкомъ своимъ издѣвались надъ королевскимъ войскомъ: „Подъ Збаражъ одна Ляхъ десеть Татаръ зижъ; на Зборувъ одна Татаръ десеть Лахъ бере“. Никого не занимали ни хвалы, ни насмѣшки. Извѣстіе о позорномъ мирѣ наполнило панскій лагерь великимъ горемъ. Жолнеры, столько разъ явившіе себя героями, теперь упали духомъ, точно на нихъ повѣяло отъ короля заразой себѧлюбиваго ничтожества. Ихъ подавляла тоска о столькихъ утратахъ, о столькихъ напрасныхъ подвигахъ, о столькихъ неслыханныхъ страданіяхъ.

На другой день, когда прибыли Ожга и Миноръ, региментари объявили, что не давали никакихъ обѣщаній и ни о чёмъ не трактовали, такъ какъ „разошлись въ преліминаріяхъ“. Но ханъ уперся въ своеѣ требованіи, и паны согласились дать ему 40.000 талеровъ, въ счетъ неуплаченаго окупа за Сѣнавскаго. Въ залогъ за эту сумму дали хану Потоцкаго, богатаго шляхтича, но не изъ того дома, гла-вой котораго былъ Николай Потоцкій.

23 августа жолнерамъ дозволили выходить изъ замка. Тогда между панскими и козацкими обозами появились тысячи торговыхъ будокъ. Открылась ярмарка. Жолнеры покупали у козаковъ лошадей и сѣвѣстное. Знакомые угощались взаимно горлкою, хлѣбомъ, яблоками. Вмѣсто боевой тревоги, поднялся шумъ жизни мирной. Однакожъ, и здѣсь обнаружилась козакотатарская привычка къ воровству и разбою. Сперва схватывали съ головъ у жолнеровъ шапки, потомъ козаки иѣсколькихъ совсѣмъ ограбили, а Татары иѣсколькихъ неосторожныхъ увили въ неволю. „Кто вмѣшивался въ толпу, не имѣя знакомыхъ“ (шипеть очевидецъ), „тѣ попадали въ бѣду“.

Наконецъ 25 (15) августа съ разсвѣтомъ, отступили ханъ съ торжествующею Ордою, за нимъ двинулись козацкіе возы въ иѣсколько десятковъ рядовъ, а за ними, въ полдень, Хмельницкій, окруженній татарскою гвардіей своей и блестящими „козацкими признаками“.

Только тогда осажденные вздохнули свободно. Отворились лагерные ворота. Толпы народу высыпали обозрѣвать поле. Вся окрестность была изрыта вдоль и поперекъ. Семь большихъ окоповъ, насыпанныхъ панами и козаками, окружало панскій лагерь, изъ котораго два хана напрасно грозили повытаскать Лаховъ за чубы. Окопы вокругъ козац-

кихъ таборовъ и татарскихъ юртовъ, жолнерскія „квартиры“, шанцы, разбросанные, подобно кротовымъ норамъ, по полю, апрош, поперечные рвы и земляные верки, обломки оружія, возовъ, палатокъ, конская падаль и почетныя „могилы“ надъ людьми—покрывали равнину вокругъ Збаража. Вездѣ на этихъ мѣстахъ кипѣлъ бой и лилась кровь. Борьба не прерывалась болѣе шести недѣль. Осажденные выдержали 20 приступовъ; 16 разъ выходили они въ поле и наступали на осажденныхъ, 4 раза рыли и поновляли валы, редуты, рвы, 75 разъ выскакивали мелкими партіями противъ непріятеля, и одна рука держалась иногда противъ сотни и больше козакотатарскихъ. Таковы польскія преданія, опирающіяся на достопамятномъ фактѣ, что сотни тысячъ варваровъ не одолѣли девятыи тысячъ хорошо вооруженныхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ жолнеровъ.

Какъ ни величался Хмельницкій передъ королевскими послами своею вѣчною дружбою съ Татарами, но никто лучше его не зналъ, что Татары друзья опасные. Еще до прихода къ Збаражу, о козакахъ союзникахъ царскіе люди доносили въ Москву такія вѣсти: „А Татарова стоять отъ козаковъ берстахъ въ 10 съ своими полки, и тѣ де Татарова украдкою ихъ, козаковъ, на проѣздахъ побиваются, и въ полонъ емлютъ, и конскія стада отгоняютъ, и отъ того де козаки оберегаютца и страшатца добрѣ, что они, Татарова, имъ, козакомъ, святца сильны“.

Такъ было въ самомъ началѣ Збаражскаго похода. Но его окончаніи, Татары являются друзьями того же самаго свойства. Вѣстовщики доносили царю: „А шолъ Богданъ Хмельницкій, помирясь съ королемъ и отпуста отъ себя Татаръ, въ свои города зъ большимъ опасеніемъ полками и съ снарядомъ 10 дней, боясь отъ Татаръ по-грому, потому что Татарова, будучи нынѣшняго лѣта въ Польши съ Черкасы вмѣстѣ, многіе литовскіе города повоевали и полонъ многой поимали... И для де того Хмельницкій отъ Татаръ держитъ большое опасеніе, потому что запорожскіе Черкасы многіе изнужились, и бредутъ назадъ въ города свои пѣши“.

Въ моментъ превозносимаго козацкими историками торжества Хмельницкаго надъ Ляхами, въ судьбѣ Козацкаго Батька сдѣлался поворотъ. Не помогла ему искусственная встрѣча, сдѣланная пиль-вецкимъ и львовскимъ добычникамъ въ Кіевѣ. Народъ, который онъ, аки Моисей Израїля, спасалъ отъ ляшской неволи, встрѣчалъ и провожалъ его пѣснями въ родѣ слѣдующей, записанной мною самимъ на его родинѣ:

Ой богда́й Хмеля Хмельни́цького
 Пे́рва ку́ля не мину́ла,
 Що ве́лівъ брати парубкы ѹ дівки
 ІІ молодыі молодыці!
 Парубкы йдуть співаючи,
 А дівчата ридаючи,
 А молоді молодиці
 Стардо́го Хмеля проклинаючи:
 Ой богда́й Хмеля Хмельни́цького
 Пе́рва ку́ля не мину́ла! *)

Проклятия несчастного народа, безъ всякаго сомнѣнія, долетали до ушей козацкаго Монсса. Для такого сердца, какое выработали въ груди нашего Хмеля іезуиты, сами по себѣ эти проклятия значили столько же, какъ для его сподвижниковъ крикъ облитаго горілкою и подожженаго сватоюрца; но этотъ возлюбленный сынъ своего украинокозацкаго отечества въровалъ въ таинственную силу слова, и погубленныя имъ сотни тысяч земляковъ должны были въ его умѣ имѣть нечто общее съ пѣснями, предающими сего анаоемъ.

Козацкій Батько еще зимою послалъ въ Бѣлоруссію 10.000 малорусскихъ мужиковъ, подъ начальствомъ Голоты, о которомъ кобзари поютъ, что онъ не боится ни меча, ни огня, ни третьаго — болота. По словамъ кобзарской думы, долетѣвшей до насъ изъ кровавой пропасти, именемъ Хмельницчию, Голота сводилъ свои подвиги къ такому концу:

Дай же, Боже, щобъ козаки цилі та гуайлі,
 Хороші мыслі мали *),
 Одъ мёне більшу здѣбітъ здебували,
 Непріятеля цідъ нбги топтали.

Для „хорошихъ мыслей“ Бѣлоруссія представляла козаку Голотѣ еще больше простора, нежели Царю Наливаю. Въ теченіе полустан-

*) Въ варианте этой проклятиельной пѣсни, записанной И. П. Буцянскимъ, авторомъ книги „О Богданѣ Хмельницкомъ“, говорится:

О богда́й Хмеля Хмельни́цького
 Пе́рва ку́ля не мину́ла,
 А друга́я устрѣлила,
 У сїрдечко уцѣлила!

*) Выраженіе „хороші мыслі мати“ родственно польскому *byc dobrěj fantazyi*, что означаетъ быть смѣльымъ.

лѣтія козацкая пропаганда проникла даже къ подгорскимъ опришкамъ и варшавскимъ гультайямъ. Города за Припетью, убѣжище осиротѣлого дома удѣльныхъ князей Олельковичей отъ козаковъ и Татаръ, вскипѣли теперь бунтомъ нетягъ противъ людей имущественныхъ и гулящей черни противъ пановъ. Мѣстная шляхта покидала свои хозяйства и толпами замерзала по дорогамъ. Голота, какъ и Перебийносъ, воображалъ уже себя вторымъ Хмельницкимъ, властвую надъ лучшими музыками и мѣщанами посредствомъ худшихъ. Но весной Викентій Гонсѣвскій, собравъ гарнизоны, вытѣсненные козаками Голоты изъ городовъ, напалъ врасплохъ на его скопище, загналъ его самого въ Припеть и потопить со множествомъ такихъ же рыцарей „хорошихъ мыслей“.

Съ другой стороны литовскій гетманъ Янушъ Радивилъ, съ главнымъ литовскимъ войскомъ, приблизился къ Рѣчицѣ, где засѣль было другой мурза козацкаго хана, Стецько Подобайло. Этотъ былъ посланъ Хмелемъ въ Бѣлоруссию съ 10.000 свѣжаго войска только для того, чтобы не дать Радивилу двинуться въ новое „козацкое гнѣздо“, Кіевъ. Радивилъ занесъ его въ устье Сожи надъ Днѣпромъ и началъ громить пушечной пальбой.

На выручку Подобайла Хмельницкій двинулъ 300.000 лучшаго козацкаго войска, подъ начальствомъ одного изъ образованныхъ сообщниковъ своихъ, шляхтича Кричевскаго Но Радивилъ вмѣстѣ съ Гонсѣвскимъ не дать ему соединиться съ Подобайломъ и, послѣ кровопролитной битвы, окружилъ шанцы въ такой западнѣ, которая напомнила козакамъ Медвѣжью Лозу. Подобайло воспользовался разъединеніемъ литворусскихъ силъ, вырвался изъ тѣснаго кута и спѣшилъ на соединеніе съ Кривоносомъ, но былъ разбитъ на голову.

Въ то же самое время надъ Кричевскимъ, кумомъ, приятелемъ и главною опорою Хмельницкаго, совершилось проклятіе, которое носили ему самому татарскія пѣнницы. Какъ много терялъ Хмель въ этомъ сподвижникѣ, видно, между прочимъ, изъ того, что прострѣленный пулею Кричевскій былъ нарисованъ съ обнаженою грудью и награвированъ въ „Theatrum Europaeum“, издававшемся тогда во Франкфуртѣ. Раздраженные Литворуссы поминали资料 his own Буйвида кровавою тризною: съ войскомъ Кричевскаго случилось то, что постигло завзятыхъ козаковъ Наливайкова полковника Мартина подъ Коныломъ. Хмельницкій получилъ объ этомъ извѣстіе незадолго передъ тѣмъ, какъ очутился между татарскимъ молотомъ и польскою наковальней подъ Зборовыми. Проклятія, встрѣтившія „стараго Хмеля“ въ Украинѣ, должны были получить въ его душѣ зловѣщую выразительность.

И въ глазахъ спасаемаго имъ народа, и въ его собственныхъ, на его свирѣпомъ дѣлѣ лежала печать Господня отверженія. Сколько въ Польшѣ, столько же и въ Малороссіи были недоволны заключеннымъ въ Зборовѣ миромъ. Растрявленные прошлогодней добычей мужики шли на новую добычу по большей части тѣми самыми мѣстами, въ которыхъ—или хояйничали по-татарски сами, или предоставляли хояйничать своимъ наставникамъ, Татарамъ. „Поживы“ въ 1649 году было сравнительно мало, ея искателей—сравнительно много, и эти искатели были подгоняемы къ опаснымъ битвамъ козацкими списами да татарскими нагайками. Множество ихъ очутилось у Татаръ въ ясырѣ вмѣстѣ съ тѣми, на кого набѣгали они съ Татарами; множество пало въ битвахъ, которыхъ „старинные“ козаки устраивали такъ, чтобы козаки „охочіе“, затяжцы мужики и мѣщане, служили имъ прикрытиемъ вмѣстѣ съ гонимымъ впереди скотомъ; остальные, какъ рассказывалъ въ Москвѣ путевлецъ Литвиновъ, „брели домой пѣши изнужившись“.

Оказченные мужики были крайне недоволны подвигами Хмельницкаго: обманулись они въ своей надеждѣ жить на счетъ Ляховъ, которою такъ восторгалась одичалая въ нашей украинщинѣ Кліо. Еще меньше были ими наущники ихъ, запорожцы, и всѣхъ меньше былъ удовлетворенъ самъ Козацкій Батько.

„Это Москва надѣлала намъ такихъ шкодъ!“ (шумѣло преславное Запорожское Войско). „Когда бъ она послушалась на первыхъ же порахъ нашего Батько Богдана, давно бы были мы за Бѣлою Вodoю; давно бы не было на свѣтѣ ни Ляха, ни Жида, ни проклятой Унії! И вотъ по всему московскому пограничью пошла ходить молва о томъ, что козаки, вмѣстѣ съ Татарами, нагрянутъ къ православнымъ тѣмъ же обычаемъ своимъ, что и къ невѣрнымъ Ляhamъ да Люторамъ; а обычай де у нихъ тотъ же татарской: живутъ они добычею, воюютъ изъ-за добычи. А теперь ханъ даже грозитъ Хмельницкому, „сослався съ Польскимъ королемъ и съ Поляки“,—грозитъ воевать его самого, коли не пошелъ бы воевать съ нимъ государеву землю. На то де они побратимы: поклялись брату на саблѣ, Хмельницкій присягою, а ханъ шертью.

Такъ, въ общихъ чертахъ, сложилось общественное мнѣніе пограничниковъ о збаражскихъ и зборовскихъ герояхъ; а признаки враждебныхъ замысловъ видѣли они въ томъ, что „конотопцы государеву землю роспахали многую, и хлѣбъ сѣли орженой и яровой, и сѣна покосили, и лѣсь хоромной и дровянной и бортной деревья посѣкли, и межи и концы перепахали, и грани попортили“,—видѣли въ томъ

что „по рѣкѣ Сулѣ и по рѣкѣ жъ по Терну Черкасы изъ черкасского войска лѣса запустили, и лошади у недрь гайловцевъ Черкасы крадутъ, и дворы и гумна жгутъ, а отъ посаду Недрь гайловскаго всего саженехъ во стѣ поселились Черкасы городкомъ Костянтиновымъ“, — видѣли въ томъ, что „дворы деревни Кулешовки поставили на государевой землѣ, и мельницу на рѣчкѣ Уси къ государевѣ сторонѣ и къ берегу“, — видѣли въ томъ, что Черкасы во всѣхъ пограничныхъ городахъ своихъ „говорятъ не тайно“ о своемъ памѣреніи „итти зъ гетманомъ однолично на Московское Государство войною за то, что государь не учинилъ имъ, Черкасомъ, ратной помочи на Поляковъ“, — наконецъ и въ томъ, что козаки, вспоминая о жалованьї Запорожскому Войску отъ прежнихъ московскихъ государей, вознамѣрились паложить на Москву такой гарачъ, какой Татары паложили на Ляхову; „а будетъ де ты, государь“ (писали въ Москву путивльские воеводы) „имъ, Запорожскимъ Черкасомъ, своего государева жалованья дать не укажешь, и ему, черкасскому гетману, Богдану Хмельницкому, съ Черкасы и съ Татары однолично итти войною на твоє государево Московское Государство“.

Москва смотрѣла на козаковъ Хмельницкаго, какъ на прозелиотовъ татарщины, и слухи о враждебности мнимыхъ „борцовъ за православную вѣру и русскую народность“ получили серьезное значеніе въ ея глазахъ, особенно послѣ собралія въ Царской Думѣ повсемѣстныхъ въ Українѣ толковъ о задуманномъ двумя ханами походѣ на Донъ, съ тѣмъ, чтобы „Татаромъ съ Черкасы збить донскихъ козаковъ зъ Дону до одного человѣка“, и потомъ „Крымскому царю съ Запорожскими Черкасы идти войною на Московское Государство“.

Дѣйствительно православное значеніе Москвы было для козаковъ послѣднимъ дѣломъ. Это въ Москвѣ знали даже по дѣяніямъ козаковъ Сагайдачнаго, возстановителя кіевской митрополіи. Кадры Запорожскаго Войска состояли изъ шляхтичей бапитовъ, принадлежавшихъ не только къ римскимъ католикамъ и къ вѣмецкимъ протестантамъ, но и къ аріянамъ. „Какіе они христіане?“ (говорили о Москвялахъ въ данный моментъ козачини копьевые и куренные витіі). „У нихъ вѣра царская, а не христіянская: какъ повелить имъ царь, такъ они и вѣруютъ“. — „Коли бъ вони знали благочѣстие“ (прибавляли къ этому богомольные козаки), „пе попустили бъ вони Бджихъ церківъ Ляхамъ на поталу; не далій бъ вони побивати настъ проклятымъ пекельникамъ, бісовымъ Лахамъ та Німоті. За московською підмогою, звоювали бъ мы и спліндували бъ увесь світъ; мы бъ и самаго римського папу віддали Тұрчинові въ неволю. Отъ бы коли була наша честь, слава,

військóва спрàва! Отъ бы коли мы себé на смíхъ не подавàли, ворогівъ підъ ноги топтàли! А не схопивъ Москаль намъ помагати, ходімо зъ Ордою самогó ёгò воювати!"

Что такъ должны были логически послѣдовательно мудрствовать всѣ, кого Козацкій Батько называлъ, по словамъ кобзарей, дітьми, дру́зьми, небожатами, это видно изъ того, что логика козакомановъ нашего времени не далеко ушла отъ подобного воззрѣнія на порядокъ вещей въ свѣтѣ. Мы уже знаемъ, какими горькими сътованиями и злобными угрозами разражался онъ на равнодушіе Москвы къ его великому предпріятію. Но послѣ припадковъ горя и злости опять выражалъ готовность „служить христіанскому государю“; чѣ, впрочемъ, не мѣшало ему возвращаться къ старой козацкой темѣ. Однажды, когда путивлецъ Василій Бурово да путивльскій пушкарь Марко Антоновъ явились къ нему съ жалобой на козацкіе захваты по московскому рубежу, „началь онъ ихъ бранить и называть лазутчиками: ъздите де вы не для расправы, для лазутчества. А приказывалъ де съ ними съ грозами и велѣль намъ“ (писали путивльскіе воеводы къ царю) „словесно: не токмо де, что ихъ литовскіе люди твою государевою землею за межею владѣютъ, ждали бѣ де мы, холопи твои, ево къ себѣ въ гости подъ Путивль вскорѣ: идеть де онъ, гетманъ, войною тотчасъ на твое государево Московское Государство. Вы де за дубье да за пасѣки говорите, а я де все—и города московскіе и Москву сломаю. Да и противъ тебя, государя, говорилъ онъ, гетманъ, непригожія слова: „Хто де на Москвѣ сидитъ, и тотъ де отъ меня на Москвѣ не отсидитца“.

Такъ бѣсновался въ своемъ безсиліи противъ Татаръ и Ляховъ Козацкій Батько, поживившись у хана, „якъ собака мұхоя“, сказали бѣ козаки-дру́зи. Теперь уже не было ему торжественной встречи въ его столицѣ, Киевѣ, наименованной такъ въ чаду первыхъ успѣховъ. Онъ пересталъ быть единовладникомъ и самодержцемъ русскимъ. По своей присягѣ, теперь онъ былъ такой же королевскій подданный, какъ и всякий другой козакъ. Ханъ далъ ему гетманскую булаву и знамя рукою ничтожнаго, по гордому воззрѣнію пилявецкаго героя, жидовскаго короля; ханъ могъ ее предоставить Забугскому и любому полковнику козацкому. Этого мало: Хмельницкій очутился данникомъ крымскаго хана. Молва гласила, что гетманъ отсчиталъ ему 500.000 талеровъ изъ собственной „шкатулы“; а „що по титулі, коли нема въ шкатулі?“ говорить малорусская пословица. Но татарская помощь стояла дороже. Для вознагражденія мусульманъ-людохватовъ была

наложена поголовная подать на тотъ народъ, который козацкій Мойсей взялся освободить отъ польского ига.

Дороговизна съѣстныхъ припасовъ возросла между тѣмъ страшно. Дома оставались только женщины, дѣти да немощные инвалиды. И тѣ работали мало, имѣя въ виду великую и богатую милость отъ Бога за избѣженіе злочестивыхъ Ляховъ и проклятыхъ Жидовъ. Но вместо денежныхъ людей, обремененныхъ добычею, возвращались большою частью изнужденные оборвѣши, часто искалѣченные, вообще облѣнившіеся и, можно сказать, поголовно спосиные въ походѣ. Это были не звягельскіе купнеры, сервировавшіе столъ панскимъ серебромъ, не обогатители, а разорители своихъ семействъ. Они увеличили, а не уменьшили, голодъ и нищету въ Украинѣ. Вернувшись домой, они пропивали даже то, что въ ихъ отсутствіе припасали женщины пряжею, тканемъ и т. п., какъ обѣ этомъ выразительно говорить украинская Одиссея, которая, по милости козацкаго „всегубительства“, дошла до насть въ такихъ отрывкахъ сквозь Хмельницину и Руину, какъ эпосъ варягорусскихъ временъ—сквозь Татарское Лихолѣтье.

Скѣро ставъ козакъ изъ походу прибувати,
 Ставъ до новыѣхъ ворѣтъ до ламаныхъ доїджжати,—
 Винъ съ конѣ не вставае,
 Келепомъ нові-ламані ворота відчиняе,
 Козацкимъ гласомъ гукѣ...
 Скѣро стала козачка козацкій голосъ зачувати,
 До вонѣ не стала до єго двермі выхождати,
 Стала, мовъ сївою голубкою, въ вікнѣ выйтати.
 Тогдѣ козакъ добрае дбае,
 Хорошенько її келепомъ по плѣчахъ привітае,
 Карбачемъ по спинѣ затинае.
 Тогдѣ козачка у хату вбегала,
 Буцімъ нѣхотя нещійный борщъ поліномъ штыркиула,
 Ну єго кгъ нечістій матері! у пічь обертала.
 До скріні тяглѣ,
 Не прdstого, лянянго полотна триццять лютівъ узяла,
 До шинкарки тяглѣ,
 Три кварты не прdstої горілки, оковиты узяла,
 Зъ мѣдомъ да зъ перцемъ розогрівала,
 Оттімъ козака частвуала та вітала!...

Украинская Одиссея, съ примѣрнымъ для историковъ прямодушіемъ, изображаетъ милые привычки козацкаго быта, пріобрѣтаемыя въ безжennыхъ товариществахъ. Несчастная Пенелопа наша не зна-

ла, какъ скрыть передъ сосѣдями синяки подъ глазами, которыми наградилъ ее за одиночество козакъ-Одиссей, и, чтобы отклонить насмѣшки, придумывала разныя небылицы.

А козакъ седѣть у корчмы, медъ-вино кружае,
Кдрчму сохваляе:
„Гей, кдрчмо, кдрчмо кнагйне!
Чомъ то въ тебі козацько добрѣ багато гїне?
И сама еси не ошатна хдишъ,
И насть, козаківъ-четыгъ, підъ слuchай безъ світобѣ водишъ

Результатомъ козацкихъ подвиговъ и пріобрѣтаемой въ походѣ нравственности украинская Одиссея выставляетъ слѣдующую картину:

Знати, знати козацьку хату
Крізъ десяту:
Вонâ соломою не покрыта,
Пріспою не осыпана,
Коць дворѣ не чиста (сила) ма й коць,
На дровитні дровъ ні поліма:
Седѣть въ ній козацька жінка, окомла.
Знати, знати козацьку жінку:
Що всю зіму боса ходить,
Горшкідомъ вдуди носить,
Поядвникомъ діти наповяе *).

Люди этого пошиба, общаго въ козатчинѣ больше всякаго другаго, не могли внести въ Малороссію ни практическаго ума, ни доброго, умиротворяющаго чувства. Съ ними вернулись въ шивки, корчмы, кабаки всѣ тѣ чудовищныя исторіи, которыми запорожцы, подобно іезуитамъ, прикрывали движение своихъ корпоративныхъ цѣлей. Съ ихъ бурнымъ наплывомъ въ города и села, нѣжныя пѣсни украинскихъ женщинъ, эти граціозныя въ своей страстности произведения неграмотной Музы, были заглушены пѣснями разбойными. Они внесли въ города и села запорожскій развратъ мышленія и развратъ чувствованія, въ прибавку къ тому, что угнѣздилось тамъ со временемъ оныхъ. Пропагандируя войну за вѣру, вмѣстѣ съ воиною за козацкую „честь-славу, войсковую справу“, при посредствѣ пьянства, картечничества, костырства и кабачнаго распутства, они поднимали голодную, безпут-

*) Полная дума о козацкой жизни напечатана въ моихъ „Запискахъ о Южной Руси“, т. I, стр. 215—220.

ную и безчестную чернь на московского царя съ такимъ успѣхомъ, что московскіе пограничные воеводы стали сзывать сельскихъ жителей въ города для осаднаго сидѣнья, а бѣ царю воліали о плохомъ вооруженіи своихъ командъ и замковъ-остроговъ.

Между тѣмъ паны, тѣснившіеся за Случью и Припетью, съ нетерпѣніемъ ждали времени, когда будетъ имъ дозволено вернуться въ свои зѣмища, на лепелища ихъ колоній, въ окровавленныя развалины ихъ домовъ. Дозволеніе зависѣло de jure отъ сеймового утвержденія Зборовскаго договора, но de facto — отъ настоящихъ владѣльцевъ панскихъ имѣній, настоящими же, фактическими владѣльцами были тѣ, отъ которыхъ бѣжали владѣльцы юридические. Такова была дилемма Хмельницкаго. Руководитель изгнанія изъ Украины Лаховъ-католиковъ, Лаховъ-протестантовъ, Лаховъ-православниковъ, то-сѣть вообще *пановъ Лаховъ*, поднялъ поголовно всѣхъ способныхъ и готовыхъ къ бою, какъ вооруженныхъ, такъ и безоружныхъ, подняло не только на освобожденіе Русскаго Народа отъ гонителей христіянской вѣры, какъ онъ прокламировалъ, но на истребленіе и самаго имени ляшескаго. Подъ этимъ девизомъ бился онъ съ княземъ Вишневецкимъ, съ королемъ и наконецъ съ панской челядью — за козацкую „честь-славу, войсковую славу“. Чтобы не было на Украинѣ ни Лаха, ни Жида, ни Унії, уложилъ онъ по малой мѣрѣ 100.000 ополченцевъ своихъ въ сырую землю на Болыни и въ Бѣлоруссию, да заплатилъ Ордѣ вдвое или втрое столько же молодыхъ молодицъ, дѣвчатъ, паробковъ и дѣтей, сверхъ миллиона татарскихъ плѣнниковъ, насчитанного прежде литовскимъ канцлеромъ, и довоевался до того, что ему повелѣла верховная власть,—не королевская, а ханская, не христіанская, а басурманская,—призвать обратно въ Украину пановъ Лаховъ, безъ различія исповѣданій. Козацкій Батько впутался въ такую игру, что ему осталось одно — сдѣлаться козацкимъ ханомъ, султанскимъ подданнымъ, а своихъ „дѣтей, друзей, небожатъ“ превратить въ головорѣзовъ янычаръ. Такъ и рѣшился онъ дѣйствовать. Но этого не знали еще ни въ Москвѣ, ни въ Варшавѣ; этому не вѣрили даже въ Стамбулѣ. Всѣ были затруднены до крайности: какъ быть съ огромной шайкой разбойниковъ, съ козатчиной? и всѣхъ больше затруднялся этимъ вопросомъ атаманъ разбойницкой шайки.

Неопределенность его политики обнаружила попытка Киселя заняться своими хозяйствами и воеводскими дѣлами въ Украинѣ. Чтобы позондировать взволнованное море, которое дважды уже выбросило его на опустошенный панскій берегъ, Кисѣль послалъ своего слугу, Сосницкаго, подъ прикрытиемъ надворной дружины своей. Сосницкій

рапортовалъ ему изъ Киева, отъ 28 сентября, что мужики не оставляютъ своего предпріятія (plebs w sjwojem przedsięwzięciu nie ustaje), напротивъ они теперь хуже, чѣмъ были въ прошломъ году. „Никакихъ листовъ не респектируютъ“ (писалъ онъ). „Хотя мы ѿхали и съ козаками, но въ нѣсколькоихъ мѣстахъ были задержаны, и намъ грозила великая опасность; а не будь съ нами козаковъ, Богъ знаетъ, остались ли бы мы въ живыхъ“.

Въ Киевѣ Сосницкій засталъ Выговскаго. Тотъ не совѣтовалъ ему ѿхать къ пану гетману, и даль для отправки къ пану воеводѣ письмо. Киевскій войтъ принялъ посланцевъ Киселя радушно. Онъ также находился въ великой опасности, и мѣщане лишили его войтовства. Поэтому не хотѣлъ онъ, да и не могъ, приступить ни къ какимъ ревизіямъ имущества, подлежащаго воеводскому вѣдомству. Проѣзжалъ черезъ Вышгородъ, Сосницкій видѣлъ въ шалашихъ (szopach) не мало „поташей“, но считать ихъ было трудно, потому что ихъ грузили на байдаки и возили въ Киевъ. Киевскіе мѣщане купили 400 бочекъ, а на остальные трудно было найти купца. „Намъ говорили“ (замѣтилъ Сосницкій), „будто бы этотъ остатокъ какъ изъ Киева, такъ и изъ Вышгорода приказано спускать на низъ“.

Дѣло въ томъ, что когда панскія имѣнія были расхищены, когда даже „панскія жены сдѣлались женами козацкими“, какъ говорить Самовидецъ,—поташъ, главный послѣ землемѣдѣлія и скотоводства продуктъ панскаго хозяйства въ Украинѣ, остался цѣль по своему не съѣдомому и не горючему свойству. Хмельницкій старался превратить его въ деньги до возвращенія пановъ на свои пепелища и пустыри. По сказанію Варшавскаго Анонима, изъ одного Мліева, экономическаго центра украинскихъ имѣній Конецпольскаго, Хмельницкій за поташъ взялъ отъ волошскихъ купцовъ больше 200.000 битыхъ талеровъ. „Жаль было уступить это Полякамъ“ (пишетъ онъ). „Но развѣ одинъ Мліевъ? У Конецпольскаго, Вишневецкаго, Замойскаго и другихъ отнято было семьдесятъ городовъ, сель, слободъ и пасѣкъ, которые приносили такие доходы, что горько и вспомнить“.

Этимъ объясняется, почему козакамъ надобно было всячески губить Вишневецкаго и наслѣдника Станислава Конецпольскаго, со-перника Вишневецкаго въ колонизаціи Малороссіи. Этимъ объясняется также, почему козаки возставали въ Украинѣ противъ Зборовскаго договора еще больше, чѣмъ паны въ Варшавѣ. Анонимъ прямо говоритъ: „Въ особенности же многочисленныя и многолюдныя добра Вишневецкихъ и Конецпольскихъ были препятствиемъ этому трактату: ибо пребываніе такихъ могущественныхъ пановъ на Украинѣ вело къ

постоянной войнѣ съ ними. Лучше было, разъ навсегда отнявши эти имѣнія у магнатовъ, обсадить ихъ козаками и тѣмъ обеспечить себя отъ измѣны".

На Заднѣпріе повѣренный Киселя, Сосницкій, не рѣшился ѿхать. Выговскій далъ ему понять, что гетманъ медлилъ мѣропріятіями для лучшаго перемѣщенія козаковъ изъ-за черты козачини (*ta prolongacusa iuscuniona dla lepszej rymacyujej*). Онъ де разосланъ уже на всѣ стороны для сбора извѣстныхъ (*wiadomych*) данинь и другихъ доходовъ. Отдавать же шляхетскія мѣстности въ аренду не думается, до утвержденія сеймомъ договорныхъ пунктовъ.

„Духовенство наше“ (писалъ Сосницкій) „такое, какимъ было въ прошломъ году“. Въ этомъ лаконизмѣ скрывается мысль, что сановитые представители малорусского духовенства не соединяли интересовъ церкви съ интересами козачества, и что митрополитъ бесѣдовалъ съ Сосницкимъ такъ же секретно, какъ и съ Киселемъ.

Послѣднія слова донесенія Киселева конфидента заключали въ себѣ самое важное для пановъ извѣстіе, что Хмельницкій не публиковаль въ Українѣ о мирѣ.

Въ своемъ письмѣ Выговскій совѣтовалъ Киселю пріостановиться съ пріѣздомъ въ Кіевъ до дальнѣйшаго рѣшенія пана гетмана, потому что онъ не приступилъ еще къ дѣламъ комиссіи, боясь воспламенить народъ въ самомъ жару его (*bo teraz na rosczatku samym ogieñ i zarzie rzuci się między niemi*). „Въ этотъ огонь ѿхать вамъ опасно“, писалъ *alter ego* Хмельницкаго.

Мы знаемъ, какъ безуспѣшно старался Кисѣль въ прошломъ году провести, подъ покровомъ комиссіи, кіевскую шляхту на ся пепелища. Теперь, въ званіи кіевскаго воеводы и *украинскаго* комисара, энергическій миротворецъ предпринялъ нечто въ родѣ новой колонизаціи возобновившихся малорусскихъ пустынь — водвореніемъ землевладѣльцевъ и должностныхъ лицъ тамъ, гдѣ уже два года царила козакотатарская орда. Чтобы установить порядокъ вступленія тѣхъ и другихъ въ свои права, онъ созвалъ въ Житомирѣ шляхетскій сеймикъ подъ своимъ предсѣдательствомъ.

Хмельницкійувѣдомилъ его изъ Чигирина отъ 8 октября, что разославъ всюду универсалы, повелѣвающіе послѣдству въ городахъ (*pospolstwa po miastach*) вести себя смирно, и объявляющіе, что этотъ сеймикъ созванъ для утвержденія козацкихъ правъ и вольностей, а равно и для успокоенія религіи, которая tanto не могла стоять на своей старинѣ (*według starożytnosci swej kojca wziąć nie mogła*). При этомъ просилъ онъ Киселя внушить шляхтѣ, что „не-

винная кровь лилась такъ долго отъ нарушенія козацкихъ правъ и вольностейъ", и выражалъ надежду, что на генеральномъ сеймѣ греческая вѣра будетъ успокоена, а унія совершиенно (penitus) уничтожена, „и то, чтѣ наши предки" (писалъ онъ) „падали на Божіе дома, будетъ возвращено". Онъ увѣрялъ, что ждетъ его прїѣзда въ Кіевъ, какъ давнишняго благопріятеля Запорожскаго войска, „съ великою охотою", а для безопасности проѣзда послалъ къ нему двухъ казаковъ съ универсалами, которыми бы они усмирили посольство. Относительно дѣдичныхъ и дигнитарскихъ имуществъ Киселя онъ также, по его словамъ, разослалъ всюду универсалы, и старался о томъ, чтобы войско было переписано въ 40.000-й реестръ, а на сеймѣ обѣщалъ выслать козацкихъ пословъ.

Въ то же самое время благодарили Хмельницкій письменно короля за его великую, истинно-отеческую милость, обѣщалъ привести Запорожское Войско въ опредѣленный порядокъ, увѣрялъ, что никогда не оплачетъ погибели столькихъ невинныхъ душъ, и, „падая низко подъ ноги королевскаго маестата", свидѣтельствовалъ свое вѣрноподданство.

И опять черезъ три дня писалъ онъ къ Киселю, что посылаетъ „двухъ товарищъ своего войска, чтобы усмирили посольство, дабы житомирскій сеймикъ могъ отправляться спокойно", но „просилъ сильно", чтобъ ихъ милости паны-обыватели держались относительно подданныхъ „скромно" до скомпутованья войска, а потомъ" (писалъ онъ) „каждый изъ ихъ милостей, „какъ былъ, такъ и останется". Въ противномъ случаѣ" (прибавлялъ онъ ехидно) „надобно бояться, чтобы малая искра не сдѣлала великаго пожара (ragna scintilla magnum excitat incendium), такъ какъ до насъ доходятъ разныя вѣсти, что польское войско готовится приблизиться къ нашимъ краямъ, а это было бы противно волѣ его королевской милости и нарушило бы пункты". Онъ „униженно" повторялъ свою просьбу, чтобы паны не воспрещали тѣмъ, кто принадлежитъ къ Запорожскому Войску, прѣдавать все добро свое (wszystkie dobra) и выходить въ Украину. Онъ убѣждалъ, чтобъ обыватели Кіевскаго воеводства благоволили быть терпѣливыми, и чтобы польское войско не приближалось къ „здѣшнимъ краямъ".

Съ своей стороны Выговскій, отъ 9 октября, увѣдомилъ Киселя изъ Чигирина, что посодѣствовалъ слугѣ его, Сосницкому, ѿхать въ заднѣпровскія имѣнія; „а къ черкасскому полковнику" (замѣтилъ онъ), „хоть и близко, я зналъ, что это будетъ трудно.¹⁾ Отложимъ

¹⁾ Братъ Адама Киселя, Юрій, былъ черкасскій староста, сѣдователю, совмѣстникъ полковника по доходамъ.

до ревизії (гдѣ королевскія имущество и гдѣ шляхетскія) и до устройства войска. Послѣ ревизії, всѣ тотчасъ должны будутъ поклониться вашимъ милостямъ. Этого желаетъ и самъ панъ гетманъ (i sam JMP. Hetman przychylnym jest^o).

По многимъ причинамъ Малороссію было возможно покорить оружіемъ, но не было никакой возможности слить въ нераздѣлимое тѣло съ Польшею и подчинить навсегда панамъ, которые, въ глазахъ церковной интелигенціи Малоруссовъ, сдѣлались Ляхами, и были ими дѣйствительно, если не по церковному обряду, то по воззрѣнію на малорусскую церковь и по обычаяю. Кисѣль считалъ свою миротворческую миссію дѣломъ практическимъ; но собственный отвѣтъ его на письмо Хмельницкаго показываетъ, что его практическость основывалась на мечтательности. Этого письма Кисѣль ждалъ съ великимъ нетерпѣніемъ, но оно пришло къ нему только 20 октября. Не получая никакого извѣстія, онъ обходился осторожно съ поспольствомъ, которое Зборовскими пактами было освобождено отъ панского при- суда только по Коростышевъ, но бушевало всюду по-старому. Чтобы раздраженная шляхта не дала козаковатой черни какого-либо повода къ замѣшательству, онъ принужденъ былъ, съ общимъ горемъ и съ умаленiemъ королевскаго достоинства, отправить сеймикъ подъ открытымъ небомъ, надъ рѣкой Случью, между Звяглемъ и Несолонью, терпя крайнія неудобства со всѣми сеймикующими. „Вѣдь своеоліевѣчный врагъ мира (swawola rokojowi na wilki nie życzliwa)“ философствовалъ Іисусъ Навинъ шляхетскаго Израиля въ виду обѣтованной земли, и удовлетворялся только тѣмъ, что киевская шляхта сеймиковала на киевской землѣ, хоть не въ обычномъ мѣстѣ. „Если ваша милость“ (писаль онъ) „сдѣлалъ это съ умысломъ, для посмѣянія,— Богъ тебѣ судья, и хотя я, убогій воевода киевскій, кочевалъ здѣсь со всею братіей, но, въ надеждѣ на будущее, покрываю (молчаніемъ). Чѣдъ касается другаго пункта вашего письма, относительно того, чтобы паны-обыватели держали себя скромно, то не можетъ быть большей скромности, какъ та, что всѣ мы, глядя на дымы отчизны (ojyszste dymy), ожидаемъ убѣжища у берега отеческой земли,—ожидаемъ возвращенія отправленныхъ къ вамъ съ сеймика напихъ братьевъ, яко слугъ его королевской милости и согражданину того же воеводства. Пора уже вамъ умилосердиться надъ нами, вашей братіей, и исполнить пакты, на которые вы присягнуты, и которые заключаются въ трехъ пунктахъ: первый, чтобы козакамъ быть только по Коростышевъ; второй, что изъ дальнихъ волостей имѣютъ они право выйти третій, что не желающіе быть въ реестрѣ, должны оставаться въ

подданствѣ его королевской милости, а въ нашихъ дѣдичныхъ добрахъ—въ обычномъ повиновеніи намъ. Мы готовы поступить по этому постановленію, и всѣ, кто будетъ въ реестрѣ, пускай себѣ на здоровье будутъ козаками, а мы пускай живемъ въ своихъ домахъ. Уже и сами подданные наши готовятся къ намъ (*garną się do nas*), и только тѣ, которые желаютъ козаковать, все портятъ... Благоволите же выслать свои универсалы, чтобы всѣ тѣ, которые хотятъ принадлежать къ войску, подали каждому изъ насъ въ его имѣніи реестръ, за подписью сотника или атамана, и мы не будемъ къ такимъ имѣть никакого дѣла, пока вы кончите свою ревизію. Кто войдетъ въ войсковый реестръ, тотъ пускай идетъ себѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ, кто же не войдетъ и захочетъ остаться съ паномъ, пускай здоровъ остается. Каждый панъ въ своей маетности не только не будетъ препятствовать этой ревизіи, напротивъ, будетъ помогать ей: если хочетъ имѣть больше подданныхъ, то будетъ съ ними сноситься, и милостію своею привлечь ихъ къ себѣ. А кто непремѣнно хочетъ быть козакомъ, тотъ обратится къ вамъ, и это облегчитъ вамъ составленіе реестра. Но когда намъ, глядя на наши маетности по заключеніи мира, нельзя вѣхать въ нихъ,—что жъ это за миръ и за согласіе? Это только большая досада... Наступаетъ зима: каждый обогрѣлся бы на своемъ пепелищѣ. Да и самая дѣйствительность мира не можетъ имѣть большаго ручательства, какъ пребываніе каждого въ своемъ домѣ. Увѣряю вашу милость, что домъ каждому мыль: послѣ двухлѣтней драки, каждый научился держать себя скромно и привлекать къ себѣ подданныхъ... Чѣмъ касается имѣній въ чертѣ пребыванія козаковъ, то допустите только нашихъ старостъ и подстаростіевъ поселиться на своихъ мѣстахъ. Они будутъ ждать составленія реестра. Кого вы впишете въ реестръ, тотъ будетъ козакомъ, а кто не будетъ вписанъ, тотъ останется при замкѣ и панѣ. Такъ отъ вѣковъ бывало: почему же не можетъ быть и теперь? Ради Бога (сообразите, что) одинъ слуга, который будетъ подстаростіемъ въ королевщинѣ, или старостою въ дѣдичствѣ (*albo w dziedzictwie Starosty*), почему не помѣшаетъ, а доходы уже начнутся, и будетъ видно, что мы наслаждаемся миромъ, и согласіемъ. Но когда я—воевода кіевскій, а королевскій замокъ и въ мирное время пустѣеть постарому и пѣть въ немъ моего подвоеводія, и не будетъ мнѣ никакой власти и дохода,—что жъ это за миръ такой?... Я бы совѣтовалъ реестровать сперва тамъ, где сама природа создала козаковъ (*gdzie sama natura kozaków miej sciala*), а изъ отдаленнѣйшихъ волостей дополнять... Хотѣль бы я видѣться съ вашмостью паномъ и, переговоривъ обо всемъ, поспѣшить на сеймъ

для окончательного служенью миру и согласию... Для того я медлю здѣсь, у воротъ Киевской Земли, чтобы вы пустили братью нашу въ ихъ дома, и я, поблагословивъ имъ,ѣхалъ въ Киевъ и другіе подначальные мнѣ замки: это будетъ пактъ и первый знакъ мира.

Кисѣль увѣрялъ Хмельницкаго, что слухи о приближеніи войска вымыщлены, и просилъ его не вѣрить слухамъ. Но Хмельницкій думалъ по-своему.

Недѣли черезъ три, писалъ къ нему король, называя его благороднымъ и вѣрномилымъ (*u godzony i wiernie nam miły*), требовалъ, чтобы онъ охранялъ общее спокойствіе отъ своеольныхъ купъ, и указывалъ, что козаки все еще остаются въ Любечѣ, Лоевѣ, Стародубѣ и другихъ городахъ Великаго Княжества Литовскаго.

Хмельницкій отвѣчалъ ему, отъ 23 ноября, что войсковая ревизія производится съ великою поспѣшностью, обѣщалъ прислать пословъ на сеймъ съ вѣрноподданническимъ поверженiemъ козаковъ къ ногамъ королевскаго маестата и увѣдомлялъ, что Крымскій ханъ, по давнишнему обычаю братъ дань въ Черкасахъ (то есть въ землѣ Черкасъ, Черкесовѣ), прислалъ козакамъ наказъ (*rgzysłał do nas, abyśmy*), по вѣчной дружбѣ, которую они (Татары) взаимно завзяли (*zawzięli*), дать ему двѣ или три тысячи войска для взысканія дани (*każni*), какъ это выговорено и при договорѣ съ королемъ. „А Татары“ (писалъ онъ) „всегда готовы служить вашей королевской милости противъ каждого непріятеля“.

Положеніе колонизаторовъ пустынной Малороссіи было безпри-
мѣрно горестное. Дикая страна, въ которой венеціанскій путешественникъ XV вѣка, Контарини, не находилъ почлега между Луцкомъ, Житомиромъ и Бѣлогородкою, эта *Rossia bassa*, въ которой Киевъ стоялъ за чертою населенныхъ мѣсть (*chi è fuori della detta Rossia*), въ которой видалъ онъ только пьяниство, слыхалъ только про лѣсныхъ бродягъ,—эта панорама безпріютныхъ и голодныхъ трущобъ трудами и подвигами ихъ прадѣдовъ, дѣдовъ и отцовъ была превращена въ страну, цвѣтущую земледѣлемъ, скотоводствомъ, промыслами, торговлею,—и созданное смѣлою, энергическою колонизаціею предковъ много-
голюдство лишило потомковъ тѣхъ правъ, которыя были утверждены вѣкамъ, правительствами, народами,—лишило для того, чтобы „землю, текущую молокомъ и медомъ“, превратить въ такую безпріютную и голодную пустыню, какою Контарини видѣлъ ее съ ужасомъ 175 лѣть назадъ...

Ach! czyjeż serce, czyje w żalu się nie nurzy? *).

невольно повторяетъ потомокъ завзятыхъ и безпутныхъ козаковъ стихъ потомка не менѣе завзятой и по-своему безпутной шляхты, когда широкая земля, напоенная кровью тѣхъ и другихъ, отвѣчаетъ на его вопросы такимъ же широкимъ молчаниемъ.

Bo na rozległych polach rozległe milczenie.
Tylko wiatr szumi, smutnie uginając kłosy;
Tylko z mogił westchnienie i tych jęk z pod trawy,
Co śpią na zwiedlonych wiencach swojej starej sławy **).

Нашихъ полонизованныхъ Русичей мы поминаемъ польскими стихами. Русскихъ стиховъ не заслужили эти жертвы римской политики: они предпочли чуждый элементъ элементу родному, и судьба жестоко покарала ихъ за отступничество вмѣстѣ съ тѣми, для кого они сдѣлались отступниками.

Православный предводитель полонизаціи, не умѣвшій даже повторить малорусской фразы ***), Адамъ Кисель, изобразилъ ихъ несчастное положеніе въ письмѣ къ Оссолинскому яркими красками:

„Пять недѣль миновало уже, какъ посыпалъ я къ Хмельницкому, и до сихъ поръ не имѣю никакого отвѣта; а при этой его кунктуации, всегда для меня подозрительной, чернь остается въ купахъ и не пускаетъ пановъ по домамъ. Въ Брацлавѣ убито вѣсколько десятковъ, въ Бышевѣ—десятки полтора. Меды, чинши, паства, аренды съ Киева и отовсюду берутъ на Хмельницкаго; национецъ, поташи, гдѣ еще были, распроданы... Получилъ я извѣстіе, что большая часть Орды осталась у него, и кочуетъ здѣсь при немъ. На мои вопросы: для чего? отвѣчаютъ мнѣ, что все это дѣлаютъ наши, которые уже и зимою грозятъ имъ войною; при этомъ охуждаются пакты и чего только не говорятъ! А Хмельницкій все это знаетъ и слышитъ. Шляхта же (nobilitas) доходитъ здѣсь до послѣдняго отчаянія: негдѣ и нечѣмъ жить. Хотѣли было ѿхать по своимъ домамъ, хоть бы нась,

*) Achъ, чье же, чье сердце не погрузится въ печаль!

**) Ибо на широкихъ поляхъ широкое молчаніе. Только вѣтеръ шумить, наклоняя печально колосья; только вздохи изъ могиль и стень изъ-подъ травы тѣхъ, что спятъ на увядшихъ вѣнкахъ своей старой славы.

***) „Были у меня киевские мѣщане“ (рассказывается онъ); „вмѣсто раты, принесли ми пять червоццевъ. Сваты Богъ! и тос есть, о чёмъ восвѣдѣн на сей мѣхатъ? такъ говорить наша Русь“.

говорятъ, и перебили. Едва кой-какъ удержалъ я различными способами. Коротко сказать, нѣть уже ничего у тѣхъ, у кого было по 100.000 имущества: не за что купить хлѣба“.

Эту картину дополняетъ Варшавскій Анонимъ разсказомъ о томъ, какъ бѣдные изгнанники возвращались „къ своимъ порогамъ“ по слѣдамъ Киселя, вѣхавшаго наконецъ въ Киевъ на воеводство. „Хмельницкій показывалъ, будто бы искренно вводитъ ихъ, и внушалъ подданнымъ повиновеніе. Но едва вступила шляхта въ свои дома, хлопство снова давай бунтовать, не теря пановъ, и начало убийства. Пришлось опять бѣжать, унося свою жизнь. Въ Киевѣ не допустили ихъ до города; скитались по предмѣстю. Рѣдко кому присыпали изъ дома булку хлѣба или возокъ сѣна, а тутъ наступила дороговизна. Что у кого еще было въ запасѣ, все принуждены были выпскрить. Не многимъ удалось даже коснуться границъ имѣнія своего“.

Между тѣмъ Хмельницкій (разсказываетъ Анонимъ далѣе) накладывалъ невыносимыя контрибуціи въ свою пользу на великія добра, которыхъ надо было возвратить панамъ, прочія раздавалъ полковникамъ, захватилъ старости, замки, маѣтности, фольварки, забирая всюду доходы, скотъ, стада и что возможно было взять; чтобы не досталось владѣльцамъ, все брали въ его скарбъ; обогащался одинъ общимъ разореніемъ и оставилъ владѣльцамъ одно право на вступленіе въ тѣ добра“.

Кисель, вмѣстѣ съ Косовымъ, сталъ убѣждатъ Хмельницкаго, говоря, что онъ привлечетъ Божіе благословеніе на своихъ дѣтей, если пріостановить разливъ крови и слезы изгнанниковъ. „Эти слезы“ (внушалъ ему митрополитъ) „кашлютъ изъ людскихъ очей на твою душу. Вѣдь эти люди жили прежде изобильно, какъ и другіе, а теперь у нихъ нѣть и куска хлѣба. Они же — наши собратія той же благочестивой вѣры, чѣмъ и мы съ вами, но дни свои проводятъ въ поругавіи и въ слезахъ. Нѣкоторые перемерли съ голодомъ, а другихъ замучили мужики. Богъ это видѣть и грозить отмщеніемъ“.

Хмельницкій отговаривался, что не онъ причиной медленности въ исполненіи Зборовскаго договора. „Это такое трудное дѣло“ (говорилъ онъ), „что его можно сравнить съ толстымъ и высокимъ дубомъ: пока онъ выросъ, надо было ждать столѣtie“.

Объясненіемъ этихъ словъ было событие, случившееся вскорѣ послѣ архипастырскаго увѣщанія. „Когда компутъ 40.000-го войска приходилъ къ концу“ (рассказываетъ Анонимъ), „казаки-ветераны соглашались на Зборовскій трактатъ, но тѣ, которые завладѣли чужими добрами, и сдѣлались изъ поспольства коноводами (hersztami) бун-

товъ, эти *отчайдуши*, для того чтобы укрыться отъ кары за свои злодѣйства, домогались также включенія въ компутъ, а было такого своеольнаго хюпства, не хотѣвшаго вернуться къ повиновенію своимъ панамъ, еще тысячу сорокъ. Они прислали къ Хмельницкому пословъ, которые говорили ему: „Такъ-то, пане гетмане, покидаешь ты заслуженныхъ тебѣ людей! выдаешь Лахамъ на муки тѣхъ, которые тебя обороняли. А ты жъ присягъ не отступать нась! *Mirъ* значитъ *предателство*. Подъ смиреніемъ кроется у пановъ обманъ и месть. Они хотятъ обезоружить тебя, отнять у тебя вѣрныхъ воиновъ, чтобы скорѣе тебя погубить. Но если ты рѣшился уже даться Лахамъ въ обманъ и погибнуть, то мы будемъ искать такого, который будетъ вѣрнѣе и лучше защищать козацкое имя“. — Посольство это пришло къ Хмельницкому отъ козаковъ поднѣстровъ и побожаль, прямыхъ разбойниковъ, предводителемъ которыхъ былъ брацлавскій полковникъ Нечай”.

„Хмельницкій“ (пишеть Анонимъ далѣе) „боился, чтобы козаки, воюя одни съ другими, не выгубили сами себя, и потому началъ благодарить своихъ бунтовщиковъ за гетманское достоинство; но по-томъ сталъ почесывать въ головѣ (roszał się wglowie skrobać) и высказалъ Киселю свою тайную мысль: „Вы, паны Поляки,“ (говорилъ онъ) „принудили меня подъ Зборовыми къ неслѣдному дѣлу, постановивъ, чтобы козаковъ было только 40.000 въ компутѣ. А гдѣ мнѣ дѣвять такое множество людей? Они съ отчаянья или на меня встанутъ, или на васъ“.

Мысль о невѣрности затѣянного дѣла сопровождала всѣ поступки Хмельницкаго, и пробивалась даже въ его хвастовствѣ передъ Лахами. По возвращеніи своемъ изъ-подъ Зборова, онъ убѣждалъ разнузданныхъ сподвижниковъ своихъ лестью. Подобно тому, какъ въ свое время пьяница Бородовка ревѣлъ въ казацкой радѣ: „передъ Запорожскимъ Войскомъ трепещетъ земля Польская, Турецкая и весь свѣтъ“, Хмель проповѣдывалъ за чаркою, что подъ Зборовыми сила казацкая взвѣшивалась на вѣсахъ судьбы съ силой польскою, и теперь де вся вселенная знаетъ, что за народъ козаки, какая *потуга* ихъ, какое могущество. Но въ то же самое время составлялъ себѣ гвардию, сверхъ татарской изъ отборныхъ козаковъ. Это было ему тѣмъ необходимѣе, что, для расплаты съ ханомъ за Збаражскій и Зборовскій походы, обложилъ онъ поголовнымъ налогомъ весь послѣдитый народъ. Надворные Татары и задобренные избранники козаки обезпечивали ему сборъ поголовнаго налога въ Украинѣ такъ точно,

какъ вооруженная сила помогала хану взимать съ кавказскихъ Черкасовъ дань, или какъ называлъ ее Хмельницкій, казнь (*kaźń*).

Относительно гарантіи личной своей безопасности, Козацкій Батько не представлялъ исключенія. Роты тѣлохранителей, подобныя варяго-русскимъ дружинамъ, содержали при себѣ и тѣ казацкіе гѣтманы, которые предшествовали гетманамъ-бунтовщикамъ, такъ какъ всякая походная неудача подвергала козацкаго вождя опасности потерять не только булаву, но и голову. Молодость и ученические годы козакованья Хмельницкаго совпадали съ тѣмъ временемъ, когда представители королевской власти журять бывало козаковъ за частое низверженіе и убийство ихъ избранныковъ. Будучи страшенъ каждому въ Украинѣ, Хмельницкій долженъ былъ больше всѣхъ опасаться за свою судьбу и за жизнь. Отсюда-то и происходила та измѣнчивость въ его чувствахъ и намѣреніяхъ, которая озадачивала казацкаго соблазнителя, Смяровскаго, и путала хитроумнаго политика Киселя.

Г л а в а XXIII.

Фальшивое представление короля героямъ и патріотомъ.—Немногіе обманываютъ многихъ.—Что собственно былъ угнетателемъ „убогихъ людей“.—Новая реестровка козаковъ.—Замѣна панского ига игомъ козацкимъ.—Бѣдствія малорусскаго посольства отъ козацкаго бунта.—Двѣ орды въ виду культурныхъ сосѣдей.—Замыслы Татаръ и козаковъ противъ Московскаго Царства.—Турецкая протекція.—Нагроможденіе горючихъ материаловъ.—Грозное посольство московскаго царя.

Послѣ многолѣтняго общенія съ польскою шляхтою, козаки, равно какъ и нынѣшніе козакоманы, усвоили отъ нея такую привычку къ самохвальству, что даже разбой и предательство, которыми все-го выразительнѣе отличались „украинскіе национальные герои“, они старались и стараются прославлять, какъ достойныя подражанія доблести.

Не решая вопроса, ученики ли въ этомъ отношеніи превзошли учителей, или же воспитанные католическимъ Римомъ учители остались на недосягаемой высотѣ своего превосходства, скажу, что Поляки, опозорясь избраниемъ Яна Казимира на престоль, имѣли безстыдство называть передъ Европой душу его возвышенной, а его разумъ благороднымъ. За подвиги 1649 года и Шляхетскій Народъ, и Народъ Козацкій превозносили себя одинаково. Но безстрастная муза Кліо, зная, чѣмъ завершились эти подвиги, бросаетъ въ лицо Шляхетскому Народу одинъ стихъ Данта:

E per l'inferno il tuo nome si spandi *).

а Народу Козацкому—другой:

E tu in grande onoranza non ne sali **).

Въ то время, когда миллионы людей страдали нравственно и вѣщественно за грѣхи королевскаго правительства, католическая Европа была полна хвалы „возвышенной душѣ и благородному разуму“

*) И въ адъ распространилась твоя слава.

**) И ты не возвысилась тѣмъ до великой чести.

Яна Казимира, она читала распространенную всюду „Реляцію о славнѣйшемъ походѣ, побѣдоноснѣйшемъ успѣхѣ и счастливѣйшемъ примиреніи съ непріятелями всепресвѣтлѣйшаго и могущественнѣйшаго Яна Казимира“ *). Но, въ виду противорѣчій козацкаго гетмана, выражаемому имъ смиренію и въ виду невѣрности собственнаго его положенія, замѣченной еще подъ Пиливцами, король предположилъ созвать на 22 ноября чрезвычайный двухнедѣльный сеймъ, собственно для того, чтобы обеспечить государство военными средствами. Въ инструкціи своей на сеймики Янъ Казимиръ представлялъ Шляхетскому Народу, какъ мало и какъ медлительно помогалъ онъ правительству въ оборонѣ отъ непріятеля. Обстоятельство это называется король фатальнымъ и обычнымъ препятствіемъ въ военныхъ дѣлахъ и успѣхахъ Рѣчи Посполитой (*nazlapila fatalis zwykla w tѣj Rzpliej rzeczem i progressom wojsennym przeszkoda*). Одни воеводства (писалъ онъ) дали только некоторую часть причитающихся съ нихъ денегъ, а другія до сихъ поръ ничего не дали, такъ что большая часть войска служить даромъ, а другая получила лишь немногого.

Мы видѣли, что король, съ своей стороны, для чего-то медлилъ третьимъ оповѣщеніемъ послополитаго рушенія, и тѣмъ испортить всю кампанію; но шляхетская медлительность въ исполненіи гражданскихъ обязанностей давала ему возможность взвалить вину на другихъ и разыгрывать роль рыцаря безъ страха и упрека, сочиненную іезуитами для оглашенныхъ. Утаенная отъ общества статьи Зборовскаго договора, разосланныя по Европѣ реляціи о непобѣдимости того, кто вернулся съ похода „визжающимъ, поруганимъ, побѣжденнымъ, ободраннымъ“, возвышение присяжными проповѣдниками подвиговъ короля до равенства съ подвигами князя Вишневецкаго, привѣтственные рѣчи, въ которыхъ представители такихъ городовъ, какъ Львовъ и Замостье, называли Яна Казимира непобѣдимымъ побѣдителемъ, заткнутыя въ варшавскомъ соборѣ Св. Яна козацкія знамена, отбитыя Радивиломъ у Голоты, Подобайла, Кричевскаго, и всевозможная манифестаціи со стороны тѣхъ, чьи интересы были неразлучны съ его интересами,— все сдѣлало изъ ничтожнаго, презрѣннаго и портившаго дѣю **) ко-

*) *Relatio, quae exoteros missa est: gloriosissimae expeditionis, victoriosissimi progressu, faustissimae pacificationis cum hostibus serenissimi et potentissimi Domini Johanni Casimiri Regis Poloniae.*

**) По замѣчанію Албрехта Радивила, одною изъ причинъ печальнаго результата было гетманованье короля (Рат. II, 386); а преисполненный уваженія къ царственности Варшавскій Анонимъ, указывая крупныя ошибки Яна Кази-

роля нѣчто похожее на великаго монарха, и самъ онъ, какъ оморо-ченный нянками ребенокъ, возымѣлъ о себѣ такое мнѣніе, что даже многоопытнаго литовскаго канцлера поучалъ литовскимъ законамъ, а въ послѣдствіи и самому князю Вишневецкому даваль чувствовать недостатокъ боеваго мужества.

Инструкція на сейміки, плодъ пера одного изъ ангеловъ-хра-нителей Яна Казимира, представила его въ ореолѣ самоотверженна-го героя, рвавшагося на подвиги славы и чести, не взирая на совѣты людей, которые клали его жизнь на вѣсы съ цѣлостью отечества. Даже невѣдѣніе о непріятельскихъ силахъ, захватившихъ его врас-плохъ, послужило сочинителю инструкціи къ возвышенню короля-пол-ководца: ибо непріятель де такъ сжался, что не выпустилъ ни одно-го загона за сторожевую линію свою. Этотъ только робкій непріятель два раза пробовалъ подъ Зборовимъ и своего счастья, и могущества его королевской милости; но король де, исправляя должность и пол-ководца, и воина, далъ ему отпоръ, такъ что непріятель *первыи скло-нился къ миру* и отозвался съ такими условіями, которыя были спасительны и славны для Рѣчи Посполитой въ вынѣшнемъ ея положе-ніи (*Reipublicae hoc statu salutares et gloriose*).

Въ виду столь наглаго безстыдства передъ современниками и потомками, знающему закулисную сторону польской государственности, приходитъ на мысль драгоцѣнныій дневникъ Освѣціма, изображавшій события 1643—1651 годовъ. Изъ него исчезли годы 1648—1650; осталась только часть 1650 года (январь, февраль, мартъ) да весь 1651-й (годъ упадка козакотатарской силы). Это, по всей вѣроятности, было дѣло такой руки, какая о московской самозванціи написала, что источникъ этого дѣла должно хранить въ тайнѣ *). Въ истреб-ленной части Освѣцімова дневника и самъ Янъ Казимиръ, и тѣ, которые показывали эту маріонетку обществу іезуитски оглашенныхъ, безъ сомнѣнія, выступали не въ лучшемъ свѣтѣ, какъ и въ тѣхъ доку-ментахъ, которые истребить не было никакой возможности **).

мира передъ походомъ говоритьъ: „*Żeby większych errorów nie było, odradzali Królowi, aby sam nie narażał się na takowe niebezpieczeństwa. Król urażony deklarował, że ja sam pojdu z wojskiem.*“ (Pam. do Panow. Zygma. III etc. II, 78).

*) Zrodlo tey sprawy z ktorego nastepujace płyneli potoki w prawdzie taje-mne rady skrycie chowane maja i nie trzeba odkrywać tego co by napotym przes-trzedz nieprzyjaciela miało“. (Рукоп. Библ. Красинскихъ, літ. В. I, 8)

**) Издатель книги „*Pamiętniki o Koniecpolskich*,“ знаменитый археографъ Пршилэнский, на стр. 295, объявилъ (лѣтъ 40 тому назадъ), что цѣльнымъ ру-т. III.

И инструкція на сеймікъ была только предъувѣдомленіе къ славословію короля на сеймъ. Тамъ Оссолинскій цѣлыхъ четыре часа (удаливъ, однакожъ, лицъ, не принадлежащихъ къ членамъ сейма) держалъ передъ панами рѣчъ о Зборовскомъ походѣ, начавъ съ коронаціи и въ заключеніе прочитавъ редактированное извѣстнымъ способомъ письмо короля къ хану, въ которомъ де король силу своего оружія увѣничалъ славою дипломата. Наступившій вечеръ не далъ Оссолинскому докончить хвалебную реляцію. Въ слѣдующемъ засѣданіи (пишетъ въ своемъ дневнику Радивилъ) „канцлеръ продолжалъ свою реляцію, сравнивая Зборовский тріумфъ съ Хотинскою побѣдою, одержанною при Сигизмундѣ III, и превознося его даже выше, ибо подъ Зборовскимъ непріятельская сила была больше, а наше войско малочисленнѣе, да еще и безъ гетмановъ. Одни смѣялись на это, другіе называли (реляцію Оссолинскаго) ласкателствомъ. Но (примасъ) архіепископъ, вставши со всѣмъ сенатомъ, благодарила короля за спасеніе Рѣчи Посполитой съ опасностію собственной жизни“.

Умолчаніе о Поеольской Избѣ показываетъ, что не сенаторы, а нѣкоторые изъ ея членовъ смѣялись и называли канцлера лѣстецомъ. Зато Радивилъ записалъ слухъ, что многіе изъ королевскихъ сподвижниковъ, во время битвы, спрятались въ коноплѣ, гдѣ найдено и нѣсколько брошенныхъ ими знаменъ.

Радивилъ не былъ подъ Зборовскимъ, и писалъ о доблестяхъ своихъ согражданъ по слухамъ. Доблести козацкія были ему извѣстны обстоятельнѣе. „По заключеніи мира между нашими и Татарами“ (говорить онъ), „Татары опустошили часть Руси и Волыни, гдѣ и моя Олыка выдержала ихъ нападеніе съ двухъ сторонъ. Ночью съ одной стороны ударили на нее козаки, съ другой Татары, но, съ Божіей помощью, были съ обѣихъ сторонъ отражены, и потеряли нѣсколько человѣкъ убитыми. Другое мое мѣстечко оборонялось нѣсколько дней, но, когда мѣщане, обманутые присягою козаковъ, впустили ихъ въ городъ, они, забывъ о своей присягѣ, нѣсколько тысячъ вырубили, а нѣкоторыхъ взяли въ неволю. То же самое дѣлали по селамъ, и нѣсколько городовъ сожгли, какъ-то: Острогъ, Заславъ, Полонное, Колки, Тучинъ и т. д.“

кописнымъ экземпляромъ Освѣтимова дневника владѣеть нѣкто Мартинъ Пршибыльскій, въ Живцѣ (близъ Кракова). Сколько я ни разспрашивалъ за-границей у польскихъ археографовъ о судьбѣ этого безцѣнного мемуара, они мнѣ отвѣчали съ какимъ-то страннымъ равнодушіемъ, точно родственники того, кто сократилъ экземпляръ, принадлежащей бібліотекѣ Оссолинскихъ.

Зная за панами и за козаками такія доблести, мы должны убѣдиться, что тогдашній польскорусский панъ и польскорусский козакъ, тогдашній Лихъ и Русинъ, какой бы ни были они вѣры и безвѣрія, стонли одинъ другаго, по малорусской пословицѣ: „якій пійшовъ, такого гуусторіевъ“. Панъ былъ достоинъ козацкаго разбоя и предательства, козакъ—панской жадности и презрѣнія.

Уже и въ инструкціи на сеймикѣ король предостерегалъ шляхту, точно кто путный, не медлить больше съ денежными сборами и не допустить снова, чтобы жолнеры, послѣ войны съ непріятелями, воевали свое отечество по-непріятельски и взяли съ него нѣсколько жолдовъ, прежде чѣмъ имъ будетъ уплачено одинъ.

Фатальное и обычное въ Польшѣ препятствіе въ военныхъ дѣлахъ и успѣахъ вело ее къ погибели не только извѣтъ государства, но также и внутри его. Жолнеры, равно какъ и козаки, не получая жолда, брали его десятерицею и сторицею посредствомъ разоренія такъ называемыхъ „убогихъ людей“, которые, въ концѣ концовъ, ожесточались противъ своихъ властителей и отъ души желали имъ гибели. Альбрехтъ Радивилъ, въ своемъ піетизмѣ, высказалъ мысль реальную: „Чѣмъ кто грѣшенъ, тѣмъ тотъ и карается: ибо нигдѣ не бываетъ такихъ бунтовъ, какъ въ Польшѣ, оітого что нигдѣ такъ не угнетаются подданныхъ. Передъ этимъ было у насъ угнетеніе убогихъ; теперь убогіе сдѣлались орудіемъ угнетенія богатыхъ, и, какъ прежде паны различными способами выжимали кровь изъ своихъ подданныхъ, такъ сдѣлалась и наоборотъ. Козаки и поспольство совершили неслыханныя мерзости, потому что и наши грѣхи были неслыханные. Надобно намъ уменьшить пашу вольность, или лучше—ея злоупотребленіе, и ограничить закономъ жолнера, чтобы онъ воздерживался отъ грабежа подданныхъ: ибо грѣхъ этотъ взываетъ къ Богу о мщениі“... А въ инструкціи на сейміки прямо сказано, что, „по общему мнѣнію, постигшія Польшу бѣдствія Господь Богъ допустилъ за угнетеніе убогихъ подданныхъ посредствомъ жолнерскихъ становищъ и грабительствъ въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ“ *). Но жолнеры, какъ и козаки, сами по себѣ были менѣше виновны, чѣмъ тѣ, которые, зная, съ чего начинаются конфедерациіи однихъ и бунты другихъ, тѣмъ не менѣе продолжали расхищать государственные доходы. Литовскій канцлеръ открываетъ намъ, что когда въ 1650 году, при-

*.) Это—одно изъ доказательствъ, что паны, какъ паны, говоря вообще, не были угнетателями подданныхъ; они скорѣе избаловали крестьянъ своими зазывами да перезывами.

шлось расплачиваться съ наемнымъ войскомъ за Корсунскую, Збражскую и Зборовскую войну, въ скарбѣ недоставало для расплаты съ жолнерами миллиона и двухсотъ тысячъ, которыхъ дѣвались не известно куда, и жолнеры замышдали довести подданныхъ до убожества, грася своюевольно по селамъ, а это значило—лить воду на козацкія колеса *). Самъ коронный подскарбій, то есть министръ финансъ, Богуславъ Лещинскій, получивъ деньги на 600 жолнеровъ, и жолнеровъ не доставилъ, и денегъ не возвратилъ. Самъ коронный гетманъ, Николай Потоцкій, по возвращенію своемъ изъ пленя, вошелъ въ стачку съ подскарбіемъ: одинъ не представилъ ревизіонной комиссіи компуга войска, а другой не объявлялъ, сколько въ скарбѣ денегъ. Чѣмъ касается короля, то, въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, онъ всегда зависѣлъ отъ пановъ, а теперь королю надобно было еще держаться на высотѣ своей славы, и потому царственномъ особой своей онъ только увеличивалъ число обманщиковъ Рѣчи Посполитой.

Такое положеніе дѣлъ придало созданному имъ теперь чрезвычайному сейму характеръ собранія, въ которомъ немногіе старались омороить многихъ, и только нѣкоторые понимали, какъ бы следовало поступать въ грозномъ положеніи отечественныхъ дѣлъ. Къ числу такихъ людей принадлежали тѣ, которые требовали, чтобы гетманская власть не была пожизненною; чтобы князь Вишневецкій былъ вознагражденъ за потерю своихъ имѣній въ Украинѣ, за свои подвиги въ козакотатарской войнѣ, и чтобы, послѣ короля, ему первому была объявлена благодарность Рѣчи Посполитой, „яко Геркулесу“. Но противъ государственной рутинѣ трудно было стоять людямъ независимаго ума и чувства. Освѣтимъ въ своеемъ дневникѣ говорить выразительно, что отъ несогласія пановъ зависитъ все, что они были крайне своеокрыстыны въ виду страшнаго положенія отечества, что они домогались пожалованій у короля безстыдно. Сынъ Конецпольскаго, по его разсказу, вѣль себя въ этомъ случаѣ скромно, но добрые пріятели разгласили, будто бы онъ хочетъ присоединиться къ жолнерской конфедерациѣ, чтобы вмѣстѣ съ нею домогаться вознагражденія, и этимъ исторгнули ему у короля пожалованіе.

Когда сеймующиѣ паны вalandались такимъ образомъ съ дѣломъ правленія, превосходившимъ ихъ способности, король получилъ отъ Киселя изъ Киева донесеніе, какого никто уже и не ждалъ.

*.) Одною изъ причинъ увеличенія числа козаковъ Жевковскій выставлялъ опустошительные татарскіе набѣги, а жолнерскіе бунты разоряли подданныхъ, какъ татарскіе набѣги.

Кисель напомнилъ королю тономъ человѣка добродѣтельного, что подъ Зборовыемъ были постановлены такіе пакты съ Запорожскими Войсками, какія велика принять послѣдняя крайность (*jakie przyjać res nostrae in extremis posita kazały*). Для общаго блага, рѣшился же онъ еще на одну попытку къ переговорамъ (*tentanda tentare et tractanda tractare*), и, точно сквозь терпіе, прорался въ Киевъ, сквозь толпы черни (*per obvias catervas plebis*). Въ теченіе своего трехнедѣльного тамъ пребыванія, добился онъ того, что наконецъ Хмельницкій посѣтилъ его, и что послѣ юрисдикціи козацкой, наступила въ Українѣ королевская. Кисель, по его словамъ, возстановилъ киевскій магистратъ съ его властью, и за свѣжее убийство пана Голуба покоралъ виновныхъ королевскимъ мечемъ въ присутствіи не менѣе 20,000 козаковъ (*mając spectatores najmiej 20.000 Kozaków*). Онъ увѣдомлялъ короля, что составленіе козацкаго реестра приходить къ окончанію на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, и не совѣтовалъ королю порываться на войну, потому что Орда готова поддержать козаковъ, и задорное послопство желаетъ войны съ панами. „Но гетманъ со всѣмъ войскомъ“ (писалъ Кисель, поддавшись новымъ каверзамъ Хмеля) „сильно желаетъ мира и искренно о томъ заботится; наконецъ, грозить наступить на мужиковъ съ войскомъ (*nastapić na nich grozi wojskowo*). Но ничего вѣрнаго сказать Кисель всѣ-таки не могъ, при всемъ своемъ желаніи поддержать миръ съ козаками. Такъ какъ чернь, по его выраженію, была полна послѣдней рѣшимости (*ostatnej rezolucyjnej plebs plena*), и онъ боялся, чтобы война съ нею не сдѣлалась национальною и религіозною (*jużby nastalo bellum gentis et religionis*), а это показываетъ намъ въ Киселѣ сознаніе, какъ Ляхи-католики и Ляхи-православники (отъ нихъ же первый былъ онъ самъ) поставили церковное дѣло въ Малороссіи.

Подъ конецъ сейма, въ началѣ 1650 года, дѣйствительно привезли королю козацкіе послы то, что они, въ своемъ обществѣ, безъ сомнѣнія, называли *мандю* — 40.000-й реестръ, который король и его миротворцы-паны принялъ за самый убѣдительный документъ вѣрногоподданства Хмельницкаго и за гарантію мира. „Большинство нашихъ пановъ“ (говоритъ Освѣцімъ), „хорошо знающихъ дѣла Рѣчи Посполитой, были такого мнѣнія, что Хмельницкій — или не хотѣлъ, или не могъ изъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ взбунтовавшагося хлопства сдѣлать воинами такое малое число, а другихъ безъ числа (*sine numero*) обратить въ хлопы, но у него было столько ума, который мы должны въ этомъ случаѣ за нимъ признать, и столько совѣта (*rady*), что онъ

привель предпринятое въ исполненіе сверхъ общаго чаанія и мнѣнія (ultra spem et opinione omnium)“.

Чтобы замылить глаза папамъ и ихъ королю, Хмельницкій, въ начаї реестра, изобразилъ свой гербъ, и присовокупилъ къ нему стихотворную октаву, въ которой русская рѣчь такъ безобразно соединена съ польскою, какъ безобразно соединялся русскій элементъ съ польскимъ въ такихъ представителяхъ нашей малорусской народности, какими были Кисели, Древинские, Могилы, Косовы Тризны и *tutti quanti...* Темный смыслъ этой октавы таковъ: „Старина обновила какъ бы только то, что слава вновь открываетъ явно. Гербъ, украшающій домъ Хмельницкихъ, сильно утверждаетъ въ мужествѣ, въ правдѣ, въ вѣрѣ. И не удивительно: ибо Абданкъ (*habe Dank*) есть знакъ щедрой покорности, а крестъ означаетъ твердость вѣры Хмельницкихъ и силы. Ты, король, непобѣдимъ въ христіянскомъ государствѣ, имѣя въ своемъ подданствѣ Хмельницкихъ“ *).

Одновременно съ козацкими послами прибылъ въ Варшаву кіевскій воевода, Адамъ Кисель, а вмѣстѣ съ нимъ и митрополитъ, Сильвестръ Косовъ, которому, по Зборовскому договору, слѣдовало дать място въ Сенатѣ. Это былъ камень преткновенія на пути польской жизни. Въ сеймиковыхъ инструкціяхъ земскими послами заключался наказъ утвердить Зборовскіе пакты съ соблюденіемъ правъ Римской церкви (*salvis juribus Ecclesiae Romanae*). Духовные сенаторы Рѣчи Посполитой боялись быть отлученными отъ церкви за допущеніе схизматика сидѣть съ ними рядомъ въ сенаторскихъ креслахъ. Въ отвѣтъ на это свѣтскіе указывали имъ на кальвинистовъ и лютеранъ, засѣдавшихъ въ сенатѣ. Но въ Польшѣ католическое духовенство было государствомъ въ государствѣ. Столѣтія употребило оно на то, чтобы Шляхетскій Народъ и короли его творили волю папы, яко Христова намѣстника. Только съ исчезновеніемъ Польши могла исчезнуть зависимость католиковъ отъ земнаго Бога, возсѣдавшаго на святомъ престолѣ Петра въ Римѣ. Папы не боялись протестантовъ, и про-

*) Staraozytnośc to tylko iakby odnowiła,
Że wiekopomnośc iawno znouu się odkryła,
Kleinot, który Chmielnickich dom przyozdoblaiet,
W muźnosti, w prawdi, w wiery mocno utwierżaaiet.
Nedyw: bo Abdanek iest znak szczodrej powolnosci,
Chrest zaſfirmament wiery Chmielnickich, možnoscí.
Niezwyciez'onyś, Krolu, w Chrestianskim Panstwie,
Gdy powolnosć Chmielnickich maiesz w swym poddanstwie.

тестанты начали уже возвращаться на лоно католичества. „Новая вѣра“ основывалась на отрицаніи быаго: она была въ ихъ глазахъ недолговѣчнымъ отступничествомъ. Напротивъ боялись очень польскихъ схизматиковъ, опиравшихся на предковъ и старину заодно съ гражданами обширнаго Московскаго Царства. По этому даже тѣхъ іерарховъ, которыхъ іезуиты соблазняли къ переходу въ унію высо-кою честью засѣдать въ *сенаторской лавице*, не допустили до равен-ства съ католическими бискупами. У папъ только католикъ былъ правоправнымъ христіяниномъ. Всякая уступка въ этомъ правилѣ представлялась противодѣйствиемъ ихъ видамъ на вселенскую власть.

Косовъ, съ высоты своего верховенства надъ малорусскою цер-ковью, могъ бы торжественно заявить на сеймѣ о несоблюденіи па-нами договора въ войнѣ съ „борцами за православную вѣру“, и сво-имъ протестомъ освятить во мнѣніи народа подвиги Хмельницкаго. Но онъ помышлялъ единственно о томъ, какъ бы, въ своемъ дву-мысленномъ положеніи, устоять на высотѣ своего званія и сохранить за собой духовные хлѣбы. Онъ, безъ сомнѣнія, чаялъ выхода изъ обсто-явшихъ его золъ посредствомъ гибели *рѣбеллизантовъ*, отъ которыхъ, сторонился и Петръ Могила, завѣщавшій созданной имъ іерархіи свою полонизаторскую политику. Поѣздка Косова въ Варшаву была только послушаніемъ козацкому верховодству въ Малороссіи. Какъ вѣрно-подданный короля и Рѣчи Посполитой, онъ совѣтовался тамъ не съ однимъ Киселемъ, какъ ему быть, и смиренno отказался отъ своего спорнаго права на засѣданіе въ Сенатѣ. Для соблюденія того значе-нія, какое было придано ему Зборовскимъ договоромъ, онъ получилъ отъ короля *апробацію* на возвращеніе вѣдомству митрополита вакант-ныхъ епархій и т. п. Но фиктивныя уступки „схизматику“ подлежали еще рѣшенію высшей католической власти. Поэтому литовскій канц-леръ протестовалъ о своемъ разномысліи съ королемъ передъ пап-скимъ нунціемъ, а нунцій вписалъ свой протестъ въ канцеляріи ли-товскаго канцлера,—и огражденная такимъ способомъ унія осталась неприкосновенною „въ правахъ римской церкви“.

Изъ этого мы видимъ, что Зборовскій договоръ былъ нарушенъ въ той статьѣ, которую Хмельницкій въ своей Переяславской пропо-зиціи поставилъ первою, и въ той, которую написалъ второю: унія *не была уничтожена*; кievскій митрополитъ *не засѣдалъ* въ Сенатѣ. И однакожъ, воитель вѣры и церкви принялъ за благо сеймовое утвер-жденіе Зборовскихъ пактовъ.

Отправивъ козацкое посольство, король опубликовалъ, посред-ствомъ вписанія въ житомирскія гродскія книги, универсаль, въ ко-

торомъ объявлялъ всѣмъ и каждому, „какого бы кто ни былъ состоянія: шляхетскою, козацкою и польскою“, что заключенный его королевскою повагою подъ Зборовыи миръ утверждены сеймомъ согласно и единомысленно, что миновавшее замѣшательство, допущенное Господомъ Богомъ, предается вѣчному забвенію, что Запорожскому Войску возвращены и подтверждены всѣ права и преимущества, что всѣ реестровые козаки, вошедшіе въ составъ этого войска, должны оставаться при своихъ правахъ и преимуществахъ, всѣ же подданные королевскихъ замковъ и городовъ, а равно духовные, панскіе и шляхетскіе, должны оставаться въ обычномъ своемъ подданствѣ; что коронное и чужеземное войско, идущее въ Украину на квартиры, должно оставаться въ прежнемъ мирѣ и согласіи съ Войскомъ Запорожскимъ; а для охраны общественного спокойствія назначенъ Адамъ изъ Бруслова Кисель, воевода-генералъ кіевскихъ земель, королевский комиссаръ, который будетъ имѣть свое мѣстопребываніе въ Кіевѣ, и которому дана полная власть охранять миръ, чинить судъ и расправу между короннымъ и Запорожскимъ Войскомъ. „Посему“ (писаль король) „мы публикуемъ этотъ универсаль, дабы всѣ, зная о святомъ мирѣ, нами заключенномъ, прекративши всякия тревоги, хвалили Господа Бога и возвращались въ свои дома, каждый къ своему занятію, и при семъ строго повелѣваемъ, чтобы никто не отваживался затѣвать какихъ-либо бунтовъ, зная, что наше коронное войско, вмѣстѣ съ соединенными запорожскими силами, будетъ каждому давать отпоръ, какъ пограничному непріятелю, и такимъ образомъ будетъ усмирять всяkie бунты“.

Хмельницкій, письмомъ отъ 20 марта, нынѣшне и вѣрноподданнически благодарили короля и всю Рѣчъ Посполитую за декларацію, милостиво дарованную козакамъ подъ Зборовыи, а нынѣ утвержденную сеймомъ. „Все, что касается успокоенія религії“ (писаль онъ) „козаки поручили его милости отцу митрополиту и духовенству. Хотя на нынѣшнемъ сеймѣ не могло состояться окончательное успокоеніе, но козаки и за эту милость униженно благодарятъ и покорнѣйше просятъ, чтобы все, заключающееся въ дипломѣ, съ этого времени было приведено въ исполненіе, потому что у пановъ уніятощъ обычно - королевскія повелѣнія откладывать. Въ Запорожскомъ Войску есть много такихъ, которыхъ предки лежатъ въ коронныхъ и литовскихъ церквяхъ, присвоенныхъ унитами. Желая, чтобы поминовеніе душъ ихъ совершилось по обряду ихъ старожитной религії, они до тѣхъ поръ будутъ постоянно ходатайствовать, пока эти церкви не будутъ въ рукахъ у нашихъ православныхъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Хмельницкій про-

силъ, чтобы коронныя войска не приближались къ Украинѣ и тѣмъ не производили въ послольствѣ тревоги.

Это письмо было написано въ отвѣтъ на королевское уведомленіе объ утвержденіи сеймомъ Зборовскаго договора, но отправлено лишь черезъ два мѣсяца *). Есть основаніе думать, что оно не было бы совсѣмъ послано, еслибы двѣ личности, которыми Хмельницкій дорожилъ, не очутились въ тюрьмѣ у краковскаго воеводы. Въ самомъ концѣ Козацкій Батько написалъ: „Оsmѣливаемся со всѣмъ Войскомъ вашей королевской милости, припадая къ стопамъ наꙑсайшаго маестата, просить обѣ Иванѣ Тетеревскому и Петру Котовичу, которыхъ безвинно мучатъ въ тюремномъ заключеніи и доселѣ не выпускаютъ. Благоволи, по своей благосклонной панской милости, повелѣть написать князю его милости, краковскому воеводѣ, чтобъ онъ приказалъ выпустить ихъ со всѣми купеческими товарами“.

Такъ и въ Пилявецкую войну Хмельницкій до тѣхъ поръ смиренничалъ и стлалъ себя подъ ноги Рѣчи Посполитой, пока не вернулись изъ Варшавы его послы, о которыхъ кривоносовцы распустили слухъ, что они казнены.

Послѣ опубликованія королевскаго универсала не препятствовалъ онъ украинскимъ панамъ возвращаться въ ихъ имѣнія и на ихъ „уряды“. Наученные горькимъ опытомъ вотчинные и помѣстные землевладѣльцы составляли военно-экономическія ассоціаціи, и появлялись въ видѣ колонистовъ среди одичалаго края. Безъ такъ называемой ассистенціи и безъ условія взаимной помощи ни одно панское семейство не дерзало явиться къ подданнымъ, попробовавшимъ безнаказанного самоуправства.

Съ удивленіемъ узнали тогда козаки, что имъ нельзѧ оставаться въ шляхетскихъ имѣніяхъ при своихъ войсковыхъ правахъ и вольностяхъ. Надобно было—или отказаться отъ козакованья, или, забравъ свою движимость, переходить въ тѣ королевщины, которые назначались комиссарами для козацкаго жительства. Но удивленіе перешло въ ярость, когда стали дѣлать различіе между вписанными и невписанными въ козацкій реестръ. Первыхъ просили удалиться изъ имѣнія; отъ вторыхъ требовали чиншѣй, податковъ и отбутковъ, или

*) Хмельницкій пишетъ въ немъ: „посылаемъ войсковой реестръ“, а реестръ былъ въ рукахъ у короля въ началѣ января. И потому: „Тѣ, которые, по заключеніи мира, умертвили урядниковъ, своихъ пановъ, наказаны по мѣрѣ вины въ бытность въ Киевѣ пана воеводы“, а кievскій воевода былъ въ Києвѣ снова въ январѣ.

панчины. Хмельницкій долго не объявлялъ Зборовскаго договора, наконецъ разослалъ отъ Малороссіи универсаль, повелѣвающій повиноваться панамъ дѣдичамъ и панамъ урядникамъ подъ страхомъ смертной казни.

Такимъ образомъ обѣщанія, которыми завлекалъ онъ въ козацкое войско вотчинныхъ и ранговыхъ, иначе панскихъ и королевскихъ подданныхъ, оказались обманомъ. Обніщавшіе, „изнужившіеся“, по выражению Кунакова, реестровики, вместо переходовъ въ козацкіе поселки, завелили въ панскихъ имѣніяхъ о зрадѣ. „Зрадила насть наша старшина! зрадивъ насть и самъ гетьманъ! Дышути однімъ духомъ зъ нашими нашійниками, зъ нашими душманами! накладають съ панами! вырубають Ляходъ!“¹⁾) Такіе восклиціи гремѣли всюду, гдѣ собирались герои поджога и грабежа шляхетскихъ дворовъ, панскихъ домовъ и всякой движимости. Начались повсемѣстные бунты. Повторились убийства надъ панами и отмщенія за нихъ со стороны пановъ. Кто на разоренное козаками хозяйство вернулся въ сопровожденіи надежнаго почта, тѣ брали верхъ надъ бунтовщиками, и въ этомъ случаѣ на своеольныхъ мужиковъ дѣйствовалъ не столько страхъ оружія, сколькоувѣренность, что паны въ состояніи охранять ихъ самихъ отъ козацующей голоты, затѣвавшей и поддерживавшей бунты. Тѣ же паны, которые не обеспечили себя ни надворною дружиною, ни подмогою сосѣдей, спѣшили убраться за добра ума въ болѣе безопаснѣй мѣстности.

Политика Хмельницкаго, часто противорѣчившая собственнымъ правиламъ, поставила его между двухъ лагерей. Съ одной стороны все христіянское общество, въ гражданственномъ строю своемъ, требовало отъ него приоровленія къ правиламъ жизни, выработаннымъ вѣками культуры; съ другой—орда головорѣзовъ и хищниковъ домогалась отъ него полной свободы, не желая знать, что это значитъ и къ чему такая свобода приведеть въ ближайшемъ будущемъ. Взявшись вымести за Чаплинскаго на всѣхъ его укрывателяхъ, онъ отрекся отъ солидарности съ тѣмъ классомъ, къ которому принадлежалъ отецъ его, чигиринскій подстаростій, сложившій голову рядомъ съ великимъ Жовковскимъ; но теперь видѣлъ, что не сдѣловать ему въ роли Ко-

¹⁾) Вырубати Ляходъ значило говорить по-польски, вести себя поляшески, напримѣръ:

Ой пье Сава и гуляе,
Ляходъ вырубае...

зацкаго Батька, и потому дѣлалъ уступки панской республикѣ, кото-
рая пріютила его отца въ бѣдственномъ положеніи и взлелъяла соб-
ственное дѣтство его.

Чтобы занять умы, взволнованные бунтовщиками, Хмельницкій созвалъ въ Переяславѣ генеральную раду. На ней былъ прочитанъ и принять козаками реестровый списокъ, посланный къ королю. Этимъ актомъ, завоеваннымъ подъ Збаражемъ и Зборовыемъ, Козацкій Батько сложилъ съ себя ответственность передъ разбойною массою въ томъ, что не ведеть ее *кончати Ляховъ*, а, вмѣсто того, еще караетъ смертю панскихъ убийцъ. Всѣ козаки, имѣвшіе, въ глазахъ черни, преиму-
щественное право на козацкія вольности, признавало законнымъ и естественнымъ тотъ порядокъ вещей въ Украинѣ, который былъ низ-
ровергнутъ по поводу гонитвы Хмельницкаго за его обидчиками. Чтобы отмѣнить ихъ общее рѣшеніе, голодная и сравнительно без-
оружная чернь должна была бы убить не одного Хмельницкаго, по
и сорокъ тысячъ реестровиковъ, вмѣсто со всѣми тѣми, которые
пользовались выгодами ихъ положенія *по за реестромъ*.

Такъ изъ-подъ ига панского люда послопитые перешли подъ
иго козацкое, потому что гетманъ каралъ ихъ смертью за бунты про-
тивъ пановъ, а сорокатысячный привелигированный Козацкій Народъ,
за реестромъ доходившій до статысячнаго, содержался на счетъ ра-
боты людей послопитыхъ. Это была новорожденная, хоть и не закон-
норожденная, шляхта, которой недоставало только государственной
nobilitaцї. То, что говорить о себѣ въ кобзарской думѣ Иванъ Ка-
нинченко, сподвижникъ Филоненка, было символомъ вѣры каждого
козака:

І вже мені не честь, не подоба
По рілляхъ спотыкати,
Жовті сапчянці каляти,
Дорогі сукні пыломъ набивати... *)

Теперь людямъ послопитымъ, не шляхтичамъ и не козакамъ, пред-
оставлялось дѣлать сравненіе между тѣмъ временемъ, которое пред-

*) Хлѣбопашество въ жизни козаковъ (пишетъ достойный оппонентъ ко-
стомаровскихъ изображеній козачества въ Смутное Время Московскаго Государ-
ства, г. Бѣляевъ) являлось элементомъ развращающимъ, слишкомъ осѣдлымъ, и
потому пахать землю, сѣять хлѣбъ, напримѣръ у Донцовъ, строго воспрещалось:
„а стануть пахать, и того бить до смерти и грабить“, говорить одна войско-
вая грамота 1590 года по Хоперскимъ и Медвѣдицкимъ городамъ. („Мининъ и
Пожарскій“, стр. 207).

шествовало Хмельницчинѣ, и тѣмъ, когда „козацкая слава разлилась по всей Украинѣ“.

По свидѣтельству Самовидца, до бунта Хмельницкаго, „поспольство во всемъ жили обфито (изобильно): въ збожахъ (хлѣбахъ), въ бидлахъ (скотѣ), въ пасѣкахъ“; досадовали ихъ только не привычные для украинцевъ „вымыслы великие отъ старостовъ и отъ ихъ намѣстниковъ и Жидовъ. Бо сами державци на Украинѣ не мешкали (не жили), тилько урядъ держали, и такъ о кривдахъ людей послопитыхъ мало знали, альбо, любо (хоть) и знали, только, заслѣплени будучи подарками отъ (панскихъ) старость и Жидовъ арендарей, же (что) того не могли узнати, же (что) ихъ саломъ по ихъ же шкурѣ и ма-жути: зъ ихъ подданныхъ выдравши, онимъ даруютъ, що и самому пану вольно бы узати у своего подданнаго, и не такъ бы жаловать подданный его. А то леда (какая-нибудь) шевлюга (шваль), леда (какой-нибудь) Жидъ богатится, по килько цуговъ коней справляеть, вымыслиючи чинши великие, поволовщины, дуды, осыпъ, мѣрочки сухіе, зъ жорновъ плату и иное, отниманье фольварковъ, хуторовъ,— що натрафили на чоловѣка одного, у которого отняли пасѣку, которая всей Землѣ Польской начинила бѣды“...

По свидѣтельству же всѣхъ современныхъ документовъ, въ эпоху Хмельницкаго свирѣпствовала ужасающая нищета въ той массѣ, которая, увлеклись козацкимъ промысломъ, помогла козакамъ отѣлить на свой пай сытный кусокъ хлѣба на счетъ старости, державцевъ, арендаторовъ Жидовъ, а сверхъ нищеты свирѣпствовалъ козацкій произволъ, безъ всякой апелляціи. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ козаки не сидѣли на шеѣ у доматоровъ и гречкосѣевъ (названія у нихъ презрительныя), — въ тѣхъ мѣстахъ свободно разгуливали татарскіе загоны. Козаки перебили или предали Татарамъ пановъ, которые набирали бывало изъ своихъ сель охотниковъ до гонитвы за хищниками; вооружали ихъ на собственный счетъ, водили въ „невѣдомыя“ поля по примѣру древняго князя Игоря, и нерѣдко, какъ это мы знаемъ по „русскому воеводичу“, слагали буйную голову въ бою съ невѣрными. Теперь некому было охранять отъ Орды не только мужиковъ, но и козацкихъ жилищъ. Ворота въ Украину стояли Татарамъ настежь; Зборовскій договоръ отдалъ подъ ихъ кочевья все Черноморіе, отъ Азова до Чигирина, отъ Чигирина до Акермана, и если они уводили въ неволю даже собственныхъ сподвижниковъ, козаковъ, то каково было положеніе доматоровъ и гречкосѣевъ!

Въ то время, когда Хмельницкій просилъ короля объ освобожденіи Тетеревскаго и Котовича изъ тюрьмы, прибавляя: „а мы за на-

яснѣйшій маестатъ вашей королевской милости готовы жертвовать жизнью (*zdrowie swoje gonić*), — въ то самое время Адамъ Кисѣль изображалъ королю положеніе дѣлъ въ Украинѣ такими словами:

„Послѣ моего первого кіевскаго обжога, о которомъ я увѣдомилъ вашу королевскую милость, — лишь только Хмельницкій велѣлъ снять головы и тѣмъ, которые у береговъ козачинны начинали мятежъ въ панскихъ имѣніяхъ, и тому, что назывался гетманомъ на Запорожье, мужики нѣсколько пріутихли. Однакожъ, желая подѣйствовать еще сильнѣе въ этомъ случаѣ, Хмельницкій намѣренъ въ скоромъ времени отправиться (*exsurgere*) членами на Запорожье, чтобы очистить скопище (*sentinam*) своевольства и обсадить Запорожье надежною (*rodusala*) старшиною. Здѣсь также велѣлъ полковникамъ сторожить берега, чтобы (козаки) не входили ни въ какое замѣшательство съ тѣми региментами, которые приблизились къ Хмельнику и Бару, и предотвращать всякие бунты. Послы (Хмельницкаго) также ѿхали къ вашей королевской милости съ реестрами, а другіе реестры представили въ кіевскій гродъ. Судя по этимъ поступкамъ и наблюдавъ за всею старшиною, которой у меня бываетъ полно каждый день, кажется, что они желаютъ сохранить миръ. Только исключенные изъ реестровъ мужики, которые было окозачились, прибѣгаютъ къ разнымъ способамъ, чтобы не быть въ подданствѣ у своихъ пановъ. Одни продаютъ все и, оголѣвъ, идутъ къ козакамъ въ чуры и постон (*jedni sie sprzedajac i ogolociwszy ze wszystkiego, za czurow i postojow do kozakow uadaja*), другіе совсѣмъ идутъ за Двѣпръ, а нѣкоторые—такихъ наименѣе—кланяются уже своимъ панамъ. Поэтому одинъ Господь Богъ, въ своемъ предѣдѣніи, рѣшилъ и предопредѣлилъ, какъ все это можетъ усмириться и успокоиться. Я не смѣю успокоивать отечество миромъ; точно такъ же не желаю раздражать шерней и давать имъ поводъ къ враждѣ. Одинъ, кажется, остается совѣтъ: положиться на волю всемогущаго Бога, какъ Ему будетъ угодно смягчить эту казнь, и па подтвержденіе присягой обѣщаній Хмельницкаго, какъ онъ захочетъ ихъ сдержать, хотя бы это было съ великою кривдою и почти съ порабощеніемъ (*a prawie cum servitute*) всѣхъ нась, украинныхъ (пановъ). Еслибы я не видѣлъ такой силы и готовности, какую здѣсь нахожу, и еслибы могъ видѣть расторгнутымъ товарищество (*societatem*) съ козаками Орды, а также, когда бы войско могло вступить сюда раньше, нежели рѣки пустять (воду), то, какъ я всегда объявлялъ на сеймѣ, наиболѣшимъ средствомъ (*pro maxima*), такъ и теперь—не только желалъ бы, но просилъ бы униженно вашу королевскую милость, принимая во вниманіе все униженіе, которое мы

претерпѣваемъ въ мирѣ, похожемъ на рабство, — лучше попытаться прибѣгнуть къ оружію, нежели, имѣя, не имѣть подданныхъ. Имъ помогаютъ всѣ фортепи и на сушѣ, и на водѣ, потому что у нихъ та же сила, та же готовность, та же лiga, хотя меня угнететъ та же бѣдность и несчастіе (*egestas et calamitas*), что и каждого. Поэтому я не нахожу другаго способа, какъ только ждать у берега попутнаго вѣтра (*secundos spectare in littore ventos*). По вышеизложеннымъ причинамъ, больше можетъ сдѣлать половина войска съ осени и зимой, нежели цѣлое войско теперь лѣтомъ: ибо у нихъ (тогда) прекращаются всѣ фортепи, и Орда не можетъ оставаться долго съ ними; а когда не будетъ Орды, то мы всегда, по милости Божій, можемъ взять верхъ. Еще и то надо принять во вниманіе, что теперь *великий голодъ*. Огультаенное хлопство должно снова приняться за землю, или, не будучи задираемо, какъ этого рѣшительно Хмельницкій желаетъ, придумаетъ себѣ куда-нибудь (добычный) путь. Черезъ это могла бы эта вооруженная толпа какъ-нибудь порѣдѣть и разойтись, а если нуженъ поводъ къ войнѣ, то у Рѣчи Посполитой онъ есть всегда, лишь только она будетъ готова къ войнѣ. Если даже козаки желаютъ оставить насть въ покой, то поводомъ къ войнѣ можетъ быть то обстоятельство, что этотъ миръ не только не удовлетворяетъ насть, обиженныхъ, но не соответствуетъ и самой транзакціи, учиненной съ ними. Два важнѣйшия обстоятельства, именно: возстановленіе католического исповѣданія и такое подданство, которое бы приносило панамъ выгоду (*poddañstwo z pozytkiem rapan*), не скоро могутъ войти въ колею, потому что они — или совсѣмъ не хотятъ, или хотѣли бы мало давать податковъ, и быть въ подданствѣ только по имени. Поэтому признаюсь чистосердечно (*ingenue fateor*), что такой миръ мнѣ не по сердцу, если его Господь Богъ и самое время не исправить. Только теперь опять начать войну было бы, по моему мнѣнію, крайне опасно. Вотъ почему я желаю, чтобы отечество, пользуясь временемъ, исправило то, что должно быть исправлено (*tempore temperanda temperare*)... и униженно прошу не приближать войска, чтобъ не давать повода къ враждебнымъ дѣйствіямъ... иначе — мнѣ и всѣмъ находящимся здѣсь обывателямъ *ipso facto* пришлось бы творить предсмертные обѣты (*vovere hostias*). Если же ваша королевская милость пожелаете приблизить войско и, при первомъ поводѣ (*data occasione*), предоставить суду Божію то, что оскорбило Республику, не дожидаясь исправленія — если только какое-либо исправленіе возможно въ этихъ своевольныхъ и одичалыхъ подданныхъ, — не дожидаясь даже времени, болѣе благопріятнаго для нашихъ дѣлъ; въ такомъ случаѣ нижайше

прошу о томъ, чтобы, прежде нежели войско двинется въ Украину, я, по какому-нибудь письменному повелѣнію вашей королевской милости, могъ оставить здѣшній мой постъ, и чтобы дворянство не вдругъ, а мало-по-малу... могло уйти отъ опасности, которая захватитъ насть въ ту же минуту, какъ только пойдетъ молва, что войско двинулось и идетъ въ Украину".

Вмѣстъ съ тѣмъ Кисѣль увѣдомлялъ, что къ Хмельницкому прибыли съ чѣмъ-то послы изъ Венгрии, Молдавіи, Валахіи: доказательство, что „сила этой черни и счастье Хмельницкаго уважаются“, замѣтилъ онъ, и просилъ увѣдомить его съ возможною скоростью; долженъ ли онъ здѣсь укрѣпиться (*sidere pedem*), или же думать о бѣгствѣ? Не получая ни гроша дохода изъ своихъ заднѣпровскихъ имѣній, не могъ, однакожъ, онъ обходиться безъ ассистенціи, такъ какъ постоянно находился среди опасности (*obnoxius semper periculis*), а при дороживизнѣ сѣбѣстныхъ припасовъ, издерживалъ на нее не менѣе двухъ тысячъ золотыхъ въ недѣлю изъ своего жалованья; поэтому просилъ пособія. „Не получаю“ (писалъ онъ) „здѣсь въ резиденціи ни гроша, провыянту же трудно достать, потому что его нѣть, а силою трудно взять. Если подданные не хотятъ ничего давать даже своимъ собственнымъ панамъ, то тѣмъ болѣе—жолнеру“.

Когда такимъ образомъ спокойные прежде обладатели Малороссіи находились въ положеніи колонистовъ среди свирѣпыхъ дикарей, или—въ положеніи безоружныхъ завоевателей среди враждебныхъ къ нимъ туземцевъ, — двѣ орды, магометанская и христіянская, занявъ своими кочевьями широкое пространство отъ черноморскихъ береговъ до Случи, были поглощены заботой о своемъ существованіи на счетъ культурныхъ сосѣдей.

Не напрасно Хмельницкій говорилъ въ прошломъ году противъ московского царя „непритожія слава“. Попавъ между татарскаго молота и польской наковални, по милости юнаго самодержца, щадившаго Рѣч Посполитую въ ея несчастномъ положеніи, не оставлялъ онъ и теперь мысли показать Москалию, что только тотъ непобѣдимъ, кто „въ своемъ подданствѣ имѣтъ покорность Хмельницкихъ“.

Съ Польши было уже снято золотое руно: надобно было снять его и съ Москвы. Мысль эту возымѣлъ счастливый по милости Божіей и милосердый соратникъ Хмельницкаго, Исламъ-Гирей. Когда паны выкупили у него своего заложника, Денгофа, ханъ писалъ къ королю: „По благоволенію, помоши и милосердію Божію, мы не имѣмъ теперь никакого непріятеля, и на всѣ стороны обрѣтаемся въ дѣйствительной пріязни. Однакожъ, много бесѣдовали мы съ вашими

послами о предметахъ, достойныхъ бесѣды. О томъ же достаточно мы сообщили и Калиновскому. Посылаемъ съ этимъ главнаго изъ нашихъ слугъ, Мустафу-агу. Ему поручили мы устно все, что есть въ нашемъ сердцѣ,—всѣ наши намѣренія и мысли. Чѣмъ вамъ онъ разскажетъ, то будуть наши собственныя слова, лишь бы только, выслушавъ хорошо это дѣло, пожелали вы начать. Къ какому времени собравшись, можете быть готовы? Объ этомъ дайте намъ знать черезъ Мустафу-агу. Лѣтомъ-ли, зимой ли, всегда мы будемъ готовы; ждемъ только вашего рѣшенія. То дѣло великое! Множество царствъ и королевствъ можете приобрѣсти. О запорожскихъ же козакахъ, если бы стали говорить вамъ, что противное, не вѣрьте: Козацкій Народъ, это ваши слуги и подданные. Куда бы вы ни задумали, всюду они пойдутъ охотно впереди васъ. Они съ нами договорились въ томъ, что безъ нашеї воли никуда двинуться не могутъ. Поэтому не наставляйте уха людскимъ розсказнямъ. А чтобы наши дружескія письма были тѣмъ пріятнѣе, посылаю Потоцкаго, подаривъ ему свободу за здоровье вашей головы".

О „предметѣ достойномъ бесѣды“ писалъ то же самое и ханскій визирь къ коронному, какъ выражался ханъ, визирю, Оссолинскому, присовокупляя, что походитъ въ Москву разъединить козаковъ съ окочченными мужиками, которые, въ ихъ отсутствіе, сдѣлаются тѣми же панскими хлопами, какими были.

Возвращеніе Николая Потоцкаго изъ татарскаго плѣна Кисѣль привѣтствовалъ письмомъ отъ 4 апрѣля, называя его отцомъ отечества и возлагая на него великия надежды, въ противность собственному мнѣнію о причинѣ междоусобной войны и голосу Шляхетскаго Народа, который въ популярномъ стихотвореніи обращался къ нему съ такой одѣнкою: „Напрасно взваливать несчастье на Бога: не за столомъ было яриться на козаковъ. Мы дома не можемъ ходить безъ чужой помощи, и хочемъ давать битвы въ каретѣ“ (*).

Голоса тѣхъ, которые требовали отмѣны пожизненного гетманства, вопіали въ пустынѣ. Какими средствами возвысилась Рѣчъ Посполитая, такими только могла и поддерживать себя. Зная это изъ Саллюстія, она боялась одной перемѣнной подать поводъ къ другимъ, то-есть обнаружить негодность основъ своихъ и пасть, въ лицѣ боль-

*) Na niebo pr鏰zno i nieszczeſcie łożyć:

Nie u stołu się na nich było srozyć.

(Этотъ стихъ дошелъ до насъ съ припискою: Tak było).

Duma nie možem o swej mocu chodzić,

Przecie w karcie chcemy bitwy zwodzić.

шинства пановъ, отъ внутреннихъ причинъ скорѣе, чѣмъ она пала отъ вѣшнихъ. Но не дряхлымъ подагрикамъ было стоять противъ бури, которая, въ короткое время отсутствія Потоцкаго, измѣнила лицо Польши до неузнаваемости.

„Не та гегемъ facies“ *), (писалъ къ нему Кисѣль), „не тѣ достоинства, не та военная сила, но то же самое надменное и окровавленное нашимъ несчастіемъ бѣшенство (*ale taѣ infortunio nostro inflata i zaju szona rabies*). Всѣ мнѣнія наши полны пустоты, такъ что Украина едва въ состояніи содержать стеченіе и сбродъ вооруженной черни (*colluviem et congeriem armatae plebis*). Увидите сами, въ какомъ хаотическомъ состояніи находится она со стороны Днѣпра. Здѣсь на Днѣпрѣ я сижу въ тройной опасности: впервыхъ, чтобы Хмельницкий остался вѣренъ клятвенному слову, что обуздастъ чернь; вовторыхъ, чтобы чернь не возобладала надъ нимъ и не встала подъ новымъ главою (*cum novo capite non recrudescat*); въ третьихъ, чтобы наши не застучали въ берегъ (*zehu od nas w brzeg nie kołatano*), и отъ нашего домогательства не поднялась буря... Мало-по-малу будемъ освоиваться съ нашими одичалыми подданными, довольные, на первый разъ, однимъ признаніемъ нашего хоть и бездоходнаго господства (*z razu sola recognitione dominij, chociaѣ bez pozytku, kontenci*)... Принизившись такъ, какъ мы принизились, не надобно давать повода къ войнѣ, а хана какъ можно секретнѣе (*quam citissime*) увѣдомить что мы все сдѣлали для черни, а она для насъ еще ничего, и дѣла обезпечить тамъ... Теперь уже дѣло идетъ не о ремнѣ, а о цѣлой шкурѣ польской. Въ крайнемъ свирѣпствѣ черни, и потому въ крайней опасности Республики, крайняя средства не уйдутъ отъ насъ... За Днѣпра поѣхало много братьевъ (шляхты), хоть я и не совѣтовалъ: жестокая стрѣла бѣдности и нужды не взираетъ ни на какія опасности (*durum telum egestatis et necessitatis nec periculo respicit*). Мои слуги, передъ сеймомъ, введены туда по великой де благосклонности, но до сихъ поръ они тамъ гости, а не хозяева“.

Въ заключеніе письма, Кисѣль говорилъ и что теперь въ Варшавѣ великий посолъ царскій, и что онъ совѣтовалъ бы послу, глядя на Польшу, не подвергать Москвы такой же опасности, и лучше держаться съ панами, нежели съ мужиками... Но и паны, и мужики такъ хорошо зарекомендовали себя передъ Москальми, что царскому послу трудно было рѣшить, которое изъ двухъ золъ меньшее.

*.) Лицо вещей, положеніе дѣлъ.

Умудренный горькимъ опытомъ, Кисѣль оставилъ, наконецъ, свой оптимизмъ относительно земляка и пріятеля, Хмельницкаго. Изъ легко-вѣрнаго политика онъ превратился въ печальнаго историка, и письма его вносятъ много свѣта въ туманъ, котораго напустили въ тогдашнія религіозныя, соціальная и національная соотношенія наши украиноманы да козакоманы. Отъ 6 мая онъ писалъ къ королю изъ Киева: „Хмельницкій велѣлъ собраться подъ Полтавой на ханску службу (na usługę hańską) по триста человѣкъ отборныхъ козаковъ изъ каждого полка, о о двуконь каждый, къ 26 мая по старому календарю. Будетъ этого войска 6.000... Изъ этого видно, что Татары отъ козаковъ не оторвутся. Они не только вмѣстѣ живутъ и кочуютъ, но и войска взаимно другъ другу посылаютъ... И на этой недѣлѣ былъ отъ хана посолъ въ Чигиринѣ съ предложеніемъ и подарками. Привѣтствовали его пальбой изъ пушекъ, и отправили также съ подарками. Посольство заключалось въ двухъ пунктахъ: первый—домогательство Порты, чтобы Хмельницкій удерживалъ отъ моря донскихъ козаковъ, на что онъ согласился, и тотчасъ послалъ на Донъ письмо. Второй пунктъ: просьба хана о помощи ему противъ Черкасъ... *) Съ обѣихъ сторонъ полюбились другъ другу (*zasmakowali się w sobie*), живя добычей и грабежемъ (*praeda et spoliis gentes nutritae*): вошли во вкусъ соединенной силы (*zasmakowali sobie conjunctum roburi*)... Все Заднѣпріе оставлено безъ реестровой ревизіи. Хотя реестры и составлены, однакожъ, козаки по-прежнему лелѣютъ (*fovent*) при себѣ всѣхъ до святоѣ... Бунтуютъ подъ предлогомъ религіи... Хотя Хмельницкій и усмиряетъ чернь жестокими примѣрами, но караетъ меньшихъ, а старшихъ преступниковъ не замѣчаетъ, или, ударивъ по карману, выпускаетъ. Такъ недавно поступилъ онъ съ Нечаемъ, который надѣлалъ много зла. Обѣщалъ мнѣ, что казнитъ его смертью, а потомъ выпустилъ, взявши тысячу 15 и оправдываясь тѣмъ, что будто бы его отпросили ханскіе послы“.

Въ письмѣ къ Потоцкому о брацлавскомъ полковнику Нечай Кисѣль писалъ, что нѣть большаго бунтовщика въ Украинѣ. По отѣзгѣ Хмельницкаго изъ Киева (рассказывается Кисѣль), онъ оставался здѣсь двѣ съ половиною недѣли, увѣдомилъ очаковскаго бея, кочующаго въ Дикихъ Поляхъ, что съ Ляхами нѣть мира, и просилъ прислать ему 2.000 Татаръ. Орда пришла къ Брацлаву, и, не найдя тамъ Нечая, вернулась въ свое кочевище, но множество людей обезглавила, въ

*) Кисѣль называетъ Черкасовъ такъ, какъ въ Москвѣ называли нашихъ козаковъ.

томъ числѣ и одного шляхтича, захваченного въ домѣ. Узнавъ объ этомъ, Хмельницкій поклялся снять голову Нечая, и послать за нимъ но такъ какъ Нечай человѣкъ богатый, то его ставятъ наравнѣ съ Хмельницкимъ".

По всему этому Кисѣль совѣтовалъ королю не обеспечиваться татарскимъ предложеніемъ, не приближать войска къ границѣ, въ избѣженіе дракъ, а написать къ Хмельницкому, чтобы онъ, согласно Зборовскому договору, возвратилъ на хвалу Божію костелы, вывѣль козаковъ изъ-за линіи, не принималъ въ козаки сверхъ реестра, привлекъ подданныхъ къ повиновенію. панамъ, да еще, чтобы Нечай, за призваніе Орды, былъ казненъ смертью. Свое положеніе въ Українѣ изображалъ Кисѣль такъ,—что, „въѣхавъ между гадовъ и пригасивъ огонь бунта, живетъ онъ, какъ Овидій, среди ежеминутной опасности, не удостоившися ни похвалъ, ни порицанія, ни подкѣплеченія... Всюду полно бунтовъ" (писалъ онъ), „отовсюду получаются страшныя вѣсти, изъ Самуилова, Котельни, Винницы и пр."

Для отвращенія грозившей польскому отечеству бѣды, почтенный Свѣнтольдовичъ пытался свалить ее съ больной головы на здоровую, и забывая о своей православности по примѣру Хмельницкаго, поджигалъ его къ войнѣ противъ Москвы. „Такъ какъ Москва" (говорилъ онъ въ пунктахъ своихъ переговоровъ съ Хмельницкимъ въ Черкасахъ, 20 іюня), — „такъ какъ Москва не хочетъ дать козакамъ надлежащей дани (*dani należącej dać nie chce*), и еще домогается у короля правосудія, то чтобы просилъ хана помочь имъ".

Хмельницкій отвѣчалъ, что пошлетъ къ хану, и, безъ сомнѣнія, Орда придетъ къ козакамъ: ибо, по договору съ ними, хотя бы ханъ самъ и не пришелъ, то долженъ послать нурединъ-султана со всѣмъ войскомъ. Желалъ бы, однако жъ, чтобы король обеспечилъ за собой Орду особыеннымъ обязательствомъ (*osobliwym obowiązkiem*): а то Москва отторгнетъ ее подаркомъ, такъ какъ Орда на подарки падка.

„Если бы пришлось воевать съ Москвой" (спрашивалъ Кисѣль), „то съ какой стороны, по его мнѣнію, слѣдовало бы напасть на непріятеля?"

Хмельницкій отвѣчалъ,—что, „соединясь съ Татарами тамъ, гдѣ Муравскій Шляхъ притянулся къ Сѣверщинѣ и называется Свининою Дорогою (*S'winia Droga*), куда Кисѣль, будучи посломъ, шелъ отъ границѣ къ столицѣ, тѣмъ шляхомъ идти и, широко распуская загоны, не мѣшкать у замковъ: они потомъ будутъ того, чья будетъ земля.

На вопросъ: нужно ли ему сколько-нибудь польского войска? Хмельницкій отвѣчалъ: „Намъ съ Татарами не долго собираться въ походъ, а польское войско надѣлало бы великаго шума. Съ этой стороны достаточно будетъ козаковъ и Татаръ, только чтобы козаки были увѣрены въ безопасности домовъ, женъ и дѣтей“.

А какую бы пору избрать онъ для войны? спросилъ Кисѣль.

Хмельницкій отвѣчалъ, что Татары пойдутъ не раньше жнивъ, когда выпасутъ лошадей. Но это въ наступательной войнѣ, въ оборонительной же надобно тотчасъ Войску Запорожскому пересунуть (przesunąć) за Днѣпръ; а московскихъ пословъ задержать до тѣхъ поръ, пока не будетъ все устроено къ походу.

„По этимъ пунктамъ нашихъ переговоровъ, Хмельницкій, кажется, искренно желаетъ въ настоящемъ дѣлѣ служить королю и Рѣчи Посполитой“, замѣчаетъ въ своемъ донесеніи Кисѣль, и присовокупляетъ нѣсколько благихъ совѣтовъ. Если рѣшился король на войну съ Москвой, то чтобы при письмѣ къ Хмельницкому послать какую-нибудь тысячу червонцевъ и короткій *忤реденсъ* отъ королевы, дабы его тѣмъ больше захотить, обязать и утвердить: „ибо“ (писаль Кисѣль) „наше нынѣшнее положеніе таково, что на которую чашку вѣсовъ онъ обратится, та и перетянетъ. А что сказалъ онъ о падкости Татаръ на деньги, то таковъ и его духъ (*tenze jest i jego geniusz*)“.

Кисѣль совѣтовалъ не допускать московскихъ пословъ до разговоровъ съ послами козацкими, такъ какъ хмельничане домогаются отъ Москвы дани (*że się u nich prominają o kaźni*) и забираютъ у нихъ пасѣки.

Онъ совѣтовалъ народность и религию русскую (*gentem et religionem ruska*) сохранить въ величайшемъ спокойствіи, такъ какъ Хмельницкій намекнулъ, что, идучи на эту службу, хочетъ потребовать возвращенія церковныхъ имуществъ и владычествъ русскихъ *de facto*.

Наконецъ, онъ совѣтовалъ прислать Киевскому и Браиловскому воеводствамъ королевские универсалы, чтобы всѣ вели себя какъ можно скромнѣе, сообразно времени (*tempori serviendo*), а изъ домовъ не уходили. Кроме того, совѣтовалъ Кисѣль отсрочить въ этихъ воеvodствахъ трибуналъ до болѣе спокойнаго времени: ибо, подъ предлогомъ выѣзда на трибуналъ, паны уѣзжаютъ изъ Украины, а уѣзжая, подданныхъ обдираютъ безъ всякой мѣры (*poddanych bez respektu zdzieraja*).

У Яна Казимира не было ни ума, ни совѣсти, ни чести. Лю-
безнѣйшее изъ іезуитскихъ чадъ и орудій, онъ былъ готовъ на вся-
кую войну и на всякий миръ безразлично, по вдохновенію минуты.
Такъ онъ отнесся и къ предложенню Исламъ-Гирея. Посылая къ
хану съ секретнымъ наказомъ дворянина своего, Бѣчинскаго, онъ
поручилъ ему переговорить, по пути, съ мультанскимъ господаремъ,
Бессарабомъ, котораго увѣдомилъ письмомъ, чтобы онъ далъ Бѣчин-
скому „полную и несомнѣнную вѣру“ во всемъ, что онъ скажетъ отъ
королевскаго имени.

Въ вопросѣ о Московской войнѣ, на короля дѣйствовалъ По-
тоцкій, которому съ этою цѣлью ханъ даровалъ свободу. Отъ 26
августа Исламъ-Гирей снова писалъ къ Яну Казимиру, и говорилъ
уже прямо, что о московскомъ дѣлѣ много толковалъ съ его корон-
нымъ гетманомъ. При этомъ жаловался, что донскіе козаки сдѣлали
морской набѣгъ нѣсколькими чайками и увѣли много крымскихъ под-
данныхъ въ неволю. Ханъ довольно комически претендовалъ на предъ-
явленный Москвою королевскому правительству требованія. „Ваше
оскорблѣніе“ (писалъ онъ) „есть наше оскорблѣніе. Мстя не столько
за свою, сколько за вашу обиду, мы посылаемъ 27 августа брата
нашего, султанъ-галгу, на Москву“. Онъ совѣтовалъ, посредствомъ
литовскаго войска, овладѣть пограничными московскими городами.
„Мы очень сильно уповаемъ на милосердіе Божіе“ (говорилъ, точно
католикъ, Исламъ-Гирей), „только чтобы вы, поручивъ себя ему, сто-
яли мужественно. Не о себѣ мы думаемъ, а о томъ, чтобы сдѣлать
вамъ добро. Мы удовольствуемся завоеваніемъ своихъ единовѣрцевъ
(Казанцевъ и Астраханцевъ), а вы, сколько добудете христіянскаго
царства, то будетъ ваше. Въ нашемъ сердцѣ нѣтъ никакой хитрости.
Чтѣ я въ началѣ съ вами подъ Зборовымъ постановилъ, отъ своего
слова не отступлю“.

Безхитростный хитрецъ умѣлъ задѣть въ пустомъ сердцѣ Яна
Казимира самую чувствительную струну. Выродку норманскихъ завое-
вателей было приятно думать, что онъ, по проложенной братомъ Влади-
славомъ дорогѣ, стяжаетъ себѣ въ Московскому Царствѣ славу
великаго полководца, и бѣдствіями своихъ сосѣдей осчастливить
бѣдствующую Польшу. Но его, какъ и всѣхъ Поляковъ, путалъ нашъ
старый Хмѣль, обвиваясь кругомъ своими дѣлкими завитками. Послѣ
совѣщанія съ Киселемъ въ Черкасахъ о разореніи православнаго
царства въ пользу католическаго и мусульманскаго, онъ возмутилъ
благочестивые помыслы Адама Свѣнтолльдовича непонятною выходкой.

Въ Чигирии появился посолъ турецкаго султана, Османъ-ага. Привезли его изъ Очакова. Отъ окозачившихся шляхтичей Кисель узналъ, что „Турецкій Цесарь“ говорилъ о Зборовскомъ мирѣ: „Не можетъ этого быть, чтобы Ляхи не мстили козакамъ“, и совѣтовалъ Хмельницкому вести съ ними войну, а онъ даетъ ему 100.000 войска на цѣлый годъ и обѣщаетъ представить козакамъ „провинцію“, где они будутъ совершенно свободны, „какъ люди Шляхетскаго Народа“. Хмельницкій отвѣчалъ, что давно желалъ этого и въ такомъ смыслѣ писалъ къ султану, но что волошскій господарь, яко измѣнникъ цесаря, перехватывалъ ихъ и посыпалъ въ Польшу.

Турецкое посольство перестроило всѣ планы Хмельницкаго: оно вдругъ освобождало его и отъ молота и отъ наковальни, между которыхъ онъ попалъ подъ Зборовскимъ. Турецкій цесарь повелить хану кончать съ нимъ Ляховъ, какъ теперь ханъ повелѣваетъ ему щадить ихъ. Съ помощью Туровъ онъ будетъ силенъ всѣмъ татарскимъ ордамъ, и сдѣлается такимъ ханомъ, какъ потомокъ Чингиса.

Такъ ли онъ думалъ, или какъ-нибудь иначе, только недавній союзникъ Польши противъ Москвы заговорилъ съ благочестивымъ своимъ совѣтникомъ, Свѣнтокольдичемъ, по-непріятельски. Теперь же посажу на государство Моисея Могилу (Петрова брата и по имѣніямъ наследника), да не только Польскую Корону, и Римъ отдамъ Цесарю!

Въ это время прибыли къ нему послы отъ краковскаго воеводы, князя Владислава Заславскаго, и отъ калусскаго старосты, молодаго Яна Замойскаго, съ разными ходатайствами. Онъ пригласилъ ихъ къ обѣду, выслушалъ каждого внимательно, и, послѣ разныхъ бесѣдъ, сказалъ *кратко*: „Ни король, ни Рѣчь Посполитая не можетъ принудить меня ни къ чему: бо я собѣ вольный, и буду служить, кому захочу. Вѣрный у меня помощникъ Турецкій царь, нашъ милостивый панъ, также и царь Московскій, а всѣ орды присягли мнѣ. Не только Польскую Корону, но и Римское Царство кому захочу отдать въ руки, а всѣмъ панамъ не пущу маestностей, пока не выдадутъ мнѣ Чаплинскаго. Если Ляхи точатъ (строять) обозъ, то и я пускаюсь тотчасъ же (въ походъ), а тѣ, которые тамъ живутъ, первые поплатятся жизнью за свой лагерь“.

Вотъ какія вещи говорилъ онъ краткимъ голосомъ, и голосъ этотъ былъ ужаснѣе того рева, который въ Переяславѣ заставлялъ дрожать на панахъ шкуру. Хмельницкій чувствовалъ себя сильнымъ не только Ляhamъ, не только Татарамъ, но и своимъ дѣтямъ, друзьямъ, небожатамъ съ ихъ Перебійносами, Джедтахлами, Нечаями.

На другой день (рассказываетъ безыменная реляція) ѿздила Хмельницкій на проѣздку. Кто знаетъ, что выражала проѣздка у такого человѣка? Можетъ быть—алкающу мишенія ревность къ тому, кто смѣлъ съ такимъ крупнымъ звѣремъ спорить за самку. Можетъ быть, его томилъ избытокъ гордыхъ замысловъ; а, можетъ быть, на проѣздку вызывало чувство свойственной кровавому злодѣю тоски, отводимой только новыми кровавыми замыслами. Проѣздившись (говорить реляція) Хмельницкій пилъ съ Дорошенкомъ, своимъ гарматнымъ писаремъ (братьемъ известнаго наслѣдника его туркоманіи, Петра).

Варшавскій Анонимъ, представляющій такое же эхо слуховъ, занимавшихъ Польшу въ то время, какимъ для Москвы былъ Кунаковъ, разсказываетъ, съ признаками реальности, о томъ, что заставило козацкій вулканъ извергать зловѣшій пламень, предсказывавшій новые пожары и новые рѣки человѣческой крови. Османъ-ага привезъ Хмельницкому отъ Султана турецкую саблю въ дорогой оправѣ, знамя съ изображеніемъ полумъсяца, золотую гетманскую булаву и титулъ Украинскаго Князя. Султанъ желалъ, чтобы онъ взялъ Каменецъ-Подольскъ и отдалъ Туркамъ въ знакъ вѣрности (какъ это сдѣлалъ черезъ 22 года Петръ Дорошенко). Хмель былъ готовъ на этотъ подвигъ и, для вѣрнѣшаго успѣха, просилъ Османъ-агу сохранить его обѣщаніе въ тайнѣ. Но какимъ-то путемъ разнесся слухъ, что онъ говорилъ султанскому послу: „Тутъ польскіе послы шпіонничаютъ и подбиваются къ войнѣ съ Турками, но я скоро ихъ отправлю и съ чѣмъ, а неприступную крѣпость Каменецъ захвачу врасплохъ“. Потомъ де пригласилъ Османъ-агу, человѣка трезваго, на попойку, пилъ за здоровье Турацкаго цесаря огромными кубками, и ничего не опустилъ для удостовѣренія Турка въ искренней своей дружбѣ.

Узнавъ объ этомъ (рассказываетъ Анонимъ), Адамъ Кисель едва не умеръ съ горя, что онъувѣрялъ короля въ искренности Хмельницкаго. Адамъ послалъ къ нему своего брата Юрія, черкасскаго старапосту. Хмельницкій встрѣтилъ Юрія Киселя словами: „принялъ я протекцію Турацкаго царя“, и „хвалился безбожнымъ дѣломъ“ (пишеть Анонимъ), „какъ будто чѣмъ добрымъ“.

Свидѣтели этой сцены (продолжаетъ онъ) были делегаты разныхъ паповъ съ подарками, которыми они надѣялись смягчить его и выпросить своимъ панамъ дозвolenіе возвратиться въ украинскія маestности. Юрій Кисель весьма краснорѣчиво убѣждалъ Хмельницкаго бросить невѣрнаго и коварнаго Турка, по его краснорѣчіе подѣйствовало на Хмельницкаго, разгоряченного виномъ, такъ, что онъ велѣлъ всѣхъ панскихъ пословъ и самого Киселя повѣсить, какъ шпіоновъ. Но

Выговскій, вмѣстѣ съ бывшею Чаплинскою, отсрочилъ казнь до утра и, по выражению Анонима, „апеллировалъ отъ пьяного къ трезвому“. Хмельницкій извинился передъ жертвами своего русскаго единовладничества и самодержавія словами: „Вчора я зъ досады впивсь и здурівъ“. Но тѣмъ не менѣе отправилъ Османъ-агу, на зло Ляхамъ, торжественно, причемъ было сказано: „отъ гетмана и князя запорожскаго Турацкій цесарь принимается за найвышшаго пана, протектора“ и т. д.

„Такъ то Хмельницкій исполнилъ Зборовскій договоръ!“ (восклицаетъ совершенно по-католически Анонимъ): „ему лучше быть бісурманомъ, нежели униатомъ“.

Разсказъ Анонима подтверждается лаконическою реляціею, въ которой сказано: „Напившись съ Дорошенкомъ, велѣлъ онъ утопить Ляховъ. Сама упросила. Проспавшись, онъ и самъ раскаялся“.

„4 августа“ (продолжаетъ безыменная реляція) „прибылъ къ нему ханскій посолъ съ требованіемъ (wołajac) идти въ Московщину со всѣмъ войскомъ, и чтобы 26 августа стоялъ на границѣ, куда и султанъ-галга двинется съ Ордою... Теперь разосланы всюду универсалы, чтобы всѣ готовились къ войнѣ, не только реестровые, но и охочіе, только неизвѣстно, къ какой“.

До приѣзда Османъ-аги, не зналъ и самъ Хмельницкій, къ какой готовиться ему войнѣ. Заваривъ „съ Ляхами пиво“, онъ долженъ былъ пить его до конца, и для того, чтобы уцѣлѣть на кровавомъ пиру бросался въ противоположную крайности.

Страна, еще не давно представлявшая возможность богатѣть мѣщанамъ и жить изобильно въ хлѣбахъ, скотѣ, пасъкахъ селянамъ, сдѣлалась теперь голодною не только для отверженныхъ землевладѣльцевъ, не только для козаковъ-реестровиковъ, но и для окозаченныхъ пахарей, которые волей и неволей перестали быть хлѣборобами. Видя, что ему не сдѣлать среди раздраженной убожествомъ черни, Хмельницкій напился вынужденнымъ изобрѣсть новую войну съ кѣмъ бы то ни было и за что бы то ни было, лишь бы привлечь къ себѣ взятыхъ новой мечтой о добычномъ промыслѣ, сдѣлавшимся почти единственнымъ въ Малороссії.

До насъ дошла пѣсня, вспоминающая Хмельницчину и характеризующая чувства хмельничанъ, пропившихся, голыхъ и голодныхъ:

Ой спавъ пугачъ на могилу
Та й крикнувъ винѣ плу!
Чи не дастъ Богъ козаченькамъ
Хочь тепѣрь поту?

И день и нічъ войны ждемъ,
Поживы не маемъ:
Давид була Хмельниценька,
Що вже й не згадаємъ...

Козакъ былъ подобенъ пугачу, падающему на степной курганъ съ голоднымъ, отчаяннымъ, зловѣщимъ для многихъ крикомъ *пугу!* Его потуга, то-есть сила, обновлялась войною, которой онъ ждалъ день и ночь для поживы. Война прежде всего и послѣ всего предпринималась изъ-за добычи, прославлялась ради добычи и переходила изъ рода въ родъ, какъ память о добычѣ. Съ отчаяніемъ, какъ голодающей на степныхъ могилахъ коршунъ, напѣваетъ и теперь еще козацкій потомокъ свою жестокосердую пѣсню:

Ой колись мы воювали,
Та більше не будемъ!
Тогд щастя й той дні
По вікъ не забудемъ.

Козацкіе историки, поэты и публицисты внушаютъ своимъ читателямъ, что козаки воевали за православную вѣру и русскую народность. Но козакъ, въ своемъ добычномъ промыслѣ, не разбиралъ вѣръ и народностей, какъ и Татаринъ. Онъ былъ готовъ идти на Москала, какъ и на Турка,—идти на Грека, Серба, Волоха, какъ и на Лаха. Лучшей славы для него не было, какъ устрашать всѣ народы и грабить ихъ имущество.

Что касается Хмельницкаго, то, не говоря уже о его мстительности за батьковщину, за коханку, за посягательство на его жизнь,—въ настоящемъ своемъ положеніи, онъ бы не призадумался погубить весь міръ для спасенія себя отъ раздраженной толпы, — погубить и самихъ сподвижниковъ своихъ, какъ это предлагалъ Наливайко Сигизмунду III. Предательская Наливайкова мысль вертѣлась и у него въ головѣ, какъ это мы видѣли изъ его бесѣдъ съ Киселемъ.

Миновало уже для малорусского поджигателя время, когда онъ, по словамъ кобзарской думы, взывалъ къ окозаченной черни:

Ідти Ляхівъ та Жидівъ зъ України зганйти,
Дакъ будете собі мати—
Хочъ на три тижні хорошенько покозацькі погулити.

Погулявъ столько, насколько хватило кровавой добычи, усыновленная злобствующимъ шляхтичемъ голота хотѣла гулять покозацки

безконечно. Напрасно Батько Богданъ воспрещалъ своими универсалами бунты и неповиновение панамъ, напрасно грозилъ своевольникамъ жестокими казнями и приказывалъ полковникамъ казнить на мѣстѣ всѣхъ, кто окажется виновнымъ, а нѣкоторыхъ сорвиголовъ казнилъ при себѣ въ Киевѣ. Онъ очутился въ положеніи Нерона, принуждаемаго злодѣйствами къ поступкамъ добродѣтельнымъ, а добродѣтельными поступками — къ злодѣйствамъ. Хмельницкій сдѣлался такимъ чудовищемъ, что даже его достойный бiографъ и панегиристъ написалъ о немъ: „Имя его, которое до того времени произносилось съ благоговѣніемъ Русскими, стало у многихъ предметомъ омерзѣнія“.

Въ свою очередь, охраняемые Хмельницкимъ землевладѣльцы не могли чувствовать себя безопасными среди народа, который даже козаковъ заставилъ быть его судьями и карателями. „Наше примиреніе пахнетъ рабствомъ для самихъ насъ“, говорили паны. Обширныя имѣнія были ихъ собственностью только на словахъ, на самомъ же дѣлѣ составляли кочевья номадовъ, у которыхъ не было другихъ бесѣдъ, кроме воспоминаній о спущенной съ рукъ добычѣ и надежды на новое обдиранье пановъ и Жидовъ. Жаднымъ ухомъ прислушивались козаки и мужики къ рапсодіямъ своихъ Гомеровъ:

Якъ почали дiти, дрѹзi, небожата
Жидiвъ та Лахiвъ зъ України зганити,
До въ котрого не будо драної кожушаны,
До й той надiвъ жидiвськi кармазины.
Хорошенько вонi собi цокозацькi походжали,
Та ще й по кешепяхъ срiбнi гробi мали.

А панъ Хмельницький,
Житель чигиринський,
Бозакъ лейстрбовый,
Пїсарь вiйськовый,
До города Полонного прибувавъ,
Та старыми Жидами оравъ,
А Жидивками боронувавъ,
А котрi бували малi дiти,
До вiнъ ихъ кiнъми порозбивавъ.

Мечты кровавыя смѣнили у этого народа заботы о семье, о домѣ, о землевладѣльческомъ и промышленномъ благосостояніи. Стоило только ему перейти отъ своей природной угрюмости къ пьяной пѣснѣ,—онъ воспѣвалъ рѣзно да побоища:

Ой не встигъ же козакъ Нечай
На конника спасти.
Та ѹ ставъ Ляхівъ, вражихъ сынівъ,
Якъ снобики власті.
Огайнєцца козакъ Нечай
На правую руку,—
Не вискочить кінь лыцарський
Ізъ язьцового трупу.
Озирнєцца козакъ Нечай
На лівее плече,—
За нимъ річка кривавая
По долині тече.

Или о Морозѣ Морозенкѣ:

А въ нашого Морозенна
Червоная стрічка:
Де проїде Морозенко,
Тамъ кривава річка.

Или о Кривоносѣ—Перебійносѣ:

Перебійнісъ просить немного—
Сімъ сотъ юнаківъ съ собою,
Рубає мечемъ головы съ плечей,
А рѣшту топить водю:
Ой пйите, Ляхі, воды калюжі,
Воды калюжі болотянні,
А що пива ли по тій крайні
Пива та меды сътні!

Жутко было панамъ въ Українѣ внимати подобнымъ п'єснопѣніямъ. Не дожидаючись появленія въ своихъ дѣдовскихъ усадьбахъ воспіваемыхъ Нечаевъ, Морозенковъ и Перебійносовъ, они перебирались въ менѣе окозаченныхъ мѣстности и, покидая земледѣліе, готовили военные снаряды. А тѣ, которые не потеряли еще надежды устоять на поприщѣ предковской колонизації, составляли клятвенные союзы между собою съ обязательствомъ собираться въ назначеннное киевскимъ воеводою мѣсто по первому зову, и грозили тѣмъ, кто не явится, лишениемъ чести и имущества, которое предоставляли въ распоряженіе короля. „Отъ исполненія этой обязанности“ (писали они) „не можетъ отговариваться ни арендаторъ, ни заемодавецъ: арендаторъ лишится своей аренды, а заемодавецъ данныхъ въ займы денегъ“.

Межу тѣмъ Хмельницкій раскидывалъ умомъ во всѣ стороны, какъ человѣкъ, стояцій на скользкой вершинѣ и готовый ухватиться за всякую опору, хотя бы даже и за самую гнусную. Турція была готова поддержать его, чтобы шагнуть въ Христіянскую Землю за рѣку Туру *) и поставить ногу въ Подольскомъ Каменцѣ. Венгрія раздавалась его успѣхамъ въ войнѣ съ панами, и молодой Ракочій мѣтилъ на польскій престолъ, до котораго смерть не допустила его отца. Волошскій господарь, Лупуль, колебался между козацкимъ терроромъ и панскимъ покровительствомъ. Татары были недовольны сultańskою знатокцией надъ завоеванными ими подъ Зборовымъ козаками, но Татаръ можно было купить новымъ зазывомъ на грабежъ непронутыхъ еще панскихъ имѣній. Одна Москва стояла въ молчаливомъ и таинственно-грозномъ величіи. Если пылающіе местью паны соединятся съ Москвою, да еще поумнѣютъ на столько, чтобы подавить своего короля въ пользу диктатуры Бишневецкаго, тогда вся политическая сѣть Козацкаго Батька порвется, какъ паутина. Надобно было, во что бы то ни стало, ссорить Москву съ Польшею,—и Хмельницкій, опомнившись, пока еще не было поздно, пересталъ грозить сидящему на Москвѣ, а свое намѣреніе идти вмѣстѣ съ Ордой на Свинной Шляхъ превратилъ въ политическую демонстрацію. Онъ сталъ увѣрять Москалей въ невозможности подобного покушенія со стороны Татаръ и, въ доказательство своей преданности царю, сообщилъ въ Москву оскорбительныя для нея сочиненія, печатанныя Поляками.

Москва, какъ мы видѣли, имѣла уже причины гнѣваться на пановъ-рады, высокомѣрныхъ передъ нею даже въ своемъ уничиженіи. Теперь у нея были новыя причины къ нарушенію доброго согласія, которымъ паны не умѣли пользоваться.

Въ Сентябрѣ 1649 года прѣѣзжалъ къ царю великий и полномочный посолъ польского короля, Добѣславъ Чеклинскій, для заключенія союза противъ Татаръ и козаковъ. Чеклинскаго и его свиту привали въ Москвѣ не совсѣмъ радушно, а о взаимныхъ интересахъ обѣщали переговорить черезъ нарочитыхъ царскихъ пословъ, которые де не замедлять прибыть въ Варшаву.

Дѣйствительно, въ октябрѣ того же года, царь послать въ Варшаву своего гонца, Кунакова, съ увѣдомленіемъ, что вслѣдъ за нимъ прибудутъ царскіе великие и полномочные послы; а между тѣмъ Кунакову было наказано собрать свѣдѣнія о состояніи Рѣчи Посполитой.

*) Турецкое имя Днѣстра.

той. На Посполитую Рѣчъ монархическая Москва смотрѣла, какъ на третью послѣ Новгорода и Пскова республику, которую, ради собственаго спокойствія, должна она уничтожить, вмѣстѣ съ ея ублюдкомъ—республикой козацкою.

Кунаковъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ то, что при Ioанѣ III были Товарюковы да Бородатые, предвестники покоренія такъ называемой народной державы—Новгорода. Изъ первого принадлежавшаго тогда Польшѣ города, Дорогобужа, онъ донесъ царю, что ему „противъ первого звѣчая, чести никакой не учинено, и поставили его въ самомъ убогомъ, нужномъ дворишкѣ, на всходѣ по Смоленской дорогѣ“, а на его протестъ дорогобужскому намѣстнику получень такой отвѣтъ: „Какова де памъ на Москвѣ почесть была, та кова де и вамъ здѣ“. Приставомъ къ царскому гонцу намѣстникъ приставилъ „самово худово человѣка, плутинка и табашника“, котораго Кунаковъ, послѣ разспроса, „велѣлъ отъ себя сбить со двора“, и объявилъ намѣстнику, что „такому худому человѣченку у него, царскаго величества гонца, въ приставѣхъ быть не годитца“.

Въ Смоленскѣ Кунаковъ былъ принятъ еще оскорбительнѣе. Его заставили простоять среди улицы на морозѣ конецъ дня и до 5 часовъ ночи. Не правительство было въ этомъ виновато; но Москва тѣмъ не менѣе была оскорблена. Кунаковъ, выѣдавъ дѣло у челядника подвоеводія, Петра Вяжевича, доносилъ, что „Петръ Вяжевичъ въ Смоленску велѣлъ его, гонца, держать на морозѣ и на грязи, и безчестить велѣлъ, сердитуя на то, что на Москвѣ литовскимъ купцомъ не поволено было табакомъ торговатъ, а онъ де, подвоеводъ (принадлежа къ свитѣ Чеклинскаго) язнулся было тѣхъ литовскихъ купцовъ обогатить табачною торговлею на Москвѣ паче того, какъ ихъ табачною продажею обогатилъ напередъ сего королевской же посолъ, Гаврило Стемпковской, и имать де ихъ, купцовъ, нынѣ Петръ Вяжевичъ въ Москвѣ, похвалялся о томъ съ клятвою, и отъ того у вихъ поималъ многіе грѣши; и которые де на Москвѣ табакомъ не исторгвались, и тѣ, прїѣхавъ въ Смоленскъ, приходили къ подвоеводью, къ Петру Вяжевичу, съ большою докукою, и по си мѣста ему докучаютъ, чтобы грѣши взялъ онъ, которые Петръ съ нихъ, купцовъ, за посыхъ, имъ вернулъ, потому что табаку они на Москвѣ не продали.. Да и у нихъ де у всѣхъ Петра Вяжевича у слугъ и у челядниковъ табакъ былъ на Москвѣ многой, и на Москвѣ де они будучи, продали табаку немногого. А какъ литовскіе послы отпущены съ Москвы назадъ, и они де многой табакъ продавали ѿдучи съ Москвы и пѣ

Можайска въ дорогѣ и на станѣ многіе люди. Да и дворяне королевские табакъ возили къ Москвѣ на продажу многой".

Вотъ съ какихъ мелочей начинаются событія, называющіяся, по своей крупности, историческими. Причиною нанесенного царскому гонцу оскорблѣнія былъ не столько холодный пріемъ въ Москвѣ великаго и полномочнаго посла, Чеклинскаго, сколько неудача подвоеводія Вяжевича въ табачной торговлѣ. По пріѣздѣ въ Варшаву, Кунаковъ протестовалъ передъ панами-рады въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„О моемъ пріѣздѣ подвоеводою было вѣдомо задолго; а пріѣхалъ я къ Смоленску съ приставомъ своимъ противъ прежняго звичая, и и какъ учали вѣзжать на мостъ съ городскіе стороны, чтобы проѣхать черезъ мостъ на посадъ, и изъ города, изъ Королевскіе брамы, вышли поручики и гайдуки съ обухами въ десять человѣкъ, и спросили, будто невѣдая: кто и кудаѣдетъ? И приставъ имъ сказалъ, что великаго государя, его царскаго величества, гонецъ къ королевскому величеству. И тѣ поручики приказали, чтобы онъ меня поставилъ на улицѣ, а на мѣщанскіе и ни на чьи дворы, безъ повелѣнія подвоеводія, Петра Вяжевича, не пущалъ. И я, перѣхавъ мостъ, и пріѣхалъ къ мѣщанскому двору, гдѣ напередъ сего яжъ и иные великаго государя нашего, его царскаго величества, гонцы ставили. И приставъ остановилъ меня среди улицы на морозѣ и па грязи, до ночи годины за двѣ и, оставилъ меня одного, пошелъ въ городъ къ подвоеводью. А дворы мѣщанскіе всѣ были заперты. И потому вскорѣ подвоеводъ, Петръ Вяжевичъ, выслалъ изъ города безчестить меня пахолковъ своихъ, и тѣ пахолки, а съ ними мѣщаня табашники, остутили меня на улицѣ, безчестили и лаяли многое время, и говорили: Добро бѣ де подвоеводъ учинилъ, чтобы камень на шею да съ мосту въ Дибрѣ! А припоминали то, что у нихъ на Москвѣ табаку покупать было заказано".

Кунакова задержали въ Дорогобужѣ три дня, въ Смоленскѣ четыре дня, въ Орши шесть дней, и всюду слушали онъ ругань и упреки за то, что въ Москвѣ не было позволено литовскимъ людямъ торговатъ табакомъ. Выѣхавъ изъ Орши къ Борисогу, царскій гонецъ испыталъ со стороны Вяжевича новое оскорблѣніе. Вяжевичъ проѣхалъ въ Варшаву, обогнавъ Кунакова на стану въ Бобрѣ, и устроилъ ему такую непріятность.

Въ третьемъ часу ночи, къ господѣ, гдѣ гонецъ съ приставомъ своимъ стоялъ, пришли Юрьева полку Тизнауза рейттары, Реймеръ да челядникъ его, Воравскій, со многими людьми, и учали ломиться въ ворота пьяны. И приставъ на господу ихъ не пустилъ; и ови гонца

и пристава лаяли и похвалились грабежемъ и убийствомъ, и приступали къ воротамъ и къ окнамъ всю ночь съ саблями и изъ пищалей стрѣляли, и посыпали по драгуновъ и по петарды. А гонецъ съ приставомъ и съ людьми своими, пристроя ружье, сидѣли въ избѣ. А жидъ съ женою и съ дѣтьми, у ково гонецъ стоялъ, видя такую отъ рейтаръ страсть, съ двора бѣжали, пометавъ всѣ свои жизни".

Подобно тому, какъ нелѣпая скора Хмельницкаго съ Чаплинскимъ зажгла внутреннюю войну, безсмысленное нападеніе Вязевича на царскаго гонца повело къ войнѣ внѣшней, и все потому, единственно потому, что горючіе материалы были нагромождены въ Польшѣ и въ Москвѣ издавна. Недоставало только искры для воспламененія. Съ одного края польскихъ владѣній запытала гибельный пожаръ изъ-за темной кокетки, которая вскорѣ была заподозрѣна въ новой связи и погублена тѣмъ же Хмельницкимъ, а съ другой—готова была возгрѣться война между двухъ государствъ, по выражению пановъ ради, „за такую хлопскую штуку, за табакъ". Но еслибы не было ни пограничной прелестницы съ ея завзятыми любовниками, ни табачной контрабанды въ Москвѣ подъ прикрытиемъ посольства,—тысячи другихъ мелкихъ случаевъ привели бы прожитую двумя государствами жизнь къ тому же самому результату.

Каждому народу, обществу и государству предстоитъ считаться въ будущемъ за свое прошедшее. День судный рано или поздно настаетъ, и въ этотъ судный день подведется силою вещей итогъ былаго,—помянетъ не только всякое злое дѣло, но и всякое праздное слово. Въ придачу къ своимъ злодѣяніямъ, Польша наговорила о Москвѣ много праздныхъ словъ, не только дома, но и за-границею,—не только чрезъ посредство такихъ лаятелей, какъ смоленскіе пахолки да мѣщане, но и черезъ посредство такихъ Цицероновъ своихъ, какъ Оссолинскій. А слова эти падали ядомъ на русскія раны, еще не закрывшіяся со временемъ оныхъ. Теперь наступилъ международный судъ, какъ за все памятное, такъ и за все скрытое въ забвенныхъ могилахъ.

Добытые Кунаковыми въ Литовской сторонѣ и въ Польшѣ свѣдѣнія соответствовали традиціоннымъ взглядамъ Царской Земли на безурядную шляхетскую державу. Не только ради воздаѣнія за мѣру мѣрою, но и ради своего спасенія отъ новыхъ покушений исконнаго врага на государственную русскую жизнь, должна была Москва возвѣсть виды на безсмысленную, по ея воззрѣнію, республику съ королемъ во главѣ, или вѣриѣ—во хвостѣ. Какъ Новгороду и Пскову суждено было войти въ систему Россійскаго Государства, такъ неиз-

бѣжно и необходимо слѣдовало Польшѣ съ ополяченною Литвою дополнить замкнутый морами кругъ русскихъ владѣній. „Москва волей и неволей разширяется“: эти слова Конецпольского предсказывали разливъ Россіи не только по обоимъ берегамъ Днѣпра, но и обоимъ берегамъ Вислы.

Кунаковъ, какъ бы въ pendant съ полученными въ Москвѣ вѣстями о малорусскомъ голодѣ, доносилъ, что Дорогобужскій уѣздъ и порубежныя мѣста полны „прихожими мѣщанами и пашенными мужиками“, которые безпрестанно идутъ къ московской границѣ изъ польскихъ и литовскихъ городовъ „отъ голоду“... „А сказываютъ“ (писалъ онъ), „что въ тѣхъ мѣстахъ хлѣбъ не родился, а достальной де хлѣбъ пограбили у нихъ шляхта и жолнеры, и въ польскихъ, и въ литовскихъ городѣхъ отъ голоду бѣдные люди помираютъ, да и въ Дорогобужѣ хлѣбъ не родился, и нынѣ московскую четь ржи купятъ больши двурублевѣ“.

Потомъ онъ доносилъ царю, что въ Дорогобужскомъ уѣзда 300 человѣкъ мѣщанъ и холопей пошли въ его государеву сторону ко Брянску, — что за ними была погоня, но не догнала до рубежа. „А къ зимѣ“ (продолжалъ онъ) „зговариваются холопи и ссылаются, и чаять что будетъ въ государеву сторону больши 10.000 человѣкъ, только де иные пойдутъ отъ хлѣбнаго недороду, пометавъ жены свои и дѣтей; а нынѣ поборы больши съ пашенныхъ мужиковъ: со всѣхъ безъ обходу правятъ по рублю, а говорять, что будетъ и больши того“.

Это были многозначительныя данныя для хозяйственныхъ царскихъ совѣтниковъ. Не меныше важно было и слѣдующее извѣстіе Кунакова.

„Паны-рада литовскіе съ корунными въ розни за то: литовскіе говорять, что они козакомъ никакіе налоги не дѣлали, а налога имъ учинилась и кровь многая разлилась отъ корунныхъ, и нынѣ въ томъ школа учинилась всей Рѣчи Посполитой; и на сеймѣ де они, литовскіе, о томъ радить не будутъ: какъ они о томъ хотятъ, такъ пусть и дѣлаются. И боятся, что за тѣмъ сеймъ не скончится, и они чаютъ войны паче прежняго“.

Независимо отъ пререканій съ Литвою, Варшава была крайне недовольна Зборовскимъ договоромъ. Паны, тормозившіе сборы короля въ походъ, удовлетворились бы только совершеннымъ пораженіемъ непріятеля. Держа въ рукахъ договорные пункты, не хотѣли они слушать сочиненныхъ іезуитскою факціею разсказовъ о подвигахъ, которые отвели Яну Казимиру почетное мѣсто между польскими полководцами,— рассказовъ о томъ: какъ во время похода шелъ онъ посреди войска, въ пыли, подъ вѣтромъ, подъ дождемъ; съ какимъ самозаб-

венiemъ водилъ онъ то одну, то другую часть войска въ огонь; съ какимъ жаромъ и величиемъ обращалъ смущенныхъ ротмистровъ къ исполненiu долга, восклицая къ жолнерамъ: „За мной! я вамъ ротмистръ“! Зная короля за-границей и дома, въ монашескомъ и свѣтскомъ званіи, вельможные доматоры относились къ дѣланной молвѣ недовѣрчиво и находили заключенный королемъ договоръ позорнымъ; а вельможные шалуны преслѣдовали его въ Варшавѣ пасквилями, наклеивали ихъ на стѣнахъ, пѣли на улицахъ и даже на придворныхъ празднествахъ, дававшихся по случаю побѣды надъ козаками и Татарами. Королю совѣтовали отыскать людей, которые не только позорили его, какъ государя, но представляли въ унизительномъ видѣ и его домашнюю жизнь. Но Янъ Казимиръ боялся публичной обороны вызвать на свѣтъ многое творившееся въ потемкахъ. Ангелы хранители его распустили слухъ, будто бы онъ припомнилъ своимъ совѣтникамъ замѣчаніе Тацита, писателя слишкомъ для него серьезнаго,—что оскорбительная клевета теряетъ свою силу, когда ею пренебрегаютъ, и внушаетъ себѣ вѣру, когда на нее гиѣваются.

Какъ бы то ни было, только политическое развращеніе, усилившееся при Владиславѣ IV, приняло характеръ истинно зловѣштій при его братѣ. Панская республика покарала сама себя, низведя королевское достоинство съ благотворной высоты его и облекла священнымъ саномъ столь недостойную личность. Каковъ бы ни былъ Янъ Казимиръ по своимъ умственнымъ недостаткамъ и по своимъ сердечнымъ порокамъ, но они были слишкомъ явственны во время решенія вопроса: кому царствовать въ Польшѣ? Теперь панамъ осталось только повторять нашу малорусскую пословицу: „бачили дci, щd куповали: іжте, хочь повылѣсте“.

Справедливо, или нѣтъ оцѣнивалъ Кунаковъ силу сопротивленія нѣкогда грозной Польши, въ случаѣ, когда бы рѣшено было покарать ее за всѣ грѣхи, но изъ его донесеній видно, что Москали не высоко цѣнили теперь польскую воинственность. Эпоха царя Алексея Михайловича была началомъ усовершенствованія московской рати, доконченного Петромъ Великимъ. Побитые подъ Смоленскомъ царскіе люди озабочились лучшимъ устройствомъ полковъ своихъ. Сами Поляки, по словамъ Кунакова, говорили, что „нынѣ Москва стала суптельна и часъ отъ часу суптельнѣйши, и рытарского строю войско устроено нынѣ вновь — многie полки; также и на (московской) Украинѣ всѣ люди разнаго строю навычны, изучены вновь, чего передъ тѣмъ николи не бывало; а жолнеры только свое панство плондриваютъ, а отъ козаковъ всегда утекаютъ, нигдѣ противъ нихъ не стоять“.

Польшу смущалъ страхъ новой войны съ козаками. По донесенію Кунакова, польские торговые люди твердили, что договоръ Хмельницкаго съ королемъ не крѣпокъ, а паны,—что „вѣчное докончанье съ московскимъ царемъ не подкрѣплено за пьянствомъ и за табачною торговлею королевскихъ великихъ пословъ. А нынѣ де король въ обозѣ подъ Зборовыми, поневолѣ, вѣчное докончанье съ царскимъ величествомъ нарушилъ: позволилъ крымскому хану чрезъ Польское и Литовское панство съ войскомъ ходить, куды ему будетъ потреба, и на томъ де король и присягъ; а Крымскому де хану, опричь Московского Государства, съ войскомъ своимъ чрезъ Королевское Панство ходить некуды. И только де то вѣдомо учинился царскому величеству, и по той де причинѣ и съ Московскую Сторону война. А есть ли де съ войскомъ царского величества съединится Богданъ Хмельницкой, и то де крайняя Рѣчи Посполитой погибель... Королю де и паномъ-радѣ отъ него отстояться будетъ не умѣть, такъ же какъ и нынѣ въ обозѣ Крымскому хану на всемъ его позволенїи поступлено поневолѣ. А Хмельницкой де съ нимъ одной вѣры; а Польша де вынѣ, за злымъ панскимъ несогласиемъ, утрачена и войска польскія и литовскія побиты отъ козаковъ и отъ своихъ холопей многія, а достальныя обѣдняли и устрашены... Да у нихъ же въ Панствѣ отъ хлѣбнаго недороду голодъ, и имъ отовсюду стало тѣсно. А на сеймѣ межъ пановъ-радѣ и повѣтныхъ пословъ добрые згоды нѣтъ: лише де паны рада вдались въ пыху да въ лакомство и въ лупежество; а впередъ себѣ и Рѣчи Посполитой ничего не прочать. А духовенство де наипаче скарбы себѣ собираютъ и ни о чемъ добромъ не дбають, и грѣшай своихъ для покоя Рѣчи Посполитые нисколько дать не хотятъ... А польскіе де и литовскіе бискупы и кознодѣи по волшебнымъ книгамъ дочитываются: сего де пришлого 1650 року будетъ знаменіе—два затмѣнья въ солнцѣ и два затмѣнья въ мѣсяцѣ; и то де досвѣченая рѣчь, что то все на погибель Рѣчи Посполитой, и одолѣеть де въ Польшѣ и Литвѣ Римскую вѣру Гречкую вѣра вскорѣ. И та у нихъ рѣчь обносится во всѣхъ людехъ, и отъ того де наипаче въ Польскихъ и въ Литовскихъ людяхъ ужесть Великая“.

Все это были уличные и трактирные рассказы; но эти рассказы организовались въ общественное мнѣніе народа подъ вліяніемъ разнообразныхъ событий. Кунаковъ пыталъ по-своему духа народного, и видѣлъ, что польский духъ падаетъ передъ русскимъ. Съ такой точки зрѣнія, достойны нашего вниманія и слѣдующія вѣсти, сообщенные гонцомъ царскому правительству:

„Да у нихъ же обносится рѣчъ, что Богданъ Хмельницкій писалъ нынѣ къ царскому величеству, чтобъ Киевъ и всее Бѣлую Русь и его Богдана со всѣмъ войскомъ изволилъ великий государь, его царское величество принять подъ свою государскую высокую руку. Да Богданъ же де Хмельницкій нынѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ писалъ къ Крымскому хану, что Польского и Литовского народу вязней всѣхъ постиналъ, безъ всякаго пожеланія, и не учинилъ бы того, что, для пожитку своего, ково изъ нихъ живить: а дастъ де Богъ въ пришлую весну можетъ онъ Польского и Литовского народу вязней нанимать втрое того. А тѣ де про Хмельницкаго новини учинились въ Варшавѣ отъ польскихъ шпѣговъ, которые были въ Киевѣ и въ Чигиринѣ.

„Декабря въ 4 день“ (продолжаетъ Кунаковъ) „сказывалъ гонцу приставъ Петръ Свяцкой, что того дни говорили въ Посольской Избѣ новѣтные послове о поборахъ, чтобъ съ Смоленска, съ Дорогобужа и съ Бѣлые и съ иныхъ мѣсть поборы взять передъ Литовскими городами въ третью или четвертую долю, и о томъ де меѧть пословъ учиналась рознь, и маршалокъ де кόла посольского, Богуславъ Лещинской, говорилъ во всю Посольскую Избу: чего де вамъ, посломъ, да волатъ? Навестъ де вамъ своею рознию и несогласьемъ на себя сверхъ нынѣшнихъ невзгодъ Москву, а Смоленску де и Сѣвершизѣ нечего фольговать: давно де они наготовѣ; лише бѣ Москва хоти мало наступила, и Смоленскъ и Сѣвершизна—первые здрайцы, и замки имъ отворять. И такъ де отъ вашего панскаго несогласья и отъ непорядковъ у насъ въ Панствѣ во всемъ упадки и розореніе. А Москва де своими добрыми порядками стала нынѣ суптельна, и полки рейтарскіе строять не наково, ажъ не на нась; и выбѣ, послове, не слушные свои мовы и пыху и лакомство и несогласье отставили, и приступили къ добруму дѣлу всѣми добрыми аффекты, и какъ бы всей Рѣчи Посполитой къ покою и къ тишинѣ. И послы де о тѣхъ маршалковыхъ рѣчахъ не дбають: голосовавъ много, разошлись ни съ чѣмъ“.

Въ виду такого оборота дѣль „вѣрные Россы“, навычные и вновь наученные ратному дѣлу, естественно, ждали случая помѣряться силами съ „кичливыми Лахами“. Поэтому въ Москвѣ прочитали съ удовольствиемъ донесеніе Кунакова о томъ, какъ, по слухамъ, самъ король третировалъ польское войско.

„А король отъ Збаража пошелъ въ Люблинъ и велѣлъ всему своему войску, которые за побѣгами были въ остаткѣ и сидѣли съ нимъ въ осадѣ, выѣхать въ поле всѣмъ. И прїѣхавъ король къ вой-

ску своему говорилъ: при предкахъ нашихъ Поляки отъ давныхъ лѣтъ были доброго (смѣлаго) сердца, и рыцѣствомъ своимъ славу себѣ и потомству своему знали добрую, чего въ иныхъ монархіяхъ нигдѣ не оказалось: описуютъ то всѣ кроники. А вы, чынѣшній злый (драний) народе, тое всю предковъ своихъ добрую славу згубили и всей отчизнѣ злую гибель учинили, чего не годится и въ кроники положито: меня, монарха своего, непріятелямъ нашимъ выдали было въ вязни невинно злымъ своимъ утеканьемъ и хованьемъ въ возы, а биться есте съ непріятелемъ ведлугъ повинности своей и отчизны боронить не хотѣли. Лѣпѣе васъ учинилися пахолята ваши и кухаре, и ужъ есте нагодни добрые славы. И то вамъ повѣдаю подъ сумнѣніемъ своимъ королевскимъ, что въ предыдущіе дни никгды съ вами, злыми здрайцами, противъ непріятеля ходити не буду, а съ сойму кажу съ васъ имати грѣши, и буду найматъ чужеземскихъ людей, которые такие зрады, какъ отъ васъ нынѣ показалось, чинить не навыкли. Ужъ есте показались отчизнѣ горшѣ непріятелей, и отъ мене вамъ ласки никакіе не будеть“.

Эта рѣчь, безъ сомнѣнія, была сочинена ипущена въ народъ іезуитами, какъ противодѣйствіе варшавскимъ пасквилямъ, характеризовавшимъ Яна Казимира по наблюденіямъ близайшихъ къ нему людей, и насколько возвышала она іезуитскую маріонетку въ глазахъ Шляхетскаго Народа, настолько вредила Польшѣ въ собственномъ ея сознаніи. Москва, напротивъ, возвышалась русскимъ духомъ своимъ надъ польскимъ и питала его даже такими вѣстями Кунакова, что „королевскаго войска Поляки, панскія дѣти и знатная шляхта, и короля (подъ Зборовыемъ) видѣвъ, и его королевскія слова слыша, на бой противъ козаковъ и противъ Татаръ никто не поѣхалъ, и хорошились въ возы свои, а иные подъ возы, въ попоны завиваясь. И король де, ходя пѣшь, тѣхъ нанять и шляхту изъ возовъ и изъ подъ возовъ поролъ на бой палашемъ“.

Такъ какъ Янъ Казимиръ не разъ высказывался, что ему пріятнѣе смотрѣть на пса, чѣмъ на Поляка, то не мудрено, что онъ и самъ бравурствовалъ a posteriori въ той роли, которую сочиняли для сцены ангели хранители его, и съ которой онъ сроднился до того, что и князь Вишневецкій, въ его глазахъ, былъ недостаточно мужественъ.

Москва, съ самаго начала Хмельнитчины, слѣдила за Польскимъ Разоренiemъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и жадно ловила всѣ слухи, пророчивши паденіе исконнаго врага. Это видно, между прочимъ, и изъ того „письма по статямъ“, которое было вручено Кунакову при царскомъ наказѣ. Двѣнадцать статей этого письма говорятъ крас-

норѣчivo о глубинѣ русской политики. Онъ-то и послужил Кунакову руководствомъ для его разспросовъ.

Что касается Хмельницкаго, то царскіе совѣтники, зная о его замыслѣ воевать вмѣстѣ съ Татарами московскую Украину, старались укротить его „царскою милостью и жалованьемъ“, которое царь и впредь учнетъ держать, смотря по козацкой службѣ“, отъ наступленія же вмѣстѣ съ нимъ на Поляковъ отговаривались тѣмъ, что „ъѣчнаго утвержденья и крестнаго цѣлованья безъ причины нарушить нельзя“, а хоть и были напередъ сего со стороны Поляковъ неправды, то царь ожидаетъ отъ нихъ „исправленья“. Въ сущности же Москали давали двумъ одинаково противнымъ для нихъ республикамъ время ослабѣть въ своей беспорядочной борьбѣ. Не могла Москва не предвидѣть, что палѣи, колѣи и рѣзуны прибѣгнутъ подъ ея безопасній кровъ изъ безпріютнаго и беззащитнаго руйновища, которое сами себѣ устроятъ. Общество, произведшее Тишайшаго Государя, не могло плѣняться по-двигами Козацкаго Батька, какъ плѣнялись ими наши кобзари и лѣтописцы. Слухъ о предательствѣ Туркамъ одного изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, Каменца, приходилъ къ царскимъ боярамъ вмѣстѣ съ вѣстями о готовности русской орды воевать Московскую Русь въ союзѣ съ ордой татарскою. Москва не отталкивала предателя, но видимо сторонилась отъ него, и готовилась дѣйствовать независимо отъ его варварской силы для покоренія подъ нозѣ своего царя извѣчнаго врага и супостата.

Кунаковъ привезъ изъ Литвы и Польши зловѣщую для панской республики увѣренность. „Быть войнѣ“ (доносилъ онъ), „быть войнѣ у Богдана Хмельницкаго съ Поляки впремъ,—въ первыхъ, потому что самого его козаки хотѣли убить за Зборовскій договоръ; во вторыхъ, потому что паны-рада, земскіе послы и вся Рѣчи Посполитая не согласны на пакты короля съ Крымскимъ ханомъ и съ Богданомъ Хмельницкимъ; а втретыхъ, пріѣхавъ нынѣ въ Варшаву князь Еремей Вишневецкой говорилъ сенаторамъ и шляхтѣ, которые къ нему пріѣзжали на дворъ всѣмъ вслухъ, что де король изволилъ меня привзвать на сеймъ, обезчестя меня, и за мои многія службы и за оборону Рѣчи Посполитой. Даю вамъ шляхетское слово свое подъ сумнѣніемъ своимъ: только нынѣшній сеймъ не на моемъ на всемъ позволеніѣ станеть, и я де наготовлю вамъ и всей Рѣчи Посполитой пива горше Хмельницкаго“.

Одна мысль о возможности такого явленія въ Польскомъ государствѣ,—а Царская Дума въ ней не сомнѣвалась,—поддерживала въ Москвѣ политику выжиданія. Преданный московорусской идеѣ не ме-

иѣ Товарюкова и Бородатаго, Кунаковъ доносилъ, что „Венгерской Ракочъ со всѣмъ войскомъ готовъ помогать Хмельницкому, котораго (войска) 20.000 стоять наготовѣ въ Сочавѣ... „Сѣтуютъ всѣ“ (писалъ онъ о королевскихъ панахъ въ докладной запискѣ) „и ходятъ виѣ ума своего, а многіе де сенатори отпустили скарбы свои въ Гданескъ и хотять бѣжать за море. Такова де злова несогласья и во всѣхъ людехъ ужести николи въ Польшѣ и Литвѣ не бывало“.

По донесенію Кунакова, къ Хмельницкому собралось шесть тысячъ шляхтичей, сдѣлавшихся банитами, и эта шляхта (писалъ онъ) „наче всѣхъ Богдана Хмельницкаго къ войнѣ на Польшу наговариваются: такие де намъ поры николи не будетъ; теперь-то де ихъ и смириить, покамѣста не справились“. Вмѣстѣ съ тѣмъ думный дьякъ доносилъ, что „вышли изъ Нѣмецѣ недавно практики, сирѣчь книги печатные звѣздочетцовъ, въ которыхъ то угадываются, что нынѣшній Казимиръ—послѣдній въ Польшѣ король, а Алексѣй Московскій такой славы достигнуть, какъ Александръ Македонскій“.

Между докладомъ Кунакова и настроениемъ правительственного общества въ Москвѣ существовала тѣсная связь. Зима, слѣдовавшая за его поѣздкой въ Польшу, рѣшила наконецъ въ принципѣ вопросъ о воздаяніи за все, въ чемъ Польша была виновата передъ Россіей. Въ іюнѣ 1650 года царь отправилъ въ Варшаву двухъ бояръ своихъ, братьевъ Пушкиныхъ, Григорія да Степана, съ товарищи. Неизвѣстно, какая была дана инструкція этимъ великимъ и полномочнымъ посламъ, но они, какъ бы въ отмщеніе за то, что претерпѣлъ царскій думный дьякъ отъ Вяжевича, вели себя съ крайнею грубостью въ свиданіяхъ и переговорахъ съ королевскими сановниками. Слова *ложечи*, *дураки* и еще покрѣпче того сыпались у нихъ градомъ на сенаторовъ, которые и безъ того уже „ходили виѣ ума своего“ при видѣ настоящихъ и въ ожиданіи будущихъ бѣдствій Шляхетскаго Народа. Въ поведеніи предковъ того, кто сказалъ незабвенное слово „клеветникамъ Россіи“, не было ничего похожаго на предшествовавшее посольство „царскаго дяди“, боярина Стрѣшнева, очаровавшаго Альбрехта Радивила своими „прекрасными обычаями“.

„Кичливые Ляхи“ давали „вѣрнымъ Россамъ“ сдачи, говоря, что за такія рѣчи у нихъ бывать въ рожу, и что посольское дѣло съ такими грубянами было бы приличнѣе вести панскимъ гайдукамъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій въ этомъ родѣ, царскіе послы говорили не обинуясь, что Господь изберетъ Русскихъ орудіемъ своего мщенія за польскія пріязни, и требовали отъ Рѣчи Посполитой возвращенія Смоленска съ Сѣверскимъ и Черниговскимъ княжествами,

если она дорожить миромъ. По ихъ словамъ, Поляки нарушили крестное цѣлованіе тѣмъ уже, что дѣлали въ царскомъ титулѣ пропуски. За это московскіе послы домогались казни такихъ лицъ, какъ Еремія Вишневецкій. Несчастные паны должны были обѣщать имъ въ принципѣ то, что въ исполненіи не было возможно ни для короля, ни для сейма. Польша путалась въ разставленныхъ ей кругомъ сѣяхъ. Ей было нужно, во чѣмъ бы то ни стало, отсрочить разрывъ съ Москвою, чтобы не воевать съ нѣсколькими непріятелями разомъ. За злой умыселъ на христіянское государство вмѣстѣ съ непріятелями Св. Креста, она казнилась уже нравственно.

Но царскіе послы заявили еще болѣе унизительное для панской гордости требованіе,—чтобы всѣ безчестныя книги были собраны и сожжены въ ихъ присутствіи, а слагатели ихъ, содержатели типографій, наборщики, печатники и даже владѣльцы маєтностей, въ которыхъ находились типографіи, были казнены смертью. Это была уже не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, та наука, которую еще при Владиславѣ IV читали московскіе просторѣковатые бояре европейскимъ знаменитостямъ Польши,—великая и святая для Москвы наука о томъ, какъ должно блести честь и достоинство своего государя.

Паны оправдывались весьма убѣдительно. „Стѣть ли“ (говорили они) „какое-нибудь оскорбительное слово, написанное по легкомыслію, или ошибка въ титулѣ, произшедшая, быть можетъ, отъ случайного недостатка чернилъ,—стѣть ли все это того, чтобы проливать человѣческую кровь?“ Но сильный рѣдко обходится безъ злоупотребленій относительно слабаго. Теперь сила была на сторонѣ Москвы, и Москва платила Польшѣ ея старинною монетой римской чеканки. Конечно, эта монета потеряла въ московскихъ рукахъ тонкость отѣлки, но стоимость ея не измѣнилась. Отдавая Ляхамъ чѣо называется *wet za wet*, Москали отвѣчали: „Господь возвеличилъ царя предъ всѣми владыками и монархами земными. Такія укоризны не только помазаннику Божію, но даже и простому человѣку терпѣть не пристало, у васъ за то, по конституції 1637 года, положена казнь, латинскимъ языккомъ называемая пенамъ пердуеллюністъ: почему его царское величество и требуетъ, чтобъ оскорбители его были наказаны.

Это оскорбліе причиняетъ намъ большую кручину; поэтому мы не хотимъ вести съ вами дальнѣйшихъ переговоровъ, пока король не удовлетворитъ настъ.“

Насилу угомонили ревнителей царского достоинства просьбами, пирами, подарками и, наконецъ, сожженiemъ передъ ними безчестныхъ книгъ. Великіе и полномочные послы уѣхали, уничиживъ представи-

телей Польши неслыханными доселѣ грубостами и связавъ ее обѣща-
ніями, которая оправдывала она крайней нуждою, но которая испо-
лнить не могла. Дамокловъ мечъ былъ повѣшенъ надъ Рѣчью Поспо-
литою въ самое трудное для нея время, когда Корсунь, Пилявицы и
Зборовъ потрясли ее до основанія, когда Малороссія была готова ото-
рваться отъ нея навѣки, войско находилося въ безпорядкѣ и жолне-
ры отказывались отъ службы за недоплату жалованья.

Такъ въ царствование Шуйскаго стояли вещи въ Москвѣ, съ тою
только разницей, что въ своемъ разореньѣ не сама она была виновата.
Московское Разореніе было задумано въ Римѣ и выполнено Поляка-
ми чрезъ посредство Русскихъ людей, еще не въ такомъ числѣ своемъ
соврашенныхъ въ католичество, но разращенныхъ уже польскою граж-
данственностью. Козаки, эти орудія крушениія Московскаго Царства
въ интересахъ Польши, готовы были теперь сдѣлаться, въ интересахъ
Москвы, орудіями мщенія за невинно разлитую кровь Москворусс-
каго народа, за сожженіе москворусскихъ городовъ, за расхищеніе цар-
скихъ сокровищъ, за поруганіе народныхъ святилищъ. Но козаки, по-
камѣстъ, были только бунтовщиками. Манифестація московскаго царя,
по словамъ Іоанна III, дѣдича и отчика Литворусской и Полькорус-
ской земли, могла превратить ихъ въ національную русскую силу.
Поляки это знали, знали это прежде нихъ просвѣтители Польши. По-
этому-то и хѣдили паны сенаторы, сѣтуя виѣ ума своего, какъ выра-
зился весьма мѣтко царскій думный дьякъ.

Побитые собственными подданными, униженные и обобраные
татарскою ордою, *визжас*, по собственному выраженію, отъ всяческой
боли, Полькоруссы паны были еще больше побиты къ своей столицѣ.
Представители царя, котораго даже воздержный Янъ Замойскій, въ
лицѣ Бориса, называлъ хлопомъ, указывали имъ на то, что претер-
пѣли они отъ хлоповъ. „Теперь вы сами смотрите на торжество ва-
шихъ хлоповъ надъ вами“ (говорилъ имъ Григорій Пушкинъ). „Они
ваше панство позорили, гордость вашу сломили, дома ограбили, наи-
лучшія ваши войска побили, гетмановъ вашихъ въ неволю взяли. Области ваши опустошены войною и вашими жолнерами до того, что мы
отъ Смоленска до Станиславова поющаго пѣтуха не слыхали. Люди
ваши умираютъ съ голоду и продаются въ наши края, моля великаго
государя о милостынѣ и прокормленіи. А въ нашемъ государствѣ все-
го довольно. Есть у насъ и чужеземное войско, и даже Шведовъ до-
статочно. Вы, паны-рада, сами себя восхваляете и называетесь уч-
ными людьми, а въ пятнадцать лѣтъ не можете научиться, какъ ти-

туловать нашихъ великихъ государей. Намъ кажется, что вы глупыѣ настъ, неучай".

Современный намъ польскій историкъ подтверждаетъ истину послѣднихъ словъ, говоря: "Въ этихъ трактатахъ Пушкинъ показалъ спокойствіе, остроуміе и энергию въ высокой степени". А современаго боярамъ Пушкинымъ историка Польши поражали они своимъ умомъ такъ, что онъ удивлялся: "какъ эти люди неученые, не знающіе вовсе полатыни, педалескіе въ грамотности и незнакомые съ первыми ея основаніями—могли углубляться въ самыя трудныя политическія дѣла!"

"Подъ давленіемъ угрожающей войны" (пишутъ въ наше время Поляки), "сепараты и дворъ дѣлали московскимъ посламъ уступку за уступкой, и не спохватились, что, по требованію Пушкина, унижаютъ отчество, покрываютъ правительство позоромъ и ослабляютъ въ народѣ патріотизмъ".

Въ Смутное Время Польского Государства, въ бѣдственную и для самихъ разорителей эпоху Польского Разоренія, природный русскій умъ, основанный на вѣрности долгу, одержалъ надъ Поляками такую победу, которой не забудутъ ни ихъ, ни наши отдаленнѣйшіе потомки. Не восторжествовалъ надъ этимъ умомъ и хитрецъ, который всѣхъ польскихъ мудрецовъ обернулъ вокругъ пальца. Всѣ ухищренія Козацкаго Батька противъ Россіи, въ концѣ концовъ, привели къ тому, чего могъ бы желать ей только преданнѣйшій другъ и почитатель творца ея судебъ—Великорусскаго Народа. Самая измѣны, посѣянныя имъ въ будущемъ козачествѣ, послужили къ возвышенію Россіи въ собственномъ сознаніи и въ глазахъ всего свѣта.

Г л а в а ХХIV.

Козакотурецкая политика.—Козакотатарский набѣгъ на Волощину.—Предпочтение варварства турецкаго варварству козацкому.—Козаки воружаютъ противъ пановъ соѣдніе народы.—Мѣра за мѣру въ борбѣ двухъ вѣроисповѣданій.—Чрезвычайный сеймъ.

Напрасно Хмельницкій переходилъ отъ угрозъ къ ласкателѣству, напрасно писалъ къ царскимъ воеводамъ: „Того пѣтъ и не будетъ, чтобы татарскіе царики имѣли, побратавшихся съ нами, православную Русь и вѣру нашу воевать“. Кунаковъ донесъ царю обо всѣхъ козацкихъ плутняхъ и, между прочимъ, о наслѣдственномъ козацкомъ плутовствѣ—самозванщинѣ. Въ обширной запискѣ, представленной имъ по возвращеніи въ Москву, мы читаемъ, что Хмельницкій обзавелся какимъ-то царевичемъ Казанскимъ, съ цѣлью возстановить Казанское Царство. И не для одной Казани, онъ и для самой Москвы припасъ такого человѣка, который называлъ себя болѣе законнымъ обладателемъ Русской Земли, нежели Романовы. У козаковъ онъ слылъ внукомъ царя Василія Ивановича Шуйского, а по словамъ царскихъ людей, это былъ „человѣкъ самого простого чину и худые породы во-ришка, Тимошкою зовутъ, Акундиповъ“. Какъ ни отпѣкивался Хмельницкій передъ царскими гонцами въ зловредномъ замыслѣ произвести въ Московскому Государству смуту, не вѣрила ему Москва ни въ одномъ словѣ. Маски съ него не срывали, по видѣли подъ ней готовность на всевозможныя предательства, и держали коварнаго Хмеля въ почтительномъ отдаленіи.

Судя по политикѣ Козацкаго Батька, о которой намъ говорить не столько его біографія, сколько исторія козачества, Москва, въ его умѣ, была послѣднимъ, запаснымъ поприщемъ козацкаго грабежа, или послѣднимъ козацкимъ приѣзжимъ, смотря по тому, какъ укажутъ непредвидимыя обстоятельства. Въ Москвѣ, съ своей стороны, были увѣрены, что куда бы ни бросались козаки по замысламъ вихреватаго гетмана,—неизбѣжно придутъ они къ старому своему убѣж-

денію, что кромъ царскаго величества, дѣться имъ негдѣ. Москва ждала и въ выжиданіи событій заключалась ея наибольшая мудрость.

Въ то время, когда царскіе пограничные воеводы были заняты своимъ, какъ они выражались, „бодроопаснымъ“, истинно московскимъ радѣніемъ по случаю козакотатарскаго движенія, центромъ котораго была Полтава, а Поляки надѣялись внутреннюю войну перемѣнить на заграницкую,—Хмельницкій разослалъ универсалы, чтобы не только реестровые, но и охочіе козаки поголовно готовились къ войнѣ, а къ какой, никому не было извѣстно. Способъ войны у него былъ татарскій, а Татары, по замѣчанію Варшавскаго Анонима, не любили двухъ вещей: проволочки времени и обнаруженія тайны. „Совѣты“ (пишеть онъ) „соединены у нихъ съ самимъ дѣломъ, такъ что они скорѣе ударять, нежели замахнуться“. По его разсказу, Хмельницкій приготовленіемъ къ набѣгу на Москву маскировалъ только задуманный набѣгъ на другую христіянскую землю—на Волощину (*szupił apparen-
tia*). Онъ торопился такъ въ этомъ случаѣ, какъ будто хотѣлъ вылѣтѣть (*iż zdał się wylecieć*),—и обманулъ своихъ союзниковъ.

Таковы были слухи, доходившіе до мемуариста. Но мы осенуемся на письмѣ Исламъ-Гирея къ Япу Казимиру. По его словамъ, козацкій гетманъ уже садился на коня, какъ пришла къ султанъ-галгѣ вѣсть о готовности польскаго войска наступить на козаковъ. Это заставило его остановиться съ походомъ на Москву. „Тогда татарское войско“ (писалъ ханъ), „имѣя въ обычай не возвращаться домой безъ добычи, особенно беи и мурзы, да почти и все лучшее войско, упали галгѣ султану въ ноги, чтобы не возвращалъ ихъ домой съ пустыми руками (*pròżno*) и, припомнивъ ему великія кривды со стороны Волоховъ, просили горячо вести ихъ въ Волощину, какъ это и сдѣлано“.

Въ королевской же инструкціи на сеймики совмѣстный походъ козаковъ и Татаръ противъ Москвы былъ объявленъ измышеніемъ для того, чтобы тѣмъ удобнѣе броситься вмѣстѣ за Днѣстръ и скрушить волошскаго государя, тайного союзника Польши. Дружба козаковъ съ Татарами представлена въ инструкціи такою, что стоитъ одному кивнуть головою, другой уже зналъ, что ему дѣлать (*nie tylko
consilia swoje in magna confidentia et majori secreto z sobą odgra-
wuja, ale i ad nutum tenli owego ten tego, owych exequuntur*).

Трудно сказать павѣрное: оба ли хана, козацкій и татарскій, морочили вмѣстѣ короля, или козакъ дурачилъ, въ этомъ случаѣ, и Лаха и Татарина; только походъ въ Московщину перемѣнился на походъ въ Волощину..

Такъ называемая козаками и панами Волощина (*Wołoszczyna*) по-нынѣшнему Молдавія въ первой половинѣ XVII вѣка была государствомъ славянскимъ, по языку и обычай — можно сказать малорусскимъ. „Вѣра у нихъ различная“ (говорить Варшавскій Анонимъ), „какъ и самый край населенъ различными людьми“, (и въ качествѣ латинца, на первомъ мѣстѣ ставить папистовъ): „есть католики. Волошскій бискупъ назначается польскимъ королемъ — то изъ францискановъ, то изъ доминикановъ. Русь держать вѣру схизматическую, и подчиняется константинопольскому патріарху“.

Но она-то, эта Русь, и была основою волошской національности, не только по религіи, по языку, но и по самой письменности, господствовавшей въ Волощинѣ. Мы такъ точно омалороссіянили Волощину, какъ, въ свое время, Литовщину, и такъ точно, по нашимъ слѣдамъ, вошла сюда Польша, передѣлывая наше православіе въ католичество, а нашу національность — въ польщизну.

Высшее сословіе въ сбродномъ населеніи Волощины составляли бояре, большею частью выходцы изъ Червоной Руси и вообще изъ Малороссіи, потомъ — изъ Польши, Болгаріи и русской Угорщины. Ниже боярг стояли магири, а за ними слѣдовали землине и все прочее волошское поспольство. Могучій и потому главный элементъ въ волошскомъ населеніи составляли потомки римскихъ Даковъ, отъ которыхъ ведутъ свое происхожденіе воспреобладавшіе надъ всѣми прочими элементами Румыны. Но Славянъ между Даками-Румынами было и до сихъ поръ есть не менѣе, какъ было нашихъ Русичей между коренными Литвинами.

Торговое сословіе образовали тамъ Греки, Армяне и Жиды, какъ въ древней Польшѣ — Нѣмцы, вмѣстѣ съ Армянами и Жидами, а подонками всего населенія были Цыгане.

Находясь между двухъ великихъ силъ, христіянской и магометанской, постоянно спорившихъ за обладаніе дунайскимъ, днѣстровскимъ и днѣпровскимъ Черноморiemъ, Волощина носила на себѣ отпечатокъ той и другой силы. Воители реформированной пондумейски вѣры Моисея и Іисуса не могли шагнуть за Мультаны и Волощину съ мечемъ, искавшимъ Божіей правды въ скрещеніи своемъ съ мечами иновѣрцевъ, — не могли потому, что защитники христіянства въ этой небольшой странѣ стояли противъ нихъ упорнѣе, чѣмъ въ обѣихъ Имперіяхъ, раздѣлившихъ между собой цивилизованный свѣтъ. Упорство обходилось Мультнамъ и Волохамъ не дешево. Магометанскій мечъ, скрещенный здѣсь ради Божіей правды съ христіянскимъ, губилъ цвѣтъ населенія края, а менѣе стойкихъ захватывали вассалы

Туровъ Татары, для продажи на европейскихъ и азіятскихъ базарахъ. Но подобно тому, какъ разрѣживаемый воздухъ тянетъ къ себѣ густой; подобно тому, какъ наша Малороссія, Rossia bassa итальянскихъ географовъ, тѣмъ сильнѣе влекла къ себѣ колонистовъ изъ соплеменныхъ и нѣмецкихъ странъ, чѣмъ больше гибло ихъ въ защитѣ плодородной почвы,—Волощина, равно какъ и Мультаны, населялась новыми искателями нового счастья по утратѣ стараго. Рѣдко встрѣчаемое въ другихъ странахъ разпообразіе пришельцевъ дѣлало въ Волощинѣ то, что днѣпровскій Українецъ, днѣстровскій Подгорецъ, Подолянинъ, Волынецъ и Бѣлорусъ, и даже Полякъ—находили между Днѣстромъ и Дунаемъ, въ смыслѣ этнографическомъ, какъ бы другую родину. Съ нами, Малоруссами, этотъ край сосѣдская враждебность раздѣляла, а наше вѣчное исканіе хотѣть иришои, абы инишои доли—связывало. Волощину мы даже воспѣвали, какъ замѣну родины, подчиненной пришельцамъ Ляхамъ:

Бувай здоровъ, Ліцький краю!
Вже жъ я тебѣ покидою:
Ой пайду жъ я въ Волощину,
И тамъ же я не загину,
Въ Волощині щирі люде,—
И тамъ мені добре буде.

Старинныя наши воспоминанія о такихъ подвигахъ, какими прославились въ Волощинѣ герои нашей утраченной Иліады, братья Струси, дѣлали этотъ край намъ близкимъ, какъ поприще борьбы съ невѣрными, и дорогимъ, какъ мѣсто, где находили мы богатую поживу въ тяжкой, часто голодной и всегда убогой пограничной жизни. Возможность низвергать господарей съ арендуемаго у Туровъ престола и сажать на него такихъ, которыхъ Туркамъ было слишкомъ трудно спихивать вооруженною рукою,—эта заманчивая возможность особенно влекла нашъ пылкій, не имѣвшій лучшихъ цѣлей духъ въ постоянно опустошаляемый и встающій въ новомъ богатствѣ край. Исторія нашего козачества полна былей и небылицъ о подвигахъ Струсей, Байдѣ, Филоненковъ и Канивченковъ за Днѣстромъ въ Ясахъ, въ Тягинѣ, въ Сочавѣ, на Киминскомъ полѣ и на Черкенѣ-долинѣ. Общий взглядъ на Волощину былъ у насъ въ XVII вѣкѣ таковъ, что въ Волощину стоитъ ходить за добычею и за спутницею добычи—козацкою славою. Такое впечатлѣніе дѣлала на козаковъ Сагайдачнаго и Московщина, какъ при его жизни, такъ и по смерти. Тамъ обогащала жителей роскошная природа, здѣсь — трудолюбивая промышленность.

Какъ въ одной, такъ и въ другой странѣ преславное Запорожское Войско, привыкшее *пліндрувати* и *руйнувати* во всю ширь „Божії милости“ и „козацкаго счастья“, — не стѣснялось ни единоплеменностью, ни единовѣрiemъ. Этимъ оно свидѣтельствовало свое родство съ Татарами. Татаринъ, замышляя полонить людей для невольничихъ бazarовъ, говоривалъ: „Мы сильно уноваемъ па милость Божію“, и титуловалъ себя счастливымъ и милосердымъ, а зачатый и рожденный имъ въ пезапамятныя времена козакъ, мечтая о пожарахъ и кровавыхъ рѣчкахъ, оставилъ намъ по себѣ богохульную пословицу: „Богъ не безъ милости, а козакъ не безъ щастя“, и, сдѣлавшись безопаснымъ, зажиточнымъ, даже просвѣщеннымъ, благодаря Москвѣ, гражданиномъ, до сихъ поръ напѣваетъ съ дикою грустью:

Ой колись мы воювали,
Та більше не будемъ:
Тодѣ щастя й тді долі
По вікъ не забудемъ!

Три государства интересовались Волошиною въ политическихъ видахъ своихъ: Турція, какъ завоевательница; Польша, какъ покровительница завоеванныхъ; Москва, какъ земля, единовѣриная съ Волохами. Испытавъ невозможность покорить задунайскихъ христіянъ своему Пророку, правовѣрные мусульмане обрекли невѣрныхъ, по своему закону, на рабство, и довольствовались наложенною на нихъ данью, а чтобы эта плата за право жизни приходила въ Стамбуль безъ хлопотъ по взиманію, сдѣлали сборщикомъ самого князя волошского, равно какъ и князя мультанскаго, называемыхъ постарославянски господарями.

Польша, посредствомъ своихъ уdalцовъ-Русичей, Струсеi, Мелецкихъ, Сѣнявскихъ, Вишневецкихъ, помогала искателямъ княжеской чести и наживы свергать съ престола волошскихъ господарей, мирила своихъ ставленниковъ съ султаномъ, иногда ей удавалось и совсѣмъ освобождать ихъ въ свою пользу отъ султанскаго вассальства, какъ это было съ господарями Могилами. Россія ограничивалась дружескимъ общенiemъ съ господарскимъ правительствомъ, какъ единовѣрцами и политическими доброжелателями. Но днѣпровскіе козаки, эти *Черкасы* позабытаго происхожденiя, продолжали въ Волошинѣ традиціонное ремесло свое въ силуnomадного положенiя своего среди народовъ культурныхъ. Арендное престолонаслѣдiе Волоховъ представляло имъ такие случаи къ ноживѣ, какой представился ихъ наездническому товарищству въ Смутное Время Московскаго Государства. Въ XVI столѣтiи они признавали себя не столько подданными короля польскаго,

сколько слугами царя московского, и съ этой стороны московское вліяніе на волошскія дѣла было равномѣрно съ польскимъ. Оно даже перевѣшивало польское, и именно съ того времени, когда римская политика Польши велѣла ей вліять на воспитаніе Могилъ посредствомъ іезуитовъ. Сдѣлавшись политическимъ центромъ и упованиемъ Славянщины Москва, даже не прилагая попеченій о томъ, поддерживала въ Волошинѣ славянскій элементъ, какъ солнце поддерживаетъ теплоту въ планетѣ, входящей въ сферу центростремительной силы его.

Волошскіе господари, по церковной традиціи, состояли въ духовномъ вассальствѣ у Россіи. Молдавская церковь была філією церкви галицкой, и князья-господари, въ качествѣ верховныхъ ктиторовъ этой церкви, зависѣли отъ галицкихъ митрополитовъ. Они печатали богослужебные книги во Львовѣ. Этотъ же православный издревле городъ отливалъ для нихъ колокола, и такъ какъ православная церковь, говоря вообще, стояла у насъ на Украинѣ въ запустѣніи, то волошскіе господари при своемъ дворѣ обучали церковному пѣнію поповичей, которые потомъ являлись въ Малороссіи дѣячками, а изъ дѣячества „совершались въ попы“. Господари, желая, по примѣру московскихъ царей, быть у себя въ краѣ опорою и образцомъ благочестія, принимали участіе и въ ставропигіальномъ львовскомъ братствѣ, которое хранило въ своихъ подземельяхъ ихъ сокровища. Одинъ изъ нихъ, Александръ Лопушнянъ, дозволилъ даже вписать свое имя въ число старшихъ братчиковъ, подобно вельможнымъ польскорусскимъ папамъ. Іезуиты не сближали ихъ тогда еще, какъ въ послѣдствіи Могилъ, съ католическою польщиною путемъ воспитанія богатаго юношества. Лопушнянъ не любилъ Лаховъ за ихъ „кривую вѣру“ до такой степени, что, устраивая праздничныя трапезы для братства, называлъ, чтобы допускали Лаховъ за трапезный столъ, но не дозволяли присутствовать при богослуженіи. „У напемъ законъ“ (писалъ онъ) „того ся не годить. У стола могутъ сѣдѣти и за насть Бога просити, а сами вали милости пійте и ъѣте, и насть не забувайте“.

Ставропигіальное братство угрожало тогда перейти въ безпоповицію, подъ вліяніемъ разлившагося по всей Польшѣ протестантства. Господарь убѣждалъ его не пренебрегать попомъ: „...попа ни за що маete“ (писалъ онъ), „они въ домы свои у дни недѣльныи и праздничныи, для благосложенія хлѣба, не призываete... Попъ межи вами только перекупничествомъ живится: самъ идетъ до церкви, а попадя идеть на рынокъ съ хлѣбомъ и цибулею, такожъ у другого перекупивши, и што съ того приторгуетъ, тѣмъ ся живятъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ охранялъ братство и отъ другаго нечестія,—чтобы мужчины въ брат-

ской церкви не стояли вмѣстѣ съ женщинами. Такъ было и у насъ въ Малороссіи: для женщинъ назначались притворы, которые до сихъ поръ называются *бабинцами*.

Все вмѣстѣ показываетъ, что славянскій элементъ, и преимущественно малорусско-славянскій, господствовалъ тогда за Днѣстромъ во всей своей силѣ и во всемъ безсилії.

Этотъ элементъ боролся здѣсь издавна, со временемъ еще дако-римскихъ, съ элементомъ румынскимъ, восторжествовавшимъ наконецъ при помощи политической махинаціи. Козаки слагавшіе головы за волошское господарство, и козаки, грабившіе православный, почти русскій заднѣстровскій край, какъ Турецкую Землю, наполненную по словамъ кобзарской думы, несчитаннымъ сребромъ—златомъ, пемъ-рянными поставами састь, одамашковъ, кармазиповъ, блаватовъ,—всѣ они, въ войнѣ и въ мирныхъ общепіяхъ, оглашали Волощину своимъ москворусскимъ и польскорусскимъ говоромъ, оживляли своими пѣснями, своими симпатіями и антипатіями. Они вспахивали копьемъ, взрыхляли мечемъ, засѣвали боевымъ удальствомъ эту землю посильнѣе представителей элемента польского, который выставлялъ здѣсь одно государственное зпамя. На формацию народнаго духа въ Волошинѣ польскій элементъ вліялъ только искусственно, изъ-за спины козацкихъ буйтуровъ паповъ и не пановъ, которые бывали обращены къ Волохамъ то враждебно, то дружескою грудью. Когда наконецъ удалось Польшѣ посадить на волошскомъ престолѣ одного за другимъ трехъ Могилъ, и тогда еще славянскій элементъ за Днѣстромъ опирался на людей русскихъ и едиповѣрныхъ съ русскими. Гезуитская махинація, озіаменовавъ себя въ Польшѣ ополяченіемъ дома Острожскихъ, готова была повториться въ Волошинѣ надъ домомъ пріемышей Польши—Могиль. Но тутъ румынскій элементъ, боровшійся съ элементомъ славянскимъ, выдвинулъ на поприще господарской дѣятельности такого человѣка, который своими способностями превосходилъ трехъ Могилъ и всѣхъ соперниковъ ихъ въ арендаторскомъ соисканіи господарского престола. То былъ Василій Лупулъ, родомъ Грекъ, или Албанецъ, или, какъ думаютъ иные, Сербъ.

Волошскіе господари Могилы: Іеремія, дядя нашего Петра Могилы, Симеонъ, отецъ его, Моисей, родной братъ и наследникъ его, находились въ родствѣ и дружбѣ съ богатѣйшими польскорусскими дамами. Той же политики родства и дружбы держался и Василій Молдавскій (какъ называли Лупула козаки), сдѣлавшійся господаремъ въ 1637 году. Онъ былъ такой же интриганъ, какъ и его предшественники, интриганъ по положенію князя-господаря, или господаря-арен-

датора, присяжный, записной интригантъ; но далеко превосходилъ ихъ искусствомъ интриги. Служа нѣсколькимъ господарямъ, особенно же Моисею Могилѣ, своимъ талантомъ пройдошества, онъ усвоилъ себѣ ихъ житейскую практику, которая состояла въ томъ, чтобы, поклоняясь отъ всей души мамонѣ, тѣмъ еще ревностнѣе кланяться Богу, разумѣется, не „духомъ и истиною“. Лупулъ умѣлъ служить не только двумъ, но и нѣсколькимъ господамъ въ одно и то же время,—служить не только согласнымъ между собою, но и враждебнымъ. Такъ было необходимо поступать всѣмъ троимъ предшественникамъ его, Могиламъ, въ ихъ положеніи; такъ въ особенности надобно было поступать ему самому.

Лупулъ въ своей господствующей средѣ былъ homo novus. Изъ низменного положенія въ свѣтѣ онъ возвысился на степень обладанія свѣтомъ, а возвышаться помогало ему чувство, выраженное Тацитомъ въ изображеніи таланта, возобладавшаго надъ толпой римской знати: „Они презираютъ мою новость, я—вялость ихъ (*Contemnunt novitatem meam, ego ignaviam illorum*)“. Но это чувство двигало его впередъ не облагороживая. Будучи въ началѣ жизни предметомъ презрѣнія со стороны людей, которымъ богатство и знатность не дали энергіи, онъ презиралъ богатыхъ и знатныхъ злобно: онъ вымѣщалъ претерпѣнное отъ нихъ униженіе на каждомъ, кого ни прибиралъ къ своимъ рукамъ, какъ пеудачника. Безъ всякой совѣсти и безъ всякой жалости, онъ дѣлалъ ихъ пѣшками на шахматной доскѣ игры своей въ богатство и знатность. Онъ дурачилъ и предавалъ каждого по мѣрѣ его неспособности къ политикѣ силы и власти: жертвуя равнодушно единицами, сотнями, тысячами людей, онъ былъ способенъ столь же равнодушно жертвовать и цѣлыми народами.

Но если кто-либо имѣеть право презирать въ ихъ счастливой судьбѣ людей вѣлыхъ, бездѣйственныхъ и педалекихъ, то Василь Молдавскій обладалъ этимъ правомъ вполнѣ, будучи полонъ горячей энергіи, неутомимаго трудолюбія и того ума, основаніемъ котораго служить ловкость, изворотливость, ехидство и коварство. Сдѣлавшись *вистерникомъ*, то-есть министромъ финансовъ, при господарѣ Граціани, Лупулъ попалъ было въ тюрьму по подозрѣнію въ тайныхъ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ; по Граціани палъ на Цецорѣ, и гибель господаря спасла вистерника для новыхъ подвиговъ интриги и предательства. Лавируя въ своемъ пройдошествїи между Сциллой и Харибдой не хуже Улисса, Василь Молдавскій пережилъ благополучно всѣ послѣдующія княженія: Александра II, Стефана Тисмисевича, иначе Томжи, Радо, Мирона Берновскаго, Александра

Радо, опять Александра Илії, опять Мирона Берновского и наконецъ Моисея Могилы. Противъ Александра Илії онъ въбунтовалъ народъ, воспользовавшись его ропотомъ на князя-господаря за то, что павелъ съ собою Грековъ и вводить въ Волощину греческие порядки. Мирона Берновского оклеветалъ онъ передъ султаномъ, и султанъ казнилъ его въ Стамбулѣ смертью. Преемника Миронова, Моисея Могилу, очаровалъ онъ своею угадливостью, но, сдѣлавшись у него великимъ дворникомъ, то-есть генераль-губернаторомъ, и ходатайствуя въ турецкомъ Диванѣ по его дѣламъ, столкнулъ его съ престола и сдѣлся господаремъ.

Но этого было мало для проходимца, жаднаго къ обогащению и власти не менѣе нашего Хмеля. Чтобы создать себѣ прочный фундаментъ въ дальнийшихъ замыслахъ, необходимо было ему упереться въ Трансильванскія горы, въ Дунай и Черное море. Мысль эта, осуществленная въ послѣднее время однимъ почеркомъ враждебнаго Славянству пера, возвышаетъ Лупула во мнѣніи румынскихъ патріотовъ надъ всѣми его злодѣйствами, въ числѣ которыхъ исторія записала 14.000 подданныхъ, казненныхъ мучительною смертью въ его царствованіе. Онъ у нихъ считается первымъ законодателемъ, хотя его законы писали человѣческою кровью: по nimъ, за преступленія гражданскія выкашивали глаза, отрѣзывали руки, подвергали голыхъ бичеванию уличной толпы. Онъ у нихъ и великий господарь, и творецъ народного благоденствія, и воскреситель румынской національности, и двигатель интеллектуальной культуры. Онъ у нихъ почти то, что у нашихъ козакомановъ Богданъ Хмельницкій, хотя наши козакоманы съ гордостью могутъ сказать, что Василю Молдавскому далеко до такого человѣкоистребленія, какимъ себя прославилъ Козацкій Гатько.

Какъ бы то ни было, по великій умъ героя румынского, по известной французской пословицѣ, встрѣтился съ великимъ умомъ героя украинскаго, и вотъ почему его пройдопшество получило известное значеніе въ исторіи отпаденія Малороссіи отъ Польши, въ исторіи русскаго возсоединенія, въ исторіи преобладанія Россіи надъ Славянствомъ.

По ту сторону рѣки Молдавы, раздѣлившей два подначальния Турціи княжества, господарилъ такой же откупщикъ, Матвій Бессарабъ. Василь Молдавскій вознамѣрился спихнуть его съ престола. Но Бессарабъ умѣлъ держаться па своей арендѣ подарками, уклончивостью и воинственностью, которую поддерживалъ своими боевыми средствами сосѣдъ его, князь Трансильванскій. Когда многоразличные средства, придумываемыя Лупуломъ для пагубы князя сосѣда, оказа-

лись безуспешными, онъ обратился къ такому средству, которому, въ случаѣ успѣха, могъ бы позавидовать и нашъ Хмѣль.

Чѣмъ усерднѣе служилъ онъ мамонѣ, тѣмъ еще болѣе долженъ былъ служить Богу, чтобы вторымъ служеніемъ прикрывать первое: явленіе обыкновенное въ жизни корыстолюбцевъ и тирановъ, которые, за невозможностью обмануть Бога, весьма усердно обманываютъ людей, а иногда и собственную совѣсть. О сокровищахъ Василя Молдавскаго ходили баспословные слухи, и они подтверждались громадными, документально извѣстными, его трактами, послѣ которыхъ онъ все-таки оставался богачемъ даже и между владѣльцами короноваными. Судя по характеру и поступкамъ Креза Волоха, какъ прозвали Лупула, надобно думать, что его богатство было нажито средствами, тревожившими его душу при мысли о Божеской карѣ въ настоящей и въ будущей жизни. XVII-й вѣкъ былъ эпохой тѣхъ крайностей пѣтизма, которыхъ должны были вызвать реакцію въ скептицизмъ XVIII-го. Въ грубыхъ правилахъ замаливали грѣховъ и покупки церковныхъ отпущеній былъ воспитанъ и Лупулъ. Онъ вѣровалъ, что нѣть грѣха, котораго не было бы возможности перевѣсить на вѣсахъ Божескаго правосудія созиданіемъ домовъ Божіихъ и благодѣтельствованіемъ храмовъ святыхъ. Подъ вліяніемъ такой вѣры построилъ онъ въ Йссахъ великолѣпную Трехсвятительскую церковь изъ краснаго камня, съ дорогими арабесками спаружи, съ богатою позолотой внутри стѣнъ, съ роскошною ризницей и пр. и пр. При церкви завелъ онъ училище и типографію; выкупилъ у Турокъ мощи Св. Нараскевіи за 250 кошельковъ золота, или за 125.000 дукатовъ, и перенесъ ихъ изъ Тирнова въ новопостроенную церковь, где онъ почиваются иныѣ; основалъ монастырь Галію и церкви въ Оргіевѣ и Килии. На Трехсвятительской церкви создатель и благодѣтель святаго и всечестнаго храма сего изображалъ альфresco подносящимъ его тремъ святымъ, которые благословляютъ его съ небесъ.

По стариинному противорѣчію въ жизни подобныхъ подвижниковъ благочестія, Василь Молдавскій сочетался вторымъ бракомъ съ Черкешенкой магометанкой. Православники Турецкой Имперіи возроптали за это на великаго подвижника; мѣстная іерархія отказывала господарю въ признаніи брака законнымъ, а правовѣрные были оскорблены сожитіемъ своей мусульманки съ глауромъ. Но если для богача господаря не было слишкомъ трудно устраивать небесныя свои дѣла, то земныхъ устраивалъ онъ тѣмъ легче. Молдавская церковь зависѣла въ началѣ отъ галицкихъ митрополитовъ, а потомъ — отъ орхицкаго архіепископа, именовавшаго себя болгарскимъ патріархомъ, слѣдова-

тельно находилась въ подчиненіи славянскимъ іерархамъ. Турціи нужно было подчинить своихъ православниковъ центральной власти, то есть посредствомъ готовыхъ къ услугамъ Грековъ ослабить единеніе Славянъ. Лупулъ это устроилъ могуществомъ своего золота, а какъ центральный константинопольскій патріархъ былъ главнымъ орудіемъ султана по гяурскимъ дѣламъ, то Крезъ Волохъ получилъ отъ него разрѣшеніе на бракъ, заплативъ ему 280 кошельковъ да 50.000 реаловъ султану за право женитьбы на мусульманкѣ. Этимъ достопамятнымъ актомъ положилъ онъ начало преобладанію въ придунайскихъ княжествахъ румынской національности надъ славянскою. Съ подчиненіемъ молдаво-валахской церкви константинопольскому патріарху, въ православномъ богослуженіи за Днѣстровъ сталъ употребляться, вмѣсто церковнославянскаго языка, румынскій; а какъ румынскія богослужебныя книги заимствованы изъ Трансильваніи, главного сѣдалища кальвінства среди Славянъ, то эти книги, будучи проникнуты протестантскимъ учениемъ, нарушили въ придунайскихъ княжествахъ чистоту православія и оторвали ихъ отъ славянскаго единства. Мѣстная исторіографія называетъ это „штурмомъ, даннымъ церковнославянскому языку“, и съ эпохи Лупула да соревнователя его, Бессараба, вѣдеть начало новой своей исторіи. Оффициальнымъ языкомъ въ Молдавіи оставался все-таки славянскій до XVIII столѣтія: только тогда князья фанаріоты замѣнили его греческимъ. Но со временемъ Лупула и Бессарабы румынская національность получила такую поддержку со стороны правительства, что нашъ малорусскій элементъ самъ собой проникался передъ румынскимъ, такъ точно, какъ онъ дѣлалъ это на своей родной почвѣ передъ польскимъ, и въ послѣдствіи, по своей исторической несостоитѣльности передъ великорусскимъ.

Еслибы нашъ Богданъ Хмельницкій не былъ безпутный варваръ, онъ могъ бы сдѣлать нѣчто грандиозное въ судьбахъ Сѣверной Славянщины. Наше давнишнее стремленіе изъ Полискаго края за Днѣстровъ могъ бы онъ привести къ тому, что область двоякаго русскаго языка и обычая, подъ единовѣрнымъ правительствомъ, уперлась бы въ Дунай и Трансильванію, а польскій элементъ растворился бы самъ собою въ энергическомъ русскомъ больше нынѣшняго. Но, вѣчно пьяный отъ горілки и проливаемой звѣрски крови, не могъ онъ воспользоваться горячимъ темпераментомъ древнихъ Русичей, отозвавшимся въ днѣпровскихъ добычникахъ, и разыгралъ роль стихійной силы, исчезающей безъ благотворного слѣда послѣ разрушительного своего дѣйствія. Грекъ, Албанецъ, или Сербъ Лупулъ, унаслѣдовавшій культурные инстинкты древнихъ народовъ, пытался воспользоваться этой

стихійной сплошь для своихъ замысловъ: но ни въ его народѣ, ни въ немъ самомъ не было всеобъѣщающаго творчества, которое проявилъ въ себѣ народъ Великорусскій вмѣстѣ съ выражавшимъ его духъ правительствомъ относительно превращенія разрушительной козацкой силы въ государственно-строительную.

Съ этой точки зреїнія, возня козацчины и созданіаго ею Хмеля Хмельницкаго съ Ляхвою и Волохами представляеться для русскаго мыслителя интересъ, печальный съ одной стороны и торжественный съ другой.

Какъ ни усердно служилъ Василь Молдавскій Турецкому султану, не могъ онъ овладѣть всей территоріей нынѣшней Румыніи, посредствомъ овладѣнія двумя престолами. Бессарабъ такъ былъ силенъ въ своей арендѣ, что Лупулъ, превзойдя всѣхъ волошскихъ арендаторовъ угодливостью, изворотливостью, подкупами и предательствомъ не могъ ничего ему сдѣлать. Турки щадили ростовщика Лупула, и боялись покуситься на права воина Бессараба. Такъ наступило то время, когда Владиславъ IV поддался своимъ политическимъ ласкательямъ и возмечталъ о господствѣ надъ христіянскимъ Востокомъ. Быть еще живъ тогда великий Конецпольскій. Изъ его неизданной пока мѣстъ переписки, сохранившейся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, мы знаемъ, что онъ смотрѣлъ на Лупула съ благороднымъ презрѣніемъ, и не довѣралъ его преданности Польшѣ. Но Лупулъ, не любя ничего, кромеъ себя, полагался вполнѣ на государство, создающее подобныхъ воиновъ и политиковъ. Лупулъ, въ этомъ отношеніи, былъ тотъ же Петръ Могила, воспитавшійся въ созерцаніи торжества Польши надъ Москвой, Турцией, Шведами. Шляхетскій Народъ не дошелъ еще тогда до погибельного униженія верховной власти. Заграждничнымъ наблюдателямъ Польша казалась еще чѣмъ-то такимъ, какъ изобразилъ ее краснорѣчивый Оссолинскій передъ папою въ присутствіи представителей католической Европы. Василь Молдавскій взиралъ на нес, какъ на безопасное убѣжище въ случаѣ грозы со стороны Турціи, и съ этой цѣлью стала подражать политикѣ своихъ предшественниковъ, Могилѣ, умѣвшихъ, подобно князю Василію, соединять православіе съ противоположными ему вѣрами въ брачныхъ союзахъ. Со своей стороны Польша, въ лицѣ своихъ пановъ, искала сближенія съ князьями откупщиками, и одинъ изъ богатѣйшихъ ея представителей, князь Янушъ Радивилъ, съ рыцарскимъ постоянствомъ домогался три года руки старшей дочери господаря Василія, Елены. Въ январѣ 1645 года далъ паконецъ Василій Молдавскій согласіе на бракъ своей православной дочери съ магнатомъ. Свадьба была царственная.

Женихъ явился съ двухтысячнымъ почетомъ. Торжество длилось двѣ недѣли. Молодыхъ вѣнчать митрополитъ Петръ Могила въ раззолочен-
ной и разукрашенной церкви Трехъ Святителей. Кальвиинистъ Ради-
виль, полевой литовскій гетманъ, полукальвиинистъ и полумусульманинъ
Лупулъ, господарь Волоцьши, полуправославникъ, полуапостолъ Петръ
Могила, митрополитъ киевскій и галицкій, молили втроемъ троихъ великихъ святителей о небесномъ благословеніи дома, столь высоко под-
нявшагося въ земной славѣ своей, и небеса сияли, казалось, будущимъ счастьемъ надъ этимъ домомъ.

Между тѣмъ человѣческія кривды и глупости достигли своей крайности и въ Польшѣ вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ его Литвой, и въ Волоцьши, гдѣ такъ блестательно княжилъ творецъ румунской будущ-
ности, и въ области, избранной самимъ Петромъ Могилой для поло-
низаціи неисполненной Руси. Все вмѣстѣ сдѣлало возможнымъ появление на исторической сценѣ такого лицедѣя, какъ Хмельницкій, и даже освятило его подвиги въ глазахъ многихъ. Василь Молдавскій продолжалъ бороться съ Бессарабомъ и, можетъ быть, побороть бы его, но интересы того и другаго столкнулись съ интересами Козац-
каго Батька, и онъ выступилъ противъ нихъ обоихъ, какъ левъ при-
дѣлѣ звѣриной добычи. Прочный фундаментъ ему былъ нуженъ,
чѣмъ кому-либо, а такого фундамента не обѣщала ему земля измѣ-
чивой, лукавой, малодушной черни. Дѣвъ великия рѣки, горы съ запа-
да, море востока: вотъ что могло спасти Козацкаго Батька, вонервыхъ,
отъ его дѣтей, вторыхъ, отъ ободранныхъ паповъ-изгнаниковъ, и
втретьихъ отъ негодующей на козацкую вольницу Москвы, противни-
цы всѣхъ вѣтъ, всѣхъ панскихъ сеймовъ и чернечкихъ радъ.

Объ этомъ убѣжищѣ могъ онъ мечтать еще въ то время, когда, послѣ пилавецкаго трехдневного пьянства, козаки воображали, что гетманъ ведетъ ихъ съ Татарами за Бѣлую Воду. Безпокойно посма-
тривая тогда на Вислу, на Москву рѣку и на Босфоръ, неожиданно увидѣлъ онъ передъ собой пословъ Лупула.

Волоцкій господарь, какъ и мультанскій, увлѣкся было мечтой Владислава IV о Турецкой войнѣ и, подъ вліяніемъ своего зятя, Ради-
вилла, рѣшился свергнуть съ себѣ турецкое вассальство. Онъ только ждалъ перехода Поляковъ черезъ Дунай. Но Турецкая война исчезла, какъ миражъ, и могущественная недавно Польша очутилась подъ ногами у козаковъ. Заподозрѣнныи въ невѣрности Портъ, Лупулъ въ борьбѣ съ Бессарабомъ приѣхалъ къ помощи побѣдителей папскаго войска.

Хмельницкій тогда же, должно быть, возымѣлъ мысль, которую преслѣдовалъ до послѣдней возможности съ крайнимъ упорствомъ и рискомъ: столкнуть обоихъ борющихся господарей-откупщиковъ съ ихъ мѣстъ, купить престолы ихъ для себя да для своего сына и основать въ земляхъ Малороссіи княжество, невозможное въ днѣпровской. Для этого ему нужно было всячески ладить съ Портою, и опь до тѣхъ порь не вошелъ съ Лупуломъ ни въ какую сдѣлку о помо-щи, пока тотъ не представилъ ему разрѣшенія Порты на призывъ козаковъ противъ Бессараба. Отправленный въ Волошину съ надежными козаками Тимоѳеемъ Хмельницкій, подъ опекой Тогай-бая и его Татаръ, помогъ Лупулу взять верхъ надъ его противниками, но зато потребовалъ отъ него черезъ Тогай-бая руки младшей дочери его, Роксанды. Лупулъ отвѣчалъ на грубое сватовство гордо. Руки Роксанды искали знатнѣйшіе польско-руssкіе дома, въ томъ числѣ Петръ Потоцкій, сынъ короннаго великаго гетмана, и князь Дмитрій Вишневецкій, племянникъ Іереміи. Чѣмъ сравнительно съ ними значилъ не-отсеса Тимоѳея Хмельниченко? Но иначе думалъ и чувствовалъ Ко-зацкій Батько. О Хмельницкомъ поэтъ могъ бы сказать, какъ о Мазепѣ:

Что ни единой опь обиды,
Съ тѣхъ порь какъ живъ, не забывалъ...

Не простили господарю отказа и побратимы старого Хмеля. На возвратномъ пути изъ-подъ Зборова, крымскія и буджакскія орды огра-били по дорогѣ Бессарабію. Вступаясь за своихъ подданныхъ, волош-скій господарь послалъ за хищниками погоню. Обремененныхъ ясы-ромъ и другою добычей догнать и разбить было не трудно. Орда по-терпѣла пораженіе и лишилась добычи своей при селѣ Братуленахъ, у Резинъ и въ Лопушинѣ. На языкахъ хищниковъ по ремеслу, это назы-валось „великими кривдами со стороны Волоховъ“, и эти-то крив-ды припомнили они, валяясь въ ногахъ у сultанъ-галги, когда не со-стоялся ихъ походъ въ Московщину.

За свою личную кривду Хмельницкій, какъ видно, готовился ото-метить Лупулу цѣлый годъ. При посредствѣ Тогай-бая сватался онъ мирно; теперь спаряжалъ къ Василию Молдавскому сватовъ, которыхъ Поляки прозвали кровавыми.

Но сперва въ Яссахъ появилось его посольство съ такимъ же гордымъ требованіемъ, какимъ былъ господарскій отказъ. Это было еще въ то время, когда козаки, вмѣстѣ съ достойнымъ Батькомъ сво-имъ, гремѣли противъ того, кто сидитъ на Москвѣ.

Василь Молдавскій зналъ, что козаки и Татары дѣлаютъ; онъ, безъ сомнѣнія, догадывался, что они и потомъ будутъ дѣлать, какъ безсердечный философъ обогащенія и грубой силы, вѣчно работавшій умомъ надъ эксплоатацией окружавшаго его міра. Поэтому съ новыми сватами заговорилъ онъ другимъ, смиреннымъ и льстивымъ языкомъ. Онъ отвѣталъ, что не можетъ принять предлагаемой ему чести единствено потому, что боится оскорбить своего повелителя, султана, выдавъ дочь за молодаго Хмельницкаго.

Новый авантюристъ поймалъ стараго пройдоху на словѣ, и побѣдилъ его превосходствомъ интриги. Сила козацкой перевѣсила въ Стамбулѣ силу подкуповъ: князь-господарь получилъ не только дозвolenіе, но даже приказаніе.

Тогда Лупулъ обратился къ польско-руссской воинственности, которую въ Збаражѣ проявилъ блистательно князь Вишневецкій, а въ Бѣлоруссіи — князь Радивилъ. Что значила реляція, распространенная въ Европѣ о непобѣдимомъ побѣдителѣ подъ Зборовыми, онъ зналъ какъ нельзя лучше; но, взвѣшивая силу руинниковъ съ силой культурниковъ, каковы ни есть одни и другіе, онъ долженъ былъ провидѣть, что Польши хватить еще надолго не только въ борьбѣ съ козаками, по и съ Москвой. Полагаясь на своихъ родныхъ и пріятелей, онъ отказалъ сватамъ Хмельницкаго, несмотря даже на султанское повелѣніе.

Случайно ли, или по предусмотрительности Хмельницкаго, вторичный отказъ пришелъ къ нему въ то время, когда онъ стоялъ противъ Москвы во всесоружіи козацкаго согласія и татарского панібратаства.

О Козацкомъ Батькѣ дѣти его сказали бы, что на Василя Волошина онъ важкімъ дѣкомъ дѣши; а чтѣ это былъ за духъ, мы знаемъ изъ лѣтописи стариннаго козакомапа, который вкладываетъ Хмелю Хмельницкому въ уста такія слова: „Оддай, господарю, дочку за могъ сына, а не одаси, дакъ я тебѣ изотрѹ, изомпѹ и прахъ твій рознесу по воздуху!”

По характеру Малорусса, каковъ онъ есть пынѣ, пѣть ничего обиднѣе, какъ предложить красавицѣ свою руку, а тѣмъ паче руку сына, (о сердцѣ здѣсь напрасно говорить) и получить гарбузъ. Можно поэтому судить, какъ обидѣлся Козацкій Батько, когда его Тимку далъ гарбузъ дочь презрѣннаго въ его глазахъ богача, неспособнаго наживать богатство кровавою саблею. Найти старый Хмѣль, вырывавшій съплюна и Римскою Имперіей, не могъ оставить безъ отмщенія такого, какъ онъ, безъ сомнѣнія, выражался Жидючу-рандарѣ, какимъ долженъ быть представляться гордому добычнику волошскій господарь. И часъ отмщенія насталъ.

Но на дорогѣ въ Волошину стоялъ побѣждавшій козаковъ съ малыми силами Николай Потоцкій, два года тому назадъ потерявшій одного сына и домогавшійся невѣсты для другаго: лицо трагическое въ виду семьянистаго и счастливаго его несчастьемъ Козацкаго Батька. Хмельницкій зналъ, что теперь онъ способенъ „давать битвы только въ каретѣ“; но чья юность не обновится въ порывѣ отмщенія за погибшаго сына и въ защитѣ рыцарскихъ правъ живаго? Хмельницкій это чуялъ, и потому сталъ у Ямполя съ 20.000 мѣ обсерваціонными корпусомъ, а другой корпусъ, подъ охраной ангеловъ и духовъ своихъ, Татарь, послалъ сватать золотое руно у дракона, отца красавицы Роксанды.

Недавнія угрозы Хмельницкаго сломать Москву не помѣшили ему, передъ походомъ въ Волошину, просить у царя попрежнему помочи противъ Поляковъ, если они будутъ воевать съ козаками. Завзвавъ къ себѣ путинъскихъ купцовъ на обѣдъ въ Миргородѣ, онъ старался покормить московскаго соловья баснями, точно польскаго, и говорилъ путинъцамъ такія вещи: „...хотя бы де для славы, государевыхъ ратныхъ людей было у него тысяча съ шесть или съ десять, и онъ бы де очистилъ и Польскую Землю государю. А онъ де, гетманъ, со всѣмъ своимъ Войскомъ Запорожскимъ великому государю служить радъ всею свою душою, не токмо де что польскіе и литовскіе города онъ, гетманъ, государю очистить, хотя де и Царь-городъ и до Ерусалима очистить и приведеть подъ государеву высокую руку“.

Но не успѣли эти просьбы и хвастливыя обѣщанія достигнуть мѣста своего назначенія, а магометане, сватавшіе христіянку за христіянина, ограбили уже православную Волощину.

Между тѣмъ король, видя въ этомъ набѣгѣ на его союзника дѣло частное, какъ и его паны, выразительно повелѣлъ коронному великому гетману, стоявшему лагеремъ подъ Каменцемъ, не вмѣшиватьсь въ волошскія дѣла, или, какъ объ этомъ говорили въ Шляхетскомъ Народѣ, „не обгонять чужаго проса, бросивъ свое“. Обезпеченный этимъ Хмельницкій вторгнулся тотчасъ по удаленіи Орды, съ 16.000 войска въ Волошину и принялъся грабить и опустошать ее въ свою очередь.

Походъ его былъ популяренъ въ козаччинѣ и по своему мотиву, и по богатой добычѣ, затмившей славу Царя Наливая. Козацкіе кобзари воспѣли набѣгъ на благочестивыхъ Волоховъ съ такимъ же кровожаднымъ восторгомъ, какъ и набѣги на злочестивыхъ Ляховъ, вмѣсть съ которыми погибали сотнями тысячи козацкіе единовѣрцы всѣхъ

сословій и состояній. Въ ихъ Иліадѣ Василь Молдавскій вопіетъ къ Николаю Потоцкому слѣдующими словами:

Ой гетьмане Потоцкій,
Що въ тѣбе рдзумъ жинцкій!
Ты за дорогими напѣтками, бенкетами уганиешъ,
А про мою пригдуду нічого не знаешъ:
Що жъ то въ васъ гетьманъ Хмельницкій, Русинъ,
Всю мою землю Волоцьку обрѹшивъ,
Все мое подле копъемъ изорѣвъ,
Усімъ моимъ Волхамъ, якъ галкамъ,
Съ плічъ головы позднімавъ.
Де були въ подлі стежкій-доріжкій,
Волоцькими головками новымощувавъ;
Де були въ подлі глыбокі долини,
Волоцькою кривью повыплююавъ....

Какъ отражались эти события въ панскомъ обществѣ, всего лучше видно изъ приведенного уже разсказа Варшавскаго Анонима. По дошедшему до него слухамъ и толкамъ, Хмельницкій, озабоченный женитьбою сына, дѣжалъ только видъ (*czynil apparentia*), что готовится къ татарокозацкому походу на Москву. Все дѣло состояло де въ томъ, какъ заставить Орду, вместо Муравскаго и Свиннаго Шляху, броситься за Днѣстръ? Этотъ вопросъ разрѣшилъ случай, можетъ быть, самимъ же Хмельницкимъ и устроенный.

На Днѣстрѣ (разсказываетъ Анонимъ) въ то время славились разбоями козаки Левенцы, известные и по долгѣвѣтимъ до насъ отрывкамъ современной пѣсенности. Левенцы, подобно позднѣйшимъ гайдамакамъ Мотрениско-монастырского лѣса, гнѣздились въ байраковатомъ лѣсу Недоборахъ. Добычу свою сбывали они въ Волошинѣ за Днѣстровъ, а что добывали воровствомъ и разбоемъ на волошскомъ берегу Днѣстра, то промѣнивали, продавали и пропивали на польскомъ. Потоцкій отправилъ противъ нихъ нѣсколько хоругвей, подъ начальствомъ Кондрацкаго. Предводитель козаковъ Левенцевъ, Мудренко, попалъ Кондрацкому въ пленъ съ 20-ю товарищами. Потоцкій де велѣлъ посадить ихъ на колыя. Тогда разогнанная Кондрацкимъ дружина Мудренкова бросилась къ Хмельницкому. Хмельницкій провелъ израненныхъ, окровавленныхъ Левенцевъ по своимъ полкамъ въ присутствіи полка нуреддинъ-султанова. „Вотъ миръ съ Лахами!“ (воскликнулъ онъ, заплакавъ передъ козаками и Татарами). „Ихъ миръ жестокосердѣе войны“. И, сдѣлавъ хороший подарокъ по-

слу, просилъ его донести нурредину, что съ одной стороны Кисѣль со- биралъ въ Киевъ войско противъ Туровъ, а съ другой наступаетъ Потоцкій съ намѣреніемъ искоренить козаковъ, если Татары ихъ не оборонять.

„Убѣжденный этимъ нуррединъ-султанъ“ (пишеть Анонимъ), „оставивъ предпринятый противъ Москвы походъ, грозилъ гетману Потоцкому и донесъ объ этомъ хану, который тотчасъ отправилъ Мехметъ-Газы-Атталыка, сына кормилицы ханскихъ дѣтей, съ жалобой,—что ханъ, яко посредникъ, долженъ вступиться за эту козацкую кривду, какъ за свою собственную“.

Дѣйствительно ханъ писалъ къ королю изъ Бакчисара, что послать къ нему Махметъ-Газы-Атталыка, и прибавилъ съ азіатской непослѣдовательностью и неясностью: „Еслибъ, однаждѣ, запорожскіе козаки отъ васъ... находились въ страхѣ, то это было бы нехорошо: ибо миръ между нами заключенъ такимъ способомъ, чтобы никто не смѣть мѣшаться въ козацкія дѣла (*że od tych czas w kozaków z naszej strony najmniejszej przyczynu nie miał się nikt ważyć wda-wać*), чтобы козаки оставались въ своихъ домахъ безопасными, и ни одинъ панъ или староста вашъ никакой войны къ ихъ вреду не поднималъ; посему, еслибы что-либо такое вредное обнаружилось, то тѣ клятвенные пакты должны бѣ этимъ нарушиться. Но сверхъ того, и въ вашихъ пактахъ первое и послѣднее условіе таково: кто бы ни учинилъ запорожскимъ козакамъ какую шкоду, тотъ ни другомъ, ни братомъ нашимъ быть не можетъ“... Но тѣмъ не менѣе ханъ поручилъ своему послу изустно что-то такое, чѣмъ Польша могла бы сохранить за собой дружбу хана.

Далѣ разсказывается Анонимъ про посольство Хмельницкаго къ Потоцкому. Оно было переиначено молвою противъ того, какъ опишь его находившійся въ то время у Потоцкаго подольскій судья, Яковскій; но разсказъ Анонима показываетъ, какъ представлялся Хмельницкій той публикѣ, къ которой принадлежала мемуаристъ.

„Посыластъ Хмельницкій къ гетману Потоцкому козака Кравченка, который, не сдѣлавъ подобающаго гетману поклона, тотчасъ (будто бы) проговорилъ: „Чи ще ты, гетьмане, не напивсь козалької крові, изорвешъ Зборовські пакта? На що се безъ потрѣбы стагаешь військо польське надъ линією, козаківъ лякаешь, а людъ посполитый губишъ? Хочъ вінь вамъ и піддѣвай, та до такого ярма и мучительства не звукъ!“ Гетманъ замѣтилъ высокомѣрному и глупому хлону, чтобы онъ въ другой разъ осторожнѣе приближался и говорилъ съ гетманомъ, а потомъ (будто бы) отвѣчалъ: „Стую здѣсь по королев-

скому ординансу, и буду стоять до получения новаго ординанса, или другаго случая, выступить отсюда. Старые козаки знаютъ, что и въ мирное время войско выходитъ въ поле, а съ приближеніемъ зимы расходится по зимнимъ квартирамъ. Стою съ войскомъ надъ линіей, хоть и за линіей земля наша, Рѣчи Посполитой. Пускай только ко-зацкій гетманъ похвалится усердіемъ къ королю пану, если онъ вѣренъ королю. Для чего же вся Украина вооружается на войну, собираются купы людей, армуются полки? Неужели онъ думаетъ, что я не замѣчу измѣнъ его и хитрыхъ поступковъ?"

„Хмельницкій“ (продолжаетъ Ановимъ, напоминающій съ одной стороны нашего Самовидца, съ другой—московскаго Кунакова), „Хмельницкій съ умысломъ прислалъ высокомѣрнаго хлона, чтобы раздражить гетмана; но гетманъ Потоцкій намѣревался покарать послѣ не-воздержный языкъ жолнерской рукою. Ироникаль онъ въ мысли Хмельницкаго: въ случаѣ неудачи въ Волощинѣ, намѣревался Хмельницкій вырвать у него Каменецъ, напавши на него неожиданно въ своемъ бѣшенствѣ“.

Такъ о Хмельницкомъ и Потоцкомъ гласила козако-шляхетская молва, которая изображаетъ замѣшательства въ общественныхъ понятіяхъ о томъ, что дѣлается въ государствѣ, и которую наша исторіографія выдаетъ намъ за точныя свидѣтельства. Мясковскій же писать къ своему брату, что 16 октября прибыль къ Потоцкому ханскій ага въ сопровожденіи Васька изъ Чигирина, хорунжаго Хмельницкаго, да Федора Брагили, писаря его. Они отправляли посольство публично (publice). Отдавъ письмо отъ хана, ага требовалъ объясненія (expostulowan): о собраніи столь великаго войска, о которомъ у нихъ представляютъ, будто бы оно, по своей огромности, стоитъ тремя лагерями; о наступленіи на козаковъ; о несоблюденіи имъ въ чёмъ относительно ихъ Зборовскаго постановленія: почему ханъ очень удивляется, и требуетъ хранить братство съ Хмельницкимъ, считая кривду его своею собственною.

„Панъ Краковскій“ (пишетъ Мясковскій) „отвѣчалъ, что въ нашемъ отечествѣ давнишній обычай ежегодно, жолнера, получающаго жалованье, держать въ обозѣ подъ открытымъ небомъ, а не въ домахъ. Но этого обозъ не причиняетъ козакамъ никакой кривды. Мы стоимъ въ 20 миляхъ отъ козацкой линіи, и ничего враждебнаго не замышляемъ, хотя козаки поступаютъ съ нами непріятельски: ни слова, ни присяги не держать; не выходять не только изъ Брацлавскаго, но и изъ Подольскаго воеводства; имѣній нашихъ непускаютъ; особенно — слова пана Краковскаго—имѣя за Днѣпромъ 150.000 доходу, не

получилъ еще и гроша, также его милость панъ коронный хорунжій и многіе другіе. Словомъ, козаки дѣлаютъ, что хотять, и слугъ нашихъ, и шляхты, братіи нашей, множество перебили въ это время тирански.

„На это хорунжій Хмельницкаго дерзко (*arroganter*), не допустивъ переводчика толмачить, возразилъ: Не покажеца вонд, милостивый пане гетмане: не наше козацьке діло розбивати мужиківъ: се ваші опришкі справляють. Федоръ поддержалъ его. (Вотъ изъ чего молва сдѣала невозможную сцену между Потоцкимъ и козакомъ Кравченкомъ).“

„Панъ Краковскій“ (продолжаетъ писать братъ къ брату, поучая Малоруссовъ отличать былое отъ небывальщины) „представилъ доказательства справедливости своихъ словъ: ибо и его собственныхъ слугъ за Днѣпромъ убили теперь нѣсколько человѣкъ, и другихъ перебили козаки, убили и пана Воляновскаго, и пана Костына, па котораго коняхъ Ѣздить Нечай, а прочихъ подарилъ Хмельницкому *). Споръ продолжался съ полчаса, и когда переводчикъ все это пересказалъ ясно агѣ, тотъ сказалъ: Я сумѣю (*będę to umiać*) разсказать объ этомъ хану, и которая сторона виновна передъ другою, и кто не соблюдетъ Зборовскаго постановленія, противъ того будетъ стоять ханъ: такъ и велѣлъ онъ мнѣ сказать.“

„При этомъ послы отдали, съ низкимъ поклономъ письмо отъ Хмельницкаго, въ которомъ письмъ онъ настоятельно проситъ о распущеніи войска, присовокупляя, что онъ принужденъ держать на Синихъ Водахъ Татаръ съ великими издержками, доставляя изъ Украины стадіи, пока не разойдется войско.“

„Послѣ того послы были публично на обѣдѣ; ихъ угожали съ почетомъ (*byli na obiedzie publiczne, traktowani honorisice*), и послѣ этого посольства уѣхали въ Варшаву“.

По словамъ Мясковскаго, между Потоцкимъ и Хмельницкимъ уже недѣли полторы передъ тѣмъ были дружескія сношенія, а недѣлю тому назадъ Потоцкій отправилъ съ какимъ-то тайнымъ порученiemъ къ хану Бѣчинскаго съ Атталыкомъ. Грозы какъ будто и не было на горизонтѣ, но она чуялась въ воздухѣ, потому-то и носились передѣлываемые каждымъ слухи о Хмельницкомъ. Но никто не предвидѣлъ козакотатарского набѣга на Волощину, о которомъ я долженъ

*.) Это показываетъ, что Хмельницкій разыгралъ передъ Киселемъ такую же комедію съ Нечаемъ, какую передъ Ляшкомъ съ Криконосомъ.

былъ прервать повѣствованіе, чтобы освѣтить истиннымъ свѣтомъ взаимныя отношенія трехъ интригующихъ силъ въ виду четвертой, луполовской.

За неимѣніемъ болѣе точныхъ извѣстій о козацкихъ походженіяхъ въ Волошинѣ, приходится и мнѣ повторить слухи, долетавшіе до анонимнаго мемуариста, который, какъ можно догадываться, былъ адгерентомъ дома Замойскихъ и жительствовалъ въ Замостьѣ.

„Вскорѣ“ (пишетъ онъ) „полковники Носачъ, Пушкаренко и Дорошенко съ 16.000 козаковъ ворвались къ Волохамъ и соединились подъ Сорокой съ 20.000 Орды нуреддинъ-султана. Татарская голота, какъ муха на медь, бросилась на грабежъ Волошины. Тамъ люди за-житочные, есть чѣмъ грабить, а если будуть оборопяться, то собствен-ною кровью заплатятъ.“

„Волошскій господарь *Лупули*, не имѣя столько войска, чтобы отразить внезапный набѣгъ Татаръ и козаковъ, отослать жену и дѣ-тей въ замокъ Нѣмецъ, за рѣку Сереть, и волѣть тамъ сдѣлать за-сѣку въ густомъ лѣсу, въ буковинѣ, а самъ скиталясь въ неприступ-ныхъ горахъ, ущельяхъ и нетрахъ. Поэтому непріятели не воевали, а сплошь грабя, опустошали край отнемъ и мечемъ, господарскую столицу сожгли, какъ сожжена изъ-за Елены Троя, и всю Волошину разорили. Господарь Василій послалъ людей на высокія деревья, ве-лѣль смотрѣть, въ которой сторонѣ видать огонь, и соображалъ руины. Было у него нѣсколько приближенныхъ Поляковъ. По совѣту двоихъ изъ нихъ, Кутнарскаго и Доброшевскаго, опытныхъ въ домашнихъ и военныхъ дѣлахъ, рѣшился онъ окунуться, и послалъ переговорить съ непріятелемъ.“

„Орда уже довольно награбила; козаки опасались Поляковъ, сто-явшихъ обозомъ на волошской границѣ; поэтому нуреддинъ-султанъ вступилъ охотно въ переговоры, и получивъ 300.000 битыхъ тале-ровъ, сверхъ подарковъ старшинѣ, выступилъ изъ Волошины. Хмель-ницкому также было полезно разграбленіе Волошины: ибо господарь обѣщалъ ему отдать дочку за его Тимошка, лишь бы только дать ему послѣ этой руины немногого осмотрѣться. Онъ до того былъ прижатъ къ стѣнѣ, что прежде у него присматривались, а теперь самъ онъ сва-тался ради мира. Отсчитавъ жестокимъ сватамъ такую громадную сум-му, оплакивалъ онъ выжженный и разоренный край свой, и посту-пилъ по давнишнему обычая Волоховъ, которые заискиваютъ благо-воленія у всѣхъ и кланяются сильнѣйшему. Несчастное положеніе ихъ было таково, что сыподу дымъ выѣдаетъ глаза, а сверху на нихъ каплетъ.“

„Удавались эти штуки Хмельницкому“ (продолжаетъ эхо современной молвы, Анонимъ). „Счастливый десператъ, онъ заохачивалъ Турцію къ протекціи надъ собою, Орду отвлекъ отъ Московской войны, Москву, обманутую видомъ предательской пріязни, сдѣлалъ непріятелями Поляковъ, волошского господаря оклеветалъ, и не пропустилъ никакого случая повредить Польшѣ. Великое диво! человѣкъ низкаго происхожденія однимъ природнымъ умомъ доходилъ до такихъ предательскихъ штукъ и прозорливыхъ мыслей, что не только обманывалъ глупое послольство, но обманывалъ и великихъ монарховъ и, словно помраченныхъ чернокнижными чарами, вооружалъ и соединялъ на Поляковъ. Татары, отъ природы довольно проницательные, повѣрили, что Поляки, будучи не въ силахъ одолѣть козаковъ, хотѣть выгубить обезоруженныхъ подъ предлогомъ Зборовскаго трактата. Россіянинъ, устрашенный татарскимъ могуществомъ, принялъ протекцію надъ козаками для обезпеченія своего Московскаго царства; а Туровъ, желая завоевать Україну, предложилъ имъ протекцію, и ослабивъ постояннюю войною Поляковъ, надѣялся покорить ихъ своей власти. Такъ-то“ (заключаетъ съ глубокимъ вздохомъ современникъ-мемуаристъ) „одной головы Хмельницкаго съ его столь быстрымъ умомъ было достаточно, чтобы причинить Рѣчи Посполитой такія тяжкія страданія,--того Хмельницкаго, о которомъ всѣ запали, что это былъ такой великий пьяница, что никогда не просыпался, и, однако жъ, онъ одинъ былъ авторомъ и выполнителемъ столь страшныхъ руинъ, бѣдъ и кровопролитія“.

Совсѣмъ иной взглядъ на козацкіе подвиги и единовѣрной Молдавіи усвоили себѣ отъ козаковъ наци предки Малоруссы; а какъ отъ формациіи мѣйній зависятъ судьбы человѣческихъ обществъ, то заслуживають вниманія историка и тѣ мнѣнія, которыя поворачиваются общественный умъ вспять, вмѣсто того, чтобы устремлять его впередъ. Козацкія воззрѣнія не оставляютъ козацкихъ потомковъ донынѣ, какъ и шляхетскія—шляхетскихъ. Малорусская исторіографія до настоящаго момента угощаетъ публику вотъ какими взглядами на героя пожоговъ, руины и человѣкоистребленія:

„Вся страна пылала. Яссы, оставленные жителями, были разорены и сожжены козаками и Татарами. Гетманъ чувствовалъ себя въ положеніи торжествовавшаго побѣдителя, могущаго требовать покорности отъ своего противника, такъ недостойно его обманувшаго и такъ грубо оскорбившаго“ *).

*) Кіевская Старина, 1887, мартъ, 491.

Въ томъ крайнемъ положеніи, до котораго была доведена страна и собственная семья Лупула, онъ былъ принужденъ откупиться и отъ козаковъ, какъ откупился отъ Татаръ, обручить Роксанду съ Тимошкомъ Хмельниченкомъ и дать въ залогъ четырехъ богатѣйшихъ бояръ, въ томъ числѣ и своего племянника, какъ удостовѣреніе, что тотчасъ послѣ Рождества Христова 1650 года будетъ свадьба. Но при всей низкопоклонности своей въ бѣдственномъ положеніи, при всемъ своемъ корыстолюбіи и свойственномъ корыстолюбцамъ жестокосердіи, Василь Молдавскій не былъ до конца лишенъ человѣческаго достоинства и сопровождающаго достоинство мужества: онъ рѣшился не выдавать свою Роксанду за козака. Если въ этомъ нехотѣніи участвовало вѣнчаніе борющихся передъ его глазами силъ, то мужество его возвышается въ нашихъ глазахъ и дальновиднымъ умомъ, котораго не было у Козацкаго Батька. Лупуль отправилъ свою dochь и жену къ своему зятю, Радивилу, а въ Стамбулѣ хлопоталъ, чтобы его освободили отъ насильственнаго родства.

Но съ Хмельницкаго было мало сочетанія сына съ дочерью князя-господаря: ему хотѣлось овладѣть и самимъ господарствомъ. Достигнувъ случайно того, о чёмъ и не думалъ въ началѣ бунта, онъ потерялъ сообразительность, и ему теперь все казалось возможнымъ, какъ человѣку, не имѣвшему въ основѣ своихъ дѣйствій традиціи, наслѣдственности, присущей всѣмъ явленіямъ постепенности и взаимной ихъ зависимости. Пользуясь вліяніемъ своимъ въ Стамбулѣ, онъ, вмѣстѣ съ ханомъ, обвинялъ господаря въ измѣнѣ, домогался низверженія измѣпника и просилъ господарства для себя. Но на вѣсахъ правившаго Портою серала соперники пройдохи перевѣшивали одинъ другаго. Великій визирь Ахмедъ запретилъ выдавать Роксанду за Хмельниченка и потребовалъ ее въ Стамбуль, какъ залогъ вѣрности отца.

Въ этомъ требованіи была та же самая горечь насилия надъ сердцемъ отца; но для Василя Молдавскаго магометанско насилие не было столь тяжкимъ, какъ христіяно-козацкое. Онъ, безъ сомнѣнія, самъ и устроилъ его, — принесъ, такъ сказать, жертву чудовищу Сциллѣ, лишь бы спастись отъ чудовища Харибы. Свобода выбора облегчала сердце тирана, не знавшаго участія къ страданіямъ чужихъ сердецъ, какъ и его достойный соперникъ, Хмѣль.

Козацкій Батько между тѣмъ видѣлъ на своемъ горизонти бурю, и, въ виду этой бури, долженъ былъ отсрочить посвятительство на придунайскія княжества. Онъ зналъ, что Польша не до конца разстроена. Онъ ждалъ войны, онъ даже самъ вызывалъ войну, но вызывалъ, какъ

злаго духа,—ужасаясь; и только ангелы хранители его, Татары, поддерживали въ немъ отчаянную дерзость. Чтобы ослабить естественныхъ враговъ козачину, пановъ, и увеличить число панскихъ непріятелей, подговорилъ онъ хана отправить въ Стокгольмъ посольство, которое бы служило прикрытиемъ его собственныхъ сношений со Швецарией,—тѣхъ злоторьныхъ сношений, которыми были вызваны грозы для Польши событія 1655—1659 годовъ.

Въ Стокгольмъ не забыли посягательствъ Сигизмунда III и Владислава IV на шведскую корону. Теперь Хмельницкій открывалъ Швеции виды на польскую. Съ другой стороны Турція, желавшая только одного, чтобы козаки не разбойничали на Черномъ морѣ, — была теперь къ его услугамъ. Хмельницкій получилъ отъ султана титулъ не только Украинскаго или Запорожскаго князя, но и Стражи Оттоманской Порты. По его просьбѣ хану было приказано идти къ нему на помощь со всей Ордой, а силистрійскому башѣ — стягивать войска и вмѣстѣ съ обоими господарями присоединиться къ Запорожскому Войску. Не сомнѣвался теперь Хмельницкій въ окончательномъ покореніи Польши подъ нозѣ ея враговъ и супостатовъ. Злой духъ войны облекся передъ нимъ въ образъ благовѣстника. Опять дѣлалъ щедрыя обѣщанія своимъ соратникамъ, а въ Крымъ писалъ игриво: „Приходите выбирать медъ изъ Польши. Закуриши подъ посѣ Ляхамъ, мы выгонимъ ихъ прочь, какъ пчель“.

Седмиградскій князь, Ракочій, условился съ нимъ — въ данный моментъ сдѣлать диверсію и ударить на Польшу съ тыла, а чтобы выгубить шляхту до ноги, завзятый Хмѣль разослалъ двѣ тысячи агентовъ по всему краю для взбунтованія не только православной, но и католической черни. „Польская пляхта“ (писалъ онъ къ Ракочію), „идучи за королемъ, оставляетъ безъ обороны свои города и села. Я подговорилъ мужиковъ, чтобы вооружились и ударили неожиданно съ тылу на занятыхъ войной со мною. Наступи одновременно Турецкимъ, Седмиградскимъ и Венгерскимъ Шляхами, возьми старый городъ Вавеля (Краковъ), и обрящешь въ немъ богатую добчу“.

Одинъ московскій царь, наперекоръ молвѣ, не вмѣшивался въ толпу сообщниковъ Хмельницкаго, зная, что „вотчина“ Іоанна III придется къ нему, какъ выражались въ Москвѣ, судомъ Божіимъ. Поляки подозревали, что онъ подсыпалъ Хмельницкому тайкомъ оружіе и пушки; но это были слухи одного происхожденія съ тѣми, какіе черезъ 117 лѣтъ были распущены Поляками и гайдамаками о подсыпкѣ Екатериною великою ножей для Уманской Рѣзни.

Николай Потоцкій стоялъ подъ Каменцемъ въ видахъ прикрытия родной Подоліи отъ козацтвы и защиты землевладѣльцевъ отъ окочченной черни. Отсюда слѣдилъ онъ за козацкими спопшніями съ Турцией, дунайскими княжествами, Венгріей и сообщалъ о нихъ королевскому правительству.

Волошскій господарь горько жаловался ему на козаковъ, которыхъ онъ, по его словамъ, давалъ убѣжище въ своеи княжества въ время польскихъ замѣшательствъ и со всѣми обходился человѣколюбиво (*et omni tractabat humanitate*), а они де такъ жестоко его придавили! Бѣдствія Польши обрушились и на него (писалъ онъ): ибо Хмельницкій выговаривалъ ему: зачѣмъ старался онъ въ Крыму объ освобожденіи гетмановъ? для чего ихъ на возвратномъ пути изъ плѣна такъ радушно принималъ? зачѣмъ даетъ королю деньги на войско? зачѣмъ дружится съ Ляхами и увѣдомляетъ ихъ обо всемъ, что дѣлается у Порты? Причиной постигшихъ его, Лупула, бѣдствій, по его мнѣнію, были также мультианскій господарь Фессарабъ и сѣдмиградскій князь, Ракочій, заключившіе съ Хмельницкимъ враждебный союзъ противъ Польши. А теперь (писалъ онъ) и его самого Хмельницкій довелъ до того, что долженъ быть присягнуть ему въ томъ же, сверхъ того даль письменное обязательство и обѣщалъ послать войско въ помощь противъ короля. Сдѣлалъ де онъ это по-неволѣ (*non tam libenter, quam reverenter*): ибо у него надъ шеей висѣлъ неотвратимый (*nie uchronny*) мечъ; а этотъ измѣнникъ непремѣнно хотѣлъ добыть его, Лупула, гдѣ бы то ни было (*in omni loco*) и добытаго умертвить. Въ такомъ де положеніи дѣлъ своихъ прибѣгалъ онъ подъ покровительство короля, обѣщаю ему всяческую преданность, на сколько это возможно при необходимости исполнить обязательства, данныхы Хмельницкому. Онъ готовъ нарушить вынужденную у него присягу, лишь бы не принадлежать къ обществу этого измѣнника и укрыться подъ милостивыми крыльями королевскаго орла.

Такъ передавалъ его жалобы и мольбы Потоцкій въ письмѣ къ королю отъ 22 октября 1650 года, и ходатайствовалъ, по его просьбѣ, о дарованіи ему польского индигената, дабы пріобрѣсть въ немъ союзника. Что же касается обѣщанной сыну Хмельницкаго дочери, то Лупуль, по словамъ Потоцкаго, желалъ бы ловко уклониться (*ksztaltnie wysliznać*) и отъ этого. Потоцкій просилъ короля написать къ Хмельницкому; чтобы онъ оставилъ свое сватовство къ подданной Турацкаго цесаря, дабы не заподозрить своей вѣрности Рѣчи Посполитой. „Если же такой способъ не подѣйствуетъ“ (писалъ Потоцкій), „то, по моему мнѣнію, надобно этотъ союзъ расторгнуть мечемъ, въ из-

бѣжаніе великой опасности, которая бы вытекла изъ успѣховъ Хмельницкаго въ его замыслахъ", и здѣсь высказалъ онъ мысль, зародившуюся въ козатчинѣ еще при Косинскомъ. Въ теченіе полуостолѣтія эта мысль развилаась до того, что теперь казалась исполнимою многимъ. „Намѣренія этого предателя" (писалъ Потоцкій) „вотъ какія войска вашей королевской милости осадить; Ракочія съ мультанскимъ господаремъ выпустить къ Krakowу; шляхту искоренить (nobilitatem extirpare); у вашей королевской милости престоль отнять, и посадить на него кого-нибудь другаго, едвали не самаго Ракочія".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Потоцкій доносилъ, что Хмельницкій на тѣ воеводства, которыхъ онъ удерживаетъ за собой противъ Зборовскаго договора, получилъ султанское знамя и обѣщаль платить съ вихъ гарачъ. „Намъ готовится страшное и неожиданное бѣдствіе" (прибавлялъ онъ). „Я знаю, что теперь онъ будетъ ласкаться, но это для того, чтобы миновало неудобное для него зимнее время, и чтобы привести въ исполненіе то, что вознамѣрился и условился съ сосѣдями сдѣлать весною. Теперь намъ остается одно: или поразить козаковъ, или перенести войну за границы государства, поупокоясь дома.

„Обозъ" (писалъ Потоцкій) „распушу черезъ три дня. Сидѣть бы въ немъ и дольше, хотя не знаю для чего, когда бы войско не было въ такой страшной нуждѣ (gdyby nie to, ze srodze wojsko neededne)". А войско Потоцкаго, готоваго и поразить козаковъ, и перенести войну за предѣлы государства, не только терпѣло нужду, пропчиаемую, какъ всегда, скарбовою пеурядицей, но, подъ гнетомъ нужды, и бунтовало. Мясковскій писалъ о немъ къ брату такъ: „Того, что я засталъ въ лагерѣ новаго, неслыханного и подающаго дурной примѣръ (novum inauditum et pessimi exempli), не могу забыть. Чужеземцы, или лучшіе пашинцы, одѣтые почужеземски, почти выламывались уже изъ гетманской юрисдикціи, и не допустили судить себя войсковымъ судьямъ по старинному войсковому закону. Послѣ сигнала, дѣлали многолюдныя сборища, поднимали шумъ и крикъ противъ польского войска. Удалили было уже въ бубны и наконецъ—разграбили базарь".

Въ обществѣ разсказывали, что когда передъ распускомъ войска гетманъ дѣлалъ смотрѣ, у одного жолнера вспыхнула безъ выстрѣла порохъ на полкѣ, и онъ сказалъ: „Это—за недоплаченное жалованье", а потомъ выстрѣлилъ изъ другаго пистолета и сказалъ: „А это — за уплаченнное". Всѣ захочотали, и самъ гетманъ сознался, что голодный и недоплаченный жолнеръ не исполняетъ команды.

Изъ этого лагеря кто-то писалъ къ кому-то отъ 23 октября: „Хмѣль замеръ съ войскомъ своимъ (cicho zapadł z gadziną). Какъ

бы не ожиль снова, и видалъше—весною. Съ нами фальшивыя, обманчивыя церемоніи. Тѣхъ, которые бѣгали (у него) изъ Волошины, обезглавливается и разстригаетъ, а другихъ посвящаетъ“.

Далѣе въ безыменномъ письмѣ слѣдуетъ не менѣе характеристи-ческая черта по отношенію къ татарской помоющіи: „Быть въ великому страхѣ, потому что пришелъ въ Украину только съ 30.000. Тагары все разошлись. Вотъ когда можно было его напугать или совсѣмъ уничтожить. Но онъ двинулся хитро (*usus stratagemate ruszył*): присласть къ папу Краковскому грозное посланство, готовясь наступить на обозъ, а между тѣмъ поскорѣе убрался на Украину, и этакъ ускользнулъ отъ насъ“.

Въ заключеніе, безыменный корреспондентъ сѣтуетъ на королев-ское запрещеніе вмѣшиваться въ волошкія дѣла—слѣдующими словами: „Правда, его милость папъ Краковский зналъ объ этомъ, но трудно было что-нибудь дѣлать со связанными руками (*związane ręce mając*)“.

Кисель доносилъ королю изъ Киева отъ 26 октября, что изъ Волошины только часть Орды пошла въ Крымъ, а другая за Чигириномъ въ Дикихъ Поляхъ осѣла на кочевища... „Здѣсь все говоритьъ“ (пи-салъ онъ), „что если не будутъ успокоены въ религіозныхъ прити-заніяхъ и не будутъ обеспечены заложниками, или присягою, то миръ не можетъ быть проченъ“.

Это значить, что Хмельницкій, дѣйствуя на Турецкаго султана потурецки, дѣйствовалъ на Московскаго царя помосковски, чтобы приготовить себѣ правовѣрное, или же православное убѣжище; смо-тра по обстоятельствамъ. То, что во времена оны кievское духовен-ство едва смѣло шептать козакамъ на ухо, теперь оно проповѣдывало съ кровель. И почему же нѣтъ? скажутъ объ этомъ его потомки. Не-зависимо отъ козаковъ, которые держали въ рукахъ нѣсколько вос-водствъ и давали ему опору вещественную, на эту проповѣдь уполномочивали его нравственно такие *душохваты*, какими были Пизонъ, Пассевинъ, Скарга, Кунцевичъ, Рутскій и пр. и пр. со всѣмъ писе-числимъ іезуитскимъ сонмомъ. Созданіе этого сонма, уніаты, захва-тили и подчинили папѣ церкви, въ которыхъ были погребены предки людей православныхъ,—не только такихъ, какіе вписывали теперь это напоминаніе въ грознопросительное письмо Хмельницкаго къ королю, но и такихъ, какими были Іоаннъ Вишенскій, Іоаннъ Борецкій, Исайя Копинскій и многие другие „преподобные мужи Россы, житіемъ и бо-гословіемъ цвѣтущи“. Если позволительно было католическимъ прела-тамъ вторгаться въ вертоградъ христіянства, насажденный учениками

Кирилла и Меѳодія, то кольми паче было позволительно потомкамъ этихъ учениковъ удалять папистовъ изъ захваченныхъ такъ или иначе церквей, отнимать у нихъ духовные хлѣбы и даже уничтожать католическія насажденія, дабы они, въ римскомъ злочестіи своемъ, не высасывали жизненныхъ соковъ изъ почвы древнаго русскаго благочестія. Ею же мѣрою мѣрили апостолы папства, возмѣрилось и имъ, да еще отмѣренная въ воздаїніе мѣра была, по писанію, „мѣрою доброю, на-топтанною“. Древнійшія русскія воспоминавія и самое Повісіліе съ его Краковами и Судомирами включало въ область восточнаго проповѣданія христіянской вѣры. Но мы не вторгались въ захваченный у насъ вертоградъ съ насажденіями своего благочестія. Девизомъ нашей проповѣди было: „имѣй уши слышати да слышить“... А деспотическое папство вторгнулось въ православную нацству насильственно, и мирнымъ проповѣдникамъ нашимъ не стало отъ него житъ. Оно исчезало и являлось подъ новыми видами беззопечно, не оставляя въ щѣлости ни древней славы нашей, ни пользованія нашимъ церковнымъ достоинствомъ. Беззаконіе, облеченнное въ законность, рождало новыя беззаконія, а злочестіе, прикрытое вольностью и равенствомъ, сдѣлалось источникомъ нашей скорби и страданія на гробахъ благочестивыхъ предковъ. Наконецъ, въ Королевской Землѣ не стало добра не только худшимъ, но и лучшимъ изъ насъ. Тогда въ силу закона жизни и свободы, въ сущности нераздѣлимыхъ, Королевская Земля сдѣлалась Царскою; вольная и бѣдствующая Польша уступила мѣсто рабствующей и благоденствующей Россіи. Оказченные Ляхи Косинскіе, отатаренныя шляхтичи Хмельницкіе были въ историческихъ польскорусскихъ судьбахъ только стихійными карами, ниспосланными регулирующею силою жизни на обладателей польского Содома, Кракова, и польской Гоморры, Варшавы,— на добровольныхъ рабовъ римскаго папы, пріукрашенныхъ титлами великихъ монарховъ и великихъ пановъ.

Во чѣ бы ни игралъ Козацкій Батько, грозя Москвѣ, приступаясь Турци, живя, повидимому, душа въ душу съ Татарами, но союзъ хана съ королемъ на пагубу Москвы не состоялся. Хмельницкій превзошелъ пановъ искусствомъ загребать жаръ чужими руками. Онъ платилъ союзникамъ не своимъ, а соѣдскимъ добромъ. У него за все и про все отвѣчалъ неистощимый богачъ Лупуль, котораго онъ, словно ловкій паукъ рѣзвую муху, запуталъ въ свою паутину. Но хану было не по душѣ — слишкомъ уже ловкое запутываніе такой крупной мухи, которая рвала до сихъ поръ всевозможныя паутины. Козаки сдѣлались теперь сильны Татарамъ, и именно тѣмъ, что турецкій султанъ смотрѣлъ на Козацкую Україну, какъ на широкій

шагъ правовѣрныхъ изъ-за Дуная въ области проклятыхъ Пророкомъ гауровъ. Отъ него пришло строгое повелѣніе помочь Хмельницкому, яко Стражу Оттоманской Имперіи. Дружба злаго къ злому перешла въ боязнь, и боязнь родила взаимную ненависть.

Согласно увѣренію силистрійскаго баси, Мегметъ-Дервиша, Потоцкій думалъ, что Туркамъ быть не по вкусу союзъ Татаръ съ казаками; но турецкій вкусъ мѣнялся съ перемѣной султанскихъ временщиковъ. Теперь отъ Босфора вѣтеръ дуть въ наруса Хмельницкаго не хуже того, какъ въ былое время съ Низу Даїпра. Хмельницкій торжествовалъ, точно Громобой передъ разсчетомъ съ дьяволомъ. Онъ быть теперь, въполномъ смыслѣ слова,

И сильныхъ быть и слабыхъ страхъ,
И хищникъ, и грабитель.

Откуда бы ни произошла спа, она производить явленія соотвѣтственныя. Поклонники истины поклоняются ей духомъ и истиною до конца, а поклонники лжи и наслаждѣнія рабствуютъ передъ всякимъ успѣхомъ, готовые покинуть своего божка при первой неудачѣ. Хмелоу Хмельницкому, этому „сору Рѣчи Посполитой“, стали кланяться не одни восточные попрошайки да киевскіе попы и монахи, но и гордые паны, о которыхъ послѣ Корсунскаго погрома пѣла „Музъ аростной сатиры“:

Czyli w tém jakie przedwieczne wyroki,
Czy grzech nasz sprawił i zbytek głęboki,
Kiedy bujając myślą nieba blizką,
Ledwie patrzymy na ziemię już nízką *).

Хмелоу Хмельницкому кланялся въ злобѣ своей, и обетшалый, полуразрушенный „глубокимъ развратомъ“ герой Кумескъ, Боровицы, Старца Даїпра. Николай Потоцкій послать ему въ подарокъ *оправдную* саблю съ увѣреніемъ, что королевское войско чуждается всякой враждебности. Потомъ опять писать къ нему пріятельскій листъ (*list przyjazny*), полный выражений расположеннности (*dobrego afektu relen*), какъ объ этомъ увѣдомлять брата подольскій судьи, Мяковскій. Кисель объясняетъ памъ, почему такъ дѣжалось, въ письмѣ къ королю отъ 26 октября: „Мила памъ отчизна и ея спокойствіе, мылы

* С совершился ли въ этомъ какой-то предвѣчный судъ, или сдѣлалъ это нашъ грѣхъ и глубокий развратъ, когда мы, летая мыслью подъ небесами, едва смотрѣли на землю, уже низкую.

намъ староства въ Українѣ“. И поэтому онъ совѣтовалъ,—хоть бы секретно (*choćby też tacite*) склонить Хмельницкаго какимъ-нибудь почетнымъ (*zasnym*) подаркомъ къ возвращенію панамъ козацкихъ захватовъ. „Ибо власть его такова“ (писалъ почтенный миротворецъ), „что козаки должны все сдѣлать, что онъ велитъ“. Изобрѣтательный Свѣнтолльдовичъ предлагалъ сдѣлать съ этой цѣлью починъ складчины въ Киевскомъ воеводствѣ, „лишь бы не явно (*byłe było tacitum*). Инымъ способомъ“ (твердила онъ готовому на всякую низость Яну Казимиру) „невозможно намъ нынѣ свергнуть иго (*excusare jugum*) Орды въ соединеніи съ козаками и всею чернью, а если присоединится къ нимъ Турокъ, то невозможно и никогда“.

Политика, оправдываемая горестною необходимостью, вѣла подъ Зборовыми панамъ, а съ ними и самому Хмельницкому, отдать въ жертву татарскому огню и мечу десятки малорусскихъ городовъ и селъ. Политика, внушаемая отсутствиемъ патріотизма, нагибала теперь имъ гордую влю передъ тѣмъ, кого безыменный сатирикъ назвалъ „презрѣннымъ соромъ“. Ихъ воспитали многія поколѣнія въ убѣждѣніи, что наследственная знатность не существуетъ безъ богатства, а безъ знатности и богатства не существуетъ и не долженъ существовать архичеловѣкъ, то есть панъ и шляхтичъ. Самая церковь, основанная просвѣтителями и руководителями ихъ на развалинахъ церкви благочестивой, стояла, по своему римскому происхожденію, на принципѣ, противоположномъ ученію Христа: „царство мое не отъ міра сего“, и въ этомъ смыслѣ правы были наши ревнители „древняго русскаго благочестія“, называя свою вѣру не восточною, греческою, русскою, православною, благочестивою, а просто *вѣрою христіянскою*, въ отличіе отъ римской, латинской, католической, папской, польской. Перечитывая автентическія свидѣтельства о бывомъ, мы находимъ и такие факты панского поклоненія Хмельницкому, что еслибы не знали, какъ создался новый, такъ называемый христіянскій Римъ, и какъ онъ созидалъ по образу своему и по подобію Польшу, то не вѣрили бы собственнымъ глазамъ. Дворянинъ короннаго полеваго гетмана, Мартина Калиновскаго, доносилъ своему пану изъ Чигирина отъ 26 ноября 1650 года нижеслѣдующее:

„По повелѣнію вашности пана, пріѣхавъ къ пану гетману запорожскому, засталъ я его въ Чигиринѣ. Нашелъ я у него много пословъ: отъ его королевской милости—пана Воронича, а отъ пана Краковскаго—пана Загоровскаго. Этотъ прибылъ съ подарками. Былъ и московскій посолъ съ просьбой о мирѣ. Взявъ отъ него подарокъ, (Хмельницкій) отправилъ его не весьма любезно (именно съ тѣмъ) что

если (козаки) заключатъ удовлетворительный миръ съ Рѣчью Посполитою, то зимой обѣщаетъ быть къ нимъ (Москалямъ **). Волошскій митрополитъ былъ у него, прося назначить время свадьбы сына его, Тимка. Назначилъ (ему) время или на русскія святки, или послѣ Трехъ Королей русскихъ. Отправилъ его весьма дружески, и послалъ ему что-то тайкомъ (i soś mi skrycie posłal **). Отъ князя Димитрія (Вишневецкаго), также и отъ пана *rusского воеводы* (Иеремія Вишневецкаго) были послы съ подарками и съ просьбой—усмирить хлопское своевольство и привести (мужиковъ) къ повиновенію. Всё это для нихъ сдѣлавши, благосклонно ихъ отправилъ“.

Интересно это письмо и до конца:

„Я только на третій день могъ доложить ему порученіе ваш-
мость пана. Сперва принялъ онъ меня не очень любезно, за то что
пріѣхалъ къ нему съ пустыми руками (z niszczem), и обинаками наме-
калъ, что у меня де множество пословъ польскихъ королей (*polskich królów*) и чужеземныхъ монарховъ пріѣзжало, но ни одинъ съ голы-
ми руками не пріѣхаль. Я оправдывалъ вашмость пана, что вашмость
находитесь въ дорогѣ. А вже жъ! сказалъ онъ мнѣ. Калиновскій те-
пѣрь худый пахдлокъ, да трѣба ёгд запомогти. Къ этому пришиль
онъ короля его милость. Король допевнѧця въ мѣне правосуддя, а
самъ ёгд не чинить. Нехай же знає король ёгд милость и Річъ По-
сполитая: коли мені ёгд милость король на сёмъ сеймі Чаплинскаго
не выдастъ, до я б буду ёгд шукати въ Варшавѣ и Гданському, и вже
не я ёгд, а вінъ мій. Потомъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: Скажи жъ
відъ мѣне пану Калиновскому и князеві (Любомирскому): коли хочуть
миру, дахъ нехай мені ёгд выдають: бо якъ тепѣрь васть зачну до ѹ
скінчу. Въ мѣне Татаре, Волохи, Мултане, Венгры: якъ васть тепѣрь
почну, до вже вічна память... Благоволите же вапа милость судить,
желаетъ ли этотъ человѣкъ мира? Дѣло вѣрное, что весной наступить
всюю силою, не дожидаясь военнаго времени. Онъ и такъ ужъ гово-
ритъ: коли спрѣвді воювати“.

Хмельницкій постоянно находился въ противорѣчіи съ самимъ собою: то дѣйствовалъ онъ по внушенію своего мстительного и ревни-
ваго сердца, то внималъ голосу практическаго ума, для обеспеченія
себя и своего семейства среди домашнихъ завистниковъ, среди раз-
огорченныхъ имъ пановъ, среди стороннихъ соискателей господства въ

*) Въ архивахъ не отыскано слѣдовъ отъ посольства. Оно, по всей вѣроят-
ности, было сочинено Хмельницкимъ для пановъ, какъ и Переяславское 1649 г.

**) Эти неясныя слова переводятъ такъ: „и далъ ему тайное порученіе“.

Малороссії. Готовясь преслѣдоватъ Чаплинскаго до отдаленѣйшихъ предѣловъ Польши, онъ въ то же самое время угощдалъ великимъ панамъ, даже Потоцкому и Вишневецкому, а зволнованнымъ имъ паліямъ, коліямъ, рѣзунамъ и всякимъ инымъ истребителямъ панскаго кѣдла вѣщаляръ своими универсалами точно сердитый Нептунъ бурнымъ вѣтрамъ: „Я васъ!“

Такой универсаль (отъ 3 русскаго октября) былъ имъ разосланъ изъ Ямполя. Въ немъ объявлялъ онъ, „какъ старшинъ, такъ и черни, товариществу Войска его королевской милости Запорожскаго, яко межъ мещанамъ и селянамъ, подданнымъ усімъ въ воеводствії Киевскимъ знайдуючимся“, что въ нынѣшнее время, когда пѣшее войско козацкое выступало въ Волошскую Землю, нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ „подданству“, не будучи панамъ своимъ послушными и доброжелательными, напротивъ будучи ихъ непріятелями, „много шляхты, пановъ своихъ, потопили, поубивали“, и теперь, не оставляя своего замысла, посягаютъ на жизнь пановъ и не хотять быть послушными, а затѣваютъ бунты и своеволіе. Посему, еслибы явились еще такие своевольники, которые бы покушались на жизнь господъ своихъ и не хотѣли имъ повиноваться, то чтобы такихъ своевольниковъ сами паны, вмѣстѣ съ козацкими полковниками, бѣлоцерковскимъ или кіевскимъ, строго и даже смертью карали. Тѣ же (писаль Хмельницкій), которые кровь христіянскую невинную пролили и миръ нарушили, не избѣгнутъ „горлового каранья, якоожъ и тутъ за тое не одного на горло скарали есмо“.

Съ своей стороны хантъ колебался между Хмельницкимъ и Яномъ Казимиромъ, между козаками и панами. Сперва онъ ластился къ панамъ, сулилъ имъ завоеваніе Московскаго Царства, увѣрялъ, что козаки—ихъ покорные слуги; теперь вонзелъ въ свою роль посредника между ними, и заговорилъ съ королемъ угрожающимъ тономъ судьи.

Угрозы хана и самого Хмельницкаго привели польскорусскихъ пановъ къ необходимости созвать и въ 1650 году чрезвычайный двухнедѣльный сеймъ. Окружавшіе короля сенаторы и другіе сановники шумѣли о козацкой дерзости, о пренебреженіи Хмельницкаго къ королю и Рѣчи Посполитой, о претерпѣваемыхъ шляхтою въ Украинѣ обидахъ и убийствахъ, о стремлѣніи козацкаго гетмана расторгнуть съ Польшою послѣднюю связь и создать отдѣльное гетманство подъ протекціей султана. Были между ними такие, что, помня опасности послѣдней войны, домогались всячески мѣра и доказывали, что силы Рѣчи Посполитой слабы, тогда какъ ея бунтовщики сдѣлялись могущественны турецкою протекціей; но большая часть представителей

Шляхетского Народа, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, взвѣшивая прошедшее и будущее, пришла къ убѣжденіе, что—или Рѣчъ Посполитая должна погибнуть, или козаки... Не приходило память тогда въ голову, что должны были неизбѣжно исчезнуть обѣ соперничающія республики: панская потому, что и безъ козаковъ сама собой губила свою общественность и государственность, а козацкая—потому, что не имѣла ни общественности, ни государственности.

И вотъ появился королевскій универсаль, созывающій повѣтовые сеймики на 7 день ноября, а генеральные на 22-й, съ тѣмъ чтобы Шляхетскій Народъ готовился къ центральному сейму на 5 день декабря. На этомъ чрезвычайномъ сеймѣ предполагалось трактовать лишь о двухъ предметахъ: о защитѣ Рѣчи Посполитой и обѣ уплатѣ жолнарамъ.

Въ инструкціи королевскаго правительства, разосланной на сеймики, говорится,—что никогда еще Польша не претерпѣвала болѣе постыдныхъ пораженій, какъ въ послѣднее время (*po wielkich a przeszlych wiekow nigdy sromotniejszych klęskach*), но что король, разогнавъ подъ Зборовскимъ всѣ бури и скопища (*wszystkie burze i nawalności*), освѣтилъ шляхту свѣтомъ любезнаго и желаннаго мира (*miłego i pożądanego rokoju światłem nas rozwiecił*). „Тѣмъ не менѣе“ (продолжаетъ инструкція) „обстоятельства велятъ озабочиться упроченіемъ этого мира на будущія времена, чтобы не было больше повода къ новому бунту и внутреннему несогласію“...

Но прежде всего надобно было устроить самый источникъ постыдныхъ пораженій, какихъ никогда еще не претерпѣваль Шляхетскій Народъ. Обѣ этомъ въ инструкціи сказано премудро: „Какъ въ человѣческомъ тѣлѣ скрыты болѣзни бывають самыми опасными и трудными для излѣченія, такъ и въ тѣлѣ Республики внутрення зла несравненно опаснѣе внѣшнихъ. Въ этомъ столько разъ уже удостовѣрялось наше отечество, когда отъ неуплаты жолнарамъ жолду появлялись вредоносные заговоры, и военное своеольство причиняло Рѣчи Посполитой больше вреда, нежели самый могущественный непріятель. А теперь особенно кто изъ насъ не испыталъ этого бѣдствія? Теперь отъ нихъ пострадали не только духовныя и государственныя имущества, но и шляхетскія. Вошли убогихъ людей и стоны бѣдныхъ вавѣрное прошибли небеса и, должно быть, они-то привели за собой и божеское мщеніе. Отъ незаплаченного жолнера едва ли не въ большей опасности быта Рѣчъ Посполитая, нежели отъ самого непріятеля. Тогда спасіе изрѣзъ его честоты и труты паповъ комиссаровъ (ко Грушевскому и Келетскому) все это успокоилъ“.

Сознаваясь въ государственной несостоятельности своей, правительство ставило вольному Шляхетскому Народу на видъ, что ему предстоитъ борьба не съ далеко находящимся непріятелемъ, а съ такимъ, который пребываетъ въ границахъ государства и можетъ наступить недѣли черезъ дѣй. Оно умоляло своихъ гражданъ не дѣлать больше такъ, какъ на прошломъ сеймѣ, что нѣкоторыя воеводства не согласились на налоги, а другія, согласясь, не представили ихъ».

Въ это время Потоцкій сообщалъ королю свой взглядъ на политику Хмельницкаго, и король разослалъ дополненіе инструкцій, въ которомъ воліялъ къ шляхтѣ:

„Пришли къ намъ обстоятельный и несомнѣнный извѣстія о не-престанныхъ козняхъ завзятаго и заклятаго врага Рѣчи Посполитой. Извѣщаемъ о нихъ всѣхъ писаніемъ нашимъ. Заключенная Хмельницкимъ дружба съ Татарами такъ нерасторжима, что не только совѣщаются между собой весьма intimno и съ великою тайною, но и мановенія другъ друга взаимно исполняютъ. Рѣчъ Посполитая уже претерпѣла отъ этого много непоправимаго вреда (*irreparabili damno*); но вотъ новое доказательство (ихъ козней). Распустивъ слухъ, будто хочетъ идти на Москву, Хмельницкій, подъ предлогомъ непрочного мира, бросился на доброжелательнаго Рѣчи Посполитой волошскаго господаря, съ намѣреніемъ свергнуть его съ престола, а потомъ, подавивъ и другихъ сосѣдей своею силою и окруживъ насть со всѣхъ сторонъ, довести Рѣчъ Посполитую до послѣдней пагубы (*in ultimum extremum*). Легко привель бы онъ въ исполненіе свои злостные замыслы, когда бы Татары, взявши добрый окупъ отъ волошскаго господаря и нахватавъ множество ясыру (*oprima praeda obłowiwszy się*), не вернулись въ свои жилища. Всльдь за этимъ скопленіемъ козацкаго войска, и взбунтованна имъ чернь начала неистовствовать (*furegere coerit*), и нѣсколько десятковъ шляхетскихъ домовъ, которые, обеспечась миромъ, возвратились въ свои жилища, истребила съ женщинами и дѣтьми. Не высидѣла бы въ обозѣ горсть нашего войска, на которое онъ покушался (*na które się on kaszał*), и навѣрное не выдержала бы такой силы, когда бы Татары, съ такимъ изобильнымъ (*obfitym*) полономъ, не повредили его замысламъ“.

Этими словами инструкція снимала съ короля отвѣтственность за повелѣніе „не обгонять чужаго проса“.

„Но предательскій во всѣхъ поступкахъ непріятель, не довольствуясь одной этой нерасторжимой лигой, ищетъ все новыхъ и новыхъ способовъ къ увеличенію силы своей (*ad augendam potentiam suam*) на угнетеніе Республики. Огдался подъ протекцію Турецкаго

цесаря, и самъ хвалился этимъ (cum suo applausu), принявъ турецкихъ пословъ при нашихъ послахъ, а тамъ держать своихъ резидентовъ для взаимныхъ сношений (*ad communicata consilia*). Но еще и въ томъ не меньшее доказательство его предательскихъ замысловъ, что, по выходѣ Татарь изъ Волошины, самъ опять напалъ на волошского господаря, и оружіемъ принудилъ обѣщать свою doch за его сына. Если это придетъ въ исполненіе, то каждый легко можетъ судить, какія опасности угрожаютъ Рѣчи Посполитой. Прибавимъ еще то, что недавно татарскій ханъ послалъ въ Швецію своихъ пословъ, которые проѣхали чрезъ наше государство, а съ чѣмъ ѿхали, не хотѣли сказать; но не можемъ иначе думать, какъ такъ, что — для возбужденія Шведовъ противъ Рѣчи Посполитой по внушенію Хмельницкаго, дабы тѣмъ удобнѣе напасть на развлеченнуя такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ отъ разныхъ непріятелей Республику, и потомъ придавить. Изъ всего этого слѣдуетъ, что къ веснѣ надобно ждать неизбѣжной козацкой войны“.

Изобразивъ грозное положеніе дѣлъ, дополнительная инструкція отклонила посланное рушеніе по вытекающимъ изъ него неудобствамъ (*incommoditates z niego sami to uwazyc mozesie*), и предполагала составить регулярное войско въ количествѣ, достаточномъ для отраженія непріятеля.

Г л а в а XXV.

Польша перестаетъ быть государствомъ свѣтскимъ.—Партизанская война въ началѣ весны 1651 года.—Неудачные покушенія козаковъ на Подольскій Каменецъ

Между тѣмъ какъ Польша была поставлена правительственнымъ сообщеніемъ въ извѣстность о грозѣ, облегавшей ея горизонтъ со всѣхъ сторонъ, Николай Потоцкій донесъ королю изъ Каменца, что Хмельницкій въ Подольскомъ воеводствѣ, за козацкой линіей, запи- салъ не малое число ссыпъ въ козаки, по мнѣнію Потоцкаго, для того, чтобы возбудить приверженность къ себѣ въ черни (*concitandae plebis gratia*) въ видахъ предстоящаго нашествія на пановъ.

Войско было сведено съ поля 29 октября, но его такъ трудно было размѣстить по зимнимъ квартирамъ, что Потоцкій, по его сло- вамъ, предпочелъ бы дать нѣсколько битвъ. Край былъ разоренъ; вездѣ голодъ и дороговизна, а жолнерамъ нечѣмъ было уплатить жолду. Часть войска расположилъ Потоцкій вдали отъ козацкой линіи, въ близкихъ къ украиннымъ воеводствамъ, а верхнія воеводства откупились отъ постоянной платы.

Но въ это самое время кто-то писалъ ель кому-то изъ Бара о козацкихъ замыслахъ, то есть о ходачихъ въ народѣ толкахъ, стра- хахъ и ужасахъ. Была де у Хмельницкаго рада, на которой козаки совѣщались: не оторваться ли имъ совсѣмъ отъ Польши? и что дѣлать, если панское войско не уйдетъ въ Польшу? Было де решено выдер- жать и вытерпѣть всю зиму, а весной выступить вмѣстѣ съ Тата- рами и Лахами *potużno* въ Московщину и, доведя Лаховъ до мос- ковской границы, взять ихъ между себя (wziąć między sie), да и вырѣзать до ноги, такъ чтобы не ушелъ ни одинъ Лахъ (aby i jedne- go Lacha nogi nie priuścis), а потомъ запустить глубоко въ Польшу Татаръ. „Когда же послѣ Татаръ“ (говорили козаки) „добьемъ Лаховъ (wybiwszy te Lachy po Tatarach), тогда уже наша земля счиштится, и мы будемъ пановать въ мирѣ“.—„Но Господь Божъ“ (угѣшать себя

писавшій), „можеть быть, скорѣе счистить ихъ моровыи повѣтреиъ: уже они тамъ страшно валаются, и лежать, какъ дрова, на Поднѣстрии около Шаргорода и далѣе къ Брацлаву. Но мужики наши твердагъ, что у нихъ что-то злое на умѣ: ибо наказано имъ—черезъ дѣлъ не-дѣли имѣть въ готовности лошадей и сухари. Хмельницкій еще въ Брацлавѣ, а Татары стоять всюду около *Саеванъ*“.

Между тѣмъ козацкіе послы прибыли въ Варшаву, по современ-
ной перепискѣ, „въ одной сворѣ съ татарскимъ“, а литовскій канц-
леръ замѣтилъ въ дневникѣ, что они даже заняли общую квартиру.

Татары (говоритъ корреспондентъ), въ качествѣ посредниковъ и
прокураторовъ, находили Хмельницкаго (точно наши историки) вовсе
невиновнымъ въ томъ, что онъ ходилъ въ Волощину. Не согрѣшилъ
онъ, по татарскому воззрѣнію, и тѣмъ, что такое множество шляхты
перебато; что послалъ къ турецкому султану пословъ и отдался ему
въ подданство. Татары настаивали на исполненіи со стороны пановъ
Зборовскаго договора. А козаки приѣхали свидѣтельствовать свое вѣр-
ноподданство (продолжаетъ корреспондентъ), на всѣ же укоры отвѣ-
чали отрицаніемъ и незнаніемъ. Все дѣло было отложено до сейма.

Но мы прочтемъ такъ названныя *покорныя речи* Хмельницкаго.

Увѣряя короля, „Божія помазанника“, въ своемъ вѣрноподдан-
ствѣ, Хмельницкій писалъ: „Посылаемъ нашихъ пословъ только че-
резъ эти речи, потому что мы, яко простаки, не умѣемъ ходатай-
ствовать изустно (*domowic siê nie mo¿emuy*). Мы просимъ о томъ,
что наилучше утвердило бы миръ. Пускай этимъ не оскорбляется ма-
естать вашей королевской милости и освѣщенный сенатъ.

„Самый прочный и вѣчный миръ всей Рѣчи Посполитой въ пан-
ствѣ вашей королевской милости быль бы тогда, когда бы быль
утвержденъ присягою ихъ милостей ксендза архіепископа гнѣзденскаго,
ксендза архіепископа львовскаго, ксендза бискупа краковскаго, его ми-
лости пана Лянцкоронскаго, воеводы брацлавскаго, и его милости
подканцлера короннаго (Геронима Радзѣвскаго), а въ залогъ просимъ
намъ дать: князя его милость Вишневецкаго, который не желаетъ за-
мѣшательства и милостиво (*laskawie*), съ давнишнихъ временъ обхо-
дится съ Запорожскимъ Войскомъ и съ подданными, его милость пана
хорунжаго короннаго, который, прибывъ на свои староства, привезъ
намъ стародавнія привилегіи на Чигиринъ, чтобы здѣсь резидовать;
его милость старосту бѣлоцерковскаго (князя Любомирскаго); его ми-
лость пана обознаго короннаго (Калиновскаго—сына), которые на
своихъ маѣтностяхъ резидируютъ, и пускай благоволять охранять миръ
безъ единой хоругви войска, а равно безъ великихъ дворовъ и аssi-

стенцій, да просимъ, чтобъ они, будучи заложниками, обходились хорошо съ нами“.

Никогда еще волки не предлагали пастухамъ болѣе наглого договора. Никогда козаки не думали такъ презрительно о здравомъ умѣ пановъ,—и они были правы. Передъ изумляющимъ потомствомъ тѣхъ и другихъ лежитъ письмо величайшаго мудреца и глупца въ панской республикѣ, величайшаго патріота и губителя панской среды своей, Адама Сиѣнтолльдовича Киселя изъ Брусилова, отъ 26 октября 1650 года.

Кисѣль, назначенный на прошломъ сеймѣ, по его словамъ, „страхемъ мира“, совѣтовалъ королю, чтобы Рѣчъ Посполитая ждала будущаго сейма спокойно, для того, чтобы, взвѣшивши свои и непріятельскія силы, могла рѣшить, чего ей держаться, и что замышляютъ въ Крыму, и какъ у Туровъ трактуютъ о волошскомъ опустошении, и что затѣваются внутри (*interne machinatur*). Доказавъ ясно, какъ день, свою химеру, панскій Несторъ и Улиссъ приходитъ къ такой мысли, что средствомъ гарантіи мира Польша достигла бы расторженія козакотатарской лиги, а это было бы величайшимъ для нея благополучіемъ (*summa Reipublicae felicitas*). „И хотя въ этомъ“ (продолжаетъ Кисѣль), „вѣдимъ нѣчто недостойное (*indignitatem jakas*), но по мнѣ— наибольшее достоинство—спасеніе Республики (*salus Reipublicae, to największa dignitas i mnie*). А допустить этого человѣка до послѣдняго отчаянія, въ которомъ онъ поддался бы Турку съ войскомъ и со всѣмъ послѣдствіемъ, вотъ когда—сохрани Боже—была бы *indignitas*, а пожалуй, и послѣдняя гибель наша... Когда дѣло дошло до крайности, всегда избираютъ меныше изъ золъ... Мы могли бы и взять и дать заложниковъ, которые были бы въ родѣ плѣнниковъ у запорожскаго гетмана, но чтобъ они резидовали на Украинѣ за линіей, въ своихъ имѣніяхъ, прилично своему положенію. Чтѣ лучше: рисковать ли всѣмъ, или же все подвергнуть гибели? Можно бы и на присягу согласиться своимъ способомъ (*swym sposobem*) вмѣсто того, чтобы возбудить еще ужаснѣшую и злоторную войну. Этихъ заложниковъ можно назвать комиссарами, и подъ этимъ названіемъ передать въ потомство, а они присягнули бы, какъ на комиссию“. По мнѣнию Киселя, этимъ способомъ, безъ всякаго недостоинства (*absque omni indignitate*), можно бы удовлетворить и тому, чего желаетъ запорожскій гетманъ для своего обезпеченія, и миръ утвердить, и разорвать козацкій договоръ съ Ордою, а себѣ (козаковъ) присвоить (*sobie appropriare*) и отъ Москвы спасти, и миръ, заключенный Киселемъ въ ея столицѣ, осуществить.

Изъ этого документа видно, что Хмельницкій обработалъ стражу панского мира съ козаками сообразно своимъ цѣлямъ, которыя грубо, но вѣрно, высказывались въ толкахъ послольства о совмѣстномъ походѣ козаковъ, Татаръ и панского воинства въ Московщину. Еще мало было панамъ горькихъ разочарованій! Или въ самомъ дѣлѣ у нихъ, какъ у кобзарскаго Потоцкаго, былъ *роздумъ жіндіцький*, довѣрчивый погибельно? Земля, удобренная кровью и орошенная потомъ прадѣловъ, сдѣлалась теперь манію правнуковъ. Лишаясь этой земли, вырванной изъ рукъ у голодныхъ номадовъ, Татаръ, несчастные поняли всю цѣну ей, какъ утраченному здоровью, какъ отнимаемой жизни... Только такимъ образомъ возможно намъ объяснить себѣ то жалкое забвеніе національного достоинства, съ которымъ они относились къ предателямъ и разбойникамъ, лицемѣря не только передъ современниками, но и передъ потомствомъ.

Но обратимся къ *покорнымъ петитамъ „простаковъ“*, которые не умѣли ходатайствовать изустно.

„Просимъ, чтобы унія, начало всѣхъ золъ, возмущающая (народъ) съ давнишнихъ времена, была совсѣмъ уничтожена, какъ въ Коронѣ, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, а всѣ владычества, каѳедры, церкви, обращенные въ костели, или предоставленные уніятамъ, и всѣ имущества, наданныя предками владычествамъ, каѳедрамъ и церквамъ искони (*antiquitus*) были бы возвращены, чтобы отнынѣ униты, какъ они привыкли, своими ухищреніями больше не пускали этого дѣла въ проволочку, и вѣра наша никакихъ притѣснений не терпѣла. Свобода богослуженія русскаго, чтобы была невозбранна по старинѣ въ городахъ его королевской милости, какъ въ Польской Коронѣ, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Ксендзы и свѣтскіе паны римской церкви всякихъ духовныхъ пашей вѣры, какъ въ добрахъ вашей королевской милости, такъ и въ дѣдичныхъ (панскихъ) не должны принуждать къ своему послушанію (*do posluszeñstwa swego*) и взимать съ нихъ данинъ, ни десятинъ изъ церковныхъ мѣсть. Просимъ, чтобы униты, по уничтоженіи уніи въ Польской Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, тотчасъ отдали не унитамъ владычества, каѳедры, церкви, грунты, добра; а кто бы оказался не послушнымъ, на такихъ чтобы была установлена строгая кара. Священники старожитной русской вѣры, чтобы имѣли такія вольности, какія имѣютъ ксендзы римской церкви, и никакимъ свѣтскимъ законамъ не подчинялись; также чтобы жолнеры у нихъ постоемъ не стояли. Просимъ вашей королевской милости, чтобы село Перетынско было возвращено львовской каѳедрѣ, а село Кцелевъ—галицкой капи-

туль, въ границахъ, означенныхъ въ привилегіи князя Льва, первого фундатора. Доносимъ также до слуха вашей королевской милости, что Русскій Народъ терпитъ великія преслѣдованія отъ пановъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Униженно просимъ, чтобы они никакъ не мстили. Еслибы мы получили опредѣленную линію, то просимъ вашей королевской милости, чтобы и по за линіей наши духовные и Русь оставались при своихъ вольностяхъ и старожитныхъ обрядахъ, и чтобы не терпѣли уже отъ унитовъ никакихъ нападковъ: ибо никакія вѣры и въ чужихъ земляхъ не подвергаются такимъ притѣсніямъ и преслѣдованіямъ, какъ въ нашей землѣ".

Такъ желали говорить съ королевскимъ правительствомъ тѣ попы и мѣщане, которыхъ лживыя манифестаціи князя Острожскаго ввели въ баптизмъ. Такимъ языкомъ имѣлъ бы полную возможность говорить онъ и самъ, стоя во главѣ своего 15-ти или 20-тысячнаго ополченія, когда бы домъ его не находился больше во власти іезуита Скарги, чѣмъ самого главы дома. Теперь языкомъ, подобавшимъ ему больше, чѣмъ кому-либо, заговорили кіевскіе паны и чернецы изъ-за спины православнаго Запорожскаго Войска, котораго послы, увы! прибыли въ Варшаву „въ одной сворѣ" съ новыми протекторами православія — Татарами.

Какъ бы то ни было, но въ Польшѣ боролись уже не люди съ людьми: въ борьбу людей съ людьми вмѣшились боги противъ боговъ, и вопросъ междусословный сдѣлался вопросомъ междуцерковнымъ. Кіевское духовенство заговорило накопецъ языкомъ власти имѣющаго. Тема почиванія предковъ подъ сѣнью созданныхъ и облагодѣтельствованныхъ ими храмовъ была высказана въ „покорныхъ петитахъ" такъ выразительно, какъ будто всѣ наци Святославы, Брячиславы и Метиславы подали изъ-подъ родной земли голоса свои, — высказана была такъ требовательно, какъ будто сонмы здѣль лежащихъ проснулись для рѣшенія старого спора о томъ, чью вѣру слѣдуетъ признавать христіянскою. Въ смѣшанныхъ восклицахъ близкихъ предковъ памъ слышится приговоръ отдаленнѣйшихъ, — приговоръ надъ пристельцами и отступниками: „Вы отнимали духовные хлѣбы у нашего потомства посредствомъ Городельского и другихъ подобныхъ Городельскому, по вашему законныхъ, актовъ. Ваши Ягеллоны, ваши Трассильванецъ Баторій и ваши Шведы Вазы тревожили палъ вѣчный сонъ возглашеніемъ въ русскихъ церквахъ того, отъ кого Русь не принимала вѣры. Пдите же прочь изъ земли, просвѣщенной христіянствомъ, которое проповѣдали и утвердили въ ней Антоній, Феодосій и другіе преподобные мужи Россы, процвѣтавшіе и богословіемъ, и

самимъ житіемъ своимъ. Нѣть вамъ, пришельцы-напастники, нижѣ вамъ, туземцы-отступники, друзья и слуги ихъ, нѣть вамъ удѣла здѣсь, до черты той области, которую присвоили римскому папѣ ваши Войцѣхъ да Владиславы! И вамъ среди нашего вѣрного потомства нѣть удѣла, наслѣдники древнихъ Русичей, сократившіеся въ науку вѣры нѣмецкую, родоначальницу ересей, отвергнутыхъ единою соборною церковью, какъ и „кривая вѣра“ латинская. Нѣть удѣла и вамъ, что сохранили па себѣ лишь образъ древняго русскаго благочестія, духа же его давно отверглись. Ваши отцы и дѣды позволяли дѣтямъ своимъ католичиться и еретичиться, предавая въ руки иновѣрцевъ имѣнія свои и подданныхъ своихъ, а вы стоите иными въ одномъ стану съ иновѣрцами противъ городовъ и селъ, не признававшихъ и не признающихъ васъ ратоборцами церкви и вѣры своей. Изѣдите изъ нашей земли вмѣстѣ съ тѣмъ, на служеніе которымъ выдѣлили вы изъреди себя всѣхъ лучшихъ и всѣхъ худшихъ. Найдутъ себѣ потомки наши иныхъ князей и вельможъ, вѣрою крѣпкихъ, непоколебленныхъ со временемъ крещенія Руси, и будутъ съ пими одно стадо, подъ единимъ пастыремъ, Христомъ“.

Таковъ дѣйствительно былъ приговоръ живыхъ представителей Малороссии отъ лица усопшихъ, сказавшійся въ „покорныхъ пети-тахъ“,— тѣхъ представителей, которыхъ намъ не стыдно называть Малорусскимъ Народомъ,— и этотъ приговоръ оказался безапелляціоннымъ.

Не чуялъ въ душѣ ничего подобнаго глава папихъ отверженцевъ, Адамъ Кисѣль. Склопя короля къ уничтоженію униі, онъ, со всею силою своего краснорѣчія, увѣрялъ его, что самъ онъ, Кисѣль, по милости Божіей, благопріятствуетъ католической вѣрѣ (*kto g j i ja za  ask  Bo a przyjacielem jestem*), и что переходъ изъ обряда въ обрядъ равенъ перемѣнѣ одной одежды на другую. Онъ писалъ, какъ о дѣлѣ, извѣстномъ королю іезуиту, что лѣтъ пятнадцать трудился съ Оссолинскимъ надъ соглашеніемъ православія съ католичествомъ, и что эти труды оперлись о самѣй Римѣ (*i te prace o sam Rzym oparły si *). Онъ, очевидно, считалъ соединеніе малорусской церкви съ польскою только дѣломъ времени, вѣ виду совершившагося уже соединенія папіопальностей. Но католическій Римъ не дѣлалъ попятнаго шага въ своихъ притязаніяхъ, чего бы они ни стоили подчинившимся имъ народамъ, и, какъ увидимъ ниже, потребовалъ отъ своихъ добровольныхъ рабовъ, Поляковъ, защиты „дѣла Божія“, не обращая вниманія на дѣла человѣческія.

Зато и съ другой стороны проявилась необычайная напряженность религиозного, вѣрнѣе сказать — церковного чувства. Кто и благопріятствовалъ до сихъ поръ, подобно Киселю, римской пропагандѣ въ ея апрошахъ, какъ его пріятель, Сильвестръ Косовъ, и тѣ теперь молчали, идучи слѣдомъ за массою кіевскаго духовенства. По общей участии высокихъ идей, осуществляющихся въ низменной средѣ, наше малорусское православіе потеряло много той чистоты, которую сіяло въ трудную для него эпоху Вишенского и Борецкаго: но тѣмъ не менѣе духъ его проповѣди оставался несодчинимъ съ духомъ проповѣди римской, по своей противоположности, и каковы бы ни были наши православники вообще, но между ними не переводились ни такие молчальники, какимъ былъ Исаія Копинскій, ни такие застолпники, какимъ видимъ мы вонючаго въ польско-русской пустынѣ Аѳанасія Филипповича. „Соль земли“ не могла обуять въ Малороссіи, и „свѣтъ міра“ не могъ погаснуть въ удаленныхъ отъ мірской суеты убѣжищахъ богословія.

Знали это римскіе прелаты по многолѣтней стойкости Малороссіи на своей вѣрѣ, и стали въ упоръ противъ нашей національной церкви по вопросу о томъ, чтобы „не быть и самому имѣти учії“. При невозможности покорить русскую схизму духовными средствами, они дѣйствовали средствами вещественными, казуистическими. Они опирались на законы, установленные беззаконно, и говорили: „Увіа съ римскою церковью установлена въ національномъ синодѣ и утверждена святымъ отцомъ: пускай такимъ образомъ и уничтожается“. Другими словами это значило: скорѣе должна погибнуть Польша, чѣмъ прекратиться римское беззаконіе въ Польшѣ. Считая волю святаго отца закономъ, а противящихся ей беззаконными, Поляки сдѣлались патріотами во имя погибельной для нихъ римской политики. Папское знамя замѣнило у нихъ національное, а церковь запяла място государства. Чего боялась при Владиславѣ шляхта, то постигло ее при Янѣ Казимирѣ: Польша перестала быть государствомъ свѣтскимъ, а это вело неизбѣжно къ тому, чтобы она и совсѣмъ исчезла съ карты государства.

Въ послѣднемъ засѣданіи чрезвычайного сейма, 24 декабря, была объявлена церковная война всѣми голосами. Въ ксендзовско-патріотическомъ энтузіазмѣ, правительствующая шляхта рѣшила — не только собирать подати для уплаты регулярному войску, по созвать и посланное рушеніе. Явилось единодушіе въ постановленіяхъ, единодушіе въ пожертвованіяхъ, явилась даже строгость относительно собираянія налоговъ.

Въ отвѣтъ на покорныхъ рѣбіа Хмельницкаго, представлявшія теперь уже ультиматумъ не только Козацкаго, но и Малорусскаго Народа, король отправилъ Украинскому Каммиссару Киселю ультиматумъ панскій, для предъявленія Хмельницкому. Отъ козацкаго гетмана паны требовали, чтобы онъ прежде всего (*ante omissi*) отрекся и отступилъ отъ всѣхъ союзовъ (союзера) съ иноземцами, и чтобы войска свои вѣль туда, куда ему будетъ повелѣно, а именно противъ Порты, еслибы то было нужно. „Ибо онъ“ (писалъ король Адаму Киселю) „зацрѣгъ (*auctoravit*) шею свою въ новыя присяги язычникамъ, и самъ же намъ въ инсѣмъ своемъ хвастливо (*jactanter*) обѣ этомъ сообщаетъ, говоря, что никто этого союза не разорвѣтъ. Вотъ какіе задатки мира со стороны самого Хмельницкаго! Чтѣ же касается вѣры, то такой миръ скорѣѣ можно назвать крайнимъ порабощеніемъ (*extremae imago servitutis*): Русину, который желаетъ быть унитомъ, онъ велитъ быть дизунитомъ“.

На это Кисель могъ бы отвѣтить, что паны, съ королями своими, никому не повелѣвали быть унитомъ, или католикомъ, однако же сдѣлали такъ, что теперь онъ одинъ только изъ православныхъ сидѣть въ сенаторскихъ креслахъ, которыя въ средѣ литовскихъ сенаторовъ принадлежали прежде, за исключеніемъ одного или двухъ, православнымъ и протестантамъ. Но Кисель былъ конфидентомъ Оссолинскаго, Могилы и Косова по тѣмъ трудамъ, которые „оперлись о самыи Римъ“. Онъ высказалъ одну только правду, да и то не королю. Убѣждая Раздѣловскаго, теперь короннаго подканцлера, сдѣлать попытку къ миру и послѣ козацкаго задора, и сожалѣя, что приласкали православныхъ духовныхъ, онъ писалъ: „Скажемъ другу правду: сссратъ насъ духовные съ обѣихъ сторонъ“, и этимъ подтвердилъ слова пьяного Вешняка.

Рядомъ съ достопамятнымъ изреченіемъ обѣ унитахъ, королевскіе совѣтники написали отъ имени короля къ Адаму Киселю слѣдующее: „Чтѣ касается войска, то какая въ томъ справедливость, что нашимъ хоругвамъ и въ собственныхъ стоянкахъ не дозволяютъ сидѣть у линіи, а козаки присвоили себѣ право вымышлять и указывать Ляхамъ границы? А въ новой козацкой милиціи какое это равенство и какая безопасность (*jaka to paritas, jaka securitas*), когда противъ нашей воли и выписчики, и реестровые пользуются свободой и саблей, а Рѣчь Посполитая остается при умѣренномъ войскѣ?“

Паны, строители Польши изъ русскихъ развалинъ, видѣли въ чужомъ глазу сучекъ, а въ собственномъ не замѣчали и бревна. Злоупотребленія нравственнымъ правомъ далеко превышали въ Рѣчи

Посполитой вытеснившиа изъ нихъ злоупотреблениемъ безправиемъ. Увѣренныи въ своей правотѣ, правительственные паны писали теперь отъ имени короля къ Адаму Киселю: съ энтузіазмомъ, достойнымъ благороднѣйшаго дѣла, что „сильно уповаютъ на Бога, подавшаго имъ въ руки мечъ на оборону добрыхъ и покаранье злыхъ“, и повелѣвали Киселю, дождавшись другаго комиссара, Станислава Лянцкоронскаго, потребовать отъ Хмельницкаго въ заложники дѣтей его для обеспеченія комиссіи среди черни и козаковъ. Они надѣялись устрашить Хмельницкаго сеймовыми постановленіемъ о двоякомъ вооруженіи.

Здѣсь надоѣло вспоминать, что въ ихъ средѣ не стало того, кто, какъ видимъ, не напрасно увѣраль на папу, что Поляки больше занимаются борьбой съ гражданами своими за вѣру, нежели безопасностью и чѣлѣстью общаго отечества. Оссолинскій почилъ отъ славныхъ и вредоносныхъ дѣлъ своихъ 9 августа 1650 года. Дошедшіе до насъ пасквили говорятъ, что смерть поздно освободила отъ него Польшу, а соучастникъ шашней его, Янъ Казимиръ, рѣдко бывалъ такъ веселъ какъ въ день его смерти: Оссолинскій унесъ въ могилу не одну тайну могущественнѣйшаго и исподѣдимаго монарха. Канцлерство сдѣлалось теперь достояніемъ лица духовнаго бискупа Андрея Лещинскаго.

Ксендзъ канцлеръ увѣдомлялъ Киселя, что козацкими комиссарами назначены большую частью тѣ, которыхъ онъ самъ предложилъ; что инструкція предстоящей ему комиссіи будетъ двоякой: одна явная, другая тайная; что первая уже готова, но составленіе второй требуетъ больше времени и хлопотъ. По его словамъ, паны искренно желали мира, но готовили и регулярное войско, и послопитое рушение. Если удастся склонить Хмельницкаго къ миру, то оба войска, козацкое и панское, немедленно выступить противъ непріятеля Св. Креста.

Такимъ образомъ Шляхетскій народъ, заплативъ такъ дорого за свое противодѣйствіе Турецкой войнѣ Владислава IV, теперь былъ готовъ осуществить его намѣреніе. Немудрено, что правительственные пигмеи, съ пигмеемъ королемъ во главѣ, стали титуловать униженнаго ими короля Владиславомъ Великимъ.

Отъ 5 января 1651 года Янъ Казимиръ публиковалъ первыя *вицы*, должностновавшія служить и за вторыя, съ тѣмъ чтобы шляхта, по полученіи третьихъ, садилась на коня.

14 февраля посланъ былъ сеномирскій каштеланъ, Станиславъ Витовскій, въ Москву съ просьбою, чтобы царскіе бояре сносились съ королевскими полководцами и дозволили добывать у себя сѣйстные

припасы; чтобы было дозволено польскому войску проходить черезъ Московскую Землю; чтобы донские Татары царскіе ударили на Крымскихъ и Ногайскихъ, когда королевское войско наступить на непріятеля.

Кицель заблаговременно убрался изъ Киева и, въ ожиданіи результатовъ чрезвычайного сейма, жилъ въ своей Гощѣ. Онъ былъ такъ боленъ хирагрою, что писалъ чужой рукою и, между прочимъ, хлопоталъ о пожалованіи ему богоугодскаго староства, выставляя свою *циноту* въ такомъ видѣ, что возбуждалъ смѣхъ даже въ варшавскихъ своихъ пріателяхъ. Онъ спекулировалъ любовью къ отечеству до самой смерти, и въ этомъ смыслѣ былъ истинный Полякъ, о которомъ русскій поэтъ сказалъ:

„Не вѣрю чести игрока,
Любви къ отчизнѣ Поляка“.

Въ числѣ подвиговъ, которыми Кицель гордился и которые паны, по своей женской довѣрчивости, считали чѣмъ-то серьознымъ, были его переговоры съ Хмельницкимъ. Изъ Гони опять уведомлять короля, что убѣдили Хмельницкаго отказаться отъ своего „новаго, несноснаго требованія въ его петиціи и отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій“, причемъ представлять изобрѣтенные имъ средства, какими возможно умиротворить его сумасбродное варварство (*vesanam barbariam*) по предмету вышеозначенной просьбы. (Такъ относился Кицель къ церковной унії). Онъ разославъ универсаль и къ обывателямъ Киевскаго воеводства, обнадеживающій ихъ въ успѣхѣ его комиссарскихъ внушеній тому, кто столько разъ уже и словомъ, и самимъ дѣломъ заявилъ, что удовлетворится только тогда, когда погубить и самое имя польское. Въ качествѣ „охранителя мира“, какъ величалъ себя Кицель, онъ былъ похожъ на слѣпаго сторожа горючихъ матеріаловъ. Король писалъ къ нему, что козаки хояйничаютъ и за линіей, а съ другой стороны наказный брацлавскій полковникъ, Кривенко, еще въ ноябрѣ жаловался брацлавскому воеводѣ, Лянцкоронскому, на пановъ-жолнеровъ, что они переходятъ за козацкую линію, берутъ провіантъ, грабятъ людей, причиняютъ козакамъ нестерпимыя обиды и называютъ своими мѣстечки Морахву, Красное и другія, уступленныя козакамъ по Зборовскому договору. Теперь же по всей Польшѣ тысячи голосовъ повторяли слова королевскаго воззванія: „Уповаемъ сильно на Бога, подавшаго намъ въ руки мечъ на оборону добрыхъ и на покаранье злыхъ“, разумѣя подъ добрыми шляхту и католиковъ,

а подъ злыми—козаковъ и схизматиковъ. Недоставало только несчастнаго случая, чтобы горючие материаы воспламенились.

Слова Вешняка и слова Киселя, сказанныя однимъ въ пьяномъ, а другимъ въ трезвомъ видѣ о духовенствѣ, ссорящемъ вооруженный массы съ панской и съ козацкой стороны, поясняютъ многое въ исторіи Польской Руины. Мы знаемъ, какъ давно козаки начали хлопотать о томъ, чтобы поднять и мѣщанъ и селянъ противъ *душмановъ* и *душихватовъ*, вообще—противъ Ляховъ не только римской и нѣмецкой, но и русской вѣры. Послѣднихъ они обрекли на изгнаніе и на истребленіе не за вѣру и не за панство, а за то, что ихъ русскія кости обросли польскимъ мясомъ. Злостные послѣвы въ сердцахъ поспольства, какъ со стороны поповствующихъ, такъ и со стороны козакующихъ, принесли теперь обильный урожай, и потому-то Хмельницкій войну за свои личныя обиды соединилъ съ войной за христіанскую вѣру.

То же самое происходило и съ противной стороны. Боги къ богамъ всегда завистливы. Были завистливы и всѣ творившіе боговъ по образу своему и по подобію. Но никогда божеская зависть не доходила до такихъ крайностей, какъ въ католическомъ свѣтѣ XVI и XVII столѣтій. Ни гдѣ и никогда не являлась она среди Славянъ въ такомъ погибельномъ безсмыслѣ, какъ въ Польшѣ. При Владиславѣ IV въ слѣдствіе терпимости королевскаго правительства, она упала было до того, что католическая шляхта даже на сеймѣ проклинала папу. Но іезуитъ-король во всемъ потакалъ духовенству и его дикой политикѣ, а Хмельницкій, взявши кровавой рукой чистое знамя малорусскаго православія, подливалъ масла въ пылающій фанатизмъ католической партіи.

Варшавскій Анонимъ, очевидно ксендзъ, вписалъ въ исторію Польскаго Разоренія краснорѣчивую страницу, когда пришлось ему описывать чрезвычайный сеймъ. По его взгляду на католичество и православіе, даже Кисель былъ врагъ римскаго папы, и письмомъ, убѣждающимъ короля къ церковнымъ уступкамъ, оскорбляль религіозное чувство Поляковъ.

„Въ этомъ письмѣ“ (говоритъ онъ) „духъ схизмы бѣть на уніатскую вѣру, такъ какъ и самъ онъ былъ схизматикъ. Кисель говоритъ: пускай восточная и западная церковь будутъ одна огчарня: ибо глава обѣихъ—Христостъ, преемство у обѣихъ идетъ отъ апостоловъ, одни святые учители и одно ученіе; одна безъ другой не можетъ существовать; въ церемоніяхъ и обрядахъ различаются по различію языковъ, но это не бѣда, когда онъ имѣютъ: одни основанія и начала отъ

Господа Христа; и для чего же пороть Христову ризу не сшитую, называя (послѣдователей той и другой) унитами и дезунитами? для чего раздѣлять церковь, которую соединилъ Богъ? Когда мы примемъ и утвердимъ это основаніе, то не будетъ разницы въ словахъ, не будетъ и диссidenціи между народомъ, исчезнетъ соревнованіе, прекратится война.

„Кисѣль“ (продолжаетъ фанатикъ) „призвалъ во свидѣтели тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ трудились надъ Зборовскимъ миромъ: они де согласились на уничтоженіе имени унії, но исполнить это обѣщали его товарищи словесно, не включая въ публичный документъ мира, дабы это было благодѣяніемъ согласнаго отечества, не вынужденнымъ козацкою воиною. Если де стоять этого тридцать уніятскихъ церквей, чтобы разорить и опустошить нѣсколько тысяч храмовъ благочестивыхъ, и чрезъ то погубить миллионы христіанскіхъ душъ; если эта малая лѣтороль, отщепленная отъ греческой и не приростая къ римской, будетъ разумнымъ основаніемъ такой тяжкой войны, то лучше теперь совѣщаться о безопасности жизни и здоровья, а потомъ, успокоивъ отчизну, созвать на это синодъ, удовлетворяя волю духовенства, и на немъ обсудить это различіе“.

„Вѣ отвѣтъ на это“ (говоритъ Анонимъ) „подпялся страшный крикъ въ Посольской Избѣ (не въ Сенаторской, состоявшей на половину изъ бискуповъ, а въ Посольской, гдѣ засѣдали представители свѣтской шляхты)“. Какъ козелъ не будетъ бараномъ (закопила шляхта), такъ схизматикъ не будетъ искреннимъ охранителемъ католической вѣры; а тотъ, кто принадлежить къ одной и той же вѣрѣ съ хлопами, не можетъ оборонять шляхетскія вольности. Вѣра это даръ Св. Духа; Духъ Святый это іероглифъ вольности: гдѣ хотѣть и какъ хотѣть, даетъ онъ вдохновеніе. Какъ! для схизматиковъ да для обжорства и бунтовъ глупаго хлопства, сдѣлать невольниками шляхту и не дозволить имъ такъ вѣровать, какъ повелѣваєтъ Святый Духъ, а такъ (пусть вѣрютъ), какъ предисыпавшіе сумасшедшія и пьяная голова Хмельницкаго, подъ предлогомъ обороны вѣры (*pretext zmusziszy obrony wiary!*)! Вотъ какой проявился новый докторъ чертовской академіи! Недавно выпущенный на волю чернорабочій хлопъ отнимаетъ у Поляковъ даръ Божій, святую вѣру. Если не нравится (имъ) слово унії, то (намъ) не нравится схизма. Пускай же отрекутся учепія своего схизматика патріарха, оскверненнаго аріанскими ересями безумца, посвященнаго бисурманской властью, и всѣ соединятся съ западною церковью и назовутся правовѣрными: на это Польша согласится легко, а Кисѣль, киевскій воевода, пускай не будетъ проповѣдникомъ козац-

каго ученія, если хочетъ быть въ числѣ польской шляхты, а не въ звіонізмѣ козацкаго бунта!"

Вотъ подъ какимъ знаменемъ выступила паконецъ Польша! подъ знаменемъ развратителей ея государственности, общественности и се-
мейности. Свободный паче всѣхъ народовъ Шляхетскій Народъ не признавалъ свободы совѣсти въ томъ народѣ, который раньше его принялъ христіанство, и даже родоначальниковъ польского имени ви-
дѣлъ крещенными по обряду церкви греческой. Признавъ девизомъ своимъ религіозную петерпимость и проповѣдую вѣру, какъ магоме-
тане, съ мечемъ въ руки, Поляки оправдали козацкое вмѣшательство въ церковныя дѣла, и поставили московскаго царя въ необходимость от-
стаивать присвоиваемые папистами владиміровскіе и ярославовскіе храмы.

Но въ составной польской націи было много иновѣрцевъ-инопле-
менниковъ, которые худой миръ предпочитали доброй ссорѣ, и опи-
то способствовали образованію комиссіи для перегоржекъ съ Хмель-
ницкимъ. Съ другой стороны и между козаками были такие, которые
высказывали втайнѣ, что Хмельницкій посягаетъ на то, что ему не слѣдуетъ по народному праву, и долженъ самъ нести отвѣтственность
за свое предпріятіе, они же готовы отстать отъ него, лишь бы на-
слаждаться спокойствіемъ. Искрушеніемъ Хмельницкій увлекъ на свой
путь однихъ, а терроромъ принудилъ идти за собой другихъ; но про-
житыя съ панами столѣтія дѣлали въ Малороссіи свое дѣло, и многие
изъ нашихъ предковъ, козаковавшихъ по волѣ и по неволѣ, огляды-
вались назадъ съ сожалѣніемъ и раскаяніемъ. Этихъ людей Хмель-
ницкій зналъ; онъ ихъ вокругъ себя чуялъ; онъ ихъ боялся,—и вотъ
почему, стоя во всеоружії новаго покушенія на пановъ, или какъ онъ
выражался по-козацки, на Ляховъ, не отказывался отъ мирныхъ пе-
реговоровъ. Притомъ же у него, какъ у демагога, не все ладилось одно
съ другимъ. Турки потому содѣйствовали его союзу съ Татарами, что
неудачи Венеціянской войны пугали ихъ; а Татары потому ладили съ
нимъ, что не смѣли ослупиться султана. Но ханъ долго не согла-
шался лично участвовать въ новой войнѣ съ панами, и отправилъ къ
нему въ помошь пурэддинъ-султана съ 10.000-мъ отрядомъ, давъ при
этомъ пурэддину тайный наказъ избѣгать сраженій и состоять при
Хмельницкомъ лишь въ качествѣ стражи; только въ случаѣ крайней
опасности, обѣщалъ ханъ прійти къ козакамъ на помощь со всей
ордою, когда наступитъ весна.

Съ обѣихъ сторонъ, съ панской и съ козацкой, дѣла стояли въ
такомъ сомнительномъ положеніи, что иногда склонялись, повидимому,

къ миру, а иногда—къ войнѣ. Кто чего сильно желалъ, тотъ и вѣровалъ—или въ возможность мира, или въ неизбѣжность войны.

Нолагаясь на обѣцаніе хана и на вспомогательный отрядъ его втораго соправителя, Хмельницкій, въ февралѣ, выступилъ изъ Чигирина и направился къ Бару. Слухъ о томъ, что Козацкій Батько идетъ *кончить Ляхів*, поднялъ па ноги всю малорусскую голову, чаявшую такъ называемаго „панскаго добра“. Оборванны мечтали о кармазинныхъ жупанахъ, богоугодие говорили, какъ поютъ у насъ и донынѣ объ уманскихъ гайдамакахъ:

„Будемъ драти, пане брате,
Съ китайки опучі!..“

бывшіе *грешности* вдохновлялись подвигами Перебійноса и Морозенка.

Оставляя безъ вниманія королевскихъ комиссаровъ, козаки старались предупредить соединеніе панскихъ войскъ. Но это имъ не удалось. Главное начальство надъ войскомъ, сколько было его въ готовности, король поручилъ полевому гетману, Мартину Калиновскому, а Потоцкаго удержалъ при себѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему необходимы совѣты главнаго сепатора, но правдоподобиѣ, какъ были слухи, потому, что не довѣрялъ его распорядительности. Впрочемъ коронные гетманы, враждовавши и теперь одинъ съ другимъ, какъ подъ Корсунемъ, не были и порознь одни лучшіе другаго. Потоцкаго одолѣвала дряхлость, Калиновскаго—запальчивость.

Очутясь, по милости короля, главнокомандующимъ, Калиновскій стянулъ войско къ Бару и, узнавъ, что мужики бунтуютъ въ Браиловщинѣ, рѣшился разгнать ихъ козакуюю цію купы. 19 (9) февраля выступилъ онъ изъ Бара по направленію къ Ліндамъ, съ цѣлью преградить путь непріятелю. Остановясь вечеромъ въ мѣстечкѣ Станиславовѣ, онъ узналъ, что браиловскій полковникъ, Нечай, одинъ изъ главныхъ бунтовщиковъ, котораго козаки считали первымъ лицомъ послѣ Хмельницкаго, занялъ мѣстечко Красное, принадлежавшее, по Зборовскому договору, къ панской территории, а не къ козацкой, какъ воніялъ паказный Нечай.

Въ порывѣ запальчивости, Калиновскій былъ неустранимый воинъ. Его терзало воспоминаніе о Корсунскомъ погромѣ, вину котораго приписывалъ онъ справедливо Потоцкому. Не завися теперь отъ его старшинства, полевой гетманъ кипѣлъ жаждою боя, какъ юноша. Таковъ былъ въ своемъ гайдамачествѣ и полковникъ Нечай, съ придачею вдохновительнаго пьянства. Не обращая вниманія на

цѣлое войны, оба полководца въ смѣломъ ударѣ видѣли всю ея сущность, и вотъ они столкнулись, — пань, исключавшій козака изъ жизни и ея правъ, какъ разбойника, козакъ, исключавшій пана, какъ Лаха и душмана.

Подъ начальствомъ Калиновскаго воевали теперь многие шляхти съ древними, прославленными именами, обездоленные нечаевцами, изгнанные изъ предковскихъ земель, ожесточенные кровавыми утратами. Войска у него было всего 12.000; но еслибъ оно свою жажду возмездія вдохнуло носилогамъ, козаки были бы истреблены до ноги, какъ они желали истребить всѣхъ дѣйствительныхъ и номинальныхъ Лаховъ.

Выступленіе Нечая за козацкую линію Калиновскій считалъ достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы возобновить Збаражскую и Зборовскую войну. Въ сущности война и не прекращалась, но кипѣла глухо, какъ отодвинутый отъ жару горшокъ. Теперь она заклокотала попрежнему.

Въ авангардѣ отправилъ коронный гетманъ брацлавскаго воеводу, Станислава Лянцкоронскаго, и въ понедѣльникъ, на масленицы, выступилъ изъ Станиславова съ главнымъ войскомъ. Нечаевцы не предполагали въ панахъ такой быстроты, и спокойно занялись привожаньемъ своей пьяной масляницы. Козацкая пѣсня, въ свободѣ своего творчества, заставляетъ и куму Нечая, гетманшу Хмельницкую, бражничать съ козаками. Когда ему донесли, что идутъ Лахи, —

Козакъ Нечай Нечаенко
На те не вважае,
Ta съ кумдю съ Хмельницкою
Медъ-вицѣ кружаде.
Бо постѣтивъ Нечаенко
Три сторожі въ мѣсті,
А самъ пайшбѣ до күшонъки
Щуку-рыбу юсти...

На Русичей шли Русичи, на православныхъ — большою частью православные. Въ авангардѣ Лянцкоронскаго, потомка козацкаго гетмана, были: черкасскій староста, братъ Адама Киселя, улановскій староста, представитель недавно еще православныхъ Несочинскихъ (по-польски звавшихся теперь Писечинскими), и другіе русскаго происхожденія паны. Иирия съ козаками въ Красномъ, Нечай не обратилъ вниманія на появленіе въ мѣстечкѣ Лаховъ. Онъ думалъ, что это пришелъ къ нему изъ Мурахвы сотникъ Шпакъ. Но вскочить

на коня и броситься въ свалку было для него дѣломъ одной минуты. Пѣсня, не умолкающая въ Малороссіи донынѣ, восхвалила знаменитаго лыцаря словомъ крилатымъ:

Ой не встигъ же Нечайенко
На юники счастіи,
Тай ставъ Ляхівъ, вражихъ сыновъ,
Якъ юники класти...

а славный современный мемуаристъ, участвовавшій въ походѣ, пишетъ, что хоть овь бытъ навеселѣ, но, вскочивъ на коня, сталъ сражаться, какъ подобало храброму юнаку, и первачемъ своимъ подгонялъ козаковъ къ бою. Но, среди беспорядка и суматохи, не могъ Нечай организовать сопротивленія и, мужественно защищаясь, образцовый гайдамака, слава и краса козачины, палъ въ битвѣ со многими козаками.

Въ популярномъ Нечай Хмельницкій потерялъ столько же, какъ и въ образованномъ попоземному Кричевскому. За серебряный первачъ козацкаго лыцаря ссорились потомъ гетманъ Калиновский съ воеводой Лянцкоронскимъ, какъ за трофеи, достойный спора коронныхъ полководцевъ, и это лучшее, что козаки могли бы отмѣтить въ исторіи славы своей; по они были такие варвары, что ихъ сыновья и внуки, желая славить отцовскіе и дѣдовскіе подвиги, только лгали про нихъ, и потому любителю правды осталось угадывать ее только въ сказаніяхъ козацкихъ враговъ, среди естественныхъ предубѣждений. До Варшавскаго Анонима дошелъ о Нечай такой слухъ, что съ нимъ было 3.000 козаковъ ветерановъ, кромѣ мѣщанъ; что панскій авангардъ очутился было среди нихъ въ отчаянномъ положеніи, но къ нему подоспѣлъ Косаковскій, командовавшій брацлавскою шляхтою, которую вечаевцы повыгнали изъ ея домовъ; что всѣдѣ за Косаковскимъ прибыли драгуны, вырубили палисадъ, за jakiли мѣстечко и выручили своихъ передовиковъ, „почти уже погибшихъ“ въ торжествѣ надъ Нечаемъ. Обороняя брата Данила, погибъ и Матвѣй Нечай. Шляхетскій мемуаристъ приписываетъ славу победы надъ знаменитымъ козакомъ какому-то Добосѣцкому, который де едва не схватилъ его живьемъ, но къ Нечаю страшно было приступить и Добосѣцкій застрѣлилъ его. Кобзарская Иліада поетъ, что Лахи застрѣлили Нечая серебряной пуговкой, яко характерника, котораго пуля не брала. Мемуаристъ не могъ отказать шляхетскому сердцу въ отрадѣ: по его разсказу, падшаго наконецъ Нечая изрубила саблями

шляхта, изгнанники Брацлавского воеводства, какъ хищника имѣній своихъ (jakъ wydzierze fortun swychъ).

По разсказу Освѣтіма, участвовавшаго въ походѣ Калиновскаго, знатные козацкіе сотники Гавратынскій, Красносельскій, братъ Нечая (Иванъ), Стѣпѣд (Білюченко) и другіе, съ значительнымъ количествомъ стрѣлковъ, отступили въ замокъ. Къ замку можно было приступить лишь со стороны става, по и тамъ защищали замокъ подъланыи во льду проруби. Все-таки гетманъ послалъ ишоземную пѣхоту на приступъ, не давая козакамъ опомниться отъ первого удара. Козаки отразили приступъ. Тогда папская кошица, спѣшившись, поддержала пѣхоту, и съ распущенными знаменами взбѣжала на валы. Не помогло и это. Битва была отсрочена до слѣдующаго дня. Съ разсвѣтомъ начался новый приступъ; спѣшившіеся всадники помогали пѣхотѣ; гетманъ командовалъ приступомъ лично; подъ нимъ даже былъ раненъ конь. Но сколько ни горячился Калиновскій, жолнеры къ вечеру выбились изъ силъ, и ночь опять развела сражавшихся. Козаки, однакожъ, потеряли увѣренность въ себѣ, и ночью многіе пытались бѣжать. Не вписаный въ козацкій реестръ ихъ сотникъ, шляхтичъ Гавратынскій, попалъ въ плѣнъ и былъ потомъ разстрѣленъ. Жидкевичъ (или Жидовичъ), писарь Нечая, также попалъ въ плѣнъ, но впослѣдствіи былъ освобожденъ.

Гетманъ отправилъ однѣхъ хоругви за бѣжавшими, а другіе вошли въ замокъ и тамъ изрубили всѣхъ козаковъ, какъ видно по разсказу, павшихъ съ оружиемъ въ рукахъ. Когда кровопролитіе кончилось, жолнеры нашли Нечая во гробу, падь которымъ стояли попы и, не обращая вниманія на тревогу, молились объ упокояніи души козацкаго лыцаря.

23 (13) февраля коронный гетманъ сжегъ въ Красномъ городѣ вмѣстѣ съ замкомъ, и двинулся въ Мурахву, где собралось 2.000 козаковъ подъ начальствомъ сотника Шпака, котораго украинская пѣсня представляетъ виновникомъ оплошности Нечая:

Якъ заквілить-крайки пугачъ
Ізъ тѣмного гаю:
Загукали козаченьки:
Втѣкаймо, Нечаю!
Не честь мені, не подоба
Заразъ утекати,
Славу мою козацькую
Підъ ноги толкати.

Есть у мёне Шпакъ Шпачёнко,
Козакъ вдовичёнко;
Ой той дасть Нечаю знати,
Коли уткàти.

Если шляхта столь часто помышляла о бѣгствіѣ, то козаки, родные чада шляхты, думали о немъ еще чаще, и въ такихъ случаяхъ оказанные города свои оставляли на произволъ судьбы. Шпакъ Шпаченко убрался изъ Мурахвы куда-то къ Днѣстру, который прежде былъ сѣдальщикомъ шляхетской, а теперь сѣдался притономъ козацкой вольницы, яко рѣка пограничная. Мѣщане и мужики прозелиты козачини затворились было въ городѣ, однакожъ, не могли стоять противъ жолнеровъ и перешли изъ города въ замокъ. Здѣсь опять они сплоховали, выдали пушки и порохъ, принесли присягу и представили одного изсереди себя, какъ зачинщика бунта; наконецъ просили гетмана оставить у нихъ въ замкѣ гарнизонъ, который бы защищалъ ихъ отъ своеольныхъ людей. Но разбой и грабежъ былъ давнишнію болѣзнью Рѣчи Посполитой Польской, особенно въ Украинѣ. Возстановители порядка, панскіе жолнеры, начали разбивать коморы, грабить провизію, медъ и все прочее совершенно такъ, какъ это дѣлали нарушители онаго, козаки, со временемъ Грѣнковича, Касинскаго и Наливайка. Между гетманомъ и воеводою началась ужессора за Нечаевъ периачь, и недавній татарскій плѣнникъ, въ пику герою Збаражскаго осаднаго спѣйнья, велѣлъ повѣсить одного изъ его жолнеровъ.

По словамъ лучшаго изъ польскихъ мемуаристовъ, Калиновскій усмирилъ жителей Мурахвы лишь настолько, „насколько это было возможно въ то время“. Житейское море въ Рѣчи Посполитой было воздвигаемо бурею напастей съ разныхъ сторонъ, и тихое пристанище обрѣли наконецъ только вспѣявши къ Тишайшему Государю, да и въ его страну козаки внесли волненіе, продолжавшееся до временъ Екатерины Великой.

Февраля 27 (17) войско двинулось въ Шаргородъ. „Мѣщане этого города“ (пишетъ Освѣцімъ) „заботились заблаговременно своимъ безо опасностью: за два дня до прихода войска, они прислали къ гетману изъявленіе своей покорности и высказали готовность, какъ вѣрные королевские подданные, впустить войско въ городъ. Обѣщанія свои они действительно сдержали. Когда войско простояло иѣсколько дней на квартирахъ въ Шаргородѣ, прибыла къ гетману депутація отъ мѣщанъ изъ Чернівецъ съ заявлениемъ готовности выдать ору-

жіе и принести присягу вѣрности; точно такъ же поступили и другіе близлежащіе города.

Повторялось то же явленіе, что и во времена похода Жовковскаго за Сулу. Бѣдный народъ не зналъ, какъ ему быть между двухъ силъ, изъ которыхъ одна была своя, съ примѣсью польщины, а другая своя, съ примѣсью татарщины. Противъ первой вооружали его, безъ сомнѣнія, натерпѣвшіеся отъ упіи и отъ могилянъ попы; противъ другой не вооружалъ его никто, но козаки были друзья только до чернаго дня, и, кромѣ того, за козакованье съ козаками приходилось ему рано или поздно считаться съ панами, а не то—платить Ордѣ за ся помошь противъ пановъ своими женами, дѣтьми и самими собою.

Но какъ бы ни были правы, даже святы, паны въ собственномъ сознаніи и во мнѣніи католической Европы передъ русскимъ населеніемъ Польши,—казуистическое насліе общаго ихъ правительства надъ русскою совѣтствомъ по отношенію къ благочестивымъ предкамъ и грекорусской старинѣ отчуждало ихъ на вѣки отъ участія въ тѣхъ правахъ па обладаніе древнимъ русскимъ займищемъ, которыя присвоивали себѣ исключительно люди вѣры христіянской, а такими людьми, по національному, выработанному малорусской церковью воззрѣнію, были только тѣ, чьи русскія кости не обросли польскимъ мясомъ,—тѣ, которые не ходили на совѣты печестивыхъ, не стояли на пути грѣшныхъ, не сидѣли на сѣдалищахъ губителей; нечестивыми же, грѣшными и губителями, по суду агонскихъ да пещерскихъ мужей Россовъ, вынесшихъ въ цѣлости напу національность изъ потопной польщины, были, какъ мы уже знаемъ, всѣ князья и всѣ паны безъ исключенія. Не понимаютъ, не хотятъ понять этого полономаны и въ наше время; а въ тотъ хаотическій вѣкъ мудрено было понять правду подобнаго суда Калиновскимъ, Лянцкоронскимъ и Кисѣлямъ. Они только видѣли, что прутъ противъ рожна, и ихъ раздражительность, равно какъ и ихъ снисходительность, кротость, уступчивость были одинаково для нихъ вредоносны. Тотъ же самый народъ, который въ одномъ городѣ казался имъ довѣрчивымъ, въ другомъ съ ними лукавилъ, а въ третьемъ являлся дикимъ. Кто правилъ умомъ и чувствами миллионной массы въ ея перемѣнчивости, никогда бы паны не доискались, потому что сказанное теплотомъ слово дѣлало съ нею дивныя превращенія.

Въ началѣ римскаго марта Калиновскій двинулся къ Стінѣ, въ которой заперлись козаки и мужики изъ разныхъ другихъ мѣстечекъ. На походѣ встрѣтило его двое мѣщанъ изъ Стіни съ просьбою о мирѣ.

отъ всѣхъ жителей, и взялись проводить панское войско. Но въ окрѣжившіе Стіну хутора набѣжало множество мужиковъ, вооруженныхъ самопалами, луками и другимъ оружиемъ. Они стали стрѣлять, произносили угрозы, крутили Ляхамъ дѣлі *) и даже выставляли заднія части тѣла. Долго это христолюбивое воинство защищало входъ въ хутора и въ нижній городъ, наконецъ его прогнали, овладѣли хуторами и нижнимъ городомъ. Защитники вижняго города отступили въ верхній, обороняемый мѣстоположеніемъ. Попытка взять его приступомъ оказалась безуспѣшною. Начались переговоры. Осажденные предлагали окупъ въ 4.000 злотыхъ и просили гетмана пощадить ихъ, увѣряя, что они—вѣрные подданные калусского старосты, Яна Замойскаго. Видя, что силой нельзя съ ними ничего сдѣлать, Калиновскій согласился на контрибуцію, и удовлетворился только тѣмъ, что потребовалъ отъ нихъ присяги. Но, присягнувъ, мѣщане доставили только 1.000 злотыхъ. По общему совѣту, гетманъ возвратилъ имъ эти деньги.

Неизвѣстно, что было говорено на панской радѣ, но дальнѣйшіе поступки пановъ были верхомъ безразсудства. Отступивъ къ Черніевцамъ, они оставили въ одной долинѣ близъ города засаду. Ничего не опасаясь, мужики вышли изъ города на опустѣвшее панское ставовище. Тогда жолнеры бросились на нихъ изъ засады съ татарскимъ крикомъ *Галла! Галла!* и перебили ихъ до полусотни.

„Въ тотъ же день“ (пишетъ Освѣцімъ) „гетманъ послалъ полки князя воеводы русскаго и папа короннаго хорунжаго въ мѣстечко Ямполь. Они захватили Ямполь ночью въ расплохъ, перерѣзали поголовно всѣхъ жителей и овладѣли богатою добычей; а войско, отступивъ отъ Стіны, расположилось на трехдневный отдыхъ въ Черніевцахъ“.

Другой мемуаристъ, называемый мною Анонимомъ, не только не видѣлъ въ этомъ актѣ безразсудной свирѣпости, но распространился о немъ сочувственно, точно напи историки о свирѣпости козацкой.

„Лянцкоронскій“ (пишетъ онъ) „вознамѣрился овладѣть Ямполемъ, гнѣздомъ, какъ волоцкихъ, такъ и нашихъ разбойниковъ, а между тѣмъ пошла молва, что гетманъ Калиновскій двинулся подъ Винницу. Лянцкоронскій подступилъ къ Ямполю секретно: ибо секретъ на войнѣ—душа триумфовъ, да и въ мирное время секретъ хорошее дѣло, потому что, разгласивъ, что думаешь, рѣдко задуманное сдѣлаешь.

*) Показывали кукиши обѣими руками, вертя одну вокругъ другой, что выражало крайнее ругательство.

Курица кудахчетъ, снеся одно яйцо, а ястребъ ловить птицъ потихоньку. Поэтому Ямполь ничего не опасался, да еще на то время собралась тамъ ярмарка. Тихохонько подошли хоругви и вступили въ отворенные ворота. Мѣщане только что проснулись, и стали отворять крамные коморы (*kramy*), какъ рынокъ, наполнился польскимъ войскомъ. Ударили въ колокола, крикнули на оборону, но Поляки стояли уже съ голыми саблями надъ шеей. Все-таки мѣщане хотѣли защищаться, а прѣѣзжіе бросились толпой бѣжать, но мостъ на рекѣ обрушился. Обороняющіеся мѣщане были перебиты; ограбленный городъ былъ зажженъ, а сколько ямпольскихъ мѣщанъ и гостей заходящее солнце оставило въ покой, всѣхъ напло оно вырубленными. Погибло тамъ десять тысячъ народу обоего пола, въ томъ числѣ и три полка бунтовщиковъ. Достатки ихъ расхватала жолнерская челядь".

Что эти похожденія были дѣломъ произвола Калиновскаго и Лянцкоронскаго, видно изъ письма Адама Киселя, которымъ онъ старался ослабить впечатлѣніе, какое они должны были сдѣлать въ Украинѣ.

Называя Хмельницкаго милостивымъ паномъ гетманомъ, любезнымъ паномъ и братомъ, Кисѣль писалъ, что отъ начала вселенной, „при костелѣ, а по нашему при церкви Божіей“, злой духъ устраиваетъ свою капеллу; что онъ, Кисѣль, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, постоянно хлопоталъ о томъ, какъ бы спасти отъ гибели послѣднюю горсть Русскаго Народа (одинъ ополячивая, другой отатаривая); что Хмельницкій вѣрноподданнически *горовалъ* (*hogował*) и трудился для того, чтобы потушить вспыхнувшій пожаръ, но что Нечай, которому де нынѣ да оставить Господь его прегрѣшенія, привыкъ было, безъ гетманскаго вѣдома, творить всякое зло: зазывать Татаръ противъ соотечественниковъ, проливать кровь, избивать шляхту. „Такъ и въ послѣднее время“ (писалъ Кисѣль) „онъ овладѣлъ артиллеріей въ Брацлавѣ, двинулся къ Ліпцамъ и напалъ на квартиры польского войска, понося письмами и на словахъ знатныхъ вождей и гетмановъ“. Узнавъ де объ этомъ столкновеніи и имѣя въ виду охраненіе мира, онъ, Кисѣль, удержалъ королевскими именемъ полеваго гетмана и брацлавскаго воеводу отъ дальнѣйшаго движенія за пограничную черту, и теперь комиссія спокойно ожидаетъ начала своего дѣйствія, а онъ де, Кисѣль, и полевой гетманъ, котораго письмо къ Хмельницкому при семъ прилагается, считаютъ миръ ненарушеннымъ. Когда комиссія откроется, брацлавскій воевода предъявить въ ея засѣданіи *плюгавыя* письма и угрозы Нечая. Король де глубоко сожалѣеть объ этомъ поступкѣ и о возникшейсссорѣ, но уверенъ, что все это случилось безъ вѣдома Хмельницкаго, и желаетъ, чтобы комиссія поскорѣе начала

свои дѣйствія, дабы собранныя военные силы соединились противъ общаго врага. Гонцу своему Кисѣль назначилъ срокъ до 12 римскаго марта, и если де къ этому сроку не получить отвѣта, то потеряетъ всякую надежду на комиссію и на миролюбивое окончаніе дѣла.

Это письмо было писано за два дня до истребленія Ямполя, такъ что оно могло прійти къ Хмельницкому одновременно съ извѣстіемъ о подвигѣ Лянцкоронскаго. Но раньше, или позже достигло оно своего назначенія, Хмельницкій былъ готовъ къ вѣстямъ о началѣ войны. Онъ вызывалъ ее всѣми неправдами, и, однакожъ, этой грязной душѣ было приятно или нужно представляться чистою. Козацкій Батько отвѣчалъ панскому Нестору, — что онъ (Кисѣль) обеспечилъ его (Хмельницкаго) комиссіей и миромъ, а между тѣмъ брата своего отправилъ воевать вмѣстѣ съ Калиновскимъ и Лянцкоронскимъ. За эту де кривду и полегъ братъ его (писано послѣ того, чтѣ произошло подъ Винницѣ), котораго (писалъ Хмельницкій) „мы жаль, какъ великаго рыцаря и моего пріятеля; но самъ онъ того хотѣлъ. И такъ какъ Ляхи начали войну, то и насытятся ею (bѣda jѣj syci)“.

Въ знакъ разрыва дружескихъ отошенній (увѣдомляя Кисѣль одного изъ своихъ пріятелей) Хмельницкій продалъ въ свою пользу 2.000 мѣръ его жита за нѣсколько десятковъ тысячъ златыхъ. Но Кисѣль былъ такой запасливый хозяинъ, что и послѣ этой потери отправилъ обозъ хлѣба въ лагерь короннаго войска.

Междудѣмъ Калиновскій держалъ военную раду и, по ея решенію, выступилъ, 6 марта, изъ Чернівецъ въ Винницу. Войско шло черезъ Мурахву, Красное, и 10 марта остановилось на ночлегъ въ Сутискѣ. Въ ту же ночь гетманъ отправилъ впередъ къ Винницѣ брацлавскаго воеводу съ его полкомъ на рекогносировку. Отъ захваченныхъ на пути языковъ Лянцкоронскій узналъ, что въ Винницѣ расположился, въ видѣ гарнизона, кальницкій полковникъ Богунъ съ 3.000 козаковъ. Калиновскій ускорилъ походъ свой, несмотря на глубокий снѣгъ. Такъ какъ козаки не поставили сторожеваго отряда за мостомъ, то паны ворвались въ предмѣстія неожиданно. Конные и пѣшия козаки вышли на рѣку Богъ, покрытую льдомъ, въ которомъ они заблаговременно надѣлали прорубей, незамѣтныхъ теперь подъ тонкимъ слоемъ льда и спѣгомъ. Лянцкоронскій съ хоругвями черкасскаго старости, Юрія Киселя, и новгородскаго подстолія, Николая Мелешка, также Русина, бросился на козаковъ, не осмотрѣвъ мѣстности. Онъ и самъ насилиу выбрался изъ проруби, а Кисѣль, Мелешко, одинъ поручикъ, то-есть панскій намѣстникъ въ походѣ, и много товарищѣй-жолнеровъ погибли. „Тѣло Киселя“ (пишеть Анонимъ)

„лежало потомъ непогребенное козаками, хоть онъ былъ и одной съ ними вѣры“, а звенигородскій староста Гулевичъ (Русинъ), въ письмѣ къ пріятелю изъ-подъ Винницы, прибавляетъ, что его сѣли собаки, осталась только голова и рука, такъ трудно было подступить къ нему осаждавшимъ Богуна.

„Козаки“ (рассказывасть Освѣцімъ) „взяли знамя воеводы и оба наменъ и хоругви. Хоругви отступили въ беспорядкѣ къ замку, который между тѣмъ заняли драгуны, и расположились вокругъ его укрѣпленій, но сильно страдали отъ выстрѣловъ козацкой артиллериі. Потомъ уже отыскали Лянцкоронскаго, который, выкарабкавшись изъ проруби, лежалъ на льду, избитый прикладами козацкихъ самопаловъ, и онъ отправилъ къ гетману гонца, чтобы спѣшилъ съ главнымъ войскомъ.“

По разсказу Анонима, Винница была полна поспольства, сбѣжавшагося отовсюду для козацкаго промысла, такъ какъ въ это Смутное Время Польскаго Государства села перебирались въ мѣстечки, и отъ того мѣстечки дѣлались многолюдными городами. О Богунѣ онъ говорить, что это былъ человѣкъ отважный во всѣхъ случайностяхъ войны; что, при своей отвагѣ, онъ былъ и разуменъ, и счастливъ, какъ это рѣдко соединяется въ одномъ человѣкѣ. О его неустомимой дѣятельности и удальствѣ мемуаристъ говорить съ удивленіемъ и даже съ любовью. Очевидно, что онъ выражалъ чувства рассказчиковъ-плахтичей, относившихся къ этому козаку съ рыцарскимъ уваженіемъ. Богунъ (пересказываетъ Анонимъ) выслать къ гетману чернeca для переговоровъ и, воспользовавшись проволочкою трактата, выкraлся ночью черезъ прилегавшій къ замку монастырь съ тремя сотнями комонника за Богъ, чтобы развѣдатъ, не идетъ ли къ нему отъ Хмельницкаго подкѣпленіе. Въ то же самое время и паны отправили пѣдѣзда на рекогносцировку. Панскій пѣдѣзъ былъ сильнѣе козацкой чаты, и Богунъ, столкнувшись съ нимъ, побѣжалъ къ Винницѣ. Колнеры узнали его среди козаковъ по блестящему при мѣсяцѣ панцырю, и лучшіе бойцы напрягали всѣ силы, чтобы схватить живымъ знаменитаго полковника. Богунъ уходилъ, обнівъ шею своего чубараго коня, а когда его заскочили и схватили за плечи, онъ стряхивалъ жолнеровъ такъ, что тѣ падали съ коней. Въ такой борьбѣ набѣжалъ Богунъ на одну изъ тѣхъ прорубей, которыми недавно обманули пановъ, и погрузился было въ воду, но добрый конь вынесъ его изъ западни. Думали, что ледяная ванна охладитъ его боевой пыль; но на разсвѣтѣ самъ онъ атаковалъ панскую чату, и потомъ видали его всюду за ретраншаментами на чубаромъ конѣ. Узнавъ издали, паны спрашивали его о здоровьѣ, и Богунъ благодарилъ, что ему от-

платили за купанье купаньемъ. „Такъ мужественные кавалеры бесѣдуютъ и боятся“! восклицаетъ Анонимъ.

По сказанію того же мемуариста, Богунъ укрѣпилъ городъ, замокъ и монастырь такимъ образомъ, что могъ безопасно перейти изъ одного мѣста въ другое, и свое фортификаціонное искусство сосредоточилъ на монастырѣ, занимавшемъ сильную позицію.

Объ этого сочувственнаго противникамъ и уважаемаго ими воина-козака разбился, какъ увидимъ, Калиновскій въ своей кипучей, но безтолковой завзятости.

Онъ пришелъ къ Винницѣ 11 марта и расположилъ войско на позиціяхъ, но, поджидая артиллеріи, не предпринималъ военныхъ дѣйствій. Войско стояло день и ночь въ строю. Козаки, не довѣряя своимъ силамъ, въ полночь съ субботы на воскресенье зажгли городъ во многихъ мѣстахъ и заперлись въ монастырѣ. Тогда паны вступили въ городъ и, лишь только разсвѣло, пошли на приступъ. Бой длился, съ небольшими перерывами, цѣлый день въ воскресенье и всю слѣдующую ночь ко вреду осажддающихъ. Въ понедѣльникъ, однако жъ козаки покинули первую линію палисада и сомкнулись во второй линіи своихъ укрѣплений. Съ наступленіемъ ночи, на нихъ повели приступъ со всѣхъ сторонъ, при непрерывной пальбѣ. Они мужественно защищались огнестрѣльнымъ оружіемъ, косами, дубнемъ, каменемъ. Борьба продолжалась до полуночи. Съ обѣихъ сторонъ погибло много людей. Ни та, ни другая сторона не торжествовала.

Богунъ повелъ съ панами переговоры, очевидно, желая выиграть время. Съ панской стороны было сдѣлано козакамъ гордое предложеніе—выдать пушки, знамена и полковника Богуна. Козаки предлагали панамъ 4.000 головъ, соглашались наконецъ, по увѣренію Освѣтцима, выдать пушки и знамена, но выдать полковника, или кого-либо изъ старшинъ отказались на отрѣзъ.

Здѣсь паны прибѣгнули къ такой хитрости, которая должна была въ случаѣ удачи, только создать новое препятствіе къ примиренію польского элемента съ русскимъ, панскаго—съ козацкимъ, въ придачу къ тысячѣ уже надѣланныхъ ими самими и въ особенности ихъ руководителями, ксендзами.

Освѣтцимъ пишетъ слѣдующее: „Переговоры кончились тѣмъ, что козаки обязались возвратить взятыя у насъ знамена и удовлетворить житомирскаго старосту (Тишковича), имущество котораго они разграбили, а также возвратить лошадей, взятыхъ у насъ въ стычкѣ у прорубей, или уплатить ихъ стоимость деньгами. Когда эти условія были заключены, они требовали, чтобы войско наше очистило поле передъ

монастыремъ. Жалнерамъ дѣйствительно было приказано отступить съ поля и укрыться въ замкѣ, а также въ улицахъ и среди домовъ въ городѣ, но оставаться въ строю. Предполагалось употребить слѣдующу хитрость: когда козаки выйдутъ изъ укрѣплений, окружить ихъ въ полѣ со всѣхъ сторонъ и потребовать выдачи старшинъ и оружія, а если не согласятся, разгромить ихъ окончательно. Намѣреніе это не удалось исполнить“....

Начались новые переговоры. Участникъ осады Винницы, Гулевичъ, писалъ къ пріятелю, что послѣ неудачнаго покушенія къ ночному бѣгству съ 12 на 13 марта, козаки, къ вечеру 13 числа, просили о помилованіи. Гетманъ (продолжалъ онъ) послалъ на переговоры меня и брацлавскаго подстолія, Ревускаго. Начали мы трактовать уже въ сумерки. Трактовали часа четыре подъ самими ихъ валами, и кой въ чёмъ согласились. На утро рано—опять, и было постановлено, что они отдадутъ хоругви, армату, лошадей, дадутъ заложниковъ и разойдутся по своимъ домамъ, съ тѣмъ чтобы не поднимать больше руки противъ королевскаго войска. Отдали послѣ того хоругви, которая мы и получили, получили также и часть лошадей, но армату они хотѣли оставить на мѣстѣ уходя. Заложниками взяли мы четырехъ весьма хорошихъ сотниковъ. Сверхъ того, присягалъ какъ самъ Богунъ во всякой вѣрности, такъ и войско, и когда все это было уже выполнено, козаки, неизвѣстно по какой причинѣ, вернулись къ своему упорству. Опять нѣсколько дней драка; потомъ вторично просить о помилованіи. Пришли мы снова подъ валы, я брацлавскій подсудокъ и стражникъ Замойскій. Но измѣнники показали себя измѣнниками и, вмѣсто привѣтствія, убили гетманскаго трубача и моего хлопца. Думаемъ такъ, что это было дѣломъ или—чернеццовъ, которые съ ними сидѣть, или шляхты, которой у нихъ 70 человѣкъ: ибо эти—или боятся за свою шкуру, или по крайней мѣрѣ того, чтобы ихъ не узнали, когда выйдутъ“.

То, что въ этой реляціи говорится о хоругвахъ, о лошадяхъ, о заложникахъ, очевидно, было только обѣщаніемъ со стороны козаковъ, но не совершившимся фактомъ. Освѣтимъ пишеть: „Прервавъ переговоры, козаки объявили, что всѣ готовы погибнуть въ бою. Дѣйствительно пошли были они напроломъ, но были отбиты съ большимъ урономъ. Тогда отступили за третью линію укрѣплений, укрѣпили ее, и въ ней засѣли мужественно; при этомъ часть лошадей своихъ выгнали, и, когда наша челядь покушалась овладѣть ими, многихъ перестрѣляли. Наши окружили козацкія укрѣпленія валами, и постоянно сторожили, но не могли отрѣзать козаковъ отъ воды; громили осажденныхъ

пушечною пальбою, бросали въ ихъ таборъ бомбы; но бомбы козаки успѣвали гасить, и въ сущности не могли мы имъ ничего сдѣлать. Между тѣмъ войско наше выбилось изъ силъ, такъ какъ все время жолнеры и лошадей не разсѣдливали, и сами не оставляли оружія".

18 марта, въ субботу, коронный обозный, сынъ полеваго гетмана отправился въ Кальнику, полковой городъ Багуна, на рекогносцировку, съ цѣлью развѣдать, гдѣ находится Хмельницкій, и не подходитъ ли какое подкрѣпленіе на выручку Богуну. Онъ дошелъ только до Липовца, лежащаго въ 5 миляхъ отъ Винницы, и отправилъ оттуда для развѣдокъ пана Кондрацкаго по направлению къ Кальнику. Но едва Кондрацкій выступилъ въ поле, какъ наткнулся на козацкій передовой отрядъ, и замѣтилъ въ сторонѣ большое войско. Въ то же время другой конскій отрядъ напалъ на молодаго Калиновскаго, расположившагося въ Липовцахъ, и привелъ жолнеровъ его въ большое замѣшательство. Только выскочивъ изъ мѣстечка въ поле, удалось пану обозному привести въ порядокъ свои хоругви, но всѣ разсѣдленныя лошади были потеряны. Притомъ же козаки, прежде чѣмъ напасть на Липовецъ, заняли дорогу въ Кохановку, и потому та часть отряда, которая сопровождала возы съ припасами, также потерпѣла значительный уронъ. Панъ Кондрацкій едва успѣль счастись, потерявъ много жолнеровъ, посланныхъ съ нимъ изъ разныхъ хоругвей. Но молодой Калиновскій, вернувшись къ отцу 20 числа подъ вечеръ, все-таки привелъ нѣсколько захваченныхъ въ плѣнъ козаковъ. Они показали, что Хмельницкій былъ въ Бѣлой Церкви, и уже выступилъ навстрѣчу панскому войску.

Коронный полевой гетманъ рѣшился отступить въ какую-нибудь мѣстность, болѣе удобную для продовольствія войска: ибо ледъ на рѣкѣ Богѣ уже тронулся, а по сю сторону рѣки не было возможностей добыть фуража. Но прежде онъ хотѣль попытаться, не посчастливится ли ему взять приступомъ осажденныхъ. Приступъ начался съ разсвѣтомъ. Козаки сдѣлали тотчасъ вылазку, но нѣсколько человѣкъ ихъ попало въ плѣнъ; зато и они увѣли къ себѣ двухъ плѣнниковъ. „Вообще козаки сражались храбро", пишетъ Освѣцімъ. Было очевидно, что панамъ съ ними не совладать, и тѣмъ болѣе, что въ панскомъ стану знали о наступлении большаго козацкаго войска. Напротивъ козаки съ каждымъ днемъ и часомъ ожидали помощи.

Помощь пришла къ пимъ во время самаго приступа, спустя чѣсколько часовъ послѣ восхода солнца. На выручку Богуну подоспѣль уманскій полковникъ, Глухъ, съ 10.000 козаковъ. Для пановъ это было неожиданностью: не разсчитывали они такъ скоро столкнуться

съ превосходными непріятельскими силами. Козаки, съ ужасающимъ крикомъ, заняли новый городъ, отдѣленный отъ старого, занятаго панами, только мостомъ, на разстояніи выстрѣла изъ лука.

„Въ нашемъ войскѣ“ (пишеть Освѣцімъ) „произошло страшное замѣшательство. Жолнеры не слушали распоряженій и разорвали боевой строй. На трубахъ играли тревогу, что еще больше усиливало страхъ и смятеніе. Наконецъ наши, бросившись на лошадей, выскочили въ поле къ Якушинцамъ, и здѣсь построились въ боевой порядокъ; но часть хоругвей осталась на прежнемъ мѣстѣ, передъ фронтомъ монастыря, въ которомъ заперлись козаки. Панъ воевода, съ нѣсколькими козаками (легко вооруженными, по-козацки) хоругвями, бросился къ мосту, за которымъ стоялъ непріятель, и завелъ съ нимъ перестрѣлку. Вся эта тревога была совершенно напрасна, хотя бы козаки явились и въ большемъ количествѣ: Богъ уже тронулся, и они не могли перевправиться на сю сторону. Но челядь, бывшая у обоза, не обративъ на это вниманія, побросала возы, лошадей и обратилась въ бѣгство. Ея примѣру послѣдовали и товарищи изъ разныхъ хоругвей; другие же, видя, что возы оставлены безъ присмотра, бросились къ нимъ, и свои стали грабить своихъ. Дѣло вышло похожее на Пиливецкую битву, съ тою разницею, что нѣхота и часть хоругвей, оставшаяся въ строю, сомкнулись, и въ порядкѣ отступили по направлению къ Бару. На прощанье, козаки, взбѣжалъ на валы, провожали нашихъ обычными криками, прилагая къ Ляхамъ разные оскорбительные эпитеты. Цыгане! утикачі! безмозглые! пиливчики! кричали они. Утикайте дѣльше за Вислу! не тутъ вѣше дѣло!“^{*)} Гетманъ былъ очень смущенъ отъ этого беспорядка и слишкомъ поспѣшного отступленія. Жолнеры негодовали на него за отсутствіе распорядительности. Они сами были страшно изнурены, лошадей измучили и, въ заключеніе, лишились возовъ, запасныхъ лошадей, челяди, сѣбѣстыхъ и боевыхъ припасовъ. Въ болѣпомъ смятеніи, усилившемъ самоувѣренность непріятеля, отступило войско отъ Винницы, прекративъ осаду, и направилось въ Баръ, куда пришло 24 числа“.

Такъ разбилъ себя Калиновскій о Богупа, который—то подставлялъ ему желѣзные бока свои, то выигрывалъ время по-козацки лукавыми переговорами. Постыдное бѣгство его Освѣцімъ снискодительно назвалъ беспорядочнымъ отступлениемъ, но прибавилъ къ нему такія характеристическія черты обоихъ панскихъ полководцевъ, которыхъ низводятъ ихъ до уровня грубянокъ, крутившихъ дули и т. п.

^{*)} Курсивъ писанъ въпольскомъ подлинникѣ порусски.

„Главною причиною смятения и беспорядка нашего“ (пишетъ онъ) „было соперничество и ссоры вождей, то-есть полеваго гетмана и брацлавскаго воеводы. Послѣдній желалъ распоряжаться независимо отъ гетмана; притомъ онъ хотѣлъ удержать у себя серебряный пер. начъ Нечая, но долженъ былъ отдать его гетману, который выбранилъ его по этому случаю. Другой разъ они столкнулись въ Шаргородѣ: здѣсь, во время разговора, воевода упомянулъ о томъ, что онъ увѣщевалъ жолнеровъ повиноваться гетману; но гетманъ, вспыхнувъ, отвѣтилъ: Ваши увѣщанія имѣли столько же вѣса, какъ этотъ кукишъ, причемъ онъ показалъ кукишъ воеводѣ. Поистинѣ стыдно и позорно для вождей заниматься такими школьнными выходками. Воевода ничего не отвѣтилъ, но вышелъ изъ комнаты. Въ третій разъ гетманъ обругалъ воеводу, когда тотъ попрекнулъ его тѣмъ, что онъ, въ письмахъ къ королю, исключительно себѣ приписываетъ всякое успѣшное дѣйствие.

„Какъ образецъ безобразія“ (продолжаетъ Освѣцімъ), „до кото-раго войско дошло вслѣдствіе этихъ ссоръ и неуваженія подчинен-ныхъ къ вождямъ, приведу очень грустный случай. Когда 18 марта ко-заки очистили Прилуку, туда отправилось для собранія фуража нѣ-сколько тысячъ войсковой челяди. На обратномъ пути, жолнеры изъ полковъ гетманскаго и князя воеводы русскаго ограбили жолнеровъ брацлавскаго воеводы. Утверждали, что зачинщикомъ беспорядка былъ какой-то товарищъ изъ хоругви князя Вишневецкаго. Брацлавскій во-евода, требуя по этому поводу удовлетворенія у гетмана, попрекалъ указанного товарища. Присутствовавшій при этомъ панъ Незабитов-скій, поручикъ той роты, въ которой служилъ товарищъ, замѣтилъ воеводѣ: „Ваша милость постоянно къ намъ придираетесь“. Разговоръ обострился. Наконецъ воевода сказалъ Незабитовскому: „Тебѣ приста-ло скорѣе быть быкомъ, чѣмъ жолнеромъ“. Панъ Незабитовскій отвѣ-тилъ на это: „А тебѣ подобаетъ скорѣе быть козыимъ пастухомъ, не-жели сенаторомъ“. Воевода замолчалъ, а панъ Незабитовскій вышелъ. Разговоръ происходилъ въ присутствіи гетмана; но, когда воевода ему пожаловался, онъ за него не вступился, и отвѣчалъ пословицей: „гдѣ брѣютъ, тамъ и бѣютъ“; потому воевода чувствовалъ себя оскорблен-нымъ въ этомъ случаѣ больше гетманомъ, чѣмъ Незабитовскимъ“.

Картину разбившагося о козацкій авангардъ панскаго войска до-канчиваетъ Войцѣхъ Ямковскій, авторъ дневника Переяславской ком-миссіи, теперь намѣстникъ хоругви калишскаго каштеляна, Розражев-скаго. „Увѣряю васъ“ (писалъ онъ, какъ видно, къ Розражевскому), „что нынѣшніе наши труды превзошли Збаражское осадное сидѣніе:

ежедневные приступы, беспрестанныя стражи,—такъ что, стоя три дня и три ночи на стражѣ, не разводя огней, должны были мы отмораживать носы, руки, ноги. А подъезды! Счастливая была та недѣля, въ которую мы не по три раза чатовали,—такъ что кони у насъ выбились наконецъ изъ силъ. Пять недѣль не сходять съ нихъ сѣда,— страшныя ссадины, горше чѣмъ подъ Збаражемъ. Въ Липовцѣ всѣ бы мы остались на мѣстѣ, когда бы самъ Господь Богъ не оборонялъ настѣ. На одну напшу (Розражевскаго) хоругвь ударила вся непріятельская сила, съ которой, столкнувшись въ тѣсныхъ улицахъ (*oplotach*) темною ночью, склонились мы два часа, и только днемъ, прійдя въ порядокъ и взявши 19 добрыхъ языковъ, вернулись къ войску. Какимъ это образомъ случилось, что его милость панъ гетманъ не зналъ о непріятелѣ, пока не увидѣлъ его передъ собой,—не могу понять. Отъ этого произошло страшное смятеніе, превосходившее и Пилявецкое. Съ хоругвями одни (бросились) въ ворота, другіе черезъ валъ, одни верхомъ, другіе пѣшкомъ, и еслибъ его милость панъ воевода брацлавскій не уперся на мосту, то легла бы тамъ вся пѣхота. Стояли мы до полуночи въ строю, потомъ двинулись въ Баръ, сведя съ поля пѣхоту и покинувъ съ тысячу больныхъ и раненныхъ. Шла за нами сволочь (*colluvies*) до нашихъ переправъ, не безъ (нашего) урону: ибо отъ неосторожности старшихъ, не оставившихъ ни одного полка въ арріергардѣ, оторвали у насъ нѣсколько сотъ возовъ и столько же челяди. Отступивъ такимъ образомъ въ смятеніи, въ страшномъ беспорядкѣ, въ про克莱томъ разстройствѣ (*w przekletoj sprawie*), притащились мы сюда на Барскій постъ, гдѣ намъ придется до остатка повалить измученныхъ лошадей и самимъ бездѣйственно погибать въ страшной истомѣ».

Въ тотъ же самый день Калиновскій доносилъ королю по Яно-Казимировски, что еслибы ему прислали подкрепленія, то Хмельницкому давно бы былъ бы конецъ, и храбро прибавлялъ: „За мною дѣло не стоитъ... А услугливый сочинитель дневника „козацкой экспедиціи отъ 19 до 24 марта“ написалъ даже, что, „получивъ извѣстіе о прибытіи не малыхъ козацкихъ силъ на помощь осажденнымъ, его милость панъ гетманъ велѣлъ войску выходить въ поле и таборомъ идти къ Бару“. Липовецкое дѣло молодаго Калиновскаго также здѣсь названо счастливымъ, а потери его покрыты молчаніемъ.

Стѣсняясь въ средствахъ для прокормленія войска въ предѣлахъ одного барскаго староства, Калиновскій распределѣлъ его всюду, гдѣ могъ, чтобы дать ему оправиться. Но движеніе козаковъ заставляло пановъ думать объ охранѣ внутреннихъ провинцій. Лянцкоронскій, иду-

чи въ Хмельникъ на указанную его жолнерамъ квартировку, видѣль на пути своемъ въ Летичевъ, 30 марта, многихъ жителей Константинова, бѣжавшихъ отъ Орды и козаковъ. Отправленныя для развѣдокъ двѣ хоругви прискали въ Константиновъ къ полночи. Ночевавшіе тамъ пьяные козаки полковника Крысенка, вмѣстѣ съ Татарами, бѣжали въ испугѣ, побросавъ свои прикметы и лошадей, какъ верховыхъ, такъ и вьючныхъ. Убито ихъ было немногого, но гораздо больше потонуло въ рѣкѣ Богѣ. Счастливыя козакотатарскимъ испугомъ хоругви, захвативъ нѣсколько козаковъ, двоихъ Татаръ и до 20 татарскихъ лошадей, поспѣшили удалиться, чтобы непріятель не напалъ на нихъ, опомнившись отъ своей паники. Дѣйствительно утромъ козаки Крысенка возвратились въ городъ, собрали покинутое тамъ добро свое, перерѣзали многихъ людей, городъ сожгли и отступили въ Хмельникъ, гдѣ расположились въ замкѣ и въ городѣ. Для охраны себя отъ панскихъ подъѣздовъ, они сожгли постройки на панской сторонѣ рѣки Бога и разрушили мостъ. Лянцкоронскій, вмѣсто Хмельника, долженъ былъ квартирировать въ Летичевѣ, сильно страдая отъ голода.

Получивъ извѣстіе о движеніи козаковъ и Татаръ, Калиновскій предпочелъ ожидать ихъ въ болѣе безопаснѣмъ мѣстѣ, у Каменца, а въ Барѣ оставилъ гарнизонъ. Объ этомъ писалъ онъ къ королю изъ Бара отъ 2 апрѣля: „Не видя больше возможности противостоять непріятельской силѣ, снабдилъ я Баръ гарнизономъ, и выступаю (progredior) съ войскомъ далѣе, подъ Каменецъ: такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что всѣ полки, и заднѣпровскіе, и здѣшніе, приблизились къ войску съ немалыми татарскими вспоможеніями. Боюсь поэтому, чтобы и войска не обмануть (aѣum i wojska nie zawiódł!), и Рѣчь Посполитую не привести къ пагубѣ, и гнѣву вашей королевской милости не подвергнуться... Провожу время не праздно и ишнѣ: ибо вѣтъ у меня такого дня, чтобы не добывалъ подъѣздами языковъ и не истреблялъ непріятеля“.

Приказъ направляться къ Каменцу былъ горестною необходимостию для отрядовъ, шедшихъ на отдыхъ въ Барѣ. Краснostaвскій староста, Маркъ Собіскій, писалъ къ пріятелю отъ 6 апрѣля изъ-подъ Зѣнькова, что войско держало тамъ раду, куда бы ему обратиться для отдыха, „пока непріятель позволить“: ибо, въ противномъ случаѣ, осталось бы оно безъ лошадей, „невыразимо измученныхъ и изнуренныхъ“. Было рѣшено расквартировать войско полками подъ Каменцемъ такъ, чтобы, въ случаѣ наступленія непріятеля, оно могло собраться къ полевому гетману въ одни сутки. „Не мы виновны въ томъ“ (продолжалъ бѣдный Русинъ), „что такъ дурно идутъ дѣла: виновны

подкѣпленія, которыя къ намъ не подходатъ, а наше войско ежедневно уменьшается. На бумагѣ быть представленъ сейму большой компутъ войска, а пришло къ намъ только 16 хоругвей; прочіи ползутъ какъ раки, и неизвѣстно, придутъ ли къ намъ. Рѣчь Посполитая сама передъ собой виновна. Рванулись мы слишкомъ скоро и зашли слишкомъ далеко, а теперь не можемъ найти себѣ нигдѣ мѣста, кроме Каменца"... А подольскій судья Лукашъ Масковскій прибавляеть къ этому отъ 7 апрѣля изъ Микулинецъ: „Прибѣжалъ ко мнѣ товарищъ (рядовой шляхтичъ) сго милости полеваго гетмана, ища челяди, бѣжавшей со своими почтовыми“ (принадлежавшими къ почту) лошадьми. О войсکѣ нашемъ говорить, что оно отступило по причинѣ голода“.

Въ то время, когда одинъ полководецъ разбился о Богуна въ Бивницѣ и привелъ подъ Каменецъ остатки войска, какъ пишетъ Масковскій, проголодавшагося, унылаго, выморенного, измученнаго (*zgolodzonego, opieszałego, wumorzonego, wumęszonego*), — другой (Ланцкоронскій), ободренный нѣсколькими стычками съ непріятельскими частами, писать къ королю, что не нужно было уже никакого войска на козаковъ, и обѣщать ему успокойть Украину въ нѣсколько недѣль. Копіи писемъ его, присланныя изъ Варшавы, произвели въ обломкахъ войска Калиновскаго крикъ величайшаго погодовачія. И такимъ-то вождямъ, лебезящимъ наперерывъ передъ королемъ польскихъ королей, предстояло спасать Польшу отъ Малороссіи, вооружившейся варварски противъ ея варварского господства.

Апрѣля 12 варвары помады напали на варваровъ цивилизаторовъ, охранявшихъ Баръ. Три легкія хоругви, назначенные для обороны города, слыша, но ничего не зная, о громадныхъ сплахахъ непріятеля, отступили къ войску, не добывъ даже языка, а 300 человѣкъ Нѣмцевъ ушли изъ замка. Но мужики хмельничане, ограбивъ мѣстечко, на замокъ не покусились, и, погулявъ здѣсь „по-козацки“ нѣсколько часовъ, исчезли, къ стыдупольской цивилизациіи и гражданственности.

Въ это время достойный такого государства король повелѣть коронному великому гетману собрать всѣ вновь навербованные отряды войска у Владимира, и самъ выѣхалъ, для примѣра польскимъ королямъ, какъ справедливо называть иановъ Хмельницкій. Узнавъ, что Потоцкій основалъ обозъ у Владимира, Калиновскій stanулъ всѣ свои хоругви подъ самый Каменецъ, и 23 апрѣля расположился по ту сторону рѣки, у замка. Каждый сталъ по возможности запасаться провиантомъ, который пришлось покупать по небывало высокимъ цѣнамъ. Масковскій писалъ еще 7 апрѣля, что жолнеры платили за осьмачку

овса по червонцу и дороже, да и тѣмъ не могли поправить лошадей, „не вставая пять недѣль съ сѣда“: не было времени кормить ихъ (choсъ было сѣмъ, ale nie было kiedy). Непріателя ждали ежедневно, и такъ простояли лагеремъ цѣлую недѣлю. Наконецъ военная рада рѣшила—идти на соединеніе съ главными силами, пробиваясь на пути сквозь козакотатарскіе отряды.

Мая 7 войско двинулось, а между тѣмъ Хмельницкій сосредоточилъ свои силы на урочищѣ Ганчарихѣ, между Межибожемъ и Стырьмъ Константиновымъ. Ему слѣдовало не допустить полеваго гетмана соединиться съ королемъ, и онъ отправилъ впередъ нѣсколько отборныхъ полковъ конницы, да нѣсколько тысячъ Татаръ, съ приказаниемъ—захватить у панского войска лошадей, чтобы остановить, или, по крайней мѣрѣ, задержать его движеніе, пока самъ не подойдетъ съ остальными силами.

Гонитва его за панами и ихъ жолнерами представляла опасность со стороны Литвы, гдѣ погибъ незамѣнныи никѣмъ Кричевскій, гдѣ палъ не боявшійся ни огня, ни меча, ни болотныхъ топей Голота, гдѣ, вмѣстѣ съ мужественнымъ бойцомъ Подобайломъ перетонуло въ болотахъ и рѣкахъ много таки отчаянныхъ козарюгъ, какими заявили себя Наливайковы мартыновцы. Внукъ Радивила Іеруна и сынъ того Криштофа Радивила, который, по словамъ Іова Борецкаго, былъ достоинъ въ памяти всѣхъ грядущихъ вѣковъ за оборону православныхъ іерарховъ, былъ страшилищемъ псевдовоителя за малорусскую церковь. Чтобы остановить его грозное движеніе въ Украину, котораго боялись, и въ Збаражчину, Хмельницкій отправилъ три полка: полтавскій, Переяславскій и черниговскій, составившіе 20.000-й корпусъ, подъ начальствомъ Небабы, по отзыву пановъ, опытнаго и хорошаго воина, и поручилъ имъ не допускать литовскаго войска переправляться черезъ Днѣпръ.

Мысль овладѣть Каменцемъ постоянно занимала Хмельницкаго, не умѣвшаго взять всѣми своими силами и средствами збаражской западни. Этой мысли сочувствовали и лучшіе козаки, которыхъ наша исторіографія представляетъ патріотами. Подъ начальствомъ такихъ сыновей козацкаго отечества, отправилъ Хмѣль надежнѣйшихъ соратниковъ своихъ, среди которыхъ, вѣроятно, находился и будущій предатель Каменца Магомету IV, Петро Дорошенко. Рѣянные воины пробѣжали, съ татарской быстротой, 12 миль въ одинъ сутки, и явились подъ скалистымъ городомъ, хранительнымъ устремъ поколебленной Польши; но воевать было уже не съ кѣмъ, а каменнаго гнѣзда древнихъ Русичей не могъ взять и Перебѣйносъ, утопившій въ женской

крови Полонное и гордо заавившій во Львовѣ свое равенство съ Хмелемъ. Тѣмъ не менѣе хмельничане сдѣлали попытку овладѣть Польскимъ Каменцемъ, и вонъ какъ доносилъ объ этомъ одинъ изъ его защитниковъ коронному полевому гетману.

„Пишу кратко о нашемъ сидѣнїѣ въ осадѣ, продолжавшемся три дни. Когда нашъ обозъ двинулся изъ-подъ Каменца съ поведѣльника на вторникъ, непріятель сжегъ и вырѣзаль Дунай городъ, всѣ окрестности Каменца уничтожилъ поголовно (*zniszczyl na głowę*), и на бѣгущихъ людяхъ вѣѣхалъ рано утромъ въ предмѣстье. Мы сперва думали, что это наше войско, потому что сперва подошло подъ городъ едва 300 человѣкъ ихъ передней стражи. Съ голыми саблями на темялакахъ, они отнимали у бѣгущихъ въ городъ скотъ. Но на возвышенности старого лагеря появились Татары, и разсыпались, какъ муравейникъ, одни къ Паневцамъ, а другие къ Чернокозеницамъ. Тогда салютовали изъ замковыхъ пушекъ, а между тѣмъ наступили козацкіе полки, которыхъ считали „80.000 языковъ“, да Татаръ 12.000. Козаки остановились на горѣ, и сдѣлали первый приступъ къ городу пѣхотою, которая такъ сильно ударила на наши дѣї конныхъ хоругви и на 200 Нѣмцевъ, что они отступили въ городъ; а между тѣмъ хлопство напало подъ замкомъ на скотъ и на таборъ мужиковъ, бѣгущихъ въ городъ. Забравши у нихъ множество скота, овецъ и одежды, оно удалилось къ своему обозу. Послѣ обѣда того дня и ночью не было намъ отъ нихъ беспокойства, однакожъ они послали нѣсколько тысячъ войска къ Чернокозеницамъ и Паневцамъ. Чернокозеницы оборонялись хорошо. Замокъ со шляхтой освободился; городъ козаки сожгли. Панѣвцы взяли на третій день предательствомъ Тршилятковскаго, слуги пана каневскаго старосты, который выдалъ имъ одежды, серебро, обои, нѣсколько турецкихъ коней, и самъ ушелъ къ нимъ съ какимъ-то Гловачкимъ; но они Тршилятковскаго обезглавили, хотя прежде обѣщали ему полковничество, а Гловачкому дали хоругвь. Въ среду сдѣлали одинъ приступъ (къ городу), а другой къ Русской брамѣ, ударивъ отважно. Но, такъ какъ мы сожгли Каравансерь, и домики подъ скалой, чтобы намъ оттуда не вредили, то наша пѣхота била ихъ тамъ хорошо и прогнала на самую гору. Выѣхалъ также съ 300 комонника и панъ староста каменецкій (Петръ Потоцкій). Разили ихъ и конница, и замковая пушки такъ сильно, что они бѣжали подъ Кешеню. Тамъ наши отняли у нихъ 60 возовъ съ добычею, награбленною въ Панѣвцахъ, и добыли много козацкихъ и татарскихъ языковъ, которые показывали согласно, что сюда подъ Каменецъ Хмельницкій выслалъ отборное войско, чтобы занимало

квартаковъ и не допустило ихъ соединиться съ королемъ... Съ середы на четвергъ устроило себѣ русское хлопство кругомъ (*circumcircus*) подъ самой скалой шанцы, изъ которыхъ цѣлый день причиняло великій вредъ городу и людимъ. Но ихъ также хорошо щупали (*masano*) въ тѣхъ шанцахъ съ замка и башень пушечною пальбою, такъ что принуждены были бѣжать, покидая хоругви. Послѣ обѣда вышли нѣсколько сотъ пѣшаго охотника и двѣ сотни вѣмецкой пѣхоты пана Зыхлинскаго къ старому становищу, а съ другой стороны отъ замка къ Кешени выбѣжалъ панъ староста въ нѣсколько сотъ коннicy. Тамъ дважды наши двинули (*ruszyli*) ихъ изъ шанцевъ, и отняли нѣсколько хоругвей, но не могли устоять противъ ихъ силы, потому что ихъ наводилъ (*nawodzil*) хорошо Богунъ, подъ которымъ также изъ замковой пушки убили коня, и самъ онъ едва убрался въ таборъ. Много перебили этого хлопства изъ пушекъ и ружей, такъ что не досчитались между собой цѣлаго полка. Хватаясь за сабли, порывались они къ своему паказиому (*do rolnego*), Демку, за то что, противъ воли и приказа Хмельницкаго, потерялъ такъ много людей подъ Каменецмъ, какъ это показали намъ ихъ языки. Въ полночь съ четверга на пятницу пришелъ къ пимъ горячай (*goracz*) универсаль, чтобы оставили совершенно все и шли одни комонникомъ за нашимъ войскомъ, а другое ему (Хмельницкому) павстрѣчу. Заиграли у нихъ зорю въ трубы, въ шиноши (*szyposze*), и сдѣлали погребли свои трупы, зарывая съ ними сухари, салѣ, ветчину, водку въ фляжкахъ *). На своемъ таборищѣ, которое растянули отъ самихъ Зѣнковичъ до Мокши и подъ Недоборъ, набросали много взятаго скота и барановъ, жаркаго па рожнахъ, муки, хлѣба, возовъ, такъ что каменецкоеuboжество собирало все это послѣ нихъ три дня. Но, что всего удивительнѣе, козаки и Татары отпустили на волю много илѣнныхъ разнаго пола и состоянія. Эти илѣники рассказывали, что въ ту ночь такая у нихъ въ таборѣ сдѣлалась тревога, что перекопскій бей и Татары, получивъ какое-то нерадостное извѣстіе о Хмелевыхъ козакахъ, рвали на себѣ волосы и бились въ землю... Не даромъ они такъ спѣшили, что и подъ Гуменцами бросили нѣсколько возовъ, нагруженныхъ разнаго рода краупою. Попали по слѣдамъ вашей милости и, слышно, сожгли скалу. Татары, однако же, упорствовали идти за ними, и, видно, что-то случилось у нихъ (*snać ich sam cos zapadło*): вид-

*.) На старинныхъ кладбищахъ и нынѣ вырываютъ въ головахъ у скелетовъ горілку въ фляжкахъ.

но, не хотятъ наступать; говорять, что имъ Богъ на эту войну идти не велить».

Летучія козацкія чаты настигли пановъ римскаго 9 мая, у переправы черезъ небольшую рѣчку у мѣстечка Пробожной, въ вынѣшнемъ Чортковскомъ округѣ Галиціи. Помѣшать переправѣ были онъ безсилны, а угнаться за ихъ свѣжими лошадьми не могли паны на своихъ лошадяхъ, истощенныхъ походами да подъѣздами. Одного козака поймали таки живемъ, да наканунѣ одинъ изъ панскихъ подъѣзовъ привель къ гетману вѣсколькихъ Татаръ.

Мая 10, переправляясь черезъ рѣку Сереть у Янова (въ Тернопольскомъ округѣ Галиціи), паны, въ виду затруднительной переправы, ожидали появленія козаковъ; но ожиданіе было напраснымъ, потому (какъ это сдѣлалось извѣстнымъ послѣ отъ плѣнниковъ), что козацкіе полковники напились черезъ мѣру горїлки.

Не менѣе трудную переправу встрѣтилъ Калиновскій и 12 мая у Купчинецъ (въ Бережанскомъ округѣ Галиціи), на рѣкѣ Стыреѣ. Полковники успѣли опохмѣлиться, догнали пановъ, но дали имъ почти совсѣмъ переправиться. На козацкомъ берегу оставался только полкъ молодаго Калиновскаго. Козаки напали на него внезапно, такъ что онъ едва успѣлъ построиться. Отбиваясь, Калиновскій началъ отступать на другую сторону, расположивъ у переправы пѣхоту подъ начальствомъ того Бутлера, который въ 1630 году, вмѣстѣ съ ротмистромъ Жолтовскимъ, оборонилъ отъ козаковъ-тарасовцевъ тогдашняго архимандрита Киевопечерской Лавры, Петра Mogилу, и его монастырь. Здѣсь Бутлеръ палъ съ вѣсколькими десятками своихъ воиновъ. Козаки не разъ истребляли наемныхъ Нѣмцевъ до остатка. Такъ хотѣли они поступить съ вѣрными хранителями пановъ и теперь; а панская конница не могла подать Нѣмцамъ помощи вѣ-время. Сильно тѣснімые Нѣмцы стали отступать, и въ это время погибъ встерањъ Бутлеръ. Ободренные успѣхомъ, козаки и Татары начали отважно переправляться, а переправясь, развернулись въ тылу панского войска и налегли на его арріергардъ и на обозъ, но были согнаны съ поля, и оставили вѣсколькихъ Татаръ и козаковъ плѣнниками, въ томъ числѣ Нетычай-мурзу, изъ знатной фамиліи даерскихъ мурзъ, и каневскаго сотника, Шабельниченка. Послѣ боя, панское войско простояло всю почь въ строю подъ проливнымъ холоднимъ дождемъ. Козаки не отважились напасть на него.

Между тѣмъ приѣхалъ налегкѣ новый коронный подканцлеръ, Іеронимъ Радзѣевскій, и передалъ Мартину Калиновскому посланіе Николая Потоцкаго, передвинувшаго уже свое войско изъ-подъ Вла-

диміра къ Сокалю (въ Злочевскомъ округѣ Галиції). Дѣло въ томъ, что корсунское несогласіе между главами короннаго войска пережило ихъ плѣненіе. Радзѣвскій, воспитанный въ школѣ отца, расчетливо щедраго хлѣбосола, умѣль говорить и съ козацкими, и съ панскими своеевольниками. По порученію короля, онъ подготовилъ уже въ Сокалѣ Потоцкаго къ совмѣстному служенію отечеству съ соперникомъ; точно то же долженъ былъ онъ сдѣлать и съ Калиновскимъ.

13 мая переправились паны въ Поморяны. Козаки показывались на пути маленькими чатами отъ 10 до 20 всадниковъ, но приблизиться не смѣли. Калиновскій зналъ, что сзади быстро наступаетъ Хмельницкій, чтобы отрѣзать его отъ сокальского войска. Въ Поморянахъ паны сожгли всѣ возы, которыхъ оставалось еще по 10 на каждую хоругвь; двѣ пушки, порохъ и больныхъ оставили въ поморянскомъ замкѣ, и спѣшили соединиться съ королевскимъ ополченіемъ, проходя по дѣй и по три мили ежедневно. Козаки ждали ихъ у Зборова; но они круто повернули въ другую сторону, и безъ дальниѣшихъ приключений, достигли королевскаго лагеря.

Въ королевскомъ лагерѣ представили они изъ себя не воиновъ, спорившихъ съ дикарями за обладаніе воздѣланнѣмъ ими краемъ, а дикарей-блѣглецовъ, покусившихся на чужую землю, которою владѣть было не по ихъ нравственнымъ и вещественнымъ силамъ. Преслѣдовавшіе Калиновскаго туземцы, въ числѣ 18.000, съ прибавкою 2.000 Татаръ, довели его до крайняго изнуренія, въ какомъ былъ нѣкогда заклятый врагъ его дѣда, царь Наливай, ускользнувшій, „какъ лѣсной звѣрь“, въ таинственную тогда Уманію къ миѳическимъ Синимъ Водамъ. Оборванные и разстроенные жолнеры Калиновскаго, въ глазахъ защитниковъ польского отечества, представляли не больше цѣнности, какъ остатки разбитаго на голову и разбѣжавшагося войска.

Но калиновцы, какъ увидимъ далѣе, не были контрастомъ среди соединившихся въ Сокалѣ помогаль.

Г л а в а XXVI.

Воюющія стороны, неспособныя къ правотѣ. — Панскій лагерь подъ Соколемъ. — Война Римлянъ съ Греками посредствомъ пановъ, а Грековъ съ Римлянами посредствомъ козаковъ. — Достопочтѣво московскаго правительства въ виду этой борьбы. — Движеніе панскаго войска къ Берестечку. — Козацкое становище и приходъ Крымскаго хана къ козакамъ. — Первая битва подъ Берестечкомъ.

Несчастенъ былъ тотъ народъ, который ввѣрилъ свою судьбу колонизаторамъ нашей опустѣлой отъ Татарскаго Лиходѣя Малороссіи, сколько бы ни было между ними аборигеновъ. Колонизаторы прельщали этотъ сбродный народъ, какъ бы новыхъ египетскихъ бѣглецовъ, мечтали о землѣ, текущей молокомъ и медомъ, не пе были способны воспользоваться благодатною почвою нашей родины, и до-пановались въ ней до того, что голодали па самихъ берегахъ молочныхъ и медовыхъ рѣкъ, напонецъ были подавлены и изгнаны съ бесчестіемъ подражателями ихъ самоуправства, козаками. Довѣрчивый и увлеченный панами въ обѣтованную землю народъ оказался въ ней бѣдствующими. Но не меньше выпало бѣдствій и на долю тѣхъ, которые, въ качествѣ передовиковъ его, двинулись въ роскошныя пустыни изъ зажитыхъ и прославленныхъ древнимъ русскимъ, литво-русскимъ, польско-русскимъ, пѣмѣцко-русскимъ мужествомъ. Они сдѣлались рабами рабовъ своихъ, изгнаниками изъ земли древнѣйшихъ предковъ своихъ.

И вотъ, изгнанные и изгоняющіе собираются передъ нами на послѣднемъ человѣческомъ судѣ за содѣянія обѣими воюющими сторонами неправды, тѣ и другіе пренеполненные чувствомъ правоты своей, тѣ и другіе равно жалкіе въ нашихъ глазахъ неспособностью къ правотѣ.

Съ такими чувствами приходится потомкамъ осадниковъ и осадившихъ старой Малороссіи проповѣдывать спасительную идею русскаго воз-соединенія въ изображеніи междусословнаго спора, который, съ тече-

ніемъ времени, сдѣлался междуцерковнымъ и наконецъ—международнымъ.

Всмотримся сперва въ панское войско—глазами самихъ потомковъ панскихъ, которыхъ большая часть позабыла свое русское имя ради имени польского.

Предводитель панского войска, Янъ Казимиръ, называемый Казимиромъ V въ воспоминаніе о Казимирѣ IV Великомъ, прибылъ 27 мая въ лагерь, соединившій въ себѣ всю вооруженную Польшу. Прибылъ онъ, великий монархъ, непобѣдимый побѣдитель,—и ему (рассказываютъ сами Поляки) представилось поразительное, страшное зрѣлище.

Польский лагерь подъ Сокalemъ (говорятъ они) былъ готовою для непріятеля добычей. Вмѣсто того, чтобы представлять грозный редутъ вольного Шляхетскаго Народа, опору могущества *польскихъ королей* и короля королей польскихъ, онъ казался громаднымъ лазаретомъ: такъ ужасно разбились паны о собственныхъ мужикохъ своихъ во всѣхъ столкновеніяхъ за право владѣть землею,—отъ Желтоводскаго до Крупчинецкаго включительно. Голодный тифъ похищалъ храбрыхъ жолнеровъ одного за другимъ съ болѣшою быстротой и безпомощностью, чѣмъ похищаетъ голодный коршунъ цыплятъ. Вокругъ боеваго лагеря, послѣдней опоры славы и вольности шляхетской, не было ни валовъ, ни шанцевъ. Босые оборванные жолнеры оставались безъ оружія,—изнемогшіе львы безъ когтей и зубовъ. Квартики Калиновскаго, не уступавши въ личной отвагѣ Богуну и его отчаяннымъ шляхтичамъ, таяли здѣсь отъ всякихъ недуговъ поразительно. Они были набраны изъ ветерановъ Тридцатилѣтней войны да переформированы изъ старыхъ полковъ покойнаго короля, побѣдителя многоцарственной Москвы, готовившагося къ покоренію не до покоренного македонскимъ героемъ Востока. Изнуренные беспрестанною борьбою съ непріятелемъ и многочисленнымъ, и повсемѣстнымъ, уменьшенные и разстроенные бѣгствомъ—сперва изъ-подъ Винницы, по томъ изъ-подъ Каменца, одесятившие болѣзняю голода—тифомъ, эти мужественные и выносливые воины сдѣлались негоды для войны. Они были теперь способны истреблять не козаковъ и Татаръ, а тѣхъ, которые приняли ихъ, чесоцныхъ бѣглецовъ, къ себѣ въ лагерь,—истреблять посредствомъ заразы.

Изъ первоначального количества калиновцевъ, изъ 12.000 лучшихъ на свѣтѣ бойцовъ, уцѣльло всего 5.985 человѣкъ, и это число съ каждымъ днемъ уменьшалось. Сѣдые усачи и бородачи, смотрѣвшіе недавно еще львами, служившіе подъ начальствомъ генераловъ

Густава Адольфа, или въ прославленныхъ походахъ Владислава IV, до рокового 1648 года ужасъ козацкой гидры,—теперь пищіе лохмотники, съ печатью голодной горячки на лицахъ, едва держались на ногахъ въ строю подъ своимъ надломаннымъ оружіемъ. Недавно на-водили они страхъ на всю Европу; теперь, стыдясь убожества своего, молча валились на солому и умирали безъ ропота; а государство, на-явившее ихъ на службу, не давало имъ даже того, что получалъ каждый попрошайка на дорогѣ, каждый конь и воль у хозяина (Слова историка-Поляка).

Король очутился подъ Сокалемъ въ ужасающемъ положеніи. Надѣ непобѣдимымъ побѣдителемъ здѣсь долженъ быть повториться, если не Зборовъ, то Корсунь. Толпы малорусскихъ мужиковъ, „пуская на пожаръ“ и грабя все, что было можно истребить, или унести съ собой, валили на Волынь къ главному козацкому табору. 100.000 Татаръ шло на помощь козакамъ изъ-за Днѣпра. Надобно было двинуться впередъ, непремѣнно впередъ, чтобы не дать безчисленному непріятелю усилиться и соединиться съ Ордою, какъ это всуе проповѣдавъ Вишневецкій послѣ Корсунскаго погрома. Но предводители объявляли, что голодный и неоплаченный жолнеръ не двинется съ мяста.

Въ Сокальскомъ монастырѣ—замкѣ находилась въ сирату почти вся дорогая движимость окрестной шляхты. Жители южныхъ воеводствъ свезли сюда всѣ свои цѣнныя вещи въ серебрѣ, золотѣ и наличныя деньги, подъ защиту войска. Военная рада, съ королевскаго разрѣшенія, изрекла отчаянное постановленіе—обревизовать денежные склады и взять ихъ въ видѣ займа, лишь бы удовлетворить войско.

Послѣ Ильявецкаго бѣгства, нѣчто подобное произошло во Льво-вѣ, и Рѣчъ Посполитая тогдашній военный произволъ заклеймила на-званіемъ разбоя. Теперь самъ король съ сенаторскою радою предпринялъ то, что было опозорено Шляхетскимъ Народомъ въ другихъ, и выслалъ представителей третьаго государственнаго сословія ломать замки у чужихъ сундуковъ. Но находившаяся тутъ же въ лагерѣ шляхта не дала прикоснуться къ своей собственности: добро отсутствующихъ она припрятала, а въ оставшихся ящикахъ не было найдено ничего. Когда эта позорная экзекуція оказалась безуспѣшна, король обратился къ иному способу. Собрано было 18.000 золотыхъ складчины и роздано по полкамъ. Жолнеры должны были удовольствоваться скучною подачкою. Кисель умудрился привезти въ лагерь хлѣба, но хлѣбъ къ этому времени вышелъ, и голодъ снова приступилъ къ войску страшнѣе всякаго непріятеля.

Тогда отчаяніе внушило королевскимъ совѣтникамъ такую мѣру, какая была возможна только въ Польскомъ пивдногосударствѣ. Распустили слухъ, что ханъ соединился уже съ Хмельницкимъ, и оба намѣрены разомъ ударить на королевскій лагерь. Король объявилъ, что останется въ лагерѣ, вѣтъ сыпать валы, какъ бы съ намѣреніемъ выдержать осаду подобно збражскому герою Вишневецкому, и, при звукахъ трубъ, отдалъ войску приказъ запасаться сѣѣстными припасами посредствомъ грабежа (*wolnego wszѣdzie brania*). Поляки скрываютъ международное значеніе необычайного приказа, характеризующаго и самого Яна Казимира, и тогдашнее религіозное, то есть польско-национальное настроеніе войска. Я повторю подлиннымъ текстомъ опущенное польскою исторіографіей свидѣтельство Освѣціма, панскаго Самовидца. Освѣцімъ пишетъ въ своемъ дневнике слѣдующее: „Это было пободомъ къ разоренію всей Волыни (*co bylo okazyuã zgię-panowania wszystkiego Wołynia*): ибо охочая челядь и чужеземцы, разойдясь постѣ такого дозвolenія тотчасъ на чаты въ разныя стороны, не довольствовались скотомъ, сѣѣстными припасами и другими достатками, находившимися въ убогихъ домахъ у подданныхъ, но даже вторгались толпами по-непріятельски въ дома и замочки, въ которыхъ шляхта съ своими подданными заперлась для обороны отъ непріятеля, и, какъ въ непріятельской землѣ, своихъ же, подъ предлогомъ, что они русской вѣры, истребляли мечемъ и огнемъ (*swoich же pod pretextem wiary ruskiej, mieczem i ogniem znosili*)“.

Зналъ старый Хмѣль, кого посадить на польскомъ престолѣ: разоряя русскихъ людей на Волыни, потому что они сохранили вѣру предковъ своихъ, Янъ Казимиръ оправдывалъ козацкіе подвиги во мнѣніи столъ страшнаго противника Польши, какъ раздраженное латинцами въ теченіе вѣковъ Московское Царство, и вооружалъ противъ Польши самихъ прозелитовъ полонизма, владѣльцевъ укрѣпленныхъ дворовъ и замочековъ. Соименникъ великаго Казимира, „короля хлоповъ“, какъ его называли недовольные величиемъ его, отблагодарилъ козакамъ за корону такъ, какъ не смѣть надѣяться и самъ Хмѣль, при всемъ презрѣніи своемъ къ уму разстриги-іезуита.

Снабдивъ такимъ способомъ голодное войско сѣѣстными припасами, король созвалъ знатнѣйшихъ пановъ на совѣщаніе о дальнии походѣ. На этомъ совѣщаніи князь Іеремія Вишневецкій доказывалъ, что сперва надоѣло подвинуться прямо къ Тернополю, гдѣ находился тогда Хмельницкій, и ударить неожиданно на непріятеля, пока не соединится онъ со своими союзниками. Другіе совѣтовали королю запасть Глиняны подъ Львовомъ, чтобы не дать Хмельницкому

соединиться съ Ракочимъ. Всѣ же вообще рѣшили, что лучше будетъ обождать, пока соберется шляхта, такъ какъ силы Хмельницкаго, со временемъ прибытия короля въ лагерь, выросли, и мѣритьсь съ ними невозможно, а между тѣмъ и послополитаки, и квартяки, находясь уже недалеко, въ дорогѣ, могли прійти въ лагерь черезъ нѣсколько дней. Вишневецкій и его воинственная партія были оставлены въ тычи.

Дѣйствительно, вскорѣ по прибытии короля въ лагерь, начали ставиться отряды послополитаго рушенія. Съ каждымъ днемъ приходили съ боевымъ громомъ нарядные дружины послополитаковъ, представившія всеводства, земли, повѣты, приходили богатые полки великихъ наановъ, вербованныя хоругви съ толпами слугъ и съ возвозыми таборами, точно какъ будто вся Польша поднялась для возобновленія панской колонизаціи, уничтожаемой козаками, Татарами и собственными руинниками, съ королемъ во главѣ, разорившими Волынь и покозаками, и потатарски.

Но собственные руинники не принимались сю во вниманіе, когда она воодушевлялась рѣшимостью подавить иновѣрныхъ. Не только наемные дружины да панская челядь заставляли въ Польшѣ убогихъ людей всякаго званія „прошибать небеса воплями“, даже великодушные рыцари, волонтеры, принадлежавшіе къ древнимъ и славнымъ домамъ, нерѣдко занимались грабежемъ, не обращая вниманія на различіе вѣроисповѣданій и, вместо того, чтобы спѣшить на помощь присяжнымъ патріотамъ, предпочитали возвращаться съ награбленной добычей домой, какъ съ трофеями боеваго мужества. Что касается такихъ дѣлъ, какое хотѣль совершить король надъ шляхетскими сундуками и какое совершилъ надъ шляхетскими домами и замочками, то эти дѣла не смущали ни его самого, ни его приближенныхъ.

Такъ какъ походъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ крестовый, то христолюбивому панскому воинству по ночамъ являлись видѣнія, знаменовавшія будущее величіе Польши и ее короля. Освѣтимъ разсказываетъ весьма серьезно, что ротмистръ канцлерской хоругви (а канцлеромъ былъ теперь ксендзъ-бискупъ), стоя на часахъ съ пѣхотинцами, видѣли въ облакахъ короля, сидящаго на золотомъ престолѣ между двухъ ангеловъ, изъ которыхъ одинъ держалъ корону, а другой—мечъ надъ его головой. Это было на одной сторонѣ лагеря. На другой — Бенгерцы видѣли среди голубаго облака зеленый вертоградъ, очень красивый, въ срединѣ которого они прочли латинскую надпись: *Imperator mundi* *), начертанную большими золотыми буквами. Они

*) Повелитель вселенной. Слово это было въ срединѣ XVII столѣтія, въ

подтвердили присягою (удостовѣряетъ Освѣцімъ), что дѣйствительно читали надпись.

Пройдя молчаніемъ окончательное разореніе волынскій шляхты подъ тѣмъ предлогомъ, что она была русской вѣры, польская исторіографія говоритъ съ умиленіемъ, что представляемая походнымъ народомъ Польша была настросна „чрезвычайно набожно“. Подобно тому какъ у Ина Казимира, во время его забавъ собаками и кой-чѣмъ похуже, сжедневно служили іезуиты въ передней комнатѣ святую мишу, здѣсь безпрерывно отправлялось богослуженіе, а королевскій навѣсъ, въ которомъ стоялъ чудотворный образъ Богоматери, день и ночь былъ полонъ молящихся людей. Подъ вліяніемъ безпрерывнаго богослуженія и назиданій, дозволяющихъ разорять не только козакующую, но и полякующую Русь, ночью 31 мая хоругвь Станислава Потоцкаго видѣла женщину, которая покрывала своимъ плащемъ весь польскій лагерь. Женщины, призвавши въ неї Божію Матерь, соскочили съ лошадей, упали на колѣни и начали пѣть *Litaniam Lauretanam*.... Пускай бы они пѣли себѣ въ отраду латинскіе гимны, но грустно думать, что это были наши подоляне, отщепленные отъ вѣры предковъ своихъ, какъ и ихъ паны, Потоцкіе, полонизованные на началахъ обращенія ко всему русскому и натравленные сперва противъ Великой, а теперь и противъ Малой Руси.

Но одного натравливанья было съ ксендзовъ, „народныхъ пророковъ“ польскихъ, мало. Чудотворный образъ, привезенный ими въ лагерь, принадлежалъ нашей соборной церкви въ Холмѣ, однакожъ молитвословили передъ нимъ не православные священники, а католические ксендзы. Русская часть королевскаго войска, молясь подъ ихъ молитвословіе передъ своей святыней, претворялась этимъ способомъ въ сообщниковъ тѣхъ, которые изъ ихъ роднаго края дѣлали Новую Польшу.

Замѣчательно, однакожъ, къ чему вели польское воинство многочисленныя ночные явленія по замѣчанію современнаго намъ историка Поляка. Онъ говоритъ, что эти явленія „держали умы однихъ въ горячечномъ напряженіи, а у другихъ ослабляли энергію и мужество до ханжества (až do dewocji), или совершенной безнадежности (zwałpienia)“.

Положеніе Шляхетскаго Народа, консолидированаго подъ Сокальмъ, вытекало чзъ его исторической формациі. Голова у этого иѣ-когда могущественнаго политическаго тѣла была панская, торсъ—шляхетскій, а руки и ноги—простонародныя, мѣщано-мужицкія, но-польски вообще хлопскія. И вотъ, въ то время, когда вся умственная и

нравственная энергія Польши была олицетворена сокальскимъ соборищемъ, ее колебали вѣсти, приходившія изъ Надвислія, изъ Великой Польши, изъ воеводствъ Люблинскаго, Русскаго, о хлопскихъ бунтахъ, которые грозили рѣзнею панскимъ и шляхетскимъ семействамъ, — вѣсти о революціи рука и нога противъ ихъ собственнаго тѣла. Въ то же самое время Ракочій угрожалъ нападеніемъ со стороны Кракова; а передъ глазами у пановъ стояли козаки съ окозаченою чернью и палѣями мужиками, которые были вооружены списами, пожами, косами, пращами, цѣпами и кіями: милиція, грозная многочисленностью и самыи дикии, жартующимъ скрибствомъ. Еслибы и было возможно презирать эту страшную гидру съ возобновляющимися вѣчно головами, то диверсію панскимъ силамъ ежеминутно могли сдѣлать Оттоманская Имперія, Московское Царство и даже Швеція. Между тѣмъ оборона государства лежала на плечахъ западныхъ воеводствъ, которыхъ составляли едва третью часть его, такъ какъ Бѣлоруссія должна была обороняться дома. Въ лагерѣ подъ Сокalemъ находились всѣ силы и послѣднія средства Рѣчи Посполитой. Въ случаѣ промырши дѣла, Полякамъ, по словамъ польского историка, не зачѣмъ было возвращаться домой.

„Зная это“ (продолжаетъ опь), „паны стояли бездѣйственно, въ то время, когда непріятель соединялся и вырасталъ силою, и было у нихъ довольно времени и справедливыхъ причинъ для критики своихъ вождей, для предчувствій, тревогъ и безнадежности. Не доставало человѣка, который бы эти массы изъять въ сильныя руки, увлечь ихъ за собою, вдохновилъ вѣрою въ себя и воспламенилъ надеждою побѣды. Войско не имѣло никакой увѣренности въ гетманахъ: ихъ прошедшее не давало для тогъ основанія. Короля не любили и цѣнили низко. Упрекали его въ легкомысліи, въ измѣнчивости и въ совершиенной неспособности къ веденію войны. Средства, которыми онъ содержалъ войско, отняли у него и послѣднее достоинство. Постоянныя смотры и маневры, посредствомъ которыхъ онъ хотѣлъ править войскомъ, не имѣя обѣзъ этомъ никакого понятія, дѣлали его смѣшнымъ въ глазахъ старыхъ воиновъ. Его императорская гримаса (*mine impetratorska*) не импонировала никому. Его благосклонность къ иностраннымъ офицерамъ досадовала польскихъ предводителей; строгость, посредствомъ которой силился онъ ввести въ лагерь соподчиненіе, давала совершенно противный результатъ, а постоянныя перемѣны въ военныхъ планахъ лишали всѣхъ надежды на успѣхъ. Это непостоянство въ намѣреніяхъ было для всего войска наиболѣшимъ поводомъ къ соблазну. Что ни постановила бы военная рада, какъ дѣло неиз-

мѣнное, было извращаемо всякимъ частнымъ наитіемъ. Первая цѣлѣ-
пая вѣсть путала отданые приказы и всѣ приготовленія вождей, сдѣ-
ланные по общему согласію. Другимъ зломъ была несоподчиненность
въ войскѣ, увеличивавшаяся съ каждымъ днемъ, а поводомъ къ ней
была беспорядочность военного судопроизводства. Въ прежнія времена,
когда польскій король находился въ лагерѣ, высшая войсковая
власть была всегда у него въ рукахъ, но въ судопроизводствѣ вожди
и сановники дѣйствовали самосостоятельно и непреложно. Каждый
исполнялъ свою обязанность, и жолнеръ зналъ, откуда можетъ постиг-
нуть его кара. Теперь же, по совѣту иностранцевъ, которые хотѣли
присвоить себѣ достоинство военныхъ сановниковъ, король миновалъ
старыхъ должностныхъ лицъ, и лежанія па нихъ обязанности пору-
чали исполнять лицамъ новымъ. Гетманы не были гетманами, обоз-
ный не былъ обознымъ, стражникъ не былъ стражникомъ, потому что
самъ король хотѣлъ быть гетманомъ, обознымъ, стражникомъ,—хотѣлъ
быть всѣмъ, а для занятія своего мѣста употреблялъ такія личности,
которымъ ничто не давало права заниматься этими дѣлами. Потому-то
жолнеръ обращалъ мало вниманія на новыхъ и прежнихъ начальни-
ковъ, а офицеры, видя, что ихъ миновали и препебрегли, не заботи-
лись о порядкѣ и субординаціѣ: такъ какъ о дѣлѣ, о которомъ пекут-
ся всѣ, никто не печется. Отсюда полная неурядица въ войскѣ; от-
сюда ежечасная перемѣна постановленій; отсюда беззаботность о зна-
нії непріятельскихъ замысловъ. Одинъ оглядывался на другаго, ни-
кто не исполнялъ своей обязанности, никто ни о чёмъ не вѣдалъ.
Король не имѣлъ никакой увѣренности въ способностяхъ своихъ офи-
церовъ, а тѣ взаимно себя чернили и постоянноссорились. Когда до-
ходило дѣло до рады, члены ся подавали самыя противоположныя мнѣ-
нія, и казалось, что никто не зналъ, зачѣмъ прибылъ въ лагерь: ибо
всѣ были склонны больше къ трактатамъ, нежели къ битвѣ. Къ сча-
стью (преблагаетъ польскій историкъ), „въ королевскомъ войскѣ наход-
дилось два человѣка, которые въ настоящемъ случаѣ могли бы спасти
Рѣчь Посполитую отъ окончательной гибели. Первый изъ нихъ, князь
Іеремія Вишневецкій, любимецъ всего народа, за котораго грудью
могла бы дышать спокойно вся отчизпа, держался скромно въ сторо-
нѣ; но его слова, произнесенные въ решительный моментъ, были все-
гда сигналомъ и вѣльнемъ для всѣхъ, и не было сомнѣнія, что въ
случаѣ крайности, вся шляхта безъ колебанія отдалась бы въ руки
того, который, по словамъ одного изъ его поклонниковъ, сдѣлавшимъ-
ся популярными, любилъ славу и ходилъ въ ней, какъ въ солнечномъ
сияніи (w sÅwie siÄ kochał i w niÄj, jak po sÅoñcu, chodził). Другой

быть мало въ то время извѣстный поручикъ (намѣстника) короннаго великаго гетмана, Стефанъ Чарнецкій, но ежедневно, однакожъ, вырѣставшій вліяніемъ и значеніемъ у короля. И вотъ битва подъ Берестечкомъ для первого изъ нихъ была яркимъ отблескомъ заходящаго солнца, а для другаго — зарею восходящей славы богатыря“, — увы! (скажетъ русскій читатель) „богатыря безплоднаго мщенія, которое ожесточило непримиемыхъ враговъ болѣше прежняго“.

Война, начавшаяся изъ-за ничтожной женщины и мелкокомѣстнаго хозяйства въ глухи Чигиринщины, разбудила въ двухъ націяхъ воспоминанія столѣтій, обнаружила симпатіи и антипатіи великихъ народовъ, затронула интересы политическихъ системъ и превратилась наконецъ въ подобіе крестового похода однихъ послѣдователей Христа на другихъ, не признававшихъ взаимно другъ друга христіанами. Не католики шли противъ Сарацинъ, какъ въ онихъ славныхъ и богоопротивныхъ походахъ темнаго времени. Два духовныхъ стада, образовавшіяся во имя одного и того же божественнаго пастыря, двѣ церкви, создавшіяся во славу одного и того же Создителя, встали другъ на друга, какъ правовѣрные противъ кривовѣрныхъ и какъ благочестивые противъ злочестивыхъ. Святой отецъ, вмѣсто денегъ, которыхъ у него просили сѣверные обожатели его, прислалъ всѣмъ иудущимъ на брань отпущеніе грѣховъ, да какія-то мощи, да золотую розу, шляпу и освященный мечъ королю; а святѣйшіе патріархи восточные прислали къ козакамъ коринѣскаго митрополита, снабженного грамотою константинопольскаго патріарха, въ которой онъ восхвалялъ благочестіе Хмельницкаго и одобрялъ войну его съ врагами и угнетателями православія, измѣнниками истинной вѣры, разорителями христіанской церкви, орудіями сатаны, то-есть — съ папистами. Патріархъ писалъ къ Сильвестру Косу, прося его быть дружелюбнымъ съ Хмельницкимъ и осѣнить своимъ благословеніемъ его предпріятіе, а коринѣскаго митрополита хвалилъ за то, что онъ состоитъ при Хмельницкомъ, и ободрялъ его на духовные подвиги въ защиту православной вѣры. Достойный мусульманскаго господства Грекъ препоясалъ Козацкаго Батька мечемъ, который былъ освященъ патріархомъ не въ Римѣ, а на самомъ Гробѣ Господнемъ, вручилъ ему частицы св. мощей, принесенные имъ изъ Греціи, кропилъ святой водою козацкое войско, и вызвался сопутствовать ему на брань, въ сопровожденіи козацкаго духовенства.

Это было нововведеніе въ преславномъ Запорожскомъ Войску: козаки и при Сагайдачномъ, выступая противъ Туровъ, отвергли благой совѣтъ „кіевскихъ обывателей“ — допустить въ козацкіе тaborы

священниковъ для исповѣди и причащенія. Но въ то время православная шляхта не была еще изгнана изъ Малороссіи заодно съ иноческою во имя ея ляшества. Въ то время козаки противопоставлялись панамъ только въ смыслѣ малорусской милиціи. За отпаденіе отъ отеческой церкви Острожскихъ, Радивиловъ, Сапітъ, Замойскихъ, Чорторийскихъ, Любомирскихъ, Жовковскихъ, Потоцкихъ и другихъ великихъ панскихъ домовъ, въ устахъ такихъ апостоловъ древняго русскаго благочестія, какъ Іоаннъ Винченцій, подверглась роковому отчужденію и вся меньшая панская братія; а между тѣмъ паписты, видя въ крушеніи аристократическихъ столбовъ православія побѣду надъ греческою схизмою въ Малороссіи, повели слишкомъ уже смѣло свою пропаганду церковнымъ и воспитательнымъ путемъ. Когда буря козацкаго мятежа и мужицкаго разбоя обніла большую половину государства, окатоличенные и ортодоксальные и ортодоксальные по примѣру польскихъ пановъ Русичи, вмѣстѣ съ тѣми, чьи русскія кости обросли польскимъ мясомъ, оказались отверженцами роднаго племени и очутились изгнаниками собственныхъ домочадцевъ и захребетниковъ. Теперь онишли завоевывать свое наслѣдіе по благочестивыхъ предкахъ,—или вмѣстѣ съ коренными папистами, вмѣстѣ съ прозелитами, вмѣстѣ съ еретиками папизма и благочестія, старательно —подъ знаменемъ вѣры, злочестивой во мнѣніи той простонародной братіи, которая осталась при своемъ исконномъ духовенствѣ,—и козаки выставили противъ нихъ, точно какъ бы во свидѣтельство вѣчнаго отверженія, не только искреннихъ, но и терроризуемыхъ богомольцевъ своихъ. Такъ многіе изъ привѣтствовавшихъ въ Кіевѣ Потоцкаго за подвигъ усмиренія *рѣбеллизантовъ* очутились теперь волей и неволей во главѣ тѣхъ самыхъ ребеллизантовъ... Чего доброго! сюда могъ попасть и маслоставскій проповѣдникъ Петра Могилы, какъ попалъ митрополитъ Сильвестръ въ процессію, привѣтствовавшую тѣхъ самыхъ козаковъ, которыхъ тогда могилии вразумляли евангельскими словесами. Трагикомедія безпримѣрная!

Коринѣскій митрополитъ Іоасафъ, проживая въ Українѣ, послалъ въ Москву своего двоюроднаго брата, Грека Илью, какъ называли его москвичи, и увѣрялъ черезъ него царя въ доброжелательствѣ козацкаго гетмана. Фальшивъ этого увѣренія язвствуетъ изъ того, что и самъ митрополитъ, и братъ его старательно скрывали отъ царя сношенія Хмельницкаго съ турецкимъ султаномъ, и представляли дѣло въ такомъ видѣ, будто бы султанъ самъ предлагалъ Хмельницкому войско, да Хмельницкій де вовсе въ немъ не нуждается. Однакожъ, не нуждаясь въ войскѣ, Хмельницкій подкѣшилъ свой походъ отрядомъ ру-

мелійскихъ Турукъ да тутъ же и у цара просить черезъ Іоасафа помо-
щи на Лаховъ. Честный Грекъ подъѣжалъ къ царю и съ другой
стороны. „Подлинно видимъ и слышимъ“ (писать онъ, какъ переводили
въ Москвѣ съ греческаго по-русски), „что ихъ всѣхъ будуть Лаховъ
побѣдить козаки, а подлинно слышалъ (я) изъ усть у гетмана, что
никако миру съ ними не быть: хочетъ ихъ до конца разорить и по-
садить короля на королевство христіанскаго“. Этимъ христіанскимъ
королемъ Греки старались представить въ Москвѣ Ракочія, который
будто бы обѣщалъ Хмельницкому, вступивъ на польскій престолъ,
принять православную вѣру. Но ни ласкальствомъ, ни угрозами не
могли козацкіе агенты отклонить московскихъ политиковъ отъ того
пути, которымъ русское возсоединеніе было достигнуто безъ унич-
нія царскаго правительства.

Хмельницкій держалъ при себѣ и другаго восточнаго митропо-
лита, Гавріила назаретскаго. Выступая въ походъ, онъ отправилъ его
въ Москву съ письмомъ, въ которомъ умолялъ царя прислать ему
ратную помощь и изъявлялъ готовность поступить въ его подданство
со всей Украиною. Но ратные люди обладателя Русіи подали руку
помощи разбойникамъ только тогда, когда разбойники, видя, что имъ
кромѣ Восточнаго Царя негдѣ дѣться, прибѣжали, вмѣстѣ съ обма-
нутымъ и запуганнымъ ими народомъ, подъ высокую царскую руку.
Только въ качествѣ подданныхъ московскаго самодержца получили
они значеніе христіанскихъ воиновъ. Съ подданными не стыдно и не
грѣшно было идти подъ однимъ знаменемъ. Подданные не смѣли вое-
вать за Божіі храмы подъ мусульманскими бунчуками. Подданные у
„единаго сіяющаго подъ солнцемъ православнаго царя“ не могли рас-
плачиваться съ Ордою христіанскимъ ясыромъ, какъ они сдѣлали у
злочестиваго короля. За подданныхъ козаковъ царь принималъ на се-
бя отвѣтственность передъ судомъ Божіимъ и передъ судомъ поддан-
ныхъ не козаковъ, которымъ дорожилъ, въ своемъ самодержавномъ вели-
чіи, несравненно больше короля королей-республиканцевъ.

Хмельницкій находился теперь, какъ и всегда, въ положеніи
опасномъ. Походъ 1649 года разочаровалъ мужиковъ на счетъ обиль-
наго грабежа подъ козакотатарскими бунчуками. Голодъ и нищета,
наступившіе послѣ внезапнаго обогащенія, обратили многихъ на путь,
оставленный ради невѣрнаго козацкаго промысла. Мужики предпочи-
тали быть хлѣборобами и гречкосѣями подъ какой бы то ни было
властью, вмѣсто того чтобы съ козаками подъ татарскія нагайки
да буздыганы на войну и въ татарскія лыка съ войны. Хмельницкаго
проклинали даже послѣ первыхъ его успѣховъ за предательство по-

спольства Татарамъ. Теперь уже не стыдились пѣть про него на-смѣшилывыи и грозящія пѣсни, которыхъ онъ старался не слышать, но которыхъ, безъ сомнѣнія, доходили до него черезъ ста безчисленныхъ шпіоновъ и доносчиковъ. Татарская охота за козацкими женами и дѣтьми вооружила противъ него даже тѣхъ, которые обогатились добычою, какъ онъ самъ. Дошло до того, что въкоторые значные казаки, при самомъ началѣ новой войны, предложили свои услуги панамъ противъ Козацкаго Батька. Какими средствами козачина выросла, такимъ же должна была себя и поддерживать; а поддержка бунта болѣе завзятымъ бунтомъ и войны болѣе кровавой войною вела къ истощенію массы, изъ которой козачина начерпалася новыя и новыя боевые силы, или же---къ ея возстанію противъ козацкихъ злодѣйній. Хмельницкому предстояло то и другое.

Около двухъ недѣль уже юртовалось (употреблено здесь козако-татарское слово) панское войско въ своемъ бездѣйствіи, давая непріятелю время站нуть всѣ свои силы. Юртовалась бы шляхетная орда и дольше въ своемъ лагерѣ-юртѣ, когда бы не пришла вѣсть, что крымскій ханъ соединился съ украинскими. Получено было также извѣстіе, что непріятель занялъ проходы подъ Тернополемъ, попортить переправы и подвигается уже къ Винницѣ и Кременцу, между тѣмъ какъ его чати приближаются къ рѣкѣ Стыру. Все сводилось къ тому, что соединенная козакотатарская сила перейдуть Стырь подъ Берестечкомъ, и вскорѣ явятся подъ Сокалемъ.

Застоявшіеся въ лагерь паны всполошились. Немедленно быть посланъ Александръ Конецпольскій съ 4.000 войска занять подъ Берестечкомъ переправы, а въ сокальскомъ стану собрались военная рада. Въ неї принимали участіе предводители десяти корнусовъ, на которые дѣлилось войско, всѣ министры и сенаторы, канцеляры и старосты, въ качествѣ вождей посполитаго рушения, всѣ высшіе офицеры, инженеры и войковые чиновники.

Оба коронные гетмана объявили рѣшительно, что надобно оставаться на мѣстѣ, укрѣпить лагерь сильнѣ и ждать непріятеля. Большая часть полководцевъ была того же мнѣнія. Всѣ они не допускали возможности одолѣть соединеніемъ непріятельскія силы, и совѣтовали ждать, пока не прибудутъ воеводства Великопольское и Мазовецкое, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, непріятель можетъ ихъ отрѣзать и уничтожить.

Но главнымъ аргументомъ, таившимся въ душѣ каждого, (пишетъ историкъ Полякъ) было опасеніе неопытности и легкомыслія короля. Безсознательный сотрудникъ Хмельницкаго въ уничтоженіи Польши,

Янъ Казимиръ, теперь, когда приближался послѣдній моментъ войны, вдохновлялся все болѣе и болѣе „ревностью не по разуму“.

Къ счастью для пановъ, Русинъ-католикъ Стефанъ Чернецкій началъ уже входить въ славу знатока стратегіи и тактики. Въ противность большинству вождей, онъ соглашался съ тѣми, которые со-вѣтовали идти подъ Берестечко. Дѣй недѣли уже твердили онъ королю и сенаторамъ, что надобно воспользоваться отсутствиемъ хана и ударить на Хмельницкаго: иначе—ожиданіе и бездѣйствіе ослабятъ бодрость духа въ войскѣ и усилить козаковъ. На гетманскаго любимца не обращали вниманія; видѣли въ немъ только талантливаго теоретика и смѣльчака. Теперь же большая часть вождей смотрѣла на него, какъ на вреднаго и опаснаго человѣка, который пользуется неопытностью короля, предубѣжденаго въ его пользу. Его слушали нетерпѣливо, его даже ненавидѣли, но всѣхъ удерживало отъ рѣзкости вниманіе, съ какимъ генералы Прішемскій, Мандель, Убальдъ выслушивали его доводы.

Три дня боролся Чернецкій съ противниками своего плана, и наконецъ движение подъ Берестечко представилось большинству, какъ необходимость и какъ единственное спасеніе войска и Рѣчи Посполитой. Аргументы Полякорусса Чернецкаго отличались тою простотой, съ которой обыкновенно высказываются глубокія и многосложныя соображенія таланта. Остаться подъ Сокалемъ значило—отдать Волынь и Полѣсье въ жертву непріятелю, значило—позволить ему подкрѣпить себя новыми массами мужиковъ и соединиться правымъ крыломъ съ литвокозацкимъ ополченіемъ, отъ чего силы противника возросли бы до полумилліона. Подъ Сокалемъ не было удобнаго мѣста для полевой битвы. Окрестность была голодна и пустынна. Пришлось бы—или уходить, или подвергнуться осадѣ, и въ такомъ случаѣ тысячу 15 посполитаковъ были бы—или отрѣзаны, или истреблены, а король и Рѣч Посполитая, не имѣя никакой надежды на спасеніе, зависѣли бы отъ благосклонности судьбы, или непріятеля. Напротивъ подъ Берестечкомъ было мѣсто, удобное для битвы. Оно представляло всѣ шансы побѣды: ибо, хотя бы непріятель былъ втрое и вчетверо многочисленнѣе, то не могъ бы развернуть всѣхъ своихъ силь. Паши для лошадей было достаточно. Рѣка Стыръ и болота рѣчки Прѣсни защищали лагерь. Въ случаѣ проигрыша, можно было спокойно отступить, а еслибы непріятель, какъ были слухи, имѣлъ намѣреніе отступать къ Киеву и протянуть войну, оттуда легко было въ этомъ ему помѣшать.

Когда было наконецъ решено, что войско двинется къ Берестечку, Чернецкій выступилъ съ другимъ, еще болѣе смѣльмъ планомъ:

двинуться подъ Берестечко комонникомъ, то есть возы и челядь оставить подъ Сокалемъ.

Чтобы понять, какое значеніе придавать Чернечкій своему плану, надоѣдо знать, что это были за возы и вся обозная челядь вмѣстѣ съ ея господами, по описанію самихъ Поляковъ. Каждый даже не богатый шляхтич (убогіе служили въ надворныхъ хоругвяхъ) брать изъ дома палатку, вооруженіе, военные снаряды и сѣбѣстные припасы для себя, для слугъ и для лошадей въ такомъ количествѣ, чтобы во время кампаніи не терпѣть голоду. Самъ онъ ѿхалъ на возу, „козакъ“ *) его ѿхалъ на верховой лошади, а возница — на козлахъ.

Торныхъ дорогъ въ тѣ времена не было. Кони погрязали въ топкихъ мѣстахъ, въ пескѣ или же въ размягченномъ дождями черноземѣ. Поэтому возы должныствовали быть малы и легки на ходу. Колеса дѣлались дома; ободья не отличались правильностью, а оси не всегда подмазывались. Во время похода поднималось такое скрипѣнье, какъ у Половцевъ, о которыхъ напѣ древній баянъ говорить: „кричать телѣги въ полунощи, рцы лебеди роспущены“. На скрипучемъ возу утверждался высокій плетеный кошь (по-татарски *ктоши*), и во всей постройкѣ походной колесницы не было ни кусочка желѣза.

Самый убогій шляхтич, отправляясь на войну, бралъ съ собой обыкновенно два воза, три или четыре коня и двоихъ слугъ. Можно судить, сколько ихъ бралъ богачъ, не отказывавшій себѣ въ удовольствіи походной жизни. Возили за собой паны полную кухню, цѣлую пивницу, удобные и нарядные шатры, дворовую прислугу въ составѣ королевскаго двора, экипажи и цуговыхъ парадныхъ лошадей. Вельможи вступали въ лагерь цѣлыми таборами, такъ что подъ Ниливцами на 34.000 посланниковъ было 200.000 слугъ, а бѣглецы оставили на мѣстѣ 160.000 возовъ. Подъ Берестечкомъ не было уже такой роскоши и щеголеватости, но зато въ лагерь находился король со дворочь, вѣсъ министры Рѣчи Посполитой, 40.000 шляхты, болѣе 20.000 лановыхъ и дворовыхъ жолнеровъ и 36.000 регулярнаго войска, которые также требовали значительного числа возовъ. Очевидецъ насчиталъ

*) Въ настоящемъ случаѣ козакъ у шляхтича былъ тѣмъ, чѣмъ у козака былъ чура или джурда (джауръ). Воюя мѣстными обычаемъ, шляхтич окозачивался, а козакъ отатаривался въ смыслѣ военного ремесла; но оба они учились этому ремеслу у азіатскихъnomadovъ, которые уничтожили древній Киевъ и потрясли Краковъ. Здѣсь видно то средство шляхтича съ козакомъ, которое объясняетъ, почему во главѣ козацкихъ бунтовъ является шляхта различныхъ вѣроисповѣданій. Сродство козака съ татаиномъ не менѣе очевидно.

ихъ полмилліона подъ Сокалемъ, а потому было тамъ не менѣе полу-
милліона слугъ и милліона полутора лошадей: цифра невѣроятная, но
она основывается на общемъ убѣждѣніи, что въ панскомъ лагерѣ во-
зы надобно считать не десятками, а сотнями тысячъ.

Эти возы были причиною, что шляхта, кочуя обозомъ удобно, не
охотно перемѣняла мѣсто, и никоимъ образомъ не допускала надъ со-
бой дисциплинарной строгости. Она и здѣсь помнила, что шляхтичъ
въ городѣ равенъ воеводѣ, все равно какъ и козакъ помнилъ вездѣ,
что онъ вольный козакъ, хоть и гнали его па бой сзади, все равно
какъ и Татаринъ зналъ, что хану повинуется Орда только въ Крыму,
и то не всегда. Подъ Берестечко сошлись на бой три вольницы: ци-
вилизованная, полудикая и совсѣмъ дикая.

Столь огромный таборъ, и независимо отъ атавизма, именуемаго
шляхетскою вольностью, дѣлалъ невозможнымъ всякое эпидемическое
движеніе, и такъ какъ, при такой массѣ людей, лошадей и возовъ,
нельзя было сохранить въ походѣ порядка, то панскому лагерю еже-
минутно угрожала опасность, что нападеніе непріятеля, расположеннаго
невдалекѣ отъ Стыра, могло разорвать безпорядочную громадину
на части. По этой-то причинѣ Чернецкій предлагалъ оставить возы и
челядь въ укрѣплennомъ лагерѣ подъ Сокалемъ, съ некоторою частью
пѣхоты и коннicy для обороны и порядка, а съ остальнымъ войскомъ
и необходимымъ багажемъ двинуться подъ Берестечко комонникомъ.

Большая часть вождей не хотѣла рисковать своею популярностью
у всемогущей шляхты и отказаться отъ походныхъ удобствъ. Попу-
лярники и сибариты объявили напрямикъ, что—или совсѣмъ не слѣ-
довало двигаться съ мѣста, или двигаться въ полномъ составѣ. Но,
такъ какъ этого мнѣнія не поддержали они никакимъ аргументомъ,
то король объявилъ военной радѣ своей, что войско пойдетъ комон-
никомъ, и съ этимъ отпустилъ гетмановъ и тѣхъ, которые умѣли про-
тиворѣчить, но не могли придумать ничего убѣдительнаго. Въ другой,
болѣе ограниченной, радѣ было постановлено—въ слѣдующій же день
готовиться къ походу; 15 мая, на разсвѣтѣ, войско выступить одной
дорогой, а необходимые фургоны и возы пойдутъ тремя дорогами. Въ
два дня надѣялись прійти подъ Берестечко.

Лишь только этотъ приказъ протрубыли въ лагерѣ, шляхта бро-
силась въ собственную раду. Воеводства, земли и повѣты собрались
каждое въ свой кругъ (*koło*), и выбрали пословъ для генерального
ѣдла. Генеральное коло отправило посольство къ гетманамъ, и такъ
какъ не было недостатка въ людяхъ, умѣвшихъ искать своихъ выгодъ
подъ прикрытиемъ общественныхъ интересовъ, то пущена была въ

ходъ мысль, что эти огромныя толпы челяди, оставленныя въ лагерь, могутъ поднять бунтъ и, въ отсутствіе своихъ пановъ, разграбить ихъ имущество, что поведѣть Рѣчъ Посполитую къ послѣдней гибели.

Мысль эта послужила сигналомъ общаго ропота. Предчувствуя грозящее отечеству несчастье отъ рукъ и ногъ, которыя голова и торсъ исключали изъ политического тѣла, посланники отправили къ королю пословъ; но король не допустилъ ихъ къ себѣ, и они обратились къ генералу Пршибемскому съ мольбой отъ всей шляхты спасать отечество. Пршибемскій, въ качествѣ полеваго писаря, побѣжалъ къ королю, бросился ему къ ногамъ и такъ настойчиво умолялъ его, что король испугался собственнаго рѣшевія. Отданъ былъ приказъ готовиться къ походу съ возами.

Чтобы сохранить, однакожъ, какой-нибудь порядокъ въ громадномъ передвиженіи, королевская канцелярія раздѣлила войско на три дивизіи, начертала весь походъ на бумагѣ и раздала чертежъ во многихъ экземплярахъ по полкамъ, а возы каждой дивизіи велѣла сперва обозначить разными красками. Способъ этотъ, практикованный съ пользою въ голландскомъ войскѣ, произвелъ новое замѣшательство. Посыпались упреки и грубости на вождей: зачѣмъ такое новое дѣло сдѣлано частнымъ образомъ, безъ соглашенія съ посланниками! Шляхетскій популярникъ, Николай Потоцкій, „счастливый тѣмъ, что думалъ однажды со всѣми“, началъ публично порицать короля, теребилъ себѣ бороду, бросилъ на землю булаву и отрекался отъ гетманства, а когда его упрашивали, чтобы этого не дѣлалъ, онъ, по примѣру Ходкевича подъ Москвою, готовъ былъ собственоручно расправиться съ подчиненными булавою, но, какъ булавы не было уже въ рукахъ, то кричалъ трагически: „Прочь отъ меня, а то пихну ножемъ“.

Въ придачу къ кукишу короннаго вице-фельдмаршала, эта выходка характеризуетъ голову Рѣчи Посполитой, боявшуюся, вмѣстѣ съ торсомъ, рукъ и ногъ своихъ. И вотъ какъ готовились паны къ великому походу подъ Берестечко, который только игрою вицѣнныхъ обстоятельствъ не сдѣлялся для нихъ повтореніемъ Пилиавецкаго бѣгства.

Утро 15 (5) июня было туманное. Да же четверти мили не видать было ничего. Изрѣдка только восходящее солнце прорвалось между облаковъ. На разсвѣтѣ двинулись крикливыя возы, за пими — войско; но тотчасъ же наступилъ такой беспорядокъ, что канцелярскіе чертежи послужили только къ общему замѣшательству. Отъ короля и короннаго гетмана до послѣдняго посланника, за исключеніемъ немногихъ бѣдствовавшихъ среди нихъ, умныхъ людей, всѣхъ можно было назвать сумасшедшими.

Непобѣдимый побѣдитель стоялъ на лагерныхъ шанцахъ, и передъ нимъ необозримая масса иѣсколькихъ сотенъ тысячъ возовъ, съ полумиліономъ людей и лошадей, сбилась въ непонятное мѣсто, и никакимъ образомъ не могла двинуться съ мѣста. Призывы, крики, проклятия, топотъ и ржанье лошадей, скрипѣніе возовъ — представляли омутъ и хаосъ, который, по словамъ польского историка, „увлекалъ каждого въ свой черторый (wir), отнималъ умъ и сознаніе“.

Король разослалъ сильныя стражи во всѣ стороны, опасаясь повторенія зборовской внезапности, а самъ шепталъ молитвы, какъ заклинанія противъ непостижимаго для него смытія. Едва около полудня перестала пляхта кружиться какъ въ лабиринтѣ и двинулась по направлению своей дороги. Кто-то и какъ-то поставилъ рейтарскіе полки па фронтѣ; кто-то вытянулъ крайніе ряды одинъ возлѣ другаго на дорогу; кто-то рубилъ и громилъ слушниковъ... наконецъ весь таборъ тронулся съ мѣста.

Двои сутки выступали возы и войско изъ-подъ Соколя. Пространство въ 8 миль, отдѣляющее отъ нихъ Берестечко, которое можно пройти форсированнымъ маршемъ въ одинъ сутки, панское войскошло дѣлыхъ пять сутокъ. Въ первый день отодвинулось оно отъ заколдованаго мѣста только на одну милю.

На половинѣ пути, подъ Стояновымъ, случилось происшествіе, которое, по словамъ почтенаго историка, свидѣтельствуетъ, что польскому жолнеру, привычному къ боевой жизни, „недоставало только желѣзной руки полководца“. Король, окончивъ смотръ полковъ на равнинѣ, ввелъ ихъ около 8 часовъ вечера въ лагерь, который былъ расположено между селами Брамою и Доломъ. Едва жолнеры размѣстились по палаткамъ, какъ челядь, стоявшая въ отдаленіи при лошадяхъ и возахъ, затѣяла между собой драку и стала рубиться. Ея паны бросились къ ней съ обнаженными саблями, и челядь побѣжала въ королевскій лагерь.

Отъ этой тревоги распространился въ лагерь слухъ, что настунаетъ непріятель. Всѣ войско бросилось къ оружію, вылетѣло въ поле хоругвями и построилось какъ можно лучше въ боевой порядокъ. Король, разбуженный Якубомъ Михаловскимъ, составителемъ безцѣнной книги документовъ (*Księga Pamiętnicza*), выбѣжалъ изъ палатки и велѣлъ трубить тревогу.

Вожди были сконфужены, не видя непріятеля и пайдя свое войско совершиенно готовымъ къ бою. Король смѣшался больше всѣхъ, и, вмѣсто того чтобы восхищаться войсковою традиціей, баниль окру-

жавшихъ его самыми скверными словами (*klął brzydko na wszyskich dokola*).

19 июня вся походная масса стояла надъ Стыромъ. Никто не запомнилъ, чтобы военный народъ собрался въ такомъ количествѣ. Король съ квартальнымъ войскомъ расположился надъ Щуровцами, въ двухъ миляхъ къ югу отъ Берестечка, прикрывая переправу тaborовъ и посполитаковъ, которые готовились два дня къ переходу черезъ рѣку.

Шляхта не хотѣла переходить за Стыръ, ни соединиться съ войскомъ, пока не подопли великопольскія воеводства.

Король, видя новое упорство шляхты, началъ игнорировать ее; переправился черезъ рѣку съ квартальнымъ войскомъ мѣстахъ въ пятнадцати, и 22 числа расположился на Берестечской равнинѣ, вѣлько укрѣпить лагерь только слегка, такъ какъ не зналъ, долго ли придется стоять. Во время похода онъ получилъ извѣстіе, что непріятель хочетъ протянуть кампанію и решительно замыслилъ отступить къ Киеву. Чтобы воспрепятствовать отступлѣнію, король вознамѣрился двинуться къ Дубну.

Передъ фронтомъ лагеря, стоявшаго подъ Берестечкомъ, разстипалось широкое, длинное, необозримое поле, весьма удобное для битвы такихъ огромныхъ войскъ. Посреди сухой и длинной равнины возвышалось нѣсколько холмовъ. Съ правой стороны Берестечское поле замыкали густые лѣса, тянувшіеся къ Лѣснѣву и Щуровичамъ. Съ лѣвой—протекала къ сѣверу рѣчка Пляшова, и отъ села, называвшагося Королевскою Пляшовою, вливалась въ топи и обширныя непрѣходимыя болота. Въ тылу лагеря находилось мѣстечко Берестечко и рѣка Стыръ, обната съ обѣихъ сторонъ болотами, а надъ нею съ одной стороны село Струмелецъ, а съ другой—замокъ Перемиль, оба въ милѣ отъ Берестечка.

Весь лагерь былъ обращенъ къ востоку, какъ бы ждалъ непріятеля съ поля, между селомъ Силенкою и пынѣшнею Пляшовою. Онъ занималъ обширное пространство, безъ всякаго порядка. Каждый становился тамъ, гдѣ кому правилось, не обращая вниманія на указанія обознаго. Однакожъ, мѣстность имѣла ту важную выгоду, что кругомъ было много пашн для лошадей, и что королевское войско, въ случаѣ битвы, могло па этихъ поляхъ развернуться соотвѣтственно своимъ силамъ, не рискуя быть окруженнymъ, тогда какъ у непріятеля поприще было сравнительно узкое, первое и болотистое, такъ что превосходство его численности скорѣе могло вредить ему, нежели помогать.

Въ это время агенты Хмельницкаго дѣлали уже свое—какъ называли бы кіевскіе атависты—достославное дѣло. Велико-и малопольские мужики подняли бунтъ противъ единовѣрной шляхты, и готовились вырѣзывать все, что жило въ панскихъ дворахъ, или держало сторону помѣщиковъ, во время ихъ отсутствія. Король отправилъ въ Краковъ 1.000 посполитаковъ противъ предводителя задуманной рѣзни, Костки Напѣрскаго. Другую тысячу послалъ онъ оборонять Радивилову Олыку отъ Богуна, который скоро и отступилъ отъ нея. Александръ Конецпольскій отправился къ Дубну, чтобы занять неправы и выбрать мѣсто для лагеря. Гаврінъ Стемпковскій былъ посланъ съ подѣлѣздомъ къ Вишневцу, а на Стефана Чернецкаго возложено самое важное дѣло: развѣдать основательно о положеніи непріятеля. Отъ его извѣстій зависѣло рѣшеніе: оставаться ли войску подъ Берестечкомъ, или передвинуться къ Дубну.

Козаки и Татары стояли надъ болотистымъ Горынемъ. На пляхъ за Роковцами кочевала вуредакъ-султанъ, и на правомъ берегу соединялся съ Ордою, кочевавшею между Жиракомъ и Горынемъ, а на лѣвомъ—раскинулся Хмельницкій по Колодинскимъ полямъ. Задачу трудную взялъ на себя Черпецкій. Онъ долженъ былъ идти вдоль Слоновки черезъ Икву и Алексинецъ, безпрестанно сталкивался съ непріятельскими подѣлѣздами, а переправиться черезъ горынскія болота не осмѣливался: его могли бы отрѣзать.

Вѣстей отъ него ждали въ королевскомъ войсѣ съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Оставшаяся за Стыромъ шляхта сеймиковала, и черезъ пословъ своихъ требовала отъ короля, чтобы, согласно праву и обычаяу, онъ оставался въ лагерѣ посполитаковъ и командовалъ ими въ качествѣ высочайшаго гетмана. Въ противномъ случаѣ, грозила избрать себѣ генералиссимуса. Не нравилось ей, что король опять намѣренъ передвинуться, что не хочетъ видѣть ея войска, не хочетъ слушать по обычаяу представленія шляхетскихъ пословъ и отвѣтить на ихъ требованія. Король отвернулся отъ посольства шляхты и ушелъ, не сказавъ ни слова.

Въ то же самое время начались распри между Нѣмцами и Полякоруссами, а въ лагерѣ сдѣлалась такая дороговизна, что ломть хлѣба, стоявшій полтора гроша, продавался по 18 грошей. Король не сталъ искать „благовидныхъ“ способовъ прокормленія войска, и велѣлъ протрубить, чтобы войско само себѣ добывало живность, разрѣшивъ ему такимъ образомъ грабительство. Квартяки, челядь и даже подѣлѣзы бросились опять, какъ подъ Соколемъ, опустошать окрестности, изображая собою не защищуга края отъ козакотатарской орды, а

хищную и беспощадную орду королевскую. Грабежъ и подъ Берестечкомъ оправдывался тѣмъ, что разоряютъ не ортодоксальныхъ жителей, а схизматиковъ, на которыхъ длинулось посполитое рушение: оправданіе, гибельное для будущности Поляковъ, какъ націи шляхетской, которую оставленная въ незвѣжествѣ чернь продолжала уничтожать при всякой возможности, и на которую даже въ наше время готова броситься по первому вѣтвию сильнаго, какъ на „Ляхову“, що склонилась підъ Австрійкомъ“. Но жалкіе жолперы жалкаго короля, подобно своимъ выродкамъ, козакамъ, не стѣснялись въ набѣгахъ ни единовѣрствомъ, ни единоплеменностью: у брацлавскаго каштеляна, Стемниковскаго, находившагося тутъ же въ лагерѣ, королевскій подъѣздъ захватилъ 10.000 штукъ рогатаго скота, а замокъ въ Свимухахъ лагерная челядь вмѣстѣ съ Нѣмцами брала приступомъ три дня и наконецъ одолѣла. Въ замкѣ у Стемниковскаго сидѣли, безъ сомнѣнія, такие же Лахи, какими былъ по рожденію, или сдѣлялся по воспитанію и вѣрѣ, онъ самъ; по эти Лахи правила подзамчанами русскими, и рогатый скотъ былъ захваченъ въ имѣніи Стемниковскаго не иначе, какъ съ избѣженіемъ иувѣчью его русскихъ подданныхъ. Все это привело „безмозглымъ“ къ старому нашему съ ними счету, начавшемуся при Ягайлѣ и при его тестѣ, Людовикѣ Венгерскомъ, а проценты на проценты въ предубѣжденіяхъ ничего не взвѣшивавшей народной Немезиды росли съ быстротой погибельной. Польская исторіографія, безотрадная въ своей вѣрности правдѣ факта, равно какъ и въ софистическомъ самооправданіи, изображаетъ безпримѣрное развращеніе Шляхетскаго Народа его развращеннымъ правительствомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

Подѣзы отказались повиноваться; жолперъ не хотѣлъ исполнять своихъ обязанностей; въ лагерѣ съ каждымъ днемъ беспорядки увеличивались, и никто не знать, что дѣлать (*nikt nie wiedział co robić*).

Вотъ какая вѣра, вотъ какая общественность, вотъ какая государственность (скажетъ русскій читатель) усиливались воспреобладать въ Малороссіи! Козаки, какъ беззаботные рушиники, были еще болѣшимъ зломъ; но ядъ, приподнесенный памъ въ видѣ созданной римской политикой культуры, требовалъ антикультурного противоядія. Принявъ именемъ козачиной и гетманщиной антидотъ, въ ужасающей дозѣ, мы не совсѣмъ выздоровѣли даже и нынѣ, по русское самосознаніе къ намъ возвращается, и русского возсоединенія „въ духѣ и истины“ мы чаемъ.

Небольшіе подъѣзdy и чаты, высылаемые на добываніе языковъ, приводили ихъ множество, по ничего вѣрнаго нельзя было отъ нихъ добиться. Вѣсти, собраанныя въ походѣ Черпецкимъ и Стемпковскимъ, не имѣли важнаго значенія. Оба доносили, что главная козацкая сила стоитъ подъ Колодыньмъ, въ милѣ отъ Збаража; что Хмельницкій замышляетъ бороться выносчивостью и хочетъ заманить короля въ голоднія области, которая теперь опустошаютъ огнемъ и мечемъ; что ханъ прибылъ 21 числа на козацкія кочевья; что подъ королевскимъ обозомъ увиивается множество козацкихъ чать съ цѣлью добыть языка... Вѣстей набралось много, но ничего въ нихъ положительного не было. Одни были увѣрены, что Хмельницкій двигается въ Украину, что будетъ все истреблять на своемъ пути, которымъ будетъ преслѣдоваться его король. Другихъ смущала мысль, что послопитое рушепіе обратится въ ничто. Если шляхта не пойдетъ *комонникомъ*, то *льнивымъ таборомъ* никогда не доберется до непріятеля. Если Хмельницкій удашится за Днѣпръ, то вся кампанія кончится ничѣмъ: ибо послопитаки должны будуть вернуться домой, а войско безъ нихъ будетъ не въ силахъ идти за Днѣпръ. Были и такіе, что ожидали съ каждой минутой Татаръ въ лагерь. Но здѣсь не было коноплянниковъ, какъ подъ Зборовымъ, гдѣ въ убѣжищѣ храбрецовъ нашли даже брошенныя знамена.

Уже первые два дня, проведенные въ бездѣйствіи подъ Берестечкомъ, угрожали паденіемъ военной дисциплины. Король хотѣлъ постановить нечто вѣрное, и вотъ, въ день своихъ именинъ, приязвъ молча подарки отъ пановъ (оружіе, лошадей, мисюрки, парамениники), вѣтѣль имѣ оставаться для совѣщанія. Было рѣшено прождать еще два дня, и если бы не было новыхъ вѣстей, двинуться къ Дубну. Опять возникъ вопросъ о *комоннике* и *льнивомъ таборѣ*, но остался безъ разрѣшенія. Было только приказано прокрутить въ лагерь, чтобы войско было готово къ выступленію 27 (17) іюля.

Между тѣмъ подъѣздѣ Чернечкаго пропадалъ гдѣ-то безъ вѣсти. Не вернулись и посланные вслѣдъ отряды. Дисциплина падала въ конецъ. Непріятель могъ появиться внезапно, какъ подъ Зборовымъ. Въ лагерь господствовала болѣзnenная апатія какъ въ умирающемъ тѣлѣ и въ отжившемъ свой вѣкъ государствѣ.

Когда великий монархъ, избранный на царство разбойникомъ среди кичливыхъ Польонусовъ, помогалъ ему такимъ образомъ губить настоящее и будущее Польши,—самъ разбойникъ притаился гдѣ-то въ пустыняхъ, которыебросили съ себя полуѣковую работу культиваторовъ, какъ дикарь сбрасываетъ не пригодную для его примитив-

наго быта одежду, и снова сдѣлались голыми. Было известно, что главные силы страшного въ своей таинственности Хмеля стоять между Тернополемъ и Збаражемъ, но гдѣ находился онъ самъ, сколько у него войска и куда намѣревался двинуться, этого не было въ состояніи выслѣдить никакой подъѣздъ.

Чтобы скрыть свои силы и планы, Хмельницкій раздѣлилъ козацкую орду на многолюдные таборы тѣмъ способомъ, какимъ кочевали въ Буджакахъ Татары. Таборъ отдѣлялся отъ тaborа пространствомъ въ несколько миль. Жолнеры, паткнувшись на козаковъ, не знали, что вступили въ архипелагъ отдѣльныхъ кочевьевъ, а Хмельницкій искусственнымъ расположениемъ тaborовъ и выборомъ мѣстности такъ умѣлъ маскировать свою позицію, что нельзя было распознать, что это: отдельный ли корпунъ главной арміи, или же болѣе значительная часть козацкой силы. Если случайно добывали жолнеры языка, то и онъ имъ ничего не могъ сказать ни объ остальномъ, ни о самомъ гетманѣ.

Многолюдные козацкие таборы, обставленные кругомъ сильными чатами, передвигались по временамъ съ мѣста на мѣсто; а за линіей чать, ихъ безопасность охраняли тысячи развѣдчиковъ, тогда какъ самъ гетманъ сидѣлъ въ папскихъ окопахъ подъ Збаражемъ.

Хмельницкій отправилъ въ такъ называемую Литву часть войска своего съ 700 Крымцевъ (число символическое *), подъ начальствомъ кіевского полковника Антона Івановича, и стягивалъ теперь остальные силы къ себѣ. Сильнейшими отрядами занималъ опѣ, по возможности, папское войско и подсыпалъ къ нему шпionовъ, которые притворялись бѣглецами, обманывали шпionовъ королевскихъ, туманили

*) Украинская пѣсенність любила это число. Напримѣръ:

Ой якъ изъ низу Дніпра та й до вершини

Сімъ сомъ річокъ, ще й четыри.

Или: Перебійнісѧ прдсить немідго:

Сімъ сомъ козаківъ съ собою.

И въ женской пѣсенніости то же самое:

Сватавъ мене понївъ сынъ,

Дававъ мені воївъ *сімъ*.

Или: *Сімъ* день молотила,

Чехъ, чехъ заробила.

Или: Чимъ я въ мїжъ не жона

Чимъ не господіня?

Сімъ день хаты не мела,

Смія не носила.

ихъ сказками и, развѣдавъ обо всемъ панскомъ лагерѣ, возвращались къ своему Батьку.

Позиція Хмельницкаго была такова, что, не опасаясь нападенія со стороны короля, онъ могъ въ двои сутки передвинуться подъ Сокаль, или подъ Львовъ. Не позволялъ онъ королю ни раздѣлить войска, ни подвинуться далеко впередъ. Стаповицемъ своимъ парализовалъ онъ непріятеля, могъ легко соединиться съ Татарами, сообщаться съ Ракочiemъ и собрать турецкія подкрѣпленія. Наказный полковникъ Стасенко, состоявшій при походной канцеляріи Хмельницкаго, рѣ Збаражъ, могъ, безъ всякихъ затрудненій, сноситься съ цѣлою тучею агентовъ, разосланныхъ по схизматической и католической Польшѣ для взбунтованія черни.

Теперь уже вся, можно сказать, польская Русь, въ лицѣ своихъ полонофобовъ, находилась въ тaborахъ Казацкаго Батька. Среди наплыва черни и въ самомъ войскѣ толпилось множество поповъ и монаховъ. Въ прежнія козацкія ополченія на пановъ Ляховъ, пойманые по подозрѣнію Ляхами паны оправдывались убѣдительнымъ фактомъ, что козаки не допускаютъ попа въ походные таборы, а въ 1621 году, благочестивые кievскіе „обыватели“ напрасно писали къ Сагайдачному: „чому бы и памъ, покинувши поганскіе ворожки, же (что) попъ на всякую потребу (битву) пепцасливый,— положивши на Бога надѣю, для исповѣди и для причастя завше (всегда) своихъ поповъ, людей духовныхъ и богобойныхъ, у войску не мѣти?“^{*)}) Теперь три колокола, висѣвшіе на подвижной колокольнѣ, ежедневно звали козаковъ на молитву, а въ походной перекви, составленной изъ множества палатокъ, отправлялось архіерейское богослуженіе. Козаки выступали, какъ воители обобрѣпой, приниженной и поруганной малорусской церкви.

Но творецъ этой благочестивой новизны, очевидно для всѣхъ, терзался какими-то непонятными никому чувствами. Сдѣлавъ такъ много, какъ не сдѣлали козаки со временемъ Царя Наливая, Козацкій Батько казался теперь чужимъ собственному дѣлу. Можетъ быть, онъ лучше кого-либо изъ козаковъ понималъ, что прочность этого дѣла основывается не на собственныхъ силахъ и средствахъ,— что она зависитъ отъ непредвидимыхъ случайностей. Можетъ быть, въ тайныхъ счетахъ съ разсудкомъ и совѣстю, онъ провидѣлъ и такія события, какія сопровождали кончину его старшаго сына при его жизни, а

^{*)} Археографіческій Сборникъ, I, 255.

младшаго—по смерти. Тогда къ чему эти кровавыя рѣки, слезы столькихъ матерей, гибель столькихъ сиротъ?

И послѣ своего похода ко Львову и Замостью, послѣ возведенія на престолъ, въ насмѣшку надъ врагами, худшаго изъ нихъ, послѣ триумfalnаго вступленія въ Кіевъ, Хмельницкій бывалъ, что называетя, не при себѣ: то лежалъ ницъ па церковномъ помостѣ, то предавался мертвому пьянству. Теперь его болѣзнь разлада съ самимъ собой усилилась. Наблюдавши поступки Хмеля въ тaborѣ подъ Берестечкомъ описываютъ его полусумасшедшими. Онъ бродилъ по тaborу, самъ не зналъ, зачѣмъ; вдругъ, какъ будто проснувшись, изрыгалъ кровавыя повелѣнія, возставалъ противъ правительства и пародовъ, отвергая всяческие законы общественной жизни, конунговалъ, проклиналъ, и снова впадалъ въ апатію, а потомъ предавался обычному пьянству па цѣлые дни и ночи.

Много было толковъ о причинахъ душевнаго разстройства Козацкаго Батька и Поляки, съ дикой отрадой, повторяютъ ихъ донынѣ, забывая, что это было родное дѣтище ихъ Шляхетскаго Народа. Несомнѣнно одно,—что Хмельницкій пашель въ женщинахъ, которую любилъ, то, чтѣ Шекспировъ Троилъ—въ Кресильды. Отъ горячей любви къ смертной непавности у такого человѣка быть одинъ только шагъ, и этотъ шагъ онъ сдѣлалъ въ то время, когда попалъ опять въ такую грозную зависимость отъ хана, какую ханъ далъ ему почувствовать подъ Зборовыми.

Нагроможденныя въ Суботовѣ и въ Чигиринѣ сокровища требовали для своей охраны дракона. Въ качествѣ такового Хмельницкій приставилъ къ своему золотому руну своего достойнаго сына, Тимоѳея. Какого рода была между отцомъ и сыномъ переписка, да и была ли, этого нельзя сказать, знала, что и Князь Василій спосился иногда съ Княземъ Перуномъ, въ избѣжаніе случайностей, чрезъ посредство живаго слова; по дракону, въ одинъ прекрасный день, получивъ повелѣніе быть палачемъ своей мачихи, и козацкой Кресильды не стало. Кто знаетъ, какую роль разыгралъ въ семейной драмѣ Тымко Хмельниченко? Въ жаждѣ богатства и власти онъ могъ быть похожъ на отца. Между нимъ и отцомъ стояла женщина, и эта женщина пользовалась такимъ вліяніемъ, что, какъ мы видѣли, могла отвести пьяную руку мужа отъ убийства гостей и пословъ. Притомъ же эта прелестница дважды перешла въ его объятія изъ чужихъ. Старый любовникъ вѣрить клеветѣ скорбѣ молодаго, а такія грязныя личности, какъ Богданъ Хмельницкій, способны, въ мрачную минуту, мстить и за чужую вину, не только за собственную. Какъ бы то ни было, толь-

ко извѣстіе о казни Чаплинской пришло къ королю 9 римскаго июня, когда онъ стоялъ еще подъ Сокалемъ, и король угостилъ своихъ приближенныхъ за ужиномъ разсказомъ, невѣроятнымъ по своимъ гадкимъ подробностямъ. Самъ ли Янъ Казимиръ придумалъ ихъ, или помогли ему и здѣсь готовые на все іезуиты,—дѣло не въ томъ, а въ томъ, что, каковы бы ни были Хмельницкіе, эти божки нашихъ киевскихъ аставистовъ, допускать съ ихъ стороны публичное разоблаченіе семейной драмы прилично только ихъ малорусскимъ панегиристамъ^{*)} да ихъ смертельнымъ врагамъ, польскорусскимъ панамъ. Освѣтимъ, въ отраду польскому потомству своему, сохранилъ всю скабрезность пріукрашеннаго враждебною моловою романа, и засвидѣтельствовалъ источникъ ея словами: „Это напѣ самъ король за своимъ ужиномъ съ радостью докладывалъ (z usiechą referował)“.

Военные дѣйствія зависѣли теперь отъ того, былъ ли Козацкій Батько пьянъ, или трезвъ. Отъ того же зависѣла и соподчиненность въ его войскѣ. Когда онъ пировалъ, пировало все войско, и тогда не было рѣчи о послушаніи: тогда полковники прятались въ палаткахъ; толпы черни бросались однѣ на другія и, какъ выражались козаки, жаковали возы. Такъ разсказываютъ Поляки, и, зная безобразія козацкой республики изъ русскихъ источниковъ, нечѣмъ намъ опровергать подобные разсказы.

Хотя козацкое войско было вдвое многочисленнѣе панскаго, но Хмельницкій не двинулся съ мяста до прихода хана, „кримськаго доброда“, какъ называетъ его иронически украинская пѣсня. Безъ Татаръ, онъ мало полагался на стойкость козаковъ. Даже славный гайдамака Нечай, въ роковой для него схваткѣ, подгонялъ соратниковъ къ бою серебрянымъ перначемъ своимъ. Булава Хмельницкаго также имѣла двоякое назначеніе; но, безъ такихъ понудителей, какъ Татары, не сдѣлалъ бы Козацкій Батько на своей карьерѣ больше Павлюка, Скидана, Острянина и Гуни. Татары въ походахъ старого Хмеля играли важную роль не столько въ смыслѣ подкѣпленія козацкихъ силъ, сколько въ смыслѣ водворенія въ козакахъ „воли и думы единой“, то-есть въ смыслѣ террора. И желтоводскимъ, и корсунскимъ побѣдителямъ—умирать отъ ляшеской сабли и нѣмецкой пули, картечи, бомбы казалось не столь ужаснымъ, какъ попасть въ татарскія лыка вмѣстѣ съ козачками и козачатами. Безъ татарского побратимства, козацкое скопище давно бы уже не существовало: оно—или бы-

^{*)} См. Костомарова „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, т. II, стр. 312.
т. III.

ло бы разсъяно такими полководцами, какъ Вишневецкій и Чернецовъ, или раздѣлилось бы на ся, подобно сподвижникамъ Наливайка, Жмайла, Тараса Федоровича, Павлюка, Остряницы. Того мало, что ханъ своимъ присутствиемъ ставилъ козацкія полчища въ необходимости идти на бой: Татары отрѣзывали имъ путь къ бѣгству, и нерѣдко гнали панское войско однимъ своимъ крикомъ.

Положеніе нашихъ добычниковъ па прославленныхъ и опозоренныхъ Збараже-Зборовскихъ равнинахъ становилось затруднительнымъ. Край былъ опустошенъ войною 1649 года, а въ прошломъ году саранча сѣла полевые урожаи. Сѣстистные припасы доставлялись издали. Въ козацкомъ войскѣ, какъ и въ панскомъ, открылась повальная болѣзнь, и въ то же время началъ чувствоватьться голодъ. Хмельницкій берегъ *харчъ* па время боевое, и только по временамъ лакомилъ хищныхъ дѣтокъ своихъ жакованиемъ возовъ. Но „крымскій добродій“ приближался; пилявецкія сцены трехсугочного пира оживляли козацкое воображеніе, и поднимали козацкій духъ изъ упадка.

Слухъ о памѣрпіи козаковъ отступить въ Кіевщину и продлить кампанію папы приписывали изобрѣтательности Хмельницкаго. Гораздо вѣроятнѣе, что этотъ слухъ былъ проявленіемъ общаго чувства козацкой массы, всегда готовой разбѣжаться, когда нечего было жечь и грабить. Иначе—не долетѣлъ бы до пасть изъ позабывшей себя старины козацкій вопль:

Ой рѣді бѣ мы вернѣтися,—
Гетьманъ не пускай!

Что касается до козацкихъ вожаковъ, не исключая и самого Хмельницкаго, то надобно отдать честь ихъ разсчетливости: выступая въ походъ, они всегда памѣчали и обеспечивали себѣ дорогу бѣгства—if не въ христіанскую, то въ мусульманскую землю. Такъ объясняютъ и быстрый поворотъ Козацкаго Батька отъ задуманнаго съ Исламъ-Гиреемъ и Киселемъ похода къ пабѣгу па Волотину. Если это объясненіе справедливо, то Хмельницкій, отвѣски хана отъ Московской войны своими каверзами, являлся теперь въ пѣкоторомъ родѣ спасителемъ царя отъ ляхо-козако-татарскаго пашествія. Не могъ простить этого плутъ ордынецъ плуту козаку, и приготовился такъ или иначе отомстить ему за недочетъ въ широко разсчитанной добычѣ, а пожалуй—и за потерянный случай къ возстановленію двухъ татарскихъ царствъ.

Было у Исламъ-Гирея и другое побужденіе къ задуманному коварству; а коварствомъ онъ даже тщеславился въ передѣлкахъ съ джа-

вурами: султанъ повелѣлъ ему, наслѣднику древней кипчакской славы, „хорошо править конемъ“ на службѣ бѣглому рабу татарскихъ плѣнниковъ, польскихъ пановъ. Ослушаться своего сюзерена было бы не безопасно; ощетиниться противъ стамбульского калифа-султана было бы грѣхомъ. Но мужество и робость, побѣдоносный разумъ и поозорное затменіе ума искосылаются однимъ и тѣмъ же Аллахомъ. Такъ долженъ быть размышлять уповающій сильно на Божію милость хищникъ, и, можетъ быть, этимъ размышлѣніемъ предрасположилъ себя къ бѣгству изъ-подъ Берестечка.

Въ то время, когда король вступалъ въ лагерь подъ Сокалемъ, ханъ стоялъ уже падъ Днѣпромъ. Тамъ отыхалъ онъ три дня и раздѣлилъ Орду на три войска. Первое войско, распадавшееся на двѣ половины, составляло правое и лѣвое крыло главнаго полчища, заключавшаго въ себѣ двѣ трети Орды. Во время пути, главный корпусъ шелъ въ ровной линіи съ крыльями, дѣля шесть миль ежедневно, безъ остановокъ, по каждыи часъ все войско пріостанавливалось на 15 минутъ, чтобы кони перевели духъ. Въ это время Татары сходили съ лошадей и, исправивъ, что кому было нужно, летѣли „гнѣвомъ Божіимъ сарашею“ дальше.

По мѣрѣ того какъ Исламъ-Гирей приближался съ востока, Хмельницкій подвигался къ сѣверу, чтобы заслонить Орду отъ панскихъ подѣздовъ и сойтись въ походѣ съ союзниками. Когда такимъ образомъ Татары достигли Винницы, онъ подвинулся на Колодинское поле и сдѣлалъ тамъ свою главную квартиру. Оттуда двинулся онъ съ частью войска къ Вишневцу, изъ Вишневца протянувъ свои посты до Казимирова, и распустилъ чаты къ Стыру. Въ это самое время передняя стража татарская, подъ начальствомъ султанъ-нуреидина, пришла къ Вишневцу. Хмельницкій выѣхалъ изъ Вишневца со всѣми полковниками привѣтствовать хана, встрѣтилъ его подъ Лябишиномъ, и вмѣстѣ съ пимъ вѣѣхалъ въ татарскій кошъ при восклицаніяхъ Орды. Загребатель жару чужими руками былъ счастливъ: 100.000 отборныхъ Татаръ готовы были къ его услугамъ. Оставалось только выкурить польскихъ пчелъ и выбирать медъ, какъ подъ Пилявцами. Кони и люди были у Татаръ въ наиболѣшемъ видѣ, повиновеніе боямъ и мурзамъ полное, въ батовахъ большой запасъ провизіи, и по пути не сдѣлали они въ козацкой области никакого грабежа. Словомъ, татарскій ханъ явилъ свою орду образцомъ и для козацкой, и для панской орды.

На пространствѣ между Сокалемъ и Колоднымъ стояло теперь три силы готовыя къ бою: образцовый ханъ съ двумя братьями соправителями своими, съ отборною Ордою, съ боями, агами, мурзамъ;

козацкій гетманъ со всѣмъ, что могъ вывезти изъ Украины соблазномъ и терроромъ, и король съ министрами, съ большою половиною свѣтскихъ сенаторовъ и почти со всей коропної шляхтою; а бой предстояль теперь уже не за козацкія вольности, давно завоеванныя, не за татарскій гарачъ, возмѣщенный съ лихвою, а за дѣв христіанскія вѣры, изъ которыхъ однѣ предоставалось магометанину возвысить, а другую унизить.

Обезпечивъ себя Татарами, Хмельницкій имѣлъ всѣ шансы для торжества падъ панами въ небываломъ еще богословскомъ диспутѣ; но, при всей своей радости, скоро почуялъ, что играетъ въ рискованную игру. Исламъ-Гирей далъ ему замѣтить, что между ними пѣть прежняго согласія. Хану была не по сердцу дружба козаковъ съ Турками: козаки, чего доброго, могли сдѣлаться уздою на Татарь въ рукахъ Дивана. Падишахъ ужъ слишкомъ настоятельно погнать его, перекопскаго и крымскаго царя, на помощь панскимъ бунтовщикамъ. По мнѣнию Исламъ-Гирея, Чингисхановичамъ, а не Османамъ слѣдовало бы царствовать и въ самомъ Стамбулѣ. Если не обмань со стороны Хмельницкаго въ походѣ на Москву, обѣщавшемъ хану такъ много, то помыканье крымскими величествомъ чрезъ посредство турецкаго султана, одно изъ двухъ, превратило дружбу татарскаго хана съ хапомъ козацкимъ въ тайную боязнь и слѣдовательно въ несправиность.

Ища выхода изъ своей запутанной роли, Хмельницкій перебралъ мѣру въ разнообразныхъ заискиваньяхъ, и теперь видѣлъ, что у побратима Татарина что-то недобroe па умѣ. Не успокопло его и лестное обѣщаніе Исламъ-Гирея посѣтить союзника въ козацкомъ таборѣ. Весь расчетъ па успѣхъ основывался теперь у Козацкаго Батька па увѣренности, что Татары запугаютъ своими лыками его дѣтушекъ и припудрять къ отчаянному бою. Но и этотъ расчетъ сдѣлался сомнительнымъ отъ приема, какой онъ сдѣлалъ „Крымскому Добрѣдѣю“ у себя въ таборѣ, поддавшись обычному своему пьянству, въ которомъ находилъ лѣкарство отъ удручавшей его грусти.

Чтобы маскировать свое охлажденіе къ гетману, ханъ возвратилъ ему визитъ на другой день. Исламъ-Гирей пріѣхалъ въ сопровожденіи князей и бароновъ Крымскаго юрта, на дорогихъ, богато украшенныхъ лошадяхъ, въ легкихъ фригийскихъ шапкахъ, въ длинныхъ холщевыхъ епанчахъ. Загремѣло 60 пушекъ, зазвонили колокола, загудѣли бубны и сурмы; но гетманъ хана не встрѣтилъ: онъ лежалъ пьяный. Невозможно было скрыть это отъ царственного гостя. Гетманскій наказный Джеджалла долженъ былъ объявить своимъ

соплеменникамъ правду. Ханъ оскорбился страннымъ пріемомъ, и не скрывалъ своего отвращенія къ пьяницѣ.

Послѣ взаимнаго пересмотра войска, оказалось, что у Хмельницкаго было 90.000 регулярной пѣхоты, 12.000 конницы и болѣе 100.000 затяжцевъ мужиковъ. Пѣхота была вооружена такъ-называемыми семипядицами пищалями. Конница имѣла такие же самоналы, но сидѣла на плохихъ лошадяхъ, которымъ служили ей прикрытиемъ во время пѣшой пальбы. Мужики были вооружены, кто какъ могъ: дрекольемъ, вилами, набивными цѣпами и самоналами, какъ ихъ описывается козацкая Иліада:

Который козакъ шаблі булатної
Пищалі семипядної
Не має,
Той кия на падчі забірє,
За гетьманомъ Хмельницкимъ у походъ поспішае.

На военной радѣ козаки и Татары рѣшили—притвориться отступающими къ Кіеву, согласно посывшейся до прихода хана молвѣ, 25 (15) іюня двинуться весьма таинственно къ Берестечку и дать Ляхамъ битву. Ханъ и Хмельницкій, съ 12.000 Татаръ и съ такимъ же количествомъ козацкаго комонника, должны были явиться первые подъ Берестечкомъ для обозрѣнія поля битвы, и еслибы король, какъ они надѣялись, двинулся къ Дубну, напастъ на него въ походѣ. За ними должна была идти Орда и полкъ Богуна, а потомъ пойдутъ всѣ тaborы и батовы, войска и козацкія гарматы*).

Когда козаки и Татары готовились къ нападенію, паны, не получивъ отъ подѣѣзда Чернецкаго никакой вѣрной вѣсти и думая, что непріятель отступаетъ къ Кіеву, рѣшились идти къ Дубну.

27 (17) іюня лагерь снялся съ мѣста. Уже нѣкоторые возы выѣхали въ поле; пѣхота и конница стояли наготовѣ; королевскій отрядъ сидѣлъ передъ навѣсомъ и ждалъ окончанія мши, чтобы выступить вмѣстѣ съ королемъ, какъ изъ подѣѣзда титулярнаго козацкаго гетмана Забугскаго прискакалъ гонецъ съ донесеніемъ, что ханъ и Хмель-

*) Фальшивые Греки, агенты Гоасаеа, притрогавшіе, какъ и онъ самъ, передъ царемъ въ пользу Хмельницкаго и турецкаго султана, доносили въ Москву, будто бы „съ кіями, какъ бывало прежъ сего, въ (коzaцкомъ) войскѣ никого нѣтъ“; по это опровергается польскими извѣстіями, а Поляки всячески возвышали одолѣніе козаковъ подъ Берестечкомъ.

вицкій уже въ походѣ, а Богунъ, съ нѣсколькими десятками тысячъ народной стражи, достигъ уже рѣки Горынки, чтобы занять переправы.

Всльдь за гонцомъ Загубскаго, отъ подъѣзда князя Еремії Вишневецкаго пришло извѣстіе, что непріятель двинулся съ Колодинскаго пола и залегъ по сю сторону Вишневца въ лѣсахъ, чтобы ударить на королевское войско при переправѣ черезъ Нѣку. Гетманы стали убѣждать короля, чтобы дозволить войску оставаться въ лагерѣ еще одинъ день, какъ подъѣзы прислали языка, именно шесть козаковъ и одного поня, которые показали единогласно, что два непріятельскіе полка стоять уже подъ Нерепинскимъ, въ полуторѣ миляхъ отъ Берестечка, и намѣрены въ тотъ же день напасть на королевское войско.

Немедленно отправили Чернецкаго вернуть возы въ лагерь; войску велѣли занимать валы; выслали сильные отряды для занятія всѣхъ проходовъ и переправъ; инженеры принялись исправлять окопы и шанцы.

Не было никакого сомнѣнія, что козаки и Татары приближаются. Ежеминутно прибывали новые вѣстники наступающей грозы. Панскіе подъѣзы, столкнувшись съ татарскими, прятались въ лагерь; посполитки торопливо исправлялись; возы возвращались въ окопы; а къ вечеру далекое зарево на горизонѣ и глухой гулъ въ воздухѣ давали знать о приближеніи 300.000-го войска.

Нѣхота и челядь сыпали цѣлую ночь шанцы. Всѣ войско стояло подъ оружіемъ, и было запрещено, подъ смертию казнию, отдалиться отъ лагеря. Но дерзкая челядь, зборовскіе герои, несмотря на запрещеніе, выгнали нѣсколько тысячъ лошадей на пашу, и всѣ эти лошади сѣѣлись добычею татарскихъ чать.

Разсчитывая на походное движение панскихъ ополченій и не встрѣтить никакого похода на своемъ пути, Хмельницкій остановился въ недоумѣніи въ полуторѣ миляхъ отъ папскаго лагеря. Ночью, со вторника на среду 27 (17) іюни, стала опять исправлять свое войско и таборъ, устроить переправы въ двухъ мѣстахъ. На одной изъ нихъ наткнулся на него подъѣздъ князя Вишневецкаго, подъ начальствомъ Байдковскаго, и былъ совершенно разгромленъ. Бѣглецы привнесли вѣрныя вѣсти о непріятелѣ.

Въ то же самое время возвратился изъ разѣзда Чернецкій. Но отзыву Освѣціма, онъ уронилъ свою репутацію тѣмъ, что, вмѣсто языка и точныхъ извѣстій о намѣреніяхъ непріятеля, привезъ лишь нѣсколько тысячъ головъ рогатаго скота, захваченныхъ имъ на Волынѣ и едва не подвергъ все войско величайшей опасности, подавъ ложное извѣстіе объ отступленіи козаковъ и Татаръ. Но мы уже знаемъ, что

сами козаки были поставлены Хмельницкимъ въ невозможность узнать о его намѣреніяхъ, и для насъ ясно, что онъ умышленно не тревожилъ скотогонительства Чернецкаго, дабы край показался ему оставляемымъ непріятелемъ, якобы испугавшимся королевской силы. Упрекаетъ Освѣтіемъ знаменитаго воина и въ томъ, что онъ вспомоществовалъ лишь разоренію края. Здѣсь онъ указалъ на самую печальную черту подвиговъ Чернецкаго. Стефанъ Чернецкій всего больше прославился у Поляковъ разореніемъ. Умирая послѣ громкихъ, какъ пустой звукъ, дѣяній своихъ на рукахъ у походнаго исповѣдника іезуита, не могъ онъ утѣшать себя мыслью, что оставляетъ присвоенную Польшею землю, текущую сповѣдь молокомъ и медомъ. Напротивъ, его слава, истинно *полская*, въ дурномъ смыслѣ слова, уподобилась той славѣ *козацкой*, которую восхваляли передъ московскимъ царемъ турецкіе интриганы, Греки, говоря о Хмельницкомъ, что онъ, пучи съ Татарами, „все разорастѣ до основанія, будто пиколи ничего пигдѣ не бывало“.

Юля 28 (18), въ среду, утромъ, было получено извѣстіе, что непріятель переправился и приближается къ панскому обозу, а Татары уже столкнулись съ панскими разыѣздами около переправы черезъ рѣчку Пляшову. Жолнеры собрались толпами слушать богослуженіе. Въ лагерѣ протрубыли цѣлодневный постъ по случаю капуна Св. Петра и Павла. Стоявшая подъ Корнициами панская стражка прискакала съ извѣстіемъ, что видѣла непріятеля собственными глазами. Выслали на рекогносцировку князя Богуслава Радивила, генерала отъ инфanterіи. Когда онъ съ полкомъ своимъ достигнулъ базара, ему представилось то, что пани кобзари называютъ великими пылами—туманами, и, около полудня, показались первые татарскіе отряды. Переходивши рѣчку Пляшову, они запяли мелкими отрядами взгорья, поля, лѣса и заросли укрывши въ заросляхъ козацкаго комонника.

Панская конница стояла наготовѣ между валовъ и шанцевъ. Войсковой стражникъ, Яскульскій, расположился съ нѣсколькими отрядами конницы передъ валами, держа непріятельскія купы въ надлежащемъ отдаленіи, а между тѣмъ коронный стражникъ, Замойскій, проѣзжалъ по рядамъ, и именемъ короля запрещалъ выѣзжать на гарцы. Только въ 5 часовъ по полудни, когда уже знали павѣрио, что непріятель не выведетъ болѣшихъ силъ на боевое поле, было дозволено самимъ опытнымъ ветеранамъ выѣхать въ поле.

Татары давно уже подѣзжали подъ шанцы и валы панского обоза, съ намѣреніемъ, подъ видомъ гарцевъ, павести жолнеровъ на козацкія засады. Началась ловктия людей, такъ какъ въ гарцахъ не

о томъ старались, чтобъ убить противника, а о томъ, чтобы схватить его живьемъ. Всѣхъ больше обращалъ на себя вниманіе наѣздническимъ искусствомъ Татаринъ, сидѣвшій на дорогомъ пѣгомъ конѣ. Гонялся за нимъ старый Мазуръ и, видя, что схватить его живьемъ нельзя, застрѣлилъ изъ ружья. Татаринъ упалъ головой въ тылъ, къ сторонѣ资料 своего войска: примѣта зловѣща у Татаръ. Раззадоренные удачей польского гарцовника, ордынцы сбѣгаются въ одну купу, строятся и летятъ къ шанцамъ.

Александръ Конецпольскій смѣль уже съ себя пятно Пилявецкаго бѣгства подъ Збаражемъ. Подъ Берестечкомъ, онъ, „въ глазахъ всего войска“ (пишетъ Освѣцімъ) „разыгралъ первую сцену военной драмы“. Съ горстью дружиинниковъ онъ врѣзался въ цѣлую тучу Татаръ. За нимъ бросился съ полкомъ своимъ Опалинскій, коронный маршалъ, посланный въ помощь отважному бойцу. Три раза выбивалася Конецпольскій изъ татарской тучи, и три раза бросался снова на непріятеля, къ удивленію всего войска. Впдя, что онъ рискуетъ головой, выслали князя Іеремію Вишневецкаго, съ частью козацкихъ, то есть легко вооруженныхъ хоругвей, и Стефана Чернєцкаго съ гусарскою ротою,—двухъ знаменитѣйшихъ Русиновъ на выручку стоявшаго того Поляка. „Цѣлый часъ“ (разсказываетъ Освѣцімъ) „продолжался смѣшанный бой, среди криковъ и замѣшательства. Наконецъ непріятель не выдержалъ боя на сабляхъ, и обратился въ стремительное бѣгство. Наши преслѣдовали его на разстояніи цѣлой мили, до болотной переправы, где должны были остановиться по причинѣ приближенія ночи... Взято было въ плѣнъ болѣе 20 всадниковъ и одинъ мурза. Они показали, что этотъ передовой отрядъ состоялъ изъ 12.000 отборной козацкой коннicy и Бѣлогородскихъ, Крымскихъ, Урумбесвихъ Татаръ, отправленный для предварительного испытанія нашихъ силъ. Нѣкоторые утверждали, что съ ними находились ханъ и Хмельницкій, но что они заблаговременно удалились“.

По другимъ польскимъ извѣстіямъ, въ пробномъ бою, какъ это и естественно, начальствовали оба хана, татарскій и козацкій. Счастливые любовники своихъ женъ—сестеръ, Конецпольскій и Вишневецкій, бросились въ кипучую свалку очертя голову. Несчастный любовникъ чужой жены, Хмельницкій, казалось бы, долженъ былъ заглушить свою досаду встрѣчью съ тѣми людьми, которымъ онъ приписывалъ козакопапскую усобицу. Но это былъ герой иного закала; онъ заглушалъ досаду на свои неудачи пьянствомъ, и вдохновлялся только разсчетомъ на успѣхъ войны, кто бы ни помогалъ ему, какими бы средствами ни помогалъ, и чѣмъ бы ни пришлось платить за помощь.

Въ 10 часовъ панское войско сопло съ поля. Изнуренные жолнеры только почюю подкѣшили силы свои Ѵдою.

Въ это самое время (какъ узнали папы въ послѣдствіи) Исламъ-Гирей, недовольный пробнымъ боемъ, созвалъ на раду своихъ беевъ, агъ и мурзъ, съ намѣренiemъ войти въ договоръ съ панами. Свѣдаяъ объ этомъ, Хмельницкій прибыль съ полковниками своими на татарское совѣщаніе, и началъ разувѣрять хана въ его наблюденіяхъ. Онъ уменьшалъ панскія силы, уничожалъ шляхетскій способъ веденія войны, и, между прочимъ, сказалъ: „Это у нихъ только первый пытъ, а лишь только покоштують гарматъ и куль да попробуютъ лагерной пужды, слякоти, жары, безсонныхъ ночей, чатованья, голоду, когда, паконецъ, все повыпютъ, тогда, непривычные къ водѣ, къ холоду, голоду и непогодамъ, начнутъ бунтовать, ссориться, и самого короля своего бросятъ въ полѣ. Намъ бы только перебить квартяковъ; тогда всѣ посполитаки пойдутъ въ разсыпную. Вотъ уже третій дѣпъ, какъ пѣсколько полковъ, поссорясь съ королемъ, разошлись по домамъ“.

На козакотатарской радѣ было постановлено: завтра хану со всей Ордой, которая подошла только вечеромъ, и со всѣй козацкой конницею, переправиться черезъ Пляшову, и, занимая паповъ боемъ, овладѣть бересстечскими переправами и равнинами, а между тѣмъ Хмельницкій соединить всѣ свои таборы, пѣхоту и гарматы, которые медленно приближались, и приготовится къ переправѣ.

На разсвѣтъ 29 (19) іюня все панское войско выступило въ поле, и расположилось въ значительномъ разстояніи отъ окоповъ, между тѣмъ какъ остальные полки стояли наготовѣ въ лагерь. Лѣвымъ крыломъ командовалъ коронный полевой гетманъ, Мартинъ Калиновскій, въ центрѣ стояли посполитаки, а на правомъ крылѣ—брадлавскій воєвода, Станиславъ Лянцкоронскій. Всѣ желали рѣшительнаго боя.

День былъ ясный. Утромъ, со стороны Корыння, появились падъ переправой татарскіе отряды. По нимъ стрѣляли изъ пушекъ, изъ ружей, и прогнали за переправу. Около 11 часовъ ударила непріятель большими силами, и овладѣлъ переправами, которыхъ были слабо защищены отрядами драгунъ и полевыми пушками. Многолюдныя толпы Татаръ двинулись на равнину, и начали, по обыкновенію, свои гарцы, подъѣзжая къ панскому войску и вызывая на состязаніе въ вѣздническомъ искусствѣ.

Вскорѣ затѣмъ со всѣхъ сторонъ показались столбы дыма: kostелы, панскіе дворы, села горѣли на пространствѣ въ пѣсколько миль. Стотысячная Орда и вся козацкая конница разлились по рав-

винѣ, въ разстояніи полуторы мили отъ панского войска. Поля и лѣса были заняты наступающими.

Черезъ полчаса прискакало множество мелкихъ татарскихъ отдельловъ, болѣе стущенныхъ, нежели въ прошлый день, и расположилось широко отвореннымъ полукругомъ, въ полу米尔ѣ отъ панского войска, зажегши всѣ сосѣднія села, для страшанія Ляховъ. На центральномъ взгорьѣ появился главный татарскій корпусъ, вмѣстѣ съ козацкой конницей, направляясь къ лѣвому крылу панского войска. Между тѣмъ какъ оба хана смотрѣли издали въ зрителную трубу, началась битва, какой никто изъ жонглеровъ не видалъ, битва 200.000 всадниковъ.

Лѣвое крыло панское подвинулось впередъ; центръ и правое крыло стояли неподвижно.

Главная татарская сила ударила на лѣвое крыло, и окружила его при первой же стычкѣ. Трижды панскіе полки выбивались изъ татарской массы; трижды она ихъ поглощала снова. Казалось уже, что лѣвое крыло не выдержитъ боя; но сильный ударъ подольского воеводы, Станислава Потоцкаго, который подкрѣплялъ это крыло съ лѣвой стороны, выручилъ его, потерявъ ротмистра и десятка полтора товарищей.

Вся козацкая сила ударила тогда на центръ. Противъ нея выступило ополченіе брестокуявской шляхты. Поддержалъ его Лянцкоронскій. За нимъ спѣшили полевой гетманъ и князь Іеремія Вишневецкій. Изъ самаго центра двинулись полки великаго короннаго гетмана и короннаго маршала. Они ринулись на наступающую Орду, прорвали татарскую массу, и смѣялись съ нею такъ, что только бунчуки и хоругви обозначали въ воздухѣ, гдѣ паны, а гдѣ ордынцы. Наконецъ удалось имъ отступить подъ полевыя пушки, которыя сильнымъ огнемъ остановили Татаръ.

Яростнѣе всего кипѣлъ бой на лѣвомъ крылѣ. Двѣ свѣжія хоругви, которая бросились выручать ослабѣвающее войско, вернулись изъ рубленными; оба ея предводителя пали со множествомъ „знатныхъ рыцарей“. Здѣсь, па кровавой сценѣ появились творцы ея—козаки. Королевскій полкъ ударилъ па нихъ копьями съ энтузіазмомъ. За нимъ двинулись полки Собіскихъ и подольская шляхта, все наши ополяченные, недополяченные, и переполяченные Русичи, ожесточенные соперники козаччины. Перемѣшавшись съ латинцами, папистами и антипапистами Литвинами Русь воевала съ Русью, перемѣшанною съ Татарами, Турками и всякимъ сбродомъ, „вѣрующимъ и невѣрующимъ въ Бога“, какъ доносили панамъ подланки. Татары дрались яростно, и взяли гетманское знамя, причемъ знаменоносецъ остался невредимъ. По всей

линиі битва випѣла безъ распредѣленія, безъ плана, безъ команды. Каждый воїдь предпринималъ, что хотѣлъ. Это пишутъ сами Поляки, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что европейская тактика въ Польшѣ не далеко ушла отъ азіатской.

Бой прекращался и возобновлялся иѣсколько разъ. Нѣкоторыя хоругви загиались, въ жару отваги, слишкомъ далеко, и были вырублены поголовно. Бились до двухъ часовъ дня. Наконецъ Орда отступила. Паны понесли страшныя потери, что дѣластъ ихъ традиціонной холперії великую честь. Но потери произошли отъ того, что гетманы одновременно и Янъ Казимиръ, и Николай Потоцкій. Одинъ былъ неспособенъ къ гетманству по природѣ и воспитанію, другой—по своей дрихлости и потому, что потерялъ довѣріе у соратниковъ,—довѣріе къ его счастью; а вѣра въ боевое счастье до того смыкалась тогда съ талантомъ полководца, что Потоцкаго стали называть головой немощной (*niedoleгna*). Съ польской стороны пало 200 такихъ воиновъ, которые слыши знаменитыми рыцарями, то-есть такими, которые составляли душу боеваго тѣла, и что еще хуже—непріятель удержалъ за собой позицію, занявши взгорье, проходы, перекрѣзы и отрѣзавши пашу для лошадей.

Но и Татары не радовались. У нихъ было до тысячи убитыхъ и раненныхъ, погибло много мурзъ, и въ числѣ ихъ славный Тогай-бей, а Муфачъ-мурзу, молодаго и храбраго воина, близкаго родственника ханскаго и крымскаго базнача, взяли паны въ плѣнъ.

Панское войско упало духомъ, и справедливо ему казалось, что не устоитъ оно, если Татары и козаки ударятъ на него всѣми силами. Но военная рада королевская состояла не изъ однихъ Потоцкихъ да Киселей, и такие люди какъ Вишневецкій, Чернецкій, Конецпольскій, Лянцкоронскій, предпочитая смерть позорной жизни, взяли верхъ надъ миротворцами. Было рѣшено—выступить утромъ противъ непріятеля и попытать окончательного рѣшенія судьбы: быть или не быть Польшѣ.

Во что бы то ни стало, надобно было новою битвою поддержать колеблющееся мужество въ руководящихъ воинахъ и отѣснить непріятеля отъ паши; а то въ панскомъ лагерѣ начинали уже кормить лошадей дубовымъ листемъ.

Здѣсь выступили на сцену дѣйствія передовики весенней науки, процвѣтавшей за-границею кровавымъ цвѣтомъ на могилахъ миллиновъ, падшихъ за то, чтобы читать или не читать безъ попа Библію, чтобы вѣровать такъ или иначе въ небеснаго Отца всего человѣчества, въ исхожденіе Св. Духа, въ пресуществленіе тѣла и крови Хри-

стовыхъ, въ пріобщеніе таинамъ его подъ однімъ или подъ двумя видами, и т. п. Эти передовшки наставляли на томъ, чтобы завтра построить войско въ боевой порядокъ не *тиборнимъ*, а *иностраннымъ* строемъ. Главную роль между членами военной рады игралъ генералъ Убальдъ, иначе Губальдъ, тотъ, который въ страшный день подъ Зборовскимъ, явился такимъ же спасителемъ шляхты, какъ и ея челядь.

Въ 2 часа пополуночи король слушалъ мшу-не такъ, какъ во времѧ оно, когда онъ забавлялся бывало собаками, карликами и кой-чѣмъ другимъ, а іезуиты прикрывали его забавы своею святостью: слушать съ вѣрою и надеждою, но, конечно, безъ любви, которой природа не отпустила на его пай и столько, какъ посадившему его на престолъ козаку. Въ 3 часа, оставивъ 3.000 пѣхоты въ замкнутомъ лагерѣ, вывелъ онъ въ поле все войско, которого насчитывали 80.000, бывшихъ дѣйствительно въ бою подъ Берестечкомъ. Начали строить войско иностраннымъ строемъ.

Хмельницкій, съ своей стороны, цѣлую почь перемѣщалъ таборы, гарматы, пѣхоту. Чуть разсвѣло, началъ онъ вмѣстѣ съ ханомъ распредѣлять козакотатарскія силы.

Густая мгла, залившая поля и лѣса, предъѣзжала имъ побѣду, такъ какъ Татары воевали счастливѣе всего въ такую погоду, подобо-по тому, какъ ихъ побратимы, козаки, самые геніальные подвиги свои совершили ночью, которую потому и звали своею матерью. Эта „страшная“ для панского войска мгла не давала кровавымъ соперникамъ видѣть себя взаимно до 10 часовъ. Только тогда увидѣлъ каждый и свою и непріятельскую силу.

Грозная теперь для хана боевая линія панского войска тянулась на цѣлую русскую милю. Передъ фронтомъ стояли пушки, подъ начальствомъ генерала Пршіемскаго. Правымъ крыломъ командовалъ Лянцкоронскій, такъ какъ Николай Потоцкій въ этотъ день хворалъ; иностраннымъ войскомъ — генералъ гвардіи, Богуславъ Радивилъ, ко-вишій Великаго Княжества Литовскаго. На правомъ крылѣ полкомъ и дивизіею короннаго великаго гетмана командовали Стефанъ Чернец-кій и Адамъ Калиновскій. Кромѣ того стояли тамъ: полкъ Лаховец-каго, дивизія Щавинскаго, полкъ Льва Сопіги, подканлера литовскаго, одноименника знаменитаго канцлера, противника церковной упії, полкъ познанскаго воеводы, Опалинскаго, и дивизія Собіскихъ, полкъ Юрия Любомирскаго, короннаго маршала, и часть великопольскихъ и мазовецкихъ послополитаковъ. Въ арріергардѣ крыла стоялъ Александръ Конецпольскій съ дивизіею своею. Лѣвымъ крыломъ командовали по-левой гетманъ, Калиновскій, и русскій воевода, князь Вишневецкій. Въ

ихъ завѣдываніи стояли три регимента иностранного войска, которыми командовалъ генераль-маиръ Убальдъ, а также—стъ полками своими Станиславъ Потоцкій и князь Доминикъ Заславскій. За ними слѣдовали полки гетмана Калиновскаго и его сына, короншаго обознаго, дивизіи князя Дмитрія Вишневецкаго и Яна Замойскаго, а въ арріергардѣ—шляхта воеводствъ Краковскаго и Седомирскаго. Центромъ командовалъ король. Въ тылу центра находилась полевая артиллериа, подъ начальствомъ генерала Іршіемскаго...

Все это рисуется увлекательно для польского чувства подъ перомъ польскихъ историковъ, называющихъ день 30 (20) іюля однимъ изъ великихъ дній національной славы. Но повторяющейся повѣсть ихъ по-своему историкъ русскаго возсоединенія въ этой національной славѣ видитъ погибельное для Польши отпаденіе отъ нея Малороссіи, котораго Поляки не видѣли въ опьянѣніи побѣдою свою,—побѣдою, не мешше жалкою, какъ и та, которую торжествовали козаки подъ Шилавцами. Берестечское ополченіе Польши представляетъ ему длинную шеренгу древнерусскихъ имёнъ, выступающихъ съ обольстителями Руси, съ похитителями ея святилищъ и фундацій, съ насилователями ея религіозной совѣсти, съ прямымъ виновниками злоторшаго развитія козачини, процвѣтанія Хмельнитчины и возвращенія въ Южную Русь Батыевщины,—выступающихъ подъ иновѣрнымъ знаменемъ и противоположнымъ русской идеѣ девизомъ. Маленькая и слабосильная въ дотатарскую эпоху Польша взросла и расширилась на счетъ разгромленной и разогнанной Батыемъ Руси. Она прославилась въ Европѣ вооруженіемъ Руси Малой противъ Руси Великой. Она претворяла нашъ русскій элементъ въ польской, и совершала военные и умственные подвиги посредствомъ талантливыхъ Русичей, но русское наше имя, какъ и русскую нашу вѣру, уничижала; теперь же выступила противъ той и другой съ ослѣпленною русскою силою, воображая, что недобитое казуистическою политикою возможно добить оружіемъ... Увы! въ торжественный свой день погубила она не нашу, а свою собственную будущность.

Но докончимъ картину бѣдственнаго ополченія Польши. Съ правой стороны лѣваго крыла стоялъ генераль Убальдъ съ тремя региментами, а съ лѣвой стороны праваго — полковникъ Боргеманъ на челе регимента Замойскаго, командуемаго Богуславомъ Радивиломъ, такъ что пѣменская пѣхота съ праваго и лѣваго крыла входила своими боками въ центръ. За пѣхотой, въ третьемъ ея отдѣленіи, въ самомъ центрѣ, стоялъ король, можно сказать—подъ командою состоявшихъ при его особѣ четырехъ рыцарей. Съ одной и съ другой стороны

короля стояло по 500 гусаръ, выбранныхъ изо всего войска, подъ командою Казимира Тишковича и Януша Вешлы. Сзади короля стоялъ полкъ пѣшой гвардіи Фромгольда Вольфа де Людисгаузенъ и при немъ рейтарскіе регименты Людовика Вейера, князя Богуслава Радивила и сокальскаго старосты, Денгофа. Поляки берегли даръ Хмельницкаго, въ избѣжаніе новыхъ выборовъ и новыхъ издержекъ на королеву. Въ резервѣ стояли регименты конныхъ драгунъ Якова Вейера и Янка Розражевскаго, въ числѣ 15 хоругвей. За ними эскадроны Грудзинскаго, Лещинскихъ и 500 человѣкъ прусскаго князя, наконецъ шляхта воеводствъ Сѣрадзскаго, Лянчицкаго и Бресто-Куявскаго, къ которой были прикомандированы два полка королевича Карла, подъ командой Юрія графа Шаунготше и Крембса. За лѣвымъ крыломъ стоялъ резервъ всей арміи, и въ немъ дивизія князя Острожскаго, одного изъ Заславскихъ, носявшаго по наслѣдству это славное и вмѣстѣ позорное имя, а за его вытравненымъ хоругви воеводствъ Люблинскаго и Русскаго. Панскій лагерь находился подъ защитой венгерской пѣхоты и, въ случаѣ крайности, никакъ не признанныхъ героевъ, челядниковъ шляхетскихъ.

Число всего панскаго войскаго доходило до 100.000, а конные мозаки, то есть подпомощники гусаръ, еще увеличивали цифру.

Г л а в а XXVII.

Вторая битва подъ Берестечкомъ.—Бѣгство татарскаго хана и козацкаго гетмана.—Блокада козацкаго тaborа.—Бѣгство козаковъ.—Находки въ козацкомъ тaborѣ.—Окончательное превращеніе польскорусскихъ дворянъ въ Поляковъ.—Католическая Хмельнитчина въ Краковскомъ округѣ.

Еслибы король Владиславъ IV не былъ испорченъ отцовскимъ воспитаніемъ, а пляхта— злоупотребленіями свободы, и сошлись бы они во взаимной оцѣнкѣ, и выставили бы такія, какъ теперь, силы противъ азіатцевъ, обезобразившихъ территорію грекорусской культуры,—не было бы тогда на польскорусскомъ имени корсунскаго, пилиавецкаго, зборовскаго пятенъ, и не сидѣлъ бы, по милости козака, на польскомъ престолѣ разстрѣла іезуитъ, еще менѣе способный царствовать, нежели тотъ, котораго папы посадили на престолѣ московскомъ, и пользовалась бы Польша разумною вѣротерпимостью, и не погибла бы она, захлебнувшись въ польскорусской крови, и даже положеніе наше, которые гордимся великою Имперіей своей, было бы далеко прогрессивнѣе. Но Римъ и его іезуиты погубили знаменитую своими идеалами Королевскую Республику, а Королевская Республика, прощеѣтая, въ видѣ русскаго паразита, подъ ихъ руководствомъ и погибая въ видѣ гонителя Руси по ихъ коварству, напесла намъ такія рапы, которая будуть болѣть и тогда, когда мы достигнемъ полнаго развитія духовныхъ и вещественныхъ нашихъ преимуществъ.

Въ изображаемый мною моментъ, силу русскаго генія, дикую силу показалъ на Полякахъ разбойникъ Русинъ, котораго стратегическими, организаторскими и политическими способностями пострадавшіе отъ нихъ удивляются больше, нежели мы, восторжествовавшіе надъ ними. Поляки должны дивиться даже субординаціи и единодушію, которая напѣтъ Хмѣль умѣлъ поддерживать въ толпѣ сообщиковъ своего бунта, и которая для нихъ ни въ военное, ни въ мирное время не были возможны. Они должны всего больше дивиться тому, что этотъ могучій въ своихъ злодѣяніяхъ духъ, потерявъ разомъ все, что

создалъ титанически въ короткое время, всталъ изъ своего паденія еще болѣе для нихъ опаснымъ, нежели былъ въ моменты величайшихъ успѣховъ своихъ, тогда какъ они, павъ съ высоты своего политического величія, остались павсегда притчею во языцѣхъ и поки-ваніемъ главы въ людѣхъ.

Два хана, козацкій и татарскій, выставили противъ пановъ Полякоруссовъ 300.000 войска. Громадный таборъ свой расположили они на взгорьѣ, помѣстивши въ немъ окозачепныхъ мужиковъ и гарматы. Лѣвое крыло козакотатарского полчища находилось подъ командою султана Амурата, одного изъ ханскихъ братьевъ, лучшаго изъ татарскихъ полководцевъ. Онъ уже далъ себя знать панамъ подъ Збаражемъ и Зборовимъ, и если Тогай-бей былъ для нихъ Татариномъ-Патрокломъ, то султану Амурату падобно дать имя Татарина-Ахилла. Правымъ крыломъ командовалъ змѣй горыничъ, дивносъ донынѣ для Поляковъ чудо-юдо, Зиповій Богданъ Хмельницкій, едиповъ-владникъ и самодержецъ козацкій, князь украинскій, стражъ Порты Оттоманской. Одна лапа у змѣя горыничча была козацкая, другая татарская. Одно смертоносное крыло его изображали собою подкрѣпленія турецкія, правовѣрныя, другое—“и вѣрюще и невѣрююще въ Бога” головорѣзы, поддерживаемые летучими соправителями ханскими, султанъ-галгою и султанъ-пуредипомъ. Ядовитымъ зѣвомъ и зубами кровожаднаго чудовища были губительныя чаты гарцовниковъ, сверкающія яркими нарядами и блестящимъ оружіемъ, а подобіе пепасытимаго чрева и чешуйчатаго хвоста представлялъ далеко тянувшійся позади таборъ, рыгающій изъ себя огонь, дымъ, чугунъ и свинецъ... Центра въ этой азіятской арміи не было, потому что она, въ общемъ начертанії, имѣла фигуру священнаго у магометанъ знако—полумѣсяца, котораго рога, загибаясь на пространствѣ отъ Инда до Гибралтара, должныствовали все человѣчество, въ видѣ борющающихся націй, пстребить, или же покорить господству правовѣрныхъ.

Въ 10 часовъ утра іезуитская Европа и чужеядная Азія при-двинулись къ пемпого одна къ другой, какъ бы всматриваясь другъ въ друга и поражаясь взаимнымъ безобразіемъ. Паны остановились у послѣдняго своего ташца. Орда начала свой обычный татарскій танецъ; козаки, по своему обычаю, закрутѣли времѧ. Но выбѣжать и участвовать въ той и другой игрѣ на жизнь и на смерть было запрещено въ панскомъ войскѣ подъ смертною казнью. Оба стражника, коронный и обозпый, стояли впереди войска, каждый съ своею командой, которыя отпугивали наездниковъ и ни давали смѣльчакамъ выбѣжать на боевое состязаніе.

Когда такимъ образомъ два громадныхъ войска стояли одно противъ другаго и каждое ожидало атаки со стороны непріятеля, спустился ханъ со взгорья къ самымъ переднимъ рядамъ Орды своей, осмотрѣлъ въ зрителную трубку панскія силы и сказалъ сопровождавшимъ его козацкимъ полковникамъ: „Ну что? проспался уже вашъ Хмѣль? Онъ обманывалъ меня нелѣпыми баснями, что польское войско слабо и молодо. Ступайте къ нему, пускай идетъ сперва самъ выбирать медъ у этихъ пчелъ, да пускай прогонить прочь такое множество жалъ“.

Объ извѣстномъ читателю зазывѣ Татаръ на добычу и о сарказмѣ Исламъ-Гирея можно сказать съ Итальянцами: *si non è vero, è ben trovato* *). Но старый Хмѣль напѣлъ дѣйствительно попадть въ такое положеніе, что и шесть десятковъ его гарматъ, и десятки тысячъ козацкихъ самопаловъ, мушкетовъ, пищалей оказывались безсильными выкуриТЬ польскихъ пчелъ изъ указаннаго Чернецкимъ становища для пасѣки. Если ханъ, воинъ ума посредственнаго, смекнулъ такъ или иначе дѣломъ, то нашъ гениальный сочинитель столькихъ разбойничихъ походовъ долженъ былъ предчувствовать результатъ великаго боя. Вся его надежда была на Татаръ, а Татары лизали свои раны съ собачьимъ визгомъ. Созвалъ Хмѣль старшину на совѣтъ, какъ быть,—онъ, въ намѣренія котораго не приникали „ни чуры козацкіе, ни мужи громадскіе“,—онъ, который никогда не затруднялся вопросомъ: какъ вокругъ Ляховъ *закрутити веремія?* По всей вѣроятности, Хмельницкій, зная о выраженной ханомъ готовности войти переговоры съ королемъ, опасался вновь очутиться между двухъ силъ, какъ подъ Зборовыми. Но того, чтѣ вскорѣ произошло съ Крымскимъ Добрдіемъ, не могъ онъ допустить въ потомкѣ великаго завоевателя Чингиса.

Блестящій панскій отрядъ, озиравшій панское войско, обратилъ на себя вниманіе тѣхъ опытныхъ рыцарей, у которыхъ Янъ Казимиръ находился подъ командой. Позвали шляхтича Отвиновскаго, долго жившаго въ Крыму и хорошо знавшаго татарскіе обычай; дали ему посмотреть въ телескопъ, и спросили: чтѣ значиль бы этотъ отрядъ на лѣвомъ татарскомъ крылѣ? Отвиновскій тотчасъ замѣтилъ три бунчука и показалъ хорошо, гдѣ стоитъ ханъ. Туда велѣли пушкарю пацѣльть пушку. Выстрѣль былъ мѣтокъ. Ядро сорвало бунчужнаго, и ханъ, раненный въ ногу, убрался поскорѣе изъ рекогносцировки. Такова была первая версія лагерной молвы; послѣ узнали, что хана ядро не тронуло, но убило нѣсколькихъ мурзъ.

*) Если это несправедливо, то хорошо придумано.

Оба войска стояли бездѣйственno до трехъ часовъ пополудни. Пушки прогнали гарцовниковъ съ поля. Король отправилъ къ хану парламентера съ вызовомъ на битву, но не получилъ никакого отвѣта. Паны совѣщались уже о томъ, чтобы отложить битву до утра, а король едва ли не съ тѣмъ и звалъ хана на бой, чтобы павести его на мысль о переторжкѣ, какъ прискакалъ отъ Вишневецкаго бидговскій староста, Денгофъ, съ настоятельной просьбой не откладывать битвы. Король принялъ гонца за счастливое предзнаменованіе, сдѣлалъ на воздухѣ крестъ и повелѣлъ Вишневецкому начинать.

Затрубили трубы, загудѣли бубны. Изъ лѣваго крыла выскочило въ поле 18 хоругвей въ трехъ эскадронахъ. (Я слѣдуя повѣсти польской во всемъ, что касается польской національной славы, равно какъ и безславія). Впереди хоругвей летѣлъ ненавистный и страшный козакъ князь Ярема съ обнаженной саблею, безъ папцыря, безъ шапки. Его боевому вдохновенію и быстрому движенію лѣваго фланга приписывали многіе всю славу дня. Въ помоць наступающимъ поднялся вихрь, и ударили пескомъ въ глаза хмельничанамъ, а солнечные лучи помогали песку. Но козаки бросились навстрѣчу Ляхамъ стремительно всею массою конницы и наступили таборомъ. Они опередили сultанскихъ Татаръ, силистрійскихъ Турокъ, и первые приняли панскій ударъ. Въ поддержку Вишневецкому, ринулась въ битву шляхта воеводствъ Краковскаго, Сеномирскаго, Лэнчицкаго и другихъ. По почину пламенного Русича, Поляки „позвонили въ дѣдовскую славу“ не хуже отступниковъ родной національности. „Весь этотъ флангъ“ (пишетъ польскій Самовидецъ) „вскорѣ потерялся въ толпѣ непріятелей, и долго не было видно начинателей бол, только слышенъ былъ гулъ отъ пушечной и ружейной пальбы. Напи полагали, что никто изъ нихъ не возвратится. Оказалось, однако же, что атака увѣнчалась успѣхомъ. Стремительнымъ напоромъ они заставили податься все козацкое войско и разорвали было (si є vero) таборъ, хотя при этомъ и сами понесли чувствительныя потери. Въ помощь козакамъ пришли Татары съ лѣваго фланга, и тогда ряды напи, будучи не въ силахъ удержать напора слишкомъ численнаго непріятеля, стали ослабѣвать и отступать къ редутамъ. Но тутъ они оправились, и возобновили нападеніе столь успѣшно, что непріятель, побѣждаемый написю рѣшиностью, долженъ былъ наконецъ податься назадъ. Козаки отступили въ свой таборъ, — хотя онъ въ началѣ и былъ разорванъ, но они успѣли его восстановить,—Орда же удалилась на близъ лежащую возвышенность“.

Между тѣмъ іезуиты научили короля єздить по рядамъ и заохочивать войско къ бою за вѣру, за поруганныя святыни, за „божеское право“, нужды нѣть, что одни изъ его слушателей исповѣдывали „вѣру Хмельницкаго“, послѣдователя „Наливайковой секты“, а другие истребляли даже своихъ единовѣрцевъ под pretextem wiary russkiej, слѣдовательно шли въ бой, какъ невѣрные.

Теперь короннымъ канцлеромъ былъ бискупъ. Окруженный духовенствомъ, именующимъ национальную вѣру туземцевъ схизмою, онъ велѣлъ поднять высоко надъ валами польскій *krzyz* съ польскимъ *Iesuosem*, истребляемый всюду козаками, и всего прежде въ могилінскомъ Заднѣпріи. Польского короля—іезуита и кардинала окружало много лицъ, подобныхъ Адаму Киселю, а въ рядахъ его воиновъ на вѣрное было больше православныхъ, полуправославныхъ и вовсе неправославныхъ Русичей, пежели коренныхъ Полонусовъ, и все это поклонилось до земли подъ католической гимнѣ, прося польского Иисуса помочь имъ противъ тѣхъ, которые идутъ на брань подъ знаменемъ русского Иисуса и, увы! Магомета. Просимая помощь естественно дѣлали ихъ обязанными помощнику: этимъ способомъ они исключали себя изъ состава родной націи. Ни паны, ни козаки, ни польские ксендзы, ни русскіе поны не предусматривали такого раздѣленія польской Руси на ся. Но ксендзовская и поповская работа надъ религіозной совѣстью нашихъ предковъ увѣличилась въ изгѣстной мѣрѣ горестнымъ успѣхомъ. Попы удержали за собой одну часть нашего древняго займища, а ксендзы оторвали на свой пай другую. Но поклонники паны вмѣстѣ съ землей захватили подъ свою власть и образованную часть Малорусского народа, захватили почти все высшее сословіе наше. Въ этомъ смыслѣ Хмельницчина, будучи прямымъ освобожденіемъ черни отъ панской власти, была, вмѣстѣ съ тѣмъ, косвенною причиной крещенія лучшей части малорусскихъ людей въ напізмъ и въ польщизну. Чего не могли сдѣлать Кисели, Древинскіе, Могилы, Косы, Тризны, тѣ сдѣлалъ Хмель съ Переблѣносами, Нечаями, Морозенками, Джеджалами. „Національные герои“ нашихъ козакомановъ привели Малороссию къ новому крещенію.

Крещеніе совершалось огнемъ и мечемъ. При громѣ пушекъ, лучшіе Малоруссы пошли мужественно противъ худшихъ вмѣстѣ съ Поляками, которыхъ однихъ видѣть въ панскомъ войсکѣ польскіе, да, правду сказать, и наши историки. По сказанію ксендзовъ, Полякамъ явился въ воздухѣ *Святой Михаилъ*, гонящій хана и грозящій ему мечемъ. Но святой Михаилъ не явился своимъ поклонникамъ ни съ панской, ни съ козакотатарской стороны: тамъ не хотѣлъ онъ помо-

гать благочестивымъ, такъ какъ они воевали заодно со злочестивыми; здѣсь еще больше не подобало ему воодушевлять православныхъ, ратовавшихъ подъ эгидою магометанъ. Онъ предпочелъ сіять спокойно Золотымъ Верхомъ своимъ въ Киевѣ, въ обители Іова Борецкаго, зная, что русское благочестіе восторжествуетъ надъ польскимъ злочестіемъ и безъ кровавыхъ пыащицъ-козаковъ, татарскихъ побратимовъ.

Но каковы бы ни были вымыслы эксплоататоровъ нашей знати, нашей духовной и свѣтской интелигенціи, облака пыли мѣшали имъ видѣть не только воздушныя чудеса, но и земную дѣйствительность. Только изъ позднѣйшихъ реляцій узнали они, что хоругви князя Вишневецкаго, оправясь подъ прикрытиемъ шанцевъ, сильнѣе прежняго ударили на хмельничанъ,—старшіе братья-недоляшки на меньшихъ братьевъ-помурнаковъ, тѣ и другіе подъ иновѣрной эгидою, и рубились взаимно не хуже древнихъ братьевъ Русичей, не знавшихъ еще злобы разновѣрія и вдохновлявшихся только задоромъ областнаго сопротивления.

Въ это время нуреддинъ-султанъ смѣль Краковянъ и Сандомирцевъ. Но полонизованный Русинъ Вишневецкій, растоптавъ плохихъ козацкихъ лошадей своими сильными конями, оборонилъ Поляковъ отъ Татарина. Козаки между тѣмъ заперлись въ таборѣ. Бросился было Байдичъ вторично на таборъ, но онъ попрежнему былъ скованъ цѣпами въ десять рядовъ, и стоялъ, точно дышащая огнемъ крѣпость. Не испугался пламенныи князь Ярема козацкаго огня, и началь было разрывать скованные возы, какъ въ онай памятной козакамъ битвѣ на Сулѣ, но въ это время султанъ-галга помогъ оправиться султанъ-нуреддину, и ханскіе соправители ударили дружно на Вишневецкаго. Польскій Ахилль отступилъ грозно къ шанцамъ.

Изъ современного разсказа о боѣ на панскомъ центрѣ видно, что легко вооруженные Татары пришли на зовъ Хмельницкаго выбирать польскій медъ, можно сказать, голыми руками. Не мудрено, что „Поляки вдохновлялись непобѣдимымъ почти мужествомъ (*Polacy pie-zwusieżonego prawie nabierali serca*)“, какъ выражаются ихъ историки. Подъ прикрытиемъ нѣмецкой пальбы изъ пушекъ и ружей, они были не пчелами, а смертоносными шмелями, обороняющими гнѣздо свое. Но старый напѣтъ Хмѣль и тутъ едва не напоилъ своихъ сватовъ, какъ бы сказалъ древній баянъ. Онъ притаился съ лучшими стрѣлками въ лѣсу, мимо котораго должно было проходить правое крыло панской арміи. Къ счастью пановъ, засада была открыта во время,

Бой кипѣлъ уже три часа. Видя передъ собой сто тысячъ наездниковъ, наступающихъ по всей боевой линіи, и не догадываясь, что это были атаки фальшивыя, паны не обратили вниманія на то, что главная вепріятельская сила, таборъ, пѣхота и гарматы, не принимаетъ никакого участія въ битвѣ, и только защищается. Между тѣмъ змѣй-горыничъ засѣлъ, съ корпусомъ стрѣлковъ, подъ заслоной Щуровецкихъ лѣсовъ. Главное начальство въ таборѣ ввѣриль онъ козаку-Татарину, Джеджаллѣ, и велѣлъ ему только тогда двинуться съ таборомъ впередъ, когда самъ онъ зайдетъ невидимую испрѣателемъ позицію. Во все это время Татары должны были развлекать вниманіе пановъ фальшивыми нападеніями.

Въ данный моментъ Джеджалла началь спускаться со взгорья на боевое поле, грозя королевскому центру тысячами смертей, а между тѣмъ командовавшіе правымъ крыломъ Лянцкоронскій и Любомирскій получили извѣстіе, что въ боковомъ лѣсу скрывается засада. Только тогда стало имъ ясно, что Хмельницкій, располагая втрое большими силами, намѣревается занять лѣса, захватить переправы, запереть непрѣателя между болотъ Стыра и Пляшовой съ тѣмъ, чтобы окружить его шанцами и морить голодомъ.

Грозная опасность заставила командинровъ крыла сохранять свою позицію въ то время, когда центръ и лѣвое крыло наступили на Татаръ энергически.

Между тѣмъ Татары принесли нѣсколько десятковъ убитыхъ мурзъ къ ногамъ хана. Наконецъ и ханскій братъ, татарскій Ахилль, Амуратъ, палъ среди ужаснувшейся Орды, пораженный ядромъ въ грудь. Орда начала мѣшаться, и вскорѣ за тѣмъ, какъ бы по данному знаку, разсыпалась во всѣ стороны. Побѣжалъ и самъ ханъ, покинувъ свой рѣдванъ, огромный призынныи бубенъ и палатку на высотѣ, вмѣстѣ со множествомъ ясыра. Изо всѣй татарской силы осталось только тысячу 15 комонника въ арріергардѣ.

При видѣ бѣгущихъ Татаръ, громадный козацкій таборъ остановился, и тихо двинулся вспять. Паны не смѣли на него ударить; послали только нѣсколько региментовъ занять ближайшія высоты.

Джеджалла отступилъ въ совершенномъ порядкѣ къ рѣчкѣ Пляшовой, и тотчасъ началъ окапываться.

Видя бѣгущую Орду, Хмельницкій оставилъ своихъ стрѣлковъ и полетѣлъ верхомъ къ табору. Тамъ онъ сдѣлалъ на скоро кой-какія распоряженія, и поскакалъ вмѣстѣ съ Выговскимъ за ханомъ, чтобы вернуть его на боевище.

Исламъ-гирей, окруженній трупами своихъ полководцевъ, перебѣнилъ коня и спѣшилъ въ дальнѣйшій путь, какъ передъ нимъ явился его искушатель. Не давъ Хмелю промолвить слова, назвалъ его ханъ измѣнникомъ, велѣлъ связать ему ноги подъ брюхомъ у коня и гналъ передъ собой двѣ мили къ Вишневцу того же дня. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили за столомъ у короля, *z usiecha, z największą usiecha*, какую когда-либо испытывало польское сердце. Богуславъ Радивиль, участникъ боя и преслѣдованія Татаръ, писалъ только, что „Орда, захвативъ Хмельницкаго, ушла“.

Неожиданное, загадочное и во всякомъ случаѣ постыдное бѣгство полководца 200.000 арміи, коменданта несокрушимой для всей Польши подвижной крѣпости, диктатора-героя, называвшаго своихъ противниковъ Жидами, страшнаго змѣя горынича, превратившагося въ поджавшую хвостъ собаку,—это безпримѣрное въ исторіи кровавыхъ споровъ явленіе рѣшило судьбу кампаніи. Половина папскихъ враговъ ушла, а половина осталась безъ головы, какъ бы въ оправданіе давнишніхъ словъ Киселя: „*bellua sine capite*“*). Панское войско зашло всѣ взгорье. Александръ Конецпольскій, съ легкими полками, двинулся въ погоню за бѣгущими. Въ 9 часовъ босовое поле опустѣло. На немъ остались только изумленные своею побѣдою паны съ разноплеменными и разновѣрными жолнерами.

Небо покрылось тяжелыми тучами. Молніи летали въ темнотѣ. Проливной дождь омывалъ кровавую землю. Панское войско, подъ руководствомъ зрителей воздушныхъ чудесъ, упало на колѣни, и воспѣло латинскую хвалу Богу за Его, какъ ониувѣряли, земное чудо. Русской хвалы не слыхало Берестечко. Туземный элементъ на южномъ займищѣ Рюриковичей представляли теперь, можно сказать, одни разбойники, если не считать чуждавшагося боязливо козачтины духовенства да тѣхъ „стачечныхъ людей“, въ городахъ и селахъ, которые не дали „діаволу сдѣлать изъ себя смѣхъ“, какъ сказалъ бы мой Самовицъ. Среди малорусского міра, растѣнного папистами съ одной стороны и развращенного козаками съ другой, уцѣлѣли нравственно теперь только такія невѣдомыя исторіи личности, какъ оные „преподобные мужи Россы, житіемъ и богословіемъ цвѣтущи“. Онѣ-то и не дали бѣднымъ остаткамъ нашего народа потерять свою древнерусскую физіономію, по которой свободный отъ подобнаго растѣнья и разврата Великоруссъ признаетъ въ Малоруссѣ своего брата.

*.) Чудище безъ головы.

„Разматривая подробности этого сраженія“ (пишеть приверженецъ королевской партіи, Освѣдимъ), „всѣ единогласно были того мнѣнія, что война могла бы быть окончена однимъ ударомъ, и отечество освободилось бы отъ дальнѣйшихъ невзгодъ, еслибы битваѣ была начата раньше, такъ чтобы дневнаго свѣта хватило для истребленія врача, и особенно, еслибы правый флангъ дѣйствовалъ такъ же энергично, какъ лѣвый, по крайней мѣрѣ въ то время, когда уже Орда обратилась въ неудержимое бѣгство и козацкій тaborъ былъ разорванъ лѣвымъ флангомъ; но правый флангъ сильно опоздалъ и отсталъ на полмили отъ средняго корпуса, вслѣдствіе чего и Орда имѣла времени убѣжать, прикрывъ свое бѣгство, и козаки, устроивъ свой лѣвый флангъ, не получавшій подкрѣпленія отъ праваго, успѣли возстановить свой строй, сокрушивши тaborъ, и отступили къ болотамъ, гдѣ уже труднѣе было съ ними совладать. Король нѣсколько разъ послалъ брацлавскому воеводѣ и коронному маршалу приказъ поскорѣе занять мѣсто во фронтѣ на одномъ уровне съ другими частями войска, угрожалъ даже смертью за ослушаніе; но тѣ отвѣтили, что предпочитаютъ смерть гибели отечества и короля, оправдывая свою медлительность тѣмъ, будто въ прилегавшемъ къ нимъ лѣсу устроена засада, и требовали, чтобы король прислалъ имъ нѣсколько пушекъ, обѣщаючи, обстрѣлявъ лѣсъ и удаливъ изъ него засаду, двинуться впередъ и выровняться съ общимъ фронтомъ. Въ послѣдствії, въ оправданіе этого опасенія они утверждали, что когда региментъ Крейца съ двумя эскадронами конницы и двумя пушками, присланными королемъ, проникъ наконецъ въ тотъ лѣсъ, то заставилъ удалиться бывшихъ непріятелей. Но странно, что они такъ долго сторожили засаду, и позволили ей отступить невредимо“...

Высказанное здѣсь Освѣдимомъ единогласное мнѣніе вслѣдъ было мнѣніемъ королевскихъ застольниковъ, которые воображали, что однимъ ударомъ было возможно возвратить Польшѣ то, что католическая партія такъ долго отторгала отъ нея своею соединительною политикою. Бездарносъ сборище придворныхъ не щадило даже стратегика Берестечской войны, Стефана Чернецкаго, которому панское войско всего больше было обязано своимъ успѣхомъ; оставило безъ вниманія и то, что Лянцкоронскій и Любомирскій не были способны ни къ сочиненію грозной засады, ни къ уклончивости въ такой важный моментъ. Но Освѣдимъ точно рукою самого Яна Казимира пишеть: „Многіе даже изъ числа находившихся на томъ флангѣ утверждали, что никакой засады не было, и что это была лишь пустая выдумка, придуманная для того, чтобы уклониться отъ опасности, предстоявшей при

штурмъ козацкаго табора". Это мнѣніе характеризуетъ больше своихъ составителей, нежели цѣлый боевой корпусъ и его полководцевъ. По словамъ Освѣтіма, „вся слава этой побѣды должна принадлежать королю, хотя“ (продолжаетъ онъ снисходительно) „должны быть упомянуты имена и тѣхъ лицъ, которые помогали ему въ значительной мѣрѣ, а именно: Николая Потоцкаго, князя Іеремія Вишневецкаго, короннаго хорунжаго Александра Конецпольскаго, полеваго писаря Пршиемскаго и генерала Губальта“ (что напоминаетъ приемъ іезуита проповѣдника, поставившаго короля наравнѣ съ героями збаражской осады).

И такое жалкое общество, которое даже въ лицѣ знаменитаго мемуариста, подчинялось клику ничтожнѣйшаго изъ королей, такое общество мечтало покорить себѣ народъ, глубоко проникнутый ненавистью къ нему и въ лучшихъ, и въ худшихъ своихъ представителяхъ!

Но панское сердце, измученное столькими государственными, общественными, и что было всего для него болѣнїе, домашними утратами, нуждалось въ живительной отрадѣ. Оно предалось инстинктивно той иллюзіи, которую природа человѣческаго духа хранить въ запасѣ для несчастнѣйшихъ изъ его дѣятелей. Наивный органъ польской жизни, Освѣтімъ, въ заключеніе придворныхъ толковъ о козацкой засадѣ, пишетъ:

„... . . . Пришлось намъ удовлетвориться, хотя и неполную, Богомъ намъ ниспосланнѣе, побѣдою. Она тѣмъ не менѣе была знаменита. Мы побѣдили народы варварскіе, безчисленные, сбѣжавшіе съ отдаленнѣйшихъ странъ. Передъ саблею короля преклонились и въ паническомъ страхѣ бѣжали дикия татарскія орды: Силистрійская, Урумельская, Добруджская, также Турки, Волохи, Урумбеки, Пятигорцы, полчища, созванныя отъ береговъ Ледовитаго моря, отъ подножія Гиперборейскихъ горъ и отъ Каспійскаго моря. Важнѣе всего то, что мы поразили въ полѣ зловреднаго звѣря, Хмельницкаго, и безчисленную запорожскую саранчу, загнали ихъ съ большимъ урономъ въ таборъ и предоставили дальнѣйшей мести побѣдоноснаго королевскаго оружія. Вѣроятно, со временемъ битвы подъ Грionвальдомъ, отечество наше, а, можетъ быть, и весь міръ, не видали столь знаменитаго сраженія. Съ обѣихъ сторонъ въ немъ принимало участіе по меньшей мѣрѣ 500.000 человѣкъ. Этому не повѣрять ни иностранцы, ни, можетъ быть, даже наши потомки. Очевидцы сами больше изумлялись, нежели вѣрили. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ случилось то, что мы считали невозможнымъ, именно: произошелъ разрывъ Орды съ Хмель-

ницкимъ. Правда съ нашей стороны шагъ былъ отчаянныи: мы бросили кости, поставивъ за одинъ разъ на копъ существованіе нашего отечества. Но Господу неугодно было допустить посрамлѣнія своего помазанника, святой католической вѣры и находившихся подъ его охраной костеловъ. Въ этой трехдневной битвѣ мы потеряли до 700 человѣкъ, главнымъ образомъ изъ числа товарищѣй и шляхты восводестъ: Краковскаго, Сенномирскаго и Лѣпчицкаго. Козаковъ легло безконечно больше; Татары же своихъ убитыхъ тотчасъ подбирали, стараясь даже не допускать ихъ падать съ лошадей. Объ этой битвѣ можно сказать то, что сказано о битвѣ Римлянъ съ Югуртою: никогда мы не сражались съ такимъ успѣхомъ и со столь малымъ пролитіемъ нашей крови".

Вотъ какой слей отрады проливалъ Шляхетскій Народъ на свои раны, въ предчувствіи безконечной агоніи на рукахъ своихъ губителей, іезуитовъ!

Наступило наконецъ для несчастныхъ пановъ давно желанное время отмщения за разореніе хозяйства ихъ, за поруганіе ихъ женщинъ, за избѣженіе дѣтей и старцевъ ихъ, за изгнаніе ихъ самихъ изъ края, отвоеваннаго ихъ отцами и дѣдами у такихъ же хищныхъ помадовъ, какими были козаки. Боги поднесли таки къ папскимъ устамъ чашу сладчайшаго изъ напитковъ, хранимаго ими для собственнаго употребленія. Ни усталость, ни проливной дождь не подавили въ озлобленныхъ культурникахъ, панахъ, и въ козакиахъ наставникахъ, шляхтичахъ, жажды къ божескому наслажденію. Столь же пылкіе въ начинаніи, какъ неспособные къ довершенію дѣла, они тотчасъ наступили на козацкій таборъ. Но, видя, что вломиться въ него при свѣтѣ моллій, раздиравшихъ дождевые тучи, нельзя, рѣшились не дать козакамъ возможности уйти подъ покровомъ ихъ матери—ночи. Припоминая знаменитыя почные рестирады Дмитрія Гуни подъ Кумейками и па Сулѣ, жолнеры остались почевать на боевомъ полѣ. Мстители-землевладѣльцы бодрствовали всю ночь въ виду логова людоѣдовъ. Напротивъ жолнеры—безземельники, которымъ не за что было слишкомъ злобствовать на козаковъ, ложились боевыми рядами на мокрую землю и спали такимъ крѣпкимъ спомъ, что утромъ пельза было ихъ добудиться.

Король въ эту ночь не ложился спать. Онъ, какъ и ханъ,—гласила молва—былъ раненъ осколкомъ ядра въ ногу, но, превозмогая боль, объѣзжалъ стражи, въ предупрежденіе оплошности, которая могла лишить его славы истребителя драконовъ. Впрочемъ для него

вывезли въ поле каретку, и онъ отъ времени до времени отдыхалъ въ ней.

На другой день усталость людей и лошадей превозмогли въ королевскомъ ополченіи всѣ другія чувства, и торжествующее войско дѣлые три дня провело только въ охраненіи кровавой добычи своей. Паны всего больше радовались, что въ трехдневной битвѣ подъ Берестечкомъ пало у нихъ только 700 человѣкъ. Они видѣли въ этомъ особенную милость Божію къ Шляхетскому Народу и, въ упованіи на божескую поблажку ихъ неспособности къ общественнымъ дѣламъ, продолжали бездѣствовать.

Между тѣмъ безглавое скопище окружало себя все высшимъ и высшимъ валомъ, какъ со стороны панского становища, такъ и со стороны болота. Оно боялось, чтобы паны не переправились на другую сторону болотистой рѣчки, и грозно гремѣло своими гарматами. Въ козацкомъ таборѣ, занявшемъ почти цѣлую милю, сидѣло не менѣе 200.000 человѣкъ, не считая женщинъ и дѣтей, которыхъ набралось множество. Численностью превосходили козаки вдвое тѣхъ, которые держали ихъ въ западнѣ, и могли бы, даже безъ Татаръ, запереть пановъ между болотъ и затопленыхъ рѣчекъ. Но безъ Татаръ козацкая завзятость была противъ пановъ безсильна даже и подъ бунчукомъ Хмельницкаго. Еще стоя подъ Сокалемъ, паны слышали отъ захваченного въ плѣнъ „добраго реестроваго козака“, что Хмельницкій, провѣдавъ о расположеннosti хана къ мирнымъ переговорамъ съ королемъ, ударила въ бубны, созвалъ чернечкую (состоящую изъ одной черни) раду и спрашивалъ у козаковъ: согласны ли они на миръ? но козаки отвѣчали: „Батьку гетьманде! и Богъ, и військо того хдчутъ, щобъ мы съ королемъ ніякъ не мирились: бо на те мы одважились и на те мы сюдѣ прийшли, що хочбы й Орда пасъ покинула, до мы всі при твоїй поваѣ поміратимемъ. Абд самі всі згинемо, абд всіхъ Ляхівъ выгубимо“... Казалось бы, чего больше? Но козацкая чернь была предана своему гетману лишь подъ условiemъ успѣха; въ такомъ же положеніи, какъ настоящее, только Татары поддержали бы ту поваѣ Хмельницкаго, при которой она была готова *помірати*.

Намѣстникъ гетмана, Джеджалла, былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ его первоначального бунта. Онъ прежде всѣхъ взбунтовалъ нѣсколько сотенъ реестровиковъ, и привѣтствовалъ съ ними козацкаго Моисея въ пустынѣ, на Желтыхъ Водахъ. Оставшись подъ Берестечкомъ въ самомъ разгарѣ боя, Джеджалла оправдалъ званіе наказанаго гетмана грознымъ отступлениемъ и превосходнымъ выборомъ

становища. Онъ помѣстилъ тaborъ подъ лѣсомъ и густыми зарослями. По окраинамъ тaborа стояли мочары, а въ тылу находились непереходимыя топи и болотистое озеро. Сидѣль онт точно въ вилахъ и казался неодолимымъ. Оказченные мужики день и ночь работали на окопахъ и шанцахъ.

Поохладѣвъ отъ первого жару возмездія, паны поняли, что имѣютъ дѣло не съ толпой взбунтованной черни, а съ неприступною крѣпостью. Теперь и самъ Вишневецкій не отваживался разрывать ко-зацкій тaborъ, какъ покушался на это въ пылу боевой горячки, когда панцырь стѣснялъ его завзятое сердце, а подложенная сталью шапка казалась ему охраной недостойною. Въ числѣ 700, купившихъ не-жданно, негаданно торжество падъ ужаснымъ Хмелемъ, пало много людей, которыхъ не напрасно величали знаменитыми рыцарями. Они были знамениты способностью возбуждать въ соратникахъ мужество, какъ знамениты барды, вдохновляющіе словомъ своимъ слушателей. Смерть унесла съ ними самую пламенную часть собирательной души Шляхетскаго Народа. Приступъ къ тaborу грозилъ этой душѣ утра-тами многочисленными, и потому паны рѣшились выжидать голода или вѣриѣ—результата козацкихъ дракъ, которые начались въ тaborѣ тотчасъ послѣ бѣгства Хмельницкаго. На военной радѣ своей паны опредѣлили — начать правильную блокаду. Послали въ Броды и во Львовъ за тяжелыми пушками. Генераламъ Губальту и Пршіемскому да инженеру Гильдгауту было приказано окружить козаковъ шанцами, подѣлать на болотахъ мости и плотины для штурма съ тѣмъ, чтобы загромоздить возами затылки тaborа, и, если нельзя будетъ взять ко-заковъ приступомъ, то — выморить голодомъ.

Но голода козаки не боялись: съѣстныхъ припасовъ было у нихъ достаточно. Запасы амуниціи казались исчисляемыми. Полководцы отличались боевыми способностями. Недоставало только того, кто все это организовалъ подъ своеобразною диктатурою, да и ему самому для диктатуры недоставало бы Татарь. Бѣгство гетмана подавляло Козацкій Народъ, задавшійся задачей — или погибнуть, или погубить Народъ Шляхетскій. Отрѣзанный панами отъ поприща своихъ пожо-говъ, убийствъ и грабежей, не могъ онъ даже провѣдѣть, чѣмъ дѣлается съ его путеводителемъ въ безвыходномъ лабиринтѣ злодѣяній: паль ли онъ трупомъ, или бѣжалъ съ Татарами, или бросился къ литов-скому своему войску для замѣна имъ Орды, и никому не приходило въ голову, чтобы ханъ поступилъ съ Козацкимъ Батькомъ, какъ по-ступаетъ нечистая сила съ человѣкомъ, который на нее положился.

Тѣмъ не менѣе исчезновеніе батька изъ 200.000-й семьи въ такой важный моментъ возымѣло на нее свое дѣйствіе.

По разсказу Освѣціма, козаки уже на третій день, 2 римскаго юля, въ воскресенье, прислали къ королю письменную просьбу о помилованії. Другое письмо прислали къ Вишневецкому чигиринскій полковникъ Крыса, по фамиліи Великорусъ (иначе былъ бы отъ не *Крыса*, а *Пашюкъ*). Этотъ просилъ увѣрить короля, что козаки черезъ два дня сдадутся.

Было слышно, что Джеджалла не хотѣлъ гетманить козаками, но что его къ тому пригудили, какъ это у нихъ случалось нерѣдко съ ихъ избраниками. Все-таки онъ принялъ гетманство лишь на пѣсколько дней, зная, что можетъ поплатиться головой за свой высокій санъ, если не теперь отъ козаковъ—въ случаѣ неудачи, то въ послѣдствіи отъ Хмельницкаго—въ случаѣ удачи.

„Многіе хотѣли перебѣгать въ нашъ лагерь“ (пишетъ Освѣцімъ), „но король приказалъ стрѣлять по перебѣгчикамъ, а для того, чтобы они не могли спастись бѣгствомъ, приказано было князьямъ Вишневецкому и Радивилу, съ нѣсколькими тысячами войска, переправиться черезъ рѣчку и занять позиціи сзади козацкаго тaborа. Но приказъ этотъ не былъ исполненъ, потому что князь Вишневецкій потребовалъ 15.000 войска, а король не хотѣлъ дать ему такого количества“.

Здѣсь невольно вспоминается, какъ долго Янъ Казимиръ держалъ великаго воина въ Збаражской западай, медля выручкою, и какъ охотно даль вѣру, что онъ предлагалъ окунуть. Не смѣя штурмовать козаковъ съ огромнымъ войскомъ и его челядью, онъ подставлялъ Вишневецкаго подъ 200.000 отчаянныхъ бѣглецовъ съ нѣсколькими тысячами.

„Между тѣмъ“ (продолжасть Освѣцімъ) „совѣщались по поводу просьбы о помилованії. Одни заявляли, что слѣдуетъ оказать милосердіе, казнить смертью только старшину и выдающихся особенно бунтовщиковъ. Другіе настаивали на томъ, чтобы, давъ слово касательно прощенія, отпять потомъ у козаковъ пушки и оружіе, распределить пленныхъ по полкамъ, перебить ихъ поголовно, лишить остальныхъ всѣхъ привилегій, запретить на вѣчныя времена оружіе и истребить ихъ вѣру,—въ виду этого предложенія, кіевскій воевода, Адамъ Кисель, былъ удаленъ изъ рады подъ благовиднымъ предлогомъ,—и навсегда уничтожить самое имя козаковъ. Такъ препираясь, не пришли ни къ какому окончательному решенію. Непріятель же, пользуясь нашимъ бездѣйствіемъ, не упускалъ никакого средства къ своему спасенію. Онъ отстрѣливался съ валовъ и, выбирая удобное время, дѣлалъ

вылазки. Въ ту же ночь козаки подкрались ползкомъ къ одному изъ нашихъ редутовъ, напали на утомленныхъ пѣхотинцевъ, 8 человѣкъ убили, а многихъ переранили косами, чутъ было не овладѣли самимъ редутомъ, и только подоспѣвшее вѣ-время подкрѣпленіе оттеснило ихъ“.

Другой участникъ Берестечской войны писалъ изъ панского лагеря, что козаки напали тихо на шапцы въ ночь съ 4 на 5 римскаго юла и пришли рѣзать жолнеровъ; „но когда начала лаять собака, наши догадались о непріятелѣ и отплатили за свое: 80 козаковъ убили, остальныхъ преслѣдовали до тabora. Видя нашу осторожность, козаки для надежнѣйшей обороны стѣснили свой тaborъ, въ которомъ для себя и для лошадей рыли ямы (doly) отъ пушечной пальбы. Но это мало имъ поможетъ: ибо они стоятъ возлѣ топей“.

„Юля 3, въ попедѣльникѣ“ (продолжаетъ Освѣцімъ), „стали перебѣгать къ намъ шляхтичи, утверждавшіе, что находились въ рядахъ бунтовщиковъ по принужденію, и будто ихъ насильно заставляли принимать участіе въ войнѣ. На самомъ же дѣлѣ они, потерявши все имущество, искали исхода въ козацкой службѣ: свидѣтельство драгоцѣнное. Еще бискупъ Верещицкій, въ 1583 году, слѣдовательно за десять лѣтъ до Косинщины, писалъ въ сеймовой брошюре, что промотавшая свои наслѣдства шляхта — или грабить на Низу турецкихъ чабановъ, или вытряхиваетъ въ бору у прохожихъ лукошки. Изъ дебатовъ Посольской Избы мы знаемъ, что выѣденные кессидзами да монахами изъ имѣній шляхтичи жили среди козаковъ. Изъ донесеній Кунакова памъ извѣстно, что бапиты цѣлыми сотнями вписывались въ реестровые козаки. Вотъ какіе люди были двигателями козацкихъ бунтовъ и коноводами козацкихъ предательствъ! Теперь они спасались подъ крыльями тѣхъ, которые были готовы истребить козацкую вѣру, уничтожить на всегда самое имя козаковъ, а потомъ привели развернутую ими массу подъ высокую руку православнаго царя. Подъ высокой царской рукою мучили они воду, для своей корысти, отъ Выговскаго до Мазепы, отъ Мазепы до Желѣзника, Голты, Калиша, Глобы и, между прочимъ, закрѣпостили себѣ геросвѣтъ Корсунщины, Пиливщины и т. д., а болѣе крупныхъ своихъ сподвижниковъ ссылали въ Сибирь чрезъ посредство напугалной козацкимъ предательствомъ Москвы, и если титло Козацкаго Батька принадлежало Хмелю справедливо, то шляхтичи-бапиты и перебѣжчики были его чадами по преимуществу.

„Эти-то перебѣжчики“ (продолжаетъ Освѣцімъ), „извѣстили, что среди козаковъ возникли несогласія... Вечеромъ, когда отборные наемные полки наши вернулись въ лагерь, на горѣ же, возвышавшейся надъ

козацкимъ таборомъ, были оставлены только два полка,—непріятель, сознавая неудобство для себя этой нашей позиціи, наступилъ на нихъ всѣми своими силами, и они, не получивъ подкрѣпленія, должны были, отстрѣливаясь, отступить, не безъ урона, въ лагерь. Непріятель занялъ гору, но недолго могъ удержать эту позицію: ибо на разсвѣтѣ коронный хорунжій, выступивъ съ нѣсколькими полками изъ лагеря, заставилъ его бѣжать обратно въ таборъ, причемъ козаки во множествѣ были перебиты и потоплены въ озерѣ, позиція же занята нами вновь.

„Люля 4 хотя и происходили военные дѣйствія, но вообще можно сказать о насы, что мы разбитому, объятому страхомъ и ожидавшему окончательной гибели непріятелю дозволили отдохнуть, оправиться, совершило возстановить упавшую было бодрость духа и взвести сильныя укрѣпленія, себѣ же затруднили путь къ скорому и окончательному истребленію его и сдѣлали сомнительнымъ результатъ дальнѣйшихъ дѣйствій, которыхъ, при большей поспѣшности, могли увѣнчаться успѣхомъ.“

„Чтобы не оставаться безъ дѣла, король въ этотъ день подвинулъ войско изъ прежняго лагеря, находившагося у Берестечка, ближе къ непріятельскому табору“ (а въ старомъ лагерѣ были оставлены возы съ челядью и съ нѣсколькими полками лѣхоты подъ начальствомъ Николая Потоцкаго). „Принято было рѣшеніе окружить непріятеля со всѣхъ сторонъ окопами, снабдить ихъ войскомъ, сзади же войско обезопасить возами, и такимъ образомъ подавить козаковъ голодомъ, такъ какъ приступомъ взять ихъ было невозможно. Въ тотъ же день воздвигнули множество шанцевъ, редутовъ и почти вся работа была завершена“.

Въ это время посполитаки сповѣдали бунты и ссоры, какъ бы во свидѣтельство своего родства съ козаками. Имъ не понравилась прикомандировка ихъ къ полкамъ квартянныхъ въ подражаніе Хмельницкому, который окозаченную чернь подѣлилъ между козацкими полковъ. Шляхта послала къ королю посольство. Король отвѣчалъ раздраженнымъ голосомъ: „Здѣсь вамъ не Посольская Изба! Исполняйте, что вамъ приказано. Вы находитесь въ войсковомъ вѣдомствѣ, и должны повиноваться“. Новый канцлеръ еще усилилъ слова короля, можетъ быть, раскаявшись въ своихъ выходкахъ противъ того, кто могъ бы не допустить Хмельницчны, и шляхта принуждена была смириться. Но она ждала случая отплатить королю сугубо. Покамѣстъ посполитаки роптали только на его неумѣніе воспользоваться дарованною Богомъ побѣдой, а это неумѣніе до того было очевидно, что даже

роалистъ Освѣцімъ, какъ мы видѣли, возмущался противъ него до глубины души.

Итакъ, шляхетскія ополченія подѣлили на части и присоединили къ отрядамъ наемнаго, иначе регулярнаго, а еще иначе—квартянаго войска. Изъ числа ихъ ополченія Краковское, Сеномирское, Познанское и Калишское (прихода послѣдняго еще ожидали) присоединили къ полку королевскому. Ополченія Волынское, Подлясское и Русское сопротивлялись этой мѣрѣ, потому что „не хотѣли идти, согласно приказу, на ту сторону рѣчки, гдѣ козаки часто нападали бы на нихъ“.

„Межу тѣмъ непріятель“ (продолжаетъ Освѣцімъ), „понявъ наше памѣреніе и встревожась отъ приближенія нашего войска, вышелъ съ большою рѣшимостью изъ своего табора и изъ шанцевъ на гору и отважно рѣшился вступить въ битву; но наши оттеснили его къ табору, причемъ погибло иѣсколько сотъ козаковъ. Досталась не даромъ эта побѣда и намъ... Пушки цѣлый день гремѣли съ обѣихъ сторонъ, но наши были болѣшаго калибра и причиняли больше вреда, а козацкія ядра, хотя на многихъ наводили страхъ, но немногихъ подвергали опасности... Ночью хлопы безпрестанно старались настѣ беспокоить и тревожить и даже рѣшились стремительнымъ напоромъ ворваться въ нашъ лагерь; но ихъ зловредныя намѣренія были разстроены предусмотрительностью короля и региментарей, а также свѣтомъ луны, сіявшей ночью въполномъ блескѣ.“

„Утромъ 5 іюня, Татаринъ Мегметъ-Челебей, состоящій на службѣ у краковскаго кастеляна, доставилъ взятаго имъ въ плѣнъ Муртаза-агу. Мурза былъ брошенъ во время бѣгства Татарами, которые не могли увезти его съ собою по той причинѣ, что отъ полученныхъ ранъ не могъ онъ сидѣть верхомъ и долженъ былъ ѿхать на повозкѣ. Муртаза-ага—человѣкъ знатнаго происхожденія и родственникъ бывшаго хана. Всѣ дѣла въ Крыму рѣшились по усмотрѣнію его и ханскаго визира. Онъ былъ раненъ картечью въ руку, въ бокъ и на силу могъ говорить, когда его взяли въ плѣнъ. Теперь онъ предлагалъ 10.000 Мегметъ-Челебею за то, чтобы тотъ препроводилъ его къ хану, а не въ нашъ лагерь. Вообщѣ Татары оставили по дорогѣ до 1.000 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ. Этого прежде не случалось: ибо они считаютъ грѣхомъ бросать трупы убитыхъ; но теперь они были въ замѣшательствѣ и въ упадкѣ духа. Утверждаютъ, что въ теченіе трехъ дней было убито 1.000 Татаръ. Дѣло неслыханное, чтобы татары понесли столь великую потерю въ открытомъ сраженіи“.

Отъ 5 юля одинъ изъ участниковъ Берестечской войны увѣдомлялъ кого-то, что король разослалъ універсалы къ малорусской черни по всѣмъ гродамъ, городамъ, торгамъ и церквамъ, чтобы она козаковъ и Татаръ вездѣ избивала, и въ этомъ універсалѣ даваль знать о себѣ, что будеть стоять лагеремъ подъ Берестечкомъ.

„День этотъ“ (пишеть Освѣтимъ) „прошелъ спокойно. Но чюю козаки приготавлялись къ сильной вылазкѣ; по ливень, продолжавшійся въ теченіе дѣлой почі, помѣшалъ имъ, причинивъ значительный вредъ и нашему войску, изъ числа которого 10.000 находилось въ строю и кромѣ того Калишскій полкъ, только что подоспѣвшій въ лагерь, стоялъ на стражѣ. Поздно вечеромъ папа Балабанъ съ 1.000 человѣкъ перебрался па ту сторону для того, чтобы стать въ тылу козаковъ, не дозволяя имъ выходить за провинціонъ и мѣшать бѣгству, такъ какъ они начали уходить мелкими отрядами въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Притомъ онъ долженъ былъ добыть точное извѣстіе о ханѣ: ибо ходили слухи, что ханъ, по просьбѣ Хмельницкаго, остановился въ 4 миляхъ отъ Вишневца.

„Юля 6, въ четвергъ, наша артиллериа открыла сильный огонь съ нѣсколькихъ сторонъ. Около полуудня прибыли въ посольствѣ три полковника. Крыса, полковникъ чигиринскій, красивый мужчина, и, какъ говорять, расположенный къ памъ, Гладкій и Иереяславецъ. Ихъ провели прежде къ краковскому кастеляну, который прочиталъ имъ хорошую нотацію, перечисливши всѣ ихъ преступленія. „Вы позѣнники, которымъ подобныхъ нѣтъ на свѣтѣ“, говорилъ онъ. „Вы уже не христіяне, потому что побратались съ Татарами и Турками. Вы недостойны явиться предъ лицо короля“ и т. д. Потомъ, съ разрѣшенія военнаго совѣта, ихъ позвали къ королю. Они, съ земными поклонами, просили помилованія, и на всѣ предложенные ими вопросы отвѣчали только, что просить милосердія. Всю вину слагали па Хмельницкаго, а также, по своему обыкновенію, па свои грѣхи. Всѣмъ сенаторамъ они по-очередно дѣловали руки и края одежды; словомъ, заявили достаточно смиренія, лишь бы не притворнаго. Послѣ продолжительнаго совѣщенія король объявилъ имъ черезъ канцлера, что хотя они за совершенныя ими преступленія, равныхъ которыхъ нѣтъ во вселенной, и недостойны помилованія, но что король, яко монархъ милосердій, уподобляясь милосердому Богу, склоняется къ помилованію ихъ, если только ихъ смиреніе будетъ искреннее, и что условія онаго будутъ объявлены имъ завтра, сегодня же они должны, въ доказательство искренности, оставить въ лагерѣ одного изъ среды себя.

Остался, по собственной просьбѣ, Крыса, хотя не безъ иѣкотораго страха“.

Такъ повѣствуетъ о козакопанской транзакціи одинъ изъ благородныхъ ея свидѣтелей. Къ сожалѣнію, съ 26 римскаго іюня находился онъ въ откомандировкѣ, и конецъ Берестечской войны описанъ въ его дневникѣ по разсказамъ другихъ очевидцевъ. Нѣкто увѣдомлялъ кого-то, что, по показанію языковъ, полковникъ Крыса хотѣлъ еще прежде уйти отъ козаковъ, но чернь караулила его. По этому извѣстію козацкіе послы были одѣты довольно хоропо и прилично, но Крыса—лучше другихъ.

Вѣтеръ начинать дуть въ польскіе паруса, но пловцы правили кораблемъ не въ одну сторону. Этому кораблю и въ пропущенную войну облегчило опасное плаваніе полонизованный ливорусскій князь, Янушъ Радивилль, уничтоживъ Голоту, Подобайла, Кричевскаго. Теперь онъ одолѣлъ Небабу въ самое то время, когда литовскій или бѣлорусскій корпусъ Хмельницкаго могъ бы присѣть на помошь осажденнымъ подъ Берестечкомъ.

Одновременно съ походомъ Хмельницкаго на Волынь козацкіе загоны двинулись въ Бѣлоруссию, чтобы занять войпою литовскія боевые силы и не дать Радивилу идти въ Украину. Въ іюнѣ наполнили они уже Овручскій край, но здѣсь литовцы били ихъ успѣшно. Въ мѣстечкѣ Парадищахъ заперлись козаки въ церквяхъ, по ихъ тамъ поджигали и истребляли. Били ихъ и въ Норинекѣ. Козацкіе сотники отставали свои прикметы до-упаду. Радивиловы ротмистры напрягали всѣ силы, чтобы взять живыми Лещовца (очевидно, питомца славнаго банича) и Сагайдачнаго (можетъ быть, родственника Копашевича), „по острая сабля“ (рапортовали они) „была принуждена положить ихъ трупами“. Чѣдъ касается Небабы, то пріятельское письмо одного изъ участниковъ битвы, сохранившееся для насъ Освѣтимомъ, описываетъ погромъ его корпуса такъ:

„Панъ стражникъ Мирскій, переправясь на ту сторону Днѣпра, попалъ на козацкій гарнизонъ въ укрѣпленіяхъ, состоявший изъ 300 всадниковъ. Онъ истребилъ его такъ, что только немногіе спаслись бѣгствомъ. Бѣглецы дали знать Небабѣ о томъ, что Ляхи заняли уже ретрапшаменты, но что отрядъ ихъ немногочисленъ. Небаба, желая разгромить Мирскаго, двинулся изъ-подъ Чернигова со всѣмъ войскомъ, котораго было 15.000. Онъ наступилъ на Мирскаго, не зная о томъ, что въ четверти мили дальше переправляется черезъ Днѣпръ гетманъ Янушъ Радивилль. Постѣдній, успѣхъ переправить лишь часть своего войска, немедленно атаковалъ Небабу съ фланга. Дѣло обо-

шлось даже безъ выстрѣла: ибо, быстро окруживъ эту сволочь, мы рукопашнымъ боемъ истребили ее на повалъ. Не знаю, спаслось ли ихъ хоть нѣсколько человѣкъ. Небаба, видя опасность, сошелъ съ коня и сражался пѣшій. На него напалъ одинъ товарищъ изъ хоругви мозырскаго старости. Онъ храбро и долго защищался. Товарищъ долженъ былъ также сойти съ коня и они вступили въ рукопашный бой. Въ это время подоспѣлъ на помощь другой товарищъ и они стали вдвоеемъ одолѣвать. Однако, Небаба не допустилъ взять себя въ плѣнъ. Когда ему изранили правую руку, онъ оборонялся лѣвою, пока его не убили. Послѣ этого счастливаго вчерашняго дѣла, сегодня 200 козаковъ пѣшихъ, вооруженныхъ самопалами, не зная о пораженіи своихъ, препровождали возы съ провіантомъ въ свой тaborъ. Наші окружили ихъ и всѣхъ забрали въ плѣнъ. Плѣнныесказывали, что въ полку Небабы было 20.000 человѣкъ, по 3.000 послалъ онъ въ сторону Кричева, а 2.000 отправилъ собирать провіантъ, такъ что при немъ оставалось только 15.000. Черниговскіе мѣщане пріѣзжали къ князю съ изъявленіемъ покорности. Они просили только о сохраненіи жизни своей и своихъ дѣтей и обѣщали выдать нѣсколько тысячъ паробковъ-броварниковъ, которые начали собираяться па помощь Небабѣ. Битва эта происходила въ пяти миляхъ отъ Чернигова. Одержавъ побѣду, князь отправился въ Любечъ, а часть войска отправилъ въ Черниговъ».

Было слышно, что одни белорусскіе паны пошли къ Припети, а другіе—на выручку Кричева. По пути къ Кричеву встрѣтили паны 500 человѣкъ козацкаго комонника, разбили ихъ, и 150 человѣкъ положили на мѣстѣ. На другой день бились они съ 3000 копницъ Небабы. Козаки стояли крѣпко, но были разбиты и разсѣяны. Съ панской стороны пало 20 знатныхъ шляхтичей и 200 человѣкъ рядовыхъ. Кричевъ защищался мужественно, и уже семь разъ отразилъ козацкій приступъ. Вообще въ Польшѣ думали, что „Господь покровительствовалъ литовскому войску“, хотя мудрено было бы сказать за что. На русскій взглядъ, въ такъ называемой, Литвѣ родной памъ элементъ сохранился цѣльныѣ отъ помѣси съ чужездѣніемъ польскимъ, и самый протестантізмъ, распространенный здѣсь больше, нежели гдѣ-либо, не допускалъ въ белорусской шляхтѣ такого растѣнія духа и тѣла, какое производило въ польскихъ семьяхъ католическое духовенство. Чѣмъ касается козаковъ, то видно, что здѣсь ихъ сила, при отсутствіи Татаръ, опиралась па сотниковъ и полковниковъ, вѣрнѣ—на кадры опытныхъ бунтовщиковъ.

„Между тѣмъ подъ Берестечкомъ“ (пишеть Освѣцімъ) „іюля 7, въ пятницу утромъ, прїѣхали козаки, чтобы получить условія капитуляції. Объ нихъ разсуждали въ военной радѣ такъ, что стыдно и сказать. Успѣхъ разслабилъ настъ до того, что никто энергичнаго предложенія и не высказалъ. Имъ предложили слѣдующія условія: выдать 16 человѣкъ, перечисленыхъ поименно, старшины, въ видѣ заложниковъ, но не безусловно относительно ихъ кары; выдать артиллерию; доставить Хмельницкаго, сына его Тимоша и Выговскаго; выдать при соединившихся къ козакамъ шляхтичей; чернь распустить по домамъ; предоставить королевской милости и рѣшенію будущаго сейма дальнѣйшія распоряженія относительно устройства козацкаго войска *). Козацкіе послы отвѣтили, что Хмельницкаго готовы они разыскивать; что старшину, артиллерию и шляхтичей выдать трудно, но что они предложить условія своей радѣ. Крыса остался окончательно въ нашемъ лагерѣ. Вечеромъ козаки дали знать, что старшина и козаки находятся въ лагера на частбищахъ, а чернь перепилась, и потому не могутъ покамѣстъ столковаться. Весь этотъ день прошелъ мирно, и они допускали нашихъ едва ли не вовнутрь своихъ укрѣплений“.

Но паны не довѣрили козацкому миролюбію, и совѣтовали одинъ другому держать за пазухой камень (*z piñi trzeba traktować kamień mając w zanadrzu*). Это тѣмъ больше было необходимо, что козаки однообразно въ 2 часа пополуночи гремѣли своей музыкой и заглушали свои трубы и *шиноши* боевымъ крикомъ, а призывные котлы у нихъ были такие огромные, что панамъ казалось, будто это бьють на майданѣ тревогу.

„Іюля 8, въ субботу“, (продолжаетъ Освѣцімъ) „козаки на предложенія имъ королемъ условія отвѣтили въ слѣдующихъ приблизительно выраженіяхъ:

„Милостивый, свѣтлѣйший король! умоляя о пощадѣ, мы уповали на милосердіе вашей королевской милости; попамъ предложены условія невозможныя. Выдать старшину мы не можемъ, и не выдадимъ: такъ рѣшила рада войска и черни. Артиллерию выдать не можемъ. Шляхтичей выдать не можемъ, и не выдадимъ, такъ какъ, по Зборовскому договору, имъ обѣщано прощеніе вашей королевской мил-

*) Въ одномъ увѣдомленіи кого-то изъ-подъ Бересечка, 8 іюля, въ чистѣ условій осаждающіе требовали, чтобы чернь присягнула работать своимъ наемъ одинъ день въ недѣлю (*dzień rano swoim robić*), и что козаки отложили отвѣтъ на предложеніе до утра по той причинѣ, что войско было пьяное (*bo teraz wojsko pijane*).

сти. Хмельницкаго, его сына и Выговскаго, измѣнившихъ и вашей королевской милости и памъ выдали бы мы охотно, но ихъ нѣть среди настъ. Однако, мы обѣщаемъ ихъ разыскивать не только въ нашемъ краѣ, но и въ Крыму, и выдать вашей королевской милости, какъ лицъ, сбившихъ пасъ, точно овѣдъ, съ пути. Обѣщаемъ разорвать всякую связь съ Татарами. Просимъ, чтобы *козаки* и *черни* оставались на такихъ правахъ, какія были установлены по Зборовскому договору. Паны пускай благополучно возвращаются въ свои маестности на Украину, но безъ военныхъ хоругвей: въ противномъ случаѣ, произойдетъ *великий голодъ*. Вообще просимъ вашу королевскую милость принять настъ подъ свое покровительство, какъ дѣтей и вѣрныхъ подданныхъ. Симъ окончивъ, подписываемъ: Войско вашей королевской милости Запорожское со всемъ чернысъ^{**}).

Далѣе следовали подписи полковниковъ; но Джеджалла не подписался, потому что былъ согласенъ, какъ и Крыса, на всѣ условия помилованія. Не было это самопожертвованіе; не было это и безнадежность дальнѣйшей борьбы съ панами Ляхами: это былъ благородный выборъ меньшаго изъ золь. Какъ ни ужасно казалась козаку сила европейской тактики противъ его азіатчины, по козацкіи терроръ падъ старшиною былъ такое страшилище, отъ которого самъ Козацкій Батько, послѣ Пиливецкаго успѣха, прятался подъ королевскою властью. Джеджалла былъ прямодушнѣй Хмеля, и откровенно высказалъ свое мнѣніе, что лучше идти подъ королевскій мечъ, нежели подъ козацкіе кіі, которые, въ случаѣ неудачи, грозили всяко му запорожскому лыцарю, какъ оному славному Филопенку. Охлократія въ нашей козацкой республикѣ имѣла такія же безобразныя крайности, какъ олигархія—въ республикѣ панской.

„Разг҃иваний этимъ отвѣтомъ король“ (продолжасть Освѣтцімъ) „приказалъ немедленно пачить въ таборъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько большихъ орудій уже доставили изъ Бродъ, другія поспѣшили везли изъ Львова.

„Іюля 9, вновь прибыли козацкіе послы, возобновили просьбу о помилованіи и обѣщали выдать 16 старшинъ. Но король не хотѣлъ этимъ удовлетвориться, и строго пригрозилъ имъ. Они писали письма къ сенаторамъ, постоянно прося помилованія, но вовсе не соглашались на предложенные условия и настаивали на сохраненіи Зборов-

^{**) Пользуясь этимъ случаемъ (писалъ нѣкто изъ-подъ Берестака), „недалось къ намъ три козака, а множество другихъ думаетъ о томъ же“.}

скаго договора. Ихъ отпустили ип съ чѣмъ. Краковскій кастелланъ разорвалъ присланное ему письмо не читая, и строго сказалъ имъ: „Пошли вонъ, хлопы! вы скоро узнаете, что такое Зборовскій договоръ“.

„Междуд тѣмъ наши, лишь бы дѣлать хоть что-нибудь среди этихъ колебаний, стали устраивать плотины на рѣчкѣ, разсчитывая на то, что, если удастся запрудить воду, то большая половина козацкаго табора, расположенная надъ рѣчкой и у болотъ, будетъ потоплена, и что устроенные ими переправы будутъ паводисны и уничтожены. Сдѣлано было это по совѣту козака Крысы, который остался добровольно у насть, не смотря на то, что козаки требовали его выдачи, какъ посла. Опѣрь притомъ указалъ на нашу оплошность въ двухъ обстоятельствахъ: вонервыхъ въ томъ, что мы не отправили нѣсколько тысячъ людей въ погоню за Татарами, когда они бѣжали, обѣятые страхомъ, и когда ихъ легко можно было разгромить и уничтожить; во вторыхъ въ томъ, что мы попынѣ дозволили козакамъ имѣть свободное сообщеніе съ другимъ берегомъ. Пока это будетъ продолжаться, до тѣхъ поръ, по его словамъ, невозможно будетъ смирить ихъ, ибо они постоянно будутъ надѣяться на возможность отступленія. Впрочемъ совѣтамъ его послѣдовали слишкомъ поздно, и потому они не имѣли надлежащаго успѣха.

„Притомъ на военной радѣ было решено, чтобы, въ случаѣ, если погода будетъ благопріятствовать, предпринять приступъ. Для участія въ немъ было предположено командировать пѣхоту, челядь и Мазовецкое ополченіе, которое въ этотъ день подошло. Остальные отряды послополаковъ,—за исключеніемъ прусскихъ воеводствъ,—должны поддерживать приступъ въ качествѣ резерва. Рѣшеніе это было вызвано показаніями Волоховъ и козаковъ, перебѣжавшихъ къ намъ въ тотъ день. Они утверждали, что козаки рѣшились бѣжать, и уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ большими стараніемъ подготавливаютъ переправы. Все войско получило приказъ быть наготовѣ ночью.

„Въ тотъ же день вновь получено извѣстіе, будто ханъ и Хмельницкій остановились у Вишневца. Наши были этимъ сильно встревожены. Для того, чтобы собрать точныхъ извѣстій, отправили нѣсколько отрядовъ въ разныя стороны. Съ наступленіемъ ночи, полки полеваго гетмана, русскаго воеводы, брацлавскаго воеводы и короннаго хорунжаго должны были выступить противъ Орды. Въ случаѣ же, еслибы Татаръ не оказалось, имъ было приказано—немедленно вернуться и занять позицію въ тылу козацкаго табора, за рѣчкою, куда наши давно уже собирались. Ночью вернулся изъ разѣзда Суходольскій и объявилъ, что онъ былъ за нѣсколько миль по ту сторону Вишневца, но

нигдѣ нѣтъ и слуха о Татарахъ. Всѣдѣствіе чего предположенная экскурсія была отложена. Приступъ же и вообще всѣ другія постановленія рады не состоялись отъ неурадицы и беспорядка. Только брацлавскій воевода отважился переправить на ту сторону въ тылъ непріятельского табора 2.000 человѣкъ" (тотъ, котораго заподозрили въ умышленной мѣшкотности и боязни).

Частное увѣдомленіе изъ подъ Берестечка, отъ 8 іюля, говоритъ что еще въ среду вечеромъ панъ Балабанъ, съ отрядомъ въ 200 человѣкъ, отбивая у козаковъ пашу за рѣчкою, узналъ, что осажденные начали уходить изъ табора по нѣсколько сотъ человѣкъ, подъ предлогомъ паши и добыванія дровъ. Но его донесеніе не вызвало никакихъ предупредительныхъ мѣръ въ панскомъ лагерѣ.

Наконецъ, подъ вечеръ 8 іюля (по извѣстію очевидца) передался панамъ молодцоватый (*hozyj*) козакъ, и объявилъ, что въ таборѣ готовятъ переправу черезъ болотистое озеро, грузя хворостъ, возы, наметы, кожухи, кобеляки, и хотятъ бѣжать; что возовъ оставляютъ для ретирады только по два на сотню, а сѣйстное выючать на лошадей. И это донесеніе пустили паны мимо ушей, несмотря на то, что голодъ у нихъ одолѣвалъ пѣхоту, что конница отбывала вмѣсто нея стражу, и даже лошадьми (по выражению писавшаго) колыхалъ вѣтеръ (*i konie u nas wiatr powiewa*).

Когда такимъ образомъ ни представители козацкой, ни представители панской республики не знали, на чѣмъ рѣшились и чѣмъ дѣлать, неожиданное стеченіе обстоятельствъ привело тѣхъ и другихъ въ новое движеніе.

Посланные козакамъ условія помилованія произвели въ ихъ таборѣ полное разстройство и внутренній раздоръ. Козаки помнили такие случаи, какъ порывы паливайцевъ къ бѣгству лободищевъ, какъ бѣгство самого Кремпскаго отъ солоницкихъ недобитковъ,—такие случаи, какъ стоянѣе реестровиковъ противъ Тарасова ополченія подъ Переяславомъ,—какъ предательское отступленіе козацкаго комонника подъ Кумейками и позорное бѣгство Остряпицы къ московскому рубежу изъ-подъ Сулы. Даже и теперь перебѣгали отъ нихъ въ панскій лагерь ихъ руководители шляхтичи, а чигиринскій полковникъ, Крыса, сдѣлался даже панскимъ совѣтникомъ на ихъ пагубу. Зная и видя все это, козацкая чернь имѣла полное основаніе ожидать всего отъ людей, которые завлекали ее въ свой опасный промыселъ обманомъ, понуждали къ битвамъ посредствомъ Орды и загребали жарь ихъ руками. Старшинѣ своей довѣряли козаки и чернь еще мѣньше, нежели шляхта—своимъ панамъ. Неподписавшій общей петиціи Джед-

жалла вчера еще былъ въ ихъ глазахъ намѣстникомъ Батька Богдана; сегодня онъ сдѣлался у нихъ зрадникомъ и недолаѣшкомъ. Самъ Батько Богданъ съ его сыномъ и Выговскимъ, эта троица козацкаго поклоненія, обвинены ими всенародно въ томъ, что сбили ихъ съ пути, какъ овецъ, и Запорожское Войско торжественно вызывалось искать ихъ даже въ Крыму для выдачи Ляхамъ... Чтобы успокоить козаковъ и чернь, Джаджалла предлагалъ ей выдать королю старшину, въ томъ числѣ и самого его, искупить этимъ общіе грѣхи, и спасти отъ истребленія войско. Но чернь истолковывала такое самопожертвованіе коварствомъ. Она состояла изъ такихъ же единицъ, какъ и ся старшина: состояла изъ людей, готовыхъ на всевозможное предательство,—изъ питомцевъ одной и той же козатчины. Напрасно вызывалася Джеджалла отдаваться первымъ въ руки побѣдителей: этимъ онъ дѣлался, въ си глазахъ, посльдователемъ Крысы и перебѣжчиковъ-пляхтичей. „Геть зрадника! геть польского підлізу!“ завопила чернецкая рада, и Джеджалла, съ тайною радостью, положилъ Богданову булаву передъ преславнымъ Запорожскимъ Войскомъ.

Еслибы козаки „стали въ ради, якъ малі діти“, по выражению кобзарской думы; еслибы они ввѣрились Джеджаллѣ, какъ самому Хмельницкому,—200.000 бойцовъ за козацкія вольности были бы цѣли, и, бѣжавъ ночью хотя бы даже безъ оружія, скоро явились бы съ кіями на плечахъ, передъ милостивыми панами, чтобы отнять у нихъ свое оружіе, подобно тому, какъ помилованные подъ Пяткомъ, дѣды ихъ явились подъ Черкасами, или пощаженные въ Медвѣжьихъ Лозахъ, ихъ отцы собрались въ мятеjnыя купы подъ Переяславомъ, и т. д. Чѣдь касается козацкихъ вождей, то паны больше восхищались ихъ дикими доблестями, нежели злились на ихъ злодѣйства, какъ это мы видимъ и на современныхъ намъ польскихъ историкахъ. По своей природной, почти женской довѣрчивости, они были готовы повѣрить козацкимъ клятвамъ въ десятый разъ, и, безъ сомнѣнія, въ десятый разъ были бы обмануты.

Но, къ счастью человѣчества, козацкая орда губила сама себя, какъ татарская. Въ настоящемъ случаѣ, гибели ея способствовало греческое духовенство, такъ точно, какъ это дѣлало относительно шляхты духовенство латинское. Купленный окровавленнымъ золотомъ агентъ восточнаго патріарха, коринѣскій митрополитъ, противодѣйствовалъ всячески договорамъ съ „врагами Божіими, держащими кривую вѣру“. Слуги его, попы и монахи, бѣгали по всему табору и пугали чернь такою поголовною рѣзнею, какую сочинилъ, или довѣрчиво записалъ велебный авторъ Львовской Лѣтописи. Они убѣждали дождаться Хмель-

ницкаго и во всемъ поступать согласно его волѣ. Но ихъ присутствіе въ козацкомъ таборѣ, дотолѣ небывалое и потомъ неповторившееся, еще больше смущало умы сувѣрною примѣтою о поповскомъ окѣ. Въ смущеніи своемъ, козаки забывали о фортеляхъ, которыми былъ окружены ихъ таборы, и обо всѣхъ своихъ преимуществахъ передъ панами. Хмельницкій пагромоздилъ подъ Берестечкомъ столько возовъ со всяческими запасами, что козаки цѣлый мѣсяцъ, даже два и три мѣсяца, могли бы съ своихъ окоповъ отпускать панамъ такія шушки въ качествѣ осажденныхъ, какими угощали ихъ подъ Збаражемъ въ качествѣ осаждающихъ. Будь они только умѣрепѣе въ своей подозрительности къ старшинѣ; будь старшина только меныше напугана расправой черни за боевыя неудачи; не пріѣди только Веншиакъ съ подобными ему вольподумцами къ убѣждению, что и попы, и ксендзы въ сущности одно и то же,—Хмельницкій павѣрное поспѣшилъ бы къ осажденнымъ подъ Берестечкомъ не tanto медленно, какъ спѣшилъ Янъ Казимиръ къ Збаражу, и тогда бы свѣтъ увидѣлъ и въ Польшѣ, и въ Литвѣ рѣзно пожесточе кривоносовской въ Полоніомъ. Но судьба лишила малорусскую исторіографію новыхъ восторговъ, и еще однажды дала Полякамъ (хотя, правду сказать, напрасно) время обраузиться.

На мѣсто Джеджаллы, козацкая чернь провозгласила своимъ гетманомъ Богуна. Это былъ ученикъ той школы, которая воспитала незабвенного по своему дикому генiu Дмитрия Гупи. Онъ унаслѣдовалъ и боязныя способности Гупи, и его искусство ретироваться.

Держа въ рукахъ Богданову булаву, и не подвергаясь, какъ Джеджалла, общему замѣчанію: „до булавы трѣба головы“, Богунъ повелѣлъ козакамъ и черни день и ночь синять три грѣбни черезъ болотистое озеро, съ тѣмъ чтобы почью съ попедѣльника на вторинкѣ переправить весь таборъ па другую сторону рѣчки. Потому ли, что не было времени взгопять сваи и возить землю, или ради самой таинственности работы, па постройку гребень употребляли возы, оставляя только по два па сотню, грузили сѣдла, шамсты, катриги, упряжь и даже кожухи. Высоко стоялъ Богунъ во мѣстѣ козаковъ и черни; по precedенту у него были, видно все-таки не тѣ, что у Гупи, чудеснымъ, сверхъ-естественнымъ способомъ ускользнувшаго отъ козацкихъ побѣдителей, да и бѣгство Козацкаго Батька значило для оставленнаго войска не то, чтò бѣгство съ береговъ Сулыничъ не прославившаго себя Остряницы. Притомъ же Богунъ, воспитанникъ Хмельницкаго, долженъ былъ скрывать отъ самихъ чурь и громадскихъ мужей свои памѣренія. Не внушивъ такого довѣрія къ своему разуму,

какъ Хмельницкій, Богунъ поставилъ свой копъ и тaborъ въ недовѣріе. Мужики не понимали, что вокругъ нихъ дѣлается, бѣгали съ окоповъ да молили о пощадѣ, а козаки съ своей стороны были настроены тревожно. Вѣра въ непреодолимость ихъ крѣпости и въ стойкость вождей была поколеблена. Попы, женщины, дѣти ослабляли козацкій духъ самимъ присутствиемъ своимъ среди бойцовъ. Вспоминали, можетъ быть, козаки, что и Наливайчина изъ-за дѣтей да женщинъ пришла къ погибельному концу. Теперь была парушена и другая относительно боеваго счастья традиція козатчихъ. Уже по двумъ этимъ причинамъ могла распространить въ тaborѣ суевѣрная боязнь въ перемѣну *фортуны*, тѣмъ болѣе, что козаки ждали рѣшительного приступа, не зная всего того беспорядка и неуридицы, которые раскрывались вполнѣ передъ папскимъ мемуаристомъ. Такимъ образомъ одна часть Козацкаго Народа, ведя переговоры съ Народомъ Шляхетскімъ, проволакивала умилепто время и таинственно готовилась къ отступлению, а другая вдавалась больше и больше въ малорусскую *тугу*. Упадокъ духа и того единомыслія, которое умѣль вселять между козаковъ, съ помощью Татаръ, Хмельницкій, увеличивался еще отъувѣрѣнности, что Татары не вернутся въ свои кочевья съ пустыми руками, и пахватаютъ ясыру въ Украинѣ.

По ни въ папскомъ, ни въ козацкомъ стану вообще не знали, чѣмъ дѣлается и чѣмъ кому грозитъ. Когда молва гласила, что ханъ погналъ передъ собой Хмельницкаго со связанными подъ конемъ ногами, козаки перебѣгали въ папскій лагерь. Но когда здѣсь разнеслась вѣсть, что хантъ и Хмельницкій оставались въ Билинѣцѣ и заходя къ королю въ тылъ, перебѣгчики бросались изъ папского лагеря среди бѣла для подъ выстрѣлами, и заставляли паповъ перемѣнить свой лозунгъ.

Первымъ дѣломъ новоизбраннаго гетмана было импровизировать переправу; вторымъ — обеспечить ретираду отъ перешедшихъ черезъ рѣчку Плятову колонеровъ. Взявши съ собой козацкую старшину и конницу, то-есть надеждѣйшую боевую силу, Богунъ вышелъ, на разсвѣтъ 10 (1) іюля, въ понедѣльникъ съ двумя пушками изъ тaborа, чтобъ, уничтоживъ отрядъ Ляпцкоронскаго, общимъ совѣтомъ рѣшить на мѣстѣ, какъ дѣйствовать во время отступления. Озабоченностью важнымъ дѣломъ старшинъ не пришла въ голову мысль, что ея таинственная вылазка можетъ напомнить кой-кому два предательскіе эпизода войны 1637 и 1638 годовъ; а между тѣмъ въ оставленномъ его тaborѣ нашелся человѣкъ, можетъ быть, видѣвший и самого Хмеля, бѣгущаго изъ-подъ Кумеекъ въ составѣ комонника, и Острянина,

покинувшаго пѣхоту подъ саблею Князя Яремы на Сулѣ. Поставивъ конницу въ арріергардѣ, Богунъ, съ надежнымъ отрядомъ старшины, двинулся впередъ, чтобы осмотрѣть позицію Лянцкоронскаго. Въ тaborѣ между тѣмъ шли своимъ чередомъ приготовленія къ ночной переправѣ, которая, въ случаѣ успѣха, затмила бы славу и самого Гуни. Вдругъ кто-то закричалъ: „Зрада! старшина втікає“!

Еслибы это пагубное подозрѣніе было справедливо, то старшина, во-первыхъ, бѣжала бы не среди бѣла дня, а подъ покровомъ козацкой материи—почи, или по крайней мѣрѣ при свѣтѣ козацкаго солнца—мѣсяца, а во-вторыхъ, уходить ей было бы гораздо безопаснѣе со всѣмъ комонникомъ. Но пускай Поляки остаются при своей мысли, что подозрѣніе было справедливымъ. Дѣло въ томъ, что оно произвело въ остальномъ войскѣ панику хуже пилиавецкой. Близайшіе къ заднимъ переправамъ и возовыми бронамъ козаки выбѣжали смотрѣть, гдѣ старшина и конница. Они увидѣли, что все обстоитъ, какъ слѣдуетъ, но уже не могли вернуться въ тaborъ. На нихъ, точно хлынувшая сквозь громадную запруду рѣка, валила безумная масса бѣглцовъ.

Таборные сторожи были опрокинуты; цѣпи, соединявшія возы, разорваны; возовые броны сокрушены. Съ неудержимой силой ринулось все живое на греблю и чатки, душа и потопляя одинъ другаго въ бѣгствѣ.

Подвигавшаяся въ арріергардѣ за Богуномъ конница, видя громадное толщище и слыша крикъ 200.000 голосовъ, естественно бросилась въ разсыпную, какъ это дѣлали въ опасныхъ случаяхъ Татары.

Крикъ былъ такъ ужасенъ, движеніе было такъ бесподобно, что Лянцкоронскій вообразилъ обратное наступленіе Орды, и полетѣлъ къ своей переправѣ.

Богунъ, съ козацкой старшиной, поскакалъ навстрѣчу валяющей къ нему массѣ. Но въ то время не было уже для козаковъ и черни ни гетмана, ни полковниковъ: козацкая армія, созданная чародѣйскимъ словомъ *на Ляховъ!* расточилась отъ чародѣйскаго слова *зрада!* Обезумѣвшая въ ужасѣ панской кары толпа импровизировала себѣ новыя гребли изъ собственныхъ тѣлъ, растоптаныхъ бѣгущими. Все тонуло, задыхалось и гибло хаотически.

Къ сожалѣнію, папскій Самовидецъ не присутствовалъ при козацкой катастрофѣ. Онъ вернулся подъ Берестечко только тогда, когда трагедія была сыграна, и окровавленная сцена опустѣла. Всё-таки ему принадлежитъ первое мѣсто между современными историками

борьбы разноплеменныхъ и разновѣрныхъ армій въ пользу русскаго возсоединенія, и мы за нимъ послѣдуетъ, какъ за сравнительно достовѣрнымъ повѣствователемъ.

„Бѣглецы“ (пишеть онъ) „бросили таборъ со всѣмъ бывшимъ въ немъ добромъ, и оставили множество скота, лошадей, провіанта, пушекъ, пороху и знаментъ. Когда извѣстіе объ этомъ бѣгствіи распространилось въ наше мѣсто войскѣ, наши немедленно бросились въ таборъ и стали пользоваться добычей. Кто не польнился, тотъ могъ пріобрѣсти значительную долю имущества. Въ то время другія хоругви бросились въ погоню за бѣгущими, по прежде должны были пройти трудныя переправы, весьма узкія и вязкія, такъ что лошади могли по нимъ идти лишь гуськомъ. Между тѣмъ козацкая конница, числомъ до 20.000, успѣла сформироваться и направиться вскачь далѣе. Брацлавскій воевода, который перешель было на ту сторону съ отрядомъ въ 2.000 человѣкъ, для того чтобы препятствовать козакамъ пользоваться пастищами, — жаль, что это было предпринято слишкомъ поздно и съ незначительнымъ количествомъ войска, а то всѣ козаки остались бы въ западѣ,—увидѣвъ такое множество враговъ, и полагая, что это нападеніе сдѣлано противъ него, отступилъ къ Козину, чтобы обеспечить себѣ переправу. Между тѣмъ огромное количество нашихъ выступило изъ лагеря, и отправилось въ погоню за бѣгущими, убивая всѣхъ запоздавшихъ и отставшихъ на пути. Едва ли нашелся бы кто-либо, кому бы не довелось убить козака ^{*)}). Наконецъ брацлавскій воевода понялъ, что козаки обращены въ бѣгство, и, оправясь отъ испуга, старался вознаградить потерянное время. Немедленно пустился онъ въ погоню и производилъ ее съ такимъ жаромъ, что вернулся послѣднимъ... Въ это время король дѣжалъ смотръ ополченію Илоцкаго воеводства, и всѣльѣ ему преслѣдовать испрѣятеля... Посполитаки били козаковъ до пресыщенія въ лѣсу, въ кустарникахъ и болотахъ. Весь день, пока не стемнѣло, наши, подвигаясь облавою, производили кровавую бойню, вытаскивая козаковъ изъ кустовъ и

^{*)} Это пишеть одинъ изъ самыхъ незлобныхъ пановъ, извѣстный поэтическимъ чувствомъ любви. Долговременное истребленіе пановъ козаками, а козаковъ панами по милости польской псуриядицѣ — породило взаимную ненависть, которая донынѣ отражается въ польской и русской литературахъ въ ущербъ достоинству обѣихъ, а часто высказывается и въ самой жизни. Въ одномъ случаѣ мужики били земляка пана. Прохожій мужикъ остановился и сталъ ихъ просить: „Дайте бо й мені хочъ разъ удѣрити: я зъ рѣду не бывъ пана“. Въ этомъ мужикѣ отзвалось Освѣцімово чувство.

болотъ, разстрѣливая и рубя головы, хотя и они наносили вредъ на-
шими, въ случаѣ несострѣтности. Цѣлый день продолжалось убий-
ство и кровопролитіе.

Роли на широкой сценѣ человѣкоистребленія перемѣнились.
Прежде война представляла зрѣлища, воспѣтыя кобзарями Хмель-
ницкаго:

Тоді козакъ и лісомъ конемъ біжійшъ,
Колі жъ дівиця, ажъ кущъ дріжійшъ;
Колі гайнє, ажъ у кущі Ляхъ якъ жлукто, лежійшъ.
То козакъ козацький звѣчай знає,
Ісъ коні ссідає
И келепомъ Ляхъ по рѣбрахъ торкає...

Теперь кусты дрожали отъ прятавшихся козаковъ, а жолнеры
сдѣлялись храбрецами всѣ, отъ первого и до послѣдняго. Теперь и
тѣ, которые побросали знамена въ зборовскихъ конопланиникахъ,
смотрѣли такими героями, какъ совращенный въ латинство литворус-
скій князь, Корибутъ Вишневецкій.

Но даже и въ послѣдней бѣдѣ, какая можетъ озадачить воина,
когда творецъ отважнаго и безпримѣрно удачнаго бунта покинулъ
свое войско, а войско покинуло свою неодолимую крѣпость,— даже и въ этомъ безнадежномъ положеніи, многихъ бѣглецовъ, унесенныхъ
силою паники, можно было назвать образцовыми воинами. Нѣсколько
примѣровъ геройской рѣшимости, не имѣющей ничего подобнаго въ
бѣгствѣ паповъ *пилиячиковъ*, сохранила для настъ польская исто-
риографія.

800 козаковъ, засѣкшиесь въ лѣску, защищались такъ, какъ Виш-
невецкій въ Збарамской западнѣ. Съ одной стороны былъ ихъ свой
же братъ, Русинъ, князь Богуславъ Радивилъ, съ другой — такой же
Русинъ, Стефанъ Чернецкій. Они отвергли всѣ условия предлагаемой
ими пощады, и всѣ легли на мѣстѣ до послѣдняго, давъ урокъ сво-
имъ отступникамъ, какъ надобно стоять за свободу съ болѣе высокими
цѣлями, нежели свобода козацкая.

Другой отрядъ козаковъ, состоявший изъ двухъ или трехъ сотенъ,
укрѣпился на островѣ и рѣшился выпить горькую чашу смерти до
два съ такимъ спокойствиемъ, съ какимъ были распity и разлиты
добрая горілка, меды и вина подъ Пиливцами. Долго защищались ко-
заки безъ всякой надежды на спасеніе, превосходя въ этомъ случаѣ
героя Збарамского, котораго надежда на выручку не покидала до
конца. Дивясь ихъ мужеству, Николай Потоцкій предлагалъ имъ по-

милование. Но захотѣли они принять помилование отъ Ляха, отъ *пѣрѣвертил*. Въ знакъ презрѣнія къ *пекльникамъ* и ихъ дару, высыпали козаки изъ чересовъ деньги въ воду, а сами такъ сильно поражали нападающихъ, что только пѣхота, наступивъ на нихъ колонною, разорвала ихъ и загнала въ болото. Но поддались и тамъ завзятые. Стоя по поясъ въ водѣ, оборонялись они до тѣхъ поръ, пока не перестрѣляли ихъ поодиночкѣ. Одинъ изъ этой горсти героевъ-разбойниковъ добрался какъ-то до чепнока, и нѣсколько часовъ игралъ съ неминуемою смертью, отвергая помилованіе. Стрѣляли по немъ съ обоихъ береговъ рѣки. „Не знаю“ (пишетъ, пересказывая объ этомъ Освѣтимъ), „стрѣлки ли въ пого не попадали, или, можетъ быть, его не брали пули“. Наконецъ, однѣ Мазуръ, раздѣвшиись до нага, вошелъ по шею въ воду, и нанесъ ему ударъ косою, а жолдакъ пропилъ коньемъ. „Король“ (говорить очевидецъ) „долго смотрѣлъ съ большими вниманиемъ и радостью на эту трагедію. Многихъ, точно утокъ, ловили по болотамъ, вытаскивали и убивали; никого не щадили, даже женщинъ и дѣтей, по всѣхъ истребляли мечемъ“.

То была въ самомъ дѣлѣ сцена изъ послѣднаго акта *трагедии*, которой „начало“ видѣлъ столь же достойный зритель—пашъ „свято-памятный“.

Добыча, полученная въ козацкомъ таборѣ, была значительная, хотя, безо всякаго сравненія, не такая, какая досталась козакамъ подъ Пилиавами, „потому“ (замѣчасть Освѣтимъ), „что козаки на серебрѣ не Ѣдали и цугами въ каретахъ не Ѣзжали“. Взяли побѣдители безъ побѣды весь скарбъ Хмельницкаго, а было въ немъ, по показанію Крысы, двѣ бочки талеровъ для уплаты Ордѣ. Жолнеры такъ поживились при этомъ, что одному товарищу досталось 1.500 дукатовъ. Взяли также паны 60 пушекъ, изъ которыхъ 18 оказались прекрасной работы, съ лафетами, 7 бочекъ пороху, кромѣ того, что было расхватано жолнерами, безчисленное множество огнестрѣльного и холоднаго оружія и до 20 знаменъ,—въ томъ числѣ знамя, которое послалъ король Хмельницкому чрезъ комиссаровъ. Оно было краснаго цвѣта, съ изображеніемъ бѣлаго орла и двухъ *русскихъ* крестовъ. Другое знамя, въ томъ же числѣ голубое, было то, которое далъ козакамъ Владиславъ IV въ 1646 году, зазывая въ Турецкую войну. На немъ бытъ изображенъ орелъ, пополамъ бѣлый и красный.

Въ пльнѣ взяли турецкаго посла, втоптаннаго въ болото, и послана отъ константинопольскаго патріарха, присланнаго къ Хмельницкому съ благословеніемъ на войну и съ освященою на Господнемъ Гробѣ саблею. Изъ коринѣскаго митрополита, Іоасафа, Поляки сдѣ-

лали александрийского патріарха, Евдоксія, даже константинопольского патріарха, „или, вѣрнѣе, обманщика (*albo raczej impostora*)“... О немъ рассказываютъ и въ наше время польскіе историки, что онъ разсчитывалъ на свою величественную бороду и на важность своего сана, какъ на оборону отъ смерти. Онъ де вышелъ въ золотомъ облаченіи, въ огромной митрѣ изъ краснаго бархата, покрытой кругомъ кусками золота въ видѣ крестовъ, сопровождаемый священствомъ, крестами, свѣчами, церковными хоругвями; но ему тѣмъ не менѣе отѣкли голову. Это бумагочернильное утѣшеніе подобаетъ намъ предоставить нашимъ иног҃ѣрнымъ завистникамъ, хотя бы въ дѣйствительности смерть постигла Іоасаоа безъ всякаго народа. Козаки пали, будучи на ихъ мѣстѣ, говорили бы то же самое *z usiechą oсмерти* бискупа и арцыбискупа въ панической давкѣ, а тѣмъ еще паче, когда бы злостная фантазія вмѣшала въ эту давку римскаго папу, котораго наши православники, подзадоренные протестантами, давно уже заклеймили не только именемъ обманщика, но и антихриста, предоставляя потомству судить, кто насколько дѣйствовалъ обманомъ и поступалъ противно учению Христа. Польская исторіографія включила и митрополита Сильвестра Косова въ число бѣглецовъ, ускользнувшихъ изъ козацкаго табора. Но Хмель не могъ держать Коса въ своемъ походѣ подъ надзоромъ козацкой полиції; а что Косъ не вѣровалъ въ его *фортуну*, или гнушался его подвигами, видно изъ его письма къ Радзѣвскому. „Лишь только долетѣло до меня перо вашей милости“ (писалъ онъ), „въ тотъ же моментъ (*in eodem ryncto*) послалъ я къ его милости папу гетману запорожскому свои отсовѣтованія отъ войны во внутренности отечества (*dissuasorias od woju w visceribus patriae*) Отвѣтъ получилъ я вотъ какой“ (и прописалъ его цѣликомъ).

Весь церковный аппаратъ, вмѣстѣ съ тремя колоколами, печатью Запорожскаго Войска и серебрянымъ портфелемъ Хмельницкаго, уцѣль отъ расхищенія, какъ трофеи папской побѣды. Въ портфель Хмельницкаго хранились: сultанскій дипломъ на русское книжество, договоръ съ Ракочіемъ, войсковой реестръ, счетъ приходамъ и расходамъ. Еслибы въ бумагахъ бѣглаго гетмана были найдены слѣды казни гетманши, папи Чаплинской, то объ этомъ разгласилъ бы самъ король *z wielką usiechą*. Но вмѣсто утѣшительныхъ для паповъ и ихъ коронованного совмѣстника находокъ, оказалась находка весьма печальная и постыдная: въ козацкой канцеляріи были открыты сеймовые *diariuши* и специальная реляція всего, что ни дѣлалось наискрѣннѣйшаго на сеймахъ, на сенаторскихъ радахъ и даже въ ко-

ролевскихъ покояхъ. „Доблестные Поляки“ Оссолинского продавали разбойнику свое „свободное королевство, охраняемое“ (по словамъ знаменитаго канцлера) „стъною любви къ отечеству и взаимного добрѣя“. Хмельницкій (возьму здѣсь мѣткое слово козацкаго Самовидца) „смазывалъ имъ шкуру ихъ же собственнымъ саломъ“: грабя у нихъ золото, платилъ имъ этимъ золотомъ за предательство милой ойчины.

Подобно тому, какъ наши козакоманы издавна твердили своей публикѣ о муроанныхъ столбахъ, о мѣдныхъ быкахъ, о звѣрскомъ терзаніи, среди собравшихся въ Варшавѣ саловниковъ, пашихъ героеvъ чести и вѣры вмѣсть съ ихъ женами и дѣтьми, о поголовномъ истребленіи Руси за то, что она—Русь, и всю эту ложь завѣщали для обработки ниппѣшнимъ ученымъ историкамъ, да геніальнымъ беллетристамъ,—подобно этому и въ папскихъ ополченіяхъ разжигатели международной вражды находили множество вѣрующихъ въ то, что козацкій таборъ (хотя это гораздо правдооподобнѣе) былъ полонъ полу недоученныхъ плѣнниковъ, ободранныхъ живьемъ, жареныхъ на рожнахъ и пр. и пр. Но если въ козацкомъ таборѣ не было такихъ мучениковъ, то по одному воспоминанію о томъ, что дѣлали козаки падь папскими женщинами, старцами, дѣтьми и сосущими младенцами, подогрѣтыми своими проповѣдниками жолнеры имѣли теперь случай доказать, что въ безчеловѣчіи не уступали они своимъ противникамъ, козакамъ. Здѣсь было много сѣдовласыхъ старцевъ и почтенныхъ матронъ, убѣжденныхъ въ святости козацкихъ дѣяній не менѣе звягельской кушнѣрки,—много красавицъ дѣвицъ и пѣнѣнаго возраста дѣтей. Во имя церкви и вѣры, сатана могъ быть угощенъ въ козацкомъ таборѣ такимъ пиromъ, какимъ чествовалъ его въ Полонпомъ славный Перебійносъ.

Я съ удовольствиемъ отмѣчаю, что благородный, пасколько это было возможно подъ іезуитскимъ режимомъ, Освѣтимъ не говорить о найденныхъ въ козацкомъ таборѣ мученикахъ-Ляхахъ. Молчать онъ и о томъ, чтобы жолнеры были такъ жартовливы въ свирѣпствѣ, какъ наши козаки. Убивали безъ пощады все живое—и только. По свидѣтельству же одного изъ очевидцевъ, козацкіе плѣнники, какъ напримѣръ походный намѣстникъ литовскаго подканцлера, Вилямовскій, выплыли изъ табора живыми и здоровыми. Ободранные живьемъ и жареные на рожнахъ Ляхи нужны были только кесидзамъ, братьямъ по ремеслу такихъ ревнителей вѣры и церкви, какимъ былъ авторъ Львовской Лѣтописи.

Какъ быстро охватила козацкій таборъ тревога, видно изъ того, что въ немъ жолнеры нашли пылающіе огни, кобеняки, шапки, го-

рохъ въ горшкахъ, говядину въ котлахъ и недодѣленное жаркое. Малорусская поговорка: „покидай печёне й варёне“ могла явиться послѣ такого случая. Съ хохотомъ рассказывала торжествующая шляхта, что козаки, сидя за своимъ *сніданьемъ* полуодѣтые, бѣжали съ ложками во рту. До самой ночи Поляки и полякоруссы рѣзали бѣглецовъ. Легло ихъ подъ Берестечкомъ, по свидѣтельству панской Немезиды, болѣе 20.000. Но неожиданное торжество надъ непріятелемъ отъ вселаго смѣха и радостнаго созерцанія бойни перешло паконецъ въ горестное сознаніе напраснаго человѣкоистребленія. Никому въ панскомъ войскѣ не пришло въ голову воспѣть Тѣ Деніи, какъ послѣ бѣгства Татарь и Хмельницкаго. Сохранилось даже преданіе, что уединенный отрядъ королевской гвардіи, проѣзжая по молчаливому побоищу при свѣтѣ мѣсяца, плакаль.

Если въ самомъ дѣлѣ такъ было, то въ этомъ глубокочеловѣчномъ плачѣ надоѣло видѣть предчувствіе грядущихъ золъ, которыхъ были послѣяны и козаками, и папами въ моменты безразсуднаго торжества однихъ надъ другими.

Въ типиї почі, подъ краткимъ сіяніемъ полнаго мѣсяца, спечна избіенія безоружныхъ людей воскресала въ полномъ ужасѣ. Сколько можно было завидѣть окомъ, валялись человѣческія тѣла, и потоки еще не застыгшей крови изливались дорѣчью въ Иляповую. Въ этой крови, точно въ катанинскомъ подражаніи водамъ Гордана, крестилась теперь папа Русь, еще не докрещенія папистами. Послѣ того, что произошло между представителями двухъ республикъ подъ Берестечкомъ, солидарность вѣры папской съ вѣрой козацкою во имя Христа—исчезла, и даже толки Кисѣлей обѣ этой солидарности умолкли. Побѣда подъ Берестечкомъ была побѣдою не только пановъ надъ козаками, но и Кадлубковъ, Длугошѣй, Иппоповъ, Скаргъ и прозелитовъ папства, Потѣевъ, Терлецкихъ, Кусевичей, Рутскихъ надъ „преподобными мужами Россами“, которыхъ возвзвалія и увѣщаанія, обращенные къ польско-русскимъ папамъ, оказались напрасными. Подобно тому, какъ мнимый протекторъ православія, Острожскій, соединивъ судьбы своего дома съ судьбами католиковъ и протестантовъ, былъ православнымъ княземъ только спаужи,—всѣ подобные ему православники, не попавши въ сѣти Лойолы, Лютера и Кальвина, давно уже только назывались послѣдователями греческой вѣры, въ духѣ же своемъ были завоеваны римскою церковью, и Берестечко довершило завоеваніе.

Кровавымъ днемъ 10 іюля закончилась для пановъ знаменитая кампанія, но не Козацкая война. По мнѣнію Освѣдчима, причиною тому была медлительность представителей Польши. „Вместо того“ (пи-

шетъ онъ), чтобы ударить на встревоженного непріятеля съ рѣши-
мостью послѣ первоначальной побѣды, мы стали дѣйствовать медленно,
будто на досугѣ; дозволили ему опомниться, собраться съ силами и
спастись бѣгствомъ. Указывали много причинъ этой медлительности:
частыя перемѣны въ рѣшеніяхъ военной рады, беспорядокъ и отсут-
ствие дисциплины, слишкомъ недостаточное количество пѣхоты, необ-
ходимой для приступа: ибо невозможно было дѣйствовать конницею
по причинѣ валовъ, окружавшихъ тaborъ, широкихъ и многочислен-
ныхъ рвовъ, защищавшихъ его внутри... Много повліяло на валое
веденіе дѣла и вѣсть о томъ, будто ханъ и Хмельницкій остановились
у Бишневца: она произвела было въ нашемъ войскѣ совершенній упа-
докъ духа, хотя, по моему мнѣнію, въ виду этой вѣсти, слѣдовало
тѣмъ съ большей энергіей идти на приступъ, чтобы предупредить
приходъ новыхъ силъ къ непріятелю. Тѣ лица, которыя, повидимому,
знали тайныя побужденія и намѣренія короля, утверждали, что какой-
то астрологъ увирилъ его, будто бы числа 5, 6, 11 и 12 іюля для
него несчастны, но что конецъ мѣсяца будетъ для него неизвѣрно
счастливѣ... Король рѣшился обождать, пока не минуютъ означен-
ные дни. Между тѣмъ среди праздности, продолжавшейся 10 дней,
силы наши ослабѣвали, войско стало терпѣть нужду, многие солдаты
въ иностранныхъ и польскихъ региментахъ умирали отъ недостатка
пищи, мужество же пыль улеглось, и среди насъ воцарился такой без-
порядокъ, и чувствовался такой недостатокъ во всемъ, что хотя, по-
видимому, мы осаждали непріятеля, но скорѣе сами чувствовали себя
въ осадѣ, подобно тому, какъ сказали въ старой, по остроумной пого-
ворѣ: „я поймалъ Татарина, но онъ меня не пускаетъ“. Непріятель же
нашъ набирался храбрости, усилывался, возвелъ укрѣпленія и муже-
ственno въ нихъ держался. Козаки беспокоили нашихъ постоянными
вылазками днемъ и ночью, и не оставляли безъ вниманія ничего того,
что могло послужить имъ въ защиту. Наконецъ, когда они побѣжали
изъ тaborа, то успѣли спастись и ускользнуть изъ нашихъ рукъ, такъ
какъ мы не позаботились заградить имъ путь за рѣчкою.

„To, что происходило въ нашемъ лагерѣ послѣ этого бѣгства и
погрома козаковъ, досадно и стыдно передавать потомству: ибо опасно,
чтобъ оно не вздумало подражать въ подобномъ случаѣ позорному
примѣру предковъ *). Не говоря уже о многочисленныхъ упуще-
ніяхъ, допущенныхъ послѣ битвы, происходившей въ пятницу 30 іюня,

*.) Одинъ изъ участниковъ Берестечской войны писалъ къ пріятелю кратко
и ясно: „Теперь совѣщаются, что дѣлать? но попросту — у насъ неурядица“.

какъ-то: что мы не преслѣдовали разбитыхъ Татаръ; что сейчасъ же не окружили растерявшихся и встревоженныхъ козаковъ; что въ теченіе десяти дней оставались праздными, и что, наконецъ, оставили свободный проходъ для бѣгущихъ козаковъ,—теперь, послѣ побѣды, какъ тогда казалось, окончательной, было сдѣлано еще больше ошибокъ и упущеній, будто нарочно, къ величайшему стыду пашего народа...

„Король“ (продолжаетъ Освѣдимъ), „слѣдя совѣту опытныхъ вождей, рѣшился тотчасъ двинуться за разсѣявшимися козаками, чтобы подавить окончательно непріятеля и добиться наконецъ прочного мира въ пользу нашей вѣры и отечества. Онъ хотѣлъ увлечь въ дальнѣйший походъ не только регулярное войско, сильно ослабѣвшее и утомленное, но и послополитое рушеніе. Но лишь только объявилъ это чрезъ посредство сенаторовъ, какъ вся шляхта, составлявшая поголовное ополченіе, подняла вопль. Основываясь на законѣ, что послополитое рушеніе обязано защищать отечество только въ продолженіе двухъ недѣль, шляхта даже сенаторамъ угрожала саблями, и отправила къ королю рѣшеніе, что дальнѣе идти не намѣренъ... Король и сенаторы умоляли шляхту, чтобы она оставалась въ походѣ хоть еще дѣвъ недѣли, или, по крайней мѣрѣ, прошла къ Старому Константинову для устратепія непріятеля“.

И князь Вишневецкій, и полевой коронный гетманъ, Калиновскій, теперь болѣе популярный, чѣмъ дряхлый подагрикъ Потоцкій, поддерживали короля въ его увѣщаніяхъ. Ихъ выслушали, какъ и самого короля, молча, а потомъ обвинили его въ беззаботности, даже въ продажности и измѣнѣ. Подозревали, что онъ добровольно и умышленно выпустилъ козаковъ изъ тabora, что онъ взялъ съ козаковъ 800.000 златыхъ окupa, и рассказывали множество другихъ выдумокъ, „которыя“ (пишетъ Освѣдимъ) „даже и вспоминать позорно для нашего народа“.

„Шляхту“ (говорить очевидецъ) „тянуло къ женамъ, хозяйствству и къ пуховикамъ. Для прикрытия своей лѣни, выбрала она и сл.-подъ земли аргументы“... Сенаторы, съ своей стороны, не слишкомъ усердно ее увѣщевали, потому что угощеніе „младшей братіи“, поддерживавшей старшую на выборахъ и сеймикахъ, а также содержаніе многочисленнаго двора для оказалости, стоили имъ дорого.

Наконецъ шляхта предложила королю уплатить за себя деньги въ видѣ военнѣй субсидіи, или снарядить милицію соразмѣрно съ за-житочностью каждого изъ нихъ. Пришлося принять и эту помощь, при невозможности добиться чего-нибудь болѣе существеннаго. Но то были

только слова. Дѣло кончилось тѣмъ, что собранныя далеко невполнѣ деньги пришлось выдать въ счетъ жалованья болѣе нуждавшимся хоругвамъ регулярнаго войска.

Нока шли переговоры, многіе шляхтичи, то въ одиночку, то цѣлыми толпами, уходили изъ лагеря, и даже цѣлые повѣты бѣжали за Стырь... „Несчастная наша Рѣчь Посполитая“ (шишеть Осьцимъ): „безчинства многихъ цѣнятся въ пей больше, нежели благоразуміе немногихъ избранныхъ... Мы до того выродились, что не захотѣли по жертвовать двѣ недѣли времени для сохраненія того, чтѣ предки нѣкогда приобрѣли, щедро жертвуя кровью.

„Король“ (продолжаетъ онъ) „не захотѣлъ прощаться съ дворянскими ополченіями. За ихъ позорное поведеніе имъ слѣдовало бы, по примѣру Болеслава Храбраго, послать прялки и заячи мѣха, особенно тѣмъ, которые не были въ битвѣ и съ умысломъ опоздали приходомъ, чтобы битва произошла безъ нихъ. А между тѣмъ эти-то ополченія большие всего настаивали на томъ, чтобы вернуться скорѣе домой, и скорѣе другихъ бѣжали за Стырь,бросая возы съ провизией и заботясь лишь о томъ, чтобы, не обнаживъ сабли, обеспечить себѣ путь къ постыдному отступленію. Знатные вельможи, особенно изъ Великой Польши, владѣющіе богатымя маѣтностями и бенефиціями, притомъ придворные чиновники, какъ надворный маршалъ и коронный подканцлеръ, не согласились сопровождать короля даже на разстояніи одной мили“.

Одною изъ загадокъ тогдашихъ панскихъ и козацкихъ дѣяній остался фактъ, что ханъ предвидѣлъ сопротивленіе шляхты. 30 римскаго июня написалъ онъ къ королю письмо, полученное 10 июля. Ханъ извѣщалъ короля, что отступилъ исключительно потому, что, среди окруженнай болотами маѣтности, у Берестечка, не имѣлъ достаточно простора, и что будеть ждать его тамъ, гдѣ нѣть болотъ и лѣсовъ, а въ заключеніе прибавилъ: „Хотя Богъ даровалъ тебѣ победу, но мы знаемъ, что ты не пойдешь въ Украину, а только твои паныта пойдутъ за нами“. Такъ хорошо была изрѣстна хану шляхта, эти домашніе козаки польскіе, эти кровные родственники Хмельницкихъ и Выговскихъ, даже въ своеі разномысльї.

Тому назадъ недѣли двѣ, Иль Казимиръ, точно въ чудесномъ снѣ, очутился на высотѣ великаго, могущественнѣйшаго и непобѣдимѣйшаго монарха. Ханъ передъ нимъ бѣжитъ. Хмельницкій передъ нимъ бѣжитъ. Сперва 100.000 Татаръ, а наконецъ и 200.000 козаковъ разбѣгаются передъ нимъ въ ужасѣ, бросая все для нихъ дорогое и святое. Но повелѣнія великаго монарха не исполняются; Шляхетскій

Народъ непобѣдимому побѣдителю не повинується, и даже придворные сановники поворачиваются отъ него въсвояси. Не могъ, однаждѣ, Янъ Казимиръ спуститься въ одинъ день съ высоты своего величія. По словамъ Освѣціма, онъ „предначерталъ себѣ путь въ Україну, съ намѣреніемъ преслѣдовати непріятеля до самыхъ его кочевій, и тамъ его истребить“. Онъ выступилъ 14 іюля въ походъ, по словамъ, очевидно иронизующаго его Освѣціма, „съ непоколебимою твердостью“, въ сопровожденіи только паемнаго войска, польскаго и иностраннаго, и остановился на почлегъ въ полукилѣ отъ Козина, въ имѣніи пана Фирлса. „Здѣсь онъ увидѣлъ“ (пишетъ Освѣцімъ), „что количество его войска уменьшилось въ поражающихъ размѣрахъ“: ибо вмѣстѣ съ поспоѣтимъ рушеніемъ ушли все добровольцы, папскія хоругви, вадворныя хоругви воеводъ и другихъ сенаторовъ и при нихъ множество товарищей, челяди и пѣхоты, даже изъ паемнаго войска, подъ тѣмъ предлогомъ, что они намѣрены поступить въ ряды предполагавшихся новыхъ милицій“ (и полководецъ узнѣлъ обо всемъ этомъ только въ походѣ). „Притомъ“ (продолжаетъ Освѣцімъ) „и оставшіеся паемныя хоругви представляли печальное зрѣлище: они имѣли видъ нищенскій. Шѣхота, блиставшая прежде серебряными украшениями мундировъ, теперь была оборвана; регименты весьма малочисленны, и Нѣмцы безнаказанно бѣжали изъ нихъ, какъ будто война была уже совершенно кончена“.

Тѣмъ не менѣе великий монархъ, упорный тамъ, гдѣ упорство похоже на дѣтскій капризъ, „продолжалъ предначертанный путь съ намѣреніемъ преслѣдовати врага до самыхъ его кочевій, и тамъ его истребить“. Эти слова панскаго Самовидца, вѣроятно, принадлежали самому королю. „Но, сообразивъ“ (продолжаетъ Освѣцімъ съ иронической серьезностью), „что, при такой малочисленности своего войска, если онъ отправится лично въ непріятельскую область, то подвергастъ великой опасности и себя, и всю Рѣчь Посполитую, созвать раду для обсужденія, не будетъ ли полезнѣе отправить гетмановъ съ войскомъ въ Україну, самому же вернуться для того, чтобы руководить доставкою новыхъ средствъ для продолженія кампаніи. Тщательно взвѣшены были всѣ побужденія,клонившіяся въ ту и другую сторону; паконецъ, въ воскресенье, ставъ лагеремъ у Орли, въ полуторѣ миляхъ отъ Кременца и въ милѣ отъ передового отряда,—съ которымъ шелъ Калиновскій,—король объявилъ, что возвратится со своимъ дворомъ. Многіе офицеры протестовали весьма грубо противъ этого рѣшенія, особенно же князь Вишневецкій, требовавшій, чтобы король непремѣнно отправился въ дальнѣйшій походъ съ войскомъ. Изъ при-

дворныхъ сановниковъ къ этому же мнѣнію склонялся канцлеръ. Но король заставилъ ихъ замолчать, напомнивъ Вишневецкому, что самъ онъ не захотѣлъ отправиться въ тылъ козацкаго табора иначе, какъ въ сопровожденіи 15.000 войска, теперь же требуетъ, чтобы король съ половиной этого количества отправился въ далекій походъ*).

„Іюля 17“ (продолжасть Освѣцімъ) „король, передъ выѣздомъ, пожелалъ произвести генеральный смотръ войску, и съ этой цѣлью отправился въ Кременецъ. Но такъ какъ случилось въ это время проливные дожди, то онъ отмѣнилъ смотръ, и во вторникъ уѣхалъ въ одномъ только экипажѣ, даже не попрощавшись съ тѣми полками, которые находились въ передней стражѣ. Во времена его путешествія, постоянно шелъ проливной дождь. Приходилось бѣхать по грязи, оставивши всѣ возы и подвергаясь всякимъ неудобствамъ. Королю этотъ путь опротивѣлъ въ десять разъ больше, чѣмъ пребываніе въ лагерѣ...“

„Іюля 21 король прибылъ во Львовъ. Опѣ явился *incognito*, и до ночи остановился въ одномъ частномъ саду. Затѣмъ ночь провелъ въ забавахъ и развлеченияхъ, вмѣсто того, чтобы начать съ благодарственіемъ молебствія Господу за письмослацій по его милости неожиданный успѣхъ кампаніи“.

Подъ первомъ придворнаго и роялиста, въ этихъ словахъ тайна смысла, объясняемый слѣдующими за ними словами: „Во Львовѣ король остановился недѣли на двѣ, потому что заболѣлъ вслѣдствіе неудобствъ лагерной жизни. Затѣмъ, излѣчившись, онъ уѣхалъ въ Варшаву“.

Въ отчаянны отъ королевскихъ порядковъ, Освѣцімъ обо всей выигранной кампаніи написалъ слѣдующее сдержанно высказанное мнѣніе: „...подлинно можно сказать, что самъ Господь за насъ воюетъ: ибо мы сами ничего не дѣлаемъ такъ, какъ слѣдуетъ, хотя наши жонгеры и доблестно сражались въ теченіе трехъ дней“.

Если изъ позорной транзакціи подъ Зборовыми придворные Яна Казимира сдѣлали такую пышную манифестацію въ Европѣ, то бѣгство хана и Хмельницкаго представило имъ возможность объявить своего короля вторымъ Казимиромъ Великимъ. Появились его портреты съ хвалебными надписями въ прозѣ и въ стихахъ. Французы не умѣли даже назвать побѣжденаго польскимъ королемъ Кромвеля: онъ былъ у нихъ *Smilinski*, но трубили въ католическую трубу изо всей

*) У короля было не $7\frac{1}{2}$ тысячи, а все таки тысячу 30, но Янъ Казимиръ могъ сказать именно такъ, какъ написалъ Освѣцімъ.

силы. Было выгодно и нужно темнымъ личностямъ выставлять героями безпутного разстрigu іезуита, какъ выгодно было и нашимъ жалкимъ православникамъ трубить по всему свѣту про доблести мизернаго эгоиста и предателя, князя Константина—Василія Острожскаго и другихъ подобныхъ ему низменныхъ созданий своего вѣка и общества. Наконецъ Иль Казимиръ, подъ перомъ доктора Кубали, явился въ польской исторіографіи съ естественной своей физіономіей, тогда какъ наши убогіе собиратели чужихъ сужденій и вѣстей все еще славословятъ князя Василія, какъ „даровитѣшаго и совершишаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка“ *), а всѣдѣ за нимъ восхваляютъ и другихъ негодяевъ, еще болѣе постыдныхъ для малорусской народности. Впрочемъ и тогда въ польско-русскомъ обществѣ было не безъ добросовѣстныхъ людей. Въ то время, когда въ Римѣ, Парижѣ и Вѣнѣ торжественно благодарили Бога за попраніе врага и супостата католичества, въ Польшѣ, наряду съ похвалами Берестечской Викторіи, читались повсемѣстно пасквили. Въ одномъ изъ нихъ сказано прямо, что услугу фортуны подъ Берестечкомъ уничтожила панская фракція, а она-то и грушировалась вокругъ Иль Казимира.

Въ тотъ опасный и поучительный для гражданскихъ обществъ моментъ, когда третье сословіе Польского государства разъединилось со вторымъ и оба они съ первымъ, Хмельницчина вызвала разъединеніе между шляхтой и тѣмъ народомъ, который не имѣлъ у нея словесныхъ правъ,—вызвала не только въ воеводствахъ, обнітихъ ко-зацкимъ бунтомъ, но и въ католической Польшѣ. Бунтуя всю черни, которой не было дѣла до козацкаго девиза *за вѣру, Хмельницкій звалъ Ракочія въ Краковъ*, чтобы онъ вмѣстѣ съ бунтовщиками подавилъ доматорствующую шляхту въ то время, какъ самъ онъ расправлялся со шляхтою воинствующею.

По селамъ, по шляхетскимъ дворамъ и по городамъ появилось множество чужихъ, никому неизвѣстныхъ попрошаекъ, съ виду здоровыхъ, сильныхъ и наглыхъ. Въ народѣ стали расходиться странныя вѣсти, неправдоподобныя, по тѣмъ не менѣе повторяемыя: будто бы шляхта выступаетъ на рѣкошь противъ короля; будто бы она замышляетъ вырѣзать хлоповъ; будто бы козаки идутъ на помощь королю... Шляхта, конечно, видѣла въ этомъ хлопнскую глупость, какъ нынѣ мы видимъ ее въ возобновляющихся среди нашей сельской черни слухахъ о раздачѣ мужикамъ панской земли; однако же, предсказываемые въ разныхъ мѣстахъ пожары и угрозы беспокоили ее, и въ такомъ

*) „Кіевская Старина“, 1883, поябрь, 524, отъ редакціи.

тревожномъ настроеніи духа двинулись посполитаки противъ Хмельницкаго. Изъ донесеній, полученныхъ королемъ подъ Сокалемт, они съ ужасомъ видѣли, что рутина козацкихъ бунтовъ, опустошившихъ Волынь, Бѣлоруссію и Україну въ теченіе полуостолѣтія, не чужда и народу не-Русскому, не-схизматическому. Мужицкое движение сзади посполитаго рушенія шляхты, въ случаѣ несчастія на боевомъ полѣ, предвѣщало Польшѣ господство кочевниковъ на обѣихъ сторонахъ Вислы. 350.000 хмельничанъ, въ соединеніи со 100.000 отборной Орды, готовы были двинуться въ самую средину объятой пожарами шляхетчины. Опасность была такъ велика, что, по выраженію польского историка, „только незападѣ всей ея громадности могло поддержать въ сердцахъ надежду; только слѣпая судьба могла дать Полякамъ побѣду“.

По замыслу взбунтовать противъ землевладѣльцевъ черни отъ Тесмина до Одера, отъ Карпатскихъ горъ до Балтики, Хмельницкій припадлежитъ къ такимъ кровавымъ геніямъ, какъ Аттила, Чингисъ и Тамерланъ. Недоставало только исполниться этому гениальному замыслу для умственнаго наслажденія людей, возвѣщающихъ козатчину въ апoteозѣ человѣческой славы. Закулиснымъ движениемъ польскихъ мужиковъ управлялъ у Хмельницкаго полковникъ Стасенко съ помощью двухъ тысячъ агентовъ. Состоя при канцелярии козацкаго гетмана, этотъ почтенный дѣятель руины разсыпалъ ихъ во всѣ стороны по указанию козака Тамерлана. Пожары и грабежи, подобные украинскимъ, волынскимъ, бѣлорусскимъ, должны были начаться по выступленію посполитаковъ, а повсемѣстная рѣзня отложена до *слѣднаго часу*: выраженіе, не позабытое и въ наше время малорусскою черною.

Такъ какъ Хмельницкому не удалось въ этомъ препріятіи пожать Геростратовскіе лавры, то не буду вдаваться въ подробности. Скажу только, что въ возмущеніи католической и православной черни на западѣ Королевской Земли участвовали и наши попы. Въ Великой Польшѣ отличался предательскимъ рвениемъ какой-то Грибовскій: имя, напоминающее одного изъ возмутителей въ Павлюковщину. Но всего больше встревожилося королевское правительство извѣстіемъ объ Александрѣ Леонѣ изъ Штернберка Костѣ, иначе Напѣрскомъ, который подѣльными королевскими листами вербовалъ въ Сплезіи иностранныхъ жолнеровъ и бунтовалъ чернь въ Krakовскомъ воеводствѣ, — подъ видомъ услуги королю, овладѣлъ пограничнымъ замкомъ Чорштыномъ *),

*.) Перепиленное по польскому произношенню Schorsstein (дымовая труба).

и готовился къ широкому бунту. Несмотря на предстоявшую подъ Берестечкомъ битву, отправили противъ него значительный отрядъ: ибо со стороны Чорнотыча подобно было ждать вторжения Ракочія.

Въ этомъ отрядѣ участвовалъ и польскій Самовидецъ. Но его рассказу, Костка-Напѣрскій, подобно Хмельницкому, старался пріобрѣсть популярность въ темной масѣ заботами о неприкословенности святыхъ, и охранять ихъ своими универсалами, въ родѣ слѣдующаго:

„Я, нижеподписаный, поручаю и сурово повелѣваю жолиерамъ, находящимся подъ мою властью, чтобы они сохранили въ цѣлости и неприкословенности монастырь Тынецъ и принадлежація ему села, подъ опасеніемъ смертной казни всякому не повинующемуся сему военному выданному для охраны монастыря повелѣнію, которое скрѣпляю мою подписью и печатью. Данъ въ Тынцѣ 8 мая 1651 года. Александръ Левъ изъ Штернберка“.

Въ настоящее время козакоманы присоединяютъ уже и Шпака, и Гонту съ Железнякомъ къ героямъ Малорусскаго Шарода, разумѣемаго имъ по-козацки. Соглашается, что это были герои одного и того же пошиба, начиная съ Грековича и Косянскаго, вину въ пантеноѣ ихъ чествованія Костку-Напѣрскаго, котораго бунтъ захватывалъ и русскую чернь въ Польшѣ, не възбунтованную самимъ Хмельницкимъ. Притомъ же онъ является послѣдователемъ папскаго Паливайка по части вовлечепія въ разбой мѣщанъ. Подобно тому, какъ царь Паливай сдѣлалъ своимъ напереникомъ брацлавскаго войта Романа Тиковича, Костка-Напѣрскій сдружился съ Стапиславомъ Лентовскимъ, маршаломъ солтиковъ, или свободныхъ землевладѣльцевъ-пішиахтічей, обязанныхъ только воспию службою въ пользу государства. Сохраненное намъ Осѣдцімомъ письмо къ нему Костки сдѣлало бы честь и самому Хмельницкому:

„Милостивый пане Лентовскій, мой милостивый панъ и другъ! Смыша о вашихъ великихъ рыцарскихъ доблестяхъ“ (Лентовскій былъ извѣстенъ разбоями), „я только восхваляю ихъ и благодарю Бога. При семъ упиженно пропшу, чтобы вы съ вашимъ полкомъ приходили какъ можно скорѣе, въ возможно болѣшемъ количествѣ людей, впушая имъ, чтобы припомнили себѣ всѣ кривды отъ своихъ пановъ, какъ убогій народъ угнетенъ и обремененъ, и что теперь представляется имъ прекрасный случай. Пускай же имъ пользуются: ибо, если теперь пропустятъ его и не освободятся отъ бремени, то останутся вѣчными невольниками у своихъ пановъ. Итакъ приходите поскорѣе сами и другимъ, кому сочтете нужнымъ, давайте знать. Только папа Здановскаго, чтобы оставили въ покой, вею же другую шляхту пускай берутъ

и дѣлаютъ съ нею, что хотятъ. Вотъ какой пускай будетъ знакъ, когда пойдете съ полкомъ своимъ: сосновый вѣнокъ на шесть: по немъ опознаемся. Не забудьте, чтобы одни брали съ собой топоры, а другіе—заступы. Пойдемъ всѣ подъ Краковъ и дальше по всей Польшѣ, если будетъ (общая) воля. Мы договорились хорошо съ Хмельницкимъ и съ Татарами, и нѣмецкое войско придетъ на помощь. Благоволите же извѣстить прочихъ, а сами прибывайте. Остальное разскажетъ вамъ изустро податель этого письма. Ожидай вѣсть нетерпѣливо, остаюсь вашей милости братомъ и слугою—Александръ Левъ изъ Чорнтина. 18 іюня 1651 года. Всей братіи нашей, припавшей нашу сторону, бью челомъ. Слѣдуетъ вручить поспѣшно моему любезному другу, папу Станиславу Лентовскому, маршалу братіи напѣй“.

Разница между Косткой и Хмельницкимъ только въ томъ, что одинъ попалъ, а другой не попалъ на колъ. Разница между Косолапомъ, Разиномъ, Пугачевымъ и Хмельницкимъ только въ томъ, что тѣхъ поймали небольшою сравнительно облавою, а на украинскаго змѣя горынича, разбойного чуда-юду по хватало облавы ни у короля польскаго, ни у царя московскаго, ни даже у султана турецкаго. Поэтому каждый изъ троихъ потепататовъ норовилъ схватить его за козацкую чурѣнь и нагнуть къ подножію ногъ своихъ. Здѣсь нужна была уже не сила, а сноровка, и спаровки оказалось достаточно у наследника собирателей Русской Земли. Еслибы всѣмъ названнымъ разбойникамъ удалось, какъ Хмельницкому, злодѣйствовать безнаказанно, карта Европы въ настоящее время была бы совсѣмъ иная, и человѣчество опоздало бы многими столѣтіями въ развитіи человѣчности. Но слѣдуетъ помнить, что каждый изъ прославленныхъ и каждый изъ заклейменныхъ позоромъ злодѣевъ былъ продуктомъ своего общества, и что каждый изъ нихъ былъ грозящимъ пальцемъ Судьбы для того гражданскаго общества, которое дало злодѣю славу, или безславіе. Съ этой точки зрѣнія краковскій Хмельницкій заслуживаетъ такого же вниманія, какъ и чигирицкій.

Костка-Напѣрскій былъ побочнымъ сыномъ Владислава IV, и назывался Симономъ Бзовскимъ. Младенцемъ былъ онъ отданъ на воспитаніе въ богатый домъ пановъ Костковъ, весьма уважаемый за свою древность и за родство съ патрономъ Польши, Св. Станиславомъ. Въ послѣдствіи взяли ребенка къ фрауциммеру королевы Ренаты. Тамъ онъ росъ, и получилъ воспитаніе при королевскомъ дворѣ. Не достигнувъ еще 20-лѣтнаго возраста, говорилъ онъ на нѣсколькихъ языкахъ, легко писать стихи и показалъ себя хорошимъ офицеромъ.

Весьма быть можетъ, что Хмельницкій, бывая въ Варшавѣ, познакомился лично съ побочнымъ королевичемъ.

По смерти короля Владислава, Костка пребывалъ не известно гдѣ, можетъ быть, и среди козаковъ, а можетъ быть—при дворѣ Ракочія, по въ 1651 году появился въ окрестностяхъ Кракова, въ видѣ бунтовщика черни, съ намѣреніемъ занять горные проходы для Ракочія и овладѣть Краковомъ.

Сперва онъ, подъ именемъ Костки изъ Штернберка, проживалъ въ папскихъ домахъ, изучалъ города и дѣлалъ знакомства. Часто гостили въ Краковѣ, и вездѣ казался человѣкомъ знатнаго происхожденія. Роста былъ небольшаго, щуплый. Черный усть едва пробился у него. Носиль остроконечную бородку. Длинные курчавые волосы были пристрижены у него попиведски. Одѣвался онъ также попиведски въ черный цвѣтъ. Обладалъ необыкновеній способностью сближаться со всякаго рода людьми, причемъ держалъ себя, чтѣ называлось въ Польшѣ — великимъ паномъ, „который никогда не имѣлъ надобности показывать себя гордымъ и не былъ никогда смиреннымъ“.

Въ апрѣлѣ 1651 года явился онъ въ городѣ Новомъ Таргѣ, лежащемъ въ центрѣ Краковскаго Подгорья, въ роли королевскаго полковника, имѣющаго повелѣніе вербовать войско на оборону границъ отъ Ракочія по выступленіи въ походъ посполитаковъ. Съ этой вербовки и началась его работа. Онъ вошелъ въ разбойныя связи съ карпатскими горцами, которые относились къ жителямъ соседнихъ городовъ почти такъ, какъ запорожцы къ городовой Украинѣ. Во времена опы эти горцы восвали вмѣстѣ съ нашими козаками противъ Туровъ и Москву. Они въ своихъ горахъ привыкли къ такому молодечеству, какимъ козаки отличались на Запорожьѣ. Панскія хо-зяйства опы непавидѣли по подобнымъ же причинамъ, и часто имѣли съ пими столкновенія. Двоихъ предводителей горскихъ шаекъ, которыхъ уже вели въ Новомъ Таркѣ на казнь, Костка освободилъ, подъ предлогомъ вербовки въ королевскія дружины, и посредствомъ такого военнаго экзамента сдѣлалъ ихъ атаманами своихъ новобрачцевъ разбойниковъ.

Въ то же самое время познакомился онъ съ намѣстникомъ новотаргскаго старости, паномъ Здановскимъ, который уже тридцать лѣтъ сидѣлъ на своей должности и, будучи человѣкомъ спокойнѣмъ, сдѣлалъ образцомъ старопольской захолустной жизни. Старикъ подстаростій полюбилъ блестящаго и угодливаго полковника, какъ сына, вѣрилъ ему простодушно во всемъ, и своимъ патріархальнымъ авто-

ритетомъ способствовалъ тому, что всѣ кругомъ смотрѣли на молодаго авантюриста его глазами.

Въ самозванствѣ своемъ Костка открылся только одному человѣку. Это былъ учитель одной изъ солтысскихъ школъ, Мартинъ Радоцкій, титулуемый изъ учтивости ректоромъ. Радоцкій лѣтъ сорокъ учительствовалъ въ селѣ Іцимѣ Мышеницкой волости, и былъ горячимъ приверженцемъ секты апабаптистовъ, которой остатки сохранились въ краковоподгорской глупи. Онъ всею душою жаждалъ водворенія въ пародахъ мира о Христѣ Иисусѣ, а миръ этотъ, по его воззрѣнію, могъ быть достигнутъ лишь полною свободою труждающихся и обремененныхъ, которая бы дала имъ возможность прійти ко Христу для евангельского упокоенія. Панская же власть и крѣпостная отъ нея зависимость были препятствіями къ тому, чтобы послѣдовать гласу Спасителя: „Пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененныі, и азъ упокою вы“... Въ сущности своей, идеалъ школьнаго ректора былъ апабаптическимъ воспроизведеніемъ грубаго идеала козацкаго: „коли бъ хлѣбъ да одѣже, то й івъ бы козакъ лѣжа“. Освѣтцемъ называется Радоцкаго „постояннымъ бунтовщикомъ простонародья противъ всѣхъ краковскихъ кастеляновъ“, безъ сомнѣнія, въ смыслѣ распространенія мысли о *панованиѣ* черни, къ которому панскіе залистники, козаки, стремились посредствомъ набѣговъ, поджоговъ и убийствъ *). Костка подѣхалъ къ ректору съ этой стороны, и фанатикъ мечтательного блаженства труждающихся и обремененныхъ согласился съ нимъ въ юезуитскомъ правилѣ—„дѣль оправдываетъ средства“. Будучи искуснымъ калиграфомъ, Мартинъ Радоцкій скопировалъ приподѣдный листъ короля, выданный годъ назадъ какому-то Напѣрскому, вставилъ въ него имя полковника Александра Льва изъ Штернберка Костки Напѣрскаго и поддѣжалъ съ того же оригинала печать. Съ этимъ документомъ въ карманѣ, Костка выступилъ открыто среди мѣстной шляхты, и сталъ вербовать новобранцевъ по всему воеводству, а черезъ своихъ агентовъ—и за-границею, въ Силезіи.

Когда такимъ образомъ все было подготовлено къ бунту, Радоцкій и Лентовскій разослали отъ себя къ меньшимъ солтысствамъ и по окрестнымъ селамъ письма, взывавшія къ народу, чтобы онъ соединялся подъ предводительствомъ Костки противъ Жидовъ и шляхты „во имя Христа, котораго Жиды замучили, и найяснейшаго короля,

*) „Когда земля, по истребленіи всѣхъ Ляховъ, счиستится“ (говорили козаки) „тодѣ вже мы будемо *панувати*“.

противъ котораго шляхта замышляетъ бунтъ". Сообщникамъ разбоя обѣщали освобожденіе отъ чиншей, надѣль шляхетскими полями и лѣсами, козацкую помошь, и велѣли имъ убирать свои хаты зелеными вѣтками, чтобы проходящія войска не жгли ихъ и не грабили. Все кругомъ начало быстро покрываться зеленью.

Между тѣмъ Костка запіль во имя короля Чорштынъ, и самъ послалъ въ Краковъ донесеніе, что сдѣлалъ это въ предотвращеніе возможнаго посягательства на него со стороны Венгровъ. Замокъ этотъ лежитъ подъ Дунайцемъ, на скалистой горѣ. Онъ замыкалъ тогда дорогу изъ Венгрии въ Краковъ. Староста чорштынскій, молодой Платтенбергъ, королевскій покоѣвый, отправился съ королемъ въ походъ, и противозакоппо оставилъ столь важный стратегический пунктъ безъ гарнизона. Въ пограничной крѣпости Польши, выставленной на первое нападеніе страшнаго уже тогда Ракочія, жило только пѣсколько Жидовъ, арендовавшихъ старостинскія имѣнія.

Въ Краковѣ, между тѣмъ, получились отовсюду донесенія, что народъ по селамъ таинственно *чуєтъ* и необычно убирается зеленою хаты. Краковскій бискупъ, Гембицкій, смекнувъ дѣломъ, послалъ къ Чорштыну небольшой отрядъ конницы, подъ начальствомъ добчискаго старости, Гордола. Но Костка отразилъ нападенія, и описалъ свой подвигъ пріятелю своему, Здановскому, въ стихахъ. Онъ изобразилъ себя львомъ, который залегъ па скалахъ, доступныхъ только для орлицы. „Съ кѣмъ Господь Богъ“ (писалъ онъ), „противъ того трудно воевать“, и окончилъ указаніемъ па папское корыстолюбіе и надменность, какъ на причину бѣдствія Польши:

„O nieszczesne Źakomstwo! o przeklęta pycho!
Któraś w Polskę—ach! ach! ach! wprowadziła licho“ *).

Въ универсалѣ своемъ, сохранившемся вполнѣ, молодой сподвижникъ старого Хмеля объявляетъ мужикамъ, что шляхта задумала поднять рѣкошь противъ короля, обѣщалъ всѣмъ всяческія вольности, дарилъ своимъ соратникамъ шляхетскіе дворы и все, что въ нихъ находится, и совѣтовалъ не вѣрить королевскимъ универсаламъ, съ какими бы подписями и печатами они ни были: ибо король долженъ быть выдавать по принужденію шляхты.

Ректоръ-анабаптистъ Радоцкій сдѣлался, можно сказать, кратеромъ бунта. Отъ 20 июня писалъ опъ къ своему соумышленнику:

*) „О несчастная жадность! о проклятая надменность! Она ввела въ Польшу—ахъ! ахъ! ахъ!—бѣду.“

„Великомилостивый ко мнѣ панъ Леонъ, etc. По полученіи такого извѣстія черезъ это ваше писаніе, буду со всякимъ стараніемъ и поспѣшностью объявлять о немъ послольству вмѣсть съ вѣрными приверженцами Христовой правды, преданными также его милости найаспѣйшему пану Яну Казимиру, милостю Божію королю польскому. Поспѣшите же снова обослать послольство въ своихъ краахъ вашимъ писаніемъ, которому дадутъ иную вѣру, и потому охотнѣе будутъ соединяться. Ибо прежде сего многіе изъ нихъ говорили, что еслибы слышали дозвolenіе, или голосъ его милости короля, тогда бы даже сами, наступая на шляхетскіе дворы, уничтожали ихъ, дабы не пановала па землѣ гордость и высокомѣре съ тиранскою злостью. Затѣмъ униженно отдаюсь милости вашей. Въ Пцимѣ, die 20 Iunij 1651. W. R. rector scholae psimensis. Слѣдуетъ вручить моему пану, господину Льву, вѣрному подданному его королевской милости“.

Согласно этому письму, Костка прислалъ Радоцкому слѣдующій универсаль:

„Миръ Христовъ! Всѣмъ вообще и каждому въ особенности подданнымъ его королевской милости, нашего милостиваго пана, желаю, при добромъ здоровье, отъ Всеизынаго Господа Бога свободы и вольности, объявляя сперва волю Божію, а также и его милости короля, что шляхта хочетъ поднять рѣкошь противъ его милости короля, милостиваго нашего пана, и потому, кто приверженъ къ его королевской милости, пускай ютится подъ мои крылья, подъ Чорштынъ, при панѣ ректорѣ пцимскомъ, который, яко вѣрный подданный его королевской милости, приведетъ васъ ко мнѣ и будетъ вами региментовать, давая во всемъ наставленія. При этомъ его королевская милость, милостивый нашъ панъ, обѣщаетъ всѣ вольности всѣмъ тѣмъ, которые теперь будутъ при мнѣ стоять, и дворы шляхетскіе, и чѣмъ въ нихъ, все будетъ ваше, и потому-то сами старайтесь выбиться изъ этой тяжкой неволи, дорожа нынѣшнимъ временемъ. Вмѣсто того, чтобы они обратили васъ въ ничто до остатка, лучше вы ихъ обратите. Довольно уже намучили васъ эти панки, что уже голосъ вашъ, плачущихся на нихъ, взываетъ къ Богу. А потому, отписывая уже другой разъ его милости пану ректору, выдаю этотъ универсаль, предостерегая и въ томъ, чтобы вы, какъ это мнѣ повелѣно отъ его милости короля, не давали вѣры никакимъ универсаламъ, хотя бы и съ печатью и съ подписью его королевской милости: ибо онъ принужденъ ихъ выдавать, боясь шляхты. Но мы дѣляемъ, что должны дѣлать, какъ возможно скорѣе, а на Св. Яна пойдемъ подъ Краковъ. Уже я разослалъ всюду универсалы къ мужикамъ, которые охотно

являются, а въ новотаргскомъ панствѣ всѣ, а панъ Станиславъ, маршалокъ, будетъ ихъ полковникомъ. Только прошу, чтобы идучи черезъ Новый Таргъ, не трогали его милость пана Здановскаго и тѣхъ всѣхъ, гдѣ увидите на шестахъ вѣнки. Прошу также, чтобы костеламъ всегда была оборона: ибо мы будемъ воевать изъ-за Бога и кривды людской, изъ-за неповиновенія королю его милости. Данъ въ Чорштынъ 22 июня 1651. Доброго здоровья вамъ желающій Александръ изъ Штернберка Костка, староста Чорштынскій".

Польский двойникъ Хмельницкаго, въ случаѣ успѣха, докончить бы шляхетскую республику, и па широкомъ пространствѣ между двухъ морей были бы поруганы преданія о дѣятельности культурниковъ республиками или ордами антикультурными. Но шляхта и мѣщане вѣремя вооружились, и Костка былъ выданъ собственнымъ гарнизономъ. У него нашли универсалы Хмельницкаго, возбуждающіе чернь къ овладѣнію Краковомъ и къ истребленію шляхетского сословія. Наливайкова мысль, какъ видимъ, переходила въ Польшѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе: она пришла по душѣ темной, злобной и лѣнивой массѣ, па которой выѣхала Хмельницчина.

Съ субъективной точки зрѣнія малорусскихъ лѣтописцевъ и историковъ, польская шляхта должна была бы растерзать своего предателя, какъ терзала въ Варшавѣ измышенного ими Остряницу. Вмѣсто того, враги затѣянной Косткою въ Польшѣ козацчины относились къ нему безъ всякой супровости, и только сожалѣли о его безумствѣ. Слѣдуетъ помнить, что столь же мягко отнеслись они и къ выданному имъ козаками Наливайку. Съ своей стороны и польскій Хмѣль до конца сохранялъ ясность и присутствіе духа, точно какъ будто считалъ свой замыселъ великодушною попыткою къ спасенію отечества отъ его безпутства. Даже когда его везли привязанного къ телѣгѣ черезъ Краковъ, онъ весело посматривалъ на толпившійся народъ, и такъ какъ всѣ фанатики принадлежать къ идеалистамъ, а идеалисты свойственны и въ отчаянны, какъ въ успѣхѣ, самыя крайнія грэзы, то—кто знаетъ? можетъ быть, ему въ толпѣ труждающихся и обремененныхъ видѣлись будущіе мстители хмельничане за погубленную славу его отца, величайшаго по замысламъ изъ всѣхъ монарховъ, особенно въ глазахъ сына...

Государственная юстиція взяла съ несчастнаго Костки полную дань: его пытали самыми жестокими средствами. Но онъ былъ нѣмъ, когда его допрашивали о сообщникахъ; все же, что составляло его собственныхъ преступленія, высказывалъ онъ даже въ преувеличенномъ видѣ. Здѣсь проявился въ немъ побочный королевичъ, сынъ Влади-

слава. 11 июля посадили Костку на коль, чтò король могъ бы замѣтить иною казнью, но онъ былъ—Янъ Казимиръ. Костка принялъ страшную казнь спокойно.

По поводу этого событія, паны засвидѣтельствовали передъ нами, что Оссолинскіе да Яны Казимиры были между ними выродки.

„Не понравилась Полякамъ эта казнь“ (говорить современій наппъ историкъ). „Молодость Костки, уваженіе къ покойному королю, отвращеніе къ Яну Казимиру, все соединилось для того, чтобы преступленіе бунтовщика съ каждымъ днемъ уменьшалось и уменьшалось. Шляхта Krakowskаго воеводства (въ инструкціи посланъ на варшавскій сеймъ) назвала своего разбойника легкимъ человѣкомъ. Въ Варшавѣ вообще думали, что надобно было пользоваться побѣдою подъ Берестечкомъ и, вмѣсто Костки, казнить Хмельницкаго; а Коховскій отпустилъ королю весьма прозрачный сарказмъ въ слѣдующемъ двустишіи:

„Nie wiem, co to za nowy kucharz się pojawił:
Miasto pieczeni, Kosikę nam na rożen wprawił“ *).

При этомъ вспоминается Петръ Mogila, угрожавшій такимъ рожкомъ родному брату Іова Борецкаго...

Зато шляхта, вернувшаяся изъ-подъ Берестечка, была виѣ себѧ отъ того, чтò сї готовили хлопы. Всюду начались розыски и суды, а въ Krakowskомъ воеводствѣ цѣлыми села бѣжали въ горы, жили разбоемъ, а не то—перебирались па венгерскую сторону Карпатъ. „Въ глазахъ польской шляхты“ (пишетъ польскій историкъ) „хлопское движеніе заслуживало большей вины, нежели козацкій бунтъ, потому что оно было неожиданнымъ, производилось обманомъ, мѣтило въ безобороннаго семейства и озаменовало себя измѣною, воплющею о мщепії“.

Въ связи съ хорошимъ дѣломъ Козацкаго Батька въ Krakовщинѣ, шесть русскихъ шляхтичей православнаго исповѣданія работали по его же впущенію въ Познани и въ Великой Польшѣ. Они сперва прикинулись бѣглецами отъ козацкаго террора, но въ самый разгаръ войны составили изъ мѣстныхъ крестьянъ гайдамацкую шайку, которая начала возмущать пародъ обыкновенными козацкими способами—соблазномъ и запугиваньемъ. Тогда князь Чорторыйскій, съ пятью сотнями всадниковъ, разогналъ и казнилъ четверыхъ поборниковъ православія; два остальныхъ бѣжали къ Хмельницкому, а разнесшийся

*) „Не знаю, чтò это за новый поваръ явился: вмѣсто жаркаго, кость воткнулъ намъ на рожень“.

всльдъ затѣмъ слухъ о бѣгствѣ козаковъ изъ-подъ Берестечка окончательно успокоилъ землевладѣльцевъ на счетъ малорусскихъ возмутителей Польши.

Если насъ, наслаждающихся внутреннимъ и вѣшнимъ спокойствиемъ, воображеніе терзаетъ картины прошлаго и черезъ два съ половиною столѣтія,—терзаетъ, можно сказать, вчужбѣ, то каково было на сердцѣ у тѣхъ, которые принесли столько великихъ жертвъ и потомъ, и кровью для превращенія пустошей въ цвѣтущія колоніи, и теперь видѣли „мерзость запустѣнія“ на святыхъ для нихъ по памяти былаго мѣстахъ! Освѣтимъ, по возвращеніи изъ экспедиціи противъ Костки, бросилъ на эти мѣста свой поэтически грустный взглядъ, томительный и для польского, и для русскаго чувства.

„Августа 21“ (пишетъ онъ) „прѣхалъ я въ свое имѣніе Закоморье, которое сильно опустошили и непріатели, и наши собственныя жолнеры. Я прожилъ здѣсь пѣсколько дній. Въ это время єздилъ я въ Берестечко, для того чтобы осмотрѣть мѣстность, прославленную столь важными битвами и побѣдою. Я видѣлъ непріательскіе окопы, весьма крѣпкіе, какъ по мѣстоположенію, такъ и по произведеніемъ фортификаціямъ. Затѣмъ посѣтилъ я Броды, резиденцію покойнаго великаго гетмана, Конецпольскаго. Городъ сожженъ до основанія; остался только замокъ, укрѣпленный на подобіе голландскихъ крѣпостей и превосходящій всѣ другіе замки роскошью украшеній. Въ минувшіе годы крѣпость эта выдержала въ теченіе 12 недѣль осаду отъ 36.000 козаковъ, и успѣшио ихъ отразила. Видѣлъ я также мѣстечко Лесневъ. Оно все было обращено въ пепелъ Татарами, когда они впервыешли атаковать наше войско. Съ глубокимъ сожалѣніемъ осматривалъ я Подгорцы, славившіеся пѣкогда во всей Польшѣ крѣпостью и прекраснымъ дворцомъ, украшеннымъ фонтанами, гrotами и каскадою. Дворецъ этотъ выстроилъ гетманъ Конецпольскій, пред назначивъ его служить мѣстомъ отдыха послѣ утомительныхъ военныхъ походовъ и другихъ услугъ Рѣчи Посполитой. Мысль эту выразилъ онъ въ слѣдующей надписи, вырѣзанной па мраморной доскѣ, помѣщавшейся надъ воротами:

Sudaris Martis—victoria,
Victoriae—triumphus,
Triumphi praemium—quies *).

*) Награда военныхъ трудовъ — побѣда, побѣды — тріумфъ, тріумфа — отдыихъ.

Глава XXVIII.

Походъ панского войска изъ подъ Берестечка въ Украину.—Мародерство производить общее восстание.—Смерть лучшаго изъ панскихъ полководцевъ.—Походъ литовскаго войска въ Украину.—Вопросъ о московскомъ подданствѣ.—Бѣлоцерковскій договоръ.

Междь тѣмъ паны колопизаторы шли съ разстроеннымъ и деморализованнымъ королевскими порядками войскомъ для завоеванія своихъ имѣній, не принимая въ соображеніе важнаго обстоятельства, что землевладѣльцы малорусскіе давно уже сдѣлялись иностранцами въ глазахъ того класса туземцевъ, который былъ хранителемъ нашей національности и нашей религіозной совѣсти. Не обращали паны вниманія и па то, что даже такие между ними, которыхъ папы псевдоисторики вѣрчата святопамятными, отправляя своихъ сыновей въ чужіе края, напутствовали ихъ словами: „Помни, мой синь, что ты — Полякъ“. Каковы бы ни были ихъ доблести и права въ собственномъ сознаніи, по Малороссія отвергла ихъ еще до козацкихъ бунтовъ устами лучшихъ людей своихъ, и теперь имъ оставалось только за-воевать родной свой край у худшихъ.

Варшавскій Анопимъ такъ исчисляетъ силу этихъ сопкуетрадос новосозданной Польшию Америки: компутового войска было 18.000, пѣхоты 6.000; посполитое рушение, отходя, прибавило къ пимъ пѣсколько способныхъ къ походу (*wyrgrawnych*) хоругвей, заключавшихъ въ себѣ 7.000 человѣкъ. Въ этомъ войскѣ находились паны съ собственными дружинами, какъ-то: князь Іеремія Вишневецкій, воевода русскій; Станиславъ Потоцкій, воевода подольскій; Ляпцкоропскій, воевода брацлавскій; ІІавинскій, воевода брестокуявскій; Павелъ Сопіга, воевода витебскій; Одривольскій, кастелянъ черниговскій; Цетнеръ, кастелянъ галицкій; Самуилъ Калиновскій, обозный коронный; Пршиемскій, генераль артиллеріи; Маркъ Собіскій, Вишневецкіе, Даниловичи и другіе русскіе папы; однихъ Потоцкихъ было девять ротмистровъ, какъ въ Римѣ противъ Вольковъ (замѣчается наивно Анонимъ) девять Фабіевъ.

Къ панамъ, еще до выступленія въ походъ, приходили о ханѣ и Хмельницкомъ различныя вѣсти. Не обладая козацкою способностью развѣдыванья, паны провѣряли эти вѣсти другими способами, и такъ какъ многое зависѣло отъ того, гдѣ и какъ обрѣтаются два главные бѣглеца, то свидѣтелей допрашивали подъ присягою. Одна шляхтичка изъ-подъ Константина клялась, что 1 июля, слѣдовательно на другой день послѣ бѣгства, видѣла въ Константиновѣ, какъ вязали Хмельницкаго къ коню среди народа, и слышала, какъ ханъ кричалъ на него: „Я пошлю тебя къ королю и выкуплю тобою моихъ мурзъ“. Другіе рассказывали, что коня, къ которому привязали Хмельницкаго погами подъ брюхомъ, гнали нагайками впереди хана до самаго ночлега.

Но скоро видѣли Хмельницкаго свободнымъ. Въ Любартовѣ кор-
милъ онъ лошадей. При немъ было вѣсколько козацкихъ старшинъ и 2.000 Татаръ. Старый Хмѣль спокойно обѣдалъ, и съ двумя возами, полными сѣбѣстныхъ припасовъ, отправился въ дальнѣйший путь. Говорили еще, что, отѣзжая въ Крымъ, ханъ оставилъ Хмельницкому 10.000 Татаръ, которые должны были кочевать за Уманемъ, надъ Синими Водами, съ тѣмъ чтобы сохранить за Хмельницкимъ его власть, еслибы его подданные вздумали бунтовать.

По всѣмъ этимъ слухамъ, два хана разстались такъ, какъ бы между ними ничего не произошло, а черезъ мѣсяцъ татарскій ханъ писалъ къ козацкому слѣдующее:

„Пріятель мой, запорожскій гетманъ! посылаю вамъ на помошь брата моего, нуреиддинъ-султана, Сеферъ-Казы-агу, Субагазы-агу и другихъ агъ и беевъ со всѣмъ войскомъ, какое наплюсь, а въ Крыму остаюсь только одинъ. Каковое войско взявшіи безъ всякой гордости на помошь, давайте отпоръ непріятелю, да пропу, чтобы вы, какъ до сихъ поръ, пьянствомъ не занимались, а просили Бога о побѣдѣ“.

Поляки удивляются увѣренности Козацкаго Батька въ себѣ послѣ неслыханнаго приключенія подъ Берестечкомъ, удивляются его присутствію духа, не поддающагося стыду, бѣшенству и отчаянью въ такомъ позорѣ и несчастії. Но передъ нами такихъ удивительныхъ людей проходило множество—и въ видѣ Косинскаго, вчера валявшагося въ погахъ у князя Острожскаго, а завтра наступающаго на князя Вишневецкаго, и въ видѣ Царя Наливайя, готоваго ударить на своихъ въ пользу короля, и въ видѣ Сулимы, поклоняющагося папѣ, разоряющаго королевскую крѣпость и принимающаго католичество, и въ видѣ Павлюка, сходящаго съ эшафота для того, чтобы затѣять новый мятежъ! Каждый изъ такихъ представителей козачини, колеблясь на

скользкой вершинѣ, чувствовалъ головокруженіе, замѣчаемое нами и въ Хмельницкомъ, но лестя внизъ, хватался за всякую подлость, лишь бы остатся при своемъ безстыдствѣ, не предаваться бесполезному бѣшенству и не впадать въ отчаяніе.

Поляки, народъ, созданный боевымъ счастьемъ да клерикальными интригами, считаютъ Хмельницкаго, талантливаго стратегика и плохаго тактика, неспособнымъ къ такой торговлѣ человѣческою кровью, къ какой тяжкая необходимость принудила бездарнаго во всѣхъ отношеніяхъ Яна Казимира подъ Зборовыемъ. Но, чадо ихъ общественности, Хмельницкій превзошелъ и самого Царя Наливай въ предательствѣ своихъ соратниковъ. Еслибъ Козацкій Батько въ самомъ дѣлѣ сохранилъ увѣренность въ себѣ и присутствіе духа, то онъ долженъ быть предвидѣть, что станется съ его дѣтьми безъ его булавы и головы; не оставилъ бы онъ ихъ въ такой моментъ ради надежды вернуть бѣгущихъ въ паникѣ Татаръ... Козацкій ханъ потерялся не меныше татарскаго подъ Берестечкомъ, и, можетъ быть, обязанъ только его угрозамъ тою увѣренностью въ себѣ и тѣмъ присутствіемъ духа, не поддающимся стыду, бѣшенству и отчаянью, которому удивляются люди, не знаящіе террора въ своемъ прошедшемъ и не понимающіе, что террористъ прежде всего подчиняется террористу. Это доказали дѣти Козацкаго Батька по отношенію къ нему самому; это доказалъ и Козацкій Батько по отношенію къ хану; доказала, наконецъ, это и вся козатчина по отношенію къ тѣмъ, которые поставили ее во фронтъ и скомандовали *смирно!*

Весьма впечатльнымъ былъ для Хмельницкаго фактъ, что бѣгущая домой Орда жгла, грабила и, не довольствуясь ясыромъ, уничтожила 6.000 козаковъ, которые спѣшили подъ Берестечко изъ Наволочи, а чигиринцевъ, собравшихся на выручку козацкаго тabora, разогнала.

Одинъ изъ панскихъ развѣдчиковъ, Суходольскій, вернувшись подъ Берестечко изъ-за Винницы, рассказывалъ, что Татары вездѣ во время своего бѣгства убивали и угоняли въ неволю козаковъ. По словамъ Освѣцима, „Суходольскій утверждалъ положительно, что чернь запирается въ городахъ, и вездѣ, где встрѣтится съ козаками, убиваетъ ихъ, даже истязаетъ ихъ женъ въ отместку за свои семы, угнанныя Татарами въ Крымъ. Такъ поступило“ (продолжаетъ Освѣцимъ) „ополченіе черни, которое, въ числѣ до 15.000, отправилось было въ помощь козакамъ подъ начальствомъ павловского войта и, встрѣтивъ по дорогѣ Татаръ, было ими истреблено на половину“.

При такихъ обстоятельствахъ Хмельницкій могъ найти прибѣжище только въ Исламъ-Гиреѣ, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Этимъ и объясняется его увѣренность въ себѣ, которой удивляются враги его, Поляки.

Вѣсть о несчастьѣ и неволѣ гетмана наполнила Україну тревогой и ропотомъ. Достигнуть оставленного табора не было ему никакой возможности. Вспомогательного войска взять было негдѣ, а тутъ и Небабу разгромилъ Радивиль. Хмельницкій послалъ подъ Берестечко фальшивое обѣщаніе татарской вырочки, но оно попало въ непрѣятельскія руки. Ему ничего больше не оставалось, какъ принять отъ хана „безъ всякой гордости“ гвардію, охранявшую особу его отъ раздраженной черни и державшую самого его подъ арестомъ. Ему оставалось только воздержаться по мѣрѣ возможности отъ пьянства и просить магометанского, но ужъ никакъ не христіянского, Бога о побѣдѣ.

Князь Іеремія Вишневецкій еще однажды очутился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, оспарившимъ у него господство на восточной окраинѣ Польши. Хотя традиція Рѣчи Посполитой, царившая надъ умами панской фракціи, главное начальство предоставило Николаю Потоцкому съ его товарищемъ, Мартиномъ Калиновскимъ, по вѣсности дѣла путеводною звѣздою и надеждою панского войска, по вдохновенному указанию Катерины Слоневской, быть всѣ тотъ же герой, котораго Поляки обыкновенно именовали *руссскимъ* воеводою, какъ бы въ сознаніи, что *польского* воеводы у нихъ нѣть. Но, увы! теперь этому безпримѣрному въ Польшѣ воеводѣ остался всего одинъ мѣсяцъ жизни, и она прервалась у самаго входа въ созданное имъ удѣльное княжество. У входа въ обѣтованную землю, потерянную Польшею, скончался черезъ три мѣсяца послѣ Вишневецкаго и тотъ, кто былъ правой рукою великаго, какъ и Вишневецкій, колонизатора въ обуздавшіи руинниковъ,—кто нанесъ имъ тяжкіе удары въ 1637 и 1638 годахъ. Князь Іеремія умеръ въ Наволочи, Потоцкій—въ Хмельникѣ, и на концѣ воспілой карьеры оба полководца испытали самое худшее, что въ пей встрѣчается: борьбу съ пешастѣмъ, голодомъ и моромъ.

Мартиромогія панского войска началась въ то время, когда прічинившій ее король предавался забавамъ, развлечениямъ и даже забольль посыпъ забавъ и развлечений во Львовѣ. Участвовавшій въ Українскомъ походѣ галицкій стольникъ, Андрей Мисковскій, по особенному порученію, доносилъ Яну Казимиру обо всемъ, касающемся благосостоянія всего войска. Но его донесенію, сперва оно „подверглось ужасной слакоти и пепогодѣ, которая сильно повредила и лошадямъ,

и пѣхотѣ, потомъ—такому голоду, о какомъ не слыхать на людской памяти, развѣ гдѣ-нибудь при самой жестокой осадѣ замковъ и городовъ. Но ни въ Хотинскомъ, ни въ Московскому войскѣ (писаль Московскій) такого голода не видано. Пѣхота, принужденная къ отвратительной пищѣ (*ad nefandos cibos compellitur*), достать хлѣба не можетъ и за самую дорогую цѣну; а мяса, кромѣ конской падали, не видать; не преберегутъ и тѣми лошадьми, которыхъ уже три днія гвіютъ въ грязи (*także i tym, które trzy dni już w blocie putrescunt, nie przeruszca*); принуждены пытаться сырымъ житомъ, или травой и бурьяномъ, точно какія животныя, къ великой горести и состраданію всего войска. Невольно мы проливаемъ слезы (*gdysz to nam lachrymas elicere musi*), видя столь блестящую пѣхоту (*nam florentem peditatum*) вашей королевской милости безполезно погибающую отъ голодна (такніе same pereunt), а всего горше то, что нельзя придумать никакого способа къ спасенію голодныхъ: ибо тотъ край, въ которомъ имѣемъ надежду на хлѣбъ, еще далеко, но и опять опустошеннѣ, что о немъ можно сказать: „земля же была неустроена и пуста“. Ни городовъ, ни селъ, только поле и пепель. Не видать ни людей, ни живыхъ тварей, развѣ птицы на воздухѣ. Нашъ Краковскій, не смотря на слабое здоровье, идетъ съ возможною скоростью къ хлѣбу (*ea qua potest celeritate ku chlebu ciagnie*), но опять вчерашия и нынѣшия страшная непогода замедляетъ движение (*retardat cursum*). Не взирая на то, такъ какъ мы посвятили себя на эту службу, то уже придется здѣсь преодолѣвать фортуну твердостю духа (*fortunam animo superare*) и мужественно бороться съ этимъ голодомъ и съ этими пѣбесными невзгодами (*y z temi injuriis coeli viriliter lucrari*), услаждая горести (*sukrujac sobie adversa*) будущими, дасть Богъ, успѣхами. Воинъ о томъ вѣдь постоянно долженъ думать, къ чему стремится, а не о томъ, что предстоитъ ему претерпѣть (*boć zawsze żołnierz quo tendat, non quid passurus est, ma uważać*). Авось-либо всемогущій Богъ поможетъ памъ прійти въ эту обѣтованную землю, гдѣ мы не только найдимся хлѣба, и не привольно отдохнемъ послѣ своихъ трудовъ. О Хмельницкомъ, между разными вѣстями, самая вѣрная, кажется, та, что онъ освободился уже отъ хана, не извѣстно, искусствомъ ли и хитростью, или деньгами. Онъ долженъ быть нынѣ въ Чигиринѣ, гдѣ хотѣлъ бы возбудить новое смѣщеніе, и разослать универсалы къ черни, но чернь не поддается имъ, напротивъ намѣрена отправлять на Масловомъ Ставу чернецкую раду, на которую зоветъ и самого Хмельницкаго, и, вѣрно, не для чего иного, какъ для того, чтобы самой подвергнуть его карѣ (*aby supplicium z wiego*

sam i sumere mogli). Орда вся пошла назадъ; съ козаками вполиѣ разбрать, и даже въ нѣсколькихъ мѣстахъ бились, что весьма благоприятно для нашихъ дѣлъ (co bardzo iu grem nostram militat). Бунты же черни, хотя бы и были какіе-нибудь, разумѣю, по приближеніи войскъ короннаго и литовскаго,— совсѣмъ угаснутъ, а если кой-какіе и отзовутся, то, вѣрно, только въ глубинѣ Украины: ибо у насть носятся слухи, что литовское войско вырубило уже Вышгородъ... Войско наше идетъ тремя отрядами (triratito idzie): первый отрядъ составляетъ набранный изъ однихъ иностранцевъ полкъ воеводы брестскаго, полкъ воеводы брацлавскаго вмѣстѣ съ полевымъ гетманомъ; второй отрядъ составляетъ полкъ князя воеводы русскаго, воеводы подольскаго и старости калусскаго (Яна Замойскаго); третью часть составляетъ полкъ короннаго хорунжаго вмѣстѣ съ нѣкоторыми дополнительными отрядами. Панъ Краковскій посылаетъ къ митрополиту кievскому съ объясненіемъ, что идетъ съ войскомъ въ Украину для успокоенія бунтовъ, еслибы какіе были, а добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ увѣрить, что ихъ жизнь и имущество останутся неприкоснѣбенными. Изъ Паволочи прѣѣхали уже люди съ поклономъ къ ста-ростѣ калусскому и съ просьбой о гарнизонѣ. Но паволочскій войтъ, наибольшій бунтовщикъ, ушелъ къ Хмельницкому. Волошскій господарь увѣдомляеть пана Краковскаго, что Хмельницкій все еще задерживается ханомъ, а ханъ до сихъ поръ уже въ Крыму: ибо весьма послѣшно бѣжалъ, бросая множество больныхъ, которыхъ не мало погребено на дорогѣ, и подстрѣленныхъ лошадей; а наши шѣпнинки, возвращающіеся изъ языческихъ рукъ, утверждаютъ, что ханъ уже подъ Лиманомъ переправился черезъ Днѣпъ,—потому такъ низко, что боится погони за собою, или—чтобы сами козаки не вздумали бить Татаръ, какъ это сдѣлалъ Глухъ, уманскій полковникъ, сильно громившій Буджацкую Орду на возвратномъ пути, такъ что она была принуждена окупиться“.

Таково было положеніе украинскаго дѣла по слухамъ и надеждамъ, когда несчастные побѣдители козакотатарской силы стояли лагеремъ подъ Біличами, оставивъ за собой миляхъ въ двухъ Любартовъ. Еще во Львовѣ, 27 іюля, Янъ Казимиръ получилъ отъ Потоцкаго донесеніе, что нѣмецкой пѣхоты у него частью вымерло, частью разбѣжалось полторы тысячи.

Стоя подъ Смархиномъ, въ 4 миляхъ отъ Ямполя, одинъ изъ участниковъ похода писалъ на родину отъ 31 іюля: „Теперь идемъ все болѣе и болѣе голодными краями; только травъ обилие невыразимое, такъ что иного коня едва видать въ травѣ; но хлѣба и доброй

воды для питья трудно добыть. Чтоб у кого есть, тѣмъ и довольствуются, а другіе мрутъ отъ голода, какъ пѣхота, которой убываетъ ежедневно. Ложатся по дорогѣ и пухнутъ. Сегодня раннимъ утромъ двинемся далѣе, къ Любартову: чаемъ тамъ хлѣба. О, приведи насть къ нему, Господи Боже!"

Наконецъ, во время холодной слякоти, пришли въ пустки, называвшіеся Любартовыми. „Очень много людей перемерло и коней переколѣло“ (приписалъ тотъ же корреспондентъ въ своемъ неотправленномъ письмѣ). „Отъ страшного горя и вспоминать не хочу. Скажу только, что, видно, приходится намъ горько, когда уже не только челядь и пѣхота, но и двое товарищей и семь рейтаръ отъ голода и дождя, въ напихъ глазахъ, упавши съ коней, умерли“.

Отъ 4 августа доносилъ также королю Мясковской, что страшная непогода, продолжавшаяся пять дней и пять ночей, воспрепятствовала отправить депешу. Не было возможности оставаться и въ палатахъ сухимъ. Проходя по четверти мили въ день, войско достигло, 3 августа, Любартова, „хотя пустаго и голоднаго, но по крайней мѣрѣ не сожженпаго“, такъ что послѣ столькихъ неудобствъ (*tot incommodo*), могли осушить себя отъ холодныхъ, точно осеннихъ дождей. Въ Любартовѣ застали они не мало хлѣба на кориѣ, и такъ какъ на Случи не были сожжены мельницы, то можно было сколько-нибудь заготовить пѣхотѣ хлѣба, а для полученія скота были распределены между полками ближайшіе города: Синява, Сѣнявка, Краснополе, Грановъ, Бѣлополе, предоставивъ имъ полную власть (*pleniariam facultatem*) какъ возможно больше добыть оттуда продовольствія. Но покамѣстъ голодные завоеватели роднаго края питались поджаренными на огнѣ зернами.

Здѣсь они провѣдали, что „хлопство“ идетъ къ Хмелю таборами подъ Корсунь; что Выговскій бунтуетъ ему чернѣ по Заднѣпрію; что поднѣстровскіе хлопи хотятъ выбратьъ себѣ другаго гетмана; что Богутъ собираетъ хлопство подъ Прилукой надъ Собомъ и съ каждого хлопа взимаетъ по талеру па Татаръ, которые обѣцали прйтти къ нему въ числѣ 40.000.

Междуди тѣмъ литовскій гетманъ получилъ отъ кіевлянъ и прислали Потоцкому слѣдующую *суплику*:

„Ясно освѣщеннымъ, ясно вельможнымъ панамъ региментарямъ войска его королевской милости Великаго Княжества Литовскаго, всему рыцарскому кругу отдавая нижайшій поклонъ.

„Со слезами просимъ милостивыхъ паповъ явить милосердіе, какъ намъ, такъ домамъ Божіимъ и всему городу, не допуская хоругвей до

опустошеннія: ибо не только никогда не поднимали руки противъ Божія помазанника и молили Божій маестатъ о счастливомъ его папованьї, но еще во время этихъ смутъ сохранили жизнь многимъ шляхтичамъ и шляхтянкамъ, которые сами о томъ свидѣтельствуютъ. Давно бы уже мы отозвались къ вашмосцямъ милостивымъ папамъ съ этою покорою нашею, когда бы намъ былъ дозволенъ вольный проѣздъ. Поэтому просимъ и вторично объ оборопѣ отъ военныхъ импетовъ. Въ Кіевѣ, у св. Софії, дня 21 іюля 1651 года.

„Сильвестръ Косовъ, кіевскій, галицкій митрополитъ.

„Іосифъ Тризна, архимандритъ кіевскій-печерскій.

„Войтъ, бургомістръ, райцы города его королевской милости Кієва“.

Потоцкій съ своей стороны послалъ къ митрополиту удостовѣреніе, что идетъ въ Україну для успокоянія бунтовъ, если какие-либо есть, и предостерегаетъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ его королевской милости, чтобы всѣ спѣли въ своихъ домахъ, не опасаясь никакихъ враждебныхъ дѣйствій (*nullam hostilitatem*).

Въ трудномъ и голодномъ походѣ радовали жолнеровъ успѣхи літовскаго войска, о которыхъ 3 августа увѣдомилъ Потоцкаго нарочный изъ Бѣлоруссіи. Коронному великому гетману писали, что по разбитіи Небабы Черниговъ былъ взятъ и вырубленъ, что князь Радивилъ идетъ къ Остру и Іѣжину, что козаки сильно побиты подъ Дымеромъ, что и Кіевъ прислалъ просьбу о помилованіи (которая и сообщена Радивиломъ Потоцкому). Любартовскіе „обыватели“ рассказывали, что па своемъ побѣгѣ изъ-подъ Берестечка Хмельницкій, съ сотнею конныхъ козаковъ и пятью Татарами, былъ въ Любартовѣ на帮忙. „Ничего не сказалъ онъ тамошнимъ людямъ“ (писаль Мяковскій), „кромѣ того, что идетъ закладывать новый тaborъ (*обозъ тосчуй*) въ Українѣ для освобожденія полковъ, оставшихся подъ Берестечкомъ. Когда Орда хотѣла жечь Любартовъ, Хмельницкій послалъ къ ней, чтобъ этого не дѣлали, а то будутъ наказаны царемъ (крымскимъ), и totчасъ Орда пошла черезъ Случъ па Острополь. Видно, пе совсѣмъ потерялъ онъ кредитъ у Орды. Это подтверждается и літовское извѣстіе, что Хмельницкій собираетъ хлопство и Выговскій бунтуетъ ему черпь, въ надеждѣ па скорыя вспоможенія татарскія. Каменецкій староста (Петръ Потоцкій) также пишеть о завзятости и остервененіи подпільниковъ людей; разсказываетъ, какъ па Диѣстрѣ становятся уже таборомъ, и Ляховъ никогда пе хотятъ имѣть панами“.

По походному дневнику, Потоцкій двинулся далѣе 4 августа, но проливной дождь пе позволилъ ему пройти больше четверти мили. Зато его порадовало извѣстіе папа Мыслішевскаго, что онъ разгромилъ

подъ Браиловы мѣста два таборка хлоповъ, которые шли къ Хмельницкому. Прислали Мыслишевскій и отнятое у нихъ знамя. 5 августа, „переправлялась“ черезъ Любартовъ армата. Офицеры ѿздили подбирать по дорогѣ больныхъ и умирающихъ, а мертвыхъ погребать. Умирали больше пѣхотинцы. Больные шли воевать здоровыхъ, голодные—сытыхъ, нищіе—обеспеченныхъ, иностранцы—туземцевъ. Паны медленно двигались похоронной процессіей умирать въ землѣ предковъ своихъ, послѣ того какъ отверглись ихъ вѣры, пренебрегли ихъ народностью. Но русскіе предки не могли пріютить полонизованныхъ потомковъ даже въ своихъ усыпальницахъ. Шли паны въ Украину собственно для того, чтобы сдѣлать подиѣпрянъ и подиѣстрянъ еще болѣе завзятыми и остервенѣлыми противъ ихъ липецкаго господства, непавицнаго въ своей святости еще больше, нежели въ своей грѣховности. Люди, которыхъ знаменитый дипломатъ, князь Криштофъ Збаражскій, заклеймилъ названіемъ *scelestus genus hominum*, оказались въ проклятияхъ могущественнѣе тѣхъ, которые прокляли ихъ на Брестскомъ синодѣ,—оказались могущественнѣе потому, что, по малорусской пословицѣ: „въ своей хатѣ своя и правда“. Проклятие католическое пропеслось изъ Литовскаго Бреста до самаго Рима пустымъ эхомъ. Проклятие православное залегло въ миллионахъ малорусскихъ сердецъ, и поразило всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ дѣятелей униї козачиной.

Не поджидая своей арматы, Потоцкій прошелъ въ этотъ день три мили съ конницей па Троицю, такъ какъ въ Боговой Украинѣ проходили волненія, и онъ одной вѣстью о приближеніи жолнеровъ надѣялся остановить хлоповъ отъ скопленія въ купы. Въ дорогѣ повстрѣчали жолнеры ѿдущаго къ коронному великому гетману городского писаря изъ Паволочи вмѣстѣ съ посланцомъ отъ кievлянъ, которому было поручено удостовѣриться собственными глазами, что коронное войско дѣйствительно идетъ въ Украину. Не довѣряли этому въ Киевѣ, а между тѣмъ готовы были трактовать съ короннымъ войскомъ охотнѣе, нежели съ литовскимъ.

„Паволоцкій писарь“ (сказано въ походномъ дневникѣ) „много рассказывалъ о Хмельницкомъ, какъ онъ во время бѣгства стоялъ три дня въ Паволочи, и вынудилъ у мѣщанъ 3.000 золотыхъ, которые тотчасъ отсчиталъ находившимся при немъ пяти татарскимъ мурзамъ. Когда мѣщане спросили, почему онъ идетъ одинъ и почему назадъ, онъ сказалъ, что оставилъ двадцать полковъ добрыхъ молодцовъ противъ короля, которые будутъ обороняться четверть года. У нихъ много живности и пороховъ, а вы знаете, какъ мы обороняемся въ таборахъ, и какъ переносимъ голодъ. Потомъ его спрашивали о ли-

товскомъ войскѣ, не будетъ ли оно въ Украину. „Не будетъ“ отвѣчалъ онъ: „ибо князь Радивиль далъ мнѣ слово, что только на пограничье будетъ стоять“. Между тѣмъ пилъ два дня и двѣ ночи, какъ на третій день бѣжитъ измѣнникъ Хмелецкій изъ тaborа и спрашиваетъ о гетманѣ, однакожъ со страхомъ. Просить паволочскихъ мѣщанъ, чтобы смягчили къ нему Хмеля. Лишь только на порогъ, Хмельницкій спросилъ: „А тaborъ гдѣ?“ Тотъ, ножавъ плечами, сказалъ: Уже у дьявола тaborъ.—Почему же?—Потому что молодцы не хотѣли биться.—А знамена?—И знамена пропали.—А гарматы? а шкатула съ червоными золотыми?—Про шкатулу не знаю... Тогда Хмельницкій началъ рвать на себѣ чубъ и проклинаетъ. На эту меланхолію прѣѣзжаетъ Джеджалла. Здоровались они съ плачомъ. Потомъ—Гладкій. Но всѣ полковники безъ козаковъ, только во сто, въ полтораста коней. Одинъ Пушкаренко пришелъ съ десятю хоругвями, подъ которыми могло быть коней 600. Другаго войска не было: ибо всѣ пошли въ разсыпную“.

Къ этому разсказу прибавлю изъ письма Мясковскаго къ королю, что сообщилъ ему хозяинъ, у которого кормилъ Хмельницкій лошадей (*pokarmował*). Садясь уже на коня, Козацкій Батько крикнулъ: „Хто зъ васть, дѣти, не козакувавъ, седите ѹ ждите свойхъ панівъ, а хто казакувавъ, сідайте (на коні) заразъ зо мною въ Украину: бо Ляхі потоптомъ пайдуть за нами“. Въ отвѣтъ на это, люди начали его проклинать (*dopiero mu ludzie złorzeczyły roszeli*).

Слышать, или нѣтъ бѣглый гетманъ эти проклятія, но поволочане поплатились потомъ за свое охлажденіе къ козацкому промыслу. Стоя между двухъ огней, они, подобно другимъ горожанамъ, просили у своего пана охранительного гарнизона и получили его; но хмельничане воспользовались первымъ поворотомъ въ ихъ сторону *ufortuны*, гарнизонъ Замайскаго прогнали, а мѣстечко вырѣзали.

„Тамъ же въ Паволочи“ (записано въ дневникѣ) „пришла къ Хмельницкому вѣсть о погромѣ Небабы отъ литовского войска. Когда мѣщане упрекали Хмеля, что вотъ и литовское войско наступаетъ, онъ отвѣчалъ на это: „Не додѣржавъ мені слова Радивиль“ . Тутъ пришли ханскіе универсалы къ полковникамъ и всей черни, въ которыхъ ханъ оправдывался, что хоть и отступилъ отъ Берестечка, но сдѣлалъ это не изъ болѣзни, а по причинамъ болота и лѣсовъ; однакожъ не такъ отступилъ Запорожскаго Войска, чтобы не возвратиться; нѣтъ, по всякому увѣдомленію объ опасности отъ Ляховъ, готовъ прибыть со всѣми ордами. Эти универсалы Хмельницкій велѣлъ читать публично, для утѣшенія (*pro consolatione*) черни. Но судьба такъ велѣла, чтобы въ слѣдующій же день пришли отъ хана противныя письма,

когда онъ узналъ, что уманскій полковникъ, Глухъ, бывъ Татаръ на Синихъ Водахъ и на Царскомъ Броду. Очень обидѣлся этимъ ханъ, и въ послѣднихъ письмахъ своихъ отказалъ Хмельницкому въ дружбѣ, чѣмъ очень сконфуженный, уѣхалъ онъ изъ Паволочи".

Панскіе вѣстовщики прибавляли къ этому разсказъ, что ханъ отпустилъ Хмельницкаго только въ рубашкѣ да въ кожухѣ, отстегавъ его нагайками и содравъ съ него хороший окунь.

Легенду свою приправляли они пріятными для панского слуха, хоть и неправдоподобными, словами Хмельницкаго, который де хотѣлъ идти на Запорожье, но не желалъ, чтобы хлопство шло за нимъ, и говорилъ: "Я уже больше съ моимъ паномъ (королемъ) воевать не буду, а вы, какъ прежде отправляли свои повинности, такъ и теперь чините своимъ панамъ".

Носился также слухъ, напоминающій намъ бѣглаго Наливайка—у Пикова и Брацлава, что будто бы чигиринцы не впустили въ городъ ни Хмеля, ни Татаръ.

Но вмѣстѣ съ радостными вѣстями оссорѣ двухъ бѣглыхъ хановъ, паны завоеватели получили печальная извѣстія о голодѣ въ Барѣ, о составленіи хлопскихъ купъ на Поднѣстрии и при этомъ—о моровомъ повѣтріи въ Каменцѣ, гдѣ перемерло множество и шляхты.

Когда панское войско вступило въ Киевщину, и остановилось въ полукилометре по сю сторону Янушполя надъ Озерками, собравшіеся војди его мѣнялись различными вѣстями. Со смѣхомъ узнали паны отъ князя Вишневецкаго, что Хмельницкій женился на казачкѣ Пилипихѣ. Но имъ было не до смѣху, когда полевой гетманъ объявилъ, что въ Брацлавѣ посланцовъ его съ универсалами перетопили, и что тамошній народъ о подданствѣ не хочетъ и думать. "Въ это время" (рассказываетъ походный дневникъ) "сѣли мы за столъ у пана воеводы брацлавскаго, который угостили насъ порядочнымъ ужиномъ по прибытии изъ дома отъ Люблина подкрѣпленія въ живности и напиткахъ, какъ прискакалъ брацлавскій чесникъ, панъ Кордышъ, къ пану Краковскому съ письмомъ отъ брацлавской шляхты, вопіющей о спасеніи: ибо хлопы не хотятъ пускать ее въ маєтности, а нѣкоторыхъ убиваютъ, села жеютъ, у пана воеводы Черниговскаго (полеваго гетмана) все возлѣ Винницы и Брацлава пожгли, а Богунъ собираетъ свое ополченіе подъ Правковыми лѣсами".

По полученіи такихъ вѣстей, 7 августа сѣли паны въ радѣ, и стали радить, чѣмъ дѣлать имъ въ предотвращеніе хлопскихъ бунтовъ. Ничего не могли они выдумать по этому великому вопросу, казавшемуся всѣ еще малымъ,—не могли уже по одному тому, что тутъ же

въ лагерь присутствовали и руководили ими, какъ школьниками, просвѣтители и, можно сказать, создатели Польши, агенты римской политики.

Предотвратить хлопскіе бунты можно было только въ XVI столѣтіи, когда такие паны, какъ Острожскіе, не женились еще на католичкахъ, не принимали въ свои дома воспитателями своихъ дѣтей іезуитовъ Скаргъ и не скопляли въ подземныхъ скарахъ по 20 миллионовъ для передачи ихъ со всѣми добрами своими въ руки наследниковъ—католиковъ. Еслибы „даровитѣйшій и совершеннѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ“ нашихъ киевскихъ профановъ дѣйствительно одушевился мыслью собрать 15 или 20 тысячъ воиновъ на защиту свободы русской совѣсти отъ іезуитской казуистики,—онъ упрочилъ бы за панами то, чего не могъ бы отвоевать и князь Вишневецкій при самыхъ благопріятныхъ для его таланта обстоятельствахъ. Теперь панамъ не было бы уже спасенія въ Украинѣ и въ такомъ случаѣ, когда бы они тутъ же, передъ глазами паству Вишневскихъ, Борецкихъ, Копинскихъ, изгнали изсреди себя злого духа въ видѣ своихъ „душистыхъ“, и стали въ ряды козаковъ, какъ предлагалъ Киселю Хмельницкому въ Переяславѣ,—не было бы потому, что и козаки, и мужики съ мѣщанами, и самое духовенство, съ двуличнымъ митрополитомъ во главѣ, были крайне извращены въ своей религіозности, общественности и національности. Теперь осталось Малороссіи одно прибѣжище для возрожденія въ древнерусскомъ образѣ—сліяніе съ Бѣликою Россіею; но и оно, какъ известно, совершилось посредствомъ нашего крещенія отъ польскихъ грѣховъ въ потокахъ благороднѣйшей русской крови.

Надумались несчастные паны залить пожаръ ведромъ воды: постановили—послать каменецкому старостѣ въ помощь шесть хоругвей съ приказомъ идти къ Винницѣ и дѣлать, что велять обстоятельства, а все войско рѣшились соединить за Махновкою.

Августа 9 стояли паны въ Махновкѣ, 10шли подъ Бекловку, мѣстечко, лежавшее уже за козацкой линіей, „и потому“ (говорить походный дневникъ) „застали мы уже отмѣнныій край: копы на полѣ густыя; много всякаго хлѣба и скота по полямъ. Однако, товары свои хлопы перенесли въ замокъ: ибо это держава пана короля Потоцкаго. Случилось намъ купить живности побожно, кроме напитковъ. Едва для пана Краковскаго нашли для покупки бочку меду за 160 злотыхъ, а другую—весъма дурнаго пива за 80“.

Въ это время подъ Киевомъ произошло, 10 августа, характеристическое столкновеніе между отрядомъ посланныхъ впередъ Волоховъ

князя Вишневецкаго и пахоликами литовскаго войска. Въ пяти миляхъ отъ литовскаго лагеря, пахолики, принявъ этихъ Волоховъ за козаковъ, ударили на нихъ стремительно, но получили такой отпоръ, что полтораста человѣкъ легло трупомъ. Тогда Волохи, узнавъ, что недобитые пахолики принадлежать къ литовскому войску, отпустили ихъ съ миромъ, но сперва ограбили. Волохи были люди православные; литовскіе пахолики — тоже православные. Такіе случаи показываютъ, что значило единовѣріе для тѣхъ и другихъ *bravi*.

Августа 11 прѣѣхалъ въ панскій лагерь посланный отъ киевскаго митрополита монахъ. Будучи черноризцемъ-могилевиномъ, онъ привѣтствовалъ Николая Потоцкаго прекрасною рѣчью (*mowa wyborna*). Потоцкій отвѣталъ, что отцу митрополиту слѣдовало бы раньше выразить королю долгъ вѣрнодданства. Монахъ-витія объяснялъ молчаніе Сильвестра Косова „завоеваннымъ краемъ“, и рассказывалъ о себѣ, что его мимовольно завернули къ Хмельницкому, что и письма долженъ былъ онъ одни изорвать, а другія утаить, и что сперва хотѣлъ онъ пуститься въ дорогу съ вѣдома Хмельницкаго. По его словамъ, козацкій гетманъ стоялъ тогда на Русавѣ, въ 8 миляхъ за Бѣлою Церковью. У него было 15 пушекъ, но козаковъ не больше 5.000, а Татаръ 150 коней. Мужики не спѣшили собираться къ нему: ибо полки приходили только въ 100 и въ 200 человѣкъ. Поэтому де послалъ онъ съ полковникомъ Хмеленецкимъ въ Бѣлую Церковь одного Татарина, который бы увѣрялъ, будто идетъ 20.000 Татаръ.

Вечеромъ того же дня прибыли паны въ Рожинъ. Титулярный козацкій гетманъ Забугскій прислалъ имъ туда „взятаго на Татарахъ въ Бѣлой Церкви доброго языка“, козака, который показалъ, что хмельничанъ тамъ 6 000. Полковникъ ихъ, Громыка, хотѣлъ бы де попробовать счастья съ панскимъ войскомъ, но чернь не допускаетъ, и держить его за сторожею. Надѣясь на татарскую помощь, чернь хочетъ — или обороняться, или бѣжать къ Хмельницкому, а на королевскіе и польско-гетманскіе универсалы не обращаетъ вниманія.

„Здѣсь уже мы увидѣли“ (пишетъ мемуаристъ) „какъ бы обѣтованную землю, полную хлѣба и пасѣкъ; но, по неосторожности слугъ пана калусскаго старости, которые сами не держали въ Рожинѣ гарнизона, ни у пана Краковскаго не просили *), пахолики напали съ другой стороны на городъ, полный старого хлѣба и другихъ живностей, пивъ, медовъ, и при этомъ стали грабить коморы, между тѣмъ

*) Положеніе этихъ слугъ (шляхтичей) среди козаковъ, очевидно, было двусмысленное.

какъ войско съ паномъ Краковскимъ проходило по длинному и дурному мосту, подъ страшнымъ дождемъ и громомъ. Панъ воевода (Вишневецкій) бросился какъ можно скорѣе съ гетманскимъ знакомъ въ городъ, и видѣть хлѣбъ высыпанный, пивницы отбитыя, пчелы разбитыя, а къ замку, въ которомъ хранилось больше всего лучшаго добра мужицкаго, (католическій) монахъ ведетъ на приступъ пахоликовъ, между которыми были и жолнеры-товарищи. Подскочилъ онъ къ одному, къ другому съ буздыганомъ, а одному товарищу досталось такъ, что хлѣба не будетъ больше ѿстъ. Двоихъ вожаковъ-пахоликовъ тотчасъ повѣсили; другихъ били кіями въ рынкѣ передъ глазами поспольства, и такимъ образомъ разогнали панъ воевода эту саранчу. Но предводитель монахъ прибѣжалъ къ пану Краковскому съ жалобой, что не позволяютъ отомстить за кривду Божію и костеловъ Божіихъ. На вопросъ пана Краковскаго: какъ такъ? онъ говоритьъ, что въ замкѣ хлопы заперли въ костель скотъ, пчелы и посносили туда разные пожитки. Надобно было вамъ штурмовать этотъ замокъ. Тамъ де по пивницамъ спрятаны орнаты. А твоя милость, милостивый пане, запрещаешь все это отыскивать. Однако же, не произвелъ своею рѣчью никакого зазрѣнія совѣсти: ибо не съ тѣмъ намѣреніемъ благословилъ онъ пахоликовъ, чтобы мстили за Божію кривду, а чтобы нахвалили скота и движимости".

Изъ-подъ Рожина Потоцкій хотѣлъ идти черезъ Паволочь немедленно на Таборовку, прямо къ Бѣлой Церкви, но получилъ извѣстіе, что козаки подъ Хвастовомъ разбрѣли звенигородскаго старосту Гулевича, и рѣшился соединить все войско подъ Паволочью.

Августа 13 передовой отрядъ панского войска наткнулся подъ Таборовкой на 2.000 чату Хмельницкаго, при которой было 500 коней Татаръ. Въ этомъ отрядѣ было семь выбранныхъ изо всего войска хоругвей, по словамъ походнаго дневника, bardzo dobrzych; но не извѣстно, какой судьбой (quo fato), увидѣвъ непріятеля, онъ тотчасъ начали отступать, бросивъ непріятелю въ добычу возы. За ними гнались до самой Паволочи, и онѣ потеряли двухъ поручиковъ, со множествомъ товарищѣй. Спасъ ихъ отъ совершенного пораженія только ротмистръ князя Вишневецкаго, Войниловичъ, ударившій случайно на козаковъ и Татаръ сбоку, причемъ захватилъ трехъ языковъ татарскихъ*). На вопросъ князя Вишневецкаго: почему они загнались

*) Дней черезъ десять кто то изъ участниковъ похода объяснилъ это бѣгство въ письмѣ къ пріятелю весьма характеристики: „...Ci wprzod Pawołocz, miasteczko P. Starosty kałuskiego, które mogło najmniej cztery wojska nasze

такъ далеко подъ войско? Татары отвѣчали, что ихъ послалъ Хмельницкій для языка. Онъ де получилъ извѣстіе, что король съ войскомъ вернулся домой и всѣ ляшескія войска разошлись, и потому хотѣлъ знать, кто идетъ въ Украину. На вопросъ: давно ли вы здѣсь? языки отвѣчали, что „когда отходилъ ханъ, мы здѣсь остались ради жолду.“—По чемъ же вамъ дастъ Хмельницкій?—Мурзамъ по 200 талеровъ, а намъ по 10.—Много васъ теперь?—Теперь при Хмельницкомъ 2.000 считанныхъ Татаръ. Считали настъ на одномъ мосту при переходѣ, и тотчасъ давали деньги.—А будетъ васъ еще больше?—Будетъ скоро 4.000, а другіе подпасываютъ коней. Однакожъ, ханъ, кажется, не будетъ въ эту осень“.

Эти вѣсти заставили пановъ соединить свои отряды, а военная рада рѣшила дожидаться пѣхоты и арматы подъ Паволочью, для того чтобы проложить себѣ путь къ соединенію съ литовскими войсками. Между тѣмъ пановъ печалили получаемая вновь болѣе точная вѣсти о ретирадѣ семи отборныхъ хоругвей изъ-подъ Таборовки. Проходя черезъ Паволочь, какъ и чрезъ другіе города, доблестные воины набрали множество живности, серебра и другихъ драгоцѣнностей, но, при видѣ козаковъ и Татаръ, бросили попилявецы весь тaborъ, заключавшій въ себѣ больше тысячи возовъ. Теперь надобно было ждать еще болѣе смѣлаго отпора со стороны козаковъ. Авторъ походнаго дневника съ горестью пишетъ: „Будутъ эти фанты скоро въ Крыму для выставки добычи и для хвастовства побѣдою“. Вмѣстѣ съ возами (прибавляетъ онъ) погибла тамъ и почти вся челядь.

Въ такомъ настроеніи духа, 16 августа, войско достигло Паволочи. Стоя подъ Паволочью, паны больше прежняго сѣтовали на разнуданность войска своего. „Господь Богъ“ (писали они) „восхотѣлъ нѣсколько смириТЬ насъ погромомъ семи хоругвей нашихъ и научить насъ большей осторожности: ибо, когда панъ Краковскій, ради важ-

wyzywić, ze wszystkich dostańków tak złota, srebra, jako i wszelakiej żywności napojów złupiwszy, ku Taborowce pośli: gdzie jako w doma rozgościwszy się, bezpiecznie się zostawali. W tém czata potęzna od Chmielnickiego we 200 Kozaków i 500 Tatarów dla języka wyprawiona, napadłszy na naszych śpiących, srogą zdobycz wozów, więcej niż tysiąc, srebrem, złotem i innemi rzecząmi naładowanych agarauiszysy, na samych wsiedli i aż w przedmieście pavołockie wpędzili; i gdyby zazrządzeniem Boiskiem P. Wojniłowicz, Rotmistrz Księcia Wojewody ruskiego, trasunkiem z futorów w pięć chorągwii z boku nie przypadł, pewnieby byli wszyscy zniesieni, i P. Starosta kałuski dostałbysię w ręce nieprzyjaciela, który (t.-e. starosta) na ten czas w Pawyłoczy był“.

ныхъ соображеній (dla róznych wielkich respektów), послалъ эти хоругви впереди, онѣ — да простятъ мнѣ правду (parcant mihi) — увлеклись больше добычей и волами. Не говорю о добрыхъ воинахъ, а только о волонтерахъ и сволочи, которые за нихъ цѣпляются. Одна Паволочь могла прокормить четыре такихъ войска, а они ее разграбили. Досталось и коморамъ; но всего больше намъ жаль напитковъ: ибо въ одной только пивницѣ разсыпали они 24 бочки вина, которыхъ не могли выпить, а сколько по другимъ пивницамъ попортили медовъ и горѣлокъ, тому вѣтъ конца и счету. А мы теперь, въ эти жары, жаждемъ напитковъ... Непріятель не хочетъ уже пустить насъ за Бѣлую Церковь, и тамъ укрѣпляетъ сильный таборъ, яко на старожитной нѣкогда козацкой линіи (*jako przy starożytnej quondam linii ko-zackiej* *). Хвастовымъ и Трилісами (козаки) овладѣли, не давая намъ соединиться съ литовскимъ войскомъ. Теперь мы окружены непріятелемъ; хлопы позади насъ разоряютъ мости и портятъ переправы, грозя намъ, что когда бы мы захотѣли уйти, то и нога папи не уйдетъ. Но мы всю надежду возлагаемъ на свое мужество“.

Было отъ чего призадуматься и самимъ отважнымъ предводителямъ панского войска. Варшавскій Анонимъ изображаетъ этотъ походъ самыми мрачными красками:

„Всего тяжеле было въ немъ голодающей пѣхотѣ. Всадники, чатуя, добывали себѣ живность хоть вдалекѣ, но этимъ подвергали и себя, и пѣхоту голоду: ибо жители не возили и для тѣхъ, кто обходился деньгами. Но и денегъ не было. Или офицеры растрачивали жолнерскій жолдъ, или съ поборцевъ не взыскали. Никакихъ запасовъ не было. А хотѣлъ жолнеръ и получить жалованье, то пропьетъ и проиграетъ въ кости, потомъ долженъ красть и этимъ питаться. Если нельзя украсть, то голодаешь, пухнешь... О, какъ много расходуетъ на нихъ Рѣчь Посполитая! а они, бродя по вербункамъ, грабятъ села и мужичковъ. Что схватить новозавербованный жолнеръ, то и пропьетъ. Между тѣмъ офицеры вымученные деньги берутъ себѣ. Ежедневныя у нихъ сдѣлки, окупы. Получая въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ побочные хлѣбы, они покрываютъ себя галунами, а жолнеръ, обворованный точно попрошайка, не скоро доставляется ими въ лагерь, и необмундированный, необученный, принужденъ бѣжать. Всѣ мы стонемъ, ропщемъ, жалуемся, переносимъ терпѣливо такія грабитель-

*) Вспомнимъ универсаль Павлюка: „По Кіевъ и Бѣлую Церковь паны жолнеры не должны были ступить и ногой по сю сторону (po Kiow i po Bialocerkiew P. P. Zolnirze na te stronie i nogą nie mogli bywać“).

ства, надувательства, а предотвращать ихъ не стараемся, — и теперь вотъ намъ награда, что голодные въ замкнутомъ лагерѣ жонгеры, вымерли во множествѣ отъ заразы“!

Не участвовавшій въ завоевательной экспедиції Освѣтимъ, по рассказамъ очевидцевъ, даетъ намъ слѣдующій эскизъ похода:

„Едва 30 іюля войско достигло Лабуня. Но городъ этотъ и замокъ въ немъ были сожжены раньше. Во время похода, наемныя хоругви поступали весьма своевольно и, желая вознаградить себя за то, что не получали жалованья отъ Рѣчи Посполитой, страшно грабили и опустошали мѣстности, по которымъ проходили... Литовскій гетманъ, князь Радивилль, побуждалъ нашихъ вождей, чтобы они скорѣе двигались къ Киеву... Но наше войско не могло ускорить своего движенія... Украинскіе хлопы сперва совершенно упали было духомъ, и были готовы отказаться отъ всякихъ бунтовъ, стали подчиняться панамъ и ихъ приказчикамъ, стали исполнять свои обязанности; но когда узнали, что шляхта разѣхалась по домамъ, что король оставилъ войско, и что войско наше еле двигается черепашымъ ходомъ,— начали тотчасъ помышлять о бунтѣ; вождей нашихъ и войско безъ короля презирали, управителей стали прогонять, распоряженія ихъ и письменныя инструкціи рвали, отъ исполненія повинностей отказывались и, побуждаемые универсалами Хмельницкаго, начали вновь скопляться въ купы... Въ теченіе мѣсяца, непріятель, сразу смущившійся, не только ободрился, но успѣлъ вновь собрать значительныя силы, такъ что былъ въ состояніи вести не только оборонительную, но и наступательную войну... Въ Брацлавщинѣ козаки захватили панскія житницы, а шляхту ограбили и перебили... Среди мужиковъ ходили универсалы Хмельницкаго, говорившіе, что Ляхи находятся у него въ рукахъ, и что уже нѣсколько недѣль назадъ къ нему пришло много Татаръ... Наше войско, углубившись въ страну, столь отдаленную, очутилось какъ бы въ осадѣ. Непріятель захватилъ всѣ дороги и пути сообщенія, прервалъ всѣ наши сношенія, беспокоилъ насъ частыми вылазками и, не допуская къ лагерю подвоза припасовъ, произвелъ странный голодъ. Хлопы въ селахъ и мѣстечкахъ вездѣ насмѣхались надъ нашими: Ляхи отрѣзали насъ отъ Днѣпра, а мы ихъ—отъ Вислы“.

Но еще живъ былъ полководецъ, во имя которого войско, въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ, возлагало „всю надежду на мужество“. Августа 13, за милю передъ Паволочью, соединились всѣ полки, и гетманы, вмѣстѣ съ региментарями, собрались на раду въ палатѣ князя Вишневецкаго. Онъ былъ здоровъ и веселъ. Его, безъ

сомнѣнія, радовала надежда возвратиться въ тотъ край, который онъ колонизовалъ съ такимъ успѣхомъ. На другой день, во время жажды, онъ поѣлъ съ аппетитомъ огурцовъ, запилъ неосторожно медомъ, испортилъ себѣ желудокъ; врачъ его швагера, Замойскаго, ксендзъ Куназусъ, не могъ ему помочь; его перенесли въ паволочскій замокъ и утромъ 20 римскаго августа скончался.

Освѣтцімъ пишеть, что войско готово было своею кровью искупить его кончину, еслибъ это было возможно. Теперь поняли всѣ, чего лишились. Органъ пляхетскаго воззрѣнія, варшавскій Анонимъ, приписываетъ королевской фракціи то, что Вишневецкому не дали довершить побѣду подъ Берестечкомъ. Королю внушали, что Вишневецкій соперничаетъ съ ними въ славѣ побѣды, и заставили талантливаго полководца посторониться передъ королевскимъ троумфомъ: только по этому (говорить Анонимъ) козаки ушли изъ тabora.

Такъ думала о нашемъ Байдичѣ, можно сказать, почти вся Польша, которой лучшая часть вѣровала въ результаты битвъ, а худшая — въ результаты политической казуистики, и обѣ ошибались вмѣстѣ съ погубленными польщиною русскимъ героями.

Отправивъ залитый смолою гробъ къ безутѣшной Гризельдѣ, панское войско рвалось въ Украину, которая теперь отвергала уже не только отступниковъ церкви и народности предковъ своихъ, но и всѣхъ, кого вѣдала она подъ однимъ съ ними знаменемъ. Съ другой стороны, козаки, слыша, что пѣть уже на свѣтѣ грознаго Князя Яремы, вдохновились новой завзятостью противъ Ляховъ и Недоляшковъ. Когда паны подошли къ мѣстечку Трилісамъ, принадлежавшему къ бѣлоцерковскому старству, и остановились въ небольшой мильѣ отъ него, охотники-шляхтичи принялись возстановлять по-козацки славу побитыхъ козаками хоругвей. Они грабили и жгли подгородные хутора; они избивали все живое, не сознавая, что сѣютъ въ обѣвированной землѣ драконовы зубы, которые будуть безъ конца терзать ихъ польское потомство. Козацкая чернь, въ знакъ презрѣнія къ памяти завоевателямъ, показывала имъ заднія части, а иѣкоторые, среди всякихъ другихъ ругательствъ, кричали имъ: „Ляхи! продайтесь намъ, не исуйте юней: атдѣ ні на чому бїде втекати въ Краківъ“.

Мѣстечко сохранило въ своемъ названіи память о трехъ лѣсахъ, которые, можетъ быть, видѣлъ Контарини въ XV столѣтіи, когда *Rossia bassa* состояла изъ безлюдныхъ пустынь. Отъ этихъ лѣсовъ уцѣлѣли вокругъ него великанскіе дубы толщиною въ пивную бочку, а множество другихъ дубовъ употреблено было жителями для устройства частокола, который казался имъ непреодолимымъ. Кроме укрѣп-

леннаго такимъ образомъ вала, въ Трилісахъ, какъ и во всякомъ тогдашнемъ городкѣ, былъ замокъ, снабженный пушками. Изъ-за развѣистыхъ древнихъ дубовъ эти пушки стрѣляли завзато по разорителямъ любезныхъ украинцу хуторовъ и пасѣкъ. Въ Трилісахъ заперлось тысячи двѣ черни и 600 козаковъ, предводимыхъ сотникомъ Богданомъ. Прилегавшее къ мѣстечку длинное, широкое, болотистое озеро придавало еще больше смѣлости его защитникамъ. Даже и женщины вооружились косами. Корсунскій герой Потоцкій вознамѣрился застрашать своихъ побѣдителей истребленіемъ Трилісъ. Остановивъ приступъ къ мѣстечку, дождался онъ пѣхоты, а между тѣмъ велѣлъ приготовиться къ бою по одной хоругви изъ каждого ргигмента.

На зарѣ 24 (14) августа гранули пушки. Не устоялъ противъ нихъ частоколъ изъ великановъ-дубовъ. Множество волонтеровъ, обдиралъ и руинниковъ даже родной шляхетчины, какъ бы творя поминки по князѣ Вишневецкому, вломились въ мѣстечко вмѣстѣ съ пѣхотой и произвели поголовную рѣзню, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Упѣлѣли только тѣ женщины, которыхъ служилые Волохи и другие товарищи уводили къ себѣ въ лагерь за мѣстечко (*które niektórzy ochraniali, uwodząc za miasto, jako Wołosza i inne towarzystwo, tego sobie nabrawszy...*) „По милости Божией“ (пишетъ авторъ дневника, мокнувъ перо въ горячую кровь) „теперь есть у насъ чѣмъ оживить пѣхоту; только хлѣба всего трудаѣ добыть, такъ какъ его надобно молотить и печь, а напитковъ, безъ которыхъ намъ очень худо, если и покажется немнога, то дорого: кварты горѣлки по 3 злотыхъ, пива по 1 зл. и 15 грошей, медъ по 2 зл. и 15 гр. гарнецъ, и то самое горшее, вино по 8 зл., петерциментъ (испанское вино) по 10 зл. гарнецъ“.

Возблагодаривъ за Божію милость рѣзнею и грабежемъ, продолжавшимися цѣлый день,—ночью, съ обновленными силами, приступили жолнеры къ замку. Служилъ въ региментѣ Богуслава Радивила 60-лѣтній ветеранъ религіозной войны, капитанъ Штраусъ. Этотъ мастеръ своего ремесла вломился въ замокъ первый и гналъ передъ собой цѣлую толпу козаковъ; но храбрая козачка нанесла ему два смертельныхъ удара и пала съ честью подъ мечами его дружини. Погибъ и другой наемный Нѣмецъ, капитанъ королевской гвардіи, Вадль, вмѣстѣ съ 30 своимъ сподвижниками. Замокъ былъ взятъ лишь въ 4 часа утромъ. Осажденные пытались бѣжать вплавь и на челнахъ черезъ прудъ, но ихъ встрѣчали ружейною пальбою. Спаслись весьма немногіе. „Множество труповъ“ (пишетъ мемуаристъ) „валятся всюду

по ямамъ, пивницамъ, коморамъ, кругомъ мѣстечка и по полямъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ съ дѣтьми... Все мѣстечко съ замкомъ и хуторами обращено въ пепель; погорѣли и церкви; даже дубы, окружавшіе замокъ и мѣстечко, малымъ чѣмъ тоныше пивныхъ варецкихъ бочекъ, и тѣ сожжены; словомъ, все выгублено огнемъ и мечемъ. Скота досталось каждому войску страшное множество (*bydla sroga rzecz wojsku dostała się ka demu*)⁴.

Масковскій доносилъ королю о разореніи Трилісъ въ качествѣ стратегика и политика.

„Августа 23 остановились мы въ двухъ съ половиною миляхъ подъ триліскими пасеками среди необозримыхъ пажитей, и въ одинъ часъ лагерь наполнился всякою живностью съ козацкихъ хуторовъ не только для необходимаго, но и для роскоши (*non solum ad necessitatem, ale i ad delicias*), что трудно было воспретить голоднымъ и гетманскую трубою. Но неукротимая чернь (*effrenis plebs*), видя передъ глазами наше войско довольно огромное, не выслала и живой души съ просьбой о помилованіи, напротивъ, осипала нашихъ тысячью ругательствъ (*mille conviciis impetebant*)... Панъ Краковскій употреблялъ всякия средства, чтобы привести ихъ къ покорности, но они и слышать о томъ не хотѣли. Поэтому въ день св. Варѳоломея, который, яко мученикъ, хотѣлъ ознаменовать свой день широкимъ кровопролитiemъ (*jako Martyr, effuso cruore diej swój chciał illustrare*), панъ полевой писарь (Пршиемскій) пошелъ на самомъ разсвѣтѣ, въ Божій часъ, подъ мѣстечко съ 600 пѣхоты, прикомандированной изъ разныхъ региментовъ, и 400 своихъ драгунъ да съ четырьмя полевыми пушками, и, видя, что мы не могли никоимъ образомъ идти далѣе въ Украину, не отворивъ этого прохода черезъ рѣчку Каменицу, которую миновать нигдѣ не могли, а притомъ не слыша никакой просьбы о помилованіи, велѣлъ ударить изъ пушекъ въ крѣпкій частоколъ, составленный изъ цѣльныхъ дубовъ, и, проломавъ его, долженъ былъ уже отважиться черезъ ровъ, хотя сухой, но крутой и глубокій, на приступъ, который, по милости Божіей, совершилъ успѣшно (*feliciter z  aski Bo ej successit*): ибо гарнизонные козаки, устрашенные нашею рѣшимостью, начали отступать въ замокъ, болѣе крѣпкій, нежели мѣстечко. По долгомъ козацкомъ сопротивлениіи и по долгой кровавой игрѣ, въ которой пало два капитана и одинъ хорунжій (Волеть) вторгнулись наши въ замочекъ, гдѣ пораженiemъ и истребленiemъ всѣхъ, безъ различія пола и возраста, отмстили потерю своихъ, хотя и невозвратимую,—пощадили только тѣхъ, которыхъ разсудительнѣйшие увлекли отъ ярости воиновъ (*strage et caede kozak w, ulti sunt*

iacturam lubo incomparabilem suorum, sine discriminе poniekad sexus et aetatis, chyba ktorych bacznieszy sustraberunt furori militum). И трудно было, поистинѣ, укротить жолнеровъ, жаждавшихъ мести (avidum vindicatae cohibere militem).. Сотникъ ихъ, комендантъ старинный съ предковъ козакъ (Богданъ) взятъ живымъ, и когда его спросили: что васъ привело къ такому упорству? отвѣчалъ, что сегодня хотѣлъ намъ Хмельницкій прислать ночью подкрепленія изъ Хвастова, не думая, чтобы это мѣстечко такъ скоро было взято. Въ Хвастовѣ не могли уйти больше 20 козаковъ: ибо и тѣхъ, которые переплывали челнами, наши тотчась на берегу перенимали и убивали. Въ одинъ часъ мѣстечко сдѣгалось жертвой огня съ замкомъ и прекрасною церковью... Думали, что это хлопское упорство легче преодолѣть огнемъ и мечемъ (*ta chlopska pernikacia facilius dometur szabla i ogniem*), нежели угрозой и снисхожденіемъ“.

Хмельницкій въ тотъ же день, когда Ясковскій довосилъ королю (26 римского августиа) обѣ истребленіи Трилісъ, прислалъ къ Николаю Потоцкому смиренное, миролюбивое и богобоязненное письмо, а это значило, что онъ готовитъ ему нѣчто противоположное.

„Видѣтъ Богъ“ (писалъ старый лицемѣръ), „что мы не желали дальнѣйшаго разлитія крови и довольствовались ласкою его королевской милости. Но вотъ опять зацепка съ обѣихъ сторонъ! Которая сторона больше виновата, пускай судить Богъ. Намъ трудно было наклонять шею подъ мечъ: мы были принуждены обороняться. А на его милость короля, нашего милостиваго пана, не поднимали рукъ: ибо и подъ Берестечкомъ, гдѣ войско не испытало милосердія его королевской милости, мы должны были уступить ему, яко своему пану, и идти къ своимъ домамъ, желая уже впередь мира. Но, такъ какъ ваша милость изволить поступать съ войскомъ своимъ, мы знаемъ, что это клонится не къ миру, а къ большему разливу крови, и что это совсѣмъ (*totaliter*) не съ нашей стороны дѣлается, свидѣтельствуемся всемогущимъ Богомъ. А такъ какъ вашность панъ отправлялъ съ нами экспедиціи неоднократно, то съ обѣихъ сторонъ должна быть невознаградимая шкода: и теперь, если не употребишь состраданія, каждый готовъ умереть при своемъ убожествѣ, и восхочетъ положить голову: ибо всякая пташка охраняетъ свое гнѣздо, какъ можетъ... Мы, однакожъ, о вашность панъ думаемъ, что, умилосердясь надъ христіянствомъ, чтобы съ обѣихъ сторонъ не разливалась невинная кровь, благоволишь желать святаго мира. И мы его сильно желаемъ, и вашность пана просимъ, чтобы вашность панъ, яко *primas regni*, мудрымъ своимъ совѣтомъ благоволилъ устроить, чтобы уже кровавый

потокъ былъ остановленъ, и внести къ его королевской милости, нашему милостивому пану, представительство о нась, чтобъ онъ благоволилъ оставить насъ при нашихъ вольностяхъ и возымѣль отеческое милосердіе надъ своими подданными. Пускай бы уже въ королевствѣ его королевской милости процвѣталъ желанный миръ, и соединенные силы были готовы на службу его королевской милости; а чего бы вашмость панъ требовалъ, благоволи вашмость, пашъ милостивый панъ, объявить, не наступая съ войсками: ибо мы уразумѣли, что вашмость панъ, какъ это изволилъ выразить въ универсалѣ своемъ, писанномъ въ Бѣлую Церковь, не желаешь уже больше разлитія крови. И мы также съ войсками своими не будемъ двигаться, а будемъ ожидать милостивой декларациіи отъ вашмость пана, которую надѣемся получить въ понедѣльникъ. Просимъ и вторично вашмость пана, а за дозволенное благодѣяніе и милость доживотно будемъ обязаны отслуживать нашему милостивому пану. Теперь же поручаемъ себѣ усердно съ униженными нашими услугами. Данъ съ тabora Язвеня... августа 1651“.

На письмо Хмельницкаго Потоцкій не счелъ нужнымъ отвѣтить. Отвѣтъ взялъ на себя кіевскій воевода, Кисель. Узнавъ о судьбѣ Трилістъ, козаки оставили Хвастовъ, который былъ очень нуженъ Потоцкому для свободного сообщенія съ Полѣсью, для помѣщенія возовъ, которые, увеличиваясь въ своемъ числѣ безмѣрно, затрудняли движение войска, а также для больныхъ, которыхъ было въ войску много.

Въ Хвастовѣ не застали паны и одного человѣка: козаки, въ числѣ 4 000, бѣжали въ Бѣлую Церковь, гдѣ стоялъ Богунъ съ значительной силою. Для нась непонятно, почему сотника Богдана, взятаго въ Триліахъ, посадили въ Хвастовѣ на колъ. Еще непонятнѣе фактъ, что ночью кто-то укралъ его вмѣсть съ коломъ. „Не извѣстно куда онъ дѣвался“ (сказано въ дневнике). „Велѣли смотрѣть, не похороненъ ли онъ. Полевой гетманъ грозилъ тому, кто его укралъ (*groził się na tego, kto go ukradł*), и былъ бы наказанъ“.

„Теперь уже войско приходитъ въ себя“ (пишетъ авторъ походнаго дневника): „ибо здѣсь, по милости Божіей, края обильные урожаемъ хлѣбовъ; только надобно молотить, и кто умѣеть, молотить, или у кого есть такая челядь. И страшно большая здѣсь копа (*srodze tu gęsta kopa*), какой въ Польшѣ не увидишь“.

Августа 30 (20) явился отъ кіевскаго митрополита къ коронному великому гетману монахъ съ выражениемъ отъ лица греческаго духовенства покорности королю и съ просьбой о покровительствѣ.

„Онъ оправдывался“ (сказало въ дневнике), „что, по причинѣ завоеванія этихъ краевъ, не могъ икоимъ образомъ прибыть рапыше. Вмѣстѣ съ тѣмъ поздравлялъ съ побѣдою, моля Господа Бога, чтобы его милость король могъ скорѣе видѣть свое королевство“. А Кутнарскій привезъ письма отъ волошскаго господаря, и вмѣстѣ съ ними отдалъ Потоцкому прекраснаго коня, весьма богато осѣданнаго, три кисти съ драгоценными каменьями, еще отъ Солимана, турецкаго императора, два персидскіе ковра, тканые золотомъ, и двѣ штуки персидскаго златоглава.

Сентября 2 Потоцкій получилъ отъ князя Радивила увѣдомленіе, что онъ идетъ на соединеніе съ короннымъ войскомъ, какъ въ это время прибыли и два послы отъ Хмельницкаго, Романъ Катержный и Самара. Ихъ провели сперва чрезъ весь лагерь къ Адаму Киселю, которому вручили покорное письмо Хмельницкаго къ Потоцкому. Съ вѣдома Потоцкаго, Кисѣль читалъ имъ длинную проповѣдь о томъ, что коронный гетманъ тогда только будетъ трактовать съ козаками, когда они—или Хмельницкаго выдадутъ, или всю Орду, которая пришла къ нимъ, вырѣжутъ, а мурзъ отдадутъ живыми.

На другой день привели Катержнаго и Самару къ Потоцкому въ то самое время, когда войско садилось на коней и вся военная музыка весело и громко играла. „Оба они“ (пишетъ мемуаристъ) „упали къ ногамъ пана Краковскаго и подали письмо. Прочитавъ его, панъ Краковскій выговаривалъ имъ всѣ ихъ злодѣйства, особенно же то ехидство, что Хмельницкій послалъ за Ордой, а они просятъ о помилованіи“. „Поэтому“ (сказалъ имъ гетманъ) „не могу я отвѣчать на письмо Хмельницкаго: ибо не признаю его вашимъ гетманомъ послѣ того, какъ онъ поднялъ руку на его королевскую милость, а къ вамъ, къ вашему войску напишу, что его королевская милость даль мнѣ въ одну руку мечъ, а въ другую—милосердіе. Не могу я приступить къ трактатамъ съ вами иначе, какъ, если вы сдѣлаете одно изъ двухъ, что вами панъ восвода кievскій напишетъ моимъ именемъ; а времени для образумленія даю вамъ три дня, до среды: потомъ немедленно наступлю съ литовскимъ войскомъ, и христіанская кровь должна разлиться“.

Съ этимъ одинъ посолъ тотчасъ поскакалъ на Русаву, а другой остался въ панскомъ лагерѣ.

Въ тотъ же день двинулся Потоцкій къ Василькову. Приведенные къ нему языки показали, что козаки въ Бѣлой Церкви мучили двоихъ пѣнныхъ жолнеровъ, допытываясь, какъ велико панское войско, но тѣ на пыткахъ говорили въ одно слово, что въ Украину при-

шло все войско, бывшее подъ Берестечкомъ, только нѣтъ короля, а посполитаки на свое мѣсто прислали жолнеровъ. „Потомъ ихъ кро-пили горлкою й медомъ“ (пишеть мемуаристъ), „и хотѣли вынудить у нихъ число войска; но тѣ говорили то же, что и *на мухахъ*“. Кон-фескату ихъ послали ночью къ Хмельницкому, съ просьбой, чтобы онъ—или позволилъ имъ—покориться польскому войску, или же по-заботился о добрыхъ подкѣпленахъ. Тамъ же посадили на колыа де-сятка полтора Нѣмцевъ, а другихъ жарили на рожнахъ за то, что сотника ихъ, взятаго въ Трилісахъ, покарали коломъ. Поздно ввечеру митрополитъ прислалъ Потоцкому добрыхъ напитковъ. Посланцы его рассказывали „о сожжениі Кієва“, и какая великая добыча досталась литовскому войску, какъ въ деньгахъ, такъ и въ движимости. Но ихъ словамъ, ее надобно было считать миллионами: ибо только у трехъ купцовъ нашли 160.000, а сколько же у другихъ въ серебрѣ и дра-гоцѣнностяхъ, которыхъ большая часть осталась въ Кіевѣ послѣ пильвецкой добычи!

По плану Хмельницкаго, который онъ чертилъ себѣ передъ началомъ войны, Литовскимъ Княжествомъ предполагалось овладѣть одновременно съ Короной. Какъ Напѣрскій-Костка долженъ былъ не-ожиданно наводнить взбунтованною чернилою Краковъ, такъ съ другаго края сшивной Польши былъ посланъ какой-то Тарасенко для внезап-наго нападенія на Рославль. Тарасенко, не тревожа Бѣлоруссіи слу-хами о наступленіи нового Наливайка, провелъ какъ-то 4.000 коза-ковъ черезъ московское пограничье. Въ Брянскѣ привелъ онъ свое войско въ порядокъ, снарядилъ окончательно, и вторгнулся въ Рославль 16 іюня, ночью, „безъ борбы и кровопролитія“, какъ доносилъ сво-ему воеводѣ подъ Берестечко смоленскій подвоеводій, мстиславскій подкоморій. Находившіеся тамъ въ незначительномъ количествѣ шлях-тичи, а также и подстаростій, бѣжали. У Тарасенка было 7 пушекъ. Козаки его сидѣли на прекрасныхъ лошадяхъ и были одѣты въ бѣ-лыя свитки. Первое извѣстіе о нихъ было получено, когда они от-правили впередъ свои чаты для собиранія живности. Былъ слухъ (конечно, распущеній ими самими), что они получили царскую гра-моту къ пограничнымъ воеводамъ, разрѣшившую пропустить ихъ въ Литву еще на русскаго Николая (9 мая). Но брянскій де воевода за-держалъ ихъ и послалъ просить вновь царскаго распоряженія, такъ какъ польскіе послы находились тогда въ Смоленскѣ и рассказывали, будто имъ, отъ имени царя, данъ такой отвѣтъ: „Управьтесь вы сами со своими хлопами, а потомъ уже я помогу вамъ противъ Татаръ“. Кромѣ того, рассказывали они, будто бы съ царскаго разрѣшенія, ко-заки сами себѣ строили въ Московской землѣ мосты для переправы.

Интереснѣе для настѣ и самихъ похождѣній Тарасенка въ Бѣлоруссіи то, что посланный изъ Смоленска въ Брянскъ лазутчикъ привезъ отъ бояръ, жившихъ въ окрестностяхъ Брянска, Леонтьева и Семеева, „весьма обстоятельный извѣстія“ о томъ, какъ провожали изъ Брянска козацкое войско, кто были провожатые и черезъ какія села вели его. „Семеева“ (писалъ подвоеводій), „я полагаю, ваша милость помнить. Вы встрѣчали его веселящагося у меня, въ послѣднюю вашу бытность. Это человѣкъ очень хороший. Онъ передалъ мнѣ весьма обстоятельный извѣстія. По его словамъ, по царскому указу и по распоряженію брянского воеводы, мѣстные бояре провожали козацкое войско. Онъ даже называлъ поименно бояръ. Провожатыми именно были: онъ самъ, Тимоѳей Голыновъ, Федоръ Безобразовъ, Алексѣй Требашинъ, Константинъ Мясоѣдовъ и до двадцати другихъ, которыхъ лазутчикъ не помнилъ. Изъ Брянска въ Рославль они вели козаковъ по слѣдующему маршруту: Брянскъ, Леденево, Бирющекъ, Миловники, Клевитовъ, Новоселки, Черебинъ, Горошково, Жарево... Сегодня“ (продолжасть подвоеводій) „опять получиль я точное извѣстіе, что начальникъ этой сволочи, Тарасенко, уже разослалъ чаты изъ Рославля: одну въ Прудки и Череповъ, другую въ Ельлю и Дорогобужъ. Послѣднимъ городомъ они овладѣли, захватили въ пемъ пушки и запасъ пороху, склонили къ бунту всѣ окрестныя волости, и памѣрены изъ Дорогобужа идти въ Кричевъ, Мстиславъ, Могилевъ, Оршу, и затѣмъ, овладѣвъ этими городами, покуситься на Смоленскъ. Пожаръ приближается къ намъ. Уже хлопы у насъ бунтуютъ; а между тѣмъ я не располагаю никакими средствами защиты. Въ побѣзды мнѣ некого послать, кроме грунтовыхъ козаковъ. Но они не годятся для разѣздовъ: отправивъ ихъ, я бы только доставилъ непріятелю языковъ: ибо козаки эти на клячахъ, взятыхъ отъ сохи, не въ состояніи ничего сдѣлать, и сами, безъ нужды въ томъ, погибнутъ. Изъ помѣщиковъ здѣсь нѣтъ никого. Они медлятъ; затѣяли созвать сеймикъ, а между тѣмъ непріятель опустошаетъ уже край, овладѣваетъ селами, и съ каждымъ днемъ усиливается и становится опаснѣе. При козакахъ находится и отрядъ Татаръ въ 600 коней“.

Хмельницкій сдѣлалъ поджогъ съ обѣихъ сторонъ весьма искусно, да еще умудрился пустить слухъ,透过儿окъ покупныхъ людей, и о царскомъ вмѣшательствѣ въ его каверзы. Но разгорѣться огню не дали, какъ со стороны Кракова, такъ и со стороны Рославля. Мы уже знаемъ, какъ былъ уничтоженъ Небаба. Хмельницкій возлагалъ на него такую же надежду, какъ и на погибшаго въ Бѣлоруссіи Кричевскаго. Сдѣланный Хмельницкимъ въ этомъ важномъ случаѣ выборъ

можно уподобить выбору каррикатурного Зевеса относительно каррикатурного Енея:

Чи бачишъ, вінъ якій парнище?
На світі мало е такіхъ:
Горлку, такъ мовъ брâгу, хлыше:
Я въ парубкakhъ кохâюсь сихъ.

По словамъ Самовидца, козаки Небабы „зоставали безпечне, болшой бавячися пьянствомъ, анжели осторожностю, розумъючи, же юже незвичайоними зостали“. Свою *войсковою несправностию*, въ которой упрекасть его Самовидацъ, онъ погубиль и Тарасенка, въ которомъ украинская исторіографія лишилась такого же предмета прославленія, какимъ обѣщаль ей быть и Костка-Напѣрскій.

Разбивъ Небабу, князь Янушъ Радивилъ отправилъ Гонсѣвскаго на правую сторону Днѣпра, гдѣ Хмельницкій поставилъ на сторожъ въ Чернобыль Горкушу, а подъ Кіевомъ — кіевскаго полковника, Антона Ждановича; самъ же Радивилъ подступилъ къ Чернигову, гдѣ козаки наготовили множество запасовъ. Козацкій гарнизонъ бѣжалъ изъ Чернигова. Радивилъ занялъ городъ и, какъ былъ въ Польшѣ слухъ, опустошилъ понепріятельски окрестныя мѣста.

Между тѣмъ Гонсѣвскій разбилъ Горкушу. Антонъ Ждановичъ встрѣтилъ литовское войско въ 15 верстахъ отъ Кіева, и пытался отразить; но, какъ объясняли царскимъ людямъ въ Чигиринѣ, вняль совѣту кіевскаго митрополита и печерского архимандрита не подвергать козаковъ напрасной опасности и не раздражать Радивила противъ Кіева, только выполнилъ благой совѣтъ съ такой поспѣшностью, что, по словамъ жившаго тогда въ Печерскомъ монастырѣ Ерлича, побросалъ въ Кіевѣ все, даже пушки.

Радивилъ занялъ Кіевъ мирно, на сколько это было возможно при извѣстномъ хищничествѣ литовскаго войска. Лагерь свой расположилъ онъ въ „старосвѣтскихъ валахъ“ около Св. Софії, обезопасилъ Печерскій монастырь сильною стражею, а самъ занялъ квартиру въ резиденціи митрополита у Св. Софії („w pokojach Ojca Metropoly“, пишетъ Ерличъ). Но кіевские мѣщане, еще до прихода Литвы, сѣли на байдаки вмѣстѣ съ козаками, и ушли къ Переяславу, Черкасамъ и другимъ поднѣпровскимъ уѣзжимъ, такъ что Радивилъ, по словамъ Самовидца, засталъ Подольское мѣсто мало не пустымъ..

Въ это время проѣзжалъ черезъ Кіевъ къ Хмельницкому царскій подьячій, Фоминъ, вмѣстѣ съ возвращавшимся изъ Москвы агентомъ Хмельницкаго, назаретскимъ митрополитомъ Гавріломъ; но въ

донесеніи царю написалъ о своемъ пребываніи въ Киевѣ только слѣдующія слова:

„А какъ у козаковъ (Ждановича) съ Поляки (т.-е. съ Литвою) былъ бой, и кіевскіе мѣщане животы свои изъ Киева вывозили и сами выбѣжали за Днѣпръ, и въ тѣ поры, съ великого страхованья, другъ друга топтали, и межъ ими въ Киевѣ по улицамъ и на перевозъхъ тѣснота была большая. А митрополитъ (Гавріилъ) и подьячей въ тѣ поры отъ польскихъ людей, будучи въ Киевѣ, были въ великомъ страхованьї. А въ Киевѣ города и никакихъ крѣпостей нѣть, и въ осадѣ сидѣть отъ воинскихъ людей негдѣ“.

Сентября 4 Потоцкій получилъ увѣдомленіе, что князь Радивилъ идетъ на соединеніе съ нимъ съ 2.000 войска, оставилъ свой обозъ и войско подъ Киевомъ. Но еще до прихода Радивила донесли Потоцкому, что 5.000 „хлоповъ“, соединясь въ двухъ миляхъ отъ лагеря, идутъ къ Днѣпру, неизвѣстно для чего. Полевой гетманъ двинулся противъ нихъ съ четырьмя полками и съ тысячечью пѣхоты, а великий, съ нарядною кавалькадою, встрѣтилъ въ полѣ Радивила. Съ обѣихъ сторонъ (сказано въ дневникѣ) старались показать войсковую роскошь въ лошадяхъ, оружіи, панциряхъ, щеголяя кирасами, леопардовыми, тигровыми шкурами, серебромъ и золотомъ (*z wielkim splendorem wojskowym z obu stron, konno, zbrojno, pancerno, od kirysów świątynnych, lampartów, tygrysów, srebra i złota.*).

Начались взаимныя угощенія, а между тѣмъ Калиновскій, какъ было слышно, положилъ на мѣстѣ 3.000 изъ 5.000 „хлоповъ“, которые намѣревались ударить на литовскіе байдаки подъ Киевомъ и овладѣвъ ими, осадить немногочисленное литовское войско. Одновременно съ этими „хлопами“ спускались по Деснѣ къ Киеву козацкія чайки, и еслибы имъ удалось покушеніе, то оно было бы надлежащимъ коментаріемъ смѣренаго, миролюбиваго и богообоязеннаго письма Козацкаго Батька къ Потоцкому. Козацкая флотилія ударила на литовскіе байдаки 6 римскаго сентября, но безъ пособія пѣхоты ничего больше не сдѣлала.

Въ Киевѣ между тѣмъ своеевольники (какъ пишетъ Ерличъ) зажгли „для грабежа“ Подоль. На другой день пожаръ возобновился. Сгорѣло 2.000 домовъ (однихъ шляхетскихъ 300) и несколько церквей, въ томъ числѣ и Пречистая въ рынкѣ, въ которой хранились градскія и земскія книги; сгорѣли также и (братскія) „школы“.

Козаки чуали, что конецъ ихъ добычному промыслу приближается; что Лахи съ одной стороны, а Москали съ другой, какъ народы хозяйствливые, должны вступить въ свои права; что только въ единеніи

съ Татарами возможно еще кочевать въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ панскій плугъ, подъ защитой сабли, отвоевалъ у такихъ же, какъ они сами, чужеядниковъ. Къ берестечскимъ бѣглецамъ присоединялись всѣ разоренные, споеные, развращенные козачиной мужики, которыхъ кобзари тѣсно связываютъ въ своихъ думахъ съ днѣпровскимъ рыцарствомъ:

Тоді козакъ и мужикъ за пана Хмельницького Божа просивъ,
Що не одинъ жидівський жупанъ зносивъ.

Все бездомное, все задорное, хищное, пьяное поднялось въ козаки по-прежнему; а хоть и были такие селяне и мѣщане, какъ въ Паволочи, которые на призывъ Козацкаго Батька отвѣчали проклами, то ихъ, какъ вскорѣ и поволочантъ, не миравъ козацкій терроръ въ видѣ кроваваго набѣга. Омузичившаяся Малороссія дышала по-прежнему войною, которую зажигали и мщеніе панамъ за ихъ кары отъ имени королевскаго правительства, и жажды добычи, которую всѣ разлакомились, подобно звягельской кушнѣркѣ, и отвращенія къ труду, отъ котораго всѣ отвыкли.

Интеллигенція церковная, полонизованная Петромъ Могилою, умолкла съ своими наставленіями, обращенными къ Хмельницкому, привѣтствовала классическою польцізациою того самаго Постоцкаго, котораго восхваляла за его побѣды надъ *рѣбеллизантами* Поляки въ облаченіи православнаго митрополита, и хлопотала лишь о томъ, какъ бы остались цѣлы ея духовные хлѣбы. Строгая школа иночества, філія „духовной школы“ Аeonской, казалось, умерла съ великимъ представителемъ своимъ, стольнымъ затворникомъ, преподобнымъ Йоромъ Почаевскимъ, скончавшимся въ этомъ году *). Надъ антипанской паствой Ioанна Вишенскаго, Іова Борецкаго, Исайи Копинскаго господствовалъ безиравнственный козакъ, и въ глазахъ пьяной, грязной, кровавой черни былъ божкомъ, достойнымъ поклоненія. Подобно тому, какъ въ Турціи по базарамъ и караванъ-сараймъ каждая побѣда янычаръ и снаховъ немедленно воспѣвалась присяжными турецкими и славянскими бардами,—среди панихъ малорусскихъ рыиковъ, во всемъ похожихъ теперь на азіатскіе, шѣлись козацкія легенды, имѣвшія цѣлью возбуждать воинственный жаръ въ слушателяхъ. Хотя Хмельницкій говорилъ публично, что воевалъ сперва только за свою обиду, но базарные пѣвцы дѣлали его вонителемъ христіанской вѣры съ самаго начала его бунта:

*) 28 октября 1651.

Ой изъ день-годіны,
Якъ стала трівдга на Україні,
До ніхтò не може ся обібрàти
За віру християнську одностайно стати;
Тілько обізвавсь Барабашъ та Хмельницький,
Та Клиша Блоцерговський, и т. д.

Теперь война за вѣру сдѣлалась кличемъ и такихъ козаковъ, которые держали татарскимъ обычаемъ по нѣсколько женъ, и такихъ, которые продавали ихъ на рынкахъ вмѣстѣ съ прочею животиною, или, какъ поется въ пѣснѣ, промѣнивали *жінку за тютюнъ та лольку...* Смерть недостойнаго коринескаго митрополита подъ Берестечкомъ сдѣлалась въ козакомужицкой Малороссіи печатью вѣры, и даже татарское людохватство среди козаковъ истолковывалось „гонениемъ Лаховъ на благочестіе“. Между тѣмъ азіатскіе хищники, въ рукахъ Козацкаго Батька, были мечемъ обоядуострымъ. Кто бы противился новому походу на *пекельниковъ*, кто бы захотѣлъ вернуться къ прежнему порядку вощей, на того были у него палачи, быстрые въ своемъ дѣлѣ, какъ налетъ коршуна. По мановенію Козацкаго Батька исчезли бы съ лица земли цѣлые села и мѣстечки, подобно Паволочи, а люди, отвергающіе козатчину, очутились бы въ татарскихъ лыкахъ.

Испытавъ дважды предательство Исламъ-Гирея, Хмельницкій обратился къ его *козакамъ*, къ вольнымъ мурзамъ, относившимся къ ханской власти, какъ запорожскіе бандиты къ королевской. Толпы буджакихъ и другихъ ордынцевъ, составлявшія революціонный элементъ самой татарщины, по соглашенію съ Хмельницкимъ, приковывали къ Корсуню, и однимъ своимъ появлѣніемъ обеспечивали ему господство надъ Малороссіей. Объ этомъ знали и въ Москвѣ, которая не упускала изъ виду борьбы, долженствовавшей рано или поздно привести польско-русскую землю подъ высокую царскую руку.

Подьячій Богдановъ, гостившій у Хмельницкаго въ Корсунѣ по 18 іюля 1651 года, доносилъ царю,—что „около Корсуня верстъ по пяти и по шти и по десяти и больши въ поляхъ кочуютъ Татаровъ; а начальные люди у нихъ Камаметъ-мурза, воевода перекопскій, Ширинъ-мурза, Котлуша-мурза, а всѣхъ двадцать четыре человѣка; а Татаръ съ ними, сказываютъ, тысячъ съ тридцать“ (число, преувеличенное бѣглымъ гетманомъ) „и больши; а остались отъ крымскаго царя и къ гетману пришли на помочь, и кочуютъ подъ Корсунемъ безъ повелѣнья крымскаго царя, своею охотою“.

Тотъ же царскій подьячій доносилъ, что посыльныхъ Хмельницкимъ въ Москву назаретскій митрополитъ Гавріилъ, въ его присутствіи, далъ Хмельницкому такой отвѣтъ: „Великій государь, его царское величество, гетмана за то, что онъ его государскіе милости и жалованья къ себѣ ищетъ, милостиво похваляетъ, и впредь онъ, великий государь, его царское величество, его, гетмана, за его службу, въ своей государской милости и въ жалованьї держати будетъ“.

Проговоря эти слова, Гавріилъ вручилъ Хмельницкому свою рѣчъ на бумагѣ. Она была написана „бѣлорусскимъ письмомъ“ въ Москвѣ, „для того“ (какъ объясняетъ Богдановъ), „чтобы ему, гетману, великого государя, его царскаго величества, милостивое заступленія *разумѣть досконало*“. Отнеслись къ Хмельницкому прямой грамотой Москва не желала, очевидно, изъ опасенія, чтобы козаки не пустили снова въ ходъ царскаго имени, для большаго успѣха въ своихъ варварскихъ дѣлахъ.

Прочитавъ написанное, Хмельницкій, по словамъ Богданова, „учаль плакать“, понимая, конечно, въ досадѣ, что на него въ Москвѣ смотрятъ, какъ на опаснаго злодѣя, но, плача, выражалъ готовность (писалъ Богдановъ) „быть подъ государевою высокою рукою, такъ же, какъ у него, великаго государя, всякихъ чиновъ люди въ подданствѣ и во всей государской волѣ пребываютъ, и въ томъ всею Малою Русью духовного чину и свѣцкого дать на себя договорное письмо за руками, и въ томъ учинить присягу отъ великаго и до мала“.

Гавріилъ одобрилъ его намѣреніе, и что онъ, гетманъ, великому государю служитъ и его государской милости ищетъ (говорилъ митрополитъ, разумѣется, по московской инструкціи) это его царскому величеству „добрѣ угодно“. Только онъ, митрополитъ, тому дивится, что онъ, гетманъ, православный христіанинъ, а держитъ братство и соединися съ бусурманомъ и съ Крымскими царемъ и съ Татарами, будучи съ нимъ, гетманомъ, и съ Войскомъ Запорожскимъ въ братствѣ, православныхъ христіянъ побиваются и въ полонъ берутъ, и дома ихъ разоряютъ; а нынѣ онъ же, Крымской царь, пришодъ къ нему, гетману, и Войску Запорожскому на помочь противъ Поляковъ, во всемъ противъ присяги своей ему, гетману, зрадилъ и самого было его, гетмана, поневолилъ, и златное дѣло, что хотѣлъ ево польскому королю отдать для бездѣльные своей корысти, чтобъ ему, бусурману, чѣмъ себѣ большую корысть получить. А о томъ бы онъ, гетманъ, вѣдалъ подлинно: онъ, митрополитъ, въ ихъ бусурманскихъ краяхъ живеть и ихъ бусурманскіе всѣ звычай знаетъ, что они, бусурманы, людемъ православные христіянские вѣры много присягаютъ, и во

всемъ, присягнувъ, лгутъ; да они того себѣ и въ грѣхѣ не ставятъ, потому что въ законѣ ихъ написано такъ: будетъ который бусурманъ, съ гауромъ живъ въ братствѣ, умретъ, не учина ему иѣкотораго зла, за то онъ, бусурманъ, будетъ у Махмента въ вѣчной муки“.

Отвѣтъ Хмельницкаго Богдановъ передалъ въ Москву слѣдующими словами: „И самъ де онъ, гетманъ, знаетъ, что съ бусурманы православные христіянскіе вѣры людемъ братство и соединеніе держать по нсволѣ. Они де, православные христіяне, держать съ ними братство для того, чтобы святые Божіи церкви и православную христіянскую вѣру отъ польскихъ и отъ еретическихъ рукъ свободить. А они, бусурманы, съ ними братство держать для того, что вездѣ на войнахъ за ихъ головами многую корысть себѣ получаютъ, и, приходя де къ намъ, православнымъ христіаномъ большое дурно чинять“.

Умѣлъ Хмельницкій поддѣлываться подъ всякий языкъ и образъ мыслей, но московскаго соловья не удалось ему кормить баснями, какъ польского.

О катастрофѣ подъ Берестечкомъ козаки, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, рассказывали царскимъ людямъ, какъ о какой-то побѣдѣ надъ Ляхами, доводя иной разъ ложь до такого безстыдства, что на 6.000 погибшихъ въ бояхъ Ляховъ, съ козацкой стороны падало всего два человѣка да раненныхъ было человѣкъ восемь, и при томъ побитые Поляки „были, извѣстное дѣло, до бою первые люди: мало не весь въ кольчугахъ да въ панциряхъ“. Такъ отважно не лгалъ и Фальстафъ у Шекспира.

„А нынѣ де“ (писалъ Богдановъ) „и надѣ самимъ надѣ нимъ, гетманомъ, Крымской царь большое дурно учипилъ, и начомъ присягалъ во всемъ зрадиль, и ево, гетмана, взявъ, отъ козацкого обозу отвезъ въ дальня мѣста, и къ войску не отпустилъ, невѣдомо для чего, и держалъ у себя съ недѣлю, и знатное де дѣло, что у него, Крымскаго царя, о немъ, гетманѣ, былъ нѣкакой злой умыселъ. А войско де, видя то, что Крымской царь зрадилъ, и его, гетмана, взялъ съ собою, почали того, что Крымской царь сложился съ королемъ и пошелъ украинные ихъ города разорять, и жены и дѣти въ полонъ братъ, и учинилось Войско Запорожское въ великомъ страхованѣ, и обозъ покинули, и побѣжали на Украину, для того чтобы Крымскому царю украинныхъ городовъ разорить, и женъ своихъ и дѣтей въ полонъ имать не дать“.

До какой степени нужна была теперь Хмельницкому московская протекція, видно изъ дальнѣшихъ словъ, передаваемыхъ Богдановымъ своеобразно: „И то де самое большое дурно учинилось отъ его, Крым-

скаго царя, зрады, и ему де, гетману, крымской царь какой большой другъ? И только де онъ, гетманъ, и за такое большое дурно роздору никакова не учинить, и впредь, до времени, роздору учинить не мочно и всякие обиды отъ него терпѣть, потому: какъ ему, гетману, съ Крымскимъ царемъ учинить раздоръ, и онъ де, Крымской царь, сложась съ польскимъ королемъ, учнетъ на нихъ воевать, и тѣмъ де Крымской царь страшенъ. А если де великий государь его, гетмана, съ Войскомъ Запорожскимъ и всю Малую Русь всякихъ чиновъ людей приметъ, и онъ бы его, великого государя, его царского величества, именемъ былъ Крымскому царю страшенъ, и обидъ бы отъ него, Крымского царя, никакихъ терпѣть не сталъ, никакова бѣ братства и соединенія и ссылки съ Крымскимъ царемъ, безъ повелѣнья царского величества, держати не сталъ. А съ польскимъ де королемъ сложиться ему, Крымскому царю, ни которыми мѣрами не мочно, потому что великого государя подданные, донскіе козаки, Крымскому царю страшны, да и онъ бы, гетманъ, и Войско Запорожское, по указу великого государя, промысель падъ ними Днѣпромъ учинилъ, и ему де, Крымскому царю, какъ смѣть съ польскимъ королемъ сложиться? Да хотя де и будуть они въ соединеніѣ, и ихъ бояться нечево, и противъ великого государя, его царского величества, николи стоять не будутъ. А будетъ великий государь, его царское величество ему, гетману, свое государское изволеніе пришлетъ, велитъ его привезть подъ свою высокую государеву руку, и онъ, гетманъ, служа ему, великому государю, Крымского царя, конечно, учинить подданнымъ".

Но Москва знала цѣну и слезамъ, и словамъ интригана, принужденаго переходить отъ Корана къ Евангелію и отъ Евангелія къ Корану. Тотъ же Богдановъ вывѣдалъ отъ Выговскаго, что даже кіевскій митрополитъ, съ партіей свѣтскихъ людей, противныхъ козачинѣ, „хотять быть въ подданствѣ и во всей королевской волѣ“. Хмельницкій все твердилъ о православной вѣрѣ, а верховникъ православія въ Малороссіи писалъ между отъ лица всѣхъ единомышленниковъ своихъ къ Радивилу, что „если козаки противъ короля стоять и войну ведутъ и Кіевомъ владѣютъ, такъ это дѣлается не по ихъ волѣ“. Мало того: самое занятіе Радивиломъ Кіева состоялось по ходатайству предъ нимъ Сильвестра Косова, который убѣждалъ полковниковъ Хмельницкаго не отстаивать города, дабы не навлечь бѣды на православное духовенство и разоренія на кіевскія святыни. Митрополитъ Кось тѣмъ больше былъ въ правѣ защищать Кіевъ по своему, что Хмельницкій, разрушая католические храмы, не позаботился объ охраненіи православныхъ. „Въ Кіевѣ города и крѣпостей никакихъ нѣтъ, и въ осадѣ сидѣть отъ

воинскихъ людей негдѣ“, доносить въ Москву ѡоминъ. Даже для спряту паграбленныхъ у пановъ сокровищъ не устроили козаки ни одного зѣмка, не только для охраны древнихъ святынь той вѣры, за которую будто бы они „помирали“.

Видя неподатливость Москвы даже на такія посулы, какъ подданство Крымскаго хана, Хмельницкій обратился къ домашнимъ средствамъ защиты отъ угрожающей ему бѣды. Съ веселымъ и самоувѣреннымъ видомъ лицедѣй-козакъ появился среди козацкаго вѣча па Масловомъ Ставу, а между тѣмъ распустилъ слухъ, что у него готовится пиръ на весь міръ по случаю новой, третьей женитбы на сестрѣ нѣжинскаго полковника, Золотаренка. Этимъ союзомъ хотѣль онъ упрочить за собой приверженность популярнаго и богатаго полковника, а широкою свадебною попойкою расположить къ себѣ козацкое общество. Между тѣмъ одинъ изъ его агентовъ работалъ въ Царьградѣ, а другой въ Крыму. Козацкое вдохновеніе, ослабѣвшъ немногого отъ кровопусканія подъ Берестечкомъ, воспрянуло съ новою силой:

„Гей, вырѣжио вражихъ Ляховъ,
Гей, що до однѣго“!

воскликали козаки въ своихъ кабачныхъ сбороищахъ,—и пустыня, лишенная красоты хозяйственной, красовалась лохмотьемъ панскихъ да жидовскихъ жупановъ, развѣвавшимся на голомъ тѣлѣ козаковъ-нѣтягъ въ дикихъ танцахъ. Наступавшее на Украину коронное и литовское войско придавало козацкому разгулу характеръ того пьянства, которому предаются отчаянные пираты на погибающемъ кораблѣ среди бурного моря.

Реакцію козакамъ въ Крыму дѣлали съ одной стороны коронный гетманъ, Потоцкій, а съ другой—воловскій господарь, Лупуль. Они успѣли малорусскій бунтъ представить дѣломъ ненадежнымъ, а дружбу съ козаками для хана унизительною. Исламъ-Гирей колебался, и, какъ мы знаемъ, уже послалъ козацкому гетману наставлениѳ, чтобъ онъ не пьянствовалъ, а просилъ Бога о побѣдѣ. Въ Малороссіи также окозачившіеся шляхтичи противодѣйствовали, сколько могли, завзятости боевой массы, которая воображала возможнымъ истребить Ляховъ такъ, чтобъ не осталось ни одного на свѣтѣ, и заставляла самого Хмельницкаго повторять эту вздорную фразу. Козацкое шляхетство старалось устроить компромиссъ между козаками и землевладѣльцами. Оно составляло свои замкнутые, таинственные кружки и, возбуждая подозрительность общаго вождя, заставляло его тѣмъ самыми сближаться тѣснѣ съ козацкою голотою, такъ что онъ подпи-

сывался уже *Богданъ Хмельницкій и вся чернь Войска Запорожскаго*. Для этого класса такихъ же полу-Поляковъ, какими были Петръ Могила, Сильвестръ Косовъ, Іосифъ Тризна, Адамъ Кисель, московское подданство представлялось немногого лучшимъ турецкаго. Сравнительно образованный и богатый добычею шляхетный классъ тянуль и церковную іерархію вспять. Составляя вмѣстѣ съ нею интеллигентію края, онъ былъ увѣренъ, что церковная іерархія можетъ собственными средствами, безъ козацкой войны, добиться того положенія въ панской республикѣ, какое занимала она до 1596 года, то-есть возвратить духовные хлѣбы изъ рукъ папистовъ въ руки православниковъ: а въ этомъ заключалась для нея и вся суть религіознаго вопроса.

Хмельницкій между тѣмъ зналъ, что польско-русская шляхта не простить ему своего поруганія и своихъ утратъ. Козацкая чернь также знала, что ее ждетъ возмездіе за тѣ страшныя злодѣйства, которыя она четвертый годъ уже совершаєтъ въ Малороссіи подъ видомъ стоянья за православную вѣру. Отсюда между козацкимъ ханомъ и козацкой ордой возникла тѣсная связь самосохраненія; отсюда явилось обязательное для Козацкаго Батька стремленіе подъ царскую высокую руку, какъ подъ единое надежное убѣжище отъ казни. Хмельницкому надобно было добить Шляхетскій Народъ, „очистить“ землю отъ заклятыхъ враговъ своихъ, или по крайней мѣрѣ совершенно обезсилить ихъ: тогда только могъ онъ эквилибрировать между магометанскимъ и христіянскимъ міромъ, которые оба давали щедрый контингентъ козачинѣ своими гультаями и преступниками. Но что никогда не думалъ онъ быть вѣрнымъ подданнымъ царскимъ, въ этомъ удостовѣряютъ насъ его сподвижники и преемники Выговскій, Тетера и Дорошенко.

Отпраздновавъ свадьбу широкими вакханаліями и вернувшись себѣ популярность у черни Запорожскаго Войска, принялъ Хмельницкій за переговоры съ панами, и вотъ онъ встрѣтилъ Потоцкаго сладконаглаголивымъ письмомъ своимъ, которое было прологомъ къ новой законопанской трагикомедіи.

Сентября 8 прибыли къ Потоцкому послы Хмельницкаго, Андрей Кулька и Романъ Лятошъ. Въ собраніи военной рады Кулька упалъ къ ногамъ Потоцкаго съ мольбой о помилованіи, а потомъ оба послы раздали просительныя письма главнымъ членамъ панского ареопага. Въ этихъ письмахъ увѣряли они, что искренно желаютъ приступить къ переговорамъ, а самъ Хмельницкій просилъ прислать какого-нибудь разумнаго человѣка, съ которымъ бы онъ могъ совѣщаться чрезъ посредство писаря Выговскаго. Такимъ человѣкомъ оказался у Пото-

лонусовъ панъ Маховскій, въ безопасности котораго старшина присягнула.

Переходъ пановъ отъ ожесточенія къ уступчивости и довѣрію показываетъ, что они находились въ обстоятельствахъ крайне затруднительныхъ. 9 сентября отправился къ Хмельницкому Маховскій, а 10 въ походномъ дневникѣ записали они слѣдующее:

„Сегодня мы двинулись изъ-подъ Василькова къ Германовку, и остановились надъ селомъ Троского, куда приходитъ къ намъ извѣстіе, что непріятель вырѣзаль Паволочь. Гарнизонъ пана старосты калусского долженъ быть отступить къ Котельничу, потерявъ 10 человѣкъ изъхоты. Хвастовъ также заняли 1.400 козаковъ, которые побили много нашей челяди, а мы со всѣхъ сторонъ окружены непріятелемъ“.

Съ своей стороны и Хмельницкій игралъ въ кровавую игру на послѣднія свои средства. Подъ 11 сентября въ походномъ панскомъ дневникѣ читаемъ:

„Хмельницкій прислалъ двухъ козаковъ подъ Киевъ, наказывая перемирие и на водѣ и на суши. И такъ около Киева остановилась война; а то козаки начали было уже наступать на литовское войско съ днѣпровскихъ острововъ, и оторвали три байдака, хотя и сами потерпѣли не малую шкоду: ибо ихъ поражали изъ пушекъ отъ Никольского монастыря, и затопили девять чаекъ съ народомъ. Тѣ же два козака отправились къ Лоеву и Любечу, объявляя перемирие, чтобы козаки перестали осаждать тамошніе литовскіе полки“.

Сентября римскаго 12 панское войско взяло полторы мили въ сторону подъ Копачовъ ради воды. Тамъ козацкій языкъ далъ панамъ знать, что Хмельницкій стоитъ на Ольшанѣ, и Татары тамъ же. Одинъ Татаринъ, въ панцыре, прискакалъ на бахматѣ, для того чтобы сказать о многомъ Потоцкому; но челядь убила его изъ-за панциря и бахматѣ. Языки показали, что множество скота не позволяетъ Ордѣ думать о битвѣ; что Хмельникъ стоитъ на урочищѣ Рокитна; что козаки требуютъ отъ него мира, и всѣ ропщутъ на Татаръ за похищеніе у нихъ женъ и дѣтей. Далѣе дневникъ разсказываетъ характеристической случай:

„Нѣсколько десятковъ козаковъ застали 20 человѣкъ нашей челяди въ пасѣкѣ. Челядь бросилась въ разсыпную. Одного поймалъ козакъ, содралъ съ него конушъ и кричалъ: „На що вы исуетѣ землю? на що лупите пасїкѣ? Мы знаємо, що въ васть прорубили—не исувати, не палити, пасїкѣ занехати.“ Челядь стала оправдываться: „Мы де не знали объ этомъ“. Козаки отвѣчали: „Старши сказали намъ, що

вже миръ буде; вы землі не псу́йте“. Тутъ замѣтили козаки одного чужеземца между челядью, начали колотить самопалами и рвать на немъ волосы съ крикомъ: „А ты на що землю псуёшь? Иша (річъ) Ляхамъ, а йша вамъ: бо ты чоловікъ позыченый,— и, оборвавъ на немъ волосы, отпустили“.

Сентября 13 становился Потоцкій подъ Германовкою, а литовское войско, прійдя изъ-подъ Киева, расположилось въ полумилѣ. Войска соединились передъ козацкими послами, которые прибыли съ Маховскимъ. Козаки хвалились, будто бы у нихъ 40.000 Татаръ; но Маховскій вывѣдалъ, что всего только 6.000. „Разсказывалъ Маховскій“ (говорить походный дневникъ) „о сдѣланномъ ему довольно почтительномъ и пристойномъ пріемѣ, и какіе разговоры и шутки были съ обѣихъ сторонъ, также и о разладѣ съ Ордою, и о Берестечской войнѣ, какъ она сдѣала страшнымъ королевское имя... Междуд прочимъ сама червь признавала, что подъ Берестечкомъ одна королевская пуля была сильнѣе сотни козацкихъ; что когда въ пятницу били изъ пушекъ, то мы едва не провалились въ землю; какъ ханъ постыдно бѣжалъ, хотя клялся Магометомъ, что вернется за дѣ мили. Хмельницкій же самъ шутя совѣтовалъ пану Краковскому жениться, какъ сдѣлать онъ: „бо тимъ робомъ скорше буде миръ: бо и я, и вінъ хапати мемось до жіонокъ; а поїди бudemо вдовціми, дакъ більше бйтимемось, аніжъ седітимемъ тіхъ“. Когда Маховскій отдавалъ комиссарскій листъ, Хмельницкій мѣнялся въ лицѣ, и былъ очень огорченъ, что ему паны комиссары не дали гетманского титула; а полковникъ Джеджалла тотчасъ началъ браниться и кричать, что „не годилось такъ боронити нашому добродієві гетьманського титулу“. Но Маховскій такъ успокоилъ ихъ раціями и примѣрами, что всѣ замолчали и, настороживъ уши (podniesionemi uszami) слушали тотъ листъ, а по прочтеніи его и по удаленіи стороннихъ (semotis arbitris), предложилъ Маховскій Хмельницкому разрывъ съ Ордою. Къ этому онъ отнесся сомнительно и подозрительно, обѣщаю лучше вмѣстѣ съ Ордой идти на Туровъ. Три часа препирались они обѣ Ордѣ. Маховскій нѣсколько разъ попривался отъѣхать, ничего не сдѣлавши; но Выговскій задержалъ его, и съ нимъ опять спорили часа три. Маховскій обнадеживалъ его королевскою милостью и возстановленіемъ чести его на сеймѣ, если приведеть Хмельницкаго къ войнѣ съ Татарами. Ибо Выговскій владѣть сердцемъ и умомъ (posiada cor et mentem) Хмельницкаго, и распоряжается имъ, какъ отецъ сыномъ. Послѣ того заперся Выговскій съ Хмельницкимъ и такъ долго усиливался навести его на лучшія мысли, что дошло у нихъ даже до ссоры, и уже Выговскій уходилъ

съ досадою, но Хмельницкій упросилъ его вернуться. Тогда приступили къ другому вопросу,—чтобы самъ Хмельницкій явился съ Выговскими въ нашъ лагерь для трактовать, довѣрившись нашему слову; что они, вѣроятно, и сдѣлали бы, но чернь и полковники ни подъ какимъ видомъ на это не соглашались, говоря, что опасаются, какъ бы они не остались такъ въ ляшескомъ войске, какъ и Крыса подъ Берестечкомъ; а когда Маховскій никоимъ образомъ не хотѣлъ отступить отъ этого порученія, Выговскій почти на колѣнахъ просилъ его, чтобы съѣздъ комиссаровъ съ козацкими депутатами былъ назначеннъ въ Бѣлую Церковь: ибо и въ полѣ нельзя было безопасно трактовать въ виду своевольной Орды. Для большаго удостовѣренія пановъ комиссаровъ, Хмельницкій присягнулъ со всѣми полковниками, на колѣнахъ съ поднятыми пальцами, сохранить данное слово”.

Послѣ долгихъ совѣщаній, паны рѣшили—вручить комиссарамъ кredенсъ къ Запорожскому Войску и 24 пункта, о которыхъ они должны будуть трактовать. Комиссары отправились 16 сентября въ Бѣлую Церковь, подъ прикрытиемъ двухъ полковъ и 500 драгунъ, съ тѣмъ чтобы съ ними остались только драгуны. То были: кіевскій восвода Адамъ Кисѣль, смоленскій воевода Кароль Глѣбовичъ, литовскій стольникъ Викентій Гонсѣвскій и брацлавскій подсудокъ Казимиръ Косаковскій. Глядя на богатство, какъ на внушиительную эмблему силы и власти, они взяли съ собой скарбовые возы, не сообразивъ того, что въ козакахъ и Татарахъ эта выставка, вмѣсто уваженія къ посламъ, возбудить жажду къ поживѣ.

По отѣзду комиссаровъ, паны тотчасъ увидѣли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. На панскій лагерь наскочили Татары, въ числѣ 1.000 коней, и „сдѣлали не малую шкоду въ челяди“: нахватали людей и лошадей. Пустились жолнеры въ погоню, но настигли одного только хищника, который показалъ, что пришелъ Карабѣй съ 4.000 Татаръ, а другіе отряды стягиваются, но хана и султанъ-галги не будетъ, и едвали придется больше Орды. Между тѣмъ козаки выказывали крайнее ожесточеніе къ панамъ, и кричали со всѣхъ сторонъ: „Чого ці бунтовники Ляхі прийшли сюды? Вже жъ король вернѹвсь. Се вже не вѣща земля, а царська“. Даже мужикамъ, остававшимся въ тылу панского войска, козаки грозили, что будутъ истреблять и ихъ самихъ, и ихъ имущество, а Шаволочь, раздѣлившуюся на ся между хмельничанами и панщинами, намѣревались „пустить съ дымомъ къ небу“.

Комиссары не возвращались изъ козакотатарского омута, и не было никакой вѣсти о нихъ. На другой день панскій подѣзду не

могъ узнать о нихъ ничего, а нашелъ только въ полѣ воткнутый въ землю шесть съ запиской на литовскомъ языке. Комиссары просили Радивила поскорѣе прислать сильный конвой и спасать ихъ отъ бунтующаго хлопства.

Записка встревожила все войско. Паны горько раскаивались въ своемъ довѣрии къ варварамъ. Немедленно былъ отправленъ къ Бѣлой Церкви полевой гетманъ со 130 хоругвями для обезпеченія комиссаровъ. Никто не вышелъ къ нимъ изъ города, и отправленные въ городъ посланцы не вернулись, а между тѣмъ козаки подступили къ Бѣлой Церкви таборомъ, и хоругви, проголодавшись, вернулись въ великой тревогѣ. Былъ уже вопросъ о томъ, чтобы двинуться впередъ всѣмъ войскомъ и биться за комиссаровъ на прощалую. Но сперва отправили письмо къ Адаму Кисѣлю, чтобы освѣдомиться, живы ли комиссары. Въ безпокойствѣ, въ мученіяхъ стыда и раскаянья прошли цѣлые сутки. Но въ полдень пробѣжалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что комиссары возвращаются, только Татары насѣли на ихъ конвой, и они просятъ помощи. Бросилось все войско къ лошадямъ и оружію. Навстрѣчу комиссарамъ выскочило тысячи три коронныхъ и литовскихъ охотниковъ, выступила въ поле пѣхота и рейтарія полками, а вмѣсть съ ними и множество челяди, которой при коронномъ войскѣ насчитывали не менѣе 15.000, да при литовскомъ было навѣрное 6.000.

Комиссаровъ благополучно встрѣтили на пути; но скарбовые возы ихъ разграбили уже Татары и козаки, такъ что комиссары потеряли все свое имущество, и остались только съ тѣмъ, что было на нихъ (*tylko jak chodzili, tak byli zostawieni*). Авторъ походнаго дневника исчисляетъ потерю ихъ, возбуждаа сожалѣніе въ своемъ обществѣ и смѣхъ въ нашемъ: „У пана воеводы смоленскаго“ (пишетъ онъ) „и пана стольника литовскаго расхищено не менѣе, какъ на 100.000 золотыхъ деньгами и серебромъ, въ томъ числѣ дорогой перстень и діамантовая запона съ парою такихъ же петлицъ; у пана кіевскаго воеводы—серебро, коней и палатки на 18.000 золотыхъ; у пана брацлавскаго подсудка—на 6.000 золотыхъ*); и которому изъ черни не досталось какой-нибудь драгоценности, тѣ рвали съ рыдановъ опоны на куски, и потрясая, хвалились, что это—ляцька здѣсь. Мы привѣтствовали пановъ комиссаровъ съ невыразимою радостью: ибо считали ихъ уже погибшими (*obżałowali, jako zgubione głowy*)“.

*.) По извѣстію Освѣціма, Кисѣль и Косаковскій утратили болѣе, чѣмъ на 30.000.

Только тогда признали въ лагерь безразсудствомъ со стороны полеваго гетмана, что онъ вернулся вчера съ сотнею хоругвей, не дождавшись комиссаровъ. Комиссары отдавали справедливость Хмельницкому, что погибли бы въ Бѣлой Церкви, когда бы не онъ, не Выговскій и не полковники Хмелецкій, Гладкій, Богунъ и Бромецкій. По ихъ разсказу, Хмельницкій искренно желалъ мира вмѣстѣ со всею старшиною; но дерзкая чернь разъ пятнадцать пыталась братъ въ замочкѣ „приступомъ и измѣною“. Полковники рубили своеольныхъ саблями, били обухами, а одного козака Богунъ обезглавилъ, когда тотъ, при видѣ сѣбѣстныхъ припасовъ для комиссаровъ, закричалъ: „Дакъ се мы складатимемо Ляхамъ стацію!“ Выговскій, увидѣвъ смоленского воеводу и литовскаго стольника (у которыхъ было больше другихъ *оказалости*), сказалъ: „Не сѣ ума ли вы сошли пани? прїхали къ мужикамъ въ огоны! И мы, обороняя васъ, погибнемъ“. Но такъ усердно всѣ „трактовали“ комиссаровъ, что и спали вмѣстѣ съ ними, разгоняя бунтовщиковъ. „Развѣ по напіимъ трупамъ доберутся до васъ“, успокаивали они своихъ гостей, не въ примѣръ такимъ „совершеннѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ людямъ“, какихъ прославляютъ кіевскіе профаны. Татары всего больше порывались на литовскаго стольника. Одинъ изъ нихъ пустилъ изъ лука стрѣлу въ замковое окно, и едва не убилъ Киселя, а другой стрѣлой—литовскаго стольника.

Вотъ все, чѣмъ намъ известно изъ достовѣрныхъ источниковъ о пребываніи комиссаровъ среди козакотатарской орды въ Бѣлой Церкви. Чѣмъ касается самихъ переговоровъ, то въ уцѣлѣвшихъ письменахъ не упомянуто вовсе о трехъ важныхъ пунктахъ, предложенныхъ панами козакамъ, какъ побѣдителями побѣжденными, и упомянутыхъ только въ дневникѣ Освѣціма: 1) чтобы Хмельницкій уплатилъ коронному войску жолдъ за вѣсколько четвертей года; 2) чтобы козаковъ осталось въ реестрѣ только въ 12.000, и 3) чтобы на мѣсто Хмельницкаго быть выбранъ гетманомъ кто-нибудь другой. Освѣцімъ пишетъ, что козаки въ началѣ согласились было на уплату жолда и на 12.000 реестровиковъ, но Хмельницкій оставилъ гетманомъ попрежнему, и потомъ первыя два условия отвергнуты...

Въ этомъ извѣстіи есть что-то недосказанное. Вѣроятно, Хмельницкій и Выговскій съ братіей согласились на два первыя условія только для того, чтобы комиссары не настаивали на выборѣ гетмана, а когда вопросъ о гетманствѣ былъ решенъ въ пользу Хмельницкаго, тогда онъ—выражусь по-малорусски—изъ ихъ же хворосту да имъ же загнувъ и карлючку; а загибая карлючку, онъ больше ниче-

го не долженъ бытъ дѣлать, какъ довести подъ рукой до свѣдѣнія черни о ляшескихъ требованіяхъ,—и вотъ Освѣтіемъ пишеть: „Эти условія вызвали среди козаковъ большое волненіе. Чернь вознегодовала на Хмельницкаго: „Ты здобувъ себѣ славу и збагативъ нашими головами, а теперъ еднаеся зъ Ляхами, выпишуешь насъ изъ лестра, Ляхамъ насъ подаешъ! Вони сидутъ намъ на шию, и т. п.“.

На вѣръ прочие пункты козаки согласились, но потомъ раздумали, и прислали къ панамъ двухъ полковниковъ, Москаленка и Гладкого, трактовать вновь о трехъ пунктахъ: 1) число реестровиковъ соглашались они уменьшить лишь до 20.000; 2) настаивали, чтобы панское войско въ козацкихъ полковыхъ городахъ не квартировало; 3) не соглашались бить Орду и отдать панамъ татарскихъ мурзъ.

Москаленко и Гладкий боялись въ панскомъ лагерѣ за расхищеніе комиссарскихъ возовъ, и спросили у сеномирскаго хорунжаго: „Пане Чернѣцкій! чи насъ не постиняють за те, що папівъ комиссарівъ пожакували? — „Мы не насиливъ права народа“, отвѣчалъ съ благородной гордостью пітомецъ іезуитовъ, не сознавая, что насилие надъ самимъ священнымъ изъ народныхъ правъ, надъ свободой религіозной совѣсти, вызвало Польшу на боевой судъ съ недополаченою Русью.

Черезъ вѣсколько часовъ козацкіе уполномоченные получили такую декларацию: „Такъ какъ вы бить Орду не хотите, то отрекитесь отъ нея клятвенно, а мы сами покараемъ ее, безъ вашего вмѣшательства“. Послѣ долгихъ переговоровъ, паны согласились на 15.000 реестровиковъ, а Потоцкій обѣщалъ охранить отъ жолнерскихъ постоевъ полковые города: Каневъ, Чигиринъ, Корсунъ, Переяславъ и Черкасъ. Что касается кривды комиссаровъ, то они объявили, что, ради благъ мира, отдаютъ ее Богу и отчинѣ, а такъ какъ передъ ихъ глазами Хмельницкій тотчасъ велѣлъ обезглавить 15 хищныхъ козаковъ, то желали только, чтобъ и грушихъ подвергли такой же карѣ.

„Достойно замѣчанія“ (сказано въ походномъ дневнику), „что чернь сожалѣла о литовскихъ панахъ, говоря: „Когда бы Ляхи сами были комиссарами, то не вышли бы отсюда; но эти хорошие паны (tak grzezcze panowie) не виновны передъ нами: только это и спасло ихъ отъ разнузданной сволочи (rgzed wynzdany mtołochem)“.

Давъ знать козакамъ, что идетъ принять отъ нихъ вѣрноподданническую присягу, Потоцкій двинулся изъ-подъ Германовки 20 сентября. Оба войска, коронное и литовское,шли рядомъ, въ боевомъ порядке. „Строй нашихъ войскъ“ (говорится въ дневнике) „оказался огромнымъ: ибо и тaborъ бытъ окружаетъ войскомъ. Коронные возы

шли въ 74 ряда, а литовскіе въ 40, по широкой равнинѣ. Чело войска занимало по малой мѣрѣ такую линію, какъ отъ Варшавы до Воли, а въ длину возы тянулись на громадную подольскую милю, въ большомъ порядке... Посмотрѣвъ на такое прекрасное войско, конное, оружное, панцyrное, огромное, обстрѣлянное и хорошо обученное, какъ мы посматривали на него съ высокихъ могилъ, надобно было заплакать вмѣстѣ съ Ксеркомъ,—не о томъ, что отъ этихъ людей ни одного не останется черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, а о томъ, что столь огромное войско должно терзать собственныя внутренности, и что оно не обращается противъ оттоманской силы, которой пришелъ бы конецъ".

Вотъ исповѣдь факта, что не козаки разрушили Польшу, а сама шляхта, продуктомъ которой былъ безнаказанный грабитель, жолнеръ, и беспощадный руинникъ, козакъ!

„Цѣлую ночь" (сказано дальше въ дневнике), „какъ остановились мы на походѣ, такъ и ночевали, не допуская сна къ нашимъ глазамъ".

Подъ Бѣлою Церковью Потоцкій получилъ отъ Хмельницкаго письмо, въ которомъ тотъ выразилъ удивленіе, что панское войско приблизилось, и просилъ комиссаровъ сѣѣхаться съ козацкими уполномоченными на уроцищѣ Гострый Камень, въ 300 коней съ той и другой стороны.

По вчерашнему соглашенію, съ панскої стороны выѣхало 12 особъ для переговоровъ о нѣкоторыхъ пунктахъ относительно присяги. Подъ Гострою Могилою была разбита для нихъ палатка, а въ четырехъ выстрѣлахъ отъ нея стоили три гусарскія хоругви. Козаки требовали, чтобы хоругви отошли къ лагерю; но паны видѣли, что они съ умысломъ скрыли Татаръ въ сосѣдней пасѣкѣ. Хоругви все-таки отступили немнога въ сторону. Тогда козаки потребовали отъ пановъ заложниковъ. Дали имъ въ заложники шляхтичей Тишу и Люлю. Наконецъ прїѣхало къ палаткамъ 12 простыхъ козаковъ и только одинъ межъ ними изъ старшинъ, на прозвище Ордынецъ. Поклонясь панамъ, одинъ козакъ началъ говорить, что гетманъ ихъ и Запорожское Войско требуютъ трехъ пунктовъ: 1) чтобы Зборовскій договоръ былъ сохраненъ вполнѣ; 2) чтобы жолнеръ вышелъ отсюда, и не располагался постоемъ; 3) чтобы паны не разрывали дружбы козаковъ съ Татарами: ибо татары—сторожа козацкой свободы.

Паны съ изумленіемъ указали на состоявшееся уже соглашеніе. Козаки отвѣчали: „Мы разѣхались изъ паномъ гетьманомъ. Не знаемо, не вѣдимо, що міжъ вами булó, а військо съ тимъ насы послало". Кисѣль съ жаромъ (*patetice*) сталь ихъ уговаривать; но козаки

были къ его краснорѣчію глухи. Согласились только посовѣтоваться съ Выговскимъ, и лишь только уѣхали, тотчасъ возвратили панамъ заложниковъ.

Чтобы застращать козаковъ, Потоцкій двинулся къ ихъ табору. Правымъ крыломъ вызвался командовать князь Радивиль, по замѣчанію дневника, жадный къ славѣ: ему предстояла наибольшая опасность со стороны болота, рвовъ и козацкихъ пасѣкъ. Лѣвымъ командовалъ Калиновскій, центромъ — Потоцкій. Подпоеенные бочками горілки козаки высыпали съ Татарами въ поле и смотрѣли изъ-за могилъ на движеніе панского войска, которое генераль Пршиемскій построилъ въ боевой порядокъ, подобный берестечскому. Языки показали, что непріятель покрылъ все поле. По почину Радивила, произошла весьма серьезная стычка. Козаки нѣсколько разъ были прогнаны подъ самый таборъ. Два панцрыниес сотника козацкихъ попали въ плѣнъ, но были такъ пьяны (по словамъ дневника), что не могли и говорить.

На другой день, сентябрь 24 (14) Хмельницкій прислалъ къ Потоцкому плѣнного жолнера съ выражениемъ своего удивленія: онъ де не вѣльѣ выходить своему войску, и стычка произошла противъ его воли. Это де одни своеольники съ чужеземцами (т.-е. Татарами) вышли. Онъ радуется, что не произошло большаго кровопролитія, и обѣщаетъ выслать своихъ пословъ для заключенія мира. Ему отписали, что согласны на миръ; но со стороны козаковъ продолжалась война, съ участіемъ гарматъ. Татары и козаки заходили со всѣхъ сторонъ, и до поздняго вечера кипѣлъ въ разныхъ мѣстахъ самый разнообразный бой. Но сколько хмельничане ни крутили веремія Ляхамъ, сколько ни танцевала татарскій танецъ Орда, перевѣсь боеваго счастья былъ на сторонѣ панской. Особенно досталось козакамъ отъ Радивила.

Когда совсѣмъ уже стемнѣло, прибыль отъ Хмельницкаго вѣстника. Онъ де позабылъ включить въ договоръ нѣкоторые пункты, ка-сающіеся святой вѣры (*niektórych punktów do wiary s. potrzebnych zapomniał przed tym*), и завтра пришлетъ пословъ.

25 сентября, въ ожиданіи обѣщанного посольства, происходили безпрерывныя стычки съ Татарами. Множество панской челяди, возвращавшейся съ фуражемъ, погибло. Литовцы поймали двухъ козаковъ, и узнали, что множество черни вышло къ сосѣдней Роси. Паны вывели свое войско въ поле, а козаки засѣли въ болотъ и заросляхъ. Но проливной дождь заставилъ всѣхъ убраться въ свои таборы, и не прекращался до слѣдующаго дня.

26 сентября прїѣхали три козацкіе посла съ требованіемъ, чтобы число реестровиковъ было 20.000, и чтобы козаки могли быть въ

Винницѣ, Брацлавѣ и Черниговѣ, по крайней мѣрѣ по королевщинамъ. Коммиссарамъ было не до упорства. Голодъ въ панскомъ войскѣ воз-расталъ съ ужасающей быстротою. Отъ непогоды, продолжавшейся трои сутки, умерло 300 иностранныхъ жолнеровъ. Больныхъ было страшное множество. А между тѣмъ еще въ началѣ сентября паны получили изъ Киева донесеніе, что войско Хмельницкаго возросло до 60.000; что Татаръ у него 15.000; что ежеминутно ожидаются изъ Крыма 30.000, тогда какъ панского войска, при началѣ похода, насчитывали только тысячъ 30. Теперь оно поуменьшилось, позаразилось, ослабѣло силами и, чтѣ всего хуже, подъ видомъ болѣзни, множество шляхты и Нѣмцевъ уходило домой, набравши лошадей и скота, а нѣ-которые, отъ великой нужды, передавались козакамъ. Чтобы представить всю грозу положенія, въ какомъ очутились паны завоеватели, до-статочно сказать, что, по окончаніи Бѣлоцерковской или Украинской войны, у Потоцкаго и польского и чужеземнаго войска осталось все-го до 18.000. Въ тылу у разслабленного остатка Берестечской арміи козаки заняли проходы. Любечъ и Лоевъ, занятые литовцами, держа-ли они въ осадѣ; овладѣли Брагиню; сожгли мостъ въ Загалѣ; а на подкрѣпленія отъ короля не было никакой надежды.

Въ силу такихъ внушительныхъ обстоятельствъ, согласились па-ны и на 20.000 реестровиковъ, но подъ условiemъ, чтобы не было козаковъ ни въ Брацлавѣ, ни въ Черниговѣ, даже и по королевщи-намъ. Съ этимъ отвѣтомъ оправили одного изъ козацкихъ пословъ къ Хмельницкому, вмѣстѣ съ Зацвилиховскимъ.

За обѣдомъ у Потоцкаго, одинъ изъ козацкихъ пословъ, Романъ Катержный, сказалъ: „Милостивый пане Krakovskij! чомъ вы не пу-скали насъ па морѣ підъ Tûrka? Не булобъ у яшай землі сёгро ліха“

На это Потоцкій отвѣчалъ: „Что мы теперь терпимъ, то все ра-ди турецкаго цесаря: ибо мы, охраняя панство его, обратили собствен-ное въ ничто“, — и при этомъ едва ли вспомниль, что самъ онъ былъ главнымъ орудіемъ реакціи Владиславу IV въ его порывахъ къ Ту-рецкой войнѣ.

„Теперь же вже“ (сказалъ козакъ) „нехайди намъ королівська мі-лость и Rіч Посполита не боронить моря: бо козакъ безъ войны не проживе“.

„Всѣ мы съ этимъ согласились“ (пишеть мемуаристъ), „приба-вивъ, что хоть бы и сейчасъ хотѣли идти, идите“!

Уже паны думали, что совсѣмъ удовлетворили Хмельницкаго, какъ онъ опять прислалъ съ двумя условіями: первое, чтобы до Рож-дества Христова, пока не выпишетъ онъ козаковъ изъ реестра, жол-

неры не стояли въ Брацлавскомъ и Черниговскомъ воеводствахъ; второе, чтобы ему Потоцкій уступилъ Черкасы и Боровиць.

Хотя, по мнѣнію пановъ, это были самыя несправедливыя условія (*iniquissimae conditiones*), но, покоряясь бѣдственнымъ своимъ обстоятельствамъ, они продлили срокъ до русскаго Николая, и утѣшили себя тѣмъ, что Хмельницкій шепнуль Зацвилиховскому: „Се я роблю задлія поспѣльства. Пропаѣвъ бы я, коли бъ згодивъ на це при брацлавцахъ. А якъ ихъ роспушу, дакъ хочъ и заразъ у нихъ становитеся“.

Что касается Черкасъ и Боровицы, то Потоцкій объявилъ, что этого не можетъ сдѣлать безъ воли его королевской милости, развѣ на сеймѣ надобно постараться.

Тогда Хмельницкій объявилъ, что желаетъ пріѣхать на присягу въ панскій лагерь, только бы дали ему въ заложники двѣ знатныя особы. Паны дали въ заложники литовскаго подстолія и красносавскаго старосту, Марка Собіскаго. Когда Хмельницкій сидѣлъ уже на конѣ, полковники удерживали его и отсовѣтывали, но Зацвилиховскій своимъ давнишнимъ пріятельствомъ привель его къ рѣшимостиѣхать. „Вѣдь мы имѣемъ дѣло съ королемъ и Рѣчью Посполитою“ (сказалъ Хмельницкій своимъ): „намъ трѣба хилитись до нихъ, не имъ до насъ“.

Каковы бы ни были соображенія старого Хмеля въ этомъ замѣчательномъ случаѣ, мы впервые на коварномъ его пути видимъ оправданіе сдѣланнаго Шекспиромъ наблюденія, что нѣть между людьми такого злодѣя, въ которомъ бы не осталось ничего человѣчнаго. Онъ зналъ пановъ настолько, что, послѣ всѣхъ своихъ злодѣйствъ, рѣшился ввѣрить себя ихъ рыцарской чести. Онъ былъ даже способенъ каляться.

„Когда привели его въ лагерь“ (пишетъ авторъ походнаго дневника), „онъ, войдя въ палатку пана Краковскаго, упалъ къ его ногамъ (*upadł do nog*), биль челомъ въ землю и плакалъ (*czolem w ziemię bijąc i płacząc*) Потомъ, поднявшись, просилъ простить ему проплное. Панъ Краковскій отвѣчалъ, что давно уже подарилъ свою кривду Богу и отчинѣ: ибо все это сдѣгалось Господнимъ попущеніемъ; но надѣется, что онъ загладитъ все циотою и вѣрностью. Потомъ Хмельницкій довольно покорно привѣтствовалъ князя Радивила и другихъ; наконецъ были прочтены пункты. Онъ согласился на все, просилъ только о Черкасахъ и Боровицѣ, но панъ Краковскій отвѣтывался учтивостями (*ceremonią go zbywał*), такъ какъ это было невозможно. Подписавъ договоръ, тотчасъ присягнули и паны комиссары, и Хмельницкій съ полковниками. За нимъ стоялъ его оруженосецъ (*agmiger*) съ булавою. Пока былъ трезвъ, не говорилъ Хмель-

ницкій ничего непристойнаго, намекалъ только обиняками: „ваші милости завербовали на меня и литовское войско, а этого не было ни подъ Хотиномъ, ни въ другихъ оказіяхъ“. Потомъ обратился къ Радивилу: „Предки вашей милости никогда не воевали противъ Запорожскаго Войска“. Но въ пьяномъ видѣ, точно бѣшеный песъ, излилъ онъ всю свою злость, обвиняя волошского господаря, что обманулы Тимоѳея, сына его, и, называвъ его измѣнникомъ (*zmiennikiem*) сказалъ: „Хотя это и тесть вашей княжеской милости, но я и въ Волошской землѣ готовъ съ нимъ биться: мае віль многа грбшай, а я — многа людѣй“. Князь обидѣлся, что Хмельницкій такія вещи высказывалъ съ такой запальчивостью и грубостью, но сдерживалъ свой гнѣвъ. Будучи великимъ полководцемъ въ бою, онъ желать быть такимъ же и гражданиномъ въ сохраненіи мира. Изъ-за этого безстыднаго пьяницы не хотѣлъ онъ подвергать опасности войско, и потому ловко отвѣчалъ, что господарь ни мало того не боится: у него найдутся свои средства для безопасности. Своимъ безстыднымъ бѣшенствомъ разстроилъ Хмельницкій нашу веселость, хотя полковники порицали его и сдерживали. И у насъ, и у него стрѣляли изъ пушекъ за здоровье его королевской милости, и трубачи отзывались на виваты (*na allegresę*), а онъ, точно бѣшеный, вскочилъ изъ-за стола и вышелъ. Тамъ, однакожъ, отдали ему турецкаго коня отъ пана Краковскаго. Поблагодаривъ, сѣлъ на него Хмельницкій, но потомъ его сняли и отвезли въ коляскѣ въ таборъ.

„На другой день“ (продолжаетъ мемуаристъ), „когда войско получило уже приказъ идти въ походъ, пріѣхалъ Выговскій проститься съ паномъ Краковскимъ и просить извиненія за то, что произошло вчера; при этомъ отдалъ турецкаго коня пану старостѣ Каменецкому (сыну Потоцкаго). Князя Радивила просилъ онъ отдельно за вчерашнюю экзорбитанцію отъ имени Хмельницкаго. Князь отвѣчалъ: „Если онъ говорилъ въ пьяномъ видѣ, то я говорю въ трезвомъ, что ни я, ни волошский господарь не боимся, и всегда найдетъ онъ меня готовымъ. Если бы хотѣлъ и тотчасъ, я жду его въ полѣ, и онъ удостоѣтъся, что его пьяная фурія ни мало мнѣ не страшна, и я готовъ расправиться съ нимъ, какъ хочеть, или съ войскомъ, или безъ войска“. Но Выговскій смиренно (*supplex*) просилъ князя забыть объ этомъ“.

Съ обѣихъ сторонъ довоевались уже до самаго края, и потому должны были худой миръ предпочитать доброй ссорѣ. Но козаки до того считали миръ непрочнымъ, что не продавали даже татарскихъ бауматовъ панамъ, собиравшимся въ обратный путь. Одинъ изъ пановъ писалъ въ Варшаву съ дороги: „Когда мы пришли въ Бѣлую Церковь,

козаки стояли въ таборѣ, укрѣпленномъ двойными валами. Хмельницкій не хотѣлъ дать намъ битвы въ полѣ, напротивъ, постыдно бѣжалъ съ него въ субботу. Все войско пашло невозможнымъ братъ приступомъ окопы, въ которыхъ могло быть тысячъ сто войска, кромѣ Татаръ. Намъ было хуже: приходилось вымирать. У нихъ полно живности, а кругомъ нась (*circum circa*) голодъ, такъ что умирало по сто человѣкъ въ одну ночь, а нѣкоторые отъ крайней нужды передавались къ козакамъ. Отступить намъ было жаль; идти въ глубину Украины— опасность очевидная на переправахъ обоза: ибо не пустая молва, но и всѣ языки предсказывали скорый приходъ султанъ-гали. Вотъ почему согласились мы на почетный миръ“.

Это былъ въ самомъ дѣлѣ почетный для пановъ и постыдный для козаковъ миръ. „Статьи объ устройствѣ и успокоеніи Войска его королевской милости Запорожскаго, постановленныя комиссіею подъ Бѣлою Церковью 28 (18) сентября 1651 года“, гласили слѣдующее:

„Позволяемъ и назначаемъ устроить реестровое войско въ числѣ двадцати тысячъ человѣкъ. Это войско гетманъ и старшины должны записать въ реестръ, и оно должно находиться въ однихъ только добрахъ его королевской милости, лежащихъ въ воеводствѣ Киевскомъ, нисколько не касаясь воеводствѣ Брацлавскаго и Черниговскаго; а добра шляхетскія должны оставаться освободными, и въ нихъ нигдѣ реестровые козаки не должны оставаться; но кто останется реестровымъ козакомъ въ числѣ двадцати тысячъ, тотъ изъ добръ шляхетскихъ, находящихся въ воеводствахъ Киевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ, также изъ добръ его королевской милости, долженъ переселиться въ добра его королевской милости, находящіяся въ воеводствѣ Киевскомъ, туда, гдѣ будетъ находиться Войско его королевской милости Запорожское. А кто будетъ переселяться, будучи реестровымъ козакомъ, такому каждому вольно будетъ продать свое добро, безъ всякаго препятствія со стороны пановъ, также старостъ и подстаростіевъ.

„2. Это устройство двадцати тысячнаго реестроваго войска его королевской милости должно начаться въ теченіе двухъ недѣль отъ настоящаго числа, а кончаться къ Рождеству Христову. Реестръ этого войска, за собственноручною подписью гетмана, долженъ быть отосланъ его королевской милости и вписанъ копіею въ книги гродскія кievскія. Въ этомъ реестрѣ ясно должны быть записаны реестровые козаки въ каждомъ городѣ, по именамъ и прозваніямъ, и общее число не должно быть болѣе 20 тысячъ. А которые козаки будутъ включены въ реестры, тѣ должны оставаться при давнихъ своихъ правахъ;

тѣ же, которыхъ этотъ реестръ покрывать не будетъ, должны оставаться въ обычномъ замковомъ подданствѣ его королевской милости.

„3. Королевское войско не должно оставаться, ни отправлять лежь въ тѣхъ мѣстечкахъ Кіевскаго воеводства, въ которыхъ будутъ находиться реестровые козаки, а только въ воеводствахъ Брацлавскомъ и Черниговскомъ, въ которыхъ козаковъ уже не будетъ. Теперь однажде, до составленія реестровъ къ назначенному сроку Рождества Христова, дабы не происходило никакого замѣшательства, пока не выйдутъ въ свое мѣсто, въ Кіевское воеводство, тѣ, которые будутъ находиться въ числѣ и реестрѣ 20.000, войска должны оставаться и далѣе Животова не ходить до окончанія реестра“.

„4. Обыватели воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Черниговскаго сами лично, или чрезъ своихъ урядниковъ, должны вступать во владѣніе своими добрами и тотчасъ брать въ свою власть всѣ доходы, корчмы, мельницы, юрисдикціи, но самое собираніе податковъ съ подданныхъ должны отложить до онаго срока составленія реестровъ, дабы тѣ, которые будутъ реестровыми козаками, выселились и остались уже тѣ одни, которые подлежать подданству; такъ же и въ добрахъ его королевской милости будетъ уже извѣстно, кто останется при вольностяхъ козацкихъ, а кто — въ замковомъ подданствѣ и повиновеніи.

„5. Чигиринь, по привилегіи его королевской милости, долженъ оставаться при гетманѣ, и какъ нынѣшній гетманъ, благородный Богданъ Хмельницкій, назначенъ привилегію его королевской милости, такъ и на будущее время гетманы должны состоять подъ верховенствомъ и властью гетмановъ коронныхъ, и должны быть утверждаемы привилегіями. Каждый, дѣлаясь гетманомъ, долженъ дать присягу вѣрноподданства его королевской милости и Рѣчи Посполитой; всѣ же полковники и старшина должны быть назначаемы гетманомъ его королевской милости запорожскимъ.

„6. Религія греческая, которую исповѣдуетъ Войско его королевской милости Запорожское, также соборы, церкви, монастыри и коллегіумъ кіевскій должны оставаться при прежніхъ вольностяхъ по давнимъ правамъ. Еслибы кто-либо во время этого замѣшательства выпросилъ что-либо изъ церковныхъ добръ или подъ кѣмъ-нибудь изъ духовенства, это не можетъ имѣть никакого вѣса.

„7. Всѣхъ шляхтичей римской и греческой религіи, которые во время этого замѣшательства были при Войске его королевской милости Запорожскомъ, также и кіевскихъ мѣщанъ, покроетъ амністія, и будутъ имъ сохранены жизнь, честь, положеніе и имущество. Еслибы

что подъ которымъ-либо было выпрошено, то должно быть уничтожено конституціею, дабы всѣ пребывали въ королевской милости со своими вольностями, женами и дѣтками.

„8. Жиды въ добрахъ его королевской милости и шляхетскихъ, какъ были жителями и арендаторами, такъ и теперь должны быть.

„9. Орда, находящаяся въ настоящее время въ краѣ, должна быть тотчасъ отправлена и должна удалиться изъ края, не дѣлая никакой шкоды въ областяхъ его королевской милости и не должна кочевать на земляхъ Рѣчи Посполитой. Такъ какъ запорожскій гетманъ обѣщаетъ привести ее къ службѣ его королевской милости, то, если бы это не состоялось до будущаго сейма, въ такомъ случаѣ Запорожское Войско не должно имѣть съ нею никакого союза и дружбы, но должно считать ее непріятелемъ его королевской милости и Рѣчи Посполитой, оборонять границы и противъ нея становиться съ войскомъ Рѣчи Посполитой. Также и на будущія времена не вступать съ нею и съ иностранными государствами ни въ какіе спопенія и заговоры, должны оставаться въ вѣрномъ подданствѣ его королевской милости и Рѣчи Посполитой вполнѣ и ненарушимо, какъ нынѣшній гетманъ со всею старшиною и со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ, такъ и всѣ преемники его на будущія времена должны вполнѣ вѣрно и усердно состоять во всякой службѣ Рѣчи Посполитой.

„10. Какъ Запорожское Войско, при составленіи своего реестра, никогда не касалось границъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ и теперь не должно касаться, но, какъ сказано выше, должно ограничиваться Киевскимъ воеводствомъ.

„11. Такъ какъ Киевъ есть городъ столичный и судебный, то въ немъ какъ возможно меныше должно принимать реестровыхъ козаковъ.

„...Коронное войско должно тотчасъ двинуться на назначенный мѣста и ждать составленія реестра, равно и Орда тотчасъ должна выступить изъ края, а Войско его королевской милости Запорожское тотчасъ должно быть распущео по домамъ“.

Освѣтціемъ пишеть, что Бѣлоцерковскій договоръ былъ заключенъ съ козаками на условіяхъ, не соотвѣтствующихъ чести и достоинству Рѣчи Посполитой, но вынужденныхъ бѣдственнымъ состояніемъ короннаго войска. „Тѣмъ не менѣе“ (продолжаетъ онъ) „договоръ этотъ удовлетворилъ многихъ, особенно тѣхъ, которымъ надоѣла война и постоянный сборъ налоговъ на содержаніе войска, и которые, вслѣдствіе того, желали какъ можно скорѣе заключить миръ, полезный какъ для нихъ, такъ и для отечества. Дѣйствительно, несмотря на нашу

неурядицу, на малочисленность и страдания войска, договоръ принесъ Рѣчи Посполитой многія выгоды, а именно:

„1. Землевладѣльцы трехъ воеводствъ: Брацлавскаго, Кіевскаго и Черниговскаго были освобождены отъ тяжелаго бремени, возложенаго на нихъ Зборовскимъ договоромъ, разрѣшившимъ записывать къ реестръ козаковъ, жившихъ въ частныхъ имѣніяхъ.

„2. Растрогнутъ былъ опасный союзъ козаковъ съ Татарами, который долженъ былъ окончательно прекратиться въ концѣ декабря.

„3. Войска наши получили вновь право квартировать въ трехъ украинскихъ воеводствахъ, котораго были лишены по Зборовскому договору.

„4. Постыдная и позорная граница, признанная по статьямъ того договора, какъ будто отчуждавшая въ пользу козаковъ три воеводства, теперь была уничтожена и предана забвению.

„Впрочемъ“ (говорить характеристически Освѣцимъ) „большинству шляхты и самому королю договоръ не особенно понравился. Они были недовольны тѣмъ, что гетманская булава была оставлена Хмельницкому, что было признано закопаннымъ слишкомъ большое количество козаковъ, что обязательность уплаты жалду войску, возложенная въ началѣ на Хмельницкаго, потомъ не состоялась; особенно же недовольство происходило отъ того, что, въ виду столь счастливаго начала кампаниіи, надѣялись завершить ее крайне выгодными условіями договора. Впрочемъ, если результатъ не оправдалъ надеждъ, то на это были весьма важныя и многочисленныя причины, а именно“:

„1. Разстроенное здоровье краковскаго кастеляна, въ слѣдствіе чего не только военныя дѣйствія не могли быть ведены энергично, но по временамъ войску угрожала серьезная опасность.

„2. Несогласіе вождей, вслѣдствіе котораго въ войскахъ происходили крупные скандалы: ибо полевой гетманъ публично оскорблялъ друзей и довѣренныхъ лицъ великаго гетмана, изъ-за чего они -- стыдно даже сказать -- ругались взаимно матерными словами и хватались за сабли.

„3. Войско наше страдало отъ голода, который и безъ битвы можетъ привести въ разстройство самыя многочисленныя арміи.

„4. Теряя постоянно людей отъ голода и болѣзней, войско наше не имѣло надежды на полученіе подкреплений, между тѣмъ какъ они безпрестанно прибывали къ непрѣятелю.

„5. Большая опишка была сдѣлана въ выборѣ пути: войско наше попало въ уголъ между рѣками Росью и Руткомъ и не могло отступить.

да ни возвратиться, ни двинуться впередъ, не подвергаясь великой опасности.

„6. Въ помощь козакамъ приближался многочисленный отрядъ Орды, подъ начальствомъ нуреддина и находился уже подъ Корсунемъ.

„7. Существовало постоянное опасеніе, что литовское войско, скучась терпѣть голодъ, недостатокъ и нашу неурядицу, оставитъ насъ и возвратится домой.

„8. Состояніе погоды также принудило насть къ уступчивости. Дождь и слякоть, продолжавшіяся безпрерывно въ теченіе трехъ сутокъ, до того были вредоносны для войска, что въ одну ночь умерло 300 человѣкъ изъ иностранныхъ наемныхъ полковъ, остальные же иностранцы, не будучи въ силахъ долѣе выносить пестерпимаго го-лода и слякоти, стали перебѣгать къ непріятелю.

„9. Наконецъ, почти совершенное отсутствіе управлениія, этой души военнаго дѣла, проявилось въ такой же мѣрѣ, какъ и въ предшествовавшихъ событіяхъ, и войско дѣйствовало скорѣе на-угадъ, по волѣ судьбы, чѣмъ по разумно обдуманному плану.

„10. Вслѣдствіе всѣхъ перечисленныхъ причинъ была сдѣлана самая крупная ошибка: въ субботу не послѣдовало решительной битвы, которая могла бы увѣнчать и закончить кампанію полнымъ успѣхомъ. Сами враги впослѣдствіи сознавались, что, когда войско наше въ этотъ день двинулось въ атаку, построенное въ такомъ же порядкѣ, какъ у Берестечка, по совѣту и стараніямъ полеваго писаря Пршибіемскаго, то всѣ хлопы, объятые страхомъ, бросились бѣжать; даже полковники стали отступать за Рось, и самъ Хмельницкій сильно струсилъ. Его любимецъ, Выговскій, говорилъ: мы хотѣли бѣжать, подобно тому, какъ бѣжали подъ Берестечкомъ, но Господь отнялъ у васъ разумъ.

„Итакъ“ (заключаетъ откровенно мемуаристъ), „принявъ во вниманіе всѣ перечисленные обстоятельства, мы должны возблагодарить Господа за то, что онъ дозволилъ намъ заключить миръ и охранить насть и Рѣч Посполитую отъ окончательной погибели, которая могла послѣдовать отъ нашего неустройства“.

Что Хмельницкій струсилъ подъ Бѣлой Церковью, какъ и подъ Берестечкомъ, это для насъ не важно: важно то, что успѣхи его были возможны только въ такомъ обществѣ, какъ польское, и въ такомъ государствѣ, какъ Рѣч Посполитая. Мысль эту рѣзко высказалъ въ глаза правительствующимъ панамъ царскій посолъ, Рѣпнинъ Оболенскій, какъ объ этомъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Если вспомнить здѣсь, чѣмъ былъ Хмельницкій подъ Зборовомъ и чѣмъ сдѣлался подъ Бѣ-

лою Церковью, то въ его нравственной несостоятельности еще больше обнаружится несостоятельность польской общественности и государственности: ибо по плодамъ цѣнится дерево.

Добившись путемъ рѣзни и пожога до 40.000 негербованной шляхты въ Малороссіи, козаки Хмельницкаго разжаловали теперь въ мужики половину реестровиковъ, лишь бы обезпечить за родовитыми представителями своего промысла полумужицкое панование, а за миллионы земляковъ, погибшихъ подъ саблею и въ татарской неволѣ, вознаградили они свое русское отечество пебывалымъ голодомъ и моромъ.

Двукратнымъ изгнаниемъ пановъ изъ наслѣдія по предкахъ и троекратнымъ опустошеніемъ цвѣтущаго края—они пріучили мужиковъ къ разгульной жизни на счетъ людей трудолюбивыхъ, и теперь, подъ Вѣлой Церковью, возвратили озлобленнымъ землевладѣльцамъ всѣ ихъ права надъ одичалымъ народомъ, не освободивъ роднаго края даже отъ жидовской эксплоатациі, которой приписывали панскія преступленія противъ поспольства. Церквамъ, козаковавшимъ шляхтичамъ и мѣщанамъ вернули козаки то, чѣмъ они пользовались до Хмельницчины; но многія церкви и школы сгорѣли, мѣщане отъ пожаровъ и военныхъ грабежей обнищали, и широкія пространства недавно еще многолюднаго, богатаго, обильнаго даже въ мужичьемъ быту края превратились въ такія пустыни, „какъ будто тамъ ничего не было“.

Изъ-за чего же было пятинар' русское имя столькими злодѣяніями, проливать рѣки человѣческой крови, причинить столько несчастій и страданій не только Шляхетскому, но и Козацкому Народу? Безпутный, безчестный и лишенный чувства своего достоинства Народъ не задавалъ себѣ подобныхъ вопросовъ. Онъ, какъ и его Козацкій Батько, умѣлъ только пьянствовать и злиться. Злился на пановъ за то, что не дали ему истребить и самого имени ляшескаго. Злился на Татаръ за то, что эти, какъ и онъ самъ, воры по ремеслу, бились отважно только въ задорѣ, а потомъ трусили и вознаграждали себя за походъ плѣненiemъ своихъ союзниковъ. Злился на Москалей за то, что не хотѣли участвовать въ его безбожныхъ предпріятіяхъ.

На общечеловѣческомъ судѣ нѣть ничего преступнѣе вѣроломства и предательства; но когда эти преступленія дѣлаются причиною гибели многаго множества своихъ и чужихъ людей, тогда нашему бѣдному сердцу остается утѣшать себя только надеждою, что широкая картина вѣроломства и предательства, созерцаемая нами въ прошедшемъ, широко распространитъ отвращеніе къ вѣроломству и предательству въ настоящемъ.

Г л а в а XXIX.

Результатъ козацкихъ бунтовъ.—Неизбѣжность отпаденія Малороссіи отъ Польши.—Козаки переселяются въ московскія владѣнія.—Козацкая интрига въ Турции.—Походъ въ Волощину.—Битва подъ горою Батогомъ.—Козаки побиты въ Волощинѣ.—Финансовая и нравственная несостоятельность панской республики.

Печаленъ былъ результатъ подвиговъ Хмельницкаго. Сотни и сотни тысячъ людей тлѣли въ землѣ, валялись непогребенными по лѣсамъ и болотамъ, по заглохшимъ полямъ и пепелищамъ, а не то—находились, какъ предметъ позорного торга, въ рукахъ у Татаръ, которые появлялись иногда съ этимъ товаромъ даже на козацкихъ ярмаркахъ и отдавали обременявшаго ихъ плѣнника за лукъ и десятокъ стрѣль, какъ бы въ благодарность за то, что козаки бывало отдаютъ имъ шляхтича за нюхъ табаку. Множество Руси, освобождаемой Хмельницкимъ изъ-подъ такъ называемаго ляшескаго ига, работало въ турецкихъ сералахъ, на морскихъ катомахъ и даже за предѣлами Турции, у Персовъ и другихъ азіатскихъ народовъ. Край былъ теперь малолюденъ и голоденъ. Многіе города и безчисленныя села оставили по себѣ только поросшія бурьяномъ кучугуры. Широкія пространства, кипѣвшія прежде земледѣлемъ и промыслами, обратились въ такую молчаливую пустыню, какую видѣлъ въ южной Руси Плано Карини послѣ Татарскаго Лихолѣтія.

Ко всему этому присоединилось моровое повѣтре. Вдоль широкаго козакотатарского шляху, отъ Берестечка до Случи, переколѣло множество татарскихъ и жолнерскихъ лошадей, валялись десятки тысячъ козаковъ, побитыхъ восторжествовавшими панами и голодомъ. Вернувшись въ отчуждавшуюся плуга Україну, многолюдныя толпы охотниковъ до козацкаго хлѣба увеличили голодъ остававшихся дома и принесли имъ заразительную смертность. Осені 1651 года была теплая, а зима мокрая. Зараза, извѣстная подъ именемъ черной смерти (*mors nigra*), по слѣдамъ козакотатарскихъ вторженій вторгнулась въ глубину польскихъ владѣній, точно ядовитое дыханіе Хмеля, и покарала пановъ за тѣ грѣхи, которыми они породили безпощадную ко-

затчину. Черная смерть предвѣщала имъ общее затменіе панской республики,—*ogólne zaćmienie ziemi naszej*, пишутъ Поляки,—затменіе земли, просвѣщенной обманчивымъ свѣтомъ, при которомъ все русское казалось польскимъ. Черная смерть покрыла заразительнымъ трауромъ своимъ и Малороссію, въ наказаніе за то, что она, въ лицѣ своихъ могилянъ, польскую тьму начала признавать свѣтомъ.

Въ прежнія времена Малоруссы, подъучиваемые запорожцами, жаловались на панскіе порядки, на жидовскія аренды, на жолнерскіе грабежи и насилія, которые казались имъ нестерпимыми. Теперь все это къ нимъ вернулось, но уже не съ прежнимъ характеромъ соглашенія взаимныхъ нуждъ и выгодъ. Паны, отвоевавшіе нѣкогда съобща съ подданными плодородную землю у непріятелей св. Креста, пришли теперь къ своимъ подданнымъ, точно въ непріятельскій лагерь; а подданные, разучившись добывать вмѣстѣ съ ними насущный хлѣбъ, смотрѣли на пихъ, какъ на своихъ поработителей. Даже работать одинъ только день въ недѣлю на пана, какъ требовали отъ нихъ подъ Берестечкомъ, казалось имъ невыносимымъ бременемъ.

Съ другой стороны, ни паны, ни козаки не были довольны Бѣлоцерковскимъ миромъ, также какъ и Зборовскимъ. Тѣ и другіе были принеслены къ нему тяжкой необходимостью. Паны такъ еще недавно шли на Хмельницкаго облавою и думали только о томъ, какъ бы не дать козацкой гидрѣ убраться въ ся „украинскія берлоги“. Козаки такъ еще недавно бредили славою, которая донынѣ восхищаетъ ихъ историковъ, повторяющихъ слова кобзарской думы:

Въ той часъ була честь и слава,

Військовá спрѣва:

Сама себе на сміхъ не давала,

Непріятеля підъ ноги топтала.

Корсунскіе и шляхетскіе герои не могли удовлетвориться не только бѣлоцерковскимъ, да и зборовскимъ компромиссомъ. Современный имъ польскій поэтъ писалъ, что украинскій народъ лишь тогда можетъ быть побѣженъ оружіемъ, когда весь край сдѣлается безлюднымъ. Относительно правой стороны это были слова пророческія. Они оправдались бы и на лѣвой сторонѣ „обычнаго козацкаго шляха“, когда бъ эта сторона не попала въ хозяйственныхъ руки Москвы по Андрушовскому миру (1674). Поссоренные двумя соперничающими церквами сословія и состоянія могли вернуться къ былому согласію скорѣе подъ владычествомъ турецкихъ башей, чѣмъ подъ верховенствомъ польскихъ магнатовъ.

Паны, возвращавшися въ свои имѣнія согласно 4-й статьѣ Бѣлоцерковскаго договора, видѣли ясно, что надобно готовиться къ новой войнѣ за существованіе въ томъ краѣ, который слился съ Польщею высшими классами, но разошелся низшими. Если принять во вниманіе, кто и какъ соединилъ несодчинимыя основанія греческой и римской вѣры, кто и какъ расторгаль общественную связь въ интересахъ сліянія церковнаго, то новая война долженствовала быть уже не соціальная, а религіозная,—тѣмъ болѣе, что теперь малорусская религіозность, какова бы ни была она въ новыхъ своихъ защитникахъ, абсолютно отвергала все ляшское и поставила себѣ девизомъ слѣдующія слова козацкой пѣсни:

Ta ne буде лѣтче, te ne буде крашче
Якъ у насъ на Вкраїнѣ:
Що немає Іїха, що немає Їїда,
Не буде унії!

Конечно, ни *вѣрѣ*, ни *церкви*, въ конкретномъ значеніи слова, отъ этой религіозности не здоровилось. Но лучшіе органы древняго русскаго благочестія безмолвствовали, а худшіе проявляли себя соответственно достоинству своего духовнаго воспитанія. Тѣмъ не менѣе результатомъ религіозныхъ мнѣній, въ которыхъ были воспитаны воюющія стороны, должно было быть расторженіе польско-русской республики. Оно совершилось нравственно уже тогда, когда простой русскій народъ въ Польшѣ, съ голоса подстрекателей своихъ, назвать всѣхъ русскихъ пановъ и шляхтичей *Лягами*. Оно совершилось политически, спустя два съ небольшимъ года послѣ Бѣлоцерковскаго мира. Тѣ муки и наслія, которымъ, по сказанію нашихъ историковъ подвергали своихъ подданныхъ вернувшіеся на свои пепелища землевладѣльцы, были невозможны по самому ходу житейскихъ дѣлъ. Но естественно, что подданные, попробовавшіе козацчину, отбились отъ рукъ у землевладѣльцевъ, отвыкли отъ пониманія взаимныхъ выгодъ, и охотнѣе гайдамачили, чѣмъ насли стада, сидѣли въ пасѣкахъ, пахали землю. Даже тѣ изъ нихъ, которыхъ врожденная робость или разсудительность удерживала отъ гайдамачества, рискуя быть подожжеными, убитыми, замученными козацкой голотою, постоянно колебались между вѣрностью панамъ и проповѣдуемыми козаками предательствомъ.

Хмельницкій видѣлъ, каковы плоды его разбойной пропаганды, къ которой онъ долженъ былъ прибѣгать въ своей щербатой доль. Теперь онъ самъ боялся „безголоваго звѣра“, разлакомленаго кровью

и добромъ зажиточныхъ людей. Теперь старательнѣе прежняго онъ окружалъ себя Татарами. А голодъ между тѣмъ заставлялъ этого звѣя вить среди родныхъ пустынь, изъ которыхъ война изгнала земледѣліе. Голодный вой долетѣлъ и до нашего времени, въ такомъ, напримѣръ, двустишіи козацкой пѣсни:

И день и нічь войны ждемъ:
Добычи не мѣмъ...

Ржаной хлѣбъ, рогатый скотъ и овцы сдѣлались въ Малороссіи рѣдкостью. Голодъ свирѣпствовалъ у насъ вмѣстѣ съ черною смертью. Народъ не видѣлъ ничего утѣшительнаго ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Онъ былъ беззащитенъ въ малолюдныхъ пустыняхъ своихъ и отъ козаковъ, жолнерскихъ подражателей, и отъ Татаръ, козацкихъ побратимовъ. Послѣ искусственнаго возбужденія его физической и нравственной энергіи, онъ впалъ въ ту малорусскую апатію, памятникомъ которой осталась историческая поговорка: „абы не сидѣчого Татара взяли“.

И вотъ тѣмъ козачина способствовала русскому возсоединенію, а не тѣми героическими начинаніями, которыми украшаютъ ее псевдоисторики. Не борьба козаковъ за православную вѣру и русскую народность привела удѣлѣвшіе отъ Хмельницкаго миллионы малорусского народа подъ власть московскаго царя: привели ихъ неслыханныя бѣдствія, въ которыхъ Малороссія была повергнута козаками, а дорогу къ Москвѣ указало имъ наше духовенство, у котораго польскіе ставленники отнимали духовные хлѣбы.

Еще въ эпоху Іова Борецкаго Московское Царство называли въ Малороссіи страною тихою всѣ монахи и монахини, всѣ попы и поповичи, всѣ благочестивые люди, вздыхавши по свободѣ религіозной совѣсти, тѣснѣмой прямо или косвенно папистами. Эта тихая страна сдѣлалась теперь обѣтованною, богатою хлѣбомъ, которымъ она снабжала даже кіевскій рынокъ во славу своего великаго хозяина, царя, разрѣшившаго безпошлины вывозъ при первомъ приступѣ голода въ 1648 году *). Москва, во многихъ частныхъ случаяхъ, проявляла себя

*) Въ 1650 году яѣтомъ за мацу жита платили въ Кіевѣ по 40 золотыхъ, за осьмачку проса и пшена по $7\frac{1}{2}$ золотыхъ, і to siła Moskwa rałowała (пишеть Ерлічъ), jakoż car moskiewski dozwolił swoimъ tu za granicę wozić, i sprzedawać zboże, i naszymъ jezdzić za granicę a kupować u nich, i ztąd posilek ubogim i ratunek był. Zaczym ubóstwa od wschodu do zachodu słonka od domów swych nie mogli się obiegnać ludzie mo¿niejsi, po ulicach wiele tego umieralo i puchło w

варварски; но въ распоряженіяхъ своего двора и царскаго правительства поступала съ удивительной человѣчностью сравнительно съ мусульманами и католиками. Одно ея освобожденіе отъ монгольскаго ига достаточно свидѣтельствуетъ о преобладаніи въ пей государственной хозяйственности надъ хозяйственностью Туровъ и Поляковъ. Это преобладаніе объясняютъ возрастаніемъ самодержавія московскаго, заимствованнаго якобы отъ монгольскаго деспотизма. Но мнімые пітомцы монгольскаго варварства, падшіе въ Смутное Время отъ козней цивилизованнаго Рима, встали безъ посторонней помощи, чего никакъ не могла сдѣлать ихъ якобы наставница, Золотая Орда, подпавъ подъ ихъ владычество. Возставъ изъ своего Разоренія, Москва доказала превосходство государственной хозяйственности своей и падъ воспитанною Римомъ Польшею. Она привлекла къ себѣ симпатіи всѣхъ, страдавшихъ въ этомъ государствѣ отъ безсудья и самоуправства, даже католиковъ, коренныхъ Полонусовъ, но всего больше расположила къ себѣ малорусское духовенство.

Отклоняя просьбы козаковъ о дозволеніи имъ переселиться всѣмъ войскомъ въ Московское Царство, и не вѣря слезамъ Хмельницкаго, Москва вѣрила православному стремленію къ ней истинныхъ органовъ малорусской церкви. Это стремленіе поощряла она съ политическою послѣдовательностью, по мѣрѣ своей безопасности отъ Польши. Монахи и монахини получали отъ нея „милостыню на церковное строеніе“ безотказно; но сперва пограничныя власти не всѣхъ обращавшихся къ царской благотворительности допускали въ самое сердце Великой Россіи. По царскому указу, многимъ давали милостыню въ Путівль, и затѣмъ возвращали въ „Литовскую Сторону“. Теперь царь подавалъ милостыню не только на церковное строеніе, но и на школы, которая, какъ жаловался кievскій митрополитъ, „оскудѣли оскудѣніемъ благодѣтелей своихъ“, разогнанныхъ, разоренныхъ и перебитыхъ козаками (чего не смѣлъ высказать письменно). Теперь въ Москву принимались уходившіе изъ окочченного Кієва эллинисты-богословы, для справки греческихъ книгъ на славянскую рѣчь, для перевода историко-философскихъ книгъ съ латинскаго языка и для устройства пѣвческихъ школъ. Наконецъ, въ августѣ 1652 года, было паказано пу-

rózne choroby wpadało od ziela i liscia róznego na pokarm zbierając. Każdy dzień kupamito się wiekło z różnych krajów, miast i wsi za Dniepr się cieszało, co chłopska swywola jeszcze nie wybila i Tatarowie nie wybrali. Kraje lwowskie, wołyńskie, podolskie, miasta puste i wsie pozostawali.

тильскимъ воеводамъ: всѣхъ приходящихъ изъ Кіевской Земли чернечоффъ и черницъ, которые выйдутъ на государево имя, пропускать къ Москвѣ безъ малъшаго задержанья, съ провожатыми, и давать имъ подводы, „чтобъ имъ ни въ чёмъ нужнъ не было“. Вотъ съ кого началось самое искреннее и прочное присоединеніе Малороссіи къ Россіи!

Монахи первые возвѣстили о стремлениі Малоруссовъ къ новому центру русскаго міра; монахи оправдывали его собственнымъ переселеніемъ въ самую среду Великоруссовъ; монахи давали у насъ въ Малороссіи православно-русское направлениѣ всѣмъ умамъ, остававшимся за предѣлами католическаго вліянія и вообще польщаны. Точнѣе сказать, они сохранили у насъ всецѣло древнєе русское благочестіе. Презирая такъ называемое невѣжество этого класса и соединенные съ дѣйствительнымъ невѣжествомъ пороки, игнорировали мы доселѣ великую службу его въ дѣлѣ русскаго возсоединенія, и приписывали это спасительное дѣло отребью польскорусской общественности—днѣпровскимъ гайдамакамъ, черноморскимъ пиратамъ, татарскимъ побратимамъ. Нѣть, общественная и семейная жизнь въ тогдашней Малороссіи не давала возможности сохранить въ цѣлости національныя преданія о предкахъ и старинѣ: только порвавъ связи съ міромъ и его житейскими попеченіями, было возможно спасти нашу русскую національность въ будущемъ посредствомъ ясныхъ воспоминаний о бывломъ подъ сѣнью древнихъ нашихъ святынь, па гробовищахъ отдаленѣйшихъ нашихъ предковъ.

Деспотическая политика московскаго правительства пронизала во мракъ русскаго будущаго глубже, нежели наши питомцы либеральна-го Запада проницаютъ во мракъ русскаго прошедшаго. Москва привлекала къ себѣ элементы строительные, но вовсе не разрушительные,—вовсе не тѣ, которыми такъ сочувствуютъ верхогляды малорусской современности. Не изощряла она меча на нагубу сосѣдственной державы, поддерживая въ ней злодѣевъ, какъ это памъ представляются; нѣть, она своимъ примѣромъ и внушеніемъ воспитывала въ родственной Малороссіи общественное мнѣніе, поколебленное духомъ пагубной польскорусской вольности. Въ лицѣ проповѣдниковъ и хранителей и православія, она поддерживала въ польской Руси тѣ правила единовластія и соподчиненности, которыми создалась политическая свобода Руси Московской. Для этого ей были нужны вовсе не козаки, естественные нарушители гражданскаго порядка. Она козаковъ чуждалась. Она не знала, какъ отъ нихъ отдѣляться и дома въ своей великой работѣ собираянія Русской земли. Наслѣдие новогородчины съ одной стороны и татарщины съ другой, этотъ разбойный классъ не давалъ

Москвѣ покоя со временъ Иоанновскихъ, колебалъ ея владычество въ эпоху грозныхъ Смутъ и готовилъ ей въ будущемъ Разина да Пугачева. Чѣд касается козаковъ днѣпровскихъ, то это разрушительное орудіе было выковано врагами Москвы на ея пагубу, и если Москва запачкала свои руки этимъ орудіемъ въ борбѣ съ Польшею, то не иначе, какъ пачкаетъ руки человѣкъ, вырывающій окровавленный ножъ у того, кто покупался его зарѣзать.

Вернувшись отъ Хмельницкаго, Богдановъ легко могъ объяснить себѣ, почему для проходимца, хвалившагося и Польшу, и Нѣмецкую Имперію, и самого папу отдать въ руки турецкому султану,—почему для козаковъ, передъ которыми, по ихъ словамъ, дрожалъ весь свѣтъ еще во время Сагайдачнаго, земля сошлась клиномъ въ Московскомъ Государствѣ. На всемъ пути его въ Чигиринъ и обратно, какъ доносиль онъ царю, куда ни прѣѣжалъ онъ, духовные и свѣтскіе всѣхъ состояній люди окружали его и со слезами молили Бога о томъ, чтобы московскій царь принялъ ихъ въ поддапство *на томъ же основаніи, на какомъ пребываютъ все его подданные*. Эта всеобщая мольба была явленіе великое, и если привели къ ней населеніе края козаки, то привели только своимъ безпутствомъ; прямымъ же начинателями и творцами русского возсоединенія были у насть на югѣ тѣ, которые, именемъ церкви, воспрещали козакамъ „ходить на Москву, на родъ христіянскій“.

Подчиняясь ихъ внушенію, козаки, какъ разноплеменное и разнословное скопище, не могли выдержать своего обѣта до конца. Въ 1633—1634 годахъ они проторили новый татарскій шляхъ отъ воротъ Россіи, Смоленска, къ центру Россіи, Москвѣ. Но, сводя дома бровавые счеты съ землевладѣльцами, они, еще во времена Конецпольскаго, стали переселяться въ сѣверскія и придонецкія пустыни вмѣстѣ съ подпомощниками своими и другими слобожанами. Теперь, послѣ катастрофы подъ Берестечкомъ и неудачнаго отпора подъ Бѣлою Церковью, пасталъ новый періодъ переселенія козаковъ, а вмѣстѣ съ ними и другихъ людей въ соцѣднія пустыни.

Жолперскіе переходы и постои, на которыхъ горько жаловался самъ Конецпольскій, заставили служившаго ему инженера Боплала пазвать Польшу папскими раемъ и мужицкимъ адомъ. Но и въ тѣ времена къ притѣснителямъ и грабителямъ „убогихъ людей“, жолнерамъ, присоединились уже ихъ враги и подражатели, козаки. Косиницпа и Наливайщина были для мѣщанъ и селянъ предзнаменованіемъ тѣхъ бѣдствій, которымъ они подвергались отъ козацкаго разгула впослѣдствіи. Козаки Сагайдачнаго, идучи къ Хотину противъ Туровъ, опу-

стоили столько панскихъ имѣній, что, по донесенію королевскаго агента, зазывавшаго ихъ на войну, едва ли сами Турки съ Татарами могли бы причинить больше вреда. Наконецъ Хмельницкіи ринулась на поприще Косинщины и Наливайщины въ сообществѣ Татаръ, проѣгла Волынь во всѣхъ направлѣніяхъ, недобитковъ меча предала въ татарскія лыка, остальныхъ разогнала по недоступнымъ трущобамъ. Голодъ и моръ, слѣдовавшіе за козацкими и жолнерскими походженіями, заставили волынцевъ бѣжать изъ несчастной родины, куда глядѣть глаза. Еще до Берестечской войны, дорожизна съѣстныхъ припасовъ дошла до такой степени, что въ Луцкѣ мацу ржаной муки продавали по 120 злотыхъ, и голодные люди умирали толпами. Одна женщина подъ Луцкомъ (записалъ въ іюнь 1651 года Ерличъ) сдѣлалась людоѣдкою, и дѣлилась человѣческимъ тѣломъ съ сосѣдами, а другая рѣзала и ёла собственныхъ дѣтей.

Спасаясь отъ козаковъ, Татаръ и жолнеровъ, волынцы перебѣгали съ мѣста на мѣсто, прятались по болотистымъ трущобамъ, переходили за Днѣпръ, и нашли наконецъ безопасное убѣжище въ полтавскихъ пустыняхъ, граничишахъ съ московскими пустоирожними землями. Многіе забрели и въ Московскую Землю, въ которую направляясь бѣгство знакомый отцамъ и дѣдамъ ихъ царь Наливай съ козацкими семьями, и въ которую проторили дорогу, по сказанію очевидца, игумена Филипповича, бѣглые павлюковцы. Этимъ способомъ явились первыя малорусскія слободы около Путинля и Бѣлгорода.

Отъ нужды и бѣды польскіе и русскіе шляхтичи дѣлались козаками. Когда козацкая сила рушилась подъ Берестечкомъ, разочарованные въ ней прозелиты козатчины бѣжали за предѣлы козацкаго присуда. Объ одномъ изъ такихъ бѣглецовъ, Дзинковскомъ, сохранилось документально преданіе, что онъ, предводительствуя тысячечью козаковъ острожскаго, новообразовавшагося тогда полка, выпросилъ у царя дозвolenіе поселиться на его землѣ съ предоставлѣніемъ ему права сохранить въ новыхъ слободахъ полковые и сотенные порядки козацкіе. Примѣру Дзинковскаго слѣдовали и другіе.

Московскій царь, пользуясь правомъ, выговареннымъ еще въ Но-ляновѣ, привлекалъ въ свои украины способныхъ къ ихъ защитѣ выходцевъ, какъ заботливый и практическій хозяинъ. Для бѣглецовъ Хмельницкіи строились у него хаты, въ которыхъ они находили даже готовое зерно на засѣвъ нови, никому не принадлежащей, никѣмъ не оспариваемой. Такимъ образомъ возникнулъ на Тихой Соснѣ городъ Острогожскъ; такъ получили свое начало богатые впослѣдствіи города и мѣстечки: Сумы, Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и дру-

гіе; такъ заселились безпріютныя степи и образовались слободскоукраинские полки по рѣкамъ: Донцу, Удамъ, Харькову, Коломаку. Наиѣшній Харьковъ былъ незначительною въ началѣ слободою; но его безопасная позиція среди болотъ и лѣсовъ привлекла къ нему многолюдство и послужила къ его возвышенію, какъ полковаго города, неподвѣдомаго малороссийскому гетману.

Въ свою очередь поднѣстриане и побожане, не видя добра ни въ козацкихъ, ни въ панскихъ порядкахъ, сожигали свои жилища и корма, чтобы не достались ненавистнымъ панамъ Лихамъ, истребляли все имущество, котораго нельзя было забрать въ мандрюку и пробирались въ землю Восточного Царя, о которой наслышались, какъ о царствѣ скораго правосудія, сытой и мирной жизни.

Хмельницкій испугался повсемѣстной эмиграції, и пытался остановить ее, какъ это дѣлали коронныя власти и землевладѣльцы во времена Остряницы. Но приверженцы Хмеля оказались бессильными против тѣхъ, которые возненавидѣли коварный "режимъ" его и возгнашались предательскимъ дѣломъ его. Козацкія ватаги переселенцевъ шли на проломъ, увлекали за собой новыхъ отступниковъ Хмельницчины, угонали чужой скотъ, били тѣхъ, кто хотѣлъ ихъ остановить, и стремились бурнымъ потокомъ въ Слободскую Україну, проклиная Хмеля-Хмельницкаго и его торговлю людьми. Эмиграція принимала такимъ образомъ видъ междуусобной козацкой войны.

Наконецъ и самъ „добрдій“ такихъ людей, какъ Джеджалла, боясь остаться въ своемъ удѣльномъ княжествѣ безъ подданныхъ, просилъ у царя дозвolenія перейти на его землю и поселить козаковъ подъ Путівлемъ и Бѣлгородомъ. Мнимое „наслѣдіе Богдана“, Кіевъ, и „святыни всѣхъ его гробовъ“ оставлялъ опять въ рукахъ враговъ древнаго русскаго благочестія. Но пребываніе козацкой вольници въ стратегическихъ пунктахъ царской земли повело бы Москву къ новымъ смутамъ. Хмельницкому были указаны пустыни на Дону и Медвѣдицѣ, вовсе не подходящія къ его замысламъ, и онъ остался въ старомъ гнѣзда козацкіи.

Не находя ни съ которой стороны подступа къ великому русскому хозяину, сталъ онъ опять ладить съ панами, подчипался напоминаніемъ кіевскаго воеводы, Адама Киселя, и дѣятельно производилъ новую реестровку козаковъ, какъ и послѣ Зборовскаго мира. Въ концѣ февраля 1652 года, Кисѣль доносилъ уже королю, что выписы (то есть исключеніе лишнихъ людей изъ условленныхъ 20.000 козаковъ) произведены, реестры для вписанія въ гродскія кіевскія книги представлены, козацкіе послы на сеймъ посланы, всѣ землевладѣльцы въ

свои добра введены опять (*nobilitas wszytka do dóbr swych reinducta*) и часть коронного войска (по Ерличу четыре полка) отправлены за Днѣпръ на зимнія квартиры.

Обманувшіе столько разъ въ своихъ надеждахъ паны продолжали обманываться неизлечимо. Кисель писалъ къ королю, что Хмельницкому можно и вѣрить и не вѣрить, но козаковъ разумѣть онъ чѣмъ-то непохожимъ на Хмельницкаго, тогда какъ этотъ каверзникъ былъ самое выразительное созданіе козацкаго ума и козаккой правственности. „Если вѣрить присягѣ Хмельницкаго“ (писалъ Кисель), „то надобно оставить войско въ обыкновенномъ числѣ, издерки же, которыхъ дѣлали до сихъ поръ отчизна, сократить; если же не вѣрить, по-лагая, что онъ дружбы съ Ордой не разорветъ, въ такомъ случаѣ увеличивать войско и вести войну... Не начиная войны, надобно быть къ готовности на всякий случай... При этомъ обходиться съ Хмельницкимъ какъ можно лучше и привлекать къ себѣ подачкою, о которой онъ просить,—какъ для ускоренія ссоры его съ Татарами, такъ и для возобновленія поля и моря... Надежда на Господа Бога приведеть наше дѣло къ прежнимъ началамъ (*W Panu Bogu nadzieja gieci po-bis ad sua revocabit principia*). А чтѣ всего важнѣе: когда, не имѣя отъ пасъ никакой причины, козаки не будуть имѣть случая къ восстанію, напротивъ, оставаясь при своихъ вольностяхъ, полюбить мирную жизнь (*zakochajÄ siÄ w rokoju*)“...

Такія дѣтскія мысли преподавалъ Адамъ Свѣнтокольдовичъ безпомощнымъ дѣтямъ—панамъ.

Отправленное за Днѣпръ войско сдѣлало центромъ своей оккупации Нѣжинъ. Отрядами его командовали Войниловичъ, Маховскій и житомирскій староста Тишковичъ, расквартировавшіе жолнеровъ по Заднѣпрю и Задесеню. Часть литовскаго войска заняла пограничную оть Литовскаго Княжества Стародубовщину. Край былъ разоренъ до такой степени, что, по мнѣнію Киселя, никоимъ образомъ не могъ прокормить жолнера, „развѣ пришлось бы отпускать провъянть изъ всей Короны“. Поэтому на жолнерскіе посты смотрѣли голодные жители съ крайней досадою; а жолнеры всетаки не оставляли своего исконнаго обычая грабить хозяевъ. Самовидецъ говоритъ, что „козачество, застаюоче въ городахъ, волно сходили съ тѣхъ городовъ, кидающи набѣтки свои, у города ку Полтавѣ, и тамъ слободы поосаживали, а иппіе на кгрунтахъ московскихъ слободы поосаживали, не хотячи зъ жолнерами зоставати и стацей онymъ давати: бо незносную стацею брали“.

Съ другой стороны томило козаковатыхъ заднѣпрянъ и задесен-девъ пребываніе въ имѣніяхъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ они пооствыкли. Въ интересахъ и самихъ землевладѣльцевъ, и правитель-ственныхъ властей было—задерживать переселенцевъ на мѣстахъ ихъ осѣдлости. Но „жолнеры“ (пишетъ Самовидецъ) „не могли имъ заборонити: бо и зъ гарматами выходили изъ городовъ; але најотомъ хто зостался, гоже оного не пущено, и давати мусъль стацю жолнѣрамъ“.

Волненіе въ народѣ по поводу переселенія, реестровки козаковъ, расквартированія жолнеровъ, водворенія помѣщиковъ и задержанія на мѣстахъ жительства тѣхъ, кому не удалось убраться изъ козацкой Украины въ Украину царскую,—все вмѣстѣ повело къ обычному въ нашемъ народѣ гайдамачеству. Убогіе, голодные, обиженные, пьяные, лѣпивые и недовольные ни козацкими, ни панскими порядками стали нападать на панскія имѣнія, на мѣщанскіе дворы, на зажиточныхъ реестровыхъ козаковъ, которыхъ называли *дуками срібл яніками*, на-конецъ и на жолнеровъ, которыхъ брали *дучманами*.

Хмельницкій издалъ универсаль, въ которомъ говорилъ, что теперь уже не годится дѣлать того, что дѣжалось прежде, а себя вы-гораживалъ изъ какихъ-либо бунтовъ поспольства противъ пановъ. Онъ грозилъ непослушнымъ строгою карою; но его угрозы оказались без-сильными. Подобно тому какъ Татары повиновались турецкому султану только въ поощреніи, но никакъ не въ прекращеніи набѣговъ, отатаренная Хмельницкимъ чернь смотрѣла теперь скрипа на того, о комъ кобзари пѣли ей хвалебныя думы за возбужденіе къ поджогу, грабежу и рѣзни. И какъ со временіемъ Косинского гербованная шляхта разбойничала вмѣстѣ съ козаками, такъ теперь шляхта негербо-ванна, реестровые козаки, гайдамачили вмѣстѣ съ развращеннымъ козатчиною поспольствомъ, а во главѣ гайдамачества являлись даже полковники, искавшіе себѣ славу Морозенковъ, Переображеновъ, Нечасевъ и прокладывавшіе дорогу къ гетманству по примѣру самого Хмеля.

Проживавшій въ это время въ Киевѣ Ерличъ записалъ у себя въ дневникѣ, что въ мѣстечкѣ Срібномъ (Sybryi), за Днѣпромъ „хлон-ская сваволя“ измѣною разбила на голову двѣ хоругви (какъ это было сдѣлано при Конецпольскомъ въ Дымерѣ). Но не долго они торжествовали (продолжаетъ православный шляхтичъ): лишь только дали знать объ этомъ Войниловичу, командовавшему полкомъ князя Виш-невецкаго, онъ тотчасъ вторгнулся въ городъ, вырѣзаль всѣхъ отъ великаго до малаго, а городъ сжегъ. Въ отвѣтъ на эту энергическую мѣру, появились гайдамацкія ополченія въ разныхъ мѣстахъ. Въ Липовомъ, въ Рабухахъ, принадлежавшихъ къ миргородскому полку, жол-

перы снова имѣли свалку съ мѣстными жителями. Подъ Лубнами появился гайдамака Бугай. Подъ Нѣжиномъ собралась гайдамацкая купа подъ начальствомъ Лукьянна Мозыры. Этотъ былъ золь на Хмельницкаго за то, что онъ ссадилъ его съ корсунскаго полковничества, которое отдалъ своему швагеру Золотаренку. Мозыра, какъ и Пере-бійность, воображалъ себя ничѣмъ не хуже Хмеля, и мѣтилъ самъ сдѣлаться гетманомъ. Наконецъ миргородскій полковникъ, Гладкій, заявившій то же стремленіе подъ Берестечкомъ, составилъ заговоръ противъ жолнеровъ, и днемъ ихъ избенія во всемъ миргородскомъ полку назначилъ день Свѣтлаго Воскресенія, когда жолнеры подгуляютъ. Произошла кровопролитная рѣзня; но, видно, на пьяныхъ напали пьяные: проспавшись, испугались они гайдамацкаго геройства своего, и Гладкій былъ схваченъ хмельничанами. Около Мглины и Стародуба произошло такое же столкновеніе хозяевъ съ постояльцами; а всѣ эти случаи вмѣстѣ выражали раздраженіе Козацкаго Народа противъ гетмана, который столько разъ поднималъ его кончать Ляховъ, и опять возвращалъ Украину къ прежнему порядку вещей. Былъ въ Польшѣ слухъ, что козаки собирались идти на Чигиринъ и положить конецъ орудованью Хмельницкаго. Хмельницкій успокоилъ, или разъединилъ козацкій народъ лишь тѣмъ, что въ прибавку къ 20.000 узаконенныхъ реестровиковъ записалъ въ секретный реестръ еще больше 20.000.

Между тѣмъ онъ просилъ короля назначить военносудную комиссию для разслѣдованія и кары украинскихъ бунтовъ. Эта комиссія приговорила къ смертной казни Хмелецкаго, Мозыру, Гладкого, войскового судью Гуляницкаго и многихъ мелкихъ ватажковъ гайдамачины. Хмельницкій игралъ при этомъ роль человѣка подначальнаго, но въ сущности пользовался возможностью извести своихъ недоброжелателей, и особенно тѣхъ, которые, посредствомъ бунтовъ, подкапывались подъ его гетманство. Въ видахъ будущихъ козней, интриганъ очищалъ свой извилистый путь отъ препятствий, и въ то же время сбѣжалъ въ народъ новую пенависть къ Ляхамъ, которые, по козацкому возвѣянію, теряли не только право мести ударомъ за ударъ, но и право государственного суда надъ разбойниками. Все-таки ему становилось болѣе и болѣе жутко среди своихъ „дѣтей, друзей, небожатъ“. Мирясь по неволѣ съ панами, ища защиты даже въ испавистныхъ для него постояльцахъ, онъ видѣлъ, какъ его удѣльное княжество таяло вслѣдъ за своимъ возникновеніемъ. Теперь ему больше, нежели когда-либо, нужна была царская помошь. Онъ домогался у царя хоть небольшаго отряда ратныхъ людей, лишь бы та слава была, что Москва стоитъ съ нимъ заодно. Но царское правительство на всѣ его

представленія о православныхъ церквахъ, на всѣ его проекты широкихъ завоеваній отвѣчало съ мучительнымъ для него достоинствомъ, что великий государь, его царское величество, милостиво похваляется его за то, что онъ государской милости къ себѣ ищетъ, и т. д. Царское правительство помогало голодному малорусскому народу московскимъ хлѣбомъ, и оставляло безо вниманія мольбы и слезы козацкаго гетмана.

Хмельницкій видѣлъ, что и безъ него все въ Малороссіи паклонилось въ московскую сторону. Онъ боялся остаться ни причемъ съ ватагой головорѣзовъ да съ Татарами среди края, не имѣющаго ни естественныхъ границъ, ни крѣпостей, и среди народа, проѣлипающаго его даже въ своихъ пѣсняхъ. Вмѣстѣ съ другомъ и обманщикомъ своимъ, Выговскимъ, онъ обольщалъ царскихъ людей перспективою не однихъ военныхъ, по и промышленныхъ успѣховъ; разоритель обольщалъ строителей, расточитель—собирателей, полудикийnomadъ—государственныхъ экономистовъ. „Великому государю“ (допесили они со словъ писаря Запорожского Войска), „его государскимъ счастьемъ къ великому московскому пространству и многолюдному государству, и безъ войны, и безъ кровопролитія, учнится прибавленіе болыше, и овладеТЬ онъ, великий государь, многою землею и городами; и тѣхъ городовъ ему, великому государю, съ мѣщанъ и со всякихъ чиновъ людей и съ ихъ торговыхъ и съ иныхъ и со всякихъ промысловъ учнится ево государской денежной казнѣ прибыль многая, потому что православныхъ христіянъ многолюдство болыше, и промыслы всякими промышляютъ въ своихъ городѣхъ, и въ иныя государства для всякихъ своихъ промысловъ ѣздятъ такъ же и къ пимъ въ города изъ иныхъ государствъ многіе купецкіе и всякихъ чиновъ люди со всякими многими товары и для иныхъ всякихъ своихъ промысловъ прїѣзжаютъ же“.

А что польский король вздумалъ бы воевать противъ царя (говорилъ имъ Выговскій), такъ этого опасаться напрасно: „польскому де королю противъ великого государя стоять некѣмъ“. Онъ поспѣшить прислать въ Москву своихъ пословъ, и пойдетъ на всевозможныя уступки. Если же великий государь пошлетъ на него съ козаками своихъ ратныхъ людей, тогда Польская Корона и Великое Княжество Литовское перейдутъ подъ его высокую руку безъ войны: ибо онъ дрожать отъ страха предъ одними козаками. Другое дѣло (продолжалъ Выговскій), если государь не приметъ козаковъ теперь же въ подданство, а польский король станетъ подговаривать и прельщать ихъ на совмѣстную войну противъ Москвы, дабы поссорить ихъ съ великимъ государемъ и навсегда отвлечь отъ московского подданства. Въ

такомъ случаѣ онъ (Выговскій) сильно опасается, чтобы козаки не попали съ панами на московское государство воиною; а крымскій царь и поготову пойдеть воевать московское государство. Онъ и теперь пошель бы на Москву, да козаки отказались биться съ единовѣрными православными христіянами и проливать между себя христіянскую кровь; „за то де Крымскій на гетмана гнѣвался долгое время“.

Видя, что ни слезами, ни политическими и торговыми послулами нельзя склонить Москву въ свою пользу, Хмельницкій вернулся къ прежней политикѣ запугиванья. „Порази меня Богъ“ (говорилъ онъ), „если не пойду на Москву и не разорю ее пуще Литвы!“ И послѣ такихъ угрозъ онъ снова увѣрялъ москвичей въ своей готовности заевовать въ пользу царя всю королевскую землю. Но увѣрять въ своей преданности, хвалиться своею силою и грозить своею местью—было ремесломъ Хмельницкаго, которое онъ прилагалъ къ христіянскимъ и къ магометанскимъ государствамъ безъ всякаго стыдненія.

Заключивъ Бѣлоцерковскій договоръ, онъ тотчасъ написалъ въ Стамбулъ, что у него была съ Поляками ужасная война, послѣ которой заключилъ онъ миръ, по миръ почетный, безъ нарушенія прежней дружбы съ крымскимъ ханомъ, которую (писалъ онъ) мы желаемъ сохранить до конца дней своихъ, равно какъ и быть вѣрными подданными вашего цесарскаго величества. Онъ просилъ у султана грамоты къ Крымскому хану, повелѣвающей участвовать во всѣхъ козацкихъ войнахъ; а съ нурединъ-султаномъ и съ Каракъ-мурзою заключилъ особый договоръ. Предвида новую войну съ панами, Хмельницкій заручился турецко-татарскою помощью заблаговременно.

Дѣйствительно, сеймъ не утвердилъ статей, стоявшихъ Потоцкому послѣднихъ усиий, но не утвердилъ потому, что былъ сорванъ однимъ изъ литовскихъ пословъ, по интригѣ панскихъ партій. Пропившіе свою добычу козаки только того и ждали. Немедленно были призваны Татары, и войско начало готовиться къ походу. Было рѣшено — задѣть Польшу со стороны ея союзника.

Въ октябрѣ 1651 года, Потоцкій послалъ къ Хмельницкому Маховскаго хлопотать о дозволеніи размѣстить коронное войско во всей Брацлавщинѣ. Хмельницкій согласился на это, но ограничилъ право сбора провѣлита, и прибавилъ условіе, чтобы жолнеры вели себя во всѣхъ отношеніяхъ скромно и сдержанно. „Тягостно было вождямъ и войску“ (пишетъ Освѣтимъ) „получать ограниченія и предписанія отъ подданного; но, уступая тяжкой необходимости и не желая нарушать изъ-за мелочи заключенный договоръ, они подчинились. Войско было распределено въ Украинѣ по селамъ и мѣстечкамъ, начиная съ Са-

враня, по всей почти Уманщинѣ, и, согласно съ требованіемъ Хмельницкаго, получало право на сборъ самого ничтожнаго провъянта. Панъ Маховскій привезъ еще и другую, болѣе серьезную и тревожную повость,—что Хмельницкій намѣренъ отправить своего сына, Тимоша, съ частью войска, въ Волошину, для бракосочетанія съ дочерью волошскаго господаря. Съ Тимошемъ онъ рѣшился отправить и Татаръ, кочевавшихъ на Капустяной долинѣ у Корсуня, и назначилъ время сбора въ походъ черезъ двѣ недѣли".

Маховскій, сверхъ того, вывѣдалъ и донесъ Потоцкому, что къ Хмельницкому пришелъ нуреддинъ султанъ со всею Крымскою Ордою. Хмельницкій скрывалъ его приходъ, и увѣрялъ Потоцкаго, что размѣстилъ пришедшихъ къ нему Татаръ такъ, чтобы они не могли вредить королевскимъ областямъ. „Но Татары“ (писаль Потоцкій къ королю) „не привыкли возвращаться безъ облову. Они будутъ гостить—или въ польскихъ, или въ волошскихъ владѣніяхъ, которымъ и самъ Хмельницкій грозитъ за свое сватовство“. Въ послѣднемъ случаѣ, Потоцкій соѣтовалъ „спасать сосѣда и вѣрного слугу“ (волошскаго господаря), о чёмъ и завелъ съ нимъ переписку; войска же по квартирамъ не распустилъ, и оставилъ его въ сборѣ у Махновки, подъ гѣмъ предлогомъ, что въ Брацлавщинѣ не прекратились еще волненія.

Волненія не прекращались во всю Хмельниччину въ Малороссіи: мужики вмѣстѣ съ козаками бунтовали то противъ пановъ, то противъ самого Хмельницкаго. Кисѣль, по-званию киевскаго воеводы, пѣнялъ Хмельницкому за новые бунты, и Хмельницкій обѣщалъ ему казнить виновныхъ передъ его глазами; но такія казни служили у него только ширмою замышляемыхъ имъ самимъ падѣговъ. Чтобы отвлечь вниманіе Потоцкаго отъ Волошины, Хмельницкій писалъ къ нему о старыхъ, не додѣланыхъ при Владиславѣ IV чайкахъ, и манилъ его надеждою на совмѣстный походъ противъ Туровъ.

„Видѣть Богъ совѣсть мою“, увѣрялъ опь въ своей искренности того, которому козаки приписывали „рѣзумъ жинцькій“. Но сынъ Потоцкаго Андрей, галицкій староста, отзывался о старомъ плутѣ къ Тизенгаузу такъ: „Подозрительна намъ вѣрность нашего пріятеля. Хоть и сладко жь намъ пишеть, но на дѣлѣ та же у него свирѣпость, что и прежде была: Орды не отсылаетъ, стоянки нашему войску откладываетъ на послѣ Рождества Христова, а противъ господаря волошскаго замышляетъ новыя враждебныя дѣйствія (*novam hostilitatem meditatur*) за то, что одинъ онъ былъ напімъ вѣрнымъ сосѣдомъ. Просовѣтуйте королю поскорѣе послыдать войска свои въ помощь господарю. Ибо, хоть бы король и написать цицмо къ этому пьяни-

цѣ, то онъ только фыркнетъ (za firkęto będzie u niego). Вотъ какой прекрасный миръ устроилъ намъ Кисѣль!

Но Кисѣль до конца вѣровать въ возможность невозможнаго, въ соединеніе несоединимаго, и теперь, въ качествѣ зловреднаго для Поляковъ и для насть праведника, писалъ королю: „Меня зовутъ не гражданиномъ, а предателемъ Рѣчи Посполитой. Чѣдѣлать? Таковъ умъ человѣческий. Терпѣть самое тѣжкое, это—знаки праведника (*graviora pati sunt signa beat(i)*)“. А Хмельницкій между тѣмъ новымъ ударомъ ножа въ папское сердце еще разъ опредѣлилъ цѣну киселевской политикѣ.

Намъ опять приходится бродить въ кровавыхъ лужахъ растворенныхъ слезами отцовъ и матерей, женщинъ и дѣтей,—опять приходится описывать подвиги „борцовъ за вѣру православную и народность русскую“. Начнемъ съ несчастной женщины, помѣченной Хмелемъ въ число своихъ безчисленныхъ жертвъ.

Въ 1651 году, во время Берестечской войны, Роксанды Лупулову находилась въ Стамбулѣ. Людямъ, окружавшимъ Яна Казимира, нужно было сочинять о невѣстѣ молодаго Хмельницкаго такие же слухи, какъ и о женѣ стараго Хмеля. Множество ушей, и подлиннѣе, и покороче королевскихъ, впимало этими слухамъ *z usiechą*, и вотъ Поляки до сихъ поръ повторяютъ намъ, что какой-то агентъ Лупула продалъ Роксанду, по словамъ турецкихъ лѣтописцевъ, какому-то венгерскому или польскому магнату за 20.000 піастровъ. Этого съ нихъ мало: ею де интересовался нѣкоторое время и великий визирь, Ахметъ. Но бѣгство Хмельницкаго изъ-подъ Берестечка и паденіе великаго визиря освободили Роксанду изъ унизительного положенія.

Тотчасъ по заключеніи Бѣлоцерковскаго договора, Хмельницкій, по словамъ Поляковъ, отправился въ Стамбулъ (отлучка, невозможная для Хмельницкаго), и позонилъ мѣшкомъ золота передъ инѣчарскими очами. Султанъ Мурадъ былъ малотѣленъ. Турцией правилъ серальскій триумвиратъ, съ прибавкою женщинъ. Могущественнѣйший изъ триумвировъ, Нѣхастъ-ага, наименовалъ Хмельницкаго сыномъ своимъ, убѣждая отдаваться безусловно въ турецкое подданство. Хмельницкій обѣщалъ Туркамъ все, а Турки предоставили ему въ распоряженіе Волощину.

Николай Потоцкій глядѣлъ на задуманное Хмельницкимъ вторженіе въ Волощину, какъ на великую обиду Рѣчи Посполитой. Но его здоровье требовало отдыха; онъ передалъ свою власть полевому гетману и уѣхалъ въ Хмельникъ, гдѣ и умеръ.

Пока Тимошъ готовился къ походу, въ Стамбулѣ совершился правительственный переворотъ, и верховная власть перешла къ людямъ враждебнымъ Хмельницкому. Хмельницкій не осмѣлился нападать на Волощину. Въ то время за Днѣпромъ начались противъ него бунты, а до Калиновскаго дошло извѣстіе, что вмѣсто 20.000, въ козацкій реестръ вписано попрежнему 40.000. Коронный гетманъ привлекъ гетмана козацкаго къ отвѣтственности. Хмельницкій отвѣчалъ, что не можетъ совладать съ окозаченою чернью, но что впослѣдствіи все придется въ надлежащей порядокъ. Калиновскій помогалъ ему карать бунтовщиковъ, неподозрѣвая, что освобождается врага отечества отъ опасныхъ для него людей; а Хмельницкій ждалъ только весны, чтобы наступить съ Татарами на волошское Заднѣстріе. Въ Стамбулѣ писалъ онъ между тѣмъ о своемъ вѣрноподданствѣ и грозилъ, что если не поддержать его, то онъ будетъ вынужденъ повиноваться королю и идти, куда ему велятъ, хотя бы даже и на Туркъ.

Турки сами находились въ затруднительномъ положеніи и не могли поддерживать козаковъ. Но Хмельницкому нужно было одно,— чтобы ему не мѣшиали. Къ несчастью для христіанъ, породившихъ такое чудовище, письма его въ Стамбулѣ, какъ и письма Крымскаго хана, перехватилъ искусный въ этомъ дѣлѣ Лупулъ и передалъ ихъ черезъ Калиновскаго въ Варшаву.

Калиновскій высказалъ Хмелию напрямикъ, что онъ поступасть предательски. Онъ воображалъ, что этими смутить и запугаетъ Козацкаго Батька. Потомокъ убийцы Наливайкова отца не въ состояніи былъ спуститься до самаго дна въ потемки козацкой души. Хмельницкій не только отвергалъ свое предательство, какъ всегда и все, что ему было нужно отвергать, но еще ропталъ на Калиновскаго, что онъ такими выдумками дразнить короля, а между тѣмъ подсказалъ Исламъ-Гирею, что Лупулъ и Калиновскій нанесли ему смертельную обиду. По малорусской пословицѣ: „чортъ у чорта сповидѣвся, одиѣть моргнувъ, другой догадаѣвся“, татарскій ханъ воспользовался намекомъ хана козацкаго: и къ Лупулу, и къ Калиновскому отправилъ онъ пословъ, требуя объясненія, по какому праву письма его были перехвачены и вскрыты.

„Да будетъ хвала Господу Богу“ (писалъ къ Лупулу достойный побратимъ Хмельницкаго), „что мы, не довѣряя пактамъ съ королемъ, и лѣтомъ, и зимою и во всякое время держимъ наготовѣ татарскія Ногайскія и Крымскія войска, которые, прося постоянно о войнѣ съ Польшею, вздыхаютъ къ Богу, о чѣмъ вы лучше можете знать; а если Поляки, разорвавши пакты, отправятъ противъ козаковъ свое войско,

то пускай о томъ вѣдають, что цари Татары умилосердятся надъ козаками, и не перестанутъ ихъ спасать, какъ лѣтомъ, такъ и зимою".

Лупулъ оправдывался передъ ханомъ, что это Поляки перехватывали письма, а Калиновскій—что это не его войско сдѣлало, а получиль онъ извѣстіе о перепискѣ отъ короля.

Послѣ того оба хана написали другія письма въ Стамбуль; но Лупулъ подоспалъ къ Исламъ-Гирею шпіоновъ и узналь, что весь походъ, къ которому они готовятся, направлѣнъ противъ него.

Не иснугался, однажды, господарь, зная, какъ много значить въ защитѣ отъ непріятеля богатство, навербовалъ 12.000 войска съ польскими офицерами, можно сказать, обученными Хмельницкимъ, призвалъ на помощь Калиновскаго, а королю написалъ отчаянное письмо, заклиная его любовью къ отечеству (которое для нихъ обоихъ не существовало), заклиная его счастьемъ Поляковъ (которые въ глазахъ Яна Казимира были хуже псовъ), чтобы онъ повелѣлъ Калиновскому защищать отъ Хмельницкаго входъ въ Волощину.

„Этотъ счастливый и дерзкій человѣкъ“ (писалъ господарь) „домогается, чтобы я отдалъ его сыну дочку, единственную отраду моей старости, и грозить мнѣ войною, а шпіоны мои доносятъ, что у него войска готовы, и на чѣлѣ ихъ стоить Тимоѳей съ Карабѣ-беемъ. Несвѣрный сынъ Хмельницкаго, вмѣстѣ съ татарскимъ княземъ, получилъ наказъ—замучить отца и отнять дочку, которая, говорять они, при надлежитъ имъ какъ невольница, такъ какъ, два года тому назадъ, разбойничимъ оружіемъ принудили меня согласиться на это неприятное замужество“.

На свое письмо Лупулъ получилъ отъ короля уклончивый отвѣтъ. Король увѣрялъ, что онъ опасается напрасно: ибо Хмельницкій готовится не на него, а на Рѣчи Посполитую; увѣдомлялъ его, что получилъ обѣ этомъ дѣлѣ самыя обстоятельныя извѣстія, и успокоивъ господаря, что Хмельницкій не отважился бы нападать на Волощину, землю, принадлежащую султану, подъ опеку котораго самъ онъ теперь мостится.

Получивъ такой отвѣтъ, Лупулъ обратился съ просьбой о помощи къ польскимъ панамъ и нашелъ между ними людей, иначе къ себѣ расположенныхъ.

Гетманъ Калиновскій, о которомъ говорили, что и самъ онъ имѣлъ виды на руку Роксанды, велѣлъ срыть широкіе окопы въ своихъ добрахъ подъ горой Батогомъ и расположилъ въ нихъ обозъ, подъ предлогомъ обезпечения Рѣчи Посполитой отъ набѣговъ Орды и козацкихъ замысловъ.

Выбранное для лагеря мѣсто было неудобное; но оно стояло на пути Хмельницкаго и заслоняло Волощину отъ козакотатарского вторженія. Панята обѣщали прислать сильныя хоругви. Во всѣхъ магнатскихъ замкахъ готовились къ походу, который молодымъ аристократамъ представлялся романтическимъ. Всѣ дали себѣ слово не допустить, чтобы прелестная княжна, миновавъ Потоцкихъ, Вишневецкихъ, Калиновскихъ, очутилась въ объятіяхъ дикаго неотесы-козака. Это говорятъ польскіе историки, забывая, что ихъ Потоцкіе, Вишневецкіе, Калиновскіе не брезгали брачнымъ союзомъ съ женщиной, находившуюся въ унизительномъ положеніи одалиски, равно какъ и всѣ панята, зараждавшіе рыцарскою грудью дорогу дикому неотесѣ-козаку.

Потоцкіе снабдили гарнизономъ и запасами Подольскій Каменецъ и, чтобы обезнадежить Хмельницкаго, распустили слухъ, будто бы господаровна тайно обвѣчана съ Петромъ Потоцкимъ, губернаторомъ Каменца, сыномъ покойлаго гетмана. Калиновскій привелъ въ движение всѣ южныя воеводства; агитировалъ противъ Хмельницкаго между козацкими полковниками. Говорили даже, что онъ старался умертвить Хмельницкаго, и съ этой цѣлью подослали въ Чигиринъ своего козака, Бублика, но Бубликъ былъ схваченъ, и признался во всемъ на пыткѣ. Этому извѣстію вѣрили тѣмъ больше, что знали, какъ раздражены взаимно козацкій и коронный гетманъ. Самъ де Хмель рассказывалъ объ этомъ во всеуслышаніе, и на вопросъ: почему не навѣстилъ коронного гетмана? отвѣчалъ: „мнѣ безопаснѣе жить вдалекѣ: уже нѣсколько разъ были на меня засады“.

Въ такомъ положеніи дѣло миновала зима 1651—1652 года. Калиновскій проводилъ ее въ Брацлавъ, гдѣ изъ любви къ единственному сыну содержать многочисленный дворъ и угождать весьма роскошно молодежь самыхъ знатныхъ панскихъ домовъ. Вся она бредила рыцарскими подвигами въ отраженіи козакотатарской орды и привлекла подъ свои хоругви цвѣтъ молодежи шляхетской, въ качествѣ охотниковъ.

Но наступившая весна не обнаруживала никакихъ признаковъ близкой войны. Въ этомъ видѣнѣ былъ мастеръ козацкаго дѣла. Начали было уже сомнѣваться въ донесеніяхъ Лупула, а коронный гетманъ былъ совершенно увѣренъ, что дѣло обойдется безъ войны. Онъ даже не позаботился стянуть заранее 4.000 жолнеровъ, разставленныхъ по Заднѣпрю. Вдругъ является въ брацлавскомъ дворцѣ козацкій посолъ, сопровождаемый внушительнымъ конвоемъ, привѣтствуетъ величаваго хозяина отъ имени гетмана Запорожскаго Войска и вручаетъ ему письмо слѣдующаго содержанія:

„Не хочу скрывать передъ вашей милостью, что сынъ мой, вихреватый Тимоѳеемъ, собравши нѣсколько тысячъ войска, бѣжитъ въ Волощину, чтобы принудить къ супружескому обѣту господарскую дочку. Поэтому предостерегаю вашу милость, чтобы вы отступили съ войскомъ отъ волошской границы и ушли въ глубину границъ польскихъ: а то, пожалуй, сынъ мой, увлеченный молодецкою запальчивостью, не вздумалъ бы на вашей головѣ попробовать своей военной фортуны“.

Коронный гетманъ поскорѣе соединилъ въ лагерь подъ Батогомъ, а пѣкозаки на Батозѣ, всѣ силы, какія были у него подъ рукой, и тотчасъ отправился туда самъ.

Укрѣпленный станъ Калиновскаго былъ замкнутъ съ обѣихъ сторонъ байраками, а съ тыла лѣсомъ, и занималъ равнину близъ рѣки въ длину на цѣлую милю Бога. Внутри стояли огромные скирды соловы, фуражка, и было заготовлено сѣстныхъ припасовъ на нѣсколько десятковъ тысячъ войска.

Для 20.000-ной арміи, стянутой сюда Калиновскимъ, былъ онъ слишкомъ обширнъ, такъ что и вдвое большее войско едва ли могло бы оборонять его. Такіе размѣры были ему даны съ тою цѣлью, чтобы въ него могли стягиваться отовсюду польскія и литовскія подкрѣпленія.

Едва силы короннаго гетмана соединились въ этомъ несоразмѣрномъ стану, какъ 29 (19) мая 1652 года появились уже на лѣвой сторонѣ Бога бродячія купы Татаръ. На другой день переправился султанъ-нуреддинъ съ ордой своей пониже Батога, и тотчасъ наступилъ на лагерь. Онъ занималъ полѣскую конницу (я уже не пишу польскорусскую) въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а потомъ отступилъ почти на милю отъ становища, между тѣмъ какъ приближающіеся отряды козаковъ остановились не очень далеко на горѣ.

Непріятель обеспечилъ себѣ переходъ черезъ рѣку. Схваченные плѣнники говорили, что Тимоѳеемъ Хмельницкій, съ „великимъ войскомъ“, переправляется пониже, и намѣренъ, минуя Батогъ, идти прямо въ Волощину.

Калиновскій отправился на рекогносцировку и съ ужасомъ увидѣлъ передъ собой тысячу двѣсти войска. Перейдя Богъ, оношло, подъ вечеръ, по направлению къ западу, и, ловидимому, не имѣло намѣренія переходить рѣчку, которая впадаетъ въ Богъ пониже Батога.

Трудно было допустить, чтобы громадныя козакотатарскія войска оставили у себя въ тылу цѣлую армію польскую, не попытавъ счастья. На военномъ совѣтѣ, генералъ Пршіемскій, предводитель артиллеріи и пѣхоты, былъ того мнѣнія, что козаки и Татары не пойдутъ безъ боя за Днѣстръ, а если осадятъ коронное войско, то онъ спасенія не

чаетъ; поэтому совѣтовалъ Калиновскому бѣжать немедленно комонникомъ въ Каменецъ, а онъ, съ пѣхотой, надѣется обороняться до тѣхъ поръ, пока хватитъ сѣйствныхъ припасовъ. Между тѣмъ Калиновскій соберетъ войско, и прибудетъ къ нему на выручку. Припемскій обѣщалъ продержаться въ осадѣ мѣсяца два, а потомъ сложить голову честно въ бою.

Долговременная служба его во французской и въ шведской арміяхъ, его подвиги въ недавнихъ битвахъ за отечество и личный характеръ его внушали всѣмъ довѣріе. Но коронный гетманъ поддался тому самому демону завязтости, который внушилъ мысль окопаться на Солоницѣ сыну старика Наливайка, погибшаго, можетъ быть, и безвинно. Человѣческому сердцу отрадно предполагать невидимую связь между преступленіями предковъ и бѣдствіями потомковъ. Въ своей беспомощности ему отрадно вѣровать, что судьба преслѣдуje злодѣянія до седьмого колѣна. Калиновскій дико воспротивился общему мнѣнію вождей, чтобы погибнуть въ безславномъ бою съ единственнымъ сыномъ своимъ.

Начали ночью рыть землю и уменьшать объемъ. На другой день со всѣхъ сторонъ появились козацкія и татарскія чаты. За чатами наступалъ Тимошко, какъ звали его паны, Тимішъ или Тимкѣ, какъ звали его козаки. Непроглядная туча Татарь, козаковъ и окозаченной черни нависла надъ панскимъ лагеремъ. Теперь уже Калиновскому не было возможности уйти комонникомъ.

Панское войско упало духомъ, по сказанію самихъ Поляковъ. Особенно конницу поразилъ ужасъ. Она металась въ отчаяніѣ по лагерю, проклиная выборъ мѣста, упорство, несправедливость, наконецъ—измѣну гетмана. Особенно трагическое положеніе было знатныхъ гостей, своихъ и иностранцевъ, которые, протанцовавъ цѣлый сезонъ и пролюбезничавъ начало весны съ дамами, очутились теперь среди козакотатарскихъ танцевъ. Предводители конницы начали составлять круги и совѣщаться о бѣгствѣ. Темою совѣщаній была очевидная и бесполезная гибель конницы въ безпрерывныхъ битвахъ съ многолюднымъ непріятелемъ, подъ начальствомъ глупаго старика, тогда какъ пѣхота, имѣя превосходнаго генерала, будетъ въ состояніи обороняться не сколько недѣль за валами, и, не дождавшись выручки, сдастся на капитуляцію. Между польскими кавалерами были и такие шляхтичи-козаки, которые совѣтовали связать короннаго гетмана и выдать Ордѣ для умилостивленія.

Калиновскому живо представился рѣкошъ, подобный тому, который подняли жолнеры на Цецорѣ и въ которомъ самъ онъ, будучи

юношой, игралъ не весьма почтенную роль. Онъ принялъся увѣщевать и просить своихъ соратниковъ, по примѣру Жовковскаго, который, въ знаменитой ретирадѣ къ Даѣстру, честно сложилъ премудрную голову. Но, видя, что его никто не слушаетъ, перешелъ отъ смиренія къ запальчивости, нѣвѣдомой Жовковскому, и еще больше повредилъ дѣлу.

Копница выбрала себѣ вождей и, собравши второпяхъ, чтобъ было можно, выѣхала за валы въ ожиданіи ночи.

Междѣ тѣмъ Пршіемскій сыпалъ, съ помощью челяди, валы, расположая войско и пушки для обороны западной стороны лагеря отъ казаковъ. Коронный гетманъ, съ своей стороны, взялся за тотъ умъ, о которомъ сами же Поляки сложили не оправданную ими донынѣ пословицу: „*mądry lach po szkodzie*“*). Онъ вывелъ другую часть пѣхоты противъ Орды и, построивъ ее въ боевой порядокъ подъ валами, выслалъ впередъ нѣсколько вѣрныхъ ему хоругвей и добровольцевъ, подъ начальствомъ Марка Собіскаго и Одривольскаго, которые мужественно отражали татарскую конницу. Самуиль Калиновскій, сынъ гетмана, стоялъ съ хоругвями своими въ резервѣ. Онъ получилъ отъ отца приказъ наблюдать за возмутившеюся конницей и, въ случаѣ, когда бы она захотѣла привести въ исполненіе свой замыселъ, принудить ее къ послушанію.

Во все это время непріятель стоялъ бездѣйственно. Былъ слухъ, что Тимкѣ єздилъ съ полковниками къ отцу, который находился въ трехъ миляхъ отъ Батога, съ вопросомъ: что дѣлать съ непріятелемъ, котораго держитъ уже въ рукахъ? Единственнымъ наставлениемъ старого Хмеля молодому были слова: „Дохлый не скусится“.

Оставалось два часа до захода солнца. Было ужъ поздно козако-Татарамъ начинать битву, какъ ихъ чаты донесли, что Ляхи—бьются сами между собой.

Тимкѣ велѣлъ полковнику Золотаренко, съ 30.000 войска, занять папскій станъ съ западной стороны, обороняемой Пршіемскимъ; а между тѣмъ нурединъ приблизился къ Батогу, и, видя зрѣлице невиданное, подвигался медленно впередъ. Онъ опасался засады и не смѣлъ сразу ударить на Ляховъ.

Передъ лагеремъ, на широкомъ полѣ, кипѣла бѣшеная битва между пѣхотой и конницей одного и того же войска. Это постыдное для польской націи и польского характера дѣло, по разсказу польской исторіографіи, произошло вотъ какимъ образомъ:

Калиновскій, получивъ отъ сына допесеніе, что конные хоругви вознамѣрились бѣжать вплавъ за рѣку Богъ, отправилъ пѣхотные ре-

*.) „Уменъ Ляхъ по шкодѣ“.

гименты къ конницѣ, „чтобы поддать отваги трусамъ (aby tchórzom napędzić odwagi)“, какъ выразился онъ. Нѣмцы пустили градъ пуль, но больше для острастки, нежели серьезно. Пораженная страхомъ, польская конница сперва не смѣла дышать, ни тронуться съ мѣста. Но, прійдя въ себя, жолнеры стали кричать, проклинать и, доведенные до бѣшенства, метнулись па Нѣмцевъ, чтобы не тибнуть безнаказанно. Нѣмцы дѣлали свое дѣло стойко.

Борьба дошла до наибольшаго ожесточенія, когда ротмистръ Пршиемскаго, Винцентій Зѣлиницкій, приѣжалъ къ гетману, прося подкрепленія и донося, что Пршиемскій съ оставленными при немъ 1.500 человѣкъ не можетъ устоять противъ козаковъ.

Гетманъ, занятый борьбою съ собственнымъ войскомъ, не видѣлъ, что козаки напали съ тылу на лагерь. Узнавъ теперь объ этомъ, пріостановилъ пальбу и послалъ пѣхоту спасать Пршиемскаго, а самъ, съ вѣрными хоругвями, выпелъ противъ надвигавшихся Татаръ, воображая, что вся конница послѣдуетъ его примѣру. Но взбунтованные полки, при видѣ наступающей Орды, разѣялись, по выражению польского историка, какъ табунъ дикихъ лошадей. Одни бросились къ рѣкѣ Богу, другие разбрѣзались куда попало. Но Татары захватили ихъ рогами своего полумѣсяца, и почти всѣ они, кроме нѣсколькихъ сотъ, переплыvшихъ Богъ, очутились въ плѣну.

Гетманъ, раненный дважды самъ, ушелъ съ Нѣмцами въ лѣсъ; но, услыхавъ, что сына его схватили, вернулся, чтобы отбить его. Здѣсь, окруженный пепріятелемъ, палъ онъ вмѣстѣ съ сыномъ, короннымъ обознымъ. Когда его сѣдую голову принесли къ Тимку Хмельниченку и нуредину-султану, козакъ бросилъ за пеc головорѣзу червонецъ, а Татаринъ сказалъ гетманской головѣ: „Не доплатиль ты мнѣ, хрестянинъ“.

Охвативъ конницу, Татары подвигались впередъ, однакожъ осторожно, всѣ-таки опасаясь военной хитрости. У входа въ окопы, стояль молодой Марко Собійскій съ ветераномъ Жовковскаго и Конецпольскаго, Одривольскими. Въ славной ретирадѣ съ долины Цецоры къ Днѣпру Одривольскій поддался паникѣ; за то, послуживъ доблестно во многихъ походахъ противъ Татаръ и козаковъ, не посрамилъ теперь своего имени. Съ ними стояли хоругви добровольцевъ, не желавшіе спасаться бѣгствомъ, стояли офицеры взбунтованной конницы и знатные гости, терпѣвшіе на чужомъ пиру кровавое похмелье.

Орда наступала на нихъ нѣсколько разъ и разбивалась, точно обѣ стѣну; наконецъ позвала па помошь своихъ побратимовъ. При видѣ сверкающихъ въ лѣтнихъ сумеркахъ пищалей и косъ, польскіе всад-

никъ спѣшились, и, стоя за лошадьми, какъ за брустверомъ, ждали въ молчаніи приступа. Произошла дикая бойня лошадей и людей. Тимѣдъ помнить, что дохлый песь не кусается, и не предложилъ капитуляціи мужественному остатку непріятеля; кавалеры не просили ея у варвара. Долго стояли они въ неравномъ бою,—дорогое для потомковъ свидѣтельство, что паны были не всѣ *тиглочики*,—стояли до тѣхъ поръ, пока легли до послѣдняго и доверили земляные валы кровавымъ валомъ тѣль своихъ. Черезъ этотъ ужасный валъ степные людоѣды вошли въ польскій лагерь; но тутъ ихъ ожидала сцена поразительная. При громѣ отчаянной пальбы Иришемскаго, свирѣпствовала пожаръ. Горѣли запасы соломы и фуражка, заготовленные на стотысячную армію и не извѣстно комъ подожжены. Подозрѣвая въ поджогѣ пре дательство, Поляки заявляютъ этимъ въ сотый разъ, что силились под чинить себѣ Русь посредствомъ Руси... Вдругъ огненное море побѣжало бушуя, на жолнерскія палатки и преградило отступленіе Иришемскому, отступленіе, впрочемъ, бесполезное. Стойкая горсть людей ринулась тогда на разыренную массу козаковъ, какъ бывъ объятіе смерти. Въ этихъ объятіяхъ погибла и коронная пѣхота, и коронная артиллерія.

Сцена батоговской трагедіи была тѣмъ ужаснѣе, что посреди стрѣльбы, пожара и рѣзни очутилось множество шляхетскихъ семействъ, выпугнутыхъ изъ Брацлавщины печальнымъ появлениемъ козаковъ и Татаръ. Обезпеченные Бѣлоцерковскимъ договоромъ, несчастные землевладѣльцы только что вернулись на свои пустыри, какъ вновый слухъ о наступленіи козацкихъ и татарскихъ загоновъ заставилъ ихъ опрометью бѣжать въ безопасныя мѣста. Самымъ безопаснымъ мѣстомъ показался многимъ гетманскій лагерь, и здѣсь нѣ сколько сотъ сельско-хозяйственныхъ семей нашло свою погибель.

Батоговскій погромъ былъ для Поляковъ горестнѣе Корсунскаго. Потеря здѣсь была для нихъ ужаснѣе Иллавецкой. Какъ велико было смятеніе націи, низведенной разбойникомъ съ высоты политического величія, видно, между прочимъ, изъ того, что самые серьезные историки ея виали въ легковѣріе, и до сихъ поръ не въ силахъ возвыситься до правосудного безстрастія. Они рассказываютъ, подъ вліяніемъ жажды мщения въ будущемъ, будто бы 5.000 польскихъ пѣхѣнниковъ были на другой день вырублены Татарами, за что де козаки заплатили имъ 100.000 талеровъ. Противъ этого можно было бы сказать, что козаки были не такъ богаты, не такъ щедры, даже не такъ метитѣльны, и доказать все это исторически; но я скажу только одно: Если бы козаки купили у Татаръ 5.000-ный ясырь на убой, то этимъ глупымъ дѣломъ они величались бы въ своихъ лѣтописяхъ и даже въ

пѣсняхъ, не сознавая своего позора. Доказательствомъ служать ихъ историки и поэты, славословящіе козачину передъ культурнымъ свѣтомъ.

Насколько было правды въ чудовищномъ преданіи о козацкой покупкѣ ясыра, видно изъ показанія одного татарскаго плѣнника, Вильчковскаго, поручика полка сеномирскаго воеводы. Онъ появился подъ Львовомъ въ сообществѣ какого-то пана Корицкаго. „Побратимъ этого Корицкаго (фактъ замѣчательный), бѣлогородскій Соферъ-бей, взялъ Вильчковскаго у Орды и возвратилъ ему свободу. Отъ него Вильчковскій слышалъ, будто бы Хмельницкій велѣлъ снять голову Калиновскому, Пршiemскому и всѣмъ инымъ панамъ и товарищамъ, чтѣ отзываются точностю азіятскихъ преданій вообще. Потомъ де Хмельницкій далъ тутъ же 50.000 талеровъ нуреддинъ-султану и обѣщалъ поддать ему Каменецъ за позволеніе обезглавливать всѣхъ невольниковъ. По разгромѣ де войска, въ понедѣльникъ и во вторникъ снимали головы съ плѣнниковъ. Въ среду появился эмиръ, чтобы оставили въ живыхъ, кого еще не обезглавили; но уже остались только малые хлопцы да женщины, а прочие всѣ погибли: потому де погибли, что Хмельницкій останавливался съ султаномъ у всякой переправы, плѣнныхъ отбирали и тотчасъ обезглавливали.

Нѣкто Николай Длужевскій спасся вилавъ черезъ рѣку Богъ съ однимъ только товарищемъ, прибѣжалъ въ Новый Константиновъ ночью, встрѣтилъ здѣсь королевскую почту, идущую въ Батоговскій лагерь, возвратилъ ее всپять и уведомилъ короннаго канцлера о катастрофѣ. По его словамъ, онъ былъ избитъ кистенями, глаза у него были опалены порохомъ; но и въ такомъ положеніи, и въ такой моментъ, когда польской ойцизны угрожала гибель, панъ Длужевскій, подобно Киселю, просьилъ, чтобы его служба не была забыта.

По извѣстію изъ Львова, отъ погрома подъ Батогомъ пе ушло ни одной сотни жолнеровъ. Польша затрепетала изъ конца въ конецъ, и въ трепетѣ своемъ вѣрила даже такимъ ужасамъ, которые не были возможны для козаковъ. Она вѣрила и тому, что теперь Хмельницкій отдастъ Каменецъ Туркамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ 17 (7) іюля Хмельницкій писалъ къ каменецкому гарнизону, называя себя слугою и пріятелемъ его, и порицая упорство защитниковъ Каменца, которые де возлагаютъ упованіе свое не на Бога, а на крѣпость. „Мы же съ войсками нашими“ (писалъ онъ), „прося Господа Бога, будемъ искать способовъ и не уйдемъ отъ васъ до тѣхъ поръ, пока не совершится Божія воля. Вы окружены со всѣхъ сторонъ. Рѣшайтесь сегодня же“.

Ему отвѣчали, что Богъ справедливо караетъ ихъ за грѣхи, за гордость, за преступленія, но что онъ милосердъ, и по его волѣ судьба войны часто бываетъ не та, на которую разсчитываютъ... Попытка взять Каменецъ опять не удалась Хмельницкому.

Современные Поляки толковали покушеніе козацкаго гетмана па эту крѣпость такъ: Хмельницкій обѣщалъ хану расплатиться за походъ на Батогъ Каменцемъ. Литовскій канцлеръ пишетъ, что извѣстіе о Батоговскомъ погромѣ поразило Польшу до отчаянія, что Богъ, въ безконечномъ милосердіи своемъ, заслѣпилъ Хмельницкому глаза, -абы не шелъ онъ далѣе, а попалъ бы осаждать Каменецъ: „а то наѣрное все подбилъ бы онъ тогда подъ свои ноги“. Но такъ какъ гарнизонъ каменецкій оборонялся сильно (продолжалъ Радивилъ, вѣря ходячимъ слухамъ) и много непріятелей пало трупомъ, то татарскій главнокомандующій ударила Хмельницкаго нѣсколько разъ канчукомъ по плечамъ, и онъ долженъ былъ перенести такое оскорблѣніе отъ варвара. Та же молва, записанная тутъ же почтеннымъ княземъ Альбрехтомъ Станиславомъ, гласила, что, по донесенію Хмельницкаго о новыхъ польскихъ силахъ, турецкій султанъ велѣлъ хану послать противъ Поляковъ возвращающихся Татаръ, но Татары воспротивились, и разг҃ибанный де за это ханъ велѣлъ всѣхъ плѣнниковъ обезглавить. „А другое говорять“ (прибавляетъ канцлеръ), „что кровожадный Хмельницкій заплатилъ ему извѣстную сумму, чтобы велѣлъ нашихъ обезглавить, и разлитая такимъ образомъ кровь многихъ воинѣтъ къ Богу о мщеніи“.

Въ то время, когда Батоговский лагерь представлялся еще панамъ устюемъ ихъ панованиемъ въ Малороссіи, заднѣпровское войско знало уже о грозящей ему опасности и спѣшило къ нему на помощь. Самовидецъ, какъ мы уже знаемъ, разсказываетъ, что тамошніе козаки покидали свои приобрѣтенія, переселялись въ Полтавщину, а не то — населяли слободы въ московскихъ земляхъ, не желая оставаться съ жолнерами и давать имъ стацію, которую тѣ взимали въ въ нестерпимыхъ размѣрахъ, дѣлая людямъ кривду по своему жолнерскому обычаю. Теперь жолнеры спасали самихъ себя отъ раздраженнаго народа и спѣшили спасать коронное войско, но тѣмъ не менѣе „чили не малая кривды людямъ, простуючи на кіевскія переправы“. Въ Кіевѣ воеводствовалъ Адамъ Кисѣль, и жолнеры переправились безпрепятственно, какъ въ это время разнеслась вѣсть о Батоговскомъ погромѣ. Кисѣль услышалъ о ней вечеромъ и бѣжалъ изъ воеводского города своего ночью. Зимовавшая въ Кіевѣ шляхта Черниговскаго воеводства толпилась вокругъ жолнеровъ и убиралась вмѣстѣ съ ними за

добра ума. Ерличъ разсказываетъ, что кто остался въ Киевѣ до по-
лудня, того уже не выпустили. Жолисры отъ Киева направились къ
Хвастову, а отъ Хвастова къ Ганчарихъ и Константинову. Въ полѣ,
по словамъ Ерлича, обнайтихъ страхъ, и они, глядя одинъ на дру-
гаго, бросали возы и чтò у кого было, даже одежду и живность, а
военные снаряды (*rynstunki*) начали жечь, о чмъ впослѣдствіи сер-
дечно сожалѣли, оставшись безо всего. Въ такомъ видѣ достигли До-
стоянова и тамъ ждали, пока король назначить имъ главнокомандующаго.

Поручикъ Вильчиковскій разсказывалъ во Львовѣ, что это войско
собралось наконецъ подъ Сокalemъ, требуя заслуженного жалованья,
что король прислалъ ему не въ зачетъ (*dagowizna*) 60.000, но этимъ
оно не удовлетворилось и разъѣхалось изъ-подъ Сокала. Осталось на
службѣ всего едва 1.000 человѣкъ.

Какъ паны ликовали послѣ Берестечского бѣгства козаковъ, такъ
и козаки—послѣ Батоговскаго погрома пановъ. Но, лизуя, Хмельниц-
кий находилъ пужнимъ унижаться и оправдываться передъ людьми,
которыхъ желалъ бы стереть съ лица земли.

Король звалъ въ Варшаву пановъ на чрезвычайный сеймъ для
спасенія отечества отъ врага, для которого не существуютъ никакіе
законы. На этомъ сеймѣ булава погибшаго на Батогѣ Калиновскаго
была вручена племяннику Николаю Потоцкому, Станиславу Потоцко-
му; короннымъ обознымъ, на мѣсто его сына, сдѣланъ Стефанъ Чер-
нецкій; на мѣсто Пршиемскаго полевымъ писаремъ назначенъ Сопігъ;
Лянцкоронскому дано воеводство русское, а Тишковичу, сыну Яна
черніговскаго. Рѣшено было—въ крайнемъ случаѣ, созвать поисполн-
тое рушеніе, а покамѣсть набрать 50.000 паемнаго войска.

Хмельницкій прислалъ на сеймъ своихъ депутатовъ съ оправда-
тельными письмами. Онъ былъ тѣмъ ужасище въ своей истребительной
дѣятельности, что безпрестанно плакался на пролитіе христіянской
крови и обвинялъ представителей Шляхетскаго Народа въ кровожад-
ности. Когда, послѣ Батоговской бойни, всѣ панскіе дома покрылись
трауромъ, онъ еще прибавлялъ имъ горечи своимъ крокодиловскимъ
плачемъ. Дѣлялся изъ виновнаго обвинителемъ и мѣшалъ съ оправда-
ніями угрозы, Хмельницкій являлся самимъ жестокимъ изъ бичей, ко-
торыми судьба караетъ народы за ихъ безразсудство. Не одинъ ка-
менецкій гарнизонъ—вса Польша видѣла въ казакахъ кару за со-
дѣянія панами въ гордости своей преступленія. Пробудилось нако-
нецъ сознаніе правительственной немощи въ сословіи, присвоившемъ
себѣ прерогативы царственности. Поняли наконецъ паны, что верхов-
ная власть, раздѣленная на куски и кусочки, теряетъ въ раздѣльно-

сти свою цѣну. Но уже было поздно. Уже Шляхетскій Народъ обезсилилъ себя своими хваленными вольностями до того, что не могъ даже карать преступниковъ и награждать истинныхъ слугъ отечества. Множество бандитовъ, лишенныхъ чести, проживало благополучно въ своихъ имѣніяхъ на правахъ коронованныхъ особъ. Множество заслуженныхъ воиновъ завидовало Жидамъ, получавшимъ за деньги королевскіе замки въ державу съ приписанными къ нимъ подданными и землями *). Люди, бѣжавшіе позорно съ поля битвы, непосредственно затѣмъ дѣлались обладателями староствъ, а люди, отсидѣвшіеся отъ непріятеля съ потерей членовъ, оставались въ тѣни среди правительственной лиги.

Находясь въ такомъ разслабленномъ положеніи, Шляхетскій Народъ, говоря вообще, сознавалъ себя уже народомъ погибшимъ. Онъ утратилъ чутье къ правдѣ, утратилъ любовь къ добру и отвращеніе къ злу. Подъ гнетомъ горя отъ новыхъ песчастій, постигшихъ каждый домъ въ прибавку къ старымъ, онъ впалъ въ апатію, подобную той, которая предпѣтствуетъ смерти, и только въ апатіи находилъ облегченіе предсмертной агоніи, которой суждено было быть столь продолжительною.

Хмельницкій, между тѣмъ, боялся, чтобы послѣ Батора, какъ послѣ Корсуня и Пилявцевъ, могучая польская жизнь не воспріянула съ новою силою; чтобы утрача однихъ энергическихъ людей не вызвала на сцену боевой дѣятельности другихъ,—и готовился къ войнѣ. Но истощая, въ чрезвычайномъ положеніи своемъ, послѣднія силы Козацкаго Народа, онъ старался отдалить его неизбѣжное столкновеніе съ Народомъ Шляхетскимъ. Поэтому-то покорность его справедливо называли папы волчьемъ (*wileza pokora*), и его посольство на чрезвычайный сеймъ въ іюлѣ 1652 года было не голосомъ побѣдите-

*) Это было такое застарѣлое зло въ Польшѣ, что и въ самое блестящее время, при Конецпольскомъ, на сеймахъ читаны были реііта въ родѣ слѣдующихъ: „*Jest wiele godnych, zasłużonych w wojsku W K Mści, jako pułkownicy, rotmistrze, którzy sowitym kosztem przykładać się muszą do żołdu, drogo opłacać towarzysza; jest i towarzystwa wiele, którzy posiwiali na służbie W K M.. Ukrainne zamki, od żyddów administrowane, wieczną ruinę upadły z nieoszacowaną szkodą W K M i Rzpltej. Starosty tam żadnego nie widać, bo tego mają wiele i więcej jeszcze biorą z miłościwej łaski W K M. Piastowały na ręku ubogi żołnierz zamek od W K M sobie powierzony, aniż żyda czynił uczynkiem dobrodziejstw W K M i krwawych zasług swoich.*

ля, а мольбою побѣжденаго. Онъ зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло въ этомъ случаѣ.

Король, изображая въ лицѣ своеемъ ту многочисленную клику богачей эгоистовъ, на которую до конца сохранилъ вліяніе Кисѣль во-преки сторонникамъ Вишневецкаго, пріостановилъ вооруженіе, и, вмѣсто того, чтобы готовить кару злодѣю, обѣщалъ ему свою милость: политика нравственнаго безсилія, практиковавшагася въ Турціи. Для подкупа Хмельницкаго готовностью короля къ чрезвычайнымъ пожалованіямъ, были отправлены Зацвилковскій (котораго Хмельницкій обласкалъ подъ Збаражемъ) и Черный (черезъ котораго онъ дѣйствовалъ на пановъ послѣ Корсунскаго погрома). Но пока они прибыли, виды Хмельницкаго на свою безопасность перемѣнились, и онъ принялъ королевскихъ пословъ съ пренебреженіемъ. На Батогскую бойню, которая, повидимому, изумила и огорчила его, сталъ онъ смотрѣть, какъ на выигрышь потеряннаго подъ Берестечкомъ дѣла, и потребовалъ возврата козакамъ Зборовскихъ правъ. Тогда паны спова сдѣлались воинственными, и стали готовиться къ вооруженіямъ чрезвычайнымъ. Это было тѣмъ естественнѣе, что во время сейма скончался проповѣдникъ мирнаго торжества надъ козаками, Адамъ Кисѣль. Съ нимъ умерла и его примирительная политика, сдѣлавшаяся невозможной еще до Хмельнитчины. Вмѣсто посполитаго рушенія, было решено снарядить отъ каждыхъ десяти лановъ по одному конному и по одному пѣшему воину съ мушкетомъ, на подобіе гайдуковъ.

Послѣ Батоговскаго погрома, когда все въ Польшѣ поникло, точно подъ дыханіемъ всесокрушающей бури, только Стефанъ Чернѣцкій не потерялъ присутствія духа. Онъ вдохновился самою величествомъ несчастій дорогаго ему польского отечества, и уже въ юнѣ 1652 года писалъ изъ Немирова къ коронному маршалу, Юрію Любомирскому, что если только Польша соберетъ соотвѣтственные силы и въ лагеряхъ установится повиновеніе (задача выше польской общественности), то онъ свидѣтельствуетъ Богомъ, что Поляки могутъ не оставить Русина и на лекарство (*Bogiem swiadczę, że na lekarstwo Rusina możemy nie zostawić.*).

Въ этихъ словахъ, при всей нелѣпости ихъ и въ нравственномъ и въ политическомъ смыслѣ, Чернѣцкій проявилъ тотъ сильный нервъ, который совершилъ великія въ добрѣ и въ злѣ дѣла, соединенный съ польскимъ именемъ. Чернѣцкій, любимый герой падающей и падшей Польши, для настѣ—герой вредоноснаго мишенія. Онъ предоставляетъ въ себѣ самый печальный результатъ, къ которому двѣ смыщанныя

иації привело посягательство католической партії на духовные хлѣбы русские и на свободу религіозной совѣсти русской.

Сперва междоусобная война въ Польшѣ была чисто экономическая, сословная, соціальная; но паністы съ одной стороны, а православники съ другой—превратили ее въ религіозную, а боль отъ напесенныхъ обоядно ранъ сдѣлала ее религіозною. Чѣмъ дальше забиралась Польша въ лѣсь экономическихъ, общественныхъ, религіозныхъ и политическихъ недоразумѣній, тѣмъ больше валилось въ этомъ лѣсу дровъ, то есть виновныхъ и безвинныхъ отвѣтчиковъ за недоразумѣнія съ обѣихъ сторонъ. Теперь передовые люди польскіе, такие, какъ Чернецкій,—большею частью и почти исключительно люди происхожденія русскаго, свидѣтельствовались Богомъ, иначе—давали Богу обѣть—не оставить Русина и на лекарство, какъ разъ въ *pendant* съ козаками, которые въ своемъ разбойномъ благочестіи, жаждали такъ вырѣзать Ляховъ, чтобы не осталось на свѣтѣ и одного. Представитель Руси съ худшей стороны, Хмельницкій, низвергъ представителей Польши съ лучшей до своего уровня,—и вотъ мы видимъ знаменитаго стратегика Берестечской войны коза��ущимъ съ преданными ему смѣльчаками на поприщѣ козаčкихъ набѣговъ, пожоговъ и рѣзни, по примѣру Переображенскому, Нечаеву, Морозенкову.

Теперь паны воевали уже не для того, чтобы открыть себѣ свободный входъ въ отнятая у нихъ козаками владѣнія, а для того, чтобы отомстить непокорной имъ Руси, стоявшей за одно съ козаками. Если прежніе походы ихъ были только разжиганіемъ национальной вражды, то съ этого времени они дѣлались и разжиганіемъ, и ковкою, и вѣчнымъ закаломъ этой вражды. Судьба велѣла расторгнуть частямъ населенія Рѣчи Посполитой поссориться, если возможно, больше прежніго, чтобы никогда уже нельзя было имъ соединиться ни во имя панской, ни во имя козацкой республики, а развѣ только во имя всеобщемлющей и всепретворяющей въ свою суть Российской Имперіи.

Этотъ новый періодъ вражды открылъ собою Стефанъ Чернецкій, шляхетскій Косинскій или Наливайко. Ему вѣрили 10.000 войска и предоставили свободу опустошать козацкія земли. Чернецкій отличался умѣніемъ вселять въ своихъ соратниковъ единодушіе. Онъ обладалъ искусствомъ довести боевую шляхту до пѣкотораго соподчиненія. Онъ могъ бы быть великимъ полководцемъ и гражданиномъ; но его польское отечество такъ измѣльчало, что не могло уже производить великихъ дѣятелей войны и политики. Все, что ни дѣлали со временемъ Чернецкаго талантливые люди въ Польшѣ, не поднимало ся изъ упадка, напротивъ, ускоряло крушение и послѣднихъ устоевъ.

Въ началѣ 1653 года Чернечкій неожиданно для самихъ пановъ появился въ Брацлавщинѣ, и началъ истреблять село за селомъ, мѣстечко за мѣстечкомъ, бросаясь отъ одного къ другому въ противоположныя стороны. Нигдѣ не знали, куда направляется войско, совсѣмъ не похожее на то, которое въ прежніе годы козаки обезсиливали своими развѣдками. Пощады не было никому. Мѣстечки Самгородъ, Прилуки, Липовецъ, Якубецъ, Лінцы, Борщовка и Погребища были вырѣзаны, разграблены, выжжены. Въ короткое время жолнеры Чернечкаго изъ оборвьшей сдѣлались богачами *), а вмѣсть съ тѣмъ и героями, въ родѣ папихъ лыцарей. Подобно тому, какъ слава козацкая разливалась по всей Українѣ, слава жолнерская разлилась по всей шляхетчинѣ: Чернечкій сдѣлался великою знаменитостью, по плечу своимъ хвалителямъ.

Противъ него выслалъ Хмельницкій Богдана. Не смѣлъ Богунъ дать ему поля, и, ловко маневрируя, заперся въ Монастырищѣ. Приступъ Чернечкаго не былъ похожъ на всѣ прежніе, какъ и его быстрая передвиженія. Въ горячемъ бою на валахъ паль знаменитый сотникъ Дрозденко. Уже пылалъ замокъ въ Монастырищѣ; уже ломились жолнеры въ окопы; но пула пробила обѣ щеки Чернечкому, задѣвъ и поднебеніе. Онъ едва не захлебнулся кровью. Его вынесли изъ боевой толпы полуживаго. Очнувшись и узнавъ, что мѣстечко не взято, началъ онъ плевать съ досады кровью; но дѣло было проиграно невозвратно. Давъ камертонъ войны новой, чисто руинной, Чернечкій отступилъ, и, до своего излеченія, расположилъ жолнеровъ надъ Случью.

Не всѣ, однакожъ, восхваляли подвиги шляхетскаго Нечая. Литовскій канцлеръ отнесся къ нему сурово. „Король“ (писалъ онъ), „неизвѣстно, по чьему совѣту, выслалъ 10.000 нашихъ противъ козаковъ, чтобы нападали на нихъ зимою; но напрасна была эта королевская импреза: ибо экспедиція не иной принесла результатъ, какъ тотъ, что хлоповъ нашихъ разогнали, провыяны, которые могли бы пригодиться намъ въ послѣствіи, перебѣли, лошадей замучили и сдѣлали къ дальнѣйшей войнѣ неспособными, и ничего не сдѣлали, какъ только край нашъ опустошили, и вернулись назадъ. Да и отъ самого короля слышалъ я, что еслибы они поймали одного значительного бунтовщика, то предпочли бы взять 10.000 золотыхъ, нежели, имѣя уже въ рукахъ, продолжать осаду“.

*) Анонимъ пишеть: „Zołnierz ochoczy, a przy szczesciu srozyli sie, do statków wiele narabowali, y z ubostwa przyszli do fortuny“.

Но, не смотря на свое распоряженіе, котораго нелѣпость показалъ результатъ, и на порицаніе со стороны людей, во всякомъ случаѣ, достойнѣйшихъ его самого, Янъ Казимиръ продолжалъ говорить языкомъ Чернецкаго, что дѣлала и вся его клика. Слово козаки замѣнилось у нихъ словомъ *Русь*, а Русь долженствовала быть уничтожена такъ, чтобы въ ней некому было воевать противъ *Поляковъ*. Съ этою цѣлью, въ концѣ марта, созванъ былъ въ Литовскомъ Берестѣ генеральный сеймъ, на которомъ было предположено кончить козацкую войну. Но отъ слова до дѣла у пановъ было всегда большое разстояніе; а между тѣмъ Хмельницкій продолжалъ свою кровавую интригу. Онъ отправилъ сына къ невѣстѣ, ужасавшейся прихода жениха, и Лупулъ на этотъ разъ не смѣлъ ослушаться „свирѣпаго пьяница“, какъ справедливо называли Хмельницкаго паны. Свадьба была совершена торжественно, и Тимкѣ вернулся съ женою господаровной въ Украину. Чѣмъ чортъ не шутить?

Украинскій хамелеонъ мѣнилъ свой видъ и тонъ безпрестанно, смотря по своимъ обстоятельствамъ, вѣчно рискованнымъ. Съ людьми московскими онъ игралъ также иѣсколько противоположныхъ ролей. Давая Москадамъ понять, что, если захочеть, изломаетъ Москву, онъ покрывалъ угрозы свои известнымъ всему свѣту пьянствомъ; а погубивъ на Баторѣ польскую силу, послалъ къ царю войскового судью Богдановича съ низкими поклонами, чтобы великий государь умилосердился надъ козаками, и вѣльть принять ихъ подъ свою высокую руку. Повернувшись теперь въ турецкую сторону выразительнѣе прежняго, онъ заметалъ лисьимъ хвостомъ свой слѣдъ передъ силою, которая пугала его съ самаго начала козацкаго бунта.

Зато Москва выдержала до конца характеръ націи, крѣпкой не одной ратиою силою. Она молча выслушала донесеніе Богдановича о Баторѣ, о королевскомъ посольствѣ, о приготовленіяхъ короля къ войнѣ. Не высказалась Москва и въ отвѣтъ на увѣренія козаковъ что хоть бы имъ и всѣмъ пришлось помереть, а за православную христіянскую вѣру и за святыхъ Божіихъ церкви будуть стоять, и въ „унѣю“ не отдадутъ. Не поразила ее удивленіемъ и похвалъ Хмельницкаго, что у него до 300.000 козаковъ, кроме Орды. Она знала, что въ то самое время, когда Богдановичъ напѣвалъ ей въ уши про Божіи церкви да православную христіянскую вѣру, другой козацкій посолъ стоялъ подъ ноги турецкому султану древнія русскія области.

Выжидая по-прежнему времени для наступленія на Польшу безъ нарушенія своего достоинства относительно козачини, царь прислалъ къ Хмельницкому и всему Запорожскому Войску стольника Лихарева

заявить имъ, что онъ, ради православной христіянской вѣры и святыхъ Божиихъ церквей, хочетъ междоусобье ихъ съ Поляками успокоить миромъ чрезъ великихъ своихъ пословъ.

Хмельницкій разсыпался передъ царемъ въ благодареніяхъ черезъ своихъ посланниковъ, Бырляя и Мужиловскаго, и жаловался царю, что Поляки въ правдѣ своей никогда не стоятъ: обѣщаютъ прислать полюбовную комиссию, а между тѣмъ готовятъ противъ него войско; поэтому просилъ онъ у царя такой милости, чтобы онъ, ради православной христіянской вѣры, принялъ его со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ подъ свою высокую руку, и учинилъ козакамъ на ихъ испріателей, Поляковъ, помощь „думою и своими ратными людьми“. А къ нимъ де писали и присыпали много разъ турецкій султанъ и крымскій хантъ, зовучи къ себѣ въ подданство, но они отъ басурманскаго подданства отказались. Между тѣмъ шведская королева послала было къ нимъ своихъ пословъ, но Поляки переняли ихъ па дорогѣ. Теперь Хмельницкій просилъ отпуска посланниковъ своихъ въ Шведскую Землю, дабы провѣдать, въ чемъ заключалось посольство королевы. При этомъ Бырлай и Мужиловскій подали царю перехваченные ими статьи литовскаго гетмана, Януша Радивила, который тотъ послалъ къ тестю своему, Василию Лупулу, еще передъ сеймомъ въ Литовскомъ Берестѣ. Это былъ проектъ возможнаго по мнѣнію князя Радивила компромисса между шляхтой и козаками.

Такъ какъ, волею судебъ, Лупуль былъ теперь въ одинаковомъ родствѣ и съ Радивиломъ, и съ Хмельницкимъ, то Радивиль совѣтовалъ ему употреблять свое влияніе на короля и примирить шляхту съ козаками. Всѣхъ статей было 13.

Въ статьѣ 2-й говорилось: „Если дѣло дойдетъ до войны, то кровопролитіе будетъ великое: будетъ бой послѣдній—или Полякамъ погибнуть, или Руси. Если побѣдятъ Поляки, тогда въ конецъ погибнетъ родъ и вѣра русская, и вся Украина, съ великою жалостью сердца человѣческаго, будетъ опустошена, на радость и пользу язычества. Если же побѣдятъ козаки, то неужели Поляки поддадутся козакамъ въ нужду и мучительство? Нѣтъ, лучше ужъ имъ погибать и терпѣть нужду отъ Нѣмецкаго императора и отъ Шведовъ“.

Въ статьѣ 3-й: „Хотя бы козаки и побѣдили, то, вслѣдствіе ихъ побѣды, Татары опустошили бы всю землю“.

Въ статьѣ 6-й: „По утвержденіи мира, когда разъѣдутся польскія войска, Хмельницкій можетъ выпросить у Поляковъ все, чего желаетъ, такъ какъ онъ больше будетъ имѣть власти, нежели король“.

Въ статьѣ 7-й: „Война ли будетъ, или миръ, пускай Хмельницкій будетъ благосклоненъ къ землевладѣльцамъ: у нихъ нѣтъ столько власти, чтобы дѣлать ему зло, или вредъ, хотя бы и желали. Онъ можетъ достигать почестей наравнѣ съ другими, оставляя за собой все прежнее значеніе. Равно и другіе козаки могутъ, по своимъ заслугамъ, достигать чести и шляхетства“.

Въ статьѣ 8-й: „Онъ могъ бы помѣстить при королевской особѣ младшаго сына, въ видѣ заложника; а если у него есть дочери, и тѣ могутъ быть въ замужествѣ за великими людьми. Этимъ путемъ счастье его дома было бы упрочено больше, чѣмъ нынѣшнимъ. Старшему сыну его также могли бы дать какое-нибудь пограничное старство, чтобы постоянно пребывалъ онъ подъ руководствомъ вашей господарской милости“.

Представляя царю перехваченный документъ, Хмельницкій хотѣлъ показать передъ Москвой, какой великий онъ человѣкъ въ Польшѣ. Но на Москву не дѣйствовала его величность.

Междудѣмъ ему готовилось такое несчастье, которое однажды скрушаєтъ и самую высокую, и самую низкую душу. Оно поразило его именно въ то время, когда, повидимому, все сложилось для исполненія плановъ его. Хмельницкій былъ на то, чтобы сыпь его, Тимоѳея, завоевалъ Валахію, по тогдашнему Мультаны, чтобы соединилъ ее съ Волошиной, по нынѣшнему съ Молдавіей, и наложилъ козацкую руку на Ракочія. Ракочій раздосадовалъ стараго Хмеля тѣмъ, что въ 1651 году не овладѣлъ Краковомъ во время шляхетскаго похода подъ Берестечко, и теперь они сдѣлались врагами. Въ слѣдствіе такой перемѣны, валахскій господарь Матвѣй, Бессарабъ, заключилъ союзъ съ Ракочiemъ, прогналъ Василія Лупула, съ господарства и посадилъ на его мѣсто своего великаго логоюета, то-есть канцлера Стефана Гергицу. Лушулъ бѣжалъ за Днѣпръ, къ своему зятю.

Старый Хмель не принималъ участія въ борбѣ трехъ князьковъ. Онъ готовился къ войнѣ съ Польшею, набиралъ войско, договаривался съ Татарами и Турками. Но, видя Лупула изгнаннымъ, рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ согласно своему плану, и отправилъ послѣство въ Стамбулъ. Когда Лупулъ сидѣлъ еще на господарствѣ, онъ предлагалъ Туркамъ 40.000 войска изъ своей, какъ писалъ онъ, 300.000 арміи на подавленіе донскихъ козаковъ, прося за эту услугу (напоминающую намъ Наливайка) *) отдать ему хотя часть Волошины,

*) Въ официальномъ донесеніи о событияхъ въ Украинѣ отъ 13 (3) сентября 1653 года говорится, что дощцы (участвовавши въ Берестечской войнѣ)

съ намѣреніемъ присоединить къ ней Украину и сдѣлаться наследственнымъ княземъ, подъ опекой Турціи. Теперь, когда Порта должна была покарать всѣхъ троихъ князьковъ, онъ просилъ у Султана и Волощины и Мультаны. Не имѣя возможности покарать своеобразныхъ вассаловъ, турецкое правительство отдало оба придунайскія княжества козацкому гетману, подъ условіемъ ежегодной уплаты такой суммы, какую платили его предшественники. Хану было повелѣно соединить всѣ орды съ козаками противъ Поляковъ, готовившихся къ окончательной борбѣ съ Хмельницкимъ, а пограничнымъ Туркамъ—помогать козакамъ.

Въ виду открывшейся передъ нимъ перспективы, Хмельницкій посылаетъ сына съ 16.000 войска для подавленія самоуправныхъ господарей, и Лупулъ, весною 1653 года, непроправляется съ зятемъ обратно черезъ Днѣстръ. Волощина скоро была очищена отъ напастниковъ. Гоня передъ собой враждебныя силы, козаки не уступали имъ въ грабежахъ и опустошеніяхъ. Потомъ Тимошъ присоединилъ къ своему корпусу ополченіе Лупула, вторгнулся въ Мультаны и предалъ ихъ огню, мечу, грабежу, насилию. Не было пощады и самимъ церквамъ; напротивъ, они и составляли главный предметъ козацкаго грабежа. Козаки Хмельницкаго поступали съ православными храмами въ Мультанахъ еще хуже, чѣмъ козаки Саграйдачнаго съ церквами и монастырями московскими: они не только разоряли, но и оскверняли христіянскія святыни. Хмельниченко, вмѣстѣ съ тестемъ своимъ, два раза разбилъ мультанское войско; но противъ нихъ поднялось все населеніе края, раздраженное святотатствомъ и кощунствомъ днѣпровскихъ воителей за православіе. Они, въ свою очередь, были разбиты на голову у рѣчки Яловицы. Козаки потеряли 18 пушекъ съ принадлежностями, всю свою добычу и 2.000 пленниковъ. Преслѣдуемый въ бѣгствѣ своемъ Тимко занерся въ Сочавѣ вмѣстѣ съ женой, тещей и сокровищами Лупула. Самъ Лупулъ бѣжалъ въ Чигиринъ и, играя снова роль союзника Польши, просилъ короля выручить его семью изъ бѣди. Враги Лупула, съ своей стороны, просили короля прислать подъ Сочаву вс помогательное войско для окончательного пораженія Хмельниченко, и обѣщали за то помочь Полякамъ въ предстоящей войнѣ съ Хмельницкимъ. Въ то же время и Тимко, какъ истинный сынъ своего отца, обратился къ правительствующимъ панамъ съ просьбой о помощи, обѣща за то воевать для Польши придунайскія области. Король склонился на

продолжали помогать „Хмельницкому въ его войнахъ. (Przyszlo do niego Kozakow Duniskich dwa tysiąca“).

просьбу враговъ Хмельницкаго, и послалъ имъ помошь противъ Тимка. Множество шляхетскихъ волонтеровъ отправилось подъ Сочаву на травлю дикаго звѣря, какимъ по справедливости считали Хмельничека. Крѣпость была сильна позиціей и фортификаціей. Козаки, зная, что предстоитъ имъ за христіянскіе подвиги въ Мультанахъ, запищали ее отчаянно. Наконецъ Тимко былъ смертельно раненъ пушечнымъ ядромъ, и кончилъ свою разбойную карьеру. Козаки капитулировали, и доставили старому Хмелю гробъ его сына, съ которымъ у него была связана мечта о княжеской династії.

Я представилъ только перечень событий въ Молдавіи и Валахії. Для исторіи русскаго возсоединенія они важны лишь тѣмъ, что развлекали вниманіе, ослабляли силы и обманывали антируssкія надежды и Козацкаго, и Шляхетскаго Народа.

Когда Янъ Казимиръ, еще до этихъ событий, находился на генеральномъ сеймѣ въ Литовскомъ Берестѣ, городѣ означенномъ взаимными проклятіями папистовъ и православниковъ, въ этотъ несчастный для Польши городѣ пришло письмо, которое повело Полонусовъ къ столь же ошибочнымъ, какъ и церковная унія разсчетамъ. Письмо было отъ Ракочія, который уведомлялъ короля, что идеть противъ волошского господаря Лупула, и просилъ не вѣрить слухамъ, будто бы Венгры готовы къ войнѣ противъ Поляковъ. Едва оно было прочитано въ Сенаторской Избѣ, какъ прибылъ въ Литовскую Брестъ (московское название города) повѣренный Лупула съ выражениемъ готовности господаря къ посредничеству между Хмельницкимъ и Рѣчью Посполитою. Сенаторская рада признала Лупула посредникомъ надежнымъ, и король послалъ ему условія, на которыхъ паны готовы помириться съ козаками. Но вслѣдъ за тѣмъ пришло извѣстіе, что Лупулъ изгнанъ изъ Волощини и проситъ у короля скорой помощи. Это извѣстіе разсѣяло надежду на умиротвореніе края. Паны знали, что Турція готова помочь Хмельницкому, и что хану дано повелівіе идти со всѣми ордами на соединеніе съ пограничными башами. Въ виду такой грозы, король послалъ повопожалованнаго подканцлера Трембецкаго въ Регенсбургъ просить Германскій Союзъ на помошь предостѣнію христіянства, какъ называла себя Польша, и не иначе, какъ до истеченія трехъ мѣсяцевъ. Полякамъ казалось, что вся Европа рухнетъ вмѣстѣ съ ихъ доблестнымъ государствомъ, не умѣвшимъ обратиться ни съ жолнерами, ни съ козаками. Въ „декларациіи о грозящей Священной Имперіи опасности“ прямо сказано, что когда передовая стѣна христіянства падетъ, она „засыплетъ своими развалинами Нѣмцевъ“.

И венгерскій, и волошскій послы старались въ Брестѣ перетянуть Рѣч Посполитую каждый на свою сторону. Венгерскій посолъ домогался наступательно-оборонительного союза съ Рокочемъ и мультанскимъ господаремъ противъ Хмельницкаго. Янъ Казимиръ былъ не прочь отъ этого союза, но отложилъ все дѣло до своего возвращенія въ Варшаву на 28 мая.

На генеральный сеймъ въ литовскую Брестъ прибыло лишь нѣсколько сенаторовъ, и королю нельзя было ничего предпринять ко вреду Лупула. Литовскій гетманъ, Янушъ Радивиль, былъ его зять, а король нуждался въ Радивилѣ для того, чтобы соединить литовское войско съ короннымъ. Поэтому король сдѣлалъ литовскаго гетмана виленскимъ воеводою, не взирая на ропотъ католиковъ, которые, устами проповѣдниковъ, „народныхъ пророковъ“ своихъ, осыпали его съ амвоновъ упреками. Домъ князей Радиволовъ смотрѣлъ на дѣло Лупулово, какъ на свое собственное, а домъ этотъ былъ въ то время могущественнѣйшимъ въ Литвѣ. Громадными владѣніями, можновладческими родствомъ и первенствующими дигнитарствами въ княжествѣ достигъ онъ такой силы, что если его приватные интересы не были согласны съ интересами государства, то перевѣшивали ихъ: слова самихъ Поляковъ объ ихъ быломъ отечествѣ. Поляки подозрѣвали князя Януша даже вътайной политикѣ, основанной имъ па родствѣ съ Лупуломъ и Хмельницкимъ. Но они въ то время такъ потерялись, что подозрительность доходила у нихъ до безумія.

Король совѣтовался въ Варшавѣ съ приглашенными туда членами сенаторской рады, а отсутствующихъ просилъ сообщить свое мнѣніе о волошскомъ вопросѣ письменно. Памятный папъ бискупъ Грабовскій не совѣтовалъ входить въ союзы съ владельцами подначальными. Его мнѣніе поддерживали и другіе. Но избранникъ Хмельницкаго, Янъ Казимиръ, былъ для него полезенъ тѣмъ, что изо всѣхъ золъ избиралъ всегда наибольшее. Такъ поступилъ онъ и въ настоящемъ случаѣ. Онъ вообразилъ, что Ракочій не только самъ послужитъ ему опорой противъ Хмельницкаго, но заставитъ служить Польшѣ и обоихъ господарей. Нѣкоторые стѣснялись относительно Лупула тѣмъ, что онъ столько разъ доказалъ свое доброжелательство Рѣчи Посполитой; что онъ, какъ польскій шляхтичъ и гражданинъ по индигенату, имѣть право на оборону со стороны короля; но король, по отзыву нынѣшнихъ поляковъ, торговавшій человѣческою кровью, успокаивалъ свою совѣсть, или свою безсовѣстность, тѣмъ, что Лупуль отдалъ dochь свою за Хмельническаго, а хоть и перевѣль свои богатства въ Подольскій Каменецъ, но не написалъ объ этомъ къ королю, слѣдовательно

держался въ двусмысленномъ положеніи между нимъ и Хмельницкимъ. Намъ позволительно думать, что эти то богатства и были на умѣ у короля-іезуита, когда онъ рѣшилъ вопросъ о помощи.

Какъ бы то ни было, только венгерскому послу былъ данъ такой отвѣтъ, что король, сочувствуя справедливому дѣлу Седмиграда и Мультапъ, готовъ на союзъ противъ Хмельницкаго. О Волошинѣ не сказалъ онъ ни слова. Этотъ наступательно-оборонительный союзъ называлъ *conjunctione armorum* и, поскольку можно судить изъ послѣдовавшихъ за нимъ военныхъ дѣйствий, основывался на обоюдныхъ обѣщаніяхъ воевать противъ козаковъ и Татаръ.

Счастливый политическими иллюзіями своими Янъ Казимиръ отправился послѣ того во Львовъ для дѣла не менѣе важнаго и не болѣе для Поляковъ исполнимаго. Надобно было уплатить войску неуплаченный жолдъ и вести его на Хмельницкаго, пока тотъ не вооружилъ еще черни и не призвалъ Татаръ.

Заготовленное для новой козацкой войны коронное войско новопожалованнаго короннаго гетмана, Станислава Потоцкаго, размѣстилъ хоругвями въ разныхъ мѣстахъ, на далекомъ одна отъ другой разстояніи. Онъ боялся жолнерскихъ соглашеній о бунтѣ за неуплаченный жолдъ. Теперь стянуль онъ войско подъ Глиняны, не вдалекъ отъ Львова, въ числы 38.000, ожидавшихъ заслуженнаго жолду.

По словамъ самихъ Поляковъ это было не столько войско, сколько собраніе дерзкихъ и нетерпѣливыхъ кредиторовъ папской республики. О военной дисциплинѣ не было въ немъ и рѣчи: оно служило изъ милости. Стоя бездѣйственно вблизи большаго города, жолнеры входили въ долги у Армянъ и Жидовъ для щегольства, разгула пьянства, и все это на счетъ неуплаченного жолду. Не обращая вниманія на строгія запрещенія, выходили они тысячами изъ лагеря, шлялись по улицамъ, устраивали сходбища, затѣвали ночные драки, и возвращались въ сопровожденіи нарушенныхъ съѣстною добычею возвозъ да веселыхъ женщинъ.

Лагерь гремѣлъ отъ пирушекъ и товарищескихъ сходокъ, называемыхъ у жолнеровъ конверсацію. Это былъ старинный и пагубный обычай польского войска. Жолнеръ обыкновенно приглашалъ къ себѣ сослуживцевъ и, прокутивши съ ними въ одинъ день полугодовое жалованье, шелъ въ гости къ такому же кутиль. Бережливость у нихъ подвергалась презрѣнію: только расточительностью можно было угодить и товарищамъ, и начальству. Обычай такой конверсаціи ввела богатая шляхта изъ национального гостепріимства. Но эта добродѣтель польская, практикуемая въ лагерѣ, бывала причиной поединковъ

и дракъ, причиною грабежей и насилий во время похода и на лежахъ. Растративши все, жолнеръ нуждался во всемъ. Не удовлетворяясь платою, заявлялъ онъ требование неслыханное, и былъ всегда готовъ къ бунтамъ и конфедерациямъ, чтобы вынудить плату за четверть года не въ зачетъ и обеспечить себѣ амнистію за самоуправство. Въ такомъ положеніи находилось войско и тогда, когда король прибылъ во Львовъ.

16-е июня было срокомъ взноса денегъ для всѣхъ „скарбовыхъ людей“ Великой и Малой Польши. Въ этотъ день поборцы были обязаны явиться во Львовъ съ деньгами и представить счеты въ комиссию, которая потомъ должна была уплатить войску педоимку.

Всего съ недополученными казною по прежнимъ окладнымъ суммами набралось, по счетамъ подскарбія, больше 8.000.000 злотыхъ. Не смотря на всѣ бѣдствія свои изъ-за денежныхъ затрудненій, Польша вѣчно впадала въ недочеть. Не исправленная ни Косинциной, ни Наливайчицкой, ни Павлюковщиной, ни самою Хмельницчиной, она и теперь, когда готовилось послѣднее столкновеніе Народа Шляхетскаго съ Народомъ Козацкимъ, очутилась въ страшномъ недочетѣ. Одни поборцы не явились въ назначенный срокъ, другие не привезли всѣхъ денегъ. Въ скарбѣ оказалось только 2.000.000 злотыхъ.

При такихъ обстоятельствахъ, открыли паны во Францинскомъ монастырѣ комиссию, составленную изъ 44 членовъ, подъ предсѣдательствомъ сеномирского воеводы, маркграфа Мышковскаго. Каждая хоругвь прислала въ нее своего депутата. Эти почтенные представители короннаго войска, единственные защитники отечества, послѣдняя опора Рѣчи Посполитой Польской, тотчасъ же объявили, что не приступятъ ни къ чему, пока обиды, причиненные жолнерами частнымъ лицамъ, не будутъ покрыты амнистіей. Въ противномъ случаѣ грозили „сорвать“ комиссию и „заязвать“ конфедерацию. Король обѣщалъ амнистію, и всѣ обиженные, съѣхавшіеся, въ чаяніи правосудія, во Львовъ, уѣхали ни съ чѣмъ.

По сведеніи счетовъ, оказалось, что Рѣчи Посполитая задолжала спасителямъ отечества 6.107.622 злотыхъ. Но жолнеры не признавали счетовъ министра финансовъ, подскарбія. Они требовали уплаты за 13 четвертей года, требовали взынагражденія убытковъ, понесенныхыхъ отъ педоимки, и не отступали отъ своего домогательства ни на юту.

Весь лагерь волновался, твердя, что комиссія уменьшаетъ жолнерскій заработокъ, торгуясь жолнерской кровью и потомъ. Демагоги ссыпали сборища, кричали противъ короля, грозили сенаторамъ, и были готовы повторить козацчину надъ королевскими и панскими добра-

ми. Субординація, на которую Чернецкій возвлажалъ всю надежду истребленія Руси, пала окончательно. Польская пѣхота стояла на лагерномъ майданѣ съ иноземною, и между ними завязалась перестрѣлка, напомнившая панамъ Батоговскую катастрофу. Пока ихъ развели, погибло несколько сотъ человѣкъ, безъ сомнѣнія, храбрецовъ, которые, при добромъ порядкѣ, вѣсили бы на вѣсахъ боеваго успѣха столько же, сколько паны задолжали войску. Безнаказанность и дерзость дошли до такой степени, что въ самомъ городѣ поднимались крики и драки; даже подъ окнами королевской квартиры въ архіепископскихъ палатахъ происходили убийства.

Въ это время Хмельницкій, родное чадо польской неурядицы, стоялъ уже невдалекѣ отъ памятнаго панамъ Збаража и, еслибы ко-
заки не были видоизмѣненіемъ шляхты, то могли бы повторить надъ своими учителями Батоговскую кровавую баню. Въ виду грозной опасности, король переселился на несколько дней въ лагерь, чтобы своимъ присутствиемъ возстановить порядокъ и соподчиненность,—онъ, деморализаторъ короннаго войска, выполнявшаго свою функцію со славою подъ управлениемъ Владислава IV и его великаго фельдмаршала. Между жолнерами ходили уже слухи, что никакого жолду имъ не дадутъ. Король хотѣлъ ихъ успокоить хоть съ этой стороны, но долженъ былъ вернуться во Львовъ, гдѣ комиссія не знала, что дѣлать съ войсковой делегацией.

Польша обнаружила прорѣхи по всѣмъ швамъ. Были въ ней такія восводства, которыхъ на реляціонныхъ (отмѣняющихъ центральныя постановленія) сеймикахъ не согласились ви на какие налоги. Другія давали менѣе того, чѣмъ опредѣлили ихъ сеймовые послы; третьи, одобравъ установленные налоги, отложили ихъ на дальнѣйшее время. Государство, спитое римской политикой на живую витку, поролось и распадалось отъ фальшивости своего края и шитья. Когда дѣло дошло до взноса налоговъ, начались обычныя махинаціи и обманы со стороны поборцевъ. Одни уменьшали поборы, установленные вѣкамъ и утвержденные сеймомъ 1633 года; другіе укорачивали своими *саларіями* цифры, опредѣленныя въ пропорціи новыхъ поборовъ; третьи, раздавши квитанціи въ полученіи налоговъ, внесли въ Скарбъ гораздо меньшія суммы, и т. д. и т. д. Словомъ, не оказалось ни одного воеводства, ни одного повѣта и земли, которые бы все то уплатили, что слѣдовало; а Хмельницкій угрожалъ Польшѣ послѣднимъ ударомъ. Не такъ поступали Пожарскіе и Минини въ Смутное Время, когда для Московскаго Государства эта самая шляхта, со своими жолнерами, представляла козакотатарскую орду: фактъ важный въ решеніи

вопроса: кто былъ достойнѣе владѣть широкими областями отъ моря до моря: „кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ“.

Въ государственномъ Скарбѣ было всего 2.000,000 злотыхъ, комиссія насчитывала недоимки 8.000.000; а жолнеры требовали 15.000.000.

Послѣ разнообразныхъ споровъ и бунтовъ, дѣло кончилось уплатою жолнерамъ небольшой части недоимки и подкупомъ жолнерскихъ делегатовъ, а для благовидности, возстановившуюся тишину приписали дѣйствію „королевской комиссіи“. Не имѣя того, чтò составляло силу царскаго правительства, несчастные обманывали свою шляхту и людей заграничныхъ, представляя видъ, будто бы и въ ихъ безпорядочномъ правительствѣ есть эта обезпечивающая всякое право сила. Королевская комиссія состояла не изъ Аристидовъ-бесребренниковъ, а все изъ тѣхъ же эксплоататоровъ и расхитителей государственныхъ доходовъ. Прижатые жолнерами къ стѣнѣ, они должны были—или подвергнуться другой Хмельнитчинѣ, не козацкой уже, а жолнерской, или же подѣлиться съ мелкими обдиралами своею крупною добычею. Изъ двухъ золъ они выбрали меныше.

Жолнеры согласились принять отъ комиссіи деньги подъ условіемъ, что остаточная недоимка будетъ уплачиваться имъ по мѣрѣ поступленія въ Скарбъ налоговъ, а король, коронный гетманъ и комиссары дали имъ ассекурацію на своихъ добрахъ, гарантируя окончательную уплату до 15 сентября. Чтò же это былъ за король и какія сдѣлки соединили его съ прочими членами польской олигархіи, явствуетъ изъ слѣдующихъ строкъ роялиста Освѣціма:

„Ноября 20 скончался краковскій кастелянъ“ (Николай Потоцкій), „оставивъ свободное поле для соискательства лицъ, желавшимъ воспользоваться оставшимися по его смерти вакантными должностями. При дворѣ долго колебались и отсрочивали ихъ раздачу, по наконецъ преимущество было оказано тѣмъ, которые съ своей стороны предложили болѣе возмездія. Должность краковскаго каштеляна была предоставлена мазовецкому воеводѣ, Баршицкому, несмотря на то, что, по общему мяѣнію, право на нее имѣть краковскій воевода (Владиславъ Заславскій). Барское старство передано князю Богуславу Радивилу, люблинское—сендомирскому кастеляну, Витовскому, подъ тѣмъ предлогомъ, что недавно онъ оказалъ значительную услугу, принялъ на себя должность посланника въ Москву, но въ дѣйствительности его успѣху гораздо больше содѣйствовало то обстоятельство, что онъ поднесъ въ подарокъ королю 15.000 червонцевъ. Нѣжинское старство предоставлено коронному маршалу (Любомирскому), булаву же вели-

каго гетмана король оставилъ пока при себѣ до дальнѣйшаго усмотрѣнія..."

Орда не пришла еще къ Хмельницкому, а безъ Орды онъ былъ воинъ безъ правой руки. Надобно было пользоваться временемъ. Такъ и думали паны, но выходило у нихъ иначе. Во время передраги съ войскомъ вышли первыя, вторыя и третыи *вици*. Но многія воеводства вооружались такъ медленно, какъ будто не вѣрили, что Польша угрожаетъ ударъ ужаснѣе всѣхъ, нанесенныхъ ей козако-татарами. Король, въ послѣднихъ универсалахъ, оповѣщалъ, что непріятель приближается со всею силою, а это значило въ числѣ 300.000. „Еже-часно, ежеминутно ждемъ его“ (писалъ онъ). „Не думаемъ, чтобы нашелся кто-нибудь нежелающій спасать отечество тамъ, гдѣ идетъ о цѣлости всего“. Этимъ способомъ надѣялся онъ вызвать шляхту въ поле не позже 10 августа, а ближайшія воеводства увидѣть передъ собой и раныше. Въ отчаянно вошлющихъ универсалахъ рѣчь была уже объ *остатки* Польши. Но патріотизма не было тамъ, гдѣ каждый панскій домъ составлялъ отдѣльное государство, гдѣ каждый городъ былъ самоуправляющеся республикой, а король не имѣлъ ни самостоятельной власти, ни даже панской независимости.

Хмельницкій, выжидала событий, подвигался впередъ медленно. Остановясь не вдалекѣ отъ Сатанова и зная, что происходитъ въ панскомъ лагерь подъ Глиннянами, онъ кралясь къ нему волкомъ, съ намѣренiemъ повторить Баторовскую рѣзню. Въ это время изъ панского лагеря былъ высланъ легкій подѣздъ, для освѣдомленія о непріятель. Подѣхавъ подъ Зборовъ, повстрѣчался онъ съ многолюдною козацкою чатою, разбрѣжался во всѣ стороны и привезъ во Львовъ такія преувеличенныя вѣсти, что, по словамъ самихъ Поляковъ, всѣ начали думать о бѣгствѣ.

Это былъ для Хмельницкаго важный моментъ. Орда пришла уже къ нему. Дай судьба ему только нѣсколько дней еще для набѣга, — Польша была бы у него въ рукахъ, и тогда передъ новымъ Тамерланомъ, коронованнымъ короною Казимира Великаго подъ именемъ Богдана I, (Поляки были способны и къ этому) задрожалъ бы дѣйствительно „весь свѣтъ“, особенно культурный. Можетъ быть, у Хмельницкаго была уже въ рукахъ прокламація другаго ненавистника аристократовъ, другаго заклятаго врага папистовъ, Оливера Кромвеля, отъ которой до насъ дошелъ одинъ титулъ, а именно: *Theodatus Cmielnicki, Dei gratia generalissimus ecclesiae Graecorum, imperator omnium cosacorum Zaporoviensium, terror et exstirpator nobilitatis Romaniae, fortalitiorumque expugnator, exterminator sacerdotum Roma-*

norum, persecutor ethnicorum, Antechristi et judaeorum *). Подавъ одинъ другому руку, эти два различные, но страшные каждый по-своему энтузиаста могли бы измѣнить лицо Европы и Азіи. Самыя диковинны счастья, какъ понимаютъ счастье разбойники, могли представляться Хмельницкому въ этотъ важный моментъ его истребительной дѣятельности. Но демонъ злобы, корысти и властолюбія, служившій ему до сихъ поръ только съ намеками на свое коварство, явился передъ нимъ въ образѣ вѣстовщика, и объявилъ „счастливому человѣку“, какъ называлъ его достойный его сватъ, что сынъ его, вмѣстѣ съ господаревною и сокровищами тестя, разбитый на голову, осажденъ въ Сочавѣ... Сообразивъ послѣдствія погрома и осады, Хмельницкій бросился стремглавъ изъ-подъ Сатанова (имя, соотвѣтственное событию) и, дѣлая, какъ Татары, по 10 миль въ сутки, долетѣлъ до Бѣлої Церкви безъ отдыха.

Орда, видя такое неожиданное отступление, похожее на бѣгство, покинула Хмельницкаго и ринулась на мѣста, гдѣ оставались козацкая семья съ запасами. Тогда въ козацкомъ войскѣ послышались ужасающія проклятія и угрозы. Бѣглый гетманъ успокоилъ козаковъ только тѣмъ, что послалъ ихъ по татарскимъ слѣдамъ, и такимъ образомъ не могъ ни воевать съ панами, ни выручить сына изъ опасности. Нечистая сила разыграла съ нимъ одну изъ самыхъ замысловатыхъ своихъ трагикомедій.

Въ Бѣлої Церкви ждалъ нашего Хмеля турецкій посолъ съ письмомъ отъ визиря. Это письмо сохранилось въ пеянскомъ московскомъ переводе и, къ сожалѣнію, въ поврежденномъ видѣ. Его привезъ въ Москву царскій подъячій, Иванъ Фоминъ, который, можетъ быть, долѣлъ его и „тайнымъ обычаемъ“, такъ какъ о козакахъ давно уже писалъ Кисѣль по своей комиссарской должности: „любять голубчики взять (lubią niebożeta wziąć)“.

Великій визирь, Азземъ-Магометъ-баша, обращался къ Хмельницкому съ дружескимъ привѣтствиемъ, но отъ учтивостей перешелъ къ непріятнымъ для Порты поступкамъ Тимоша въ придунайскихъ княжествахъ. „И то дѣло“ (писалъ онъ) „великому государю нашему учнилось къ прогнѣвлению, что сынъ твой съ ратными людьми вошелъ въ тѣ государства, а тѣхъ государствъ люди межъ собоюссорятся“...

*) Богданъ Хмельницкій, Божію милостію генералиссимусъ грековосточної церкви, вождь всѣхъ козаковъ Запорожскихъ, гроза и искоренитель польского дворянства, покоритель крѣпостей, истребитель римскаго священства, гонитель язычниковъ, антихристъ и Гудеевъ.

„И такъ какъ сынъ твой“ (продолжалъ визирь) „учинилъ въ Волохахъ нѣсколько непристойныхъ дѣлъ, то по этой причинѣ тамошнія дѣла приведены въ прежній порядокъ, и все возвращено Лупулу, всегда намъ доброжелательному *).“

„А ты, достовѣрной другъ нашъ“ (говорится далѣе въ московскомъ переводе) „(великаго) государя нашего вѣдаешь: не (какъ иные) государи, онъ—великий государь самодержавный, грозный государь. Всѣ подданные его имѣютъ надъ собою страхъ и пребываютъ въ его повелѣнїи до единого человѣка и въ послушанїи: про то вамъ (козакамъ) самимъ вѣдомо. А безъ ево, великаго государя, повелѣнья никто не можетъ въ его государеву отчину вступить, и благосчастная мысль его къ тому не прилежитъ. И тебѣ бѣ его письма, понеже бо такому в(еликому) государю училися (вы, козаки) въ подданствѣ, и государскія чести оберегати и (всѣ) государева повелѣнья творити,нич(его не опуская). И какъ учнете симъ путемъ быть и добрострастіе надъ собою имѣти, и вамъ день ото дни передъ нашими подданными чести прибудетъ. И аже дастъ Богъ, и узрите. И вамъ бы ратныхъ своихъ людей держать въ уйму, и въ государство государя нашего входить не велѣть, и о томъ учинить крѣпкой заказъ.“

„А добрычинскимъ ратнымъ людемъ и той сто(роны Та)таромъ повелѣніе послано: къ (вамъ) на помочь будутъ. А же дастъ Богъ здѣшнее дѣло совершится, но и паче съ прибавкою къ вашей помочи повелѣніе будетъ. И крымскому цареву величеству повелѣніе послано не единожды, чтобъ онъ къ вамъ на помочь шоль. И вамъ бы про то вѣдать, и сына своего взять къ себѣ“.

Письмо визира лишило Хмельницкаго надежды владѣть приуднайскими княжествами. Между тѣмъ король могъ ежедневно удовлетворить свое войско и двинуться въ походъ, а князья могли ежеминутно взять Сочаву, и прійти къ нему на помощь въ то время, когда Татары будутъ еще въ Добруджѣ и въ Крыму.

Визирь писалъ свое письмо еще до вторичнаго бѣгства Лупула. Теперь Лупуль сидѣлъ въ Чигирии и сулилъ козакамъ золотыя горы, вербую войско для освобожденія Сочавы. Хмельницкій поощрялъ вербовку: сокровища значили для него столько же, какъ и отраженіе

*) Эта мысль выражена въ московскомъ переводе такъ: „И въ то время, въ которое сынъ твой въ Волохахъ нѣсколько непристойныхъ дѣлъ учинилъ, пристойно къ тому, какъ прежде сего Липоль приспѣлъ въ Яссы, и отъ благосчастнаго государя нашего повелѣніе къ нему прислано, и Липоловымъ приходомъ, доднесъ, кроме дружбы и добра, ничего (не) увидѣть“.

союзныхъ князьковъ. Но этимъ самыи онъ разрушалъ надежду на турецкую помощь, такъ какъ дѣйствовалъ вопреки повелѣніямъ Порты, а между тѣмъ козаки его, ослабленные пораженiemъ подъ Яловицею, были разъединены.

Въ это трудное для стараго Хмеля время, и Поляки, и такая Русь, къ какой принадлежалъ Ерличъ, распространяли и повторали слухъ, что турецкій посолъ требовалъ отъ него дѣйствительной отдачи тѣхъ земель, которыя онъ столько разъ обѣщалъ Портѣ, и въ то же время—присяги на подданство. Говорили, что будто бы козаки, волнуемые духовенствомъ, грозили бунтомъ по этому поводу; что будто бы полковники Богунъ, Джеджалла и другая старшина, вмѣстѣ съ гетманомъ, были не прочь отъ присяги султану, но эта присяга ничего бы не значила безъ согласія черни, и что будто бы чернь, отвергая и турецкое подданство, и московскую неволю, высказывала готовность „служить старымъ панамъ и королю, который столько разъ далъ ей доказательства своей милости“.

Не таковъ былъ Хмельницкій, чтобы позволить каждому заглядывать себѣ въ карты. Поэтому и такія вѣсти, что будто бы онъ выражалъ Портѣ увѣренность въ расположеннosti большей части козаковъ къ приятию ислама, повторяемыя польскими историками, показываютъ только незнаніе ни Хмельницкаго, ни козаковъ, ни самой Порты, которой мало было дѣла до вѣры въ вопросѣ о подданствѣ. Всѣ такіе слухи распускали въ Шляхетскомъ Народѣ—или купленные Хмелемъ люди, или козаки, для того, чтобы предрасположить Ляховъ къ извѣстному обману. Тѣмъ же самыи способомъ морочилъ Козацкій Батько и Турцю, и Москву, и весь свѣтъ, и никто не зналъ истинныхъ его намѣреній, самъ же онъ перемѣнялъ ихъ съ каждой перемѣнной обстоятельствѣ.

Глава XXX.

Московский ультиматумъ. — Царское обнадеживающее посольство у козаковъ. — Кому въ Малороссіи было ненавистно московское подданство. — Шапскій лагерь подъ Жванцемъ. — Жванецкій договоръ 1653 года. — Козаки поддаются Московскому царю. — Возсоединеніе Малой Россіи съ Великою.

Когда подъ Глинняпами узнали, что Хмель отступилъ къ Бѣлой Церкви, было послано вслѣдъ за нимъ двѣ хоругви, чтобы узнать, не военная ли это хитрость. Но едва онъ сдѣлали пѣсколько миль, какъ повстрѣчали кіевского полковника, Антона Ждановича, въ сопровожденіи 12 козаковъ, и привели его въ лагерь вмѣсто языка.

Козацкій посолъ привезъ отъ Хмельницкаго письмо только къ коронному гетману и просилъ его отъ имени гетмана и всего Запорожскаго Войска о представительствѣ у короля. Ждановичъ говорилъ, что козаки не хотятъ больше воевать, и еслибы король наступилъ на нихъ въ своемъ ожесточеніи, то не будутъ обороняться, а побредутъ куда глаза глядѣть. Кромѣ гетманскаго письма, привезъ онъ просьбу отъ козаковъ къ королю и показывалъ ее каждому.

„По заключеніи Бѣлоцерковскаго мира“ (писалъ въ козацкой просьбѣ сочинитель такой исторіи, какую сочиняютъ намъ доныны), „мы были расположены никоимъ образомъ не нарушать онаго, и потому не мало покарали смертью тѣхъ, которые подавали поводъ къ его нарушенію, какъ-то Гладкого, Мозыру и другихъ. Но Войниловичъ, Маховскій и другіе, которые стояли на Заднѣпрії по ординансу вашей королевской милости, напавъ своевольно на людей, обезпеченнѣихъ миромъ, немало перебили, и кровь невинную пролили, а другія села и мѣстечки огнемъ и мечемъ истребили. Къ тому же покойный его милость панъ Катиновскій, какъ это было намъ достовѣрно извѣстно, соединивъ войска и ставши уже лагеремъ, намѣревался неожиданно на насъ напасть. Поэтому мы, предотвращая сіе, должны были двинуться съ частью войска. Ничего, однако-же, не замышляя противъ вашей королевской милости, и, не идучи въ глубину, вернулись

назадъ. А что случилось по Божію попущенію, то просимъ простить намъ“.

Далѣе козаки писали, будто бы они ждали комиссіи, о которой трактовали съ Зацвиліховскимъ, но, вмѣсто комиссіи, Чернецкій и Маховскій произвели у нихъ опустошенія и убийства. Ничего, однакожъ, не предпринимая, униженно просятъ они короля оставить ихъ при Зборовскихъ пактахъ, не стѣсня нічѣмъ вѣры ихъ и вольностей. Еслибы же ему число войска по Зборовскимъ пактамъ казалось слишкомъ великимъ, то просятъ прислать въ Паволочь или въ Бѣлую Церковь комиссаровъ. Козаки просили также обѣ уничтоженіи церковной унії въ Коронѣ и Литвѣ. Въ случаѣ же наступленія на нихъ съ войскомъ (сказано въ просьбѣ), козаки не будутъ уже и обороняться, и не желаютъ больше проливать кровь, а будутъ „промыплять о своей жизни всякими иными способами“.

Созвана была рада и рѣшено—трактовать обѣ этомъ дѣлѣ такъ, какъ будто король ничего не зналъ. Гетманъ отвѣчалъ частнымъ образомъ Хмельницкому: 1) чтобы онъ отпустилъ турецкаго посла; 2) чтобы отдался безусловно на милосердіе короля; 3) чтобы союзъ съ Татарами разорвалъ и, для вѣрности дѣла, далъ заложниковъ, какіе будутъ указаны. Антона Ждановича задержали въ Глиннянахъ, какъ плѣнника.

Отъ козацкихъ языковъ панамъ было известно, что у Хмельницкаго войска мало, что чернь жаждетъ мира и хотѣла отправить къ королю послы изъреди себя. Козаки съ пытки говорили, что приходили къ нимъ Татары, но вернулись, потому что козаки разъединились, а разъединились изъ-за того ясыра, котораго Татары набрали изъ женъ и дѣтей козацкой *черни* и даже самихъ *регистровниковъ*, и котораго потомъ Хмельницкій выкупилъ собственными деньгами 6.000 душъ. Тѣ же языки разсказывали, что гетманъ и полковники хотѣли присягнуть передъ сultанскимъ посломъ на подданство отъ имени всей черни; но чернь и некоторые изъ полковниковъ не согласились на то никакимъ образомъ, „и отсюда-то происходитъ волчья покорность Хмельницкаго“, объясняли себѣ паны.

Междуди тѣмъ Хмельницкій игралъ въ самую опасную для нихъ игру. Въ письмѣ къ королю изъ Чигирина онъ въ сотый разъ призывалъ Бога во свидѣтели, что, какъ прежде, такъ и теперь, козаки отъ чистаго сердца желаютъ быть вѣрными королевскими подданными, и при этомъ доносилъ смиреннѣйшимъ тономъ, что они „упросили Московскаго царя ходатайствовать обѣ исполненіи ихъ просьбъ,

касающихся вѣры, церквей и вольностей Войска его королевской милости Запорожскаго".

Это письмо было предвѣстіемъ подпаденія Польши подъ власть государства, которое такъ еще недавно попирала она ногами со всѣмъ его великимъ и священнымъ. 27 римскаго юля прибыло во Львовъ московское посольство, подъ начальствомъ боярина Рѣпнина Оболенскаго. Оно привезло Польшѣ ультиматумъ, согласовавшійся съ чигиринскимъ письмомъ Хмельницкаго. При первомъ же свиданіи съ представителями Рѣчи Посполитой, царскіе послы высказали весьма рѣзко свой русскій взглядъ на ихъ пресловутую республику. Москва выждала наконецъ времена для возмездія Польшѣ за всѣ претерпѣнныя отъ нея поруганія, и это было начало возмездія.

Одинъ изъ сенаторовъ спросилъ у боярина: не по тому ли дѣлу прибылъ онъ, о которомъ трактовалъ королевскій посолъ, Адамъ Кисель, въ Москву?

Рѣпнинъ Оболенскій отвѣчалъ спокойно, что не былъ тогда въ Москву, и не знаетъ, о чёмъ трактовалъ Кисель.

"Да вамъ-то что въ этомъ, паны?" (сказалъ его товарищъ). „Пока бы вы что-нибудь постановили, такъ не осталось бы и времени на исполненіе. Вы ищете союза съ монархами, а когда чего не достанетъ съ вашей стороны, говорите, что сеймъ не позволяетъ. Когда бъ на вашемъ сеймѣ можно было рѣшать, чего требуетъ ваша честь и польза вашего королевства,—можетъ быть, тогда соѣднѣе монархи соединили бы свои силы съ вашими, для своихъ выгодъ, для подавленія общаго непріятеля. Но вы до сихъ поръ не нашли средства сохранять въ тайне свои сеймовыя постановленія, хоть бы на то время, пока приготовитесь; поэтому и мудрено понять, какой бы государь захотѣлъ предпринять съ вами походъ. Развѣ на то предпринялъ бы, чтобы непріятель на него напалъ, узнавъ тотчасъ обо всемъ".

Сенаторы представляли посламъ, что они мало знакомы съ дѣлами и образомъ правлениія государства свободнаго.

"Что это за отвѣтъ?" (сказалъ великий посолъ) „Вы говорите, какъ у васъ должно быть; на бумагѣ, да на словахъ устанавливаете то и се, а на дѣлѣ—неурядица, пальцемъ ткнешь".

Здѣсь одинъ изъ сенаторовъ заговорилъ о силѣ Рѣчи Посполитой и сказалъ, что скоро соберется 40.000 вооруженной шляхты. Тогда она принудить Хмельницкаго къ повиновенію и будетъ имѣть довольно времени для того, чтобы отомстить какому-нибудь сосѣду за пренебреженіе.

„Если таковы силы ваши“ (сказалъ товарищъ великаго посла), „зачѣмъ же эта небольшая часть вашего войска стоитъ въ бездѣйствии?“

„Не понимаю“ (прибавилъ Рѣпнинъ Оболенскій), „что это у васъ за сила, что Ракочій бѣтся за васъ. Взбунтовавшійся логоѳетъ не испугался сына Хмельницкаго, и если взвѣсить средства, то надѣлать больше вреда козакамъ, въ два-три мѣсяца, чѣмъ ваше королевство въ столько же лѣтъ. Если вы допустите, чтобы онъ уничтожилъ Хмельницкаго, то едва ли другіе народы повѣрятъ, чтобы этотъ Хмельницкій былъ такой боецъ и силачъ, какимъ онъ представляется, благодаря вашей неудалости, или неурядицѣ. Когда бъ вашъ Калиновскій былъ такимъ воиномъ, какъ драчуномъ, когда бъ у него въ головѣ былъ толкъ, не затѣялъ бы онъ безсмысленно битвы съ Хмельницкимъ и не довелъ бы дѣла до того, чтобы козаки взяли верхъ и первые нарушили миръ. Если хотѣлъ онъ помѣшать свадьбѣ Тимоша, если думалъ, что этого требуетъ благо королевства, то ему бы стѣдовало расположиться на болѣе крѣпкомъ мѣстѣ, ждать нападенія и тогда только воевать. А онъ взялъ деньги (отъ Лупула), и вовсе не заботился о своей ойцизѣ.“

Все это было высказано такимъ голосомъ и съ такими жестами, что сенаторы обидѣлись. Не обратили на то вниманія торжествующіе на конецъ надъ Ляхами Москали и стояли за свободу личнаго мнѣнія. У нихъ была въ запасѣ пушка, заряженная царскими титулами, и они не замедлили грѣнуть. Но сперва пустили въ глаза панамъ ракету, изобрѣтенную на ихъ пагубу старымъ Хмелемъ. Заговоривъ о междоусобіи, раздирающемъ Польшу, послы оправдывали козаковъ тѣмъ, что они взялись за оружіе, видя свои церкви въ аренду у Жидовъ...

Если было чѣмъ возмущаться панамъ до глубины души, то всего больше—этой выдумкою, противно и фактамъ, и здравому смыслу. Но относительно русской вѣры и соединенной съ вѣрою народности всѣ они были гораздо виновнѣ даже такихъ невозможныхъ притѣснителей, которые бы отдавали въ аренду Жидамъ церкви воинственаго народа, заставлявшаго, по его собственнымъ словамъ, трепетать передъ нимъ Турцію, Польшу и весь свѣтъ: они были не столько притѣснители, сколько *соглашните*, и потому имъ лучше было бы, вмѣсто распространенія въ обществѣ папства и еретичества, повѣсить себѣ на шею жерновый камень и потонуть въ морской пучинѣ: ибо тогда погибло бы одно только поколѣніе пановъ, а польская нація, безъ ихъ козней, благоденствовала бы въ соединеніи дѣйствительно „равныхъ съ равными“ и въ самомъ дѣлѣ „вольныхъ съ вольными“.

Вместо сознанія непростительныхъ грѣховъ своихъ, паны доказывали какъ нельзя яснѣе, что вѣра не была причиной козацкаго бунта, и что козаки одинаково святотатствовали, какъ въ римско-католическихъ костелахъ, такъ и въ греко-русскихъ церквяхъ. Ухмыляясь въ окладистыя бороды, царскіе послы были глухи къ ихъ доводамъ. Мало обращали они вниманія и на представлениія пановъ о томъ, что Хмельницкій недостоинъ царской протекціи: ибо, съ самаго начала войны, (говорили они) „въ каждомъ своемъ посольствѣ къ представителямъ Рѣчи Посполитой, утверждалъ, что надобно вести козаковъ противъ Москвы. У короля въ рукахъ“ (продолжали паны) „находится множество писемъ, доказывающихъ, что Хмельницкій, во всѣхъ переговорахъ съ Оттоманской Портой, условливался съ нею восвать Москву. Вотъ и въ декабрѣ 1652 года трактовалъ онъ одновременно съ Москвой, съ Турцией и съ Польшей, и всѣмъ троимъ обѣщалъ вѣрноподданство. Наконецъ, въ письмахъ, добытыхъ Ракочiemъ изъ Константинополя, и которая не дальше какъ 7 римского августа Ракочій переслалъ королю, выразительно говорится, что въ то самое время, когда искалъ царской протекціи, предлагалъ онъ подданство султану и убѣждалъ Порту, что ему будетъ легко, съ помощью Татарь и турецкихъ подкрѣплений, занять Польшу, Литву и добраться до Москвы. А что хуже всего, одинъ изъ пословъ самого Хмельницкаго заявилъ, что Хмель и большая часть козаковъ склонны принять вѣру Магомета...“

Такъ сообщилъ свидѣтель этой сцены панскому юнцю, но, спѣдаемый ревностью къ единой спасающей церкви, прибавилъ очевидную лѣбывальщицу,—будто бы царскіе послы не захотѣли дальще слушать, называли Хмельницкаго псомъ, воромъ, разбойникомъ, общимъ предателемъ и восклицали: „Да хранить Господь короля!“ (следовательно и ту курю, которая отняла у русскаго свѣта древнерусское дворянство въ польскихъ владѣніяхъ и посягала на всѣ другія сословія).

Такой финалъ религіозно-политической при невѣроѧтенъ уже по одному тому, что послы тутъ же гравули въ представителей Польши и соблазнителей польской Руси царскими титулами, точно громомъ. Напрасно паны представляли свои сеймовые декреты, свои королевскія *sancita*;—царскіе послы соглашались помиловать Польшу только подъ условіемъ подтвержденія Зборовскаго договора и уничтоженія церковной унії, яко главной причины возстанія козаковъ.

Имъ опять, со всей убѣдительностью фактovъ, представляли, что религія во всѣхъ козацкихъ бунтахъ была ни при чемъ. Царскіе послы не хотѣли знать исторіи, вѣщавшей устами оіезуицкихъ пановъ,

какъ не хотѣли въ свое время паны знать исторіи московской самозванщины.

По своему вѣку и по своей образованности, царскіе бояре и дьяки не могли возвыситься до признанія факта, что греческой религіи нельзя знать въ такомъ государствѣ, какъ Польша: ее можно было только *сохранять*;—не могли возвыситься тѣмъ болѣе, что философское безпристрастіе въ исторіи, еслибъ оно и было для нихъ возможно, то не было бы выгодно: ибо тогда было бы имъ непристойно оправдывать козацкіе разбои, напротивъ, слѣдовало бы видѣть въ казакахъ то, чтѣ видѣли въ нихъ паны рады: общихъ враговъ Москвы и Польши... Теперь же, стоя на почвѣ религіи, которая въ своей свободѣ должна быть неприкосновенна ни для прямаго притѣсненія, ни для казуистики, ни для соблазна,—царскій великий посолъ объявилъ торжественно, что царь, „для православныхъ вѣры и святыхъ Божіихъ церквей“, готовъ забыть личную свою обиду, если король и паны рады помирятся съ козаками, которые домогаются неприкосновенности православія въ предѣлахъ Польши, и помирятся не иначе, какъ на основаніи Зборовскаго договора.

Въ переводѣ на языки практики, царское величодушіе, въ настоящемъ случаѣ, значило не больше и не меныше, какъ московскій протекторатъ надъ остаткомъ непревращенной еще въ иновѣрціи Руси въ предѣлахъ сосѣдняго государства,—протекторатъ, отъ котораго оставался одинъ только шагъ до занятія всѣхъ польскорусскихъ провинцій во имя охраненія древней русской вѣры. По пословицѣ: „долгъ платежемъ красенъ“, московскій царь расплачивался съ Польшою за принятаго Сигизмундомъ III подъ покровительство такого же разбойника, и даже большаго, чѣмъ Хмѣль, и за насильственное присвоеніе царскаго права въ Москвѣ Владиславу Жигимонтовичу. Государственное достоинство Россіи требовало отъ Польши, при уплатѣ долга, надлежащихъ процентовъ, и вотъ, при всей фактической правотѣ вѣковой напастницы, она сдѣлана преступницей, требующуюю казни чрезъ палача, Хмельницкаго.

Царскій великий и полномочный посолъ съ тѣмъ и уѣхалъ, что Польша должна быть казнена за нарушеніе Зборовскаго договора, нарушенаго козаками. Безпощадный и несправедливый, но вполнѣ заслуженный, приговоръ свой формулировалъ онъ слѣдующимъ образомъ:

„Такъ какъ великий государь, его царское величество, для православные христіянскіе вѣры и святыхъ Божіихъ церквей, желая успокоить междуособіе, хотѣлъ простить такихъ людей, которые за оскорблѣніе чести великаго государя достойны были смерти,—но король Янъ

Казимиръ и паны рады поставили это ни во чѣд, поэтому великій государь, его царское величество, не будетъ терпѣть такого безчестія и не станетъ къ вамъ посыпать своихъ пословъ, а велить о всѣхъ вашихъ неправдахъ и о нарушеніи вами договора писать во всѣ окрестныя государства къ государямъ христіянскимъ и бусурманскимъ, и за православную вѣру, и за святыхъ Божіи церкви, и за свою честь будетъ стоять, сколько подастъ ему помощи милосердый Богъ".

Эти слова были только перифразомъ того, чтѣ говорить Иоаннъ III. Мысль Великаго Собирателя Русской земли оказалась бессмертною.

Польша находилась въ отчаянномъ положеніи, какъ это вскорѣ доказали событія, но, по малорусской пословицѣ: „дурень дѣмкою богатіе“, она готовилась нанести послѣдній ударъ козацкому Минотавру въ такое время, когда онъ, волею историческихъ судебъ, сдѣлался орудіемъ того, „о чёмъ“, по его словамъ, „никогда не думалъ“. Польша насчитывала сотни тысячъ союзныхъ силъ. Она утѣшалась извѣстіями, что „хлопы не хотятъ слушать Хмеля“, а съ Ордой едва начинаютъ сговариваться. Творя своего Пана Бога по образу своему и по подобію, она твердила, что онъ „совершитъ свое дѣло“ въ пользу пановъ и пляхты. Наконецъ, она увѣряла и себя, и другихъ, что Москали прислали Хмельницкому деньги и артиллерію, какъ будто ей отъ этого было бы легче.

Между тѣмъ новый волошскій господарь, Стефанъ Герцица, просилъ у пановъ помощи, королевскихъ совѣтниковъ будто у него подъ Сочавой 200.000 боеваго пароду, не считая 50.000 союзныхъ силъ, которая не даютъ козакамъ подойти на выручку Тимоппа. За помошь, Герцица обѣщалъ всѣ эти войска вести лично, куда прикажеть король. Даже силистрійскій баша просилъ короля подъ секретомъ, чтобы онъ привелъ козаковъ къ невозможности вторгнуться въ Волощину. У Яна Казимира давно уже была, какъ выражались его клевреты, тіна іmpre-ratоrska; про него, по іезуитскому камертону, трубили во всѣ трубы, звонили во всѣ колокола и, можетъ быть, одна только Москва, стоя за предѣлами іезуитскаго господства надъ европейскими и азіатскими умами, понимала все ничтожество польского короля и всю несостоятельность его королевства.

Рассчитывая на командование сотнями тысячъ войска и на подавленіе не только польской, но и московской Руси, Янъ Казимиръ послалъ въ помошь союзнымъ князьямъ 40 хоругвей и 1.200 драгунъ съ 6 пушками, подъ начальствомъ Кондрацкаго, по имени Руцина. Теперь ему оставалось только ждать отъ совершающаго свое дѣло Пана Бога великія и богатыя милости за свои личныя и за пачкія

добродѣтели. Но, чтобы тѣмъ скорѣе и блистательнѣе воспользоваться этой милостью, онъ двинулся со всѣмъ войскомъ къ югу, гдѣ намѣревался занять удобную позицію для соединенія всѣхъ союзныхъ войскъ. Изъ этого мудраго на бумагѣ и на словахъ плана вышла, какъ увидимъ, все та же неурядица, на которую московскіе послы указывали панамъ пальцемъ.

Военная рада представила самому королю назначить мѣстность для лагеря, и король избралъ Галичъ. Разославъ универсалы, возвѣшавшіе, что онъ идетъ на козаковъ, король выступилъ 29 августа изъ подъ Глинянъ. Онъ подвигался медленно, потому что осенняя слякоть портила дороги.

На пути своемъ получилъ онъ изъ-подъ Сочавы благодарность за подкрепленіе и вмѣстѣ съ нею увѣреніе въ общей готовности служить ему. Новый волошскій господарь просилъ его направлять свой походъ въ Украину. Король давно уже думалъ о томъ, чтобы пдти въ Украину, и съ этой цѣлью послалъ литовскому гетману повелѣніе— двинуться къ Киеву въ то самое время, когда коронное войско будетъ приближаться къ этому центру Малороссіи. Но литовскій гетманъ „не послушался“ короля, какъ въ свое время не послушался его брата, Владислава, гетмана коронного. Ослушавшіе свое оправдывалъ онъ тѣмъ, что Москва стягиваетъ войска къ литовскимъ границамъ. Итакъ Янъ Казимиръ напрасно дразнилъ своихъ народныхъ пророковъ, отдавъ кальвинисту виленское воеводство. Всѣ обвиняли Радивила въ измѣнѣ; но въ Польшѣ тогда столько людей было измѣнниками, начиная съ короля, что и самого Хмельницкаго съ его сыновьями, находили возможнымъ уравнять въ дигнитарствахъ съ Замойскими, Жовковскими, Конецпольскими. Какъ въ Московскомъ Государствѣ, опозоренному такъ называемымъ разстрigoю, великопанскому дому Мишковъ было возможно принять въ свое родство Тушинскаго Вора, такъ и въ королевствѣ „доблестныхъ Поляковъ“, послѣ избранія на престолъ разстриги по волѣ разбойника, слѣдовало допустить и этого самаго разбойника къ участію во всѣхъ пожалованіяхъ, предоставленныхъ королю-разстригѣ.

Получивъ благодарственное письмо отъ Стефана Гергицы съ просьбой о походѣ въ Украину, и срѣдавъ, что Хмельницкій, со всѣми своими силами, идетъ на освобожденіе Сочавы, Янъ Казимиръ опять перемѣнилъ свой планъ и рѣшился—часть войска послать комонникомъ подъ Сочаву, а съ остальнымъ подвигаться медленно къ Подольскому Каменцу.

Черезъ нѣсколько днѣй пришли другія вѣсти,—что Хмельницкій остается въ Бѣлой Церкви, и только часть козаковъ и Татаръ „запустилась“ подъ Константиновъ. Опять измѣнили планъ похода окружавшіе своего короля паны: король долженъ быть оставаться въ Галичѣ, а войско идти на козаковъ и Татаръ. Между тѣмъ снова повторились предостереженія, напоминавшія Зборовщину,—что непріятель приближается съ великими силами. Король снова перемѣнилъ свое намѣреніе, и двинулся со всѣмъ войскомъ подъ неприступный Каменецъ, гдѣ онъ могъ дождаться безопасно обѣщанныхъ ему подкрепленій изъ-подъ Сочавы.

Еще черезъ нѣсколько днѣй пришли письма отъ Гергицы и Ракочія. Одинъ увѣдомлялъ, что два козацкія полка идутъ на выручку Сочавы, что самъ Хмельницкій выступилъ въ походъ, но не известно, куда, въ помощь ли сыну, или же противъ королевскаго войска, и что ханъ, послѣ байрама, садится на коня. Другой просилъ заградить путь въ Волощину — Хмельницкому на выручку сына, а Лупулу на выручку сокровищъ. Ракочія пугало движеніе силистрійскаго баша съ Турками и Татарами на сю сторону Дуная: баша могъ освободить и сына Хмельницкаго и сокровища Лупула отъ осаждающихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ король узналъ, что Хмельницкій приближается, по хана съ нимъ идѣтъ. Коронное войско стояло уже тогда подъ Каменцемъ. Паны, имѣвшіе добра въ Подоліи и Покуттї, боялись жолперскихъ грабежей, поэтому убѣждали короля отозвать Кондратцаго изъ-подъ Сочавы, наступить на Хмельницкаго, пока не соединился онъ съ ханомъ, и положить конецъ козацкимъ бунтамъ (*usiać głowę rebellii*), а потомъ взять Сочаву. Противорѣчилъ имъ въ военной радѣ коронный маршалъ, Любомирскій: онъ совѣтовалъ взять сперва Сочаву, чтобы не оставлять непріятеля у себя въ тылу, чтобы не потерять союзниковъ, чтобы славою, которою стоятъ войны, поразить слухъ непріятеля и ударить на него соединенными силами. Теперь же, (говорилъ онъ), не имѣя ни откуда вѣрныхъ извѣстій о непріятелѣ, не слѣдуетъ рисковать „послѣдними силами“ Рѣчи Посполитой. Много сдѣлалъ коронный маршалъ убѣдительныхъ замѣчаній, но всѣ они представляли короля, вмѣстѣ съ его правительствомъ, въ безотрадномъ видѣ, и чѣмъ были справедливѣ, тѣмъ были для большинства непріятѣле. Король согласился съ мнѣніемъ большинства и рѣшился идти въ Украину.

Войско выступило въ походъ къ Бару и шло все безлюдными мѣстами, точно вернулось назадъ цѣлое столѣтіе, когда колонизація не смѣла двинуться дальше Бара въ невѣдомыя никому наши пустыни,

и когда въ передовомъ редутѣ колонизації, Баръ, помнившемъ еще древнее имя свое, Ровъ, стояли наши „безупречные Геркулесы“, жаждавшіе, по словамъ стариннаго геральдика, „только кровавой бесѣды съ невѣрными“. Дорога (писали королевскіе спутники) была похожа на „грязное кладбище“. Народъ разбѣжался по лѣсамъ. Отъ многолюдныхъ недавно еще городовъ оставались недогорѣвшія развалины, и отъ богатой Подоліи уцѣлѣло только небо да поле. Богуславъ Радивилль, въ своей автобіографіи, сохранилъ двѣ, особенно поразившія спутниковъ черты Бара. Одинъ жолнеръ, заблудившійся въ буковинскихъ лѣсахъ, ползалъ здѣсь передъ ними на колѣняхъ, не находя пищи девятнадцать сутки. Четырехлѣтняя дѣвочка лежала уже шесть дней на дорогѣ у падали, которую грызла собака и въ которую несчастная малютка запускала свои рученки. Дѣвочка казалась здоровою, но, испивъ теплого супу, totчасъ умерла.

На второмъ ночлегѣ, когда войско стояло подъ Зеленцами, пришло неожиданное извѣстіе, что ханъ, со всею сплою, выступилъ изъ Крыма. Оно подтвердилось новыми вѣстями. Походъ былъ остановленъ. Военная рада, послѣ трехъ совѣщаній, постановила—занять позицію надъ Днѣстромъ, надъ границами Волощины, дождаться паденія Сочавы и протянуть войну до тѣхъ поръ, пока союзные князья не подойдутъ съ помоцью. При этомъ имѣлось въ виду, что, въ случаѣ нападенія, безопаснѣе стоять надъ большой рѣкой, а стѣснѣе припасы легче добывать изъ Волощины, нежели изъ собственнаго голоднаго и безлюднаго края.

Итакъ вернулись на свои слѣды и расположились лагеремъ подъ Жванцемъ. Отсюда на правомъ берегу виденъ былъ въ полукилометре Хотинъ, подъ которымъ „хлопы козаки“ сдѣлались розовымъ вѣнкомъ на головахъ теперь борющеся съ ними шляхты, а на лѣвомъ, къ сѣверу, въ двухъ миляхъ, „обѣѣденный“ жолнерами Каменецъ.

Зная, что паны рѣшились бороться напропалую, Хмельницкій, въ августѣ 1653 года, разослалъ универсалы, повелѣвавшіе всѣмъ способнымъ носить оружіе идти въ войско, не отговариваясь никакими хозяйственными занятіями, хотя бы то была и уборка хлѣба съ полей. Его агенты подкупали турецкій дворъ. Крымскій ханъ, выигравъ мало своими интригами послѣ бѣгства изъ-подъ Берестечка, готовъ былъ снова предпочесть панамъ козаковъ, нужды неѣть, что называлъ ихъ безумными пьяницами. Но всего важнѣе было для Хмельницкаго—вовлечь въ козакоцапскую войну Москву. Онъ умолялъ царя о немедленной помоціи, „не желая отдать на поруганіе церквей и монастырей Божіихъ, а христіанъ на мучительство“. — „Если же ты,

великій государь“ (писалъ Хмельницкій) „насъ не пожалуешь и не примешь къ себѣ, тогда мнѣ остается свидѣтельствоваться Богомъ, что я многократно просилъ у государя милости и не получилъ. Но съ польскимъ королемъ у насъ не будетъ мира ни за что“.

Въ отвѣтъ на эту мольбу, царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ въ Чигиринъ подьячаго Ивана Фомина съ грамотой и съ подарками какъ самому Хмельницкому, такъ и Выговскому. Участь Польши была рѣшена въ Москвѣ окончательно.

Переѣздъ Фомина черезъ Роменъ, Лохвицу, Лубны, Лукомье, Городище и Бужинъ былъ рядомъ оваций въ пользу поступленія козаковъ, какъ онъ выразился, въ вѣчное холопство великому государю. Ветрѣчая царскаго подьячаго за городомъ, козаки съ атаманами своими слѣзали съ коней и низко кланялись.

Хмельницкаго не было ни въ Чигиринѣ, ни въ „его городѣ“, Суботовѣ: онъ ъездилъ гулять по пасѣкамъ, которыхъ составляли цвѣты козацкаго кочеваго хозяйства. Пользуясь отсутствіемъ гетмана, войсковой писарь сообщилъ царскимъ людямъ „тайнымъ обычаемъ“ подлинные листы турецкаго султана, Крымскаго хана и великихъ пановъ для прочтенія. Больѣ важные документы послалъ онъ черезъ Фомина къ самому царю на короткое время.

Когда гетманъ вернулся съ гулянья по пасѣкамъ, царскаго посла, посаженнаго на дорогаго коня, провожали гетманскіе слуги пѣшкомъ отъ его квартиры къ гетманскому дому. Рядомъ съ нимъ ъехалъ Выговскій; впереди сынъ Фомина, также верхомъ на парадномъ конѣ везъ царскую грамоту, а грамотѣ предшествовали царскіе подарки гетману и войсковому писарю, несомые придворными гетманскими людьми.

Хмельницкій встрѣтилъ царскаго посла на дворѣ поклономъ и, поздоровавшись, провелъ черезъ сѣни въ свѣтлицу. Рядомъ съ этой свѣтлицей были другія, въ которыхъ помѣщалась войсковая канцелярія. Царскую грамоту Хмельницкій принялъ, по выраженію Фомина, честно и учтиво, цѣловалъ любезно въ печать и въ бумагу и, распечатавъ и прочитавъ, цѣловалъ снова и поклонился въ землю среди свѣтлицы, благодаря Господа Бога и Пречастую Богородицу за неизреченное государево жалованье. Соболи соотвѣтственной цѣны были вручены тутъ же Хмельницкому и Выговскому, но, по просьбѣ Выговскаго, было послано къ нему на дворѣ 40 соболей высшаго достоинства.

Можно предполагать, что эта и другія подобныя уловки дѣлались не безъ соглашенія писаря съ гетманомъ, чтобы тѣмъ вѣриже вселить въ Москалахъ выгодная для Хмельницкаго понятія о преданности вой-

сковаго писаря къ царю. Царскіе подарки во всякомъ случаѣ не были бездѣлицей для нихъ обоихъ. Добычное богатство уходило такъ же быстро въ ихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, какъ приходило въ счастливыхъ. Откупаясь отъ хана, подкупая султанскій сераль, снаряжая новыя войска на мѣсто побитыхъ Вишневецкими да Радивилами и, наконецъ, не умѣя беречь того, что не пріобрѣталось честнымъ трудомъ, они жили въ кредитъ у щербатой козацкой доли, по пословицѣ: „не на те козакъ пье, что е, а на те, что буде“. *Про чёрный день* козацкіе дуки прятали въ землѣ золото и серебро; но роскошничать въ домашнемъ быту имъ было бы и трудно, и опасно, въ виду враждебной у Малоруссовъ зависти бѣдняковъ къ богачамъ. Притомъ же богатства, въ истинномъ смыслѣ слова, козацкая Малороссія не имѣла. Ободравши Малороссію панскую, Хмельницкій торговалъ съ Волошиной такими остатками исчезнувшихъ промысловъ, какъ поташъ. Въ качествѣ сельского хозяина, онъ удовлетворялся пасѣками, скотомъ, лошадьми, откармливаемыми свиней въ дубовыхъ лѣсахъ,— словомъ, вернулся на цѣлое столѣтіе къ старииннымъ панскимъ хозяйствамъ. Даже и скотоводство, не говоря уже о земледѣліи, находилось при Хмельницкомъ въ такомъ состояніи, что Татары, приходившіе къ нему на помощь, затруднялись продовольствіемъ, а паны высказывали такое мнѣніе о былой землѣ, текущей молокомъ и медомъ, что опа едва въ состояніи прокормить самихъ козаковъ съ ихъ подсобѣдками и подпомощниками. Фоминъ, представитель благоустроенной въ хозяйственномъ отношеніи Москвы, не могъ не обратить вниманія на жалкое хозяйствичанье козаковъ. Въ своемъ статейномъ спискѣ говорить онъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Сѣботовскій атаманъ, Лавринъ Капуста, сказывалъ: „Пришли де пынѣ къ гетману на помочь крымскіе мурзы... больши 300 человѣкъ, а съ ними пришло Татаръ стъ 200.000, и стали около Сѣботова за рѣкою Тесьмою, а иные пошли къ Боркамъ, гдѣ собирается его, гетманское войско. И изъ того де татарскаго войска топерва въ Сѣботовъ прїѣжалъ къ гетманскому двору Сакаль мурза съ знаменемъ, а съ нимъ 500 человѣкъ, для того, чтобы гетманъ съ ними шолъ на Ляховъ воинною топчасъ, а имъ де около Сѣботова стоять нечево: живности нѣтъ, Ѣсть нечево, а Ѣдять де они свой кормъ—бьють лошади““.

Не иначе могла существовать Малороссія подъ козацкимъ режимомъ, какъ въ видѣ широкаго кочевья, по которому изрѣдка были разсѣяны такъ называемые города, то есть огороженные валомъ и частоколомъ села для нѣкоторой безопасности торговыхъ людей, ремесленниковъ и земледѣльцевъ.

Выступая, по требованію Татаръ, въ походъ, на другой день, Хмельницкій слушалъ у церкви Вознесенія Христова молебствіе, а оттуда забѣхаль къ царскому подъячemu, „и слѣзъ съ лошади пьянъ у воротъ“ (пишеть ѡноминъ). Здѣсь Хмельницкій „говорилъ прежнія рѣчи, съ большимъ прощеніемъ и со слезами“, прося помочь ему какъ можно скорѣе ратными людьми. Онъ обѣщалъ принудить къ царскому подданству и самихъ Татаръ. „Время пришло“ (прибавилъ онъ) „и сего царскаго величества счастье послѣло, что и иные земли, которыя къ памъ близко подошли, у него, великаго государя, будутъ въ подданыхъ“. Но замѣчательно, что все это онъ говорилъ тайкомъ отъ „козаковъ и своихъ людей“, провожавшихъ его въ походъ, тогда какъ ѡноминъ объявилъ уже публично важное для него решеніе: „Ты, гетманъ Богданъ, и ты, писарь Иванъ, и все Войско Запорожское на государеву милость будыте надежны“.

Хмельницкому предстояло искать выхода изъ своего опаснаго положенія всюду и разсчитывать въ настоящемъ на будущія связи съ кѣмъ бы то ни было. Призывъ къ войнѣ дѣйствовалъ теперь на окочченный пародъ совсѣмъ не такъ, какъ бывало прежде. Для замѣны свободнаго движенія принудительнымъ, Козацкій Батько долженъ былъ прибѣгать къ мѣрамъ до того жестокимъ, что нѣкоторые города приказывали жечь. Вместо 200 и 300 тысячъ, какъ бывало прежде, онъ съ трудомъ собралъ 50.000 козаковъ, и съ этими 50 тысячами чувствовалъ себя не совсѣмъ безопаснѣмъ въ виду 200 тысячной Орды. Кругомъ у него были враги и люди, не вѣрившіе ни одному его слову. Не видѣлъ Хмельницкій на сей разъ другаго выхода изъ опаснаго своего положенія, какъ поддаться царю, перекричавши всѣхъ сеймовыхъ православниковъ, жаловавшихся на гоненіе древней русской вѣры. И вотъ въ такомъ-то положеніи, когда онъ долженъ былъ тантися „отъ козаковъ и своихъ людей“ съ готовностью воевать въ пользу царя съ сосѣдями, когда нечѣмъ было ему кормить въ Украинѣ вспомогательнаго войска, и когда козацкое войско не представляло ему безопасности отъ посягательства Крымскаго Добродаія на его особу,— пришло къ нему извѣстіе, что его Тимонѣ, Тимошко, Тимкѣ, его *spes magna futuri*, не существуетъ, а посланное съ нимъ войско уцѣльло едва настолько, чтобы конвоировать гробъ сына къ отцу. Чѣмъ и какъ чортъ не шутитъ?

Еще не зная о такомъ концѣ Лупуловой трагедіи, паны, съ своей стороны, сознавали отчаянное положеніе дѣла своего въ борьбѣ съ козаками. Приближавшаяся зима ужасала ихъ. „Съ такимъ правительствомъ, какъ наше“, (писали сенаторы королю) „ваша королевская ми-

лость сдѣлаете голодною всю Польшу". А войско свое называли паны обдиралами, которые пропили и пролюбезничали (przemilowali) во Львовѣ то, что надрали по Коронѣ и по Литвѣ. Но ихъ отзыву, жолнеры были храбры только въ пьяномъ видѣ, но теперь имъ не за что было и напиться. Хотя козаки, по слухамъ, прижали паконецъ Хмеля къ стѣнѣ и не хотѣли больше ему повиноваться, но тѣмъ не менѣе приводили своихъ соперниковъ къ убѣждѣнію, что у нихъ у всѣхъ одно желаніе и намѣреніе (jedno serce i intencuya): бѣтися до тѣхъ поръ, пока—или погибнуть, или перебить Ляховъ. Однѣ изъ захваченныхъ въ пленъ сотниковъ козацкихъ, высказывая все это, смыялъся надъ легковѣріемъ короля и Ляховъ, которые вѣрять Хмельницкому, когда онъ просить о помилованіи (*że tak creduli, iż wierza, gdy z pokora Cmielnicki przysyla*). Въ своемъ безконечномъ горѣ ловили они молву, которая въ одно и то же время гласила, что „этотъ бѣшеный песь“ разбитъ подъ Жванцемъ на голову, и что онъ опять „выпилъ огромную чашу крови съ языческимъ своимъ полчищемъ“. Во всякомъ случаѣ, вѣрно было то, что *чернь* не хотѣла соединить свою судьбу съ его судбою, и что 50.000 козаковъ составили послѣдня силы его.

Конецъ августа и весь сентябрь 1653 года протекли для Хмельницкаго въ борьбѣ съ козаками и Татарами. Тѣ и другие готовы были погубить его, какъ измѣника ихъ, отдающагося тайно въ московское подданство. Представители произвола, буйства и кочеваго быта въ Украинѣ понимали, что Москва должна будеть подчинить ихъ беспорядочную жизнь своимъ строгимъ, недалекимъ отъ жестокости порядкамъ. Поэтому московское подданство было равно ненавистнымъ и такой оковавшейся шляхтѣ, какъ Хмельницкій да Выговскій, и такимъ стариннымъ козакамъ, которые были воспитаны въ духѣ личной, шляхетской свободы. Ненависти чѣмъ кому-либо было оно самому Хмельницкому и его панерснику, который, по наблюдению Маховскаго, владѣть сердцемъ и умомъ Хмельницкаго и распоряжался имъ, какъ отецъ сыномъ. Но Козацкій Батько потерялъ бы послѣднюю популярность въ Малороссіи, еслибы осмѣлился высказать свое отвращеніе къ Московскому Государству передъ питомцами нашихъ монаховъ и поповъ. Господь Богъ, Пречистая Богородица, святые Божіи церкви и монастыри, православная христіанская вѣра: эти слова не сходили теперь у него съ языка вмѣстѣ съ его поговоркою: „свидѣтельствуюся Богомъ“, и служили ему какъ бы заклинаніями противъ нечистой силы, готовой растерзать его въ виду опозоренныхъ имъ святилищъ. Онъ пытался передъ мусульманами къ богообязливой Москвѣ; онъ ужасал-

ся Москвы въ сознаніи запутанности своихъ клятвъ, союзовъ, договоровъ и, можетъ быть, однѣ секретныя бесѣды съ ея будущимъ предателемъ, Выговскимъ, облегчали его душу перспективою новыхъ коварныхъ комбинацій.

Междѣ тѣмъ вѣсть о гибели Тимка Хмельниченка была бальзамомъ для тѣхъ ранъ, которыхъ нанесъ панскімъ домамъ кровожадный, какъ и онъ самъ, его отецъ. Теперь для пановъ открывалось болыше прежняго надежды совладать съ домашнимъ разбоемъ. Но разстроенный организмъ Шляхетскаго Народа былъ не способенъ къ правильной дѣятельности. Время проходило въ совѣщаніяхъ, въ отсрочкахъ, въ ожиданіяхъ новыхъ полковъ. При несогласіи между собой и при общемъ недовольствѣ королемъ, вѣчно мѣняющимъ планы, паны не были въ состояніи даже охранить позади себя линію отъ Острога до Львова. По этой линіи Татары въ послѣдствіи распустили свои загоны, довершавъ прежнія опустошенія и уничтожая повторенные въ сотый разъ попытки хозяйственной колонизації. Дошло наконецъ до обычнаго явленія панскихъ походовъ: жолнеры стали кричать, что срокъ ихъ трехмѣсячнаго найма кончился, и требовали роспуска. Шляхетское воинство разбѣгалось и, стыдясь появляться въ своихъ мѣстахъ, упражнялось въ козакотатарскомъ промыслѣ. Разбойный элементъ привилегированныхъ сословій проявился во всемъ безобразіи своемъ. Случалось, что шляхтичи попадались на грабежъ въ руки мѣщанамъ. Но мѣщане шляхтича судить не могли, а гродскій и земскій суды были организованы такъ слабо, что оправдывали злодѣевъ именно съ той стороны, съ которой преступленія ихъ падобно было бы карать еще строже: во уваженіе къ ихъ благородному происхожденію, разбойничавшіе и грабившіе шляхтичи, какъ это было и въ Наливайціи, получали свободу.

Панскаго войска въ лагерѣ подъ Жванцемъ было 60.000. Лагерь былъ защищенъ полукругомъ Днѣстра съ юга, востока и запада. Съ сѣвера обороняли его сильныя укрѣпленія Каменца, въ которомъ пребывалъ съ сенаторами король. Подѣзды нигдѣ не открывали непріятеля, а между тѣмъ наступала дождливая осень. Бараки, слѣпленные изъ глины и соломы, безъ оконъ, были покрыты дерномъ. Изорванныя палатки, задѣланнныя хворостомъ и высыпаннныя впутри на локоть землею, были снабжены сдѣланными въ пей сидѣньями для жолнеровъ, обогревавшихся у костра. Все это подмывалъ дождь, въ дыры лилась вода. Огонь разводили изъѣдка, потому что кругомъ было трудно добывать дрова. Измождій и озябшій жолперъ грѣлся прислоняясь къ лошади, и готовъ былъ примириться съ самимъ дьяволомъ, лишь бы до-

браться до сухаго мѣста. Такъ описываютъ сами себя Поляки. По ихъ разсказамъ, нѣмецкіе *дѣбершти*, получивъ деньги, морили свой народъ, чтобы плата осталась у нихъ въ карманѣ. А Подолія и Украина теперь не только не представляли поживы, но были приведены въ такое состояніе, что на эти области „было отвратительно и смотрѣть (*smiód i rojrzeć w Ukraine*)“.

Черниговскій хорунжій, Гулевичъ, (можетъ быть, родственникъ Аппы Гулевичевны), въ письмѣ къ пріятелю, дополняетъ эту картину еще такими чертами:

„Рѣшительно не съ кѣмъ продолжать войну. Иностранный жолперъ хоть бы и хотѣлъ что дѣлать своимъ искусствомъ (*strojem*), и тотъ не можетъ, потому что голоденъ и давно былъ въ избѣ. Бродить съ первыхъ чиселъ мая, точно скотина, по полямъ; а наши Поляки-грабители (*szarpasze*), чтѣ въ Коронѣ содрали, то во Львовѣ пропили, промотали, накупили атласныхъ жупановъ, и уже попротирали ихъ па спицѣ панцырями; а эта модная длина, точно исподницы, все это у нихъ загрязнилось въ нынѣшнія ненастія; теперь, подрѣзавъ жупаны, ходятъ кургузыми оборвышами. Они готовы скорѣе пропить, чѣмъ сберегать на овесъ коню, да пить не на что“.

Несчастные *шартачи* щеголи умирали подъ Жванцемъ сотнями отъ холода и голода, хоть и не морили ихъ оберсты, какъ Нѣмцевъ. Были въ панскомъ войску люди, которые нашли бы возможность поднять на ноги жолнера, одушевить его и занять войною; но король, окруженный такими же неспособными людьми, какимъ былъ самъ, парализировалъ всякую дѣятельность.

Скучное, подавляющее ненастіе прерывали изрѣдка ясные дни, а безжизненное уныніе войска—какія-нибудь вѣсти, привозимыя подъѣздами, или королевскіе планы, безпрестанно мѣнявшіеся. Наконецъ унылое войско стали оживлять радостныя вѣсти изъ-подъ Сочавы, а потомъ и союзныя силы, приходившія противъ козаковъ и Татаръ, въ небольшомъ, однакожъ, числѣ. Короля занимала снова мысль о Турецкой войнѣ, унаслѣдованная отъ несчастнаго Владислава. Ракочій поддерживалъ его завоевательную фантазію. Вслѣдствіе соглашенія съ Ракочимъ, послалъ онъ одного посла въ Стамбулъ, а другаго въ Москву; но среди своихъ преднаречаній былъ встревоженъ извѣстіемъ, что Орда двинулась изъ-подъ Шаргорода на соединеніе подъ Баромъ съ козаками. Панскій лагерь пришелъ въ движеніе. По слухамъ, ханьшелъ вдоль рѣки Бога изъ Латычева, а оттуда спустился къ Бару и взялъ въ сторону къ истокамъ Смотрича.

Не думали паны, чтобы онъ осмѣлился къ нимъ приблизиться. Полагали, что Татары постоять нѣсколько времени на кочевьяхъ и возвратятся въ Крымъ. Но извѣстіе о появленіи Орды заставило рваться домой лановую милицію, которую пѣкоторыя воеводства прислали въ замѣнъ послолитаго рушенія.

На эту, какъ ее называли, „ни къ чему негодную сволочь“, все панское войско смотрѣло съ презрѣніемъ. Ей заплатили за четверть года по 100, по 150 и даже по 200 злотыхъ на коня; но одна часть этого „мѣтлоха“, получивъ плату и за другую четверть впередъ, то-есть за августъ, сентябрь и октябрь, шла въ лагерь такъ медленно, что, пока пришла, четверть истекла уже, и, не видавъ лагеря, она возвратилась домой. Другое, прибывши подъ конецъ четверти въ лагерь, и услыхавъ теперь о приближеніи Орды, начали дезертировать сперва по одиночкѣ, а потомъ толпами, и панскіе пѣдѣзѣзы грабили ихъ при встречѣ. Когда было получено донесеніе, что непріятель миновалъ Гусатинъ и находится только въ шести миляхъ отъ лагеря, сенаторы и другое милиционеры двинулись черезъ лагерный майданъ таборомъ. Ихъ тотчасъ окружила обозная галастра и начала грабить ихъ возы. Завязалась такая битва, что самъ гетманъ бросился унимать. Нѣсколько человѣкъ было убито, множество подстрѣлено, а десятка полтора очутилось на висѣлицѣ. Среди шума и смятенія, остальныхъ „упросили“, и 8.000 лановыхъ жолнеровъ осталось въ лагерѣ.“

Венгерское войско, пришедшее изъ-подъ Сочавы налегкѣ, также рвалось домой. Одѣтое по-лѣтнему, оно сильнѣе другихъ страдало отъ морозовъ. Король склонилъ его остататься прошьбами и обѣщаніемъ по 2 талера еженедѣльно на голову.

Между тѣмъ ханъ, расположась подъ Гусатиномъ, заперъ короля со всѣхъ сторонъ и пресѣкъ подвозъ амуниціи и сѣбѣстныхъ припасовъ. Король хотѣлъ было двинуться на Орду комонникомъ, оставивъ пѣхоту въ таборѣ; но ему не совѣтовали раздѣлять войска. Совѣтъ выслушалъ онъ съ крайней досадой, и, однакожъ, послѣдоваль ему. Отданъ былъ приказъ исправить валы и готовиться къ отраженію непріятеля.

Но продолжать войну, какъ писалъ Гулевичъ отъ 26 октября, было *не съ кѣмъ*; а отъ 29-го сообщали въ Варшаву, что настоящаго (rewnego) войска нѣть у короля больше 14.000, „да и тѣ“ (продолжалъ вѣстовщикъ съ отчаяньемъ), „вырыть Нѣмцамъ могилу, сами себя засыплють“.

Ночью 29 октября привелъ пѣдѣзѣзъ мужика, котораго Орда

поймала въ полѣ, вложила ему въ сапогъ письмо, примчала въ 30 коней къ польской сторожѣ и ускакала обратно.

Письмо было отъ ханского визира къ коронному канцлеру, и написано, противъ обычая, по-польски. Визирь освѣдомлялся о своемъ слугѣ, Фетакѣ, не попалъ ли онъ въ руки жолнеровъ и, подъ этимъ предлогомъ, будто бы безъ вѣдома хана, совѣтовалъ, чтобы король—или переговорилъ съ ханомъ, или „далъ ему поле“, вмѣсто того, чтобы сторожить чужія границы, рыться въ землѣ по закоулкамъ, ждать и смотрѣть, какъ его собственное государство будетъ грабить Орда. Онъ припомнилъ Зборовскіе и Бѣлоцерковскіе пакеты, и прибавилъ, что если козаки провинились, то король былъ обязанъ донести хану, а главное—уплачивать правильно гарачъ.

Письмо визира было получено въ 2 часа ночи, и, однакожъ, немедленно созвали военную раду. Визирю отвѣчали, что ханъ не долженъ мѣшаться между государя и подданныхъ, если, вмѣсто подарковъ, не хочетъ получить чего-нибудь такого, какъ подъ Берестечкомъ; но хана готовы встрѣтить и боемъ, и переговорами, если онъ смѣеть и желаетъ.

Слуга визира, Фетакъ, находился въ плѣну у короннаго маршала, Любомирскаго; и Любомирскій писалъ къ визирю, якобы частнымъ образомъ, что готовъ возвратить плѣнника.

Въ отвѣтъ на это письмо, ханъ писалъ къ Любомирскому, называя его милымъ другомъ своимъ, выражалъ готовность къ миру, обѣщалъ прислать къ нему пословъ и подарокъ, яко человѣку, при королевскомъ дворѣ всемогущему.

Послѣ того назначили совѣщеніе между визиремъ съ одной стороны и канцлеромъ съ другой, въ полѣ подъ Каменцемъ, съ тѣмъ чтобы одна и другая сторона имѣли при себѣ не больше, какъ по 2.000 войска. Въ залогъ прислали хану королю Османъ-агу. Король отправилъ къ хану въ залогъ гетманскаго намѣстника, Войниловича, подъ прикрытиемъ нѣсколькихъ десятковъ комонника. Но едва этотъ почетъ отѣхалъ отъ короля, па него напала татарская чата, однихъ изрубила, другихъ забрала въ неволю. Самъ Войниловичъ насили про-бился съ нѣсколькими жолнерами и вернулся въ лагерь. Послѣ новыхъ варварскихъ покушеній со стороны Татаръ, сѣхались таки наконецъ уполномоченные съ обѣихъ сторонъ подъ Каменцемъ.

Поляки требовали, чтобы ханъ отступился отъ козаковъ, вернулся домой со всѣми ордами и довольствовался годовою пенсіей отъ короля. Татары требовали, чтобы Рѣчъ Посполитая уплатила недоимку гарача, не препятствовала Ордѣ брать на возвратномъ пути ясыръ,

чтобы король далъ въ залогъ сенаторовъ и сверхъ того нѣсколько миллионовъ окупа. Съ обѣихъ сторонъ говорили запальчиво, и между полякотатарскими комиссарами поднялась угрожающая ссора. Но договоръ надобно было довести до конца, во чѣмъ бы то ни стало, потому что король-главнокомандующій допустилъ Татарь окружить польский лагерь и такъ стѣснить поле, что трудно было предпринять военныя дѣйствія.

Коммиссары разъѣхались, ничего не решивъ, и Орда, при этомъ удобномъ случаѣ, перехватала соболы шапки съ панскихъ головъ.

На другой день возобновился сѣвѣдъ овецъ съ волками. Татары со всѣхъ сторонъ придинулись къ лагерю и окружили уполномоченныхъ съ ихъ 2.000-нымъ почтомъ. Поляки боялись и за лагерь, и за комиссаровъ. Пришлось вывести войско въ поле. Тогда ханъ отступилъ и велѣлъ своимъ уполномоченнымъ окончить переговоры поскорѣе, если король согласится на Зборовскій договоръ. Король, съ своей стороны, приказалъ оканчивать, и такимъ образомъ былъ заключенъ миръ, но только на словахъ, потому что ханъ отъ письменного договора отказался. Обѣ стороны, положивъ руки на груди и на бородѣ, обѣщали взаимно сохранять этотъ миръ.

Возобновленіе Зборовскаго договора было главнымъ условіемъ Жванецкаго мира. Въ этомъ соглашаются всѣ современники. По словамъ литовскаго канцлера, князя Радивила, подъ Жванцемъ „заключили унизительный миръ, возобновили Зборовскіе пакты, обѣщали обычные подарки и трехлѣтнюю недоимку“. Возобновить Зборовскій договоръ значило согласиться на ежегодный въ гарачъ 30.000 талеровъ и предоставить Ордѣ право „воевать на возвратномъ пути польскія владѣнія вправо и влѣво мечемъ и огнемъ“. Понятно, почему Радивиль назвалъ Жванецкій миръ унизительнымъ. Одни изъ находившихся подъ Жванцемъ пановъ опровергаютъ фактъ нового предательства, другіе подтверждаютъ. Не подлежитъ никакому опроверженію то, что Татары, по заключенію мира, распустили загоны по самый Богъ и увѣли въ Крымъ огромный ясыръ, безъ вся资料 препятствія со стороны Поляковъ и безъ всякой позднѣйшей рекриминації. Современный намъ польскій историкъ говоритъ, что „Жванецкій договоръ, не написанный чернилами, былъ написанъ кровью и слезами человѣческими на Волыни, въ Полѣсѣ, въ Украинѣ“.

И вотъ какъ окончилась шестидесятилѣтняя борьба пановъ съ козаками. Татары примирили Шляхетскій Народъ съ козацкимъ, забравши въ неволю миллионы того и другаго въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ этой постыдной для обѣихъ сторонъ борьбы.

Уже съ половины ноября, когда Орда выступила изъ-подъ Шар-города, ханъ распустилъ загоны во всѣ стороны. Цѣлые области лишились населенія, тѣмъ больше, что шляхта и мужики, воображая, что находятся подъ защитой королевскаго войска, вовсе не заботились объ осторожности. Имѣя столько тысячъ Орды въ загонахъ, Исламъ-Гирей не думалъ о войнѣ съ Яномъ Казимиромъ. Обремененный ясыромъ, онъ желалъ мира, и началъ самъ переговоры, которые удались ему какъ нельзя лучше. Теперь, по заключеніи мира, распустилъ онъ чамбулами по Волыни и Польсю, до самаго Люблина и Замостья загоны, которые заполонили безчисленное множество сельскихъ хозяевъ съ ихъ рабочими. Въ Литвѣ Татары взяли 12.000 шляхты, подошли на полмили къ Пинску и выжгли всѣ окрестности, въ которыхъ 120 лѣтъ не стояла и нога татарская. Ударилъ на нихъ Янъ Сопіга подъ Острогомъ, чтобы отбить ясырь, но его не поддержалъ никто, онъ былъ разбитъ, и съ двумя братьями попалъ въ неволю. Потомъ Татары напали на Старый Константиновъ. Тамъ остановился для отдыха визирь съ двумя сыновьями и цѣлый высланный предварительно чамбуль съ великою добычею.

„Таковы были выгоды нелѣпаго и легкомысленнаго похода“ (говорить польскій историкъ): „руина всей Руси отъ Бога до Днѣстра руина войска, котораго не меньше 20.000 пало отъ голода и болѣзней подъ Глининами и подъ Жванцемъ, руина части Рѣчи Посполитой, ко , располагая такою массою войска, заключила такой постыдный миръ“.

Шляхетные республиканцы, воспитавшіе безпримѣрную въ лѣтописяхъ Славянщины тайну разбойниковъ, были достойны своей уничтожительной участіи, достойны посмѣянія со стороны собственной интелигенціи въ концѣ XIX вѣка, подводящаго строгіе итоги къ прошлому. Конституціонное государство, дошедшее до торговли человѣческою кровью и слезами, лишалось права не только на уваженіе, но и на пощаду со стороны сосѣдей. Какъ ни судить о московской политикѣ, поддержавшей козацкіе возгласы о Божіихъ церквахъ да православной христіянской вѣрѣ,— Польша оправдывала ее, какъ Московскимъ Разоренiemъ, такъ и своей неурядицей. Хозайнічая столь безпутно между двухъ живоносныхъ морей подъ знаменемъ общественной свободы, либеральная нація давала законное и даже священное право государству деспотическому взять ея несчастныхъ подданныхъ подъ свою хранительную власть. „Для православные христіянскіе вѣры и святыхъ Божіихъ церквей“: эти начальные слова московскихъ требованій, представляющіяся на поверхностный взглядъ лукавыми,

получаютъ, въ итогѣ стольтій, смыслъ истинно-религіозный, достойный великаго государства. Польско-русская республика должна была быть расторгнута ради пощады обѣихъ борющихся сторонъ, обѣихъ борющихся церквей и народностей. Члены и жертвы Берестовскаго синода положили начало ея расторженію; герои и разбойники польско-русскихъ усобицъ сдѣлали его неизбѣжнымъ; царскіе думные люди довершили его и довершили такъ, что дѣло руинное обратили въ дѣло строительное, то есть такое, которое обеспечиваетъ наибольшее число жизней отъ элементовъ чужеядныхъ и истребительныхъ.

Во время Жванецкой кампаниі, которая и съ панской, и съ козацкой стороны была борьбою взаимного источенія, обоядной вынужденности, князь Янушъ Радивиль пытался склонить Хмельницкаго къ уступкамъ перспективою нашествія литовскихъ силъ на козацкія землища. Но Хмельницкій, какъ истинный верховодъ козачини, отвѣчалъ: „Нападъ Литвы намъ не страшенъ: у насъ ничего нѣтъ (старинное „козака не по чемъ ссыкивать“). Повернется по Украинѣ, да и пойдуть домой. Козацкие курени трудно разбрить. А хоть бы насыпобили и обратили Украину въ безлюдье, Татаръ этимъ не удержать Татарамъ тогда останется больше поля на кочевья, и глубже врѣжутся они въ Польшу“.

Пригласивъ хана для совмѣстной войны съ панами, и не имѣя, чѣмъ кормить Орду, Козацкій Батько ограничился предоставленіемъ освобождаемаго имъ Русскаго народа въ жертву ясырникамъ; но видѣлъ, что теперь ему не сдѣлать въ татарскихъ кочевьяхъ, и умолялъ хана—не оставлять несчастныхъ козаковъ безо всякой помощи въ борьбѣ съ Ляхами. Но ханъ побилъ его собственнымъ его оружіемъ. „Я сдѣлалъ для тебя все, чтѣ могъ“ (сказалъ онъ Хмелю), „но не могъ кормить голодныхъ Татаръ обѣщаніями и словами“.

Пустынность и убожество Малороссіи сдѣлались для Крымскихъ чужеядниковъ невыгодными условіями союза съ такими же чужеядниками туземными. Они предпочли имѣть своими союзниками пановъ, наполнившихъ край и людьми и продуктами человѣческаго труда.

Наконецъ, татарская дружба, которую такъ хвастался Хмельницкій передъ панами въ 1649 году, высказалась еще характеристичнѣе: ханъ тайно договаривался съ панами дѣйствовать совмѣстно и противъ Москвы, и противъ козаковъ. Онъ повелѣлъ Хмельницкому немедленно вернуться въ Украину, а уѣзжая послалъ надежнаго человѣка къ королю со совѣтомъ, чтобы онъ начинать войну съ Москвой и приказалъ бы идти съ собой козакамъ.

Хмельницкій имѣлъ подкупленныхъ людей всюду. Зловѣштій со-вѣтъ хана былъ переданъ ему: то, что умышляли козаки съ Татарами противъ Ляховъ, задумавши совмѣстный набѣгъ на Московщину, гро-зило исполниться надъ ними самими... Онъ поспѣшилъ удалиться въ Чигиринщину, скрывая свой страхъ, свой стыдъ, свою злобу..

Мы презираемъ нашихъ Наливайцевъ, которые грабили Могилевъ и другіе православные города безпощаднѣе, нежели сдѣлалъ бы это непріятель иноплеменный, а потомъ пытались уйти изъ Солоницкихъ окоповъ, бросивши въ жертву панамъ подбитую къ бунту козацкую массу. Больше, чѣмъ Наливайцевъ и другихъ возродившихся отъ этого скопища разбойниковъ, мы презираемъ Хмельничантъ, которые развра-тили всѣ прикосновенныя къ нимъ сословія, погубили безчисленное множество православныхъ по сю и по ту сторону Днѣстра, проложили Туркамъ дорогу къ обладанію Подоліей и посыпали въ будущемъ тѣ смуты, которымъ конецъ положили только Петръ Великій и Екатерина Великая, однимъ уничтоженiemъ двухъ союзныхъ ордъ, остана-вливавшихъ такъ долго гражданственное преусігіаніе Сѣверной Сла-вянщины. Мы обязаны высказывать искреннія убѣжденія по этому предмету безъ обиняковъ. Пускай панегиристы разбоевъ и всевозмож-ныхъ злодѣяній не превозносятъ безпрекословно стихами и прозою такъ называемыхъ ими украинскихъ національныхъ героеvъ на со-блазнъ людей малограмотныхъ и на позоръ нашей прессы!

Плодъ многолѣтней работы аeonскихъ, пещерскихъ и другихъ ипоковъ, а равно городскихъ и сельскихъ священниковъ, созрѣлъ. Взошли на малорусской почвѣ и московскіе посыбы: царская милостиya на церковное строеніе обѣщала богатый урожай. Измученный нравственно и разоренный вещественно народъ вопіялъ къ царю о спасенії. Чтѣ касается собственно козаковъ, то теперь болѣе, нежели когда-либо, справедливы давнишнія слова ихъ,—что имъ, кроме великаго государя, дѣться негдѣ. Не прими ихъ къ себѣ Москва, соб-ственная чернь выдала бы ихъ панамъ, какъ общихъ враговъ сельско-хозяйственного и промышленного класса, общихъ разорителей и пре-дателей. Это, конечно, обошлось бы ей не дешево. Козаки были столь же сильны въ Малороссіи страхомъ своего мщенія надъ лучшими людьми, сколько и умѣнемъ вовлекать въ бунты худшихъ. Поэтому-то всѣ мирные жители и большинство самихъ козаковъ съ крайнимъ нетерпѣніемъ ждали отъ московского царя исполненія давнишней просьбы кievского духовенства.

Съ своей стороны, Москва достаточно выдержала уже характеръ Государства справедливаго. Она дала Польшѣ всѣ шансы на поправку

ея разстроенныхъ дѣлъ, на умиротвореніе междуусобной брани, на преобразованіе жизни, которой механизмъ удовлетворялъ весьма немногихъ, и лежащимъ бременемъ на большинствѣ людей всѣхъ сословій и классовъ безъ исключенія. Она оставалась вѣрна своему слову, которымъ отвѣтила шведскому послу въ 1626 году: „Только бъ великий государь нашъ похотѣлъ нынѣ польскому королю и сыну его отомстити прежнюю ихъ недружбу, и имъ нынѣ можно отомстить. Но великий государь войны на нихъ не посыпаетъ, ожидающи отъ нихъ исправленья“.

Расторженіе польско-русской республики совершилось вслѣдствіе собственныхъ ея беззаконій. Москвѣ оставалось только дать свою санкцію. Этотъ великий актъ правительство Тишайшаго Государя исполнило съ религіозною торжественностью.

Созвана была въ царственномъ городѣ Москвѣ Земская Дума, или Соборъ, состоявшій изъ представителей всей Россіи. Народъ, испытавшій столь великія неправды, бѣдствія и поруганія отъ Польши, призванъ былъ своимъ царемъ къ решенію вопроса: слѣдуетъ ли еще щадить это злочестивое государство, натравливавшее на него не однихъ латышевъ и люторовъ, но и людей православныхъ, людей одного корня съ ними? Въ такомъ чрезвычайномъ дѣлѣ московскій самодержецъ желалъ быть лишь вершителемъ воли своего вѣрнаго народа. Смиренный христіанинъ, не полагался онъ на собственное желаніе, ни на разумъ думныхъ бояръ и дьяковъ своихъ. Представителямъ всѣхъ концовъ Русской Земли надлежало высказать свое мнѣніе, какъ Россіи поступить съ Польшею.

Истинно благочестивый въ жизни своей и возвышенno честный въ начинаніяхъ своихъ, царь Алексѣй Михайловичъ (1 октября 1653 года) помолился сперва у обѣдни и совершилъ торжественный всенародный ходъ въ Грановитую Палату. Ему предшествовали святые образа, съ которыми соединялись воспоминанія народныхъ бѣдствій и избавленія отъ нихъ. Надъ ними развивались, блестая, многочисленныя хоругви, а „сорокъ сороковъ“ московскихъ колоколенъ наполняли воздухъ музыкой, въ которой народному собранію слышался хоръ ликующихъ ангеловъ.

Въ Грановитой Палатѣ, сидя на тронѣ Собирателей Русской Земли, среди множества избранныхъ людей царства своего, государь слушалъ письменный докладъ думнаго дьяка, во-первыхъ, о томъ, что польскій король и его паны, въ своихъ грамотахъ и письмахъ, умаляютъ государское достоинство царя, переиначивая царскій титулъ его; во-вторыхъ о томъ, что въ польскихъ книгахъ были напечатаны

злыхъ безчестья, укоризны и хулы, которыхъ не только великимъ христианскимъ государямъ, помазанникамъ Божиимъ, но и простому человѣку слышати и терпѣти невозможно; втретыхъ, о томъ, что, не давая государю удовлетворенія на его требованія, Поляки дѣлали разныя притѣсненія порубежнымъ жителямъ Московскаго Государства, и, наконецъ, о томъ, что гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ Запорожскими Войсками доносилъ царю о гоненіяхъ Рѣчи Посполитой на православную вѣру греческаго закона и на святая Божія восточная церкви.

Здѣсь думный дѣякъ, будучи органомъ русскаго возмездія за польскія выдумки Смутнаго Времени, то-есть отдавая мѣрою за мѣру и вѣсомъ за вѣсъ, представилъ дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ изобразили его въ своемъ донесеніи просители, именно,— что будто бы паны рады и вся Рѣчь Посполитая отвращали запорожскихъ козаковъ отъ истинной вѣры, неволили къ своей религії, запечатывали Божіи церкви, обращали въ унію и причиняли православнымъ такія поруганія и оскорблѣнія, какихъ не дѣлаютъ надъ еретиками и Жидами. Вслѣдствіе того будто бы козаки ополчились на Поляковъ, принудили ихъ согласиться на уничтоженіе уніи, но Ляхи на правдѣ не устояли, и потому Богданъ Хмельницкій со всѣмъ Запорожскими Войсками просилъ царя принять его подъ свою высокую руку.

Затѣмъ въ докладѣ думнаго дѣяка было изложено, что государь ради вѣры и церкви, предлагалъ свою готовность простить оскорблѣніе царской чести своей, если только Рѣчь Посполитая возобновитъ Зборовскій договоръ съ козаками, перестанетъ гнать православную вѣру и уничтожить унію; что король и паны рады отказали въ этомъ, и начали снова воевать съ козаками; что Турецкій султанъ зоветъ козаковъ къ себѣ въ подданство, но что козаки предпочитаютъ быть подъ высокой рукою Московскаго самодержца.

Отъ Земской Думы требовалось обсужденіе и рѣшеніе вопроса: принимать ли государю козаковъ подъ свою высокую руку? Это была одна формальность. Органъ царскаго правительства, бояре, выражая свое руководящее, лучше сказать обязательное для прочихъ сословій мнѣніе, не взяли на себя даже труда взойти къ началу вопроса о русскомъ возсоединеніи, который былъ поставленъ весьма выразительно Иоанномъ III. Къ вопросу историческому отнеслись они кальцелярски, на основаніи козацкаго донесенія о гоненіи православія въ Польшѣ и, безъ дальнѣйшихъ спровокъ, приписали это гоненіе неповинному въ немъ, хоть и готовому къ нему, Яну Казимиру, брату оплаканнаго козаками короля и ихъ избраннику. По голословному

козацкому обвиненію, Янъ Казимиръ, вмѣсто того, чтобы, на основаніи своей присяги, оберегать и защищать всѣ вѣроисповѣданія, отличныя отъ католического, возсталъ на православныхъ христіянъ греческаго закона, разорилъ многія Божіи церкви, а пѣкоторыя обратилъ въ унитскія. Отсюда, сообразно понятіямъ своей публики, бояре вывели заключеніе, что гетманъ Хмельницкій и все Запорожское Войско сдѣлались людьми вольными; „а потому“ (говорили бояре), „чтобъ не допустить ихъ въ подданство Турацкому султану, или Крымскому хану, слѣдуетъ гетмана, со всѣмъ войскомъ и со всѣми городами и землями, принять подъ высокую государеву руку“.

Во времена оны, вопросомъ о присоединеніи Малой Россіи къ Россіи Великой руководила у насъ церковная іерархія, и вела за собой къ русскому единству всѣхъ поборниковъ православія, во главѣ которыхъ естественно стояли создатели, благодѣтели и хранители Божіихъ церквей, то-есть дворянство, мѣщанство и духовенство. Обработанная Петромъ Могилою въ духѣ единенія съ Польшею, церковная іерархія въ козацкой просьбѣ теперь не участвовала, и даже, какъ увидимъ, уклонялась, подъ разными предлогами, отъ присяги на подданство царю *всѧя Russiа*.

Какъ обсуждался этотъ вопросъ предварительно въ боярской думѣ, памъ неизвѣстно. Русскому народу было показано решеніе вопроса только со стороны вѣры, въ виду предстоявшей войны съ Польскимъ королемъ. Всѣ выборные Русской Земли, земли царской, нашли решеніе справедливымъ, и приговорили, вмѣстѣ съ боярами, что государь долженъ объявить Польшѣ войну. Дѣло въ томъ, что выборные, вернувшись въ свои мѣста, распубликовали великое предприятіе, и сдѣлали его предпріятіемъ всенароднымъ.

Война съ Польшею подъ знаменемъ церкви и вѣры, война, вытекавшая изъ событий, памятныхъ русскому сердцу, хотя и не обнѣтыхъ еще русскимъ умомъ, пришла по душѣ всѣмъ сословіямъ и состояніямъ. Царская Земля, каковы бы ни были органы ея чувства и мышленія, сознавала важность момента. Томительное чувство недавняго еще безсилія, къ которому привелъ ее іезуитскій подкопъ подъ русское престолонаслѣдіе, разразилось теперь общую готовностью жертвовать достояніемъ и жизнью за всенародное дѣло. Въ этой готовности вовсе не было того добровольного холопства, которымъ русские враги объясняютъ полное согласіе народа съ его верховною властью. Сравнительно съ польскими сеймами, московская Земская Дума представляла сцену скромную, тихую, антилиберальную; но не возможное для Польши единодушіе дѣлало эту сцену величественною

и по движенью сердцъ, и по предчувству грядущаго величія Россіи. Тамъ въ кажущейся свободѣ выражалось польское безсиліе; здѣсь въ кажущейся неволѣ пребывала русская сила. Тамъ обнаруживалась дряхлость шляхетскаго равенства; здѣсь чувствовалась юность общаго соподчиненія. Тамъ теченіе политической жизни видимо приходило къ своему концу; здѣсь оно только начиналось, и широкимъ началомъ пророчило развитіе безпредѣльное. Но самую разительную противоположность между той и другой сценами составляли религіозные знаменатели обѣихъ. Въ польскомъ правительствующемъ собраніи высшіе представители церкви ораторствовали въ качествѣ государственныхъ сановниковъ. Въ московской Земской Думѣ, патріархѣ, окруженный церковнымъ синклитомъ, возвысилъ голосъ только для того, чтобы благословить своего царя и всю его державу на подвигъ освобожденія древней Русской Земли отъ иноземной власти, обѣщаю просить Бога, Пресвятую Богородицу и всѣхъ Святыхъ о помощи и одолѣнії.

Такъ было санкционировано въ Москвѣ расторженіе хаотически сложившейся польско-русской республики, отдѣленіе русскаго элемента отъ польскаго и привлеченіе къ русскому центру новыхъ силъ, которая изъ разрушительныхъ и чужеядныхъ превратились въ строительныя и производительныя.

Въ критическій моментъ, когда козаки бѣжали домой, гонимые страхомъ союза европейцевъ съ азіатами на ихъ погибель, къ нимъ готовилисьѣхать отъ царя полномочные послы: бояринъ Бутурлинъ, окольничій Алферьевъ и думный дьякъ Лопухинъ съ товарищами, для принятия Малороссіи въ московское подданство.

Они достигли Переяслава, козацкой столицы, 31 декабря. Слабый ледъ на Днѣпрѣ не позволилъ Хмельницкому поспѣшить навстрѣчу къ нимъ. Вѣренѣе сказать, Хмельницкій не стоковался еще со своими сообщниками касательно того,—что москвики, не стѣсняясь называли вѣчнымъ холопствомъ. Надобно помнить, что кадрами запорожскихъ бунтовщиковъ и воротилами козацкихъ каверзъ были шляхетные бани. Москва была имъ не по вкусу своею строгою соподчиненностью, а московскіе порядки казались имъ нестерпимѣе турецкихъ. Непріязненный, презрительный и враждебно предубѣжденный взглядъ на Москву былъ дѣломъ систематической пропаганды воспитателей Польши, и въ этомъ то взглядѣ коренились козацкія предательства отъ Хмельницкаго и Выговскаго до Мазепы и Орлика. Москвѣ предстояла рискованная борьба съ Польшей, у которой оставалось еще много людей, способныхъ и къ войнѣ, и къ политической интригѣ, большою частью полонизованныхъ Русичей, по риску этой борьбы, какъ

показали событія, заключаіся всего больше въ предательскомъ характерѣ козачества, который Москальмъ былъ извѣстенъ еще въ XVI вѣкѣ.

Полномочныхъ царскихъ пословъ принимали въ Переяславѣ Переяславскій полковникъ Павелъ Тетера, будущій гетманъ царскихъ отступниковъ и основатель іезуитскаго коллегіума въ Варшавѣ. Не могъ онъ относиться къ дѣлу русскаго возсоединенія сочувственно, и смотрѣлъ на него, какъ на неизбѣжное, но временное зло,—смотрѣлъ такъ, какъ въ 1632 году папскій нунцій на уступку православникамъ нѣсколькихъ униатскихъ хлѣбовъ духовныхъ. Козацкимъ воротиламъ сдѣлалось тогда холодно въ Малороссіи,—нагналь имъ холоду крымскій добродій,—и они ползли къ московскому царю за пазуху отогрѣваться.

Спустя немногого времени прибылъ въ Переяславѣ Козацкій Батько и въ день, назначенный для присяги на московское подданство (8 января 1654 года), держалъ съ главною старшиною своею тайную раду. Изъ этой тайной рады будущіе крамольники выпили къ собравшимся въ Переяславѣ козакамъ. Хмельницкій произнесъ рѣчъ, въ которой волей и неволей долженъ взять ноту малорусскаго большинства, переставшаго бояться его соумышленниковъ.

„Нельзя, видно, жить намъ болѣе безъ цара“, говорилъ опь и называлъ четырехъ государей, которые готовы властствовать надъ Малороссіей: турецкаго султана, татарскаго хана, польскаго короля и московскаго царя, „котораго“ (продолжалъ онъ) „уже шесть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть нашимъ государемъ и обладателемъ“. (Вмѣсто шесть лѣтъ, Хмельницкій долженъ былъ бы сказать тридцать лѣтъ, когда бы церковная іерархія не измѣнила русскому чувству). „Сей-то великий царь христіянскій“ (сказалъ онъ въ заключеніе), „сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ нашей Малой Руси, не презрѣлъ нашихъ шестилѣтнихъ моленій и склонилъ теперь къ намъ свое милостивое царское сердце“.

Рѣчъ, очевидно, была продиктована ему царскими послами, которые даже хвалить своего государя не позволяли иначе, какъ въ духѣ московскаго вѣрноподданства.

„Возлюбимъ же его съ усердiemъ!“ (воскликнулъ пассивный ораторъ). „Кромѣ его царской руки, мы не найдемъ благоотишинѣшаго пристанища. Кто насъ не захочетъ послушать, тотъ пусть идетъ, куда хочетъ: вольная дорога!“

Козацкая масса, состоявшая изъ московскихъ доброжелателей и враговъ, отвѣчала съ единодушiemъ разбойниковъ, спасающихся отъ кары: „Волимъ подъ Царя Восточнаго!“

Малорусскія лѣтописи и козацкіе историки присочинили, будто бы вслѣдъ затѣмъ „начали читать приготовленныя условія, па которыхъ Украина должна соединиться съ Московою“. Достовѣрность этого факта заявилъ передъ ученымъ свѣтомъ Костомаровъ даже и въ четвертомъ изданіи своей трехтомной исторической монографіи „Богданъ Хмельницкій“. Но ни *условій*, ни таکъ называемаго Переяславскаго *договора* съ царскими уполномоченными не было и, по духу московскаго самодержавія, быть не могло. Козаки цѣлымъ шесть лѣтъ безпрестанно умоляли Восточнаго Царя принять ихъ въ подданство, и великий государь наконецъ склонился—и то не надъ ними, а надъ „пестерпимъ озлобленiemъ православной церкви въ Малой Руси“. Эти слова Хмельницкаго, кому бы они собственно ни принадлежали, сами по себѣ дѣлаютъ условія и договоръ съ просителями безсмыслицею. Но и произнесенная при этомъ рѣчь Бутурлина, сочиненная ему царскою думою, не упоминаетъ ни о какихъ обязательствахъ со стороны царя. Бутурлинъ распространялся о бѣдствіяхъ Малороссіи, о гоненіи за вѣру, о многократныхъ козацкихъ посольствахъ, подвигнувшихъ великаго государя на милосердое заступничество; потомъ доказывалъ, что присягавшій и не сдержавшій присяги король—болѣе не государь Малоруссамъ; наконецъ сказалъ, что, не желая слышать о конечномъ ихъ разореніи, о запустѣніи и поруганіи благочестивыхъ церквей отъ латинцевъ, московскій самодержецъ велѣлъ принять козаковъ со всѣми городами и землями, и приказалъ помогать имъ противъ разорителей христіянской вѣры. „Козаки“ (говорилъ онъ) „за такую царскую милость и жалованье должны служить государю, желать ему добра и надѣяться на его милость. Онь же, великий государь, будетъ сохранять все Запорожское Войско въ своей милости и обронять отъ всякихъ недруговъ“.

Милость, милость и милость, больше ничего козаки не слышали отъ царскихъ уполномоченныхъ. Когда дошло дѣло до присяги на московское подданство, Хмельницкій сказалъ представителямъ самодержавнаго государя: „Слѣдуетъ прежде вамъ присягнуть отъ имени его царскаго величества въ томъ, что его величество, великий государь, не нарушить нашихъ правъ, даруетъ намъ на права наши и имущество грамоты и не выдастъ насъ польскому королю“.

На это ему отвѣчали слѣдующими словами, устранившими всякие *условія* и *договоры*:

„Никогда не присягнемъ мы за своего государя. Да гетману и говорить о томъ непристойно. Поданные должны дать вѣру своему госу-

дарю, который не оставитъ ихъ жалованья, будетъ оборошать отъ недруговъ, не лишить правъ и имѣній вашихъ".

Будущій измѣнникъ Тетера и миргородскій полковникъ, Лѣсницкій Саковичъ (напоминающій своимъ именемъ отступника Кассіана Саковича) домогались присяги.

„Это дѣло небывалое" (вразили представители московской царственности). „Одни подданные присягаютъ государю, а государю неприлично присягать подданнымъ".

Крамольники ссылались на примѣръ польскихъ королей. Имъ отвѣчали, что польские короли не самодержцы, и что государское слово перемѣнило не бываетъ.

Тогда члены тайной рады Хмельницкаго сказали, что козацкая чернь требуетъ присяги за государя. На это имъ отвѣчали строго:

„Вамъ надлежитъ помнить милости великаго государя, слѣдуетъ служить ему и всякаго добра хотѣть, Войско Запорожское привести къ вѣрѣ, а незнающихъ людей унимать отъ непристойныхъ речей".

Москва знала, что козакамъ дѣться нечѣ. Москва видѣла, что Малороссія, волею судебъ, сама пришла къ великому государю, и что возврата ей къ польской разнуданности нѣтъ, поэтому и говорила съ козаками повелительно. Но козацкіе историки приводятъ свидѣтельство фальшиваго лѣтописца временъ Мазепы, будто бы, послѣ присяги козаковъ, московскіе бояре дали отъ имени царя *клятвенное обѣщаніе*, что онъ будетъ держать всю Малую Россію со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ подъ своимъ покровительствомъ, при ненарушеніи сохраненія *всіхъ еї древнихъ правъ*. Въ этомъ вымыслѣ Россія сдѣлана другою Польшею, а козакамъ открыть просторъ къ повторенію надъ Царскою Землею того, что сдѣлали они надъ Землею Королевскою. Но козатчина возможна въ Россіи только на бумагѣ, и то не вполнѣ.

Изъ Переяслава царскіе уполномоченные отправились въ Кіевъ, потомъ въ Нѣжинъ и въ Черниговъ, а по всѣмъ другимъ городамъ разослали своихъ стольниковъ и стряпчихъ для приведенія мѣстныхъ жителей къ присягѣ. Въ Кіевѣ обнаружилось, что церковная іерархія, образованная Петромъ Могилою, изъ отступниковъ Исаіи Кошинскаго, не была расположена къ великому дѣлу малорусскаго духовенства, оставленнаго ею въ тѣни. Бутурлинъ обратился къ Сильвестру Косову съ вопросомъ: отчего онъ не искалъ себѣ царской милости въ то время, когда гетманъ Богданъ Хмельницкій и все Войско Запорожское неоднократно просили великаго государя принять ихъ подъ свою высокую руку? Митрополитъ отвѣчалъ, что происходившая между гет-

маномъ и государемъ переписка не была ему извѣстна. Царскихъ уполномоченныхъ, сопровождаемыхъ козаками, онъ встрѣтилъ за Золотыми Воротами, и привѣтствовалъ ихъ, какъ посѣтителей наслѣдія древнихъ князей русскихъ. „Войдите въ домъ Бога нашего, на съдалище первѣйшаго благочестія русскаго“ (сказалъ онъ), „и пусть вашимъ присутствиемъ обновится, яко брля юность, наслѣдіе благочестивыхъ русскихъ князей“. Прекрасныя слова, но они были вынуждены обстоятельствами, такъ точно какъ и сравненіе Хмельницкаго съ Моисеемъ. По извѣстію православнаго священника, митрополитъ „замиралъ отъ горя“, а все бывшее съ нимъ духовенство „за слезами свѣта не видѣли“.

Съ точки зрења польской аристократіи, смѣстившей церковную іерархію Борецкаго и Копинскаго, московскіе порядки были не многимъ лучше козацкихъ и татарскихъ. Косовъ уклонился отъ присяги царю, отговариваясь местью польского короля, и не послалъ присягать вмѣстѣ съ киевскими козаками и мѣщанами служившихъ приемъ и при другихъ духовныхъ особахъ шляхтѣчай. „Я не хочу отвѣтить за невинныя души“, говорилъ онъ и ссылался на печерскаго архимандрита, Тризу, который, съ своей стороны, не хотѣлъ присягать помимо митрополита.

Пока малорусская церковь воинствовала за православіе, отъ ея іерарховъ исходили такія внушенія, какими проникнуто истинно христіанское Совѣтованіе о Благочестіи, а темные представители предковской вѣры и старины сбѣли въ народѣ такие вымыслы ко вреду русско-латинской „единости“, какими преисполнена извѣстная „Пересторога“. Но когда могилане сдѣлали церковную единость Руси съ Польшею только дѣломъ времени, іерархи малорусскіе расправлялись по феодальному даже съ такими людьми, какъ Исаія Копинскій, а ихъ клевреты сбѣли въ Козацкомъ Народѣ, съ помощью шляхетныхъ бандитовъ, такие же вымыслы ко вреду русскаго возсоединенія, какіе „Пересторога“ сочиняла противъ унії. О московской религіозности, о московскомъ управлениі, о московскихъ правахъ и обычаяхъ было распущенено теперь множество каррикатурныхъ разсказовъ, подобныхъ тѣмъ, которыми Адамъ Кисѣль, съ товарищемъ своего посольства въ Москву, смѣшилъ сеймовыхъ законодателей. Говорили, напримѣръ, что вѣра московская есть вѣра царская; какъ царь прикажетъ, такъ и вѣрють. Говорили, что всѣхъ новыхъ подданныхъ будутъ крестить по-московски, что жить подъ московскимъ управлениемъ значитъ жить въ самой ужасной неволѣ, которая горше турецкой катоги и египетской работы; что подъ московскимъ подданствомъ нельзя будетъ ни-

кому носить чобітъ и черевикиъ, а надобно будетъ носить постолы (лапти). До послѣдняго, до нашего времени, въ малорусскихъ козакопанскихъ кружкахъ рассказывались анекдоты и напѣвались пѣсенки, унижающія великорусскій бытъ и осмѣивающія великорусскую пѣсенность. Это—наслѣдие нашей козачины, рожденной Татарами и воспитанной Поляками; это—завѣтъ окозаченной шляхты, которая старалась вооружить общественное мнѣніе противъ московскихъ порядковъ и обычаевъ, поселить въ Козацкомъ Народѣ отвращеніе къ Москалю и презрѣніе къ его нравственности. Всѣ классы безъ исключенія обрабатывались въ Малороссіи посредствомъ ея полонизаторовъ, и много нужно было великорусскимъ дѣятелямъ времени, много умственныхъ подвиговъ, много благородныхъ общественныхъ дѣлъ, чтобы своихъ порицателей переработать въ своихъ послѣдователей.

Въ началѣ марта 1654 года, явились отъ Хмельницкаго въ Москву посланниками войсковой судья, Самойло Зарудный, и Переяславскій полковникъ, Павелъ Тетера, съ прошеніемъ къ царю отъ всего Запорожскаго Войска и отъ „всего христіанскаго міра россійскаго“. Они „были челомъ до лица земли и просили вельми“ объ исполненіи 23 пунктовъ представленной ими петиції.

Козаки просили о томъ, чтобы царскіе чиновники въ войсковые суды не вступались; чтобы Запорожское Войско было всегда въ числѣ 60.000; чтобы шляхта, приставшая къ козакамъ, оставалась при своихъ шляхетскихъ вольностяхъ и избрала изъ своей среды старшихъ на должности, какъ было при польскихъ короляхъ; чтобы въ городахъ урядники избирались изъ мѣстныхъ жителей, которые бы отдавали приходъ въ царскую казну и пр.

Все это было козакамъ по царской милости даровано и подъ каждой статьей подписано: „быть по ихъ чебобитью“ или „быть по тому и пр. Запрещалось только ссылаться, безъ государева указа, съ Турецкимъ султаномъ и съ Польскимъ королемъ; подъ статьею о жалованьи полковникамъ, ясауламъ войсковымъ и сотникамъ подписано: „Отговаривать“, а относительно платы всему козацкому войску: „Хотя число Войска Запорожскаго и велико будетъ, а государю въ томъ убытка не будетъ, потому что они жалованья у государя просить не учнутъ; а говорилъ (объ этомъ) гетманъ при ихъ, при судѣ (Зарудномъ) и при полковникѣ (Тетерѣ), и имъ нынѣ о томъ говорить не доводится“.

При петиції Запорожского Войска было приложено 10 статей отдельно. Всѣ онѣ означены въ самой петиції, но нѣкоторыя въ приложеніи изложены подробнѣе. На эти 10 разъяснительныхъ статей послѣдовало болѣе обстоятельное рѣшеніе. Подъ статьею 9-ю написана особенно длинная резолюція, въ которой поставлено козакамъ на видъ, какъ долго и усердно просили они царской милости и заступничества; какъ съ королевской стороны еще отцу Алексѣю Михайловичу, царю Михаилу Федоровичу, и дѣду, патріарху Филарету Никитичу, учинились многія безчестія и укоризны; какъ много великий государь прощалъ Полякамъ ради того, чтобы они помирились съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и Запорожскимъ Войскомъ по Зборовскому договору; наконецъ, какія рати должны были царь собрать на защиту ихъ отъ короля, какія понести издержки на ратный строй и на наемъ татарскихъ и нѣмецкихъ войскъ. „Зная все это“ (сказано въ резолюції) „и видя такую царскаго величества милость и къ нимъ оборону, посланникамъ говорить о жалованьи не приходится“. Впрочемъ государь пошлетъ привести въ извѣстность городскіе и другіе доходы, послѣ чего о жалованьи Запорожскому Войску, по разсмотрѣнію царскаго величества, будетъ указъ. „А нынѣ царское величество, жалуя гетмана и все Запорожское Войско, хочетъ послать своего государева жалованья, по бывшимъ обычаямъ предковъ своихъ, великихъ государей царей и великихъ князей россійскихъ, гетману и всему Войску Запорожскому золотыми“.

Такова была петиція, представлена козаками царю черезъ два мѣсяца по принятіи отъ нихъ безусловнаго подданства, и ее то козацкие историки превращаютъ въ „условія, на которыхъ Украина соединилась съ Москвою“; а какъ условій и договора въ козацкой петиції вовсе нѣть, то козакоманы пускаютъ въ ходъ печатную молву, будто бы договоръ Хмельницкаго съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ существовалъ, но какъ-то, кѣмъ-то, гдѣ-то и когда-то потерянъ. Отъ этого взаимныхъ отношенія Русскаго Сѣвера и Русскаго Юга представляются любителямъ козатчины въ ложномъ видѣ, и отсюда происходятъ антируссія стремленія украинскихъ патріотовъ, по извращеніе понятій о Хмельницчинѣ идетъ у насъ издавна. Подобно тому, какъ во времена Жмайловъ, Тарасовъ, Павлюковъ агитаторы козацкихъ бунтовъ постоянно твердили „людямъ незнающимъ“ о нарушеніи Лягахами какихъ-то старыхъ козацкихъ правъ и вольностей, крамольники временъ Выговскаго, Юрія Хмельницкаго, Бруховецкаго, Тетеры и, наконецъ, Мазены распространяли въ Малороссіи толки о небывалой

присягъ бояръ за царя и заставляли „незнающихъ людей“ роптать на московское вѣроломство. Посвѣянныя въ малорусскомъ обществѣ пітомцами іезуитовъ предубѣжденія противъ Москвы были поддержаны фальшивыми лѣтописями, поддельными документами, псевдоисторическими монографіями, взыханіями поэтовъ - невѣждъ о козацкой станицѣ, и эта умственная язва до того вѣѣлась въ слабые умы, что сказки объ стношеніяхъ козаковъ къ двумъ соперничавшимъ государствамъ находятъ еще и въ наше время довѣрчивыхъ читателей.

КОНЕЦЪ.

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр.
Глава XXI. Совѣщанія пановъ о спасеніи отечества.—Выборъ боевой по- зиціи подъ Збаражемъ.—Козаки и Татары осаждаютъ панское вой- ско.—Переговоры представителя козаковъ съ представителемъ шлях- ты.—Козацкое искусство маскировать военные дѣйствія.—Король идетъ къ осажденнымъ на выручку.....	3
Глава XXII. Битва подъ Зборовыми.—Безславный для козаковъ и для пановъ миръ.—Нечальное освобожденіе отъ осады.—Малорусскій народъ проклинаетъ Козацкаго Батька.—Развращеніе народа ко- затчиною.....	38
Глава XXIII. Фальшивое представление короля героемъ и патріотомъ.— Немногіе обманываютъ многихъ.—Кто собственно былъ угнетателемъ „убогихъ людей“.—Новая реестровка козаковъ.—Замѣна пан- скаго ига именемъ козацкимъ.—Бѣдствія малорусскаго посольства отъ козацкаго бунта.—Дѣлъ орды въ виду культурныхъ сосѣдей.— Замыслы Татаръ и козаковъ противъ Московскаго Царства.—Турец- кая протекція.—Нагроможденіе горючихъ материаловъ.—Грозное посольство московскаго царя.....	79
Глава XXIV. Козакотурецкая политика.—Козакотатарскій набѣгъ на Воло- щину.—Предпочтеніе варварства турецкаго варварству козацкому.— Козаки воружаются противъ пановъ сосѣдніе народы.—Мѣра за мѣру въ борьбѣ двухъ вѣроисповѣданій.—Чрезвычайный сеймъ.....	122
Глава XXV. Польша перестаетъ быть государствомъ свѣтскимъ.—Парти- занская война въ началѣ весны 1651 года.—Покушенія козаковъ на Подольскій Каменецъ.....	157
Глава XXVI. Воюющія стороны, неспособныя къ правотѣ.—Панскій ла- геръ подъ Сокалемъ.—Война Римлянъ съ Греками посредствомъ па- новъ, а Грековъ съ Римлянами посредствомъ козаковъ.—Достоин- ство московскаго правительства въ виду этой борьбы.—Движеніе панского войска къ Берестечку.—Козацкое становище и приходъ Крымскаго хана къ козакамъ.—Первая битва подъ Берестечкомъ.	193
Глава XXVII. Вторая битва подъ Берестечкомъ.—Бѣгство татарскаго ха- на и козацкаго гетмана.—Блокада козацкаго тabora.—Бѣгство ко- заковъ.—Находки въ козацкомъ тaborѣ.—Окончательное превраще- ніе польскорусскихъ дворянъ въ Поляковъ.—Католическая Хмель- нитчина въ Краковскомъ округѣ.....	231

- Глава XXVIII. Походъ панскаго войска изъ-подъ Берестетка въ Украину.—
Мародерство производить общее восстание.—Смерть лучшаго изъ
панскихъ полководцевъ.—Походъ литовскаго войску въ Украину.—
Вопросъ о московскомъ подданствѣ.—Бѣлоцерковскій договоръ... 281
- Глава XXIX. Результатъ козацкихъ бунтовъ.—Неизбѣжность отпаденія
Малороссіи отъ Польши.—Козаки переселяются въ московскія вла-
дѣнія.—Козацкая интрига въ Турціи.—Походъ въ Волощину.—
Битва подъ горою Батогомъ.—Козаки побиты въ Волощинѣ.—Фи-
нансовая и нравственная несостоятельность панской республики.. 332
- Глава XXX. Московскій ультиматумъ.—Царское обнадеживающее посоль-
ство у козаковъ.—Кому въ Малороссіи было ненавистно москов-
ское подданство.—Панскій лагерь подъ Жванцемъ.—Жванецкій до-
говоръ 1653 года.—Козаки поддаются Московскому царю.—Возсо-
единеніе Малой Россіи съ Великою..... 377
-

О П Е Ч А Т К И.

Во II-мъ томѣ на стр. 372, стр. 30, вмѣсто козацкихъ читай кодацкихъ.

<i>Стр.</i>	<i>Строки.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читай.</i>
9	31	любимица	любимаго
20	38	наэ	наэ
21	33	опровергнутый	отвергнутый
22	3	рабдті	робдті
—	7	волы	войн
25	13	и придавали	придавали
26	38	паповъ	на пановъ
30	4	низведенія	низведеніе
36	10	Стырию	Стырию
—	12	Стырну	Стырпу
—	15	Стырина	Стырина
38	18	Стырны	Стыри
—	29	Мстенёва	Метенёва
39	1	Мстенёву	Метенёву
—	10	Стыриу	Стыршу
40	9	Стыриу	Стыршу
41	10	Стырну	Стырну
42	40	Стырнъ	Стырнъ
44	31	Цецарѣ	Цецорѣ
45	19	знаю	зная
48	39	гарномъ	гарномъ
49	10	Боролю	Баролю
—	15	Стыриу	Стырпу
50	30	изъ цѣлости	цѣлости
55	34	згогнїеъ	згогнїеъ
56	27	60 ф.	60 ф.
—	32	переносить	переносиль
62	19	300.000	30.000
63	20	были	были довольны
68	15	подняло	подняль

71	4	падали	надали
—	19	посольство	посольство
72	35	присягнуты	присягнули
73	5	готовятся	ютятся
75	5	вопросы	допросы
81	13	только	столь
82	3	И инструкція на сеймики	Инструкція на сеймики
83	4	пішовъ	иішовъ
—	6	сеймикъ	сеймики
86	5	Хмельницкихъ	покорность Хмельницкихъ
90	2	отъ Малороссії	по Малороссії
91	18	люда	люди
93	28	шерней	шершней
96	39	Duma	Doma
97	8	миїнія	имїнія
—	32	п что	что
98	9	о о двуконь	о двуконь
100	32	Брацлавскому	Брацлавскому
102	6	представить	предоставить
—	40	Но	Только
113	38	разнаго	ратнаго
116	7	нагодни	негодни
119	32	у васъ	и у васъ
121	6	поражали они	царскіе послы поражали
122	8	побраталииши	побраталииши
125	34	Киїнскомъ	Киїнскомъ
126	32	единовѣрцами	съ единовѣрцами
127	35	они	аи
130	7	угадаивостью	угодаивостью
131	29	изображалъ	изображенъ
132	23	Бессарабы	Бессараба
137	6	накормить	накормить
138	15	новыїдовавъ	новыїдовавъ
139	35	изорвешъ	що рвеши
143	9	посольство	посольство
149	13	настству	настству
151	14	огню и мечу	огню, мечу и пажненію
152	21	чинить	чинить
—	37	отъ посольства	этого посольства
153	10	межъ	тежъ
155	24	extremiūm	extermiūm
161	17	паны	попы
162	14	съ тѣми	съ тѣми

163	38	единодушія	единодушіе
164	25	приласкали	не приласкали
171	30	кушонъки	кумонъки
172	39	иуля	свинцовая пушля
175	33	лукавымъ	коварно лукавымъ
—	34	дикимъ	бѣшено дикимъ
183	11	козаками	козацкими
188	22	въ памяти	памяти
190	35	скалу	Скалу
191	16	Стыриѣ	Стыриѣ
192	30	помогаль	поточашъ
193	11	мечтали	мечтами
—	—	не не было	но не были
204	11	начерала	черпала
207	8	въ городѣ	въ огородѣ
—	16	порядка	порядокъ
209	1	и передъ	а передъ
210	5	падъ	подъ
212	7	Ляхову	Лахву
—	37	именуемої	именуемый
213	25	нараменники	нараменники
214	15	остальному	остальному войскѣ
215	17	паны	поны
216	36	Притомъ же эта	Притомъ же
219	37	Сокаломъ	Сокалемъ
222	2	народной	передней
223	22	Корнициами	Корыницами
224	28	отправленный	отправленныхъ
226	14	войско	полки
230	12	Шаунготше	Шауготше
—	15	за его	за нею
233	28	панскій	ханский
235	24	Но	Только
242	19	затопистыхъ	затонистыхъ
245	31	Голты	Гонты
251	30	понамъ	но намъ
254	28	лободинцевъ	отъ лободинцевъ
256	8	пушки	шутки
—	27	гребни	гребли
257	39	его	ею
258	21	чатки	гатки
262	11	народа	парада
264	29	Кусевичай	Кунцевичай

266	32	выбирала	выдирава
268	29	подвергаетъ	подвергнетъ
274	33	экзампта	экземпта
276	9	подъ	надъ
—	13	получились	получались
290	35	болѣзни	боязни
292	35	короля	Кароля
298	6	скончался	онъ скончался
307	37	градскія	городскія
308	21	восхваляла	востхваляль
—	—	Поляки	Полякъ
316	6	становился	остановился
333	29	шляхетскіе	пильвецкіе
342	7	гоже	юже (уже)
347	14	помѣченный	намѣченный
350	21	гетманъ	гетманы
358	7	достили	достили опи
361	6	религіозною	національною
382	5	знать	гнать
383	23	королевскихъ	увѣривъ королевскихъ
394	10	пакеты	пакты
396	26	тайну	шайку
397	39	со совѣтомъ	съ совѣтомъ
398	29	справедливы	были справедливы
401	19	долженъ	долженъ быль
406	32	правахъ	нравахъ